У 244/100

ПЕТРОГРАДСКІЙ

МИРОВОЙ СУДЪ

ЗА

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

XVI 16427
ИМПЕРАТОРСКІЙ

V 244/100

801-14.
691

ПЕТРОГРАДСКІЙ

МИРОВОЙ СУДЪ

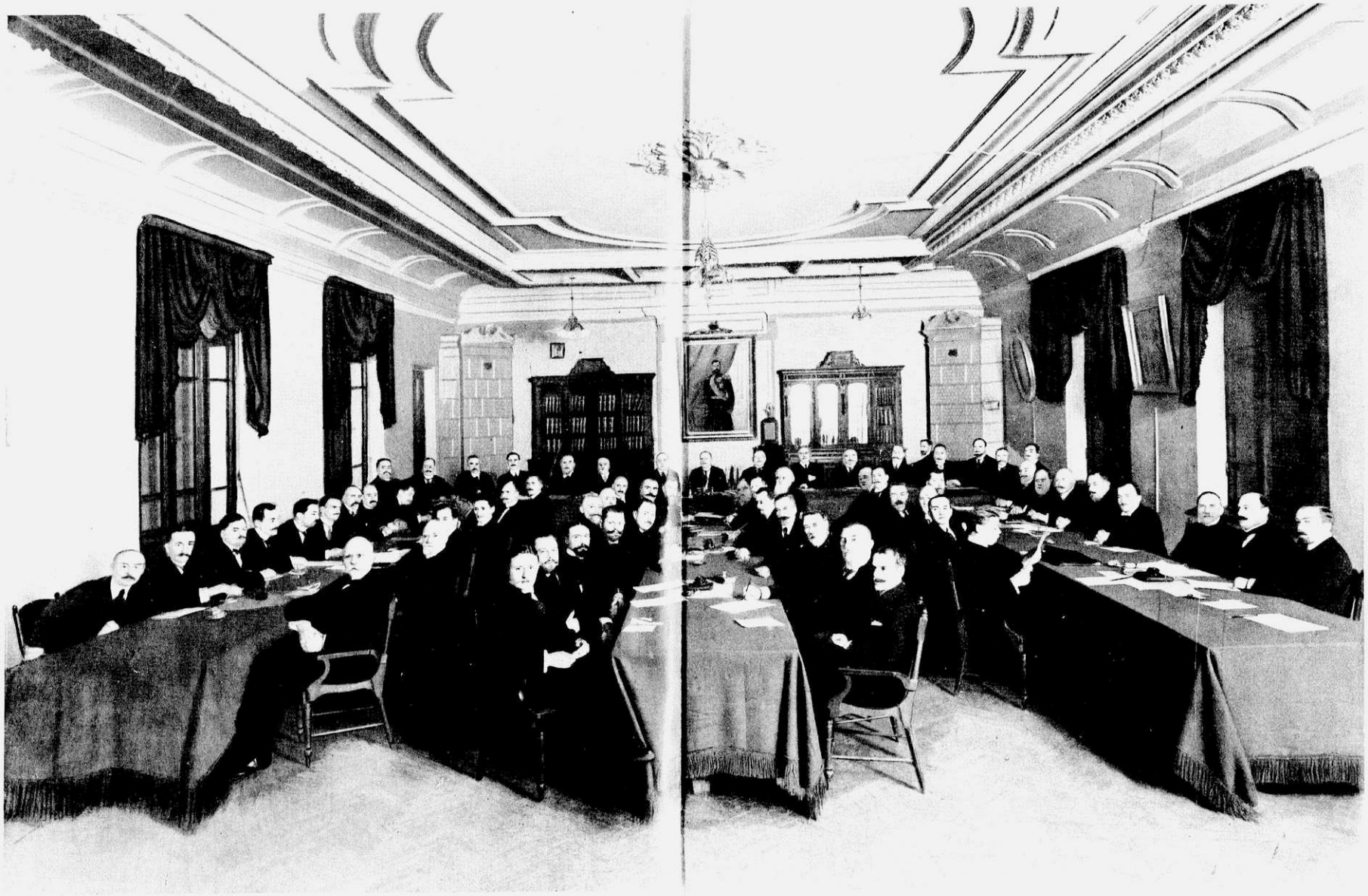
ЗА

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

1866 — 1916

Томъ второй

ПЕТРОГРАДЪ
1916



Распорядительное заседаніе Съѣзда въ 1916 г.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Судебные пристава.

Организація судебныхъ приставовъ.

Составители судебныхъ уставовъ, понимая всю важность успѣшнаго исполненія судебныхъ рѣшеній, придавали большое значеніе организаціи судебной полиціи въ лицѣ судебныхъ приставовъ. Вѣдь одно признаніе права судомъ не составляетъ еще правосудія, необходимо фактическое возстановленіе, осуществленіе признаннаго права, и потому, чѣмъ скорѣе это возстановленіе сдѣлано и чѣмъ правильнѣе при этомъ всѣ исполнительныя дѣйствія, тѣмъ точнѣе достигается цѣль судебнаго преобразованія. Начиная съ 1721 года неоднократно издавались указы, которыми вмѣнялось судамъ въ обязанность не только рѣшать дѣла на бумагѣ, но немедленно приводить рѣшенія въ исполненіе; тѣмъ не менѣе, такъ какъ эта обязанность возлагалась въ большинствѣ случаевъ на полицію, которая разсматривала ее, какъ второстепенную, то рѣшенія судебныхъ мѣстъ, даже правительствующаго сената, исполнялись цѣлые годы и даже десятки лѣтъ. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и растрачивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ получалъ удовлетвореніе.

Изъ нашихъ дореформенныхъ судебныхъ учрежденій только въ коммерческихъ судахъ существовали судебные пристава, и то въ очень небольшомъ числѣ.

Желая создать изъ представителей судебной исполнительной власти организованное сословіе, поставить ихъ на должную высоту, составители судебныхъ уставовъ выработали правила образованія совѣтовъ судебныхъ приставовъ и товариществъ ихъ съ круговой за нихъ порукой.

Какъ это видно изъ законодательныхъ соображеній, при учрежденіи этихъ новыхъ судебныхъ чиновъ предполагалось принять мѣры, которыя предупредили бы присвоеніе или растрату взыскиваемыхъ ими денегъ. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для этого считалось образованіе изъ судебныхъ приставовъ такихъ обществъ или артелей, члены которыхъ отвѣчали бы другъ за друга круговой порукой, но достигнуть этого въ самомъ началѣ учрежденія судебныхъ приставовъ было не только трудно, но даже невозможно, такъ какъ нельзя требовать круговой поруки другъ за друга отъ лицъ, совершенно незнакомыхъ между собой и принимаемыхъ на одну и ту же службу безъ взаимнаго ихъ между собой соглашенія.

Для того, чтобы придать должное значеніе исполнительнымъ органамъ судебной власти, судебными уставами установлена была обязательная присяга при вступленіи въ должность судебнаго пристава. Для покрытія возможныхъ при исполненіи должности убытковъ установленъ залогъ въ 600 руб.

Согласно ст. 61 у. с. у. вознагражденіе по таксѣ, опредѣляемой земскими собраніями или городскими думами, должно составлять общее достояніе всѣхъ судебныхъ приставовъ.

Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ и соединенное присутствіе I и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената [1]) неоднократно высказывали тотъ взглядъ, что, согласно закону о распредѣленіи взыскиваемаго судебными приставами по таксѣ

[1]) Рѣш. общ. собр. кассац. д-товъ прав. сената 1880 г. № 61, 1881 г. №№ 13 и 15, 1883 г. № 6 и соединен. присут. 18 декабря 1903 г.

вознагражденія по усмотрѣнію мировыхъ съѣздовъ, судебные пристава должны смотрѣть на получаемую ими часть вознагражденія, какъ на награду, размѣръ которой опредѣляется начальствомъ. Это правило имѣло цѣлью уравнять вознагражденіе, получаемое судебными приставами, такъ какъ иначе при неравномѣрности дѣлъ въ различныхъ мѣстахъ одни изъ нихъ имѣли бы огромное вознагражденіе, въ то время, какъ другіе почти ничего.

Первый предсѣдатель петроградскаго столичнаго мирового съѣзда О. И. Квистъ обыкновенно объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе о назначеніи имъ приставовъ, ихъ мѣстожительствѣ и обязанностяхъ. Такія публикаціи на первыхъ порахъ были необходимы въ виду полной неосвѣдомленности публики о порядкахъ въ новомъ судѣ, и въ наказѣ мирового съѣзда 1873 г. мы уже встрѣчаемъ постановленіе объ этомъ. Объявленіе о мѣстожительствѣ судебныхъ приставовъ было необходимо еще потому, что до 1881 г. пристава обязаны были жить въ раіонѣ своего участка и принимать по дѣламъ службы у себя на квартирѣ и не имѣли права отказать въ пріемѣ лицамъ, обратившимся къ нимъ и не въ установленные для пріема часы. Но затѣмъ, въ виду того, что частная квартира судебнаго пристава не производила впечатлѣнія присутственнаго мѣста, затрудняла контроль за дѣятельностью пристава и была неудобна и для взыскателя, такъ какъ, получивши исполнительный листъ, онъ долженъ былъ идти на квартиру пристава для предъявленія его, такой порядокъ въ 1881 г. былъ отмѣненъ и должностной пріемъ судебныхъ приставовъ установленъ въ камерахъ мировыхъ судей подлежащихъ участковъ [1]).

Вотъ одно изъ объявленій, помѣщенное въ № 224 газеты Голосъ за 1866 г.:

„Предсѣдатель санктпетербургскаго столичнаго мирового съѣзда доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія:

[1]) См. стр. 517 настоящей книги.

Первое, что для исполненія въ предѣлахъ столицы рѣшеній санктпетербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей и ихъ съѣзда и по другимъ исполнительнымъ дѣйствіямъ, по распоряженіямъ мирового съѣзда и его предсѣдателя, назначены имъ, предсѣдателемъ, на основаніи 60 и 62 ст. у. с. у., особые судебные пристава (слѣдуетъ перечисленіе).

Второе, означенные судебные пристава представили залоги, каждый по 600 руб., приведены къ присягѣ въ судебномъ засѣданіи столичнаго мирового съѣзда 8-го августа, получили свидѣтельства о допущеніи къ исправленію должности, должностные знаки и печати, и распредѣлены на постоянное пребываніе въ слѣдующихъ частяхъ столицы (перечисленіе).

Третье, что на основаніи 189 ст. у. у. с. и 158 ст. у. г. с. особые судебные пристава санктпетербургскаго столичнаго мирового съѣзда исполняютъ: рѣшенія и распоряженія мировыхъ судебныхъ установленій о денежныхъ взысканіяхъ, объ арестѣ, описи и продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, о понудительной передачѣ отсужденнаго имущества, о личномъ задержаніи должниковъ, опечатаніи и описи наслѣдственныхъ имуществъ и исполнительныя дѣйствія по вводу во владѣніе порядкомъ, указаннымъ въ ст. 924—1281, 1403, 1404 и 1411 у. г. с.“.

Въ №№ 333—1866 и 126—1867 г.г. той же газеты помѣщены объявленія о назначеніи новыхъ судебныхъ приставовъ.

19 марта 1866 г. общая городская дума опредѣлила штатъ судебныхъ приставовъ въ 30 человѣкъ, назначивъ имъ содержанія по 600 руб. каждому, примѣнительно къ жалованью, установленному для судебныхъ приставовъ общихъ судебныхъ мѣстъ; также и такса вознагражденія за исполнительныя дѣйствія была установлена та же, что и для приставовъ общихъ судебныхъ мѣстъ [1]). Высочайше утвержденнымъ 5 іюня 1867

[1]) Изв. Гор. Д. 1866 г., стр. 1228.

года мнѣніемъ государственнаго совѣта было опредѣлено установить для судебныхъ приставовъ мировыхъ съѣздовъ пониженную таксу. Изъ 30 судебныхъ приставовъ 2 должны были состоять при мировомъ съѣздѣ, а остальные 28 дѣлились на двѣ категоріи: 1) болѣе опытныхъ, занимающихся исключительно охранительными дѣлами и освобожденныхъ отъ другихъ обязанностей и 2) производившихъ взысканія, выселенія и прочія дѣйствія по исполненію рѣшеній и приговоровъ.

Въ 1866 г. былъ выработанъ проектъ (такъ и оставшійся проектомъ) положенія о кассѣ судебныхъ приставовъ столичнаго мирового съѣзда спеціально по охраненію наслѣдствъ. Эта касса представляла собою первую форму организаціи судебныхъ приставовъ и отчасти включала даже элементъ круговой поруки. Цѣлью ея было уравненіе средствъ приставовъ всего столичнаго мирового округа раздѣломъ между ними поровну суммъ, поступающихъ за охраненіе наслѣдствъ; для завѣдыванія этой кассой судебные пристава должны были изъ своей среды избрать трехъ кассировъ, которые подлежали за растрату или упущенія по храненію отвѣтственности совокупно всѣ за одного. Раздѣлъ долженъ былъ производиться разъ въ мѣсяцъ, причемъ судебному приставу, охранившему наслѣдство, выдавалось непосредственно 10% изъ представленной имъ суммы. Правила эти должны были вступить въ силу съ 1 января 1867 г. и дѣйствовать полгода, когда должны были быть пересмотрѣны и дополнены по указаніямъ опыта, и затѣмъ представлены на разсмотрѣніе съѣзда [1]).

Судебные пристава, считая назначенное имъ жалованье въ 600 руб. недостаточнымъ для жизни, черезъ три мѣсяца послѣ открытія мировыхъ учрежденій, обратились къ предсѣдателю съѣзда съ просьбой ходатайствовать передъ городской думой объ увеличеніи содержанія, указывая на то, что вознагражденіе по таксѣ дало

[1]) Голосъ 1866 г. № 224.

каждому приставу не болѣе 400 руб. [1]). Мировой съѣздъ вполнѣ согласился съ доводами судебныхъ приставовъ и въ своемъ ходатайствѣ передъ городской думой указалъ на трудность обязанностей судебнаго пристава, требующихъ большой осторожности, неустаннаго труда, а иногда даже личнаго самоотверженія, и что при такихъ условіяхъ справедливо было бы обезпечить имъ приличное существованіе.

Городская дума хотя и считала срокъ черезчуръ короткимъ для какихъ бы то ни было заключеній о суммѣ вознагражденія по таксѣ, разсчетъ же, представленный приставами о необходимой имъ для жизни суммѣ, нѣсколько преувеличеннымъ, постановила увеличить содержаніе пристава до 900 руб. въ годъ въ видѣ опыта на одинъ годъ „для того, чтобы отстранить отъ городского управленія даже тѣнь нареканія въ томъ, что оно тормозитъ дѣло мировой юстиціи". Въ 1868 г. ходатайство это было возобновлено и судебные пристава до мая 1870 г. получали жалованье въ размѣрѣ 900 руб. [2]).

Въ отчетѣ мирового съѣзда о трехлѣтней дѣятельности мировыхъ учрежденій, прочитанномъ въ думѣ 30 апрѣля 1869 г., съѣздъ сообщилъ, что судебные пристава охранили по 1869 г. различныхъ наслѣдствъ на сумму 25.000.000 руб.; цифра же денежныхъ суммъ, взысканныхъ судебными приставами по исполнительнымъ листамъ, не можетъ быть опредѣлена даже приблизительно. Въ виду недостатка данныхъ, съѣздъ затруднялся высказаться относительно желательнаго содержанія судебныхъ приставовъ, относительно же числа ихъ полагалъ, что его можно безъ ущерба для дѣла сократить до 25 при условіи постепеннаго уменьшенія [3]). Руководствуясь мнѣніемъ съѣзда, дума постановила опредѣлить число судебныхъ приставовъ въ 28 по 17 мая

[1]) Изв. Гор. Д. 1867 г., стр. 85.
[2]) Тамъ же, 1868 г., стр. 777.
[3]) Тамъ же, 1869 г., стр. 967.

1870 г., а съ этого времени въ 25 [1]). По вопросу же о вознагражденіи при преніяхъ, происходившихъ въ думѣ, гласный Лихачевъ указалъ на то, что 600 руб. получаютъ также и пристава окружнаго суда при гораздо большемъ количествѣ работы. Гласнымъ барономъ Фредериксомъ было выражено желаніе, чтобы судебные пристава получали опредѣленное жалованье, а не зависѣли бы отъ количества исполненнаго ими труда, такъ какъ при существующемъ порядкѣ они черезчуръ ревностно охраняютъ наслѣдства; съ этой цѣлью гласный предложилъ войти съ ходатайствомъ отъ имени городского общества объ отмѣнѣ положеннаго судебнымъ приставамъ вознагражденія по таксѣ съ тѣмъ, чтобы слѣдуемыя по таксѣ суммы поступали въ кассу города, а взамѣнъ сего судебнымъ приставамъ было бы назначено вознагражденіе до 2.200 руб. въ годъ [2]).

Въ засѣданіи 30 апрѣля 1869 г. было постановлено оставить первоначально назначенное содержаніе судебныхъ приставовъ по 600 руб. въ годъ впредь до утвержденія новой таксы, о составленіи которой просить мирозой съѣздъ [3]).

Въ наказѣ, утвержденномъ мировымъ съѣздомъ 27 іюля 1866 г., въ ст. 98 сказано было, что судебные пристава исполняютъ рѣшенія и приговоры мировыхъ судей и мирового съѣзда по назначенію предсѣдателя съѣзда, а распоряженія объ охраненіи имуществъ послѣ умершихъ—по назначенію того въ каждой мѣстности участковаго мирового судьи, которому дѣло о томъ подсудно. Этотъ порядокъ найденъ былъ впослѣдствіи неудобнымъ въ виду той медленности, съ которой сопряжено было исполненіе, и постановленіемъ распорядительнаго засѣданія 9 сентября 1868 г. былъ отмѣненъ, причемъ судебные пристава были распредѣлены по участкамъ; объ этомъ см. подробнѣе въ гл. 6-й настоя-

[1]) Изв. Гор. Д. стр. 1051.
[2]) Тамъ же, 1869 г., стр. 724 и 1297.
[3]) Тамъ же, 1869 г., стр. 1051.

щей книги; категорія же приставовъ, только охранявшихъ наслѣдства и не занимавшихся взысканіями, была сохранена до 1880 г., когда каждый приставъ былъ прикрѣпленъ къ своему участку, причемъ ему была поручена вся работа по исполненію какъ судебныхъ рѣшеній, такъ и опредѣленій объ охранѣ имуществъ.

Въ отчетахъ съѣзда за 1869—1872 [1]) и 1872—1875 гг. [2]) съѣздъ вполнѣ одобрительно отзывается о дѣятельности судебныхъ приставовъ, указываетъ на то, что они совершенно освоились съ возложенными на нихъ обязанностями, и что основательныхъ жалобъ на личныя дѣйствія ихъ почти не встрѣчается. Любопытны приводимыя въ этихъ отчетахъ статистическія данныя:

За 1869—1872 гг. охранено было по 14.612 исполнительнымъ листамъ наслѣдствъ на общую сумму 63.827.749 руб., въ томъ числѣ 23.000.000 руб. внесены были въ государственный банкъ.

За 1872—1875 гг. охранено было по 19.012 исполнительнымъ листамъ наслѣдствъ на сумму 45.341.185 руб. 45½ коп.

За 1869—1872 гг. исполнено было судебныхъ рѣшеній мировыхъ судей и съѣзда 56.192 на сумму 1.206.723 руб.

За 1872—1875 гг. исполнено рѣшеній по 45.235 исполнительнымъ листамъ на сумму 2.626.905 руб. 66 коп.

Въ то время, какъ сумма охраненнаго имущества уменьшилась, сумма взысканнаго имущества значительно повысилась.

Въ тѣхъ же отчетахъ 1869—1872 гг. указано, что по предложенію предсѣдателя съѣзда, въ видахъ облегченія тяжущихся изъ недостаточныхъ классовъ, судебные пристава обязались безвозмездно исполнять рѣшенія, по которымъ присужденная сумма не превышаетъ 5 руб., и что число такихъ рѣшеній чрезвычайно велико; упоминается также о выгодахъ, представляемыхъ проектомъ устава товарищества судебныхъ приставовъ

[1]) Изв. Гор. Д. 1872 г., стр. 606.
[2]) Тамъ же, 1876 г., стр. 1514.

съ круговой другъ за друга порукой въ виду увеличивающейся такимъ образомъ въ 25 разъ гарантіи, на случай причиненія судебными приставами при исполненіи служебныхъ обязанностей убытковъ [1]).

Но оба проекта безвозмезднаго исполненія при взысканіяхъ до 5 руб. и товарищества съ круговой другъ за друга порукой такъ и остались проектами.

Судебными приставами въ 1870 г. были представлены на утвержденіе съѣзда три проекта: проектъ правилъ объ уменьшеніи вознагражденія, касающійся освобожденія лицъ бѣдныхъ отъ взысканія таксоваго вознагражденія при стоимости ихъ имущества не болѣе 5 руб., проектъ устава совѣта и товарищества съ круговой порукой и записка по охранительному судопроизводству [2]). Что касается проекта уменьшенія вознагражденія по таксѣ, то онъ былъ составленъ чрезвычайно неудачно и на практикѣ оказался бы трудно примѣнимымъ, такъ какъ требовалось удостовѣряться въ несостоятельности лица, причемъ освобожденіе отъ уплаты по таксѣ возможно было для взыскателя только въ томъ случаѣ, если онъ не состоялъ на государственной службѣ и не получалъ ни откуда пособій. Съѣздъ постановилъ отклонить этотъ проектъ, находя, что долженъ быть выработанъ общій проектъ пониженной таксы согласно мнѣнію государственнаго совѣта, высочайше утвержденному 5 іюня 1867 г.; представленную же записку по охранительному судопроизводству, по безполезности и непримѣнимости на практикѣ изложенныхъ въ запискѣ предположеній, съѣздъ оставилъ безъ послѣдствій. Составленный судебными приставами проектъ учрежденія совѣта и товарищества съ круговой порукой, вполнѣ соотвѣтствовавшій законодательнымъ соображеніямъ, нѣсколько разъ представлялся съѣзду на разсмотрѣніе. Сохранилась записка почетнаго мирового судьи, предсѣдателя съѣзда Медвѣдева, написанная имъ 6 мая 1872 г.,

[1]) Изв. Гор. Д. 1872 г., стр. 620.
[2]) Дѣло съѣзда 1872 г., № 164.

гдѣ онъ указываетъ на то, что, какъ это видно изъ представленнаго проекта устава, судебные пристава желаютъ во всемъ сравняться съ судьями, но это невозможно, такъ какъ они не выборные отъ сословій, не представители судебной власти, а только ея исполнители. Онъ указываетъ въ своей запискѣ на необходимость образованія немедленно совѣта, который долженъ содѣйствовать тому, чтобы поднять судебныхъ приставовъ въ общественномъ мнѣніи и возбудить въ мировомъ съѣздѣ большее къ нимъ довѣріе. Въ проектированномъ судебными приставами уставѣ были нормированы составъ и порядокъ избранія членовъ совѣта, права, обязанности и отвѣтственность судебныхъ приставовъ, кругъ вѣдомства совѣта, порядокъ сношенія совѣта судебныхъ приставовъ съ разными мѣстами и лицами, устройство камеры совѣта, порядокъ засѣданій его, порядокъ дѣлопроизводства и т. д. Но центръ тяжести этого устава былъ въ части, касающейся учрежденія сберегательной кассы судебныхъ приставовъ, § I котораго гласилъ: „судебные пристава спб. столичнаго мирового округа, вступивъ въ круговое между собою ручательство, на случай убытковъ, могущихъ послѣдовать отъ неправильныхъ дѣйствій кого-либо изъ нихъ, отвѣчаютъ всѣмъ своимъ достояніемъ (331, 312 и 313 ст. у. с. у.), а для установленія болѣе прочной гарантіи учреждаютъ сберегательную кассу, цѣль которой состоитъ въ увеличеніи оборотами ея средствъ судебныхъ приставовъ".

Этимъ уставомъ были предусмотрѣны средства сберегательной кассы, операціи ея, порядокъ разрѣшенія ссудъ, управленіе кассой, охраненіе денежныхъ суммъ и порядокъ веденія книгъ и отчетности.

При разрѣшеніи этого вопроса мировой съѣздъ прежде всего натолкнулся на формальное затрудненіе— необходимость разрѣшить вопросъ объ устройствѣ сберегательной кассы законодательнымъ порядкомъ, и потому разсматривавшая этотъ проектъ комиссія съѣзда

въ засѣданіи 24 августа 1872 г., не желая отдалять разрѣшеніе вопроса о совѣтѣ судебныхъ приставовъ, постановила разрѣшить судебнымъ приставамъ избрать изъ среды своей совѣтъ, для котораго проектировать правила въ соотвѣтствіи съ статьями 333—343 у. с. у., а потому и неподлежащими утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, и представить таковыя на утвержденіе мирового съѣзда. И дѣйствительно, правила эти въ сильно сокращенномъ и измѣненномъ видѣ были утверждены съѣздомъ въ распорядительномъ засѣданіи 21 сентября 1872 г., причемъ старшиной совѣта былъ избранъ В. П. Власовъ, а членами Ф. И. Макаровъ, М. Н. Гурскій, Н. А. Александровъ и П. А. Теребеневъ [1]). Впослѣдствіи старшинами были избираемы: Н. А. Александровъ, Н. П. Араповъ, М. И. Острогорскій, а съ 1909 г. В. А. Сильницкій, который состоитъ старшиной и въ настоящее время. Въ 1905 г. совѣтомъ былъ возбужденъ вопросъ объ увеличеніи числа его членовъ, и мировой съѣздъ, принимая во вниманіе, что съ 1872 г. число судебныхъ приставовъ увеличилось до 40, постановилъ измѣнить ст. 274 особаго наказа въ томъ смыслѣ, что въ совѣтъ входятъ шесть членовъ [2]).

Къ вѣдомству совѣта судебныхъ приставовъ, согласно ст. 340 у. с. у., относятся: 1) наблюденіе за дѣйствіями судебныхъ приставовъ, 2) разрѣшеніе возникающихъ между судебными приставами жалобъ и споровъ, 3) разсмотрѣніе обращаемыхъ къ совѣту жалобъ частныхъ лицъ на дѣйствія судебныхъ приставовъ, 4) распредѣленіе между судебными приставами слѣдуемаго имъ вознагражденія и 5) наложеніе на судебныхъ приставовъ легкихъ дисциплинарныхъ взысканій и, въ случаѣ ихъ неисправимости или большей вины, представленіе о преданіи ихъ болѣе строгой отвѣтственности; на практикѣ совѣтъ, сверхъ того, разрѣшаетъ юридическіе вопросы, возникающіе при исполненіи. Затѣмъ съ 1885 г., когда

[1]) Дѣло съѣзда 1873 г., № 95.
[2]) Отчетъ съѣзда 1905 г., стр. 80

были установлены экзамены на занятіе должности судебнаго пристава, совѣтъ производилъ эти экзамены, но впослѣдствіи была избрана съѣздомъ особая экзаменаціонная комиссія изъ трехъ судей и двухъ приставовъ [1]). На должность судебнаго пристава опредѣляются преимущественно лица, служащія въ мировыхъ учрежденіяхъ: секретари съѣзда, ихъ помощники и письмоводители мировыхъ судей. Возникающіе въ практикѣ судебныхъ приставовъ юридическіе вопросы обсуждаются совѣтомъ или по собственному почину, или по иниціативѣ отдѣльныхъ судебныхъ приставовъ, и составленныя совѣтомъ заключенія представляются на утвержденіе предсѣдателя съѣзда. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ болѣе сложные, передавались предсѣдателемъ на разсмотрѣніе съѣзда, и доклады по нимъ разсматривались юридической комиссіей; таковы, напр.: о порядкѣ продажи заложеннаго имущества, находящагося у третьихъ лицъ, о порядкѣ примѣненія 969, 970 и 971 ст. у. г. с., о порядкѣ понудительнаго выселенія, наложенія ареста на имущество должниковъ, находящееся въ правительственныхъ учрежденіяхъ и у третьихъ лицъ, о повѣркѣ арестованнаго имущества, о порядкѣ обращенія взысканій на движимыя имущества должниковъ, находящіяся въ завѣдываніи опекуновъ, о порядкѣ производства дѣлъ по вводамъ во владѣніе недвижимыми имѣніями, по вопросамъ, возникшимъ при исполненіи рѣшеній, постановленныхъ въ порядкѣ понудительнаго исполненія, и многіе другіе.

Засѣданія совѣта происходятъ обычно разъ въ недѣлю, а въ экстренныхъ случаяхъ и нѣсколько разъ.

Постановленія совѣта о произведенномъ раздѣлѣ таксоваго сбора представляются на утвержденіе мирового съѣзда, а постановленія совѣта по прочимъ вопросамъ—на утвержденіе предсѣдателя съѣзда.

На основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта о необходимости понизить таксу вознагражденія, новая такса была выработана и утверждена съѣздомъ въ распорядительномъ засѣданіи 2 ноября 1872 г. Предсѣдатель мирового съѣзда препроводилъ ее городскому головѣ съ ходатайствомъ о прибавкѣ судебнымъ приставамъ жалованья въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ въ виду уменьшенія вознагражденія по таксѣ, но ходатайство это удовлетворено не было [1]). Проектъ таксы, однако, не былъ разсмотрѣнъ городскою думою, и въ 1877 г. мировой съѣздъ, нѣсколько измѣнивъ его, вернулъ проектъ въ городскую управу. Уменьшеніе же размѣра таксы и удешевленіе гражданскаго процесса стало еще болѣе настоятельнымъ въ виду отмѣны ст. 200 у. г. с., по которой веденіе дѣлъ въ мировомъ судѣ освобождалось отъ всякихъ пошлинъ. И только въ засѣданіи 16 марта 1883 г. вопросъ о таксѣ для судебныхъ приставовъ былъ разрѣшенъ [2]). Городская дума постановила: 1) освободить отъ платежа по таксѣ иски до 10 руб., 2) ввести проектируемую пониженную таксу въ видѣ опыта по 1 января 1886 г., 3) опредѣлить годовое содержаніе судебнаго пристава въ 2.200 руб. и открыть изъ городской казны мировому съѣзду кредитъ въ суммѣ 25.500 руб. для выдачи судебнымъ приставамъ, въ дополненіе къ имѣющему поступать вознагражденію, добавочнаго содержанія въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма не превышала 183 руб. 33½ коп. въ мѣсяцъ, если же на судебнаго пристава придется изъ вознагражденія по таксѣ болѣе 1.200 руб., то соразмѣрный остатокъ отъ 1.000 руб. долженъ быть возвращенъ въ казну. Кромѣ того была назначена особая сумма въ 500 руб. на содержаніе совѣта судебныхъ приставовъ.

Въ засѣданіи 16 мая 1884 г. городская дума въ виду выяснившагося размѣра вознагражденія, получаемаго судебными приставами по новой пониженной таксѣ, и излишней сложности порядка, установленнаго 16 марта

[1]) Объ этомъ см. подробнѣе на стр. 552 настоящей книги.

[1]) Изв. Гор. Д. 1873 г., стр. 67.

[2]) Тамъ же, 1883 г., № 18, стр. 1059.

1883 г., постановила: назначить судебнымъ приставамъ съ 1 іюня 1884 г. по 1 января 1886 г. жалованья 720 р., предоставивъ имъ все имѣющее быть вырученнымъ по таксѣ и отнеся на эту сумму и содержаніе совѣта судебныхъ приставовъ [1]). 20 мая 1887 г. въ виду незначительности вознагражденія, получаемаго судебными приставами при взысканіи до 30 руб. и охраненіи до 100 руб. и обременительности этого сбора для населенія, дума постановила отмѣнить оплату по таксѣ исполнительныхъ дѣйствій по охраненію имущества до 100 руб., а по взысканію до 30 руб., сохранивъ то же жалованье [2]). Въ 1893 г. жалованье судебныхъ приставовъ оставалось безъ измѣненія; но въ виду увеличенія числа мировыхъ участковъ до 30 былъ возбужденъ вопросъ и объ увеличеніи числа судебныхъ приставовъ, иначе 6 изъ нихъ должны были бы завѣдывать 12 участками, что̀ значительно замедлило бы исполненіе. Городская дума въ засѣданіи 27 октября 1893 г. постановила увеличить число судебныхъ приставовъ до 31, причемъ 1 предназначался для постоянныхъ дежурствъ при съѣздѣ [3]).

Въ томъ же засѣданіи 27 октября 1893 г., убѣдившись изъ отчетовъ, что за годы 1887 — 1892 каждый приставъ получалъ не менѣе 2.520 р. въ годъ за вычетомъ расходовъ по должности, городская дума постановила вернуться къ первоначальному жалованью въ 600 руб. [4]).

Въ 1895 г., по ходатайству судебныхъ приставовъ, возникъ вопросъ о распространеніи на нихъ устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, такъ какъ въ вѣдомости, составленной городской управой еще въ 1885 г., относительно лицъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе устава о пенсіяхъ и пособіяхъ, включены были и судебные пристава, но по ходатайству мирового съѣзда распространеніе дѣйствія устава на нихъ было пріостановлено. Въ засѣданіи 14 февраля 1896 г. городская дума постановила распространить на судебныхъ приставовъ дѣйствіе устава о пенсіяхъ и пособіяхъ съ тѣмъ, чтобы срокомъ начала выслуги считать время опредѣленія, вычеты же начать производить съ 1 января 1896 г. [1]), а въ 1899 г. городскою думою было установлено, что разсчетъ пенсіи судебнаго пристава долженъ быть произведенъ съ суммы въ 1.200 руб., какъ и для думскихъ врачей, также получающихъ опредѣленный окладъ содержанія и вознагражденіе по особой таксѣ [2]).

Все растущее количество дѣлъ требовало увеличенія числа мировыхъ участковъ, а, слѣдовательно, и числа исполнителей судебныхъ рѣшеній — судебныхъ приставовъ. Въ 1898 г. съѣздъ, въ виду постановленія объ увеличеніи числа мировыхъ участковъ до 35, ходатайствовалъ объ увеличеніи числа судебныхъ приставовъ, но въ засѣданіи 13 января 1899 г. ходатайство это было городскою думою отклонено [3]). Оно было вскорѣ же возобновлено, и въ засѣданіи 17 декабря 1899 г. [4]) городская дума постановила учредить съ 15 марта 1900 г. еще четыре новыхъ должности судебныхъ приставовъ. Такса вознагражденія судебныхъ приставовъ также была нѣсколько измѣнена.

5 ноября 1899 г. совѣтъ судебныхъ приставовъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ безплатныхъ исполненій по искамъ до 30 руб., при выселеніяхъ, отобраніи паспортовъ. Мировой съѣздъ высказался за сохраненіе начала безплатности по охранамъ до 100 р., для безплатнаго же исполненія по искамъ до 30 руб. не находилъ достаточныхъ основаній. Городская дума въ 1900 г. согласилась съ этимъ взглядомъ и сдѣлала соотвѣтствующее постановленіе [5]).

[1]) Изв. Гор. Д. 1884 г., № 22, стр. 805.
[2]) Тамъ же, 1887 г., № 72, стр. 808.
[3]) Тамъ же, 1893 г., № 37, стр. 816.
[4]) Тамъ же, 1893 г., № 37, стр. 816.

[1]) Изв. Гор. Д. 1895 г., № 5, стр. 10.
[2]) Тамъ же, 1899 г., № 42, стр. 2024.
[3]) Тамъ же, 1899 г., № 9, стр. 260.
[4]) Тамъ же, 1900 г., № 42, стр. 2088.
[5]) Тамъ же, 1900 г., № 45, стр. 2429.

Въ 1901 г. снова сталъ на очередь вопросъ объ увеличеніи штата судебныхъ приставовъ въ виду образованія 42 мировыхъ участковъ, и совѣтъ судебныхъ приставовъ ходатайствовалъ о назначеніи новыхъ 3 приставовъ. Въ 1902 г. штатъ былъ увеличенъ до 38 судебныхъ приставовъ. Однако уже въ 1903 г. въ виду частыхъ жалобъ на медленность въ производствѣ судебныхъ приставовъ, причемъ, по внимательномъ разсмотрѣніи этихъ жалобъ, можно было убѣдиться, что вина лежитъ не на судебныхъ приставахъ, такъ какъ они были переобременены работой, съѣздъ снова ходатайствовалъ объ увеличеніи числа судебныхъ приставовъ на 2, высказывая, однако, желаніе, чтобы при каждомъ участкѣ былъ отдѣльный судебный приставъ. Городская дума удовлетворила это ходатайство. Въ 1905 г. стало ясно, что такими полумѣрами нельзя достигнуть необходимой быстроты въ исполненіяхъ, и въ виду открытія новыхъ 10 камеръ и желанія разрѣшить въ благопріятномъ смыслѣ вопросъ о существованіи при каждой камерѣ отдѣльнаго судебнаго пристава, съѣздъ постановилъ, несмотря на значительный расходъ, связанный съ этимъ, ходатайствовать о назначеніи новыхъ 12 судебныхъ приставовъ. Въ засѣданіи 9 октября 1906 г. вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ городскою думою, причемъ, въ виду указаній съѣзда на то, что для успѣшности дѣла на каждаго судебнаго пристава должно приходиться не болѣе 1.200 дѣлъ въ годъ, дума затребовала статистическія данныя, которыя и были представлены; однако только въ засѣданіи 7 марта 1908 г. дума постановила увеличить штатъ судебныхъ приставовъ на 6 [1]).

Всѣ судебные пристава должны были по очереди дежурить въ засѣданіяхъ съѣзда. Этой обязанностью они очень тяготились, такъ какъ это тормозило ихъ текущую работу, часто экстренную. Въ виду этого, въ 1906 г.

[1]) Изв. Гор. Д. 1908 г., № 16, стр. 569.

совѣтъ судебныхъ приставовъ обратился къ предсѣдателю мирового съѣзда съ просьбой освободить ихъ отъ этихъ дежурствъ и разрѣшить имъ вносить ежемѣсячно отъ 120 до 160 руб. для оплаты кого-либо изъ служащихъ съѣзда за исполненіе этой обязанности. Предсѣдатель съѣзда удовлетворилъ это ходатайство, и до настоящаго времени эту обязанность выполняютъ лица, не принадлежащія къ штату судебныхъ приставовъ.

Въ 1911 г. состоялось послѣднее увеличеніе числа судебныхъ приставовъ. Еще въ 1910 г. было постановлено открыть новыхъ 8 мировыхъ участковъ, т.-е. увеличить число мировыхъ судей до 60, что, понятно, имѣло послѣдствіемъ возрастаніе количества дѣлъ у судебныхъ приставовъ; такъ, изъ отчетовъ видно, что въ 1908 г. у судебныхъ приставовъ было въ производствѣ 98.444 дѣла, въ 1909 г.—99.306, а въ 1910 г. уже 101.599, такъ что на каждаго пристава въ среднемъ приходилось 1.950 дѣлъ, въ то время какъ установленное въ послѣдніе годы нормальное количество дѣлъ не должно превышать 1.700—1.800. Въ 1910 г. было 7 двойныхъ участковъ (т.-е. такихъ, гдѣ одинъ приставъ состоялъ при двухъ мировыхъ участкахъ), въ которыхъ на каждаго пристава приходилось 3.900 дѣлъ, а въ 1911 г. уже должно было бы быть такихъ 14 участковъ. Полагая, что такой непосильный трудъ лишилъ бы возможности быстро приводить въ исполненіе рѣшенія, что имѣло бы послѣдствіемъ многочисленныя жалобы, совѣтъ судебныхъ приставовъ обратился къ предсѣдателю съѣзда съ просьбой ходатайствовать передъ городской думой объ увеличеніи числа судебныхъ приставовъ до 52. Въ засѣданіи 7 февраля 1911 г. съѣздъ постановилъ возбудить такое ходатайство, а въ засѣданіи городской думы 20 октября 1911 г. ходатайство это было удовлетворено [1]). Количество мировыхъ участковъ, какъ и количество судебныхъ приставовъ осталось неизмѣннымъ до настоящаго времени.

[1]) Изв. Гор. Д. 1911 г., № 41, стр. 415.

Надзоръ за судебными приставами.

За первые годы послѣ открытія мировыхъ судебныхъ установленій почти не сохранилось жалобъ на дѣйствія судебныхъ приставовъ. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что жалобы заявлялись словесно и въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ публика совершенно не знала, въ чемъ состоятъ обязанности судебнаго пристава. Неясное представленіе объ этихъ обязанностяхъ наблюдалось не только со стороны частныхъ лицъ, но и со стороны совѣта судебныхъ приставовъ, который, не зная точно круга своихъ полномочій, въ засѣданіи 16 января 1873 г. по жалобѣ взыскательницы, обсуждалъ вопросъ о дѣйствіяхъ судебнаго пристава Ефимова при описи имущества и призналъ ихъ неправильными. Въ засѣданіи 1 февраля 1873 г. мировой съѣздъ разъяснилъ, что это выходитъ изъ компетенціи совѣта, опредѣливъ „отмѣнить опредѣленіе совѣта, такъ какъ предметъ жалобъ о способахъ исполненія судебнаго рѣшенія не подлежитъ къ вѣдомству совѣта“ [1]).

Возбуждавшіяся противъ судебныхъ приставовъ, вслѣдствіе жалобъ частныхъ лицъ, дѣла отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, вслѣдствіе чего ихъ трудно подвести подъ какія-либо категоріи. Мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ такихъ дѣлъ, представляющія извѣстный интересъ въ смыслѣ выясненія рода и характера проступковъ судебныхъ приставовъ и осуществленія надзора за ними со стороны мирового съѣзда и предсѣдателя съѣзда.

Въ 1866 г. возникло дѣло по жалобѣ французскаго консула на судебнаго пристава по поводу производства охраны имущества послѣ умершаго французскаго подданнаго [2]); консулъ Бургграфъ жаловался на судебнаго пристава Ф., причемъ жалоба эта была поддержана фран-

[1]) Дѣло съѣзда 1873 г. № 26.
[2]) Дѣло съѣзда 1866 г. № 144.

цузскимъ посольствомъ, за то, что приставъ запретилъ назначенному консуломъ согласно трактату 1857 г. для завѣдыванія магазиномъ умершаго Гаварду производить продажу и выдѣлку перчатокъ и кожи, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ по закону. Когда приставъ потребовалъ отъ консула таксоваго вознагражденія, ему было предложено представить счетъ съ изложеніемъ основаній, причемъ консулъ обѣщалъ уплатить, „если то окажется нужнымъ“. Судебный приставъ Ф. въ присутствіи консула потребовалъ уплаты вознагражденія изъ выручки отъ ежедневной продажи, подлежавшей передачѣ въ кассу консульства, и грозилъ въ противномъ случаѣ не выдать наслѣдства изъ кассы, а на протестъ консула, заявившаго, что деньги будутъ взяты не иначе, какъ силой, судебный приставъ призвалъ городового; консулъ заявилъ городовому о своемъ званіи, приставъ прочелъ статью закона о повиновеніи чиновъ полиціи приставу, а затѣмъ бросился на вошедшаго Говарда, желавшаго передать деньги консулу, съ цѣлью вырвать у него эти деньги. Консулъ заявилъ, что онъ отправится къ мировому судьѣ, но приставъ запретилъ ему выйти изъ магазина до составленія протокола. Консулъ, однако, ушелъ; по уходѣ его приставъ окончилъ опись и потребовалъ отъ депутата консульства вознагражденія по таксѣ, которое и было ему выдано. По жалобѣ консула, приставъ объяснилъ, что трактатъ, на который ссылался консулъ, заключенъ въ 1857 г. на шесть лѣтъ и, слѣдовательно, утратилъ силу; что о вмѣшательствѣ консула и оказанномъ имъ противодѣйствіи онъ составилъ протоколъ, консула не задерживалъ, а лишь просилъ его остаться въ магазинѣ для подписи протокола, отъ чего, однако, консулъ отказался и удалился; таксовое вознагражденіе взыскалъ согласно ст. 958 у. г. с., представивъ разсчетъ.

Когда нота французскаго посольства поступила къ предсѣдателю съѣзда, Ф. оказался уже уволеннымъ отъ должности судебнаго пристава и собраніе свѣдѣній по

дѣлу поручено было судебному приставу Булашевичу; изъ представленныхъ свѣдѣній видно, что судебный приставъ не совершилъ ничего противозаконнаго, такъ какъ, сдѣлавши опись всему имуществу, онъ удержалъ изъ него вознагражденіе по таксѣ въ слѣдуемомъ размѣрѣ. Въ январѣ 1867 г. министерство юстиціи запросило—чѣмъ окончилось дѣло. Въ дѣлѣ имѣется черновикъ сообщенія въ департаментъ министерства юстиціи незаконченный, исправленный рукою предсѣдателя мирового съѣзда Квиста. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „если Ф., быть можетъ, не исполнилъ возложеннаго на него порученія съ достоинствомъ, приличнымъ должности судебнаго пристава, то и консулъ Бургграфъ дозволилъ себѣ неумѣстное вмѣшательство въ дѣло, имъ же самимъ порученное своему депутату, и призналъ въ себѣ власть, неподчиняемую никакимъ законамъ Россійской имперіи, отчего и возникло у него столкновеніе съ судебнымъ приставомъ Ф., исполнявшимъ служебныя обязанности и защищавшимъ права, возложенныя на него закономъ".

Жалобы представителей иностранныхъ державъ на неисполненіе судебными приставами правилъ конвенціи по охраненію имущества иностранныхъ подданныхъ поступали часто. Такъ, напримѣръ, въ 1871 г. консулъ сѣверо-германскаго союза подалъ жалобу предсѣдателю мирового съѣзда на то, что судебный приставъ не извѣстилъ его о смерти и охраненіи имущества умершаго германскаго подданнаго Гуса [1]). Судебный приставъ объяснилъ, что онъ не сообщалъ консулу въ виду того, что имущества не оказалось. Предсѣдатель съѣзда увѣдомилъ консула, что обязанность извѣщенія лежитъ на полиціи и что тѣмъ не менѣе имъ предписано также и судебнымъ приставамъ извѣщать консуловъ по поступленіи исполнительнаго листа отъ мировыхъ судей еще до производства охраны. Предсѣдателемъ было разо-

[1]) Журн. распор. засѣд. 1871 г.

слано циркулярное предписаніе объ этомъ судебнымъ приставамъ, однако, въ 1876 г. департаментъ министерства юстиціи довелъ до свѣдѣнія предсѣдателя съѣзда, что судебный приставъ не исполнилъ правилъ конвенціи, такъ какъ не увѣдомилъ консула объ охранѣ имущества умершаго итальянскаго подданнаго Гатти. Судебный приставъ объяснилъ это упущеніе также отсутствіемъ имущества. Предсѣдатель сдѣлалъ ему выговоръ [1]).

Первая растрата была обнаружена въ 1869 г.; сначала противъ судебнаго пристава было возбуждено дисциплинарное производство, но по выясненіи дѣла оно было прекращено и дѣло о немъ направлено было въ уголовномъ порядкѣ въ судебную палату по признакамъ 354 ст. улож. наказ. Исходъ дѣла неизвѣстенъ.

Въ 1873 г. обнаружены были серьезныя злоупотребленія по службѣ у другого судебнаго пристава. При ревизіи его книгъ, которая была поручена двумъ судебнымъ приставамъ Власову и Гурскому, оказалось, что дѣлопроизводство велось имъ небрежно, такъ, напримѣръ, входящія велись безъ отмѣтокъ объ исполненіи. Приставъ былъ уволенъ. Затѣмъ черниговская палата уголовнаго и гражданскаго суда довела до свѣдѣнія предсѣдателя съѣзда, что названный судебный приставъ не вручилъ взыскателю присланные ею 78 купоновъ государственнаго казначейства на сумму 168 р. 40 к.; по этому сообщенію мировымъ съѣздомъ производилось разслѣдованіе, но до окончанія его приставъ умеръ и надъ имуществомъ его былъ назначенъ опекунъ. По тщательной ревизіи и провѣркѣ всѣхъ оставшихся послѣ смерти пристава книгъ, претензія о возвратѣ 168 р. 40 к. была признана незаслуживающей удовлетворенія, и обнаружено было, что онъ растратилъ лишь мелкія суммы, вносимыя должниками въ пользу взыскателей, а также гербовыя пошлины, которыя первые годы вносились судебнымъ приставамъ и должны были ими переда-

[1]) Дѣло съѣзда 1876 г. № 2.

ваться мировымъ судьямъ. Въ общемъ растрата выразилась въ суммѣ 147 р. 95 к. Въ засѣданіи 12 сентября 1874 г. мировой съѣздъ постановилъ удержать недочетъ изъ залога и сдѣлать публикацію въ газетѣ съ назначеніемъ 6-тимѣсячнаго срока для предъявленія претензій, а по истеченіи этого срока оставшуюся сумму, если таковая будетъ, выдать опекуну надъ имуществомъ умершаго судебнаго пристава. По выясненіи причиненныхъ убытковъ, соотвѣтствующая сумма была выдана истцамъ, гербовыя пошлины были разосланы мировымъ судьямъ, а остальная сумма вручена опекуну [1]).

Въ 1873 г. мировой судья 9 уч. сообщилъ, что судебный приставъ по его участку произвелъ продажу безъ предварительной публикаціи. Предсѣдателемъ съѣзда было объявлено судебному приставу замѣчаніе [2]).

Въ 1874 г. прокуроръ окружнаго суда усмотрѣлъ въ дѣяніяхъ судебнаго пристава признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ 331, 341 и 343 ст.ст. улож. наказ., и сообщилъ объ этомъ на распоряженіе предсѣдателя съѣзда. Дѣло заключалось въ томъ, что судебный приставъ при охранѣ имущества умершаго Кассель не включилъ въ опись часть имущества покойнаго вслѣдствіе заявленія третьяго лица о принадлежности ему нѣкоторыхъ вещей, и вещи эти были вывезены, а часть охраненнаго имущества при передачѣ опекуну оказалась подмѣненной, на что̀ приставъ не обратилъ вниманія. Предсѣдатель съѣзда увѣдомилъ прокурора, что подобные случаи не единичны, вслѣдствіе чего будутъ установлены для руководства судебнымъ приставамъ общія правила для тѣхъ случаевъ, когда хозяева квартиръ или другія лица заявляютъ приставу, что у покойнаго имущества не было или что оставшееся имущество принадлежитъ другому лицу, а въ виду неопредѣленности практики по этому вопросу и восьмилѣтней безукоризненной службы пристава, ограничился объ-

[1]) Дѣло съѣзда 1873 г. № 143.
[2]) Дѣло съѣзда 1873 г. № 12?.

явленіемъ ему строгаго выговора съ предупрежденіемъ, что на будущее время за подобное нарушеніе закона онъ будетъ подвергнутъ уголовной отвѣтственности [1]).

Въ 1876 г. поступали частыя жалобы на одного изъ судебныхъ приставовъ за невыдачу имъ полученныхъ для истцовъ денегъ. Судебный приставъ былъ уволенъ отъ должности, и совѣту судебныхъ приставовъ поручено было произвести тщательную ревизію; послѣднею установлена была растрата въ суммѣ приблизительно 600 руб., которая и была покрыта частью изъ залога, а частью изъ суммъ, представленныхъ обвиняемымъ, а также совѣтомъ судебныхъ приставовъ [2]).

Въ 1876 г. возникло еще одно дисциплинарное дѣло, исходъ котораго неизвѣстенъ; оно было отложено до окончанія возбужденнаго противъ жалобщика уголовнаго преслѣдованія. Дѣло это возникло по жалобѣ настоятеля единовѣрческой церкви на то, что судебный приставъ, охранявшій имущество послѣ умершей Замяткиной, наложилъ арестъ на 4.300 руб., внесенные священникомъ въ государственный банкъ, какъ принадлежащіе церкви. Въ подробномъ рапортѣ на жалобу судебный приставъ выяснилъ, что деньги даны были священнику не наслѣдодательницей, какъ онъ это утверждалъ, а наслѣдницей, которую священникъ уговорилъ скрыть ихъ отъ описи, заявивъ, будто бы деньги эти были пожертвованы на церковь [3]).

Изъ дѣлъ 1877 г. обращаетъ на себя вниманіе дѣло по обвиненію судебнаго пристава въ томъ, что онъ, произведя охрану имущества умершаго, не сдалъ на храненіе въ установленномъ порядкѣ, а оставилъ у себя % бумаги на 1.250 руб., наличныя деньги въ суммѣ 836 руб. и вексель на 75 р., а затѣмъ, когда охрана, по распоряженію мирового судьи, была снята и имущество подлежало передачѣ наслѣдницѣ, не сдалъ

[1]) Дѣло съѣзда 1874 г. № 37.
[2]) Дѣло съѣзда 1876 г. № 8.
[3]) Дѣло съѣзда 1876 г. № 1.

ей упомянутыхъ цѣнностей, заставивъ ее, малограмотную, расписаться въ ихъ полученіи. Въ объясненіи судебный приставъ, называя обвиненіе недобросовѣстнымъ, опровергаетъ доводы жалобщицы и говоритъ, что „истина сама пробивается сквозь развѣшенную обвиненіемъ паутину". Мировой съѣздъ въ распорядительномъ засѣданіи 18 января 1879 г. призналъ, что судебный приставъ нарушилъ ст. ст. 155 и 164 наказа тѣмъ, что оставилъ у себя, а не положилъ въ запертое помѣщеніе въ квартирѣ, гдѣ была произведена охрана, сумму, превышавшую 600 руб., а также не внесъ деньги и бумаги въ книгу прихода въ день полученія; и затѣмъ, усмотрѣвъ основаніе для обвиненія пристава въ томъ, что, взявъ съ наслѣдницы расписку въ полученіи имущества, не выдалъ ей цѣнностей, возбудилъ дѣло о привлеченіи пристава къ уголовной отвѣтственности по ст. ст. 354 и 356 улож. наказ. [1]).

Въ 1878 г. возникло дѣло по обвиненію судебнаго пристава въ томъ, что, при производствѣ торговъ, онъ выдалъ вещи покупщику, не получивъ отъ него сполна всей условленной платы, чѣмъ нарушилъ ст. 1058 у. г. с., а представленныя остальными покупщиками деньги отдалъ одному изъ взыскателей вмѣсто представленія ихъ мировому судьѣ для распредѣленія, въ явное нарушеніе ст. 956 у. г. с. Съѣздъ призналъ такія дѣйствія судебнаго пристава безъ вѣдома мирового судьи, безъ донесенія ему и безъ его участія, неправильными и постановилъ отмѣнить распоряженія судебнаго пристава со всѣми послѣдствіями, а о дѣйствіяхъ его передать на разсмотрѣніе предсѣдателя съѣзда. Предсѣдатель ограничился увольненіемъ судебнаго пристава, считая излишнимъ преданіе его суду [2]).

Въ 1880 г. замѣчены были непорядки въ дѣлопроизводствѣ судебнаго пристава. Совѣту судебныхъ приставовъ было поручено произвести ревизію, которою обна-

[1]) Дѣло съѣзда 1877 г. № 41.
[2]) Дѣло съѣзда 1878 г. № 73.

ружено было, что во входящій журналъ не были внесены исполнительные листы на сумму, превышающую 500 руб. Съѣздъ возбудилъ противъ судебнаго пристава дисциплинарное преслѣдованіе; недостающая сумма была пополнена приставомъ, онъ былъ уволенъ отъ должности и, кромѣ того, въ засѣданіи 8 января 1881 г. было постановлено объявить ему строгій выговоръ [1]).

Въ 1881 г., по жалобѣ должницы, было возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе противъ одного судебнаго пристава. Обстоятельства дѣла были слѣдующія: при наложеніи ареста на имущество судебный приставъ предложилъ должницѣ деньги для уплаты долга при условіи выдачи заемнаго письма съ закладомъ движимости и векселя; кромѣ того приставъ согласился взять на себя веденіе наслѣдственнаго дѣла должницы за извѣстное вознагражденіе, обусловивъ отобраніе довѣренности неустойкой въ 500 руб. Въ своемъ рапортѣ судебный приставъ объяснялъ свой поступокъ желаніемъ помочь должницѣ, съ которой онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, причемъ онъ былъ только посредникомъ, такъ какъ деньги были даны однимъ знакомымъ должницы, которому неудобно было предложить ихъ ей лично; что касается вопроса о довѣренности, то неустойка имѣла единственной цѣлью побудить должницу не мѣнять болѣе повѣренныхъ, какъ она это постоянно дѣлала, и скорѣе довести до конца дѣло. Въ распорядительномъ засѣданіи 4 іюня 1881 г. мировой съѣздъ призналъ, что сдѣлка, допущенная судебнымъ приставомъ, несовмѣстима съ его званіемъ, и онъ былъ уволенъ отъ должности, кромѣ того ему объявлено было предостереженіе [2]).

Въ этомъ же году возникло дѣло о наиболѣе крупной растратѣ въ предѣлахъ столичнаго мирового округа. Она выдѣлялась не только по суммѣ, но и по образо-

[1]) Дѣло съѣзда 1881 г. № 132.
[2]) Дѣло съѣзда 1881 г. № 132.

вательному цензу лица, ее совершившаго — юриста по образованію, назначеннаго судебнымъ приставомъ изъ секретарей съѣзда. Имъ было растрачено около 34.000 р., заключавшихся въ % бумагахъ, купонахъ и деньгахъ по охранительнымъ дѣламъ и, кромѣ того, приблизительно 1.000 руб. по исковымъ. Подозрѣніе противъ пристава возникло потому, что онъ медлилъ съ отчетомъ по одному охранительному дѣлу, гдѣ имъ была описана большая сумма. Распоряженіемъ предсѣдателя отъ 8 ноября 1880 г. приставъ былъ отстраненъ отъ охраненія наслѣдствъ, о чемъ и было сообщено 3 мировымъ судьямъ, въ участкахъ коихъ онъ производилъ охраны. Въ виду того, что судебный приставъ, несмотря на неоднократныя требованія, упорно не представлялъ отчета о наслѣдствѣ и, какъ обнаружилось, не исполнилъ порученія мирового судьи объ изъятіи изъ государственнаго банка билетовъ, продажѣ ихъ и передачѣ денегъ наслѣдникамъ, предсѣдатель съѣзда потребовалъ отъ него представленія всѣхъ бумагъ по этому дѣлу. Однако и это требованіе не было исполнено; тогда предсѣдатель отправилъ старшину совѣта судебныхъ приставовъ Арапова и члена совѣта Рейнбота для полученія требуемыхъ свѣдѣній, но они не застали судебнаго пристава, который на слѣдующее утро скрылся; по обзору книгъ установлена была первоначально растрата на сумму, не превышавшую 1.000 руб. Въ тотъ же день судебный приставъ уволенъ былъ отъ должности, о чемъ напечатано было объявленіе въ газетѣ Голосъ. Впослѣдствіи совѣтъ судебныхъ приставовъ при рапортѣ отъ 28 марта представилъ 35 исполнительныхъ листовъ объ охранахъ, которые передала ему жена бывшаго судебнаго пристава. Листы помѣчены были ноябремъ и декабремъ 1879 г. и слѣдовъ исполненія на нихъ не было. Мировой судья 23 уч. объяснилъ, что ему лично извѣстно, что по указаннымъ исполнительнымъ листамъ были составлены протоколы о неимѣніи имуществъ, но, очевидно, затеряны; разслѣдованіемъ это подтвердилось,

и дѣло объ этомъ было прекращено [1]). Судебный приставъ былъ преданъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 3 ч. 354 ст. улож. наказ. Пробывъ въ предварительномъ заключеніи около 1½ года, на судѣ онъ сознался, что проигралъ деньги въ карты; онъ былъ оправданъ, но признано было доказаннымъ, что, состоя въ должности судебнаго пристава столичнаго мирового съѣзда, въ періодъ времени съ конца 1879 г. по 1881 г., онъ издержалъ на свои собственныя надобности ввѣренныя ему по службѣ деньги и процентные билеты всего на сумму 35.915 р. 90 к. Всѣ гражданскіе иски, признанные и обвиняемымъ, были судомъ удовлетворены [2]).

Это дѣло было причиной серьезныхъ разногласій въ мировомъ съѣздѣ: 7 мировыми судьями было подано заявленіе о необходимости истребовать объясненія отъ мировыхъ судей, опредѣленія и рѣшенія коихъ исполнялъ судебный приставъ. Въ газетѣ Новое Время было напечатано письмо въ редакцію за подписью мирового судьи 23 уч., въ которомъ вся отвѣтственность была перенесена на предсѣдателя съѣзда и на совѣтъ судебныхъ приставовъ. Въ этомъ письмѣ было, между прочимъ, сказано: „контроль какъ денежныхъ суммъ, такъ и остальныхъ служебныхъ дѣйствій приставовъ производится предсѣдателемъ и совѣтомъ судебныхъ приставовъ, который и существуетъ при спб. столичномъ мировомъ съѣздѣ безъ всякаго со стороны судей участія".

Въ распорядительномъ засѣданіи 4 мая 1881 г. обсуждался вопросъ: представляются ли основанія для привлеченія къ отвѣтственности предсѣдателя съѣзда Квиста за то, что онъ не произвелъ срочной и внезапной ревизіи, т.-е. не принялъ мѣръ надзора за дѣятельностью судебнаго пристава. Единогласно было постановлено, что основаній для привлеченія къ отвѣтственности предсѣдателя не имѣется. Въ дѣйствіяхъ же двухъ

[1]) Дѣло съѣзда 1881 г. № 436.
[2]) Дѣло съѣзда 1881 г. № 132.

участковыхъ мировыхъ судей были съѣздомъ усмотрѣны признаки слабаго надзора за приставомъ и нерадѣнія по службѣ, такъ какъ еще въ 1877 г. указомъ правительствующаго сената по ревизіи московскихъ мировыхъ судебныхъ учрежденій было разъяснено, что контроль надъ судебными приставами по охраненію наслѣдствъ лежитъ непосредственно на мировыхъ судьяхъ и то же было подтверждено позднѣйшимъ указомъ сената 1878 г. по ревизіи судебныхъ учрежденій столицы, а также было указано, что неисполненіе этого грозитъ мировымъ судьямъ серьезнымъ взысканіемъ. Названные мировые судьи были преданы суду судебной палаты по обвиненію ихъ по 404 и 410 ст. ст. улож. наказ. [1]).

Любопытное дѣло закончено было въ 1889 г.; оно тянулось 17 лѣтъ, прошло всѣ инстанціи и было, наконецъ, рѣшено соединеннымъ присутствіемъ 1 и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, по вопросу о возвратѣ неправильно взысканнаго и уже распредѣленнаго между судебными приставами таксового вознагражденія, хотя бы получившіе его пристава уже выбыли изъ состава столичныхъ приставовъ съѣзда. Въ 1872 г. было охранено судебнымъ приставомъ имущество послѣ умершаго и взыскано по таксѣ за охрану 796 р. 80 к. Наслѣдникъ, сынъ умершаго, подалъ просьбу мировому судьѣ 26 уч. объ отмѣнѣ означенной охраны и возвратѣ полученныхъ за нее денегъ. Дѣло это разсматривалось спб. столичнымъ и уѣзднымъ мировыми съѣздами и два раза восходило на разрѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Рѣшеніемъ спб. уѣзднаго мирового съѣзда были уничтожены всѣ распоряженія мирового судьи 26 уч., а рѣшеніемъ царскосельскаго мирового съѣзда 27 мая 1877 г. было постановлено возвратить жалобщику 796 р. 80 к. По вступленіи этого рѣшенія въ законную силу, исполнительный листъ былъ представленъ въ спб. столичный мировой съѣздъ въ 1879 г., причемъ было указано, что судебный приставъ представилъ деньги въ съѣздъ въ кассу судебныхъ приставовъ. Старшина совѣта судебныхъ приставовъ сообщилъ, что многіе изъ получившихъ долю изъ этой охраны выбыли, и что было бы несправедливо требовать возврата денегъ отъ нынѣшняго состава судебныхъ приставовъ. Столичный мировой съѣздъ 2 іюня 1879 г. постановилъ возвратить взыскателю исполнительный листъ и предоставить ему обратиться съ таковымъ согласно порядку, указанному въ ст. ст. 933 и слѣд., т.-е. обычнымъ способомъ обращенія взысканія на движимое или недвижимое имущество должника. Только въ 1889 г. послѣ того, какъ дѣло побывало въ разныхъ судахъ, оно вновь перешло по жалобѣ взыскателя на разсмотрѣніе правительствующаго сената, который и предписалъ съѣзду „не стѣсняясь прежними постановленіями по сему дѣлу, немедленно сдѣлать распоряженіе о возвратѣ взыскателю изъ кассы состоящихъ при означенномъ съѣздѣ судебныхъ приставовъ 796 р. 80 к. [1])".

Въ 1897 г. разсматривалось дисциплинарное дѣло по обвиненію судебнаго пристава въ уничтоженіи альбома безнравственнаго содержанія, причемъ онъ не составилъ объ этомъ даже протокола. Судебный приставъ указывалъ на то, что онъ всегда такъ поступалъ, не думая, что въ его поступкахъ заключается что-либо противозаконное, и что единственный наслѣдникъ въ данномъ дѣлѣ не возражалъ противъ этого. Мировой судья, однако, показалъ, что, по словамъ наслѣдника, онъ неоднократно обращался къ судебному приставу съ просьбой возвратить ему эти альбомы, но тотъ отвѣчалъ отказомъ. Судебный приставъ былъ преданъ суду судебной палаты по обвиненію по 341 ст. улож. наказ., но судебная палата не усмотрѣла въ его дѣяніи признаковъ преступленія. Мировой съѣздъ въ распорядитель-

[1]) Дѣло съѣзда 1881 г. № 131.

[1]) Дѣло съѣзда 1889 г. № 37.

номъ засѣданіи 2 августа 1897 г. постановилъ: „объявить судебному приставу выговоръ“ [1]).

Въ 1898 г. подана была жалоба предсѣдателю съѣзда на дѣйствія судебнаго пристава, который при охранѣ имущества матери просителя, благодаря допущенной имъ медленности и неправильнымъ дѣйствіямъ, далъ возможность брату покойной растратить все имущество на сумму до 6.000 руб. Съѣздъ по разслѣдованіи дѣла возбудилъ противъ судебнаго пристава уголовное преслѣдованіе по 339, 341 и 411 ст. ст. улож. наказ. Судебная палата предала его суду еще и за лихоимство по 373 и 374 ст. ст. улож. наказ.

Въ томъ же году на другого судебнаго пристава были поданы жалобы Жуковой и Назаровой. По жалобѣ Жуковой, которая была выселена изъ бакалейной лавки, хотя былъ представленъ нотаріальный договоръ о передачѣ ею этой лавки другому лицу, причемъ вещи, сначала вынесенныя въ сарай, были затѣмъ выданы Жуковой подъ росписку за ея неграмотностью дворника, было произведено слѣдствіе, которымъ было установлено, что жалобщица не выразила своего согласія на допущеніе дворника въ качествѣ рукоприкладчика за нее неграмотную; въ виду того, что такой поступокъ судебнаго пристава, по самому характеру отправляемой имъ должности приходящаго въ постоянное соприкосновеніе съ низшимъ неграмотнымъ классомъ населенія, не можетъ не вызвать порицанія, судебному приставу былъ объявленъ выговоръ. Жалоба же Назаровой на то, что судебный приставъ выселилъ ее изъ лавки, несмотря на то, что объ этомъ въ опредѣленіи сказано не было, причемъ назвалъ документы подложными, разслѣдованіемъ не подтвердилась и потому оставлена была безъ послѣдствій [2]).

Тогда же возбуждено было дисциплинарное производство противъ судебнаго пристава, который, потерявъ

[1]) Дѣло съѣзда 1897 г. № 38.
[2]) Дѣло съѣзда 1898 г. № 85.

должностную печать, не только не сообщилъ объ этомъ предсѣдателю съѣзда, но безъ разрѣшенія его заказалъ въ литографіи новую должностную печать и ею пользовался. Предсѣдателю стало извѣстно объ утерѣ печати только тогда, когда сыскная полиція препроводила ее, какъ находку, предсѣдателю съѣзда. Предсѣдатель съѣзда И. П. Путиловъ, руководствуюсь п. 7 правилъ 16 марта 1866 г. о внутреннемъ распорядкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по уставамъ 1864 г. [1]), по которымъ должностныя печати для судебныхъ приставовъ съѣзда заготовляются по распоряженію предсѣдателя мирового съѣзда, и принимая во вниманіе то важное значеніе, которое имѣетъ должностная печать, и возможность всякихъ злоупотребленій, постановилъ возбудить противъ судебнаго пристава дисциплинарное производство по 351, 338 и 343 ст. ст. улож. наказ. Въ распорядительномъ засѣданіи мирового съѣзда 5 ноября 1898 г. постановлено было: по вопросу о небрежномъ храненіи казеннаго имущества дѣло, за давностью (печать была потеряна 1½ года назадъ) производствомъ прекратить; за заказъ казенной печати и пользованіе ею безъ надлежащаго разрѣшенія объявить судебному приставу выговоръ [2]).

Въ 1899 г. на квартиру къ судьѣ явились родственницы умершей и жаловались на то, что всѣ вещи опечатаны полиціей, а судебный приставъ не является для охраны. Мировой судья 19 уч. лично отправился на квартиру умершей и нашелъ ридикюль съ процентными бумагами и деньгами неопечатаннымъ. Изъ объясненій судебнаго пристава слѣдовало, что онъ отложилъ производство охраны на 5 дней и, въ виду переобремененности дѣлами, не считалъ это медленностью. Предсѣдатель съѣзда „за ничѣмъ неоправдываемую медленность въ охраненіи имущества умершей, руководствуясь 329 ст. у. с. у. и рѣш. угол. кассац. департ. правит. сената

[1]) См. стр. 481 настоящей книги.
[2]) Дѣло съѣзда 1898 г. № 58.

1872 г. за № 448", постановилъ подвергнуть судебнаго пристава аресту при городскомъ арестномъ домѣ на три дня [1]).

При отбываніи наказанія этимъ приставомъ впервые возбужденъ былъ вопросъ о томъ, гдѣ должны отбывать арестъ судебные пристава. Начальникъ арестнаго дома сообщилъ прокурору окружнаго суда, что въ арестномъ домѣ должны содержаться лица, приговоренныя къ аресту по судебнымъ приговорамъ, а не подвергнутыя дисциплинарнымъ взысканіямъ въ административномъ порядкѣ, такъ что судебные пристава на основаніи 57 ст. улож. нак. должны отбывать наложенный на нихъ въ порядкѣ дисциплинарномъ арестъ или при военной гауптвахтѣ, или при тюрьмѣ, если для этого нѣтъ мѣста въ зданіи столичнаго мирового съѣзда. Съ этого времени судебные пристава отбывали наказаніе при гауптвахтѣ.

Въ 1900 году была подана жалоба на то, что судебный приставъ по полученнымъ исполнительнымъ листамъ описи имущества не дѣлалъ, а допустилъ разсрочку въ платежѣ и, получивъ съ должника только часть долга, пріостановилъ взысканіе остального. Судебный приставъ въ рапортѣ своемъ объяснилъ, что взыскатель согласился на разсрочку платежа, полученныя же деньги онъ вносилъ въ депозитъ мирового судьи, потомъ должникъ уѣхалъ, не внеся всей суммы. Мировой съѣздъ нашелъ, что на основаніи 952 ст. у. г. с. „судебный приставъ не въ правѣ былъ пріостановить дѣйствія по начатому уже исполненію безъ особаго на письмѣ изъявленнаго согласія взыскателя" и подвергнулъ судебнаго пристава денежному взысканію въ 50 руб. [2]).

Дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ одного изъ судебныхъ приставовъ въ 1900 г. возникло при слѣдующихъ условіяхъ: при разсмотрѣніи гражданскаго иска

[1]) Дѣло съѣзда 1899 г. № 47.
[2]) Дѣло съѣзда 1900 г. № 80.

Дурасова съ Елисѣева Дурасовъ заявилъ мировому судьѣ 37 уч., что имущество послѣ покойной жены отвѣтчика не было охранено установленнымъ порядкомъ, и просилъ отобрать имущество отъ его зятя. Мировой судья потребовалъ охранительное дѣло и нашелъ въ немъ протоколъ о неимѣніи имущества, подписанный мужемъ покойной; послѣдній однако заявилъ, что подпись не его. Выяснилось, что какъ протоколъ, такъ и подпись написаны рукою писца судебнаго пристава. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія предсѣдателя съѣзда, который затребовалъ объясненіе отъ судебнаго пристава. Судебный приставъ объяснилъ, что, явившись на охрану, онъ не засталъ мужа умершей и просилъ передать, чтобы онъ зашелъ въ камеру; составилъ же протоколъ о неимѣніи имущества на основаніи разспросовъ, причемъ онъ былъ подписанъ писцомъ судебнаго пристава безъ уполномочія на то мужа умершей. Мировой съѣздъ не усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ судебнаго пристава подлога, предусмотрѣннаго ст. 362 улож. наказ., такъ какъ въ его дѣяніи не было никакихъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, — необходимаго условія для подлога, какъ это разъяснено рѣшеніемъ правительствующаго сената по угол. кассац. департ. 1887 г. № 32. Неправильность же свѣдѣній, изложенныхъ въ протоколѣ судебнаго пристава, обусловливалась нерадѣніемъ и небрежностью пристава, но безъ всякаго преступнаго намѣренія, вслѣдствіе чего онъ былъ подвергнутъ штрафу въ 100 руб., о дѣйствіяхъ же письмоводителя судебнаго пристава сообщено было прокурору птг. окружнаго суда [1]).

Въ 1901 г. по жалобѣ помощника присяжнаго повѣреннаго на судебнаго пристава, котораго онъ обвинялъ въ грубомъ обращеніи (указалъ рукою на выходъ и, повысивъ голосъ, грубо и рѣзко крикнулъ: „можете жаловаться, разговаривать нечего и не о чемъ"),

[1]) Дѣло съѣзда 1900 г. № 41.

судебный приставъ властью предсѣдателя подвергнутъ былъ на основаніи ст. 329 у. с. у. аресту на два дня [1]).

По сообщенію мирового судьи 42 уч. возбуждено было дисциплинарное производство противъ судебнаго пристава, который началъ исполненіе по обезпеченію иска, описалъ вещи подъ 14 номерами, сдалъ ихъ на храненіе, допустилъ оцѣнку арестовываемаго имущества въ отсутствіи должника при его управляющемъ, а потомъ отказался произвести повѣрку имущества по описямъ судебнаго пристава, совершившаго ранѣе опись, объясняя это тѣмъ, что не можетъ сдѣлать повѣрки въ отсутствіи должника. Мировой судья призналъ дѣйствія судебнаго пристава неправильными. Съ этимъ согласился и предсѣдатель съѣзда. Мировой съѣздъ въ распорядительномъ засѣданіи 4 октября 1901 г. постановилъ подвергнуть судебнаго пристава на основ. 262 ст. у. с. у. вычету изъ жалованья въ размѣрѣ 25 руб. [2]).

Въ томъ же году противъ того же судебнаго пристава возбуждено было обвиненіе въ томъ, что онъ, пославъ отвѣтчику повѣстку объ исполненіи, не произвелъ въ теченіе 2-мѣсячнаго срока, какъ этого требуетъ 1095 ст. у. г. с., описи имѣнія должника, причемъ отложилъ производство описи на томъ основаніи, что не имѣлъ въ рукахъ „утвержденнаго“ плана строеніямъ, хотя по смыслу 1112 ст. у. г. с. не требуется представленія документовъ. Въ виду этого имѣніе не могло быть назначено въ продажу съ публичнаго торга въ указанные для того сроки, и жалобщикъ не могъ получить своевременно удовлетворенія. Въ распорядительномъ засѣданіи 15 ноября 1901 г. мировой съѣздъ постановилъ представить объ изложенномъ въ судебную палату на предметъ возбужденія противъ судебнаго пристава уголовнаго преслѣдованія по 410 и 411 ст. ст. улож. наказ., но судебная палата не нашла достаточныхъ основаній для привлеченія его къ отвѣтственности.

[1]) Дѣло съѣзда 1901 г. № 23.
[2]) Дѣло съѣзда 1901 г. № 54.

Въ 1902 г. было возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе противъ судебнаго пристава по двумъ жалобамъ повѣренныхъ. Первая жалоба была принесена на то, что судебный приставъ потребовалъ подписки о числѣ веденныхъ дѣлъ и, получивъ заявленіе объ отсрочкѣ описи, таковую совсѣмъ отмѣнилъ и тѣмъ ввелъ истца въ убытки, кромѣ того „окинулъ его презрительнымъ взглядомъ“ и отказался съ нимъ разговаривать, вслѣдствіе чего жалобщикъ просилъ о возмѣщеніи ему понесенныхъ имъ убытковъ изъ залога судебнаго пристава. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла выяснилось, что, назначивъ опись имущества должниковъ, судебный приставъ ограничился только словеснымъ объ этомъ заявленіемъ, затѣмъ, прибывъ на квартиру должника, не произвелъ описи по причинѣ неявки повѣреннаго для указанія имущества, подлежащаго описи, несмотря на то, что въ подлинномъ заявленіи указано было, что взысканіе онъ обращаетъ на движимое имущество, находящееся въ квартирѣ. Въ распорядительномъ засѣданіи 21 марта 1902 г. мировой съѣздъ, находя, что судебнымъ приставомъ было допущено небрежное отношеніе къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и медленность, постановилъ подвергнуть его на основаніи 410 ст. улож. нак. и 262 ст. у. с. у. выговору. На это опредѣленіе жалобщикомъ была подана жалоба въ судебную палату. Общее собраніе департаментовъ судебной палаты нашло, что на основаніи ст. 286 у. с. у. на состоявшееся въ дисциплинарномъ порядкѣ опредѣленіе судебнаго мѣста допускаются жалобы только со стороны осужденнаго, по силѣ же ст. 287 учр. можетъ принести свой протестъ прокуроръ, какъ представитель обвинительной власти, но частному лицу законъ не предоставляетъ права жаловаться, ибо дисциплинарное производство, согласно разъясненію общаго собранія 1 и кассац. департаментовъ правительствующаго сената 1879 г. № 21, какъ установленное обязанностью надзора высшихъ въ порядкѣ подчиненности

судебныхъ мѣстъ за низшими должностными лицами, не допускаетъ вмѣшательства частныхъ лицъ въ повѣрку распоряженій, принятыхъ высшимъ мѣстомъ противъ подчиненнаго должностного лица за нарушеніе имъ своихъ служебныхъ обязанностей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ судебная палата оставила жалобу безъ разсмотрѣнія. По второй же жалобѣ выяснилось, что судебный приставъ, несмотря на распоряженіе предсѣдателя съѣзда, потребовалъ внесенія денегъ, хотя у него лежала почтовая повѣстка на эту сумму, высланную должникомъ, въ то время какъ правительствующимъ сенатомъ неоднократно было разъясняемо, что во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ личная подача бумагъ и денегъ всегда можетъ быть замѣняема посылкой по почтѣ. Мировой съѣздъ въ засѣданіи 21 марта 1902 г. призналъ дѣйствія судебнаго пристава неправильными и постановилъ подвергнуть его на основаніи 410 ст. улож. нак. и 262 ст. у. с. у. аресту на три дня [1]).

Въ 1903 г. было возбуждено дисциплинарное производство противъ судебнаго пристава, который безъ согласія взыскателя отмѣнилъ продажу имущества Ольги Штейнъ, получившей громкую извѣстность благодаря многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, причемъ въ жалобѣ были изложены обстоятельства, изъ которыхъ было видно, что судебный приставъ усиленно содѣйствовалъ должницѣ въ отсрочкѣ продажи. Судебный приставъ объяснилъ, что онъ получилъ письменное заявленіе должницы о томъ, что истецъ изъявилъ свое согласіе на отмѣну продажи, и это показалось ему вполнѣ правдоподобнымъ, такъ какъ продажи неоднократно отмѣнялись. Въ распорядительномъ засѣданіи мирового съѣзда 15 декабря 1903 г. было постановлено въ виду допущенной неправильности въ производствѣ взысканія съ Штейнъ подвергнуть судебнаго пристава аресту на гауптвахтѣ на пять дней [2]).

[1]) Дѣло съѣзда 1902 г. № 19.
[2]) Дѣло съѣзда 1903 г. № 61.

Въ 1907 г. было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ судебнаго пристава въ виду жалобы одного присяжнаго повѣреннаго на невыдачу денегъ; при разслѣдованіи обнаружена была растрата небольшой суммы, причемъ оказалось, что судебный приставъ дѣлалъ ложныя отмѣтки въ дѣлопроизводственныхъ книгахъ и давалъ неправильныя справки частнымъ лицамъ и совѣту судебныхъ приставовъ. Въ засѣданіи 13 декабря 1907 г. мировой съѣздъ постановилъ представить судебной палатѣ о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ б. судебнаго пристава по ст. ст. 411, 354 и 362 улож. нак. [1]).

Не останавливаясь на тѣхъ жалобахъ на дѣйствія судебныхъ приставовъ, которыя, по выясненіи полной ихъ неосновательности, были оставляемы безъ послѣдствій, мы ограничимся здѣсь изложеніемъ приведенныхъ выше производившихся въ петроградскомъ мировомъ съѣздѣ дѣлъ о судебныхъ приставахъ, которыя даютъ извѣстное представленіе о дѣйствительности надзора за судебными приставами и о тщательности производимаго разслѣдованія при дисциплинарномъ производствѣ.

Надо отмѣтить тотъ положительный фактъ, что за послѣдніе годы значительно уменьшилось количество подаваемыхъ жалобъ. Это объясняется тѣмъ, что мелкія ошибки, отступленія отъ закона становятся все рѣже благодаря выработавшейся практикѣ, серьезныхъ же злоупотребленій почти не бываетъ, такъ какъ кадръ судебныхъ приставовъ съ 1905 г. пополняется почти исключительно изъ лицъ, прослужившихъ извѣстное (иногда продолжительное) время въ судебныхъ мировыхъ установленіяхъ въ качествѣ письмоводителя мирового судьи или помощника секретаря въ съѣздѣ.

Дѣятельность судебныхъ приставовъ.

Дѣятельность судебныхъ приставовъ мало извѣстна въ широкихъ кругахъ населенія. Поэтому мы считаемъ

[1]) Дѣло съѣзда 1907 г. № 83.

не лишнимъ въ настоящемъ отдѣлѣ подробнѣе остановиться на этой дѣятельности и показать, въ какихъ условіяхъ она въ настоящее время протекаетъ, въ чемъ именно заключаются обязанности судебныхъ приставовъ, какія имѣются у нихъ организаціи и въ чемъ состоятъ функціи избираемаго ими изъ своей среды совѣта судебныхъ приставовъ.

Судебные пристава при петроградскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ принимаютъ по дѣламъ службы въ камерахъ мировыхъ судей. Штатъ судебныхъ приставовъ въ настоящее время состоитъ изъ 52-хъ лицъ.

Служебный день судебнаго пристава обычно начинается съ 9-ти часовъ утра, а въ лѣтніе мѣсяцы съ 10-ти часовъ утра. Начинается этотъ день съ пріема публики, пріемъ продолжается два часа. Въ эти два часа публика предъявляетъ судебнымъ приставамъ исполнительные листы для производства взысканій, выселеній и другихъ исполнительныхъ дѣйствій. Должники вносятъ деньги, заинтересованныя лица являются за справками, и судебные пристава въ эти два часа работаютъ безпрерывно, при помощи своихъ служащихъ.

Насколько быстро отпускается публика, можно судить уже по одному тому, что присяжные повѣренные и ихъ помощники, которые постоянно спѣшатъ, имѣя дѣла въ нѣсколькихъ камерахъ въ одинъ и тотъ же день, вполнѣ удовлетворяются этой быстротой, да и вообще со стороны публики не было нареканій на медленность пріема; принимая же исполнительный листъ, судебный приставъ долженъ прочесть его, прочесть заявленіе взыскателя, записать листъ въ книгу листовъ, выдать квитанцію въ пріемѣ листа, получить таксовый сборъ, записать его въ денежную книгу, выдать квитанцію въ полученіи денегъ, назначить срокъ исполненія и предложить подателю расписаться въ уплатѣ денегъ и на явку къ исполненію. Да иногда приходится еще разъяснять порядокъ подачи листа лицу, незнакомому

съ этимъ порядкомъ, и вступать въ пространныя объясненія съ заинтересованными лицами.

Ежедневно судебные пристава имѣютъ назначенныя къ исполненію дѣла по производству взысканій, выселеній и другихъ исполнительныхъ дѣйствій и должны объявить каждому взыскателю приблизительно точное время, когда явиться на мѣсто исполненія, и, не выходя изъ камеры, по окончаніи пріема, должны изготовить повѣстки должникамъ и третьимъ лицамъ и сдать деньги въ казначейство, гдѣ, къ сожалѣнію, не отпускаются внѣ очереди.

Дѣйствія по исполненію судебныхъ рѣшеній чрезвычайно разнообразны. Укажемъ здѣсь наиболѣе обычныя изъ такихъ дѣйствій, какъ-то: арестъ движимаго имущества и продажа его, отобраніе движимаго имущества, отобраніе отъ должника подписки о невыѣздѣ, исполнительныя дѣйствія по выселенію отвѣтчика изъ квартиры и наложеніе ареста на жалованье, пенсію и другія выдачи, слѣдуемыя должнику.

Арестъ движимаго имущества производится въ присутствіи взыскателя, должника и приглашенныхъ ими свидѣтелей, причемъ неявка кого-либо изъ нихъ не останавливаетъ ареста. Производится же этотъ арестъ такъ. Явившись на мѣсто исполненія, въ присутствіи взыскателя и должника, судебный приставъ составляетъ журналъ описи имущества, въ который записываетъ по указанію взыскателя имущество, то-есть названіе и описаніе каждаго предмета, а въ случаѣ надобности, означеніе ихъ мѣры, вѣса, или числа. При этомъ приставъ долженъ точно знать, какіе предметы не подлежатъ аресту ни въ какомъ случаѣ. Почти всегда должникъ или третье лицо заявляетъ, что имущество не принадлежитъ должнику, а взыскатель настаиваетъ на арестѣ имущества, и приставъ долженъ тутъ же на мѣстѣ выяснить, подлежитъ ли спорное имущество аресту. Само собою разумѣется, приходится выслушивать самыя разнообразныя объясненія и просматривать представляемые

документы, содержаніе которыхъ необходимо записать кратко въ журналъ описи. Затѣмъ необходимо оцѣнить имущество по указанію сторонъ, приложить къ имуществу печати, сдать имущество на храненіе и предложить всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ подписать журналъ описи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ споры между сторонами имѣютъ настолько рѣзкій характеръ, что приставу приходится принимать мѣры къ прекращенію этихъ споровъ. Часто судебный приставъ не застаетъ должника дома, или двери квартиры должника оказываются закрытыми. Въ этихъ случаяхъ приглашается чинъ полиціи и приставу приходится терять непроизводительно время, ожидая явки представителя полицейской власти. Въ такихъ случаяхъ, при отсутствіи должника, приходится при посредствѣ приглашеннаго слесаря вскрывать замки закрытыхъ помѣщеній, вывозить арестованное имущество изъ квартиры. Очень рѣдко, но приходится встрѣчать и противодѣйствіе и прибѣгать къ содѣйствію полиціи. Аресты имуществъ у людей бѣдныхъ или временно впавшихъ въ несчастье для судебныхъ приставовъ очень непріятны, такъ какъ тяжело, конечно, отбирать послѣднее имущество, взыскатель же часто не идетъ ни на какія уступки, и иногда арестъ имущества на законномъ основаніи служитъ для него поводомъ къ издѣвательству надъ личностью безпомощнаго должника, и судебный приставъ является какъ бы невольнымъ орудіемъ мести. Бываетъ, конечно, и обратное явленіе. Взыскатель безпомощенъ, а должникъ недобросовѣстенъ, уклоняется отъ уплаты денегъ и вообще изыскиваетъ способы, чтобы имущество его не удалось арестовать. Въ этомъ случаѣ приставъ идетъ навстрѣчу взыскателю и прилагаетъ всѣ усилія понудить должника уплатить деньги, или арестовать его имущество, фиктивно переукрѣпленное третьимъ лицамъ. Слѣдуетъ удостовѣрить, что судебнымъ приставамъ петроградскаго столичнаго мирового съѣзда это почти всегда удается. Часто судебному приставу приходится производить аресты имуществъ въ

холодныхъ помѣщеніяхъ и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, выслушивать не относящіяся къ дѣлу указанія и быть самому вѣжливымъ и спокойнымъ, несмотря на то, что спокойствіе это дорого обходится.

Вслѣдъ за арестомъ имущества наступаетъ процессъ продажи такового. Продажа назначается не ранѣе семи дней и только въ случаяхъ ареста имущества, подверженнаго скорой порчѣ, черезъ сутки. Не позднѣе какъ за семь дней, а при арестѣ скоропортящагося имущества за сутки, судебный приставъ вывѣшиваетъ объявленія о продажѣ имущества у воротъ дома, гдѣ имущество продается, въ мѣстномъ полицейскомъ участковомъ управленіи, въ камерѣ мѣстнаго мирового судьи, а если оцѣнка имущества превышаетъ 200 рублей, то печатается объявленіе о продажѣ и въ Вѣдомостяхъ Петроградскаго Градоначальства. О продажѣ извѣщаются стороны. Въ день торга приставъ долженъ явиться на мѣсто продажи, провѣрить арестованное имущество, принять таковое отъ хранителя, въ назначенный часъ открыть торгъ въ присутствіи мѣстной полиціи и при законномъ числѣ покупателей и произвести торгъ, а по производствѣ торга передать имущество покупателямъ. Торгъ открывается провозглашеніемъ оцѣнки продаваемаго предмета и предложеніемъ покупателямъ надбавки, причемъ послѣ каждой надбавки приставъ предлагаетъ вопросъ: „кто больше?“ По окончаніи надбавокъ приставъ спрашиваетъ три раза: „никто больше?“ и послѣ третьяго раза ударяетъ молоткомъ, послѣ чего вещь считается проданной лицу, предложившему высшую цѣну. Производство продажи усложняется вмѣшательствомъ вреднаго элемента, спеціальныхъ покупщиковъ, въ общежитіи называемыхъ „маклаками“. Компанія этихъ покупщиковъ, къ сожалѣнію, весьма сплоченная и имѣющая необходимый запасъ денегъ, вредитъ и населенію и дѣлу правосудія, обогащаясь на чужой счетъ, обычно на счетъ должника. Лица эти, вступивъ передъ продажей въ соглашеніе съ должникомъ, за извѣстное воз-

награжденіе стараются сорвать торгъ путемъ заявленія, что имущество оцѣнено дорого. Добросовѣстные покупатели, довѣряя такому заявленію маклаковъ, также не дѣлаютъ надбавокъ и торгъ не можетъ состояться, что́ должнику и требуется. Въ другомъ случаѣ эти спеціальные покупщики распространяютъ слухъ, что вещи продаются послѣ заразнаго больного, и скупаютъ имущество за безцѣнокъ, съ минимальной надбавкой; не допускаютъ постороннихъ покупателей къ осмотру вещей, кричатъ, что всѣ уже видѣли вещи, уговариваютъ не торговаться, обѣщая продать сейчасъ же вещи за ту же цѣну, за которую купятъ, а потомъ, конечно, не продаютъ, опорачиваютъ вещи, заявляя, что таковыя негодныя, ломаныя или ветхія, производятъ нарочно безпорядки и ссоры между собою, чтобы отвлечь вниманіе покупателей отъ продаваемаго предмета, и вообще, съ цѣлью наживы, прибѣгаютъ къ разнаго рода уловкамъ для того, чтобы вещь не была куплена постороннимъ. Благодаря этому у публики сложилось убѣжденіе, что при наличности „маклаковъ“ нельзя ничего купить. Трудно бороться съ такой компаніей маклаковъ, но судебные пристава по мѣрѣ силъ и возможности борются и въ большинствѣ случаевъ выходятъ побѣдителями, путемъ разъясненія сторонамъ и покупателямъ ихъ правъ по закону и путемъ выясненія продѣлокъ „маклаковъ“.

Отобраніе отсужденнаго движимаго имущества производится при чинѣ мѣстной полиціи и, къ сожалѣнію, не всегда достигаетъ цѣли, такъ какъ должникъ часто скрываетъ имущество и не представляется возможнымъ установить, гдѣ таковое находится. Отобраніе подписокъ о невыѣздѣ изъ Петрограда отъ должниковъ производится путемъ посѣщенія должника безъ предварительнаго извѣщенія, и если судебный приставъ не застанетъ должника дома, то оставляетъ ему повѣстку о времени вторичнаго посѣщенія. Если же должникъ отказывается выдать подписку о невыѣздѣ изъ Петрограда,

приставъ составляетъ объ этомъ протоколъ, замѣняющій собою подписку.

Исполнительныя дѣйствія по выселеніямъ должниковъ изъ квартиръ и комнатъ относятся къ числу самыхъ тяжелыхъ, по причинамъ нравственнаго характера, обязанностей судебнаго пристава, такъ какъ, конечно, выселять приходится почти исключительно людъ малоимущій. Понудительное выселеніе производится при чинѣ мѣстной полиціи, и, если выселяемый не можетъ, или не желаетъ очистить помѣщеніе добровольно, то имущество его выносится изъ квартиры и отдается въ распоряженіе полиціи, выселяемый же удаляется изъ помѣщенія и таковое передается взыскателю. Въ случаяхъ болѣзни выселяемаго или членовъ его семьи судебный приставъ пріостанавливается выселеніемъ и приглашаетъ врача для освидѣтельствованія больного, и если врачъ найдетъ, что по состоянію здоровья больной не можетъ быть выселенъ, судебный приставъ пріостанавливается выселеніемъ до срока, означеннаго врачемъ, если же врачъ признаетъ, что больного можно выселить безъ явнаго вреда для его здоровья, то судебный приставъ приступаетъ къ выселенію. Во многихъ случаяхъ выселяемые находятся въ такомъ затруднительномъ положеніи, что судебному приставу приходится обращаться къ взыскателю съ просьбой объ отсрочкѣ выселенія, но если просьба эта не удовлетворяется, то, скрѣпя сердце, приставъ долженъ приступить къ выселенію. Нерѣдко выселяемые оставляютъ въ квартирѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, нарочно уходя изъ квартиры въ день выселенія, въ надеждѣ, что дѣтей не бросятъ на произволъ судьбы и выселеніе не состоится; въ такихъ случаяхъ судебному приставу приходится принимать мѣры къ временному призрѣнію дѣтей при содѣйствіи полиціи. Особенно печальны случаи выселеній въ холодное время года, когда выселяемые подчасъ не имѣютъ необходимаго теплаго платья. Въ этихъ случаяхъ пристава стараются идти на помощь выселяемымъ и принимаютъ

мѣры, обычно достигающія цѣли, къ отсрочкѣ выселенія съ согласія взыскателей. Должно удостовѣрить, что несмотря на большое населеніе Петрограда, понудительныхъ выселеній бываетъ незначительное количество.

Однимъ изъ самыхъ легкихъ исполнительныхъ дѣйствій по взысканіямъ считается наложеніе ареста на жалованье, пенсію или другія выдачи, слѣдуемыя должнику, а также наложеніе ареста на платежи отъ третьихъ лицъ. Эти исполнительныя дѣйствія производятся путемъ посылки повѣстки третьему лицу объ удержаніи платежей или жалованья, или, если платежи слѣдуютъ отъ казеннаго управленія, то отсылается исполнительный листъ въ это учрежденіе, а о наложеніи ареста извѣщается должникъ. Насколько необходимо быстро исполнить этимъ способомъ рѣшеніе, можно судить по тому, что если налагается арестъ на текущій счетъ должника, и если своевременно не сообщено третьему лицу о наложеніи ареста, то должникъ можетъ снять деньги до наложенія ареста, и взыскатель останется безъ удовлетворенія. Такой же можетъ получиться результатъ при арестѣ денегъ или платежей, слѣдуемыхъ должнику отъ третьяго лица за исполненныя работы, или при арестѣ страхового вознагражденія, слѣдуемаго должнику за сгорѣвшее имущество отъ страхового общества. Эти исполненія производятся судебными приставами петроградскаго столичнаго мирового съѣзда въ день поступленія исполнительнаго листа немедленно, на что̀ приходится приставу терять время, засиживаясь въ камерѣ послѣ пріема для изготовленія повѣстокъ, и спѣшно вручать таковыя.

Вообще исполнительныя дѣйствія по аресту движимаго имущества назначаются обыкновенно на третій день по полученіи исполнительнаго листа, по дѣламъ объ обезпеченіи исковъ на другой день, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, въ день поступленія исполнительнаго листа, и обычно на всѣ исполнительныя дѣйствія по взысканіямъ приставъ затрачиваетъ болѣе

5 часовъ въ сутки, кромѣ двухчасового пріема и вечерней, не менѣе трехчасовой, канцелярской работы, которая заключается въ записи листовъ по книгамъ, отсылкѣ листовъ и другихъ бумагъ по принадлежности, въ отмѣткахъ по журналу, въ которомъ обозначаются всѣ исполнительныя дѣйствія, и въ веденіи денежной книги.

Отношенія между судебными приставами и присяжной адвокатурой создались самыя благопріятныя. Пристава по возможности исполняютъ просьбы адвокатуры и публики и назначаютъ исполненія, считаясь съ временемъ повѣреннаго или взыскателя, памятуя, что судебный приставъ существуетъ для публики, а не публика для него; благодаря этому отъ имени присяжной адвокатуры или самихъ взыскателей жалобъ на приставовъ почти совсѣмъ не подается. Незначительное же вообще количество жалобъ подается повѣренными, хожденіе коихъ по дѣламъ ограничено закономъ.

Кромѣ дѣйствій по исполненію рѣшеній, судебные пристава столичнаго мирового округа производятъ, на основаніи закона (ст. 1403 у. г. с.), охраненіе имуществъ послѣ умершихъ.

Почти ежедневно утромъ на пріемѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ на квартирѣ днемъ и даже поздно вечеромъ судебный приставъ получаетъ отъ мѣстнаго мирового судьи нѣсколько исполнительныхъ листовъ объ охраненіи имуществъ послѣ умершихъ лицъ. Получивъ такой листъ, судебный приставъ, независимо отъ количества исполнительныхъ листовъ по производству взысканій, обязанъ въ тотъ же день приступить къ охранѣ имущества умершаго, такъ какъ въ каждомъ такомъ листѣ имѣется фраза: „тотчасъ по полученіи исполнительнаго листа опечатать все имущество, какое осталось послѣ умершаго“. Для охраны имущества судебный приставъ отправляется въ мѣстожительство покойнаго и, пригласивъ съ собою въ качествѣ понятого, дворника дома, появляется въ квартирѣ умершаго. Здѣсь опрашиваются родственники покойнаго, или сосѣди, въ

чемъ заключается имущество умершаго, и если получается отвѣтъ, что имущества послѣ покойнаго не осталось, то приставъ составляетъ протоколъ объ этомъ за подписями не менѣе двухъ свидѣтелей, и таковой вмѣстѣ съ исполнительнымъ листомъ представляетъ мировому судьѣ. Если же выясняется, что осталось квартирное имущество, капиталы въ банкахъ, недвижимость, или лавка съ товаромъ, процентныя бумаги, долговые документы или цѣнности, то судебный приставъ прежде всего опечатываетъ помѣщенія, гдѣ по предположенію могутъ быть капиталъ, документы и цѣнности, и засимъ записываетъ все имущество въ журналы описей, при свидѣтеляхъ. Очень тягостно первое посѣщеніе для судебнаго пристава квартиры умершаго, такъ какъ часто ему приходится являться въ то время, когда умершій не похороненъ и семья его находится въ удрученномъ состояніи, служатся панихиды, а тутъ еще появляется судебный приставъ, который выспрашиваетъ, что̀ осталось послѣ покойнаго и гдѣ находится. Получается впечатлѣніе, что не успѣлъ человѣкъ остыть, какъ появляется посторонній человѣкъ и вмѣшивается въ дѣла покойнаго и его близкихъ. Вотъ тутъ-то и необходимъ служебный тактъ. Приставъ долженъ обставить свое первое посѣщеніе такъ, чтобы по возможности смягчить свои тяжелыя обязанности и произвести впечатлѣніе на окружающихъ, что онъ только по долгу службы явился къ нимъ въ этотъ печальный моментъ, и ограничиться вопросами объ имуществѣ съ большой осторожностью, а затѣмъ уже явиться вновь послѣ похоронъ. А такъ какъ не посѣщаются въ этихъ случаяхъ только высочайшія особы и лица, пользующіяся правомъ экстерриторіальности, то, разумѣется, приходится посѣщать лицъ, начиная съ самыхъ незначительныхъ по общественному положенію и кончая самыми высшими, и вездѣ необходимо быть на мѣстѣ.

Въ случаяхъ, когда умираетъ человѣкъ одинокій, судебному приставу приходится опечатывать отдѣльныя

комнаты, а иногда всю квартиру, если тѣло покойнаго уже вынесено. Приходится производить эти дѣйствія при свидѣтеляхъ и предотвращать возможность расхищенія имущества. Опись охраняемаго имущества въ этихъ случаяхъ необходимо произвести очень подробно. Приставъ долженъ разобрать оставшіяся послѣ покойнаго всевозможныя бумаги, отдѣлить бумаги, имѣющія денежную цѣнность, какъ-то: процентныя бумаги, долговые документы, дѣловыя бумаги, отъ переписки и бумагъ, неимѣющихъ денежной цѣнности. Каждую бумагу онъ долженъ прочитать, такъ какъ приходится иногда отыскивать духовное завѣщаніе, при этомъ нерѣдко приходится вскрывать столы, шкафы и разобрать все имущество покойнаго, а затѣмъ уже приступить къ описи. Очень часто одна только разборка имущества продолжается нѣсколько дней. Приходится посвящать такимъ дѣламъ вечера и праздничные дни, работая иногда до поздняго вечера, такъ какъ въ будніе дни для этого не хватаетъ времени. Разобравъ все имущество, приставъ составляетъ журналы описей. Процентныя бумаги записываются имъ съ указаніемъ названія бумаги, номинальной ея стоимости, нумера, нумера серіи и сроковъ купоновъ; затѣмъ тѣ же % бумаги записываются приставами въ его денежную книгу и сдаются не позднѣе какъ на другой день на храненіе въ государственный банкъ или казначейство. Долговые документы записываются съ указаніемъ: кому и кѣмъ документъ выданъ, на какую сумму, на какой срокъ, и сдаются мировому судьѣ немедленно. Цѣнныя вещи записываются съ указаніемъ: изъ какого металла онѣ изготовлены, какіе имѣются на нихъ драгоцѣнные камни, записываются также и надписи на вещахъ. Вещи эти сдаются на храненіе въ петроградскую ссудную казну при свидѣтеляхъ, дабы исключить всякую возможность подмѣна вещей, и въ опечатанныхъ помѣщеніяхъ. Наличныя деньги, по записи въ журналъ описи и въ денежную книгу, сдаются вкладомъ для обращенія изъ процентовъ въ

государственный банкъ, или въ сберегательную кассу, а вкладной документъ представляется мировому судьѣ. Расписки государственнаго банка и другіе денежные документы, по внесеніи въ журналъ описи, также сдаются мировому судьѣ. Бумаги же, не имѣющія денежной цѣнности, складываются въ ящики, каковые опечатываются и сдаются хранителю. Движимое имущество и квартирная обстановка, по внесеніи въ журналъ описи, сдаются благонадежному хранителю. Духовное завѣщаніе, если таковое находится, по внесеніи въ журналъ описи, представляется въ окружный судъ.

Недвижимому имѣнію составляется журналъ описи по правиламъ устава гражданскаго судопроизводства, и имѣніе сдается въ сохранное управленіе какому-либо благонадежному лицу. Конечно, все это нѣсколько облегчается при наличности духовнаго завѣщанія и наслѣдниковъ. Копіи охранительныхъ описей сообщаются казенной палатѣ и выдаются наслѣдникамъ. Производство заканчивается представленіемъ мировому судьѣ исполнительнаго листа и всѣхъ журналовъ описей. Если умираетъ иностранный подданный, съ правительствомъ котораго Россіею заключена конвенція объ охраненіи наслѣдствъ, то опись производится при участіи консула той страны, подданнымъ которой состоялъ покойный, причемъ на явку консула полагается 48 часовъ. Если умираетъ присяжный повѣренный, то судебный приставъ, составивъ опись его дѣламъ, передаетъ таковыя лицу, уполномоченному совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Не всегда, къ сожалѣнію, процессъ охраненія проходитъ спокойно. Иногда наслѣдники между собою вступаютъ въ такіе споры и пререканія, что отъ судебнаго пристава требуется большой тактъ, чтобы примирить ихъ и успокоить, и въ этихъ случаяхъ приходится все выслушивать и записывать въ журналъ, и по возможности подробнѣе записывать имущество, очень часто спорное, даже не будучи вполнѣ убѣжденнымъ, что это

имущество принадлежало покойному. Одинъ указываетъ на другого, что тотъ скрываетъ имущество, и трудно разобраться, кто говоритъ правду, а кто нѣтъ. Приходится выслушивать заявленія, споры и возраженія, не относящіеся къ дѣлу и указывающіе на полное незнакомство съ законоположеніями по дѣламъ объ охраненіи имуществъ. Даже отъ лицъ высокаго общественнаго положенія приходится иногда выслушивать недоумѣнія, зачѣмъ явился судебный приставъ охранять имущество, когда имѣется духовное завѣщаніе, или что охраненія никакого не полагается, такъ какъ всѣ наслѣдники налицо. Приходится осторожно разъяснять, что судебный приставъ можетъ прекратить исполнительныя дѣйствія только тогда, если получитъ предписаніе суда. Приходится иногда чувствовать нѣсколько пренебрежительное и неумѣстное къ себѣ отношеніе и, сохраняя достоинство судебнаго чина, все-таки быть на мѣстѣ и исполнять, что̀ приказано судебнымъ опредѣленіемъ, не обращая вниманія ни на угрозы, ни на просьбы. Рѣзкость со стороны судебнаго пристава непримѣнима, всякая неудачная фраза производитъ впечатлѣніе, что приставъ велъ себя не корректно или не обладаетъ достаточной выдержкой. Много приходится переживать непріятныхъ минутъ при этихъ исполненіяхъ. Все-таки пріятно установить, что судебные пристава и при охраненіяхъ имуществъ пользуются довѣріемъ всѣхъ классовъ населенія. Часто приставъ беретъ съ собой крупныя цѣнности, выдавая квитанцію, и обычно публика не желаетъ брать этой квитанціи, заявляя, что если приставъ взялъ что-либо, то взятое не пропадетъ, такъ какъ о такихъ случаяхъ что-то не слышно. Часто очень настойчиво надо предлагать наслѣдникамъ, чтобы они не отходили отъ пристава, когда онъ записываетъ цѣнности, или разбираетъ бумаги и вещи, и всегда получаешь отвѣтъ, что наслѣдники относятся къ судебному приставу съ полнымъ довѣріемъ. По охранительнымъ дѣламъ судебному приставу приходится производить продажи движимыхъ

имуществъ въ томъ же порядкѣ, какъ и по взысканіямъ, а равно производить передачи имуществъ наслѣдникамъ или въ распоряженіе опеки. Передачи производятся путемъ явки пристава на мѣсто исполненія. Провѣривъ охраненное имущество, приставъ передаетъ таковое по принадлежности, согласно опредѣленію суда.

Необходимо указать, что денежная отчетность судебныхъ приставовъ представляется довольно сложной.

Каждая получаемая судебнымъ приставомъ денежная сумма записывается имъ на приходъ въ шнуровую денежную книгу. Суммы, подлежащія зачисленію въ государственный доходъ, судебный приставъ сдаетъ въ казначейство не позднѣе, какъ на седьмой день. Суммы, подлежащія передачѣ взыскателямъ, передаются имъ немедленно, а при неявкѣ ихъ сдаются въ казначейство, въ депозитъ суда, не позднѣе какъ на 14-й день. При этомъ вообще при накопленіи суммъ свыше 500 р. приставъ долженъ немедленно, не позднѣе какъ на другой день, сдать таковыя въ казначейство, въ депозитъ суда. Денежная книга ведется по полугодіямъ и представляется мѣстному мировому судьѣ на просмотръ. Поступающій таксовый сборъ по записи въ денежную книгу сдается въ послѣдній день каждаго мѣсяца въ совѣтъ судебныхъ приставовъ. Какъ велика денежная отчетность судебнаго пристава видно изъ того, что въ полугодіе къ приставу поступаетъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Кромѣ денежной книги судебный приставъ ведетъ журналъ входящихъ бумагъ, то-есть журналъ исполнительныхъ дѣйствій, куда записываетъ каждое свое исполнительное дѣйствіе, журналъ исходящихъ бумагъ, квитанціонную книгу, книгу разсчетныхъ листовъ, представляетъ отчетъ въ совѣтъ судебныхъ приставовъ по каждому охранительному дѣлу и кромѣ того ежемѣсячный отчетъ и годовой отчетъ о своей дѣятельности предсѣдателю съѣзда. Все дѣлопроизводство отнимаетъ столько времени, что одинъ судебный приставъ справиться не въ состояніи и долженъ имѣть письмоводителя и разсыльнаго, для оплаты труда которыхъ суммъ не полагается, а жалованье имъ приставъ платитъ изъ своихъ средствъ. Много денегъ отнимаютъ у пристава разъѣзды по должности. Приставъ буквально занятъ весь день и долженъ постоянно спѣшить, чтобы успѣть вездѣ своевременно. Во время отпуска или болѣзни кого-либо изъ судебныхъ приставовъ сосѣднему приставу приходится имѣть два участка. Трудъ увеличивается вдвойнѣ и приставу приходится работать еще быстрѣе.

Заканчивая обзоръ дѣятельности судебныхъ приставовъ, можно сказать, что судебные пристава обслуживаютъ населеніе, близко соприкасаясь съ нимъ, исполняютъ сложныя, трудныя и отвѣтственныя обязанности; должность эта отнимаетъ очень много времени, требуетъ такта, знанія законовъ, и вообще сопряжена съ непріятными заботами и хлопотами; къ тому же судебному приставу, по его должности, постоянно ввѣряются значительныя суммы денегъ. При такихъ условіяхъ большую важность имѣетъ вопросъ о способѣ назначенія на эту должность и о надзорѣ за ихъ дѣятельностью.

Судебные пристава назначаются предсѣдателемъ мирового съѣзда въ большинствѣ случаевъ изъ письмоводителей мировыхъ судей или чиновъ канцеляріи мирового съѣзда, изъ лицъ, извѣстныхъ лично предсѣдателю съѣзда, или особенно рекомендуемыхъ мировыми судьями, изъ лицъ, благонадежность и познанія коихъ провѣряются и устанавливаются не однимъ годомъ службы. Лица эти постепенно подготовляются къ этой должности подъ руководствомъ мировыхъ судей и должны выдержать установленный экзаменъ. Экзаменаціонная комиссія состоитъ изъ мировыхъ судей и двухъ судебныхъ приставовъ. На этомъ экзаменѣ провѣряются знанія испытуемаго и затѣмъ онъ назначается въ судебные пристава.

За дѣятельностью судебныхъ приставовъ наблюдаетъ предсѣдатель съѣзда, мировые судьи и совѣтъ судебныхъ приставовъ. Предсѣдатель съѣзда наблюдаетъ за правильностью исполненія приставами служебныхъ обязан-

ностей, разрѣшаетъ жалобы на личныя дѣйствія приставовъ, подвергаетъ судебныхъ приставовъ дисциплинарной отвѣтственности за нарушенія и увольняетъ ихъ отъ должности, причемъ увольненіе можетъ послѣдовать и безъ объясненія причинъ.

Мировые судьи наблюдаютъ за правильностью дѣлопроизводства, провѣряютъ денежную отчетность судебныхъ приставовъ и разрѣшаютъ жалобы, поданныя въ порядкѣ исполненія рѣшеній.

На дѣятельности совѣта судебныхъ приставовъ и его организаціи слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя власть, избранную самими приставами для надзора за ихъ дѣятельностью. А вѣдь извѣстно, что власть, избранная изъ среды товарищей—самая строгая и безпощадная. Совѣтъ избирается всѣми приставами закрытой баллотировкой и состоитъ въ настоящее время изъ старшины и шести членовъ совѣта. Избирается совѣтъ безсрочно, утверждается предсѣдателемъ съѣзда и можетъ быть переизбранъ, когда угодно, по желанію половины всего состава судебныхъ приставовъ. Совѣтъ судебныхъ приставовъ началъ свою дѣятельность съ 1-го сентября 1872 года. Въ то время совѣтъ состоялъ изъ старшины и четырехъ членовъ. Въ 1905 году число членовъ совѣта было увеличено до шести. Старшиной и членами совѣта обычно избираются лица, прослужившія много лѣтъ по мировому округу. Засѣданія совѣта происходятъ въ помѣщеніи мирового съѣзда, разъ въ недѣлю. Засѣданія открываются и закрываются старшиной совѣта. Вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ и записываются въ книгу постановленій совѣта. Всѣ постановленія представляются предсѣдателю съѣзда на утвержденіе.

Останавливаясь на дѣятельности совѣта судебныхъ приставовъ, прежде всего слѣдуетъ указать, что совѣтъ по порученію предсѣдателя съѣзда производитъ еженедѣльно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и внезапно, ревизіи

дѣлопроизводства и денежныхъ суммъ судебныхъ приставовъ. Ревизіи эти несомнѣнно имѣютъ важное значеніе. Ревизіями устанавливается правильность дѣлопроизводства, цѣлость денежныхъ суммъ, правильность расходованія ихъ, наблюденіе за дѣйствіями судебныхъ приставовъ по исполненію служебныхъ обязанностей и правильностью взысканія сбора по таксѣ. Воспитательное значеніе имѣютъ ревизіи для вновь вступившихъ судебныхъ приставовъ, такъ какъ на ревизіяхъ указываются приставамъ ихъ ошибки и разъясняются возникающія у нихъ сомнѣнія. Если при ревизіи обнаруживается, что судебный приставъ неряшливо ведетъ дѣлопроизводство, совѣтъ принимаетъ мѣры къ устраненію этого, вызывая такого пристава на ревизію черезъ короткіе періоды времени. Попутно на ревизіяхъ возникаютъ различные вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ совѣтъ устраняетъ противорѣчивую практику. Иногда на ревизіяхъ присутствуетъ предсѣдатель съѣзда, и совѣтъ имѣетъ возможность, тутъ же на мѣстѣ, получить разъясненіе по спорному вопросу. Кромѣ несомнѣнной пользы для приставовъ такія ревизіи имѣютъ значеніе и для интересовъ тяжущихся, такъ какъ каждый тяжущійся, имѣвшій дѣло у судебнаго пристава, можетъ быть увѣренъ, что дѣло его будетъ разсматриваться совѣтомъ, и, если приставъ поступилъ неправильно, то получитъ замѣчаніе независимо отъ того, была ли принесена жалоба на его дѣйствія. О результатѣ каждой ревизіи составляется протоколъ, который представляется предсѣдателю съѣзда. Встрѣчая разнообразную практику среди судебныхъ приставовъ, совѣтъ стремится устранить это явленіе и выработать единообразное разрѣшеніе встрѣчающихся при исполненіи рѣшеній вопросовъ [1]).

Ознакомившись на ревизіяхъ съ дѣятельностью судебныхъ приставовъ, совѣтъ назначаетъ ихъ съ разрѣшенія предсѣдателя съѣзда по участкамъ.

[1]) См. объ этомъ стр. 385 настоящей книги.

Совѣтъ также разрѣшаетъ хозяйственные вопросы и споры между судебными приставами по исполненію судебныхъ рѣшеній. Распредѣленіе таксоваго вознагражденія, получаемаго судебными приставами, лежитъ также на обязанности совѣта судебныхъ приставовъ. Въ послѣдній день каждаго мѣсяца собираются всѣ судебные пристава въ зданіи мирового съѣзда и доставляютъ собранное ими вознагражденіе по таксѣ, которое дѣлится между всѣми приставами поровну, за вычетомъ издержекъ на бланки и книги и другихъ хозяйственныхъ расходовъ. Хотя имѣются участки, по которымъ почти всегда вознагражденіе по таксѣ собирается въ большей суммѣ, нежели въ другихъ участкахъ, но все вознагражденіе дѣлится поровну, чтобы устранить стремленіе въ участки, по которымъ собирается крупное вознагражденіе. Въ эти дни совѣту приходится поработать. Надо принять отъ каждаго судебнаго пристава доставленную послѣднимъ сумму, заприходовать таковую и выдать установленную квитанцію. Надо подсчитать полученную сумму, удержать слѣдуемые вычеты съ каждаго судебнаго пристава, удержать расходы по совѣту, составить протоколъ раздѣла суммы, подробно перечисливъ, какіе именно произведены расходы, и выдать каждому судебному приставу слѣдуемую ему сумму. Протоколъ раздѣла суммъ представляется въ мировой съѣздъ и утверждается распорядительнымъ засѣданіемъ съѣзда.

Каждый годъ весной совѣтъ занимается распредѣленіемъ отпусковъ между судебными приставами. Трудъ этотъ также не малый. Отпускомъ желаетъ воспользоваться каждый, такъ какъ таковой дается съ сохраненіемъ полнаго содержанія. Но необходимо, чтобы отъ отпусковъ не страдали интересы публики. Поэтому на время отпуска одного судебнаго пристава участокъ его передается сосѣднему приставу, но съ такимъ разсчетомъ, что приставъ, завѣдующій двумя участками, каждый день принимаетъ публику и производитъ исполнительныя дѣйствія по каждому изъ соединенныхъ участковъ. При

этомъ совѣтъ слѣдитъ, чтобы не произошло какого-либо безпорядка въ исполненіи служебныхъ обязанностей, и отпуска разрѣшаются по группамъ, причемъ на случай болѣзни кого-либо изъ оставшихся судебныхъ приставовъ всегда имѣется судебный приставъ, могущій замѣнить заболѣвшаго. Постановленіе совѣта объ отпускахъ представляется предсѣдателю съѣзда и, по утвержденіи, свѣдѣнія о мѣстѣ и времени пріема у каждаго судебнаго пристава представляются столичному мировому съѣзду и вывѣшиваются во всѣхъ камерахъ мировыхъ судей заблаговременно, для свѣдѣнія публики. На время болѣзни судебнаго пристава участокъ его передается сосѣднему приставу по назначенію совѣта, о чемъ доносится предсѣдателю съѣзда. Если болѣзнь принимаетъ затяжной характеръ, совѣтъ старается предоставить больному возможность не безпокоиться о потерѣ службы, и хотя содержаніе полагается за время болѣзни не свыше 4-хъ мѣсяцевъ, но совѣтъ выдаетъ таксовое вознагражденіе и послѣ этого срока, конечно съ общаго согласія судебныхъ приставовъ.

Кромѣ того совѣтъ судебныхъ приставовъ содѣйствовалъ устройству между приставами различныхъ товарищескихъ организацій. Одной изъ такихъ организацій является ссудо-сберегательная касса судебныхъ приставовъ. Капиталъ этой кассы составляется изъ ежемѣсячныхъ отчисленій поровну съ каждаго пристава, причемъ ведется счетъ сбереженій каждаго пристава отдѣльно. Въ случаѣ надобности каждый изъ судебныхъ приставовъ можетъ получить во всякое время немедленно въ ссуду 150 рублей, съ прибавленіемъ суммы его сбереженій, изъ 6% годовыхъ, а при поручителяхъ и большую сумму. Для завѣдыванія кассой избирается общимъ собраніемъ приставовъ кассиръ изъ числа судебныхъ приставовъ, который ведетъ всю отчетность и составляетъ ежегодно отчетъ, разсылаемый каждому участнику кассы. Разъ въ мѣсяцъ дѣлопроизводство кассы и наличность денежныхъ суммъ ревизуются тремя

судебными приставами по выбору общаго собранія приставовъ, о чемъ составляется протоколъ. Прибыль кассы распредѣляется между судебными приставами и приписывается къ счету каждаго, по утвержденіи отчета. Цѣль кассы — предоставить судебнымъ приставамъ возможность составить нѣкоторыя сбереженія, а въ случаѣ надобности, не прибѣгая къ кредиту на сторонѣ, имѣть возможность воспользоваться кредитомъ изъ собственныхъ средствъ или у товарищей. Даже не имѣя еще никакихъ сбереженій, вновь вступающій судебный приставъ въ день поступленія на службу можетъ занять 150 рублей безъ поручителей, а именно ему-то и важно имѣть на первое время деньги, такъ какъ вновь вступающему приставу необходимо, кромѣ представленія залога, понести расходы по пріобрѣтенію штемпелей и канцелярскихъ принадлежностей, а иногда и поработать цѣлый мѣсяцъ безъ таксоваго вознагражденія, отдавая таковое своему предшественнику, или семьѣ умершаго предшественника, на мѣсто котораго онъ назначенъ, такъ какъ существуетъ обычай, по которому судебный приставъ, не получившій за первый мѣсяцъ при поступленіи на службу таксового вознагражденія, получаетъ таковое за слѣдующій мѣсяцъ по выходѣ въ отставку, а въ случаѣ смерти его получаетъ это вознагражденіе семья покойнаго.

Второй организаціей по почину совѣта является соглашеніе между приставами объ учрежденіи своего рода похоронной кассы. Соглашеніе это заключается въ томъ, что въ случаѣ смерти кого-либо изъ судебныхъ приставовъ петроградскаго столичнаго мирового съѣзда съ каждаго оставшагося въ живыхъ судебнаго пристава удерживается десять рублей и получаемая сумма немедленно выдается семьѣ покойнаго на расходы по погребенію, а такъ какъ въ настоящее время судебныхъ приставовъ въ Петроградѣ 52, то въ послѣднее время на погребеніе пристава выдавалось по 510 руб. Бывали случаи, что умирали пристава, не оставляя никакихъ

сбереженій, или, еще хуже, оставляя въ кассѣ долгъ, превышающій сбереженія, и семьи этихъ приставовъ оставались не только безъ кормильца, но и безъ денегъ на первое время. Въ такихъ случаяхъ это соглашеніе и приноситъ существенную пользу, такъ какъ на выдаваемыя товарищами деньги не только можно похоронить прилично, но и имѣть нѣкоторую сумму на первое время.

По предложенію умершаго въ 1914 году старшины совѣта Михаила Ивановича Острогорскаго и нѣкоторыхъ членовъ совѣта, была образована въ 1907 году третья товарищеская организація, а именно благотворительный фондъ судебныхъ приставовъ. Объ учрежденіи этого фонда разговоры были и раньше, но такъ и оставались разговорами, пока, какъ говорятъ, не грянулъ громъ. Въ 1907 году умеръ судебный приставъ А., оставившій семью изъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей-круглыхъ сиротъ. Надо было немедленно оказать помощь. Судебные пристава начали отчислять въ пользу этихъ сиротъ нѣкоторую сумму изъ раздѣловъ, пока сироты не были устроены. Затѣмъ образовали благотворительный фондъ. Стали удерживать съ каждаго пристава по одному рублю въ мѣсяцъ и составили уставъ. Избрали кассира, установили отчетность, и фондъ началъ дѣйствовать. Изъ маленькаго дѣла получилась большая польза. Скопилось нѣсколько сотъ рублей и нѣсколько сотъ рублей выдали. Несчастные случаи не заставили себя ждать. Выдавали изъ этого фонда и на леченіе и на похороны членовъ семей судебныхъ приставовъ и въ другихъ несчастныхъ случаяхъ. Въ 1914 г. уставъ фонда былъ пересмотрѣнъ, и дѣятельность его расширена. Въ 1915 году въ апрѣлѣ умеръ судебный приставъ, оставившій шестеро дѣтей-круглыхъ сиротъ. Фондъ опять пришелъ на помощь. Постановлено выдавать дѣтямъ покойнаго по 30 р. ежемѣсячно, пока въ теченіе года.

Покойный старшина совѣта Острогорскій и нѣкоторые члены съ нимъ служившіе были неутомимыми

Таблица охранъ наслѣдственныхъ имуществъ, произведенныхъ въ 1878—1915 гг. [1]).

Годы.	Число исполн. листовъ.	Цѣнность охраненнаго имущества.	Въ томъ числѣ		
			Денежныхъ документовъ и %%/% бумагъ.	Движимаго имущества.	Недвижимаго имущества.
1878.	11.753	21.287.629	13.788.682	2.383.551	5.115.396
1879.	11.545	16.175.002	9.945.736	1.259.546	4.969.720
1880.	11.692	11.002.615	6.590.773	1.569.533	2.842.309
1881.	12.249	17.419.501	9.130.610	1.634.327	6.654.563
1882.	19.039	27.288.278	17.886.239	1.451.757	7.950.281
1883.	11.469	25.553.852	14.400.187	1.423.973	9.720.691
1884.	11.900	56.978.628	44.290.398	2.790.445	9.897.785
1885.	11.904	23.212.815	12.806.543	1.542.576	8.055.889
1886.	12.287	25.609.198	13.360.009	1.361.819	10.887.369
1887.	11.287	31.307.651	17.333.256	1.565.152	12.409.242
1888.	12.216	53.642.743	39.296.884	2.346.343	11.999.514
1889.	12.553	35.699.660	23.623.924	1.779.184	10.266.552
1890.	11.499	32.177.126	16.550.311	1.991.437	13.635.377
1891.	12.037	40.289.273	23.513.537	2.044.123	14.731.611
1892.	12.293	46.385.512	29.509.969	1.085.105	15.790.438
1893.	12.769	36.278.236	18.693.949	2.206.137	15.378.148
1894.	13.054	30.681.925	17.633.063	2.588.101	10.460.760
1895.	13.185	45.829.212	16.179.910	2.915.920	16.733.380
1896.	12.470	36.255.327	19.768.447	2.307.843	14.179.036

[1]) За трехлѣтіе 1866—1869 гг. охранъ произведено на сумму 25.000.000 руб. (Изв. Гор. Д. 1869 г., отчетъ съѣзда стр. 967); за трехлѣтіе 1869 — 1872 г.г. на сумму 63.827.749 р. (по 14.612 исполнительнымъ листамъ — Изв. Гор. Д. 1872 г., отчетъ съѣзда стр. 1618); за трехлѣтіе 1872—1875 гг. на сумму 45.341.185 руб. 4½ коп. (по 19.012 исполнительнымъ листамъ—Изв. Гор. Д. 1876 г., отчетъ съѣзда стр. 1523). Свѣдѣній объ охранахъ за трехлѣтіе 1875 — 1878 гг. установить не удалось.

Годы.	Число исполн. листовъ.	Цѣнность охраненнаго имущества.	Въ томъ числѣ		
			Денежныхъ документовъ и %%/% бумагъ.	Движимаго имущества.	Недвижимаго имущества.
1897.	12.519	78.335.102	60.557.239	2.526.293	15.251.569
1898.	13.153	33.892.073	17.114.402	3.744.822	13.033.049
1899.	12.788	35.699.101	19.579.526	2.578.967	13.540.607
1900.	12.850	43.818.101	23.953.059	3.113.111	16.751.931
1901.	13.380	45.317.095	26.047.519	3.368.986	15.900.590
1902.	12.886	45.584.176	26.437.816	3.632.733	15.513.627
1903.	13.233	71.118.777	43.578.561	4.553.881	22.986.333
1904.	13.940	45.335.602	25.854.738	3.268.186	16.932.676
1905.	14.800	47.029.406	27.490.693	2.246.340	17.292.462
1906.	14.868	48.095.666	23.017.755	2.705.987	22.369.924
1907.	16.593	47.989.894	28.245.817	3.395.539	16.348.538
1908.	22.061	61.772.578	30.527.373	4.175.574	27.069.631
1909.	20.706	45.789.254	29.077.319	2.747.180	13.942.752
1910.	20.012	56.403.330	33.969.662	3.773.423	18.659.948
1911.	18.352	71.090.607	46.936.359	4.504.756	19.639.492
1912.	19.001	80.771.397	56.408.516	3.334.546	21.028.335
1913.	20.081	67.849.181	41.105.877	3.806.597	22.936.707
1914.	19.445	74.638.665	47.198.323	4.026.576	23.413.766
1915.	20.243	85.700.652	45.849.547	4.574.292	35.276.813
Итого . . .	548.112	1.659.144.031	997.252.558	92.324.661	569.566.812

Таблица по исполненію рѣшеній о взысканіяхъ и обезпеченію взысканій въ 1878—1915 гг. [1]).

Годы.	Число исполн. листовъ.	Общая сумма опредѣленная ко взысканію и обезпеченію по предъявленнымъ исполн. листамъ.	Изъ этой суммы взыскано и обезпечено судебными приставами.	
				%
1878.	17.026	1.033.353	448.173	43
1879.	17.278	1.162.102	569.902	49
1880.	16.426	1.705.664	367.898	21
1881.	18.371	2.083.088	363.092	17
1882.	18.819	1.619.747	721.013	44
1883.	18.312	1.402.940	746.107	53
1884.	19.316	1.636.166	790.771	42
1885.	19.522	1.528.271	660.910	43
1886.	19.743	1.553.686	640.453	41
1887.	19.245	1.322.637	601.388	45
1888.	19.184	1.128.653	570.615	50
1889.	21.033	1.180.875	599.216	51
1890.	22.402	1.281.045	657.592	50
1891.	23.235	1.364.589	695.734	50
1892.	26.842	1.907.019	993.683	52
1893.	32.091	2.577.203	1.577.761	61
1894.	30.718	1.937.262	1.089.097	56
1895.	29.504	1.759.475	962.692	54
1896.	30.134	1.778.027	996.797	56
1897.	31.884	1.837.543	1.103.670	60

[1]) За трехлѣтія 1866—1869 и 1875—1878 гг. свѣдѣній установить не удалось; за трехлѣтіе 1869—1872 гг. исполнено 56.192 рѣшенія мировыхъ судей и съѣзда на общую сумму 1.206.723 руб. (Изв. Гор. Д. 1872 г., отчетъ съѣзда стр. 1618), а за трехлѣтіе 1872—1875 г.г. исполнено 45.235 рѣшеній на сумму 2.626.905 руб. 66 коп. (Изв. Гор. Д. 1876 г., отчетъ съѣзда стр. 1025).

Годы.	Число исполн. листовъ.	Общая сумма, опредѣленная ко взысканію и обезпеченію по предъявленнымъ исполн. листамъ.	Изъ этой суммы взыскано и обезпечено судебными приставами.	
				%
1898.	32.839	1.876.770	1.122.757	59
1899.	35.008	2.126.490	1.351.313	63
1900.	29.029	2.442.998	1.435.564	57
1901.	41.764	3.011.374	1.680.633	55
1902.	46.074	3.435.229	1.824.664	54
1903.	52.220	4.114.928	2.135.582	52
1904.	62.794	5.052.209	2.432.961	48
1905.	62.456	4.986.911	2.215.232	45
1906.	69.942	5.829.759	2.650.260	45
1907.	70.638	5.491.487	2.666.971	44
1908.	76.383	6.494.910	3.239.554	50
1909.	78.583	6.622.033	2.506.449	38
1910.	81.571	6.534.103	2.119.295	38
1911.	83.021	7.150.615	2.061.056	34
1912.	91.637	7.872.899	2.187.317	34
1913.	90.125	8.028.996	2.313.630	37
1914.	81.985	7.608.785	2.303.000	33
1915.	55.827	6.218.335	1.885.253	30
Итого. . .	1.592.981	126.698.176	53.288.055	42

Таблица таксоваго вознагражденія, взысканнаго въ 1878—1915 гг. [1]).

Годы.	Взыскано по таксѣ:			Число судебныхъ приставовъ.	На каждаго судебнаго пристава.
	За охраненія.	За исполненія.	Всего.		
1878	42.040	14.865	56.905	25	2.276
1879	36.113	14.111	50.524	—	2.020
1880	35.904	14.421	50.325	—	2.013
1881	41.371	18.390	59.761	—	2.390
1882	52.000	19.459	70.559	—	2.822
1883	40.820	14.129	54.949	—	2.001
1884	71.301	10.432	81.733	—	3.101
1885	43.100	9.599	52.699	—	2.107
1886	40.255	10.637	50.942	—	2.037
1887	49.439	8.907	56.346	—	2.253
1888	63.672	6.618	70.290	—	2.811
1889	45.282	7.381	52.663	—	2.106
1890	45.517	8.035	53.552	—	2.142
1891	60.670	9.865	70.535	—	2.821
1892	61.504	10.339	71.843	—	2.873
1893	54.306	14.231	68.519	—	2.210
1894	50.079	13.550	63.629	31	2.033
1895	69.698	12.648	82.346	—	2.649
1896	56.699	12.005	68.705	—	2.216
1897	85.137	13.601	98.738	—	3.185
1898	63.167	12.709	75.876	—	2.447
1899	64.250	13.618	77.868	—	2.511
1900	70.060	15.318	85.380	35	2.439

[1]) Свѣдѣній за время до 1878 г. установить не удалось.

Годы.	Взыскано по таксѣ:			Число судебныхъ приставовъ.	На каждаго судебнаго пристава.
	За охраненія.	За исполненія.	Всего.		
1901	78.179	31.178	109.357	35	3.124
1902	78.763	32.676	111.431	38	2.932
1903	78.642	36.799	115.441	—	3.037
1904	93.088	43.847	136.935	40	3.423
1905	74.555	44.465	119.020	—	2.975
1906	71.100	51.551	122.651	—	3.066
1907	77.420	59.583	137.004	—	3.425
1908	89.567	70.805	160.272	46	3.484
1909	81.048	70.305	151.253	—	3.288
1910	92.108	71.434	163.542	—	3.555
1911	102.193	77.208	179.401	52	3.472
1912	125.201	86.610	211.812	—	4.073
1913	111.165	84.436	195.601	—	3.760
1914	110.179	78.193	188.372	—	3.622
1915	141.437	56.057	197.494	—	3.773
Итого . . .	2.647.029	1.177.244	3.824.273	—	—

Изъ этой суммы судебные пристава несутъ расходы по должности: на наемъ писца, разсыльнаго, дежурныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ съѣзда, книги, бланки, канцелярскіе матеріалы и разъѣзды, достигающіе отъ 1.200 до 1.500 руб. въ годъ.

работниками на общую пользу. По ихъ почину возникло еще одно хорошее дѣло. Въ 1911 г. скончался предсѣдатель петроградскаго столичнаго мирового съѣзда Михаилъ Павловичъ Глѣбовъ, пользовавшійся общею любовью всѣхъ служащихъ мирового округа. Совѣтъ и всѣ судебные пристава желали, чтобы имя покойнаго было увѣковѣчено, и основали фондъ имени Михаила Павловича Глѣбова. Путемъ ежемѣсячныхъ отчисленій изъ раздѣловъ собрали 2.200 рублей, пріобрѣли на нихъ гарантированныя правительствомъ 5% бумаги, внесли ихъ въ государственный банкъ на храненіе и на получаемые ежегодно проценты съ этого капитала въ суммѣ 100 р., учредили стипендію имени Михаила Павловича Глѣбова, выдавая таковую исключительно на плату за ученіе одного изъ дѣтей судебныхъ приставовъ по постановленію общаго собранія судебныхъ приставовъ ежегодно.

Въ настоящее время совѣтъ судебныхъ приставовъ состоитъ изъ старшины В. А. Сильницкаго и членовъ: И. М. Михайлова, К. И. Тринкевича, П. М. Михайлова, П. М. Щукина, А. П. Михѣева и Н. В. Томилина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Повѣренные по судебнымъ дѣламъ.

На порогѣ судебной реформы и въ наши дни.

До осуществленія въ Россіи судебной реформы, при исключительномъ дѣйствіи стараго судоустройства и судопроизводства, въ предѣлахъ собственно русскихъ губерній не существовало никакого организованнаго и признаннаго правительствомъ сословія повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ. Законодательство того времени ограничивалось лишь тѣмъ, что указывало нѣсколько категорій лицъ, коимъ воспрещалось быть повѣренными (ст. 195 зак. суд. гражд., т. X ч. 2 изд. 1857 г.).

Являясь вообще плохими совѣтчиками и руководителями въ дѣлахъ своихъ довѣрителей, ходатаи по судебнымъ дѣламъ того времени, пользуясь отсутствіемъ правильно организованнаго надзора за ихъ дѣятельностью и незнакомствомъ населенія съ порядками канцелярскаго производства дѣлъ, нерѣдко прибѣгали къ дѣйствіямъ противозаконнымъ и недобросовѣстнымъ, которыя не могли не лишать званія ходатаевъ по дѣламъ довѣрія и уваженія со стороны правительства и общества.

Съ замѣной въ новомъ судѣ началъ прежняго слѣдственнаго и письменнаго судопроизводства принципами состязательнаго гражданскаго и уголовнаго процесса,

качества лицъ, являющихся передъ судомъ защитниками подсудимыхъ и тяжущихся, также какъ и пріемы ихъ дѣятельности, должны были представляться далеко не безразличными для правильнаго и успѣшнаго хода правосудія. Изъ простого повѣреннаго, представителя личности довѣрителя, какимъ былъ адвокатъ въ прежнихъ судахъ, въ новомъ процессѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ органовъ суда, содѣйствующимъ ему въ раскрытіи истины путемъ правильной защиты правъ своего довѣрителя.

Съ такимъ назначеніемъ служить правосудію судебные уставы 1864 г. создаютъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, организуя его на корпоративномъ началѣ для удовлетворенія потребности въ судебномъ представительствѣ и защитѣ.

Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ явилось, однако, совершенно новымъ учрежденіемъ въ имперіи...

Законодательная власть была поставлена въ необходимость образовать это учрежденіе не на исторической почвѣ, но совершенно заново, не имѣя передъ собой практическихъ указаній опыта и руководясь единственно теоретическими соображеніями о требованіяхъ новаго процесса и примѣрами другихъ государствъ, имѣвшихъ у себя подобное же судоустройство. Въ первоначальныхъ изданіяхъ судебныхъ уставовъ адвокатура явилась въ учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ съ единственнымъ упоминаніемъ въ законѣ о ихъ помощникахъ и съ перспективою въ неопредѣленномъ будущемъ адвокатской монополіи, въ видѣ объявленія комплекта.

Созданное при указанныхъ условіяхъ учрежденіе не могло во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать ни дѣйствительнымъ потребностямъ судебной дѣятельности, выяснившимся лишь изъ позднѣйшей практики судовъ, ни особенностямъ общественнаго склада и народнаго быта въ Россіи. Съ теченіемъ времени въ организаціи судебнаго представительства должны были обнаружиться болѣе или менѣе важные недостатки. При столкновеніяхъ

съ дѣйствительностью скоро выяснились слабыя и больныя мѣста новаго учрежденія. Въ судьбахъ его многое не оправдало надеждъ и ожиданій законодателя, который и обратился прежде всего къ частнымъ мѣрамъ, вызваннымъ отдѣльными потребностями и условіями [1]).

Судебное представительство въ *мировыхъ* судебныхъ учрежденіяхъ съ первыхъ же шаговъ должно было испытать на себѣ не только указанный недостатокъ, но и прямые пробѣлы новаго закона. Реформа, разсчитанная исключительно на потребности судебнаго представительства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, почти не коснулась мировыхъ судебныхъ учрежденій. Законъ и дѣйствительность нимало не обезпечивали участія въ мировомъ судѣ организованной адвокатуры. На такое участіе не могло возникать надеждъ даже въ перспективѣ. По массѣ причинъ, ниже перечисляемыхъ, предъ лицомъ мирового суда, въ качествѣ повѣреннаго сторонъ, остался въ сущности тотъ же дореформенный ходатай по чужимъ дѣламъ. Силою закона кругъ частныхъ ходатаевъ въ мировомъ судѣ, казалось, скорѣе даже расширялся, вслѣдствіе, напр., узаконенія для мирового суда выступленій неграмотныхъ повѣренныхъ (ср. ст. 45 и 246 у. г. с.).

Нынѣ въ округѣ петроградскаго столичнаго мирового съѣзда достигнуто привлеченіе къ судебному представительству болѣе надежныхъ и опредѣленныхъ элементовъ адвокатуры, но эти благіе результаты должны быть отнесены къ той практикѣ, на которой съѣздъ далеко не сразу остановился, и которая стала возможной лишь благодаря положенію съѣзда въ большомъ столичномъ городѣ — средоточіи весьма значительнаго числа представителей присяжной адвокатуры съ ихъ помощниками. Пройдя горнило тѣхъ сомнѣній, какія вызывалъ законъ 1874 г., съѣздъ послѣ долгихъ колебаній сталъ допускать въ составъ частныхъ повѣренныхъ своего округа лицъ опредѣленнаго ценза, т.-е. преимущественно,

[1]) Объясн. зап. выс. утв. ком. по пересмотру законопол. по суд. части, т. III, ч. II, стр. 3—6.

если не исключительно, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, а съ нѣкотораго времени пріобщеніе послѣднихъ къ интересамъ правосудія въ округѣ съѣзда было направлено и въ сторону иныхъ задачъ, связанныхъ съ возможно правильною постановкою судебнаго представительства въ мировомъ судѣ, въ развитіе и распространеніе общихъ завѣтовъ Преобразователя. Справедливо, однако, замѣтить, что первые шаги въ этомъ направленіи, а именно къ вытѣсненію изъ мирового суда скрыто дѣйствующихъ силъ подпольной адвокатуры, были предприняты не съѣздомъ, а самою адвокатурою и притомъ еще въ 1872 г., т.-е. до появленія закона о частныхъ повѣренныхъ. Съѣздъ въ этомъ дѣлѣ пошелъ навстрѣчу помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ только черезъ 15 лѣтъ (1887 г.), когда, наконецъ, была учреждена при съѣздѣ консультація помощниковъ.

За все истекшее пятидесятилѣтіе урегулированіе въ округѣ съѣзда дѣятельности повѣренныхъ неизбѣжно подчиняется состоянію и развитію законодательства о повѣренныхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Грань настоящему съ прошлымъ пролагаетъ законъ 25 мая (6 іюня) 1874 г.

Судебное представительство повѣренныхъ до закона 1874 г.

Законъ: судебные уставы изд. 1864 г.

До закона 1874 г., т.-е. подъ дѣйствіемъ лишь судебныхъ уставовъ имп. Александра II, изд. 1864 года (полн. собр. зак. 1864 г. 41477; ст. 44), въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ выступаютъ кромѣ лицъ, перечисляемыхъ въ ст. 389 у. с. у., двѣ категоріи повѣренныхъ: 1) присяжные повѣренные и 2) постороннія лица, но, въ отличіе отъ современнаго порядка, „посторонніе“ до 1874 г. могли выступать въ качествѣ повѣренныхъ безъ ограниченія въ числѣ гражданскихъ дѣлъ въ году и безъ той выборки свидѣтельствъ на званіе частныхъ повѣренныхъ, какая была установлена лишь закономъ 1874 г. (нынѣ ст. 406[1] и посл. у. с. у.).

Элементъ оптимизма въ реформѣ 1864 года. При созданіи сословной адвокатуры, въ средѣ лицъ ей постороннихъ законъ видимо не предполагалъ большихъ возможностей или склонностей къ вырожденію частной адвокатуры въ подпольную. Возможность такого явленія въ размѣрахъ, грозныхъ для правосудія въ мировомъ судѣ, явно не предугадывалась. Глубокой вѣрѣ въ святость дѣла новаго суда сопутствовало твердое убѣжденіе въ нравственной устойчивости и быстромъ развитіи организованной адвокатуры. Извѣстнаго рода оптимизмъ законодателя не оставлялъ мѣста большимъ сомнѣніямъ. При исключительномъ дѣйствіи стараго судопроизводства (ст. 195 зак. суд. гражд. т. X, ч. 2, изд. 1857 г.), фактически уже сложился классъ частныхъ ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ изъ людей, лишенныхъ не только юридическаго, но и сколько-нибудь удовлетворительнаго общаго образованія. Создавая, въ противовѣсъ этому классу, сословную адвокатуру, законодатель во многомъ полагался на здравый смыслъ самихъ довѣрителей. Въ сужденіяхъ подъ ст. 387 у. с. у. (изд. гос. канц.) высказана прямая увѣренность, что „ни одинъ повѣренный не позволитъ себѣ отправлять свои обязанности небрежно, не только изъ опасенія взысканій, которымъ онъ можетъ подвергнуться отъ совѣта повѣренныхъ, но еще болѣе потому, что подобнаго повѣреннаго никто не станетъ избирать для своихъ дѣлъ, а всѣ станутъ обращаться къ его товарищамъ“...

Образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ организаціи, правамъ, обязанностямъ и отвѣтственности посвящена въ судебныхъ уставахъ цѣликомъ глава II разд. 9 у. с. у. Свыше 50 статей закона (353—406), съ возможною для новаго дѣла обстоятельностью, опредѣлили природу и составъ сословія, имѣвшаго представить „самое вѣрное ручательство нравственности, знанія и честности убѣжденій“. Для поддержанія такого ручательства на вы-

сотѣ дѣйствительнаго, учрежденъ надзоръ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ „посредники между судомъ и представшими предъ судомъ лицами", присяжные повѣренные причислены къ лицамъ, состоящимъ при судебныхъ мѣстахъ (у. с. у. разд. 9).

Пробѣлъ въ регламентаціи положенія повѣренныхъ изъ постороннихъ и его значеніе. При столь значительномъ вниманіи къ сословной адвокатурѣ полное отсутствіе въ суд. уставахъ 1864 г. опредѣленій о положеніи передъ судомъ повѣренныхъ изъ постороннихъ и о какомъ-либо порядкѣ надзора за ихъ дѣятельностью, само по себѣ, останавливаетъ вниманіе. Но эта разница отношеній имѣетъ разное объясненіе для повѣренныхъ въ общихъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. По нашему мнѣнію, безразличное съ внѣшней стороны отношеніе законодателя къ стороннимъ повѣреннымъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ должно имѣть для себя совершенно особое объясненіе потому уже, что въ самомъ законѣ, съ самаго начала и въ перспективѣ институтъ сословной адвокатуры нимало не былъ разсчитанъ на удовлетвореніе потребностей судебнаго представительства въ мировомъ судѣ. Эти положенія приходится отмѣтить и пояснить впереди всего, такъ какъ они проливаютъ свой свѣтъ на дѣятельность или, вѣрнѣе, бездѣятельность съѣзда въ отношеніи повѣренныхъ за все время до закона 1874 г.

Пробѣлъ или недостаточность опредѣленій закона о постороннихъ лицахъ, какъ повѣренныхъ въ *общихъ* судебныхъ мѣстахъ, находитъ себѣ объясненіе не только въ тѣхъ затрудненіяхъ, какія могли быть встрѣчены въ неопредѣленности состава этой категоріи повѣренныхъ. Въ стремленіи къ идеальной постановкѣ адвокатуры игнорированіе повѣренныхъ изъ постороннихъ могло представлять свои удобства для законодателя. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, согласно закону, по недостаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ, повѣренные могли избираться изъ постороннихъ лицъ (ст. 245 у. г. с.), законодатель

все же былъ всемѣрно озабоченъ тѣмъ, чтобы вызвать преимущественное обращеніе къ присяжнымъ повѣреннымъ. Разсчетъ повысить спросъ на послѣднихъ и тѣмъ усилить ихъ сословіе съ особою наглядностью высказанъ въ сужденіи подъ ст. 248 у. г. с., гдѣ читаемъ: „Правительство беретъ на себя нѣкоторое ручательство въ способностяхъ и благонадежности каждаго присяжнаго повѣреннаго. Вслѣдствіе сего для тяжущихся облегченъ и упрощенъ самый способъ избранія или уполномочія присяжныхъ повѣренныхъ"...

Таковы были пути и средства призыва къ жизни и усиленнаго развитія адвокатуры на новыхъ сословныхъ началахъ. При невозможности „на первое время имѣть при всѣхъ судахъ достаточный комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ", въ мѣстахъ съ недостаточнымъ ихъ количествомъ сторонамъ было предоставлено избирать повѣренныхъ и изъ постороннихъ лицъ (ст. 245 у. г. с.). Одновременно, какъ мы видѣли, была намѣчена политика вытѣсненія постороннихъ по минованіи въ нихъ надобности. Эта политика формально сохранилась предуказанной въ законѣ до сихъ поръ, но, какъ и раньше, только для судебнаго представительства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (у. с. у. ст. 387, 388; у. г. с. кн. II, отд. II, ст. 245). Въ тѣхъ городахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигало бы комплекта, т.-е. становилось достаточнымъ согласно особой табели, тяжущіеся лишались по закону права давать довѣренности постороннимъ лицамъ, но лишь на хожденіе по ихъ дѣламъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 387 у. с. у.; ср. ст. 44 у. г. с.).

Несомнѣнно и значительно инымъ явилось отношеніе судебныхъ уставовъ къ положенію тѣхъ и другихъ повѣренныхъ въ *мировыхъ* судебныхъ учрежденіяхъ. Законъ (ст. 44, 45 у. г. с.) сохранилъ и въ мировомъ судѣ за присяжными повѣренными первое мѣсто и одинаково оставилъ положеніе повѣренныхъ изъ постороннихъ безъ ближайшаго опредѣленія. Но для по-

вѣренныхъ въ этомъ судѣ смыслъ этого первенства и этого пробѣла былъ, конечно, другой. Здѣсь первенство присяжныхъ повѣренныхъ было больше „honoris causa“, безъ какихъ-либо надеждъ на ихъ численное преобладаніе надъ посторонними. Нормальнаго ходатая по чужимъ дѣламъ въ мировомъ судѣ законодатель искалъ и полагалъ найти именно въ лицахъ, постороннихъ сословной адвокатурѣ. Въ этомъ отношеніи законъ безъ всякихъ иллюзій учелъ практику жизни, предусмотрѣть которую было нетрудно. По массѣ причинъ, до гонорарныхъ включительно, присяжный повѣренный былъ и остался въ мировомъ судѣ гостемъ желаннымъ, но рѣдкимъ. Положеніе вещей, законъ и сужденія къ закону убѣждаютъ во всемъ этомъ, не оставляя сомнѣній.

Отъ политики вытѣсненія постороннихъ ходатаевъ изъ мировыхъ судебныхъ учрежденій законодатель въ то время долженъ былъ стоять особенно далеко. Явной неприложимости этой политики къ повѣреннымъ въ мировомъ судѣ, при всемъ оптимизмѣ законодателя, нельзя было не сознавать въ виду массы дѣлъ мировой юстиціи, относительно незначительныхъ. Громадное большинство этихъ дѣлъ разбиралось въ участкахъ, отдаленныхъ отъ городовъ съ общими судебными установленіями—мѣстъ пребыванія присяжныхъ повѣренныхъ. Гонорара, не только достойнаго знаній и честности убѣжденій, но и вообще сколько-либо окупающаго труды и переѣзды, отъ дѣлъ мировой подсудности нельзя было ожидать; нельзя было думать и о достаточности для мирового суда числа присяжныхъ повѣренныхъ, разъ ихъ не хватало для однихъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Въ прежней, какъ и теперешней редакціи статьи 45 у. г. с. не находимъ того отрицательнаго условія для повѣренныхъ въ мировомъ судѣ, какое имѣется въ первомъ же пунктѣ ст. 246 для повѣренныхъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ; т.-е. силою ст. 45 повѣренными въ мировомъ судѣ были допущены и неграмотные. Изъ сужденій подъ ст. 45 у. г. с. узнаемъ, что „при

распространеніи (при обсужденіи вопроса о распространеніи) дѣйствія ст. 246 сего устава на порядокъ производства дѣлъ у мирового судьи признано, что воспрещеніе быть повѣренными у мирового судьи не должно распространяться на неграмотныхъ, такъ какъ дѣятельность мировыхъ судей преимущественно будетъ заключаться въ разбирательствѣ споровъ между сельскими обывателями, въ средѣ коихъ весьма часто встрѣчаются неграмотные, вслѣдствіе чего тяжущіеся были бы поставлены въ большое затрудненіе при пріисканіи себѣ повѣренныхъ“.

Въ дѣлѣ обезпеченія присяжной адвокатуры законодатель придавалъ гонорару значеніе, удовлетворить которому „невыгодныя“ дѣла мировой юстиціи никакъ не могли. Высказываясь противъ дозволенія присяжнымъ повѣреннымъ принимать на себя словесную защиту тяжущихся и подсудимыхъ внѣ округа судебной палаты, въ коемъ они имѣли мѣсто жительства, законодатель приводитъ подъ ст. 383, 384 у. с. у. слѣдующее соображеніе: „если дѣйствительно можно опасаться, что въ большей части нашихъ городовъ не будетъ присяжныхъ повѣренныхъ потому, что въ нихъ будетъ мало гражданскихъ дѣлъ, доставляющихъ наибольшія выгоды повѣреннымъ, то это опасеніе сдѣлается еще вѣроятнѣе, если у мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ отнять и то небольшое число „особенно выгодныхъ“ дѣлъ, вознагражденіе за которыя могло бы сдѣлать возможнымъ существованіе присяжныхъ повѣренныхъ въ тѣхъ городахъ. Такою мѣрою, конечно, уничтожится даже возможность, чтобы въ этихъ городахъ когда-либо поселились присяжные повѣренные“.

Наконецъ, достиженіе въ данномъ городѣ комплекта присяжныхъ повѣренныхъ никакихъ измѣненій въ права постороннихъ повѣренныхъ на выступленія въ мировомъ судѣ по закону не вносило. Комплектъ первыхъ по закону не отмѣнялъ дѣйствія 44 ст. у. г. с., какъ не отмѣняетъ и нынѣ.

Такимъ образомъ, на сколько-либо значительное участіе присяжныхъ повѣренныхъ въ мировомъ судѣ законодатель не могъ разсчитывать и явно не разсчитывалъ. Къ дѣлу замѣстительства сторонъ въ мировомъ судѣ былъ привлеченъ повѣренный изъ постороннихъ во всей неопредѣленности своего состава, — привлеченъ, какъ типичный повѣренный въ этомъ судѣ по мысли самого законодателя.

Съ другой стороны, нельзя думать, чтобы законодатель въ духѣ времени настолько вѣрилъ въ торжество однихъ разумныхъ и честныхъ элементовъ общественности, что вовсе не представлялъ себѣ опасностей для правосудія отъ безнадзорнаго веденія дѣлъ повѣренными изъ постороннихъ. Законодатель зналъ и эти опасности и тѣхъ, отъ кого всего больше надо было ихъ ждать. Въ сужденіяхъ подъ ст. 354 у. с. у. къ такимъ лицамъ, допущеніе которыхъ „будетъ имѣть болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ послѣдствій", отнесены, напр., отставные чиновники, а также прежніе ходатаи съ ихъ дореформенными навыками.

Положеніе вещей, законъ и сужденія къ закону уясняютъ въ итогѣ слѣдующее отношеніе судебныхъ уставовъ къ присяжной и частной адвокатурѣ въ мировомъ судѣ. Созданіе присяжной адвокатуры не было связано съ вытѣсненіемъ изъ мирового суда частной. Но въ виду этого и пробѣлъ опредѣленій закона о границахъ дѣятельности и надзорѣ за дѣятельностью стороннихъ повѣренныхъ едва-ли явился въ результатѣ одного игнорированія ихъ въ мировомъ судѣ. Слѣдуетъ думать, что *по трудности опредѣленія, лежащаго въ неопредѣленности состава повѣренныхъ изъ постороннихъ, вопросъ о нихъ въ мировомъ судѣ въ должномъ объемѣ былъ оставленъ открытымъ до указаній опыта.* Выводъ не мѣняется, если законодатель такъ не мыслилъ. Вопросъ фактически остался открытымъ, такъ какъ законъ опредѣлилъ общимъ образомъ лишь составъ стороннихъ повѣренныхъ, но не положеніе ихъ передъ лицомъ суда

въ отношеніи условій и границъ дозволенной дѣятельности, опредѣляемыхъ судебнымъ надзоромъ и судебнымъ воздѣйствіемъ.

Практика съѣзда: 1866—1874 гг.

Неопредѣленность положенія судебнаго представительства въ мировомъ судѣ до закона 1874 г. Обращаясь къ даннымъ опыта дѣятельности стороннихъ повѣренныхъ и вопросу о судебномъ на нихъ воздѣйствіи въ округѣ съѣзда до закона 1874 г., приходится констатировать положеніе, едва-ли предвидѣнное законодателемъ. Законодатель ждалъ указаній опыта и, надо думать, прежде всего отъ судебныхъ мѣстъ, а петроградскій столичный мировой съѣздъ пребывалъ въ несомнѣнномъ ожиданіи указаній законодателя. Взаимное недоразумѣніе суда и законодателя — очевидно. Тѣмъ не менѣе, оно въ порядкѣ вещей, какъ естественное послѣдствіе того довѣрчиво-выжидательнаго отношенія законодателя, какого частные ходатаи одинаково не заслуживали въ любомъ судѣ. Въ ожиданіи указаній опыта, положеніе такихъ ходатаевъ было не по заслугамъ оставлено безъ какой-либо регламентаціи закона. Но, вслѣдствіе этого, на протяженіи почти десятилѣтія самая ихъ дѣятельность осталась внѣ того надзора и воздѣйствія, какое нынѣ дѣйствуетъ и какое, только опираясь на законъ, могло бы оставить свой слѣдъ въ производствѣ съѣзда. Этого слѣда въ дѣлахъ съѣзда дѣйствительно не имѣется. Тѣмъ не менѣе отъ упрековъ по адресу съѣзда за этотъ періодъ воздержимся. Воздержимся отъ обвиненій въ бездѣятельности и отъ еще болѣе тяжкаго, — въ непротивленіи злу по дѣлу, близкому для суда. Для борьбы со зломъ путемъ судебнаго воздѣйствія у суда одно оружіе—законъ; соотвѣтствующаго закона, до указаній опыта, дано не было. Борьба со зломъ *посредственная*, т.-е. путемъ воздѣйствія черезъ иную власть, конечно, велась; но, по своей

сущности, этого рода борьба со стороны съѣзда или отдѣльныхъ судей могла возникать въ единичныхъ случаяхъ, по частному почину и противъ явленій особо уродливой дѣятельности стороннихъ ходатаевъ. Документальныя данныя о такой борьбѣ интересующійся, всего вѣроятнѣе, могъ бы найти при удачѣ въ нарядахъ общихъ дѣлъ петроградскаго градоначальника, если сохранились въ архивахъ, не уничтоженныя по давности храненія, недостатку мѣста и др. причинамъ. Намъ разыскать ихъ не удалось.

Составъ адвокатуры по дѣламъ съѣзда въ первый годъ. Практика первыхъ лѣтъ не оправдала надеждъ общества на широкое участіе въ мировомъ судѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Что касается постороннихъ, то ихъ участіе здѣсь, въ качествѣ повѣренныхъ, надо думать, превзошло ожиданія законодателя.

Для петроградскаго столичнаго мирового съѣзда за первый годъ его дѣйствія число гражданскихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ повѣренныхъ — до обиднаго ничтожно. Въ 1866 г. съ ихъ участіемъ въ самомъ съѣздѣ прошло только 3 дѣла противъ 39 съ повѣренными изъ постороннихъ лицъ. Среди послѣднихъ преобладаетъ разный чиновный людъ (по 13 дѣламъ), очевидно какъ болѣе грамотный по части писанія прошеній, иногда съ извѣстнымъ навыкомъ въ обращеніи съ закономъ. Далѣе, среди постороннихъ ходатаевъ, выступавшихъ въ съѣздѣ, значатся за тотъ же годъ: полковники, поручики, домашніе учителя, купцы, купеческій сынъ, мѣщане, крестьяне; по одному дѣлу выступилъ повѣреннымъ баронъ; по одному студентъ, уволенный изъ медико-хирургической академіи...

Данныя о дѣятельности стороннихъ повѣренныхъ по оффиціальнымъ источникамъ. Вопросъ объ относительной пользѣ или вредѣ широкаго участія повѣренныхъ изъ постороннихъ въ округѣ съѣзда за время до закона 1874 г. представляется по дѣламъ съѣзда крайне неяснымъ. Производства распорядительныхъ засѣданій за

этотъ періодъ не содержатъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы какія-либо дѣйствія названныхъ повѣренныхъ доходили до съѣзда и здѣсь разсматривались въ порядкѣ жалобъ или надзора. Однако, чтобы въ дѣятельности стороннихъ повѣренныхъ все было благополучно, противъ такого представленія законъ 1874 г. и причины, его вызвавшія. Печальныя данныя дѣятельности повѣренныхъ въ округѣ столичнаго съѣзда одинаково имѣли мѣсто, какъ и въ другихъ судебныхъ округахъ.

Какого рода были ходатаи по судебнымъ дѣламъ, собственно въ округѣ столичнаго съѣзда, и какое значеніе имѣла ихъ дѣятельность, судить объ этомъ позволяетъ уже записка мирового судьи Н. А. Неклюдова, представленная съѣздомъ въ апрѣлѣ 1869 г. въ министерство юстиціи на запросъ отъ 31 марта 1868 г. о степени удовлетворительности новаго судоустройства и судопроизводства по судебнымъ уставамъ по двухлѣтнемъ ихъ примѣненіи (см. стр. 326 настоящей книги).

Потому ли, что въ запискѣ Неклюдова строки о повѣренныхъ явились частностью общаго отзыва, или по другимъ причинамъ (см. тамъ же, стр. 326), но эти строки, проникнутыя мудростью опыта и знаній, не вызвали въ министерствѣ вниманія къ больному мѣсту реформы нашего судебнаго представительства. Это вниманіе было пробуждено тогда лишь, когда министръ былъ прямо призванъ къ дѣлу врачеванія высочайшею волею (см. ниже историческую справку къ закону 1874 г.).

Записка Неклюдова проскользнула въ министерствѣ незамѣченной. Между тѣмъ по своему содержанію все въ ней касающееся повѣренныхъ должно было бы приковать къ себѣ вниманіе. Въ ней имѣлся и діагнозъ болѣзни судебнаго представительства въ мировомъ судѣ, имѣлись уже и средства врачеванія — тѣ самыя, какія черезъ пять лѣтъ преподалъ законъ 1874 г. послѣ безконечныхъ передѣлокъ министерскаго проекта высокими учрежденіями.

Помочь злу Неклюдовъ полагалъ: учрежденіемъ

особыхъ повѣренныхъ при мировомъ съѣздѣ; требованіемъ отъ нихъ извѣстнаго образованія или опытности, подчиненіемъ ихъ дисциплинарной власти съѣзда и пр. Записка шла даже дальше задачъ закона 1874 г., ибо намѣчала также привлеченіе повѣренныхъ къ безмездной защитѣ „подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ проступкахъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе", т.-е. такую связующую съ правосудіемъ дѣятельность адвокатуры, провести которую въ должныхъ предѣлахъ удалось въ съѣздѣ лишь въ 1906 году.

Была или не была перелистана записка Неклюдова въ министерствѣ при ея поступленіи, рѣшить трудно, но что ея не коснулись здѣсь при составленіи объяснительной записки министра къ проекту правилъ о частныхъ повѣренныхъ, въ этомъ убѣждаетъ простое сопоставленіе въ той и другой запискѣ описанія дѣятельности ходатаевъ. Приведенный у Неклюдова разительный примѣръ того, какъ ходатаи, подбивая подсудимаго къ неосновательнымъ жалобамъ въ съѣздъ и сенатъ, создавали этимъ для него девять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія вмѣсто положенныхъ трехъ, не могъ бы быть упущенъ въ запискѣ къ проекту, если бы министръ дѣйствительно прислушался къ голосу столичнаго съѣзда, отраженному въ запискѣ Неклюдова. Отъ примѣровъ подобнаго рода вѣетъ тѣмъ ужасомъ, котораго одного было бы достаточно для убѣжденія законодателя въ необходимости ограничительныхъ правилъ о повѣренныхъ, и, быть можетъ, самая относимость закона 1874 г. лишь къ дѣламъ *гражданскимъ* связана съ фактомъ невниманія къ тому, что̀ должно бы было составить предметъ особаго вниманія, но не составило. Примѣровъ, подобныхъ имѣющимся у Неклюдова, въ запискѣ министра не имѣется вовсе; значительно иначе, чѣмъ у него, очерченъ также составъ и самая дѣятельность ходатаевъ. Приводимъ здѣсь же, для сличенія съ примѣрами Неклюдова (см. стр. 326), данныя изъ записки къ проекту министра, почерпнутыя имъ изъ объясненій

предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ. Были ли это общія объясненія, затребованныя отъ съѣздовъ 31 марта 1868 г., изъ записки министра не видно.

Согласно объяснительной запискѣ министра, изъ объясненій предсѣдателей многихъ мировыхъ съѣздовъ усматривается, что „ходатаи по чужимъ дѣламъ въ мировомъ судѣ были большею частію оставшіеся за штатомъ писцы присутственныхъ мѣстъ или волостные писаря, а также чиновники упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ и отставные солдаты. Представляемыя ими просьбы, всегда безграмотныя, составляютъ по большей части безсмысленный наборъ словъ и фразъ. Просительные пункты оканчиваются обыкновенно словами: „поступить во всемъ по законамъ". Такимъ образомъ изъ этихъ прошеній ясно только одно, что проситель не знаетъ даже самъ, о чемъ онъ проситъ. Такъ какъ существованіе всѣхъ подобныхъ повѣренныхъ зависитъ отъ заработковъ за написаніе просьбъ, то зло, приносимое ими, весьма велико: они подстрекаютъ къ начатію исковъ, причемъ весьма часто пишутъ просьбы обѣимъ сторонамъ, отговариваютъ отъ принесенія словесныхъ жалобъ и, наконецъ, принимаютъ участіе въ составленіи подложныхъ документовъ. Кромѣ того дѣятельность подпольныхъ ходатаевъ нерѣдко служитъ неопреодолимымъ препятствіемъ мировымъ судьямъ склонять тяжущихся къ прекращенію дѣла миромъ, потому что повѣренный напередъ увѣряетъ своего кліента о выигрышѣ дѣла безъ всякихъ уступокъ. И это понятно, такъ какъ дѣла, прекращаемыя миромъ, не приносятъ повѣреннымъ тѣхъ выгодъ, на которыя они обыкновенно разсчитываютъ. Подобные ходатаи жалобы о нанесеніи обидъ или побоевъ, о неисполненіи договора и о прочихъ предметахъ изображаютъ обыкновенно въ преувеличенномъ видѣ, чѣмъ въ значительной степени затрудняютъ скорое и правильное разрѣшеніе дѣлъ; такъ они, напр., побои называютъ увѣчьемъ, обманъ или завладѣніе—грабежомъ, и пока не выяснятся обстоятельства черезъ сло-

весные разспросы просителя или кого-либо изъ свидѣтелей, мировой судья затрудняется въ разрѣшеніи подсудности дѣла. Наконецъ были примѣры, когда повѣренные являлись въ нетрезвомъ видѣ и дозволяли себѣ неумѣстныя и оскорбительныя выходки".

Вырожденіе частной адвокатуры передъ закономъ 1874 г. въ подпольную по частнымъ источникамъ. О размѣрахъ и сущности зла, причиняемаго ходатаями до закона 1874 г., возможно также судить по личнымъ воспоминаніямъ судей и другихъ лицъ. Эти воспоминанія содержатъ иногда указанія и на то посредственное воздѣйствіе, къ которому приходилось прибѣгать судьямъ въ случаяхъ особо дерзкихъ посягательствъ на правосудіе со стороны подпольной адвокатуры. Приводимъ одно изъ такихъ воспоминаній, довольно полно рисующее образцы и размѣры вырожденія ходатаевъ по чужимъ дѣламъ за 3 — 4 года до закона 1874 г.

Въ статьѣ „Мировой судъ въ С.-Петербургѣ въ 1868 — 1872 г." (Историч. Вѣстникъ 1885 г. т. XIX) авторъ воспоминаній, мировой судья 25-го участка Ѳ. Устряловъ, даетъ слѣдующее описаніе положенія вещей въ его участкѣ на Петербургской сторонѣ:

„Петербургская сторона,—повѣствуетъ Устряловъ,—была въ мое время замѣчательно наклонна къ сутяжничеству; населеніе ея состояло преимущественно изъ отставныхъ чиновниковъ, стародавнихъ вдовъ, дѣвицъ, ищущихъ жениховъ, мужей безъ женъ и т. п., и надъ всѣмъ этимъ населеніемъ властвовалъ какой-нибудь кулакъ-лавочникъ, мясникъ или зеленщикъ. Но главными подстрекателями къ всевозможнымъ кляузамъ, ссорамъ, сплетнямъ и дракамъ являлись портерщики и кабатчики, помѣщенія которыхъ служили мѣстомъ сходокъ такъ называемыхъ дровокатовъ и ихъ кліентовъ. Эти непатентованныя личности представляли собой отвратительную язву для всего населенія Петербургской стороны и въ особенности для мирового судьи, камера котораго бывала ими ежедневно наполнена. Тутъ же,

на улицѣ, чуть ли не на тумбѣ писались прошенія, сочинялись дѣла о нарочно-придуманныхъ оскорбленіяхъ, стравливались подвыпившія личности, и застольные адвокаты немедленно предлагали имъ свои услуги. Между послѣдними существовали ходатаи по дѣламъ низшаго разбора, и такіе магнаты, которые нанимали хорошую квартиру и ѣздили на парѣ лошадей. Прямо противъ входа въ мою камеру помѣстился нѣкто Курганниковъ, хорошо знакомый съ прежнимъ мировымъ судьей и потому знавшій чуть ли не наизусть все, что творилось у князя Шаховского. Я не счелъ нужнымъ завести, по примѣру моего предшественника, знакомства съ г-мъ Курганниковымъ, и онъ являлся въ мою камеру лишь въ качествѣ повѣреннаго, причемъ брался за дѣла запутанныя, представлявшія извѣстный денежный интересъ. Онъ былъ еще лучшій изъ тѣхъ адвокатовъ, которые ставили себѣ главнѣйшею задачею поживиться на счетъ ближняго".

„Адвокатская с..... до такой степени вселила, ради своихъ корыстныхъ цѣлей, рознь и вражду въ жителяхъ Петербургской стороны, что мнѣ приходилось ежедневно разбирать 40—50 дѣлъ. Подрались изъ-за курицы двѣ бабы,—адвокатъ уже готовъ и тутъ же строчитъ жалобу мировому; обругалъ лавочникъ чиновницу, все-таки состоящую въ благородномъ чинѣ,—она беретъ повѣреннаго и бѣжитъ къ мировому... Эта страсть къ сутяжничеству была доведена нѣкоторыми выгнанными изъ службы чиновниками, разными канцелярскими служителями, провинціальными секретарями, отставными инженерами и механиками, строителями и архитекторами безъ мѣстъ до замѣчательной степени виртуозности. Сперва я церемонился съ непрошенными ходатаями, состоявшими, большею частью, подъ судомъ, но тѣмъ не менѣе, подававшими мнѣ по 3—4 прошенія въ день по дѣламъ, ими же самими возбужденнымъ. Но съ теченіемъ времени убѣдился, что эти молодцы служатъ источниками зла, деморализующаго все населеніе участка.

На моихъ глазахъ бывали такіе случаи, что повѣренный одной стороны безцеремонно переходилъ на другую сторону за большую плату, скрывалъ документы, исполнительный листъ, взыскивалъ по немъ деньги съ отвѣтчика въ свою пользу и въ безчувственно-пьяномъ видѣ препровождался въ участокъ, откуда, по вытрезвленіи, доставлялся въ мою камеру, вмѣстѣ съ протоколомъ объ учиненномъ имъ безобразіи на улицѣ. Когда эти защитники общественныхъ интересовъ вздумали являться ко мнѣ въ безусловно пьяномъ видѣ и предавались морфею во время разбирательства дѣлъ ихъ довѣрителей, я обращался къ помощи моего весьма расторопнаго и бойкаго разсыльнаго, а также и городовыхъ, заходившихъ по дѣламъ службы въ канцелярію, и торжественно выпроваживалъ нарушителей порядка... Однако и это средство оказывалось не вполнѣ дѣйствительнымъ; выпровожденный изъ камеры такими энергичными способами черезъ нѣсколько минутъ снова вторгался обратно, въ еще болѣе пьяномъ видѣ, и производилъ умышленный скандалъ. Тогда я счелъ за лучшее измѣнить палліативный способъ наказанія, прибѣгнувъ къ болѣе острому, а именно штрафовалъ провинившагося тремя рублями, въ случаѣ же несостоятельности (а такіе случаи бывали сплошь и рядомъ) препровождалъ его въ полицію, подъ арестъ на однѣ сутки. Конечно, подобная мѣра возымѣла свое дѣйствіе, но не искоренила зла".

„Въ особенности одолѣвали меня три личности, имена которыхъ не стоитъ здѣсь приводить, находившіяся подъ судомъ, но, несмотря на это, извлекавшія для себя наивозможную пользу изъ бѣдныхъ людей, имѣвшихъ глупость имъ довѣриться и обираемыхъ ими навѣрняка. Къ довершенію всѣхъ золъ, въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ находилась моя камера, было неожиданно устроено помѣщеніе для освидѣтельствованія участковымъ врачемъ женщинъ изъ дома терпимости... Мнѣ не оставалось прибѣгнуть ни къ какому другому

средству, какъ только оффиціально обратиться къ тогдашнему градоначальнику Ѳ. Ѳ. Трепову, съ просьбой о закрытіи этого временнаго врачебно-полицейскаго помѣщенія, а также съ ходатайствомъ сообщить мнѣ для представленія прокурорскому надзору тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ полиціи о вышесказанныхъ трехъ личностяхъ".

„Генералъ-адъютантъ Треповъ распорядился со свойственной ему быстротой и энергіей: на другой же день квартира была отдана подъ помѣщеніе частнымъ лицамъ; что же касается моего второго заявленія, то онъ увѣдомилъ меня, что означенныя личности уже давно извѣстны своей дурной репутаціей, и онъ ожидаетъ только окончанія судебнаго слѣдствія, чтобы выслать ихъ административнымъ порядкомъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя".

Оцѣнка дѣятельности ходатаевъ со стороны присяжной адвокатуры. Размѣры зла, причиняемаго обществу дѣйствіями „вольныхъ" адвокатовъ, не могли не вызывать чувствъ глубокаго огорченія и негодованія одинаково въ средѣ присяжной адвокатуры. Изъ этой же среды, и именно со стороны помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, подъ руководствомъ и при поддержкѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, идутъ и первыя попытки органической борьбы со зломъ путемъ предупрежденія услугъ подпольной адвокатуры, т.-е. попытки учрежденія консультаціи при мировомъ съѣздѣ.

Въ своихъ „запискахъ о русской адвокатурѣ" К. К. Арсеньевъ въ слѣдующихъ словахъ обрисовываетъ и размѣры зла и безвыходность положенія, создавшагося для судебнаго представительства ко времени появленія закона 1874 г.: „Безъ крайняго вреда для тяжущихся, безъ напраснаго обремененія судебныхъ мѣстъ нельзя было дольше терпѣть существованія неорганизованной и безотвѣтственной толпы частныхъ ходатаевъ, большинство которыхъ было совершенно лишено и знаній и нравственныхъ качествъ, существенно важныхъ для

адвоката; между тѣмъ воспретить частнымъ лицамъ ходатайство по дѣламъ не представлялось никакой возможности, потому что сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, даже съ присоединеніемъ къ нему помощниковъ, оказывалось далеко недостаточнымъ для веденія всей массы уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и въ мировыхъ учрежденіяхъ".

Въ концѣ 1872 г. помощники, выработавъ проектъ юридической консультаціи при столичномъ мировомъ съѣздѣ, обратились въ совѣтъ, черезъ посредство комиссіи, съ просьбой способствовать осуществленію этого предпріятія. Совѣтъ исполнилъ просьбу, объяснивъ въ отношеніи на имя предсѣдателя съѣзда, что помощники присяжныхъ повѣренныхъ при тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено со стороны съѣзда какъ принятіе въ эту среду, такъ и контроль надъ нею, могутъ быть, по мнѣнію совѣта, съ пользой для дѣла допущены къ образованію консультаціи при мировомъ съѣздѣ. Совѣтъ предлагалъ съѣзду признать участниками консультаціи только помощниковъ, пробывшихъ въ этомъ званіи не меньше года (журн. сов. 20 дек. 1872 г.). Этотъ проектъ консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съѣздомъ утвержденъ не былъ, а изданный черезъ полтора года законъ о частныхъ повѣренныхъ неизбѣжно усложнилъ отношеніе съѣзда къ вопросу о юридической консультаціи. Такимъ образомъ учрежденіе такого рода консультаціи при съѣздѣ надолго отдалилось, но едва-ли съ пользою на это время для общаго положенія судебнаго представительства въ судебныхъ установленіяхъ округа съѣзда.

Судебное представительство повѣренныхъ подъ дѣйствіемъ закона 1874 г.

Законъ: выс. утв. мнѣніе гос. совѣта 25 мая (6 іюня) 1874 г.

Краткая историческая справка къ закону 1874 г. и сущность его. Сумма вреда, причиняемаго дѣйствіями

разнаго рода частныхъ ходатаевъ, къ началу 70-хъ годовъ достигла уровня общественнаго зла, внося видимую для власти сумятицу въ мирныя отношенія населенія. По этой ли причинѣ или и потому, что мѣстами судебныя власти повели борьбу съ подпольною адвокатурою черезъ администрацію, но первымъ голосомъ, успѣвшимъ обратить вниманіе законодателя на создавшееся положеніе, оказался голосъ не судебной власти и не той, коей ввѣрены заботы о первой, а мѣстной административной.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1870 г. полтавскій губернаторъ доносилъ, что „съ введеніемъ судебной реформы въ губерніи образовался особый классъ пролетаріевъ, носящихъ громкое названіе адвокатовъ и защитниковъ, и вслѣдствіе вреда, который они приносятъ простому сословію, необходимо принять мѣры противъ этого зла". По поводу такого донесенія послѣдовала высочайшая отмѣтка: „сообразить".

Во исполненіе высочайшей воли министромъ юстиціи и статсъ-секретаремъ гр. Паленомъ былъ изготовленъ проектъ правилъ о частныхъ повѣренныхъ, каковой съ соображеніями къ нему министра двукратно разсматривался въ гос. совѣтѣ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскомъ; затѣмъ, второму отдѣленію собств. его имп. величества канцеляріи поручалось, по сношеніи съ министромъ, согласовать съ издаваемыми правилами подлежащія статьи судебныхъ уставовъ 1864 г. и, наконецъ, 6 мая 1874 г. проектъ правилъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи гос. совѣта. Съ внесенными измѣненіями правила о частныхъ повѣренныхъ были высочайше утверждены 25 мая (6 іюня) 1874 г. въ гор. Эмсѣ (собр. уз. 1874 г., 53573).

Въ исторіи судебнаго представительства въ Россіи законъ о частныхъ повѣренныхъ явился компромиссомъ, внѣ котораго едва-ли былъ выходъ въ дѣлѣ неотложнаго упорядоченія хожденій по чужимъ дѣламъ. Условій для сложенія достаточно удовлетворительнаго состава

адвокатуры въ количественномъ и вмѣстѣ качественномъ отношеніи не существовало. Число лицъ, поступавшихъ въ присяжные повѣренные при вновь открывшихся судебныхъ установленіяхъ, было сравнительно весьма незначительно и далеко недостаточно для удовлетворенія потребности въ адвокатскомъ трудѣ. Вслѣдствіе этого осуществленіе заключающихся въ ст. 387 и 388 у. с. у. правилъ объ установленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ оказалось невозможнымъ, и, на-ряду съ послѣдними, веденіемъ чужихъ дѣлъ въ судахъ занимались по-прежнему частныя лица изъ разряда ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. При этомъ въ новомъ процессѣ, допускающемъ широкое участіе сторонъ въ судебномъ разбирательствѣ, невѣжественность и недобросовѣстность этихъ ходатаевъ отражались гораздо болѣе вредными послѣдствіями на интересахъ ихъ довѣрителей, чѣмъ при старомъ судопроизводствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицательныя качества ходатаевъ являлись явнымъ тормозомъ для отправленія самого правосудія, вынуждая судъ выслушивать заявленія и объясненія повѣренныхъ и защитниковъ, нерѣдко лишенныя юридическаго значенія, и разбирать подаваемыя ими бумаги, которыя часто не разъясняли, а лишь запутывали и затемняли дѣло.

Озабочиваясь устраненіемъ зла, связаннаго съ существованіемъ такихъ судебныхъ повѣренныхъ, законодательная власть установила, на-ряду съ присяжными повѣренными, институтъ частной адвокатуры, которая, не имѣя сословной организаціи первыхъ и не неся возложенныхъ на нихъ обязанностей общественно-государственнаго характера, тѣмъ не менѣе должна была представить нѣкоторыя гарантіи образованія и профессіональной честности (зак. 25 мая 1874 г.) [1]).

Въ своей объяснительной запискѣ къ проекту о частныхъ повѣренныхъ, переданной 4 марта 1873 г. государ-

[1]) Объясн. зап. къ проекту нов. ред. учр. суд. уст. т. II ч. II стр. 6.

ственному секретарю для внесенія въ государственный совѣтъ, министръ юстиціи приводилъ слѣдующія жизненныя и правовыя соображенія къ построенію института частной адвокатуры:

„Семилѣтній опытъ не оправдалъ надеждъ, которыя возлагались на институтъ присяжныхъ повѣренныхъ...; въ провинціи по-прежнему вся масса гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ находится исключительно въ рукахъ частныхъ ходатаевъ, дѣятельность которыхъ, по общимъ отзывамъ, является вредной и возбуждаетъ справедливыя жалобы... Увеличеніе дѣлъ отчасти объясняется развитіемъ гражданскихъ отношеній, но въ извѣстной степени также и искусственнымъ размноженіемъ дѣлъ недобросовѣстными повѣренными. Конечно, интересы судебной администраціи не могутъ быть защищаемы настолько, чтобы прекратить всѣмъ, хотя бы и необразованнымъ истцамъ и отвѣтчикамъ, доступъ къ суду, и едва-ли было бы желательно примѣнить у насъ порядокъ, существующій, однако, въ иныхъ государствахъ, по которому тяжущіеся обязываются ввѣрять защиту своихъ интересовъ состоящимъ при судѣ адвокатамъ. Но, съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы силы судей и казенныя деньги тратились непроизводительно на разрѣшеніе кляузныхъ и вымышленныхъ исковъ, предъявляемыхъ злонамѣренными или невѣжественными повѣренными. Правительство имѣетъ безспорное право требовать, чтобы тѣ изъ тяжущихся, которые не желаютъ или не могутъ вести свои дѣла сами, обращались къ посредству не всякаго ходатая безразлично, но только такихъ лицъ, которыя представляютъ гарантіи какъ благонадежности, такъ и образованія. Въ виду высказанныхъ соображеній необходимо очистить многочисленный классъ такъ называемыхъ „частныхъ повѣренныхъ“...

Въ соотвѣтствіи съ такими соображеніями, по проекту министра, для выдачи свидѣтельства на званіе частнаго повѣреннаго было необходимо испытаніе, отъ котораго освобождались лишь кончившіе курсъ наукъ въ выс-

шихъ *или среднихъ* учебныхъ заведеніяхъ. По испытаніи судебное мѣсто выдаетъ свидѣтельство или же постановляетъ объ отказѣ въ ходатайствѣ просителя, хотя бы онъ и соотвѣтствовалъ всѣмъ требуемымъ въ законѣ формальнымъ условіямъ.

Проектъ министра въ гос. совѣтѣ подвергся крупнымъ передѣлкамъ. При обсужденіи въ соединенныхъ департаментахъ и гражданскомъ, между прочимъ, найдено болѣе правильнымъ, въ соотвѣтствіи съ условіями жизни, изложить правило объ испытаніяхъ въ томъ смыслѣ, что судъ *имѣетъ право* удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ, но самое образованіе, освобождающее силою закона отъ испытанія, было повышено съ признаніемъ средняго недостаточнымъ.

Въ общемъ собраніи гос. совѣта проектъ, сверхъ уже внесенныхъ многочисленныхъ передѣлокъ, подвергся также слѣдующимъ измѣненіямъ: въ виду того, что по мелкимъ дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, нерѣдко является повѣреннымъ отъ тяжущагося его приказчикъ, конторщикъ или занимающій у него какую-нибудь должность, то подчинять подобныхъ повѣренныхъ платежу сбора было бы, по мнѣнію гос. совѣта, неправильно. Государственный совѣтъ нашелъ также неправильнымъ предоставленіе мировому судьѣ единоличнаго права допускать или не допускать повѣреннаго, вслѣдствіе чего въ проектъ было внесено правило о дозволеніи ходатайствовать въ качествѣ повѣренныхъ по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, лицамъ, не имѣющимъ свидѣтельства, безъ взысканія съ нихъ какого-либо денежнаго сбора, но съ тѣмъ, чтобы они являлись въ семъ качествѣ не болѣе какъ по *тремъ* дѣламъ въ теченіе года въ предѣлахъ того же мирового округа.

Такъ возникла, въ послѣдней стадіи обсужденія законопроекта, категорія повѣренныхъ по тремъ дѣламъ въ году.

Устранивъ отъ занятій адвокатскою практикою лицъ,

не принадлежащихъ къ числу присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ, законъ 25 мая 1874 года ни въ чемъ не измѣнилъ правилъ судебныхъ уставовъ о присяжныхъ повѣренныхъ, если не считать, что въ томъ же 1874 г. (законъ 5 декабря) было временно пріостановлено дальнѣйшее учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а значитъ и дальнѣйшее распространеніе введеннаго судебными уставами сословнаго самоуправленія адвокатской корпораціи [1]).

Такимъ образомъ изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ изданію закона 25 мая 1874 г., и изъ основаній, принятыхъ при его начертаніи, усматривается, что при утвержденіи правилъ о частныхъ повѣренныхъ не имѣлось въ виду понизить уровень требованій, предъявляемыхъ закономъ къ организованному сословію повѣренныхъ, а предполагалось оградить судъ и частныхъ лицъ отъ невѣжества и недобросовѣстности тѣхъ ходатаевъ, которые до осуществленія постановленія ст. 387 у. с. у. имѣли, согласно ст. 246 у. г. с., свободный доступъ къ веденію чужихъ судебныхъ дѣлъ. Иначе говоря, *институтъ частныхъ повѣренныхъ, по мысли закона, долженъ былъ сдѣлаться не составною частью присяжныхъ повѣренныхъ, но лишь учрежденіемъ, замѣняющимъ тѣхъ ходатаевъ, которыхъ ранѣе, при недостаточномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, нельзя было устранить отъ веденія чужихъ дѣлъ* [2]).

Вліяніе комплекта присяжныхъ повѣренныхъ на положеніе частныхъ. Въ трудахъ выс. утв. комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части (объясн. зап. т. III, ч. II, стр. 91—92), изъ объясненной сущности и назначенія института 1874 г. сдѣланъ тотъ выводъ, тревожный для частныхъ повѣренныхъ, что, *по правиламъ дѣйствующаго законодательства, частные повѣренные могутъ заниматься веденіемъ чужихъ гражданскихъ дѣлъ*

[1]) Объясн. зап. къ проекту нов. ред. учр. суд. уст. т. III, ч. 2, стр. 6—7.
[2]) Тамъ же, т. II, ч. II, стр. 91.

лишь до осуществленія правила ст. 387 у. с. у. (ср. ст. 245 у. г. с.) [1]).

Выводъ комиссіи о томъ, что по дѣйствующему закону частные повѣренные потеряютъ право веденія въ судахъ гражданскихъ дѣлъ, съ установленіемъ комплекта присяжныхъ повѣренныхъ въ согласіи съ табелью, когда таковая будетъ издана, нельзя не признать вполнѣ убѣдительнымъ, независимо отъ авторитетности сужденій комиссіи.

Однако, говоря о мировомъ судѣ, этотъ выводъ нельзя оставить безъ той существенной оговорки, что къ судебному представительству въ *мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ* онъ *не приложимъ*. По силѣ закона, выводъ комиссіи можетъ коснуться лишь судебнаго представительства въ общихъ судахъ, а не въ мировыхъ учрежденіяхъ, обойденныхъ въ реформѣ судебнаго представительства на сословномъ началѣ. Какъ уже упоминалось, ст. 387 у. с. у. не отмѣняла и не отмѣняетъ дѣйствія ст. 44 у. г. с., а значитъ о какомъ-либо ограниченіи въ мировомъ судѣ дѣятельности частныхъ повѣренныхъ, въ связи съ осуществленіемъ правила ст. 387 у. с. у., не можетъ быть рѣчи.

Такимъ образомъ, съ установленіемъ въ будущемъ по гражданскимъ дѣламъ монополіи присяжныхъ повѣренныхъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, дѣятельность въ мировомъ судѣ по тѣмъ же дѣламъ частныхъ повѣренныхъ, хотя они и замѣстили прежнихъ ходатаевъ, отнюдь не пресѣчется по правиламъ дѣйствующаго законодательства. Но поэтому и современная практика петроградскаго столичнаго мирового съѣзда по выдачѣ свидѣтельствъ на веденіе дѣлъ преимущественно помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ ни въ чемъ не теряетъ своего значенія одинаково и въ перспективѣ. По отсутствію реальныхъ надеждъ на участіе присяжныхъ повѣренныхъ, съѣздъ остановился на этой практикѣ,

[1]) Тамъ же, стр. 92.

разочарованный иными элементами въ званіи частныхъ повѣренныхъ не менѣе, чѣмъ безнадзорными ходатаями. Въ этихъ условіяхъ помощнику присяжнаго повѣреннаго суждено было стать нормальнымъ и желательнымъ повѣреннымъ въ округѣ столичнаго съѣзда. Таковымъ, думается, долженъ бы онъ явиться и во всѣхъ мировыхъ учрежденіяхъ крупныхъ городовъ, гдѣ есть къ тому реальныя возможности. Съ полученіемъ извѣстной организаціи [1]) помощникъ можетъ стать ближе къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ для воспринятія началъ нравственности и честности убѣжденій, по образовательному же цензу онъ и теперь равенъ первымъ. Этихъ качествъ въ повѣренномъ, конечно, вполнѣ достаточно для несложныхъ дѣлъ мировой юстиціи и по правиламъ дѣйствующаго закона и въ духѣ общихъ завѣтовъ судебныхъ уставовъ для далекаго будущаго.

Область примѣненія закона 1874 г. Въ первоначальномъ видѣ выс. утв. 25 мая 1874 г. правила „о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ“ (собр. уз. № 53, ст. 716) и именно редакція ст. 1 правилъ вызвали вопросъ о распространеніи ихъ дѣйствія на *защитниковъ* подсудимыхъ по дѣ-

[1]) Проектируя замѣнить неопредѣленное положеніе помощниковъ организаціей, цѣль которой состоитъ ни въ чемъ-либо иномъ, какъ въ практической подготовкѣ молодыхъ юристовъ къ успѣшному исполненію обязанностей судебныхъ повѣренныхъ, *подобно подготовкѣ кандидатовъ на судебн. должности*, выс. утв. комиссія для пересмотра законопол. по суд. части признавала возможнымъ и при такой организаціи предоставить помощникамъ, даже *въ первомъ* періодѣ подготовки, вести самостоятельно какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, кои предположено подчинить вѣдѣнію участковыхъ судей въ первой степени и уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружнаго суда во второй, но лишь по передовѣрію и за имущественною отвѣтственностью присяжнаго повѣреннаго, при коемъ помощникъ состоитъ (ст. 485 прав.). Относительно гражданскихъ дѣлъ, „превышающихъ участковую подсудность, комиссія замѣтила, что въ виду бо̀льшей ихъ сложности и значительности затрагиваемыхъ ими имущественныхъ интересовъ, не представлялось бы возможнымъ предоставить веденіе ихъ помощникамъ подъ собственною ихъ отвѣтственностью“ (объясн. зап. т. III, ч. II, стр. 133, 139 — 140).—Приводимъ проектъ организаціи помощниковъ, чтобы отмѣтить сближеніе практики съѣзда съ направленіемъ мысли въ трудахъ комиссіи по самому существенному для мирового суда вопросу (использованіе института помощниковъ для нуждъ суд. представительства).

ламъ уголовнымъ, такъ какъ въ ст. 1 было изложено: *„по дѣламъ, производящимся* какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, *повѣренными* могутъ быть, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ и лицъ, указанныхъ въ 389 ст. у. с. у., а также въ статьѣ 18 настоящихъ правилъ, только лица, получившія въ установленномъ сими правилами порядкѣ особыя свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ". Опредѣленіями угол. кас. д-та пр. сената 1874 г.—№ 635, 1875 г.—№№ 41, 141, 282 и др., указанный вопросъ въ отношеніи защитниковъ былъ разрѣшенъ отрицательно, но этимъ было косвенно признано, что сила правилъ распространяется на *повѣренныхъ* частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ. Прямые поводы къ такому распространенію давали тѣ измѣненія въ ст. 44 у. г. с. и ст. 565 у. у. с., какія были внесены въ нихъ при включеніи правилъ 25 мая 1874 г. въ т. II св. зак. 1874 г. (общ. губ. учр.) [1]). За измѣненіемъ ст. 565 у. у. с. въ изд. 1876 г. (см. выноску), въ пр. сенатѣ вновь возникъ вопросъ о правахъ подсудимыхъ по избранію защитниковъ и, по опредѣленію общаго собранія касс. д-товъ, собирались дополнительныя по вопросу свѣдѣнія. Тѣмъ временемъ, однако, была образована по высочайшему повелѣнію „комиссія для изготовленія изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. отдѣльною книгою и

[1]) Именно: I. въ ст. 44 у. г. с. вмѣсто прежнихъ словъ (изд. 1864 г.): „повѣренными въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ могутъ быть какъ присяжные повѣренные, такъ и постороннія лица"—было сказано (ред. 1876 г.): „повѣренными въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ могутъ быть, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, частные повѣренные; постороннія же лица не иначе, какъ въ случаяхъ и на основаніяхъ, указанныхъ въ общемъ губернскомъ учрежденіи". А такъ какъ на основаніи тождественныхъ редакцій 44 ст. у. у. с. въ изд. 1864 и 1876 гг. въ отношеніи повѣренныхъ по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судьямъ, должно быть соблюдаемо постановленіе 44 ст. у. г. с., то эта послѣдняя статья по редакціи 1876 г. распространялась и на дѣла уголовныя, подвѣдомственныя мировымъ судьямъ; II. въ статьѣ же 565 у. у. с. вмѣсто словъ: „подсудимые имѣютъ право избирать защитниковъ какъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайство по чужимъ дѣламъ" (изд. 1864 г.), было изложено (ред. 1876 г.):... „такъ и изъ другихъ лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными по чужимъ дѣламъ".

для скорѣйшаго разрѣшенія могущихъ возникать при этомъ вопросовъ и недоразумѣній". Эта комиссія пришла къ тому окончательному заключенію, что правила 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ *относятся исключительно до дѣлъ гражданскихъ*. Сообразно съ симъ въ изданіи судебныхъ уставовъ 1883 г., вошедшихъ въ т. XVI ч. I св. зак., ст. 1 правилъ о частн. пов. (ст. 406[1] у. с. у.) и ст. 44 и 565 у. у. с. получили нынѣ имѣющуюся редакцію [1]).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанныхъ измѣненій редакцій статей закона и исключенія въ 44 ст. у. у. с. (см. вын.) ссылки на ст. 44 у. г. с., съ 1883 г. воспріяли вновь свою силу и дѣйствіе постановленія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., на основаніи коихъ подсудимые и потерпѣвшіе пользовались полною свободой избранія защитниковъ и повѣренныхъ, лишь бы они удовлетворяли общимъ требованіямъ ст. 45 и 246 у. г. с. [2]).

Вопросъ о судебномъ представительствѣ женщинъ. По воспослѣдованіи закона 25 мая 1874 г. возникъ также вопросъ о распространеніи его дѣйствія на женщинъ, желающихъ получить свидѣтельство на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ въ 1876 г. на основаніяхъ, указанныхъ въ высочайшемъ повелѣніи 14-го января 1871 г. [3]).

„По обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, въ высочайшемъ его императорскаго величества присутствіи, вопроса по предмету допущенія женщинъ на службу въ

[1]) Въ 1-ой ст. правилъ вмѣсто прежнихъ словъ: „по дѣламъ" было сказано: „по дѣламъ гражданскимъ" (ст. 406[1] у. с. у.), а ст. 44 и 565 у. у. с. получили слѣдующую редакцію: ст. 44 „повѣренными по дѣламъ уголовнымъ могутъ быть, кромѣ присяжныхъ и частн. повѣренныхъ, и другія лица, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ. Въ отношеніи повѣренныхъ соблюдаются правила, изложенныя въ статьяхъ 45 — 50 устава гражданскаго судопроизводства"; и ст. 565 — „подсудимые имѣютъ право избирать защитниковъ какъ изъ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ".

[2]) Объясн. зап. выс. утв. ком. для пересм. законоп. по суд. части т. III, ч. II, стр. 189—191.

[3]) Собр. уз. 1871 г. № 15, ст. 152.

общественныя и правительственныя учрежденія, государь императоръ, признавая необходимымъ положительно опредѣлить кругъ полезной для государства и общества дѣятельности лицъ женскаго пола, 14-го января 1871 г. высочайше повелѣть соизволилъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на оные какъ можно болѣе слушательницъ... 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшать женщинамъ занятія акушерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ; 3) поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ; 4) допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятіямъ мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ... и б) по счетной части и въ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи... и 5) Затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ, даже и по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ".

Въ виду приведеннаго высочайшаго повелѣнія 14-го января 1871 г., вопросъ о распространеніи закона 1874 г. на женщинъ былъ разрѣшенъ высочайшимъ повелѣніемъ 7-го января 1876 г. въ томъ смыслѣ, что высочайшее повелѣніе 14-го января 1871 г., коимъ, между прочимъ, *воспрещается* пріемъ женщинъ, даже по найму, на канцелярскія и другія должности..., распространяется и на званіе частнаго повѣреннаго, установленное правилами 25-го мая 1874 г. [1]).

[1]) Собр. уз. 1876 г. № 12, ст. 158.

Таковое высочайшее повелѣніе вошло въ примѣчаніе къ ст. 1102 т. II св. зак. по прод. 1879 г., а затѣмъ въ ст. 406[19] у. с. у. изд. 1883 и 1892 гг.

Высочайшія повелѣнія 14-го января 1871 г. и 7-го января 1876 г. не разрѣшали съ достаточною ясностью вопроса о судебномъ представительствѣ женщинъ по *уголовнымъ* дѣламъ. Въ практикѣ правительствующаго сената этотъ вопросъ (по дѣлу Флейшицъ въ 1909 году) былъ разрѣшенъ отрицательно.

За всѣмъ тѣмъ, остался открытымъ не менѣе сложный вопросъ о правѣ женщины на выступленіе въ качествѣ повѣренной на осн. ст. 389 у. с. у. въ случаѣ общности ея имущественныхъ интересовъ съ довѣрителями по тяжебному дѣлу или завѣдыванія ею по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся. Съ вопросомъ послѣдняго рода пришлось встрѣтиться съѣзду въ послѣдній годъ своего пятидесятилѣтія. Разрѣшивъ вопросъ положительно, съѣздъ представилъ свои соображенія власти, остановившей свое вниманіе на этомъ проявленіи отношенія мирового суда къ праву женщины на судебное представительство.

Краткая справка о содержаніи закона 1874 г. Для удобства показанія существенныхъ сторонъ практики съѣзда и вмѣстѣ экономіи мѣста, приводимъ необходимую справку о содержаніи закона 1874 г. въ краткихъ выдержкахъ, мѣстами парафразахъ.

Подъ дѣйствіемъ закона 1874 г. (ст. 406[1] и посл. у. с. у.) въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ ст. 389 у. с. у., выступаютъ, на основаніяхъ и въ предѣлахъ, установленныхъ подлежащими узаконеніями, слѣдующія категоріи повѣренныхъ:

1) *Присяжные повѣренные*;

2) *Частные повѣренные*, т.-е. лица, хотя и посторонніе сословію первыхъ, но получающія по правиламъ 1874 г. особыя отъ мирового съѣзда свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ.

Въ категоріи собственно просителей о принятіи въ

число частныхъ повѣренныхъ, по ст. 406[1] имѣемъ слѣдующее подраздѣленіе: однимъ, для разрѣшенія вопроса о выдачѣ свидѣтельства, судебное мѣсто можетъ предварительно производить испытаніе въ надлежащихъ познаніяхъ; на другихъ правило это не распространяется или вслѣдствіе полученія ими свидѣтельствъ на то же званіе отъ другого равнаго или высшаго суда, или потому, что *имѣютъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній* объ окончаніи курса *юридическихъ* наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ. Такъ какъ по ст. 406[17] дѣйствіе статей 406[1]—406[16] распространяется въ полной мѣрѣ и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 354), то право веденія ими чужихъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ также связано съ выборкою свидѣтельствъ отъ съѣзда, но отъ испытанія въ познаніяхъ помощники, имѣя требуемое образованіе, свободны; и наконецъ:

3) Лица, *не имѣющія свидѣтельствъ*, допускаемыя къ ходатайству въ качествѣ повѣренныхъ, но не болѣе, какъ *по тремъ дѣламъ* въ теченіе одного года въ предѣлахъ того же мирового округа, если, конечно, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ ст. 44 у. г. с. и за изъятіями по ст. 45 того же уст.

Сложныя правила закона 1874 г., по свидѣтельству отъ мирового съѣзда, даютъ право вести лишь дѣла, производящіяся у мировыхъ судей, подвѣдомственныхъ данному съѣзду (ст. 406[3]), но съ правомъ ходатайствовать по тѣмъ же дѣламъ и въ касс. д-тахъ сената (ст. 406[4]).

При разсмотрѣніи просьбы и документовъ желающаго получить свидѣтельство, судебное мѣсто по силѣ ст. 406[8] принимаетъ въ соображеніе и всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужнымъ; оно въ правѣ постановить объ отказѣ въ ходатайствѣ, хотя бы проситель и соотвѣтствовалъ всѣмъ требуемымъ закономъ формальнымъ условіямъ.

Относительно принятія въ число частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, правила (ст. 406[7] прим.) предписываютъ соблюденіе примѣчанія къ ст. 380 у. с. у., изъ коего видно, что въ 1889 г. высочайше повелѣно, чтобы принятіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія министра юстиціи.

Въ порядкѣ надзора, судебныя мѣста, при коихъ состоятъ лица, получившія свидѣтельства, входятъ въ разсмотрѣніе неправильныхъ или предосудительныхъ дѣйствій таковыхъ лицъ и могутъ подвергать ихъ слѣдующимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ: а) предостереженію или замѣчанію; б) выговору; в) запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго на время не свыше одного года, и г) исключенію изъ числа повѣренныхъ (ст. 406[14]). На постановленія о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи просителя формальнымъ условіямъ для полученія свидѣтельства (ст. 406[7]), а также на наложеніе взысканій, указанныхъ въ п. п. *в* и *г* ст. 406[14]), допускаются въ двухнедѣльный срокъ жалобы частныхъ лицъ и протесты прокурорскаго надзора въ судебную палату, гдѣ таковые разрѣшаются окончательно (ст. 406[15]).

Что касается ходатаевъ по *тремъ дѣламъ*, то, по закону, учетъ числа ихъ хожденій по чужимъ дѣламъ въ теченіе года обезпечивается (ст. 406[18]) въ слѣдующей процедурѣ: передъ допущеніемъ къ судебному разбирательству эти лица спрашиваются судьею, не ходатайствовали ли они уже въ томъ году въ предѣлахъ мирового округа по чужимъ дѣламъ, и если ходатайствовали, то сколько разъ. За ложное показаніе виновные подвергаются отвѣтственности по ст. 943 улож. о нак. Въ порядкѣ надзора и въ отношеніи отвѣтственности, на ходатаевъ по чужимъ дѣламъ распространяются правила, касающіяся частныхъ повѣренныхъ (ст. 406[13]—406[15]).

Правила закона 25 мая 1874 г. заключаются категорическимъ указаніемъ (ст. 406[19]), что женщины не мо-

гутъ получать званіе частнаго повѣреннаго, установленное ст. 406[1].

Законъ 25-го мая 1874 г., какъ видѣли, имѣлъ своимъ назначеніемъ упорядоченіе судебнаго представительства исключительно *по гражданскимъ* дѣламъ. Въ съѣздѣ такое назначеніе закона очень не скоро было сознано, но, повидимому, всегда чувствовалось. Гражданскія дѣла, по свойству преслѣдуемыхъ въ нихъ интересовъ—денежныхъ по преимуществу, всегда и вездѣ оставляютъ по себѣ наибольшій слѣдъ недозволенныхъ дѣйствій адвокатуры, останавливающихъ наибольшее вниманіе суда. Въ путяхъ разрѣшенія вопросовъ, кого и на какихъ основаніяхъ законъ допускаетъ къ этимъ интересамъ по довѣренностямъ сторонъ, сказывалось общее отношеніе съѣзда къ судебному представительству.

При всемъ томъ, съѣздъ почти до послѣдняго времени (наказъ 1907 г.) упорно распространяетъ исключительный законъ о повѣренныхъ на дѣла *уголовныя*. Причины этого явленія лежатъ, повидимому, въ общей борьбѣ съѣзда съ подпольною адвокатурою.

Практика съѣзда: 1874—1916 гг.

А. Общее отношеніе съѣзда къ вопросу о повѣренныхъ: Наказы и практика по допущенію въ число частныхъ повѣренныхъ: 26 сентября 1874 г. въ распорядительномъ засѣданіи (журн. № 48) петроградскій столичный мировой съѣздъ опредѣлилъ: „высочайше утвержденныя правила о частныхъ повѣренныхъ считать введенными, о чемъ сообщить мировымъ судьямъ". Это опредѣленіе болѣе или менѣе точно устанавливаетъ моментъ полученія съѣздомъ правилъ и изданной министромъ юстиціи формы свидѣтельствъ на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, такъ какъ высочайше утвержденнымъ 6-го іюня 1874 г. мнѣніемъ госуд. совѣта (ст. 11) было положено ввести правила въ дѣйствіе по истеченіи мѣсяца со дня полученія ихъ надлежащими судебными установленіями. Такимъ образомъ, слѣдуетъ считать, что правила и форма свидѣтельствъ были получены съѣздомъ въ 20-хъ числахъ августа. Но еще за полтора мѣсяца до оффиціальнаго оповѣщенія о законѣ, съѣздъ нашелъ нужнымъ заблаговременно войти въ обсужденіе вопроса о повѣренныхъ, пользуясь иными свѣдѣніями о законѣ, вѣроятнѣе всего изъ текущей прессы.

Подготовительныя дѣйствія съѣзда:—комиссія 4 іюля 1874 г. Уже 4 іюля (журн. № 39) съѣздъ намѣтилъ въ засѣданіи слѣдующій порядокъ для разрѣшенія грядущихъ вопросовъ: „дѣла о повѣренныхъ разрѣшать въ общемъ собраніи распорядительнаго засѣданія съѣзда и избрать комиссію, которая вноситъ свои заключенія въ съѣздъ". Въ эту комиссію, тогда же избранную, вошли мировые судьи: О. И. Квистъ, Н. А. Неклюдовъ, В. М. Меншуткинъ, И. В. Рукавишниковъ и М. Ф. Люце, а черезъ два мѣсяца, въ сознаніи важности вопросовъ о повѣренныхъ, съѣздъ пополнилъ комиссію также предсѣдателемъ съѣзда (журн. № 47).

Надо думать, что живое отношеніе къ закону 1874 г., пріобщавшему суды къ дѣлу упорядоченія судебнаго представительства, проявилось повсемѣстно въ мировыхъ съѣздахъ. Въ производствѣ петроградскаго столичнаго съѣзда, за 1874 г., имѣется нѣчто въ родѣ наряда подъ наименованіемъ: „Дѣло по отношенію разныхъ мировыхъ съѣздовъ о высылкѣ инструкціи о повѣренныхъ" (№ 140). Въ числахъ между 3—10 іюля 1874 г., мировые съѣзды: тираспольскій, люцинскій, ѳеодосійскій, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ № 138 Судебнаго Вѣстника, просили петроградскій о высылкѣ выработанныхъ въ послѣднемъ программы испытаній для полученія свидѣтельствъ и инструкціи частнымъ повѣреннымъ. Столичный въ лицѣ предсѣдателя отвѣтилъ, что хотя и дѣйствительно столичнымъ мировымъ съѣздомъ избрана комиссія для испытанія лицъ, желающихъ быть частными повѣренными, но никакой программы испытаній, какъ равно и инструкціи ею не составлено.

Въ перепискѣ отвѣтъ не безупреченъ, такъ какъ особой комиссіи для испытанія ни въ 1874 г., ни въ 1875 г. столичный съѣздъ не избиралъ вовсе. Отвѣтъ разумѣлъ, очевидно, комиссію о повѣренныхъ, избранную 4 іюля, а отразился въ отвѣтѣ не болѣе, какъ личный взглядъ предсѣдателя на компетенцію этой комиссіи, навѣянный ст. 7 правилъ (ст. 406[7] у. с. у.). Въ дѣйствительности, о чемъ ниже, и комиссіи 4 іюля не суждено было производить никакихъ испытаній вплоть до неожиданнаго ея упраздненія.

Вопросъ объ испытаніяхъ въ комиссіи и съѣздѣ. На томъ, какъ вообще прошелъ въ съѣздѣ вопросъ объ испытаніяхъ, не лишне остановиться. Разрѣшеніе его не обошлось безъ весьма уже крупнаго недоразумѣнія, незамѣченнаго въ съѣздѣ, а объяснимаго развѣ новизною правилъ о повѣренныхъ. Намѣчая для себя порядокъ и содержаніе дѣятельности, комиссія о повѣренныхъ не могла не считаться съ точнымъ смысломъ (ст. 7) правилъ и, видимо, поэтому признала, что въ *„надлежащихъ"* познаніяхъ лицъ, желающихъ получать свидѣтельства, комиссія удостовѣряется только тогда, когда ей будетъ это поручено особымъ постановленіемъ мирового съѣзда въ отношеніи кого-либо изъ лицъ, обратившихся въ съѣздъ съ просьбою о выдачѣ свидѣтельствъ (д. р. з. 1874 г. № [60]/[201]; произв. ком. л. 15), т.-е. комиссія отнеслась отрицательно лишь къ испытаніямъ по собственному почину, не отрицая первоначально необходимости надлежащихъ познаній въ повѣренныхъ. Въ засѣданіи 3-го октября съѣздъ утвердилъ ея предложеніе о порядкѣ пріема въ число повѣренныхъ *„безъ особыхъ испытаній"* (журн. № 49). Очевидно, живое общеніе комиссіи съ съѣздомъ внѣ оффиціальныхъ засѣданій повело къ пересмотру въ комиссіи вопроса объ испытаніяхъ; въ результатѣ явилось правило наказа съѣзда (§ 2), явно несогласное съ закономъ, такъ какъ сводилось къ тому, что отъ испытаній напередъ освобождались не только лица, указанныя въ п. *а* и п. *б* ст. 7

закона 1874 г., но и всѣ и всякіе ходатаи, только бы грамотные (см. ниже о § 2 правилъ съѣзда о повѣренныхъ).

Порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ комиссіи. Во всемъ остальномъ, кромѣ отпавшихъ испытаній, въ комиссіи примѣнялся слѣдующій порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о повѣренныхъ, спроектированный ею и позднѣе внесенный, по утвержденіи съѣздомъ, въ правила наказа.

Всѣ просьбы о выдачѣ свидѣтельствъ на право быть повѣреннымъ разсматривались предварительно въ комиссіи.

Засѣданія въ комиссіи происходили одинъ разъ въ недѣлю, при чемъ дѣла, возникавшія въ съѣздѣ за недѣлю, вносились предсѣдателемъ въ первое же засѣданіе комиссіи. По разсмотрѣніи дѣла, комиссія поручала одному изъ членовъ изложить заключеніе къ слѣдующему засѣданію въ формѣ мотивированнаго проекта опредѣленія съѣзда, каковой, если принимался комиссіей, вносился ею на разсмотрѣніе ближайшаго засѣданія съѣзда. Такія свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ получить свидѣтельства, кои вытекали не изъ документовъ просителя, а изъ другихъ источниковъ, комиссія принимала въ соображеніе не иначе, какъ по приглашеніи просителя къ словеснымъ по поводу ихъ объясненіямъ, что было постановлено соблюдать и при поступленіи представленій мировыхъ судей по ст. 18 правилъ (ст. 406[18] у. с. у.) о несоотвѣтствіи просителя условіямъ, необходимымъ для частнаго повѣреннаго. Если же на заключеніе поступала жалоба на частнаго повѣреннаго, то въ комиссіи примѣнялся прямой состязательный порядокъ: заключеніе постановлялось по приглашеніи сторонъ къ объясненіямъ одинъ въ присутствіи другого, но самыя заключенія комиссіи при этомъ сторонамъ не объявлялись.

Составленіе первыхъ правилъ наказа о повѣренныхъ. Въ іюлѣ 1874 г., циркулярно, министръ юстиціи, дѣйствуя на основ. ст. III выс. утв. мнѣнія гос. совѣта отъ 6 іюля 1874 г., обратился къ съѣзду съ предложе-

ніемъ войти въ обсужденіе вопроса объ установленіи мѣръ, долженствующихъ быть принятыми въ отношеніи наблюденія за ненарушеніемъ частными повѣренными условій, при соблюденіи которыхъ дозволяется ходатайствовать передъ мировыми судьями по чужимъ дѣламъ безъ установленнаго свидѣтельства, и имѣющія быть составленными на сей предметъ правила включить въ особый для съѣзда наказъ.

По опредѣленію съѣзда отъ 5-го сентября, вопросъ о повѣренныхъ съ предложеніемъ министра былъ переданъ въ комиссію.

Какъ были изложены въ комиссіи правила по вопросу о повѣренныхъ въ *первоначальномъ* видѣ, слѣдовъ объ этомъ въ производствѣ комиссіи и съѣзда не сохранилось, а приложенъ (къ производству первой) экземпляръ уже отпечатанныхъ правилъ, въ которомъ, ниже текста и формы подписки для ходатаевъ по тремъ дѣламъ, значится, что правила „утверждены въ расп. зас. С.-Пб. стол. съѣзда 20-го окт. 1874 г.“ и что „печатано по распоряженію съѣзда 22 окт. 1874 г.“ Проектъ правилъ распадался на двѣ части: 1) относительно состоящихъ при мировомъ съѣздѣ частныхъ повѣренныхъ и 2) относительно ходатаевъ, не состоящихъ въ числѣ частныхъ повѣренныхъ и имѣющихъ право (ст. 18 зак. 6 іюня 1874 г.) на веденіе не болѣе трехъ дѣлъ въ теченіе года.

Внеся въ проектъ ч. I—относительно частныхъ повѣренныхъ, комиссія вышла за предѣлы предложенія министра, но не порученія съѣзда, такъ какъ въ опредѣленіи отъ 5 сентября значится: *„вопросъ о повѣренныхъ* передать въ комиссію съ участіемъ предсѣдателя съѣзда“. Такимъ образомъ, передача въ комиссію предложенія министра явилась лишь частностью въ исполненіи опредѣленія съѣзда, изъ чего слѣдуетъ, что вопросъ о повѣренныхъ былъ переданъ въ комиссію во всемъ объемѣ, какъ его ставилъ законъ 1874 г.

Проектированныя комиссіей правила разсматривались въ съѣздѣ по частямъ и по частямъ же принимались въ засѣданіяхъ 3, 17 и 20 октября, по утвержденіи же были пріобщены къ наказу съѣзда 1873 г.

Ввести правила въ дѣйствіе было опредѣлено со дня напечатанія ихъ въ Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства и городской полиціи. Правила были помѣщены въ вѣдомостяхъ 6 ноября 1874 г. въ № 254, а 26 ноября того же года во всей совокупности, т.-е. включая и правила о частныхъ повѣренныхъ, они были представлены министру юстиціи вмѣстѣ съ спискомъ лицъ, коимъ были выданы свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ въ округѣ съѣзда. Такимъ образомъ въ части о ходатаяхъ по тремъ дѣламъ правила съѣзда были представлены министру вслѣдствіе приведеннаго предложенія, основаннаго на ст. III закона 6 іюня 1874 г., а въ части о частныхъ повѣренныхъ, какъ дополненіе къ наказу, предпринятое по почину съѣзда (ст. 171 у. с. у.). Повидимому въ тѣхъ и другихъ правилахъ министерство не нашло ничего несогласнаго съ законами или неудобнаго въ примѣненіи (ст. 171 у. с. у.), такъ какъ они остались пріобщенными къ наказу съѣзда 1873 г. до отмѣны ихъ по собственному почину съѣзда въ 1880 г.

Содержаніе первыхъ правилъ наказа о повѣренныхъ. I. Правила относительно состоящихъ при съѣздѣ *частныхъ повѣренныхъ* при наказѣ 1873 года устанавливаютъ, какъ необходимыя условія для полученія званія частнаго повѣреннаго: знаніе русской грамоты (§—1); отсутствіе неблагонадежности (§—3), и отсутствіе препятствій по ст. 246 у. г. с. (§—4). Объ отсутствіи препятствій по ст. 246 у. г. с. проситель, съ приложеніемъ документовъ, долженъ въ собственноручномъ прошеніи указать подъ опасеніемъ оставленія ходатайства безъ послѣдствій. Въ правилахъ подробно опредѣлялись послѣдствія невыборки въ срокъ свидѣтельства, неуплаты за него сбора по ст. 10 закона 1874 г. и пр. Въ цѣляхъ регистраціи правоспособныхъ на выступленія въ каче-

ствѣ частныхъ повѣренныхъ, правила вводили въ съѣздѣ особую книгу, въ которую заносились: 1) лица, коимъ были выданы свидѣтельства, 2) лица, коимъ отказано въ выдачѣ по неблагонадежности, и 3) наложенныя на частныхъ повѣренныхъ взысканія.

Особое къ себѣ вниманіе въ правилахъ съѣзда о частныхъ повѣренныхъ привлекаютъ: §—2, касающійся испытаній, и §—3, опредѣляющій неблагонадежность повѣреннаго въ пониманіи съѣзда.

Въ §—2 съѣздъ закрѣпилъ свое отрицательное отношеніе къ испытаніямъ съ такою рѣшимостью и вмѣстѣ съ такимъ умаленіемъ значенія испытаній, къ которымъ трудно подыскать объясненіе. Основаній для такого отношенія во всякомъ случаѣ не давали ни сущность института частной адвокатуры, долженствовавшей представить нѣкоторыя „гарантіи образованія", ни задачи института, по огражденію суда и частныхъ лицъ отъ „невѣжества" прежнихъ ходатаевъ. По §—2 желающіе вступить въ число частныхъ повѣренныхъ не подвергались *„никакимъ испытаніямъ"*, развѣ бы по неизвѣстности суду просителя представилась необходимость повѣрить его *„грамотность"*.

Нельзя не признать, что одна грамотность въ новомъ повѣренномъ противъ „невѣжества" прежняго съ его канцелярскимъ опытомъ, — оружіе совсѣмъ слабое, и что образецъ совсѣмъ иныхъ познаній даетъ законъ 1874 г. въ лицахъ, освобождаемыхъ отъ испытаній (ст. 406[7]).

Передъ задачами, какія преслѣдовалъ законъ 1874 г., одинаковое недоумѣніе возбуждаетъ §—3 правилъ наказа о томъ, кто въ представленіи съѣзда почитался неблагонадежнымъ для полученія свидѣтельства. Согласно §—3, почитались неблагонадежными и не удостаивались по этой причинѣ свидѣтельствъ на хожденіе по чужимъ дѣламъ только тѣ лица, относительно которыхъ мировому съѣзду было *„съ достовѣрностью"* извѣстно, что они употребили во зло довѣріе своихъ

вѣрителей или замѣчены въ какомъ-либо безчестномъ поступкѣ.

Презумпція boni viri, каковой проникнутъ §—3, совершенно неумѣстна въ дѣлѣ допущенія личности къ такой дѣятельности, гдѣ требуются положительныя нравственныя качества. Съ необходимостью „очистить" прежній многочисленный классъ ходатаевъ, путемъ замѣны его лицами „вѣдомой" суду нравственности, были связаны починъ, обсужденіе и утвержденіе закона о новой частной адвокатурѣ. Съ этой необходимостью и самимъ закономъ §—3 стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи. Создавая его, съѣздъ просмотрѣлъ прямой смыслъ ст. 8 правилъ о частныхъ повѣренныхъ, предоставляющій судебному мѣсту, при удовлетвореніи и отклоненіи ходатайствъ о дозволеніи быть повѣреннымъ, принимать въ соображеніе и *всѣ* свѣдѣнія, которыя оно признаетъ нужнымъ (ст. 406[8] у. с. у.).

Естественно, что на практикѣ примѣненіе §—3, въ связи съ предположеніемъ о достаточности для повѣреннаго одной грамотности (§—2), сразу дало отрицательные результаты. Первые, наиболѣе численные ряды частныхъ повѣренныхъ, какъ это впослѣдствіи призналъ самъ съѣздъ, заняли именно прежніе канцелярски грамотные ходатаи съ неизвѣстнымъ прошлымъ. Въ новомъ законномъ званіи они должны были вызвать къ себѣ болѣе отрицательное отношеніе, нежели въ прежнемъ неопредѣленномъ—до закона 1874 г. Однако, на прямые слѣды такого отношенія съѣзда къ своимъ же избранникамъ *переходнаго* времени мы нападаемъ только въ восьмидесятыхъ годахъ. Это понятно. Чтобы разобраться въ собственныхъ ошибкахъ и признать ихъ, всегда требуется больше времени.

§—3, по его принятіи 3 октября, пересматривался вновь на засѣданіи съѣзда 17 октября, но, повидимому, не съ той стороны, какъ это было бы желательно. Изъ журнала засѣданія 17 октября за № 52 видно, что предметомъ сужденія были предложенія: объ установленіи

общей (?) баллотировки лицъ, желающихъ получить свидѣтельства, а затѣмъ о баллотировкѣ тѣхъ, противъ которыхъ будутъ заявлены неблагопріятныя замѣчанія, неподходящія подъ §—3. Оба предложенія были устранены. Къ чему клонился значащійся въ журналѣ вопросъ — „пересмотръ утв. съѣздомъ 3 п. правилъ о частн. повѣренныхъ", изъ производствъ съѣзда и комиссіи о повѣренныхъ не видно и нельзя догадаться. Согласно резолюціи, §—3 былъ оставленъ въ силѣ и въ томъ видѣ, какъ изложенъ, пріобщенъ съ другими §§ къ наказу съѣзда 1873 г.

Способность §—3 ограждать скорѣе личное достоинство ходатаевъ, нежели интересы тяжущихся и суда, сравнительно скоро съѣздомъ была вскрыта, но при наказѣ, переживая себя, §—3 продержался еще нѣсколько лѣтъ, именно до измѣненія правилъ наказа о повѣренныхъ въ 1880 году.

II. Правила съѣзда при наказѣ 1873 г. относительно ходатаевъ по тремъ дѣламъ (§§ 14—30) посвящены вопросамъ, на кого не распространяется ст. 18 прав. закона 6 іюня 1874 г. и какія дѣйствія не почитаются веденіемъ чужого дѣла, а также способамъ учета числа хожденій по праву веденія трехъ дѣлъ въ году.

Разрѣшеніе съѣздомъ перваго вопроса можно признать лишь нѣкоторой попыткой, клонящейся къ отрицанію относимости закона 1874 г. къ уголовнымъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи по смыслу §§ 14 и 15 *ограниченіе* ходатайствъ по чужимъ дѣламъ тремя дѣлами въ году не распространялось на дѣла „частнаго обвиненія" (ст. 18 уст. о нак.), на лицъ, ходатайствующихъ по ст. 861 у. у. с. и на словесную защиту подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ при бытности на судѣ самихъ обвиняемыхъ.

По какимъ соображеніямъ съѣздъ не распространялъ ст. 18 прав. о частныхъ повѣренныхъ на дѣла частнаго обвиненія и на словесную защиту въ бытность на судѣ обвиняемыхъ, слѣдовъ въ производствѣ съѣзда не сохранилось.

По гражданскимъ дѣламъ правило объ ограниченіи ходатайствъ тремя дѣлами не распространялось на ходатайствующихъ по ст. 19, 25 и 26 у. г. с. и ст. 389 у. с. у. (§—14).

Для *учета* хожденій по праву веденія трехъ дѣлъ въ году, правила съѣзда вводили два способа: I. *Представленіе ходатаемъ особаго „повѣрочнаго свидѣтельства"* для отрѣзанія судьею одного изъ трехъ при немъ купоновъ, гдѣ отмѣчался также № дѣла, по которому имѣлось хожденіе (§§—19, 20, 21). Повѣрочное свидѣтельство имѣло свою форму съ заголовкомъ: „повѣрочное свидѣтельство" и обозначеніемъ при заголовкѣ года и № его выдачи. Въ свидѣтельствѣ, за подписью предсѣдателя и указаніемъ, какому ходатаю выдано, значилось, что оно „выдано на основаніи §—19 правилъ о повѣренныхъ, приложенныхъ къ наказу съѣзда, для хожденія не болѣе какъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года", ниже чего помѣщался текстъ ст. 18 правилъ 1874 г. Купоны № 1, № 2 и № 3 занимали второй листокъ свидѣтельства, дѣля таковой на три части. Въ каждомъ купонѣ значилось: „купонъ № къ повѣрочн. свидѣтельству 187 года за №", а затѣмъ шло удостовѣреніе ходатая, что въ настоящемъ году ходатайствуетъ въ первый, второй, третій разъ. Выдавались повѣрочныя свидѣтельства единолично предсѣдателемъ и, надо думать, лишь желающимъ. По предъявленіи по третьему дѣлу свидѣтельство отбиралось отъ ходатая для представленія въ съѣздъ.

II. *Отобраніе отъ ходатая подписки* о томъ, сколько разъ въ теченіе текущаго года уже ходатайствовалъ въ качествѣ повѣреннаго въ Спб. столичныхъ мировыхъ учрежденіяхъ. Отобранныя подписки на бланкахъ, изготовляемыхъ съѣздомъ, сосредоточивались въ съѣздѣ въ рукахъ непремѣннаго члена, который складывалъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій ходатаевъ и имѣлъ наблюденіе за вѣрностью показаній послѣднихъ, обращаясь въ потребныхъ случаяхъ къ прокурорскому надзору.

Оба способа числа хожденій были утверждены и введены съѣздомъ „для испытанія удобствъ каждаго". Изъ „частнаго дѣла съѣзда за 1875 г. № 25—46 по прошеніямъ о выдачѣ повѣрочныхъ свидѣтельствъ" видно, что за весь 1875 г. такихъ прошеній было подано около 70-ти.

Отобраніе подписки, какъ болѣе простой способъ учета хожденій по дѣламъ, скоро вытѣснилъ повѣрочныя свидѣтельства; по крайней мѣрѣ, съ 1876 г. дѣлъ по прошеніямъ о выдачѣ послѣднихъ нами въ производствѣ съѣзда уже не встрѣчено.

Практика по выдачѣ свидѣтельствъ при дѣйствіи первыхъ правилъ наказа (1874—1880 гг.). Начало дѣятельности съѣзда по разсмотрѣнію самихъ просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ относится къ первымъ числамъ октября 1874 г., т.-е. къ тому времени, когда правила о повѣренныхъ еще не были съѣздомъ разсмотрѣны, а полномочія комиссіи покоились на опредѣленіи съѣзда 4 іюля. Къ этому времени поступило 8 прошеній, изъ которыхъ 4 были отложены комиссіей разсмотрѣніемъ, а о четырехъ имѣемъ при № 1 журнала комиссіи слѣдующее опредѣленіе: „Разсмотрѣвъ просьбы и представленные ими (просителями) документы, комиссія нашла ихъ соотвѣтствующими требованіямъ, изложеннымъ въ статьѣ шестой на право быть повѣренными въ столичныхъ мировыхъ установленіяхъ, и потому опредѣляетъ: „представить съѣзду о неимѣніи препятствій къ выдачѣ Верблоцкому, Малинину, Коковцову и Биркину установленнаго 5—§ правилъ свидѣтельства". Просители были: первый — коллежскій ассессоръ, второй — сынъ священника, третій — присяжный стряпчій, четвертый — помощникъ присяжнаго повѣреннаго (произв. комис. л. 16, 17). Заслушавъ докладъ комиссіи 6 октября, съѣздъ опредѣлилъ: выдать свидѣтельства Верблоцкому, Биркину и Малинину, а о Коковцевѣ ожидать сообщенія о лицахъ, не допущенныхъ окружнымъ судомъ (журн. № 50).

О какомъ сообщеніи идетъ рѣчь въ опредѣленіи, уясняетъ переписка съѣзда о Коковцевѣ. Въ засѣданіи съѣзда 6 октября заявлялось объ отказѣ Коковцеву въ выдачѣ свидѣтельства окружнымъ судомъ. Вопросъ о Коковцевѣ навелъ съѣздъ на мысль о желательности имѣть свѣдѣнія отъ окружнаго суда о каждомъ случаѣ отказа въ выдачѣ свидѣтельствъ и о поводахъ къ отказу, такъ какъ при полученіи такихъ свѣдѣній „дѣло наблюденія за правильнымъ допущеніемъ лицъ въ число повѣренныхъ можетъ быть обсуждаемо болѣе всесторонне". Окружный судъ постановилъ удовлетворить желаніе съѣзда подъ условіемъ полученія отъ съѣзда подобныхъ же извѣщеній (произв. комис. л. 23 об., л. 24 об.). Сообщая объ отказѣ Коковцеву по 8 ст. правилъ, судъ одновременно увѣдомилъ съѣздъ объ отказахъ по такому же основанію купцу Трозинеру, тит. сов. Александрійскому и надв. сов. Ялозо, а также, по ст. 7 правилъ, учителю училища Роману Альторфу, вслѣдствіе оказавшихся по испытаніи неудовлетворительныхъ познаній его. Отказъ учителю уясняетъ, что требованія суда къ познаніямъ кандидатовъ на званіе частныхъ повѣренныхъ были неизмѣримо выше требованій одной грамотности по §—2 правилъ наказа съѣзда.

Въ теченіе конца 1874 г. и всего 1875 г. судъ присылалъ въ съѣздъ извѣщенія объ отказахъ въ выдачѣ свидѣтельствъ, которыя обычно принимались съѣздомъ въ соображеніе при разрѣшеніи просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ тѣмъ же лицамъ, и въ свою очередь такія же извѣщенія съѣздъ посылалъ въ судъ.

Дѣло Трозинера. По поступленіи извѣщенія о Коковцевѣ и другихъ, съѣздъ въ засѣданіи 14 ноября все же опредѣлилъ: Коковцеву свидѣтельство выдать, прускому же подданному Трозинеру, при тѣхъ же свѣдѣніяхъ отъ суда, отказать на осн. ст. 8 правилъ. Чѣмъ была вызвана разница отношеній, въ журналѣ засѣданія не отразилось. Извѣщеніе суда объ отказахъ тому и другому, съ голыми ссылками на ст. 8 правилъ, само

по себѣ еще не составляло того рода свѣдѣній о нарушеніяхъ просителями довѣрія или о безчестныхъ поступкахъ, о которыхъ говорилъ §—3 наказа. Только изъ производства съѣзда по жалобѣ Трозинера (за № 31—1877 г.) узнаемъ, что неблагопріятныя для Трозинера свѣдѣнія даны были судьями словесно на засѣданіи.

Дѣло, возникшее по жалобѣ Трозинера, во многихъ отношеніяхъ характерно для перваго времени дѣйствія закона 1874 г. Пройдя палату, оно явило слѣдующую своеобразную коллизію судебныхъ опредѣленій: съѣздъ примѣнилъ законъ (ст. 8 прав.) противъ своего только-что созданнаго наказа, а палата—наказъ съѣзда (§—3) противъ закона.

Поданная для направленія въ палату жалоба Трозинера была съѣздомъ возвращена, „какъ неподлежащая принятію за силою ст. 15 выс. утв. правилъ о частн. пов.". Трозинеръ добился разсмотрѣнія жалобы, и 11 сентября 1876 г. судебная палата отмѣнила опредѣленіе съѣзда, признавъ, что отказъ въ выдачѣ свидѣтельства долженъ быть основанъ на положительныхъ свѣдѣніяхъ, которыя должны быть *точно указаны* въ опредѣленіи суда. Палата нашла также недопустимымъ разрѣшеніе въ съѣздѣ подобныхъ вопросовъ закрытою баллотировкою (д. р. з. № 31—1877 г.).

Вѣроятно Трозинеръ, не выждавъ затянувшагося разрѣшенія его жалобы, подыскалъ иное занятіе, оставивъ мысль добиваться званія частнаго повѣреннаго на хожденія въ округѣ столичнаго съѣзда, такъ какъ послѣ этого съ его просьбами болѣе не встрѣчаемся. Что касается съѣзда, то послѣдній остался вѣренъ тому пониманію своихъ правообязанностей, какое усвоилъ въ дѣлѣ Трозинера.

Дѣло ходатая капитана Гржималло. Среди относительно немногихъ, получавшихъ въ началѣ отказы въ выдачѣ свидѣтельствъ по ст. 8, былъ нѣкто отставной капитанъ Гржималло, просьба котораго была отклонена 24 ноября 1874 г. Подавъ жалобу, Гржималло вторично

обратился въ съѣздъ съ просьбою о выдачѣ свидѣтельства на 1877 г. Опредѣленіе съѣзда по первой его просьбѣ было отмѣнено палатою по тѣмъ же мотивамъ, что и по дѣлу Трозинера. Съѣздъ, выждавъ исходъ перваго дѣла, все же отказалъ Гржималло и по второй его просьбѣ по тѣмъ же основаніямъ.

Разномысліе инстанцій становилось хроническимъ, а при большей быстротѣ разсмотрѣнія жалобъ въ палатѣ грозило навязать такихъ помощниковъ правосудія, отъ услугъ которыхъ мировой судъ отказывался. Коллизію прекратилъ авторитетъ сената. Съ разсылкою судебнымъ мѣстамъ сборника рѣшеній общаго собранія касс. д-товъ за 1875 г., судебная палата, руководствуясь разъясненіями, преподанными подъ №№ 42 и 52 сборника, оставила жалобу Гржималло безъ послѣдствій.

Цифровыя данныя о выдачѣ свидѣтельствъ въ 1874 и 1875 г.г. Въ 1874 г. при участіи комиссіи 4 іюля, т.-е. въ теченіе всего трехъ мѣсяцевъ дѣйствія закона, съѣздъ успѣлъ разсмотрѣть 101 просьбу о выдачѣ свидѣтельствъ изъ 120, поступившихъ за это время. Разрѣшено было выдать свидѣтельства 88, и отказано въ выдачѣ 13 лицамъ,—большинству на основаніи ст. 8 прав. Случаевъ провѣрки грамотности не было. Среди получившихъ: 21 помощникъ прис. пов., 2 присяжныхъ стряпчихъ, 5 кандидатовъ правъ; остальные—всякихъ ранговъ отставные чиновники, отставные же военные, дворяне, почетные граждане; имѣются иностранные подданные.

26 ноября предсѣдатель съѣзда сообщилъ въ редакцію СПБ. Вѣдомостей--для объявленія и министру юстиціи съ правилами наказа, списки всего о 61 лицѣ, получившемъ свидѣтельства на право ходатайствовать по 1 января 1875 г. Остальныя 27 лицъ (изъ 88) получили свидѣтельства, повидимому, на хожденіе въ 1875 г., ибо въ маѣ 1875 г. предсѣдатель представилъ министру дополнительный списокъ 108 лицъ, получившихъ свидѣтельства, при чемъ въ этотъ списокъ вошла часть получившихъ въ 1874 г. Такимъ образомъ, можно счи-

тать, что за три мѣсяца 1874 г. было разрѣшено съѣздомъ выдать 88 свидѣтельствъ, но изъ нихъ на хожденіе въ 1874 г. лишь 61 свидѣтельство.

За весь 1875 г. было разрѣшено выдать 144 свидѣтельства, изъ нихъ 70 помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, 4 присяжнымъ стряпчимъ, 6 кандидатамъ правъ и 61 остальнымъ:—отставнымъ военнымъ, отставнымъ же чиновникамъ и пр. Отказано было въ выдачѣ 14 лицамъ.

Сколько лицъ изъ общаго числа 144 получило свидѣтельства на хожденіе въ 1875 г., сколько на 1876 г., опредѣлить крайне затруднительно. Производство комиссіи, гдѣ могли бы быть на это указанія, прерывается въ концѣ 1875 г. на засѣданіи ея 28 ноября (л. 88, журн. № 11) *безъ возобновленія засѣданій въ 1876 г.* Причины этого, на первый взглядъ страннаго явленія узнаемъ изъ журналовъ распорядительныхъ засѣданій съѣзда за 1876 г.

Упраздненіе комиссіи 4 іюля; аншлаги съ именами кандидатовъ въ повѣренные. Еще въ серединѣ 1875 г. предсѣдатель входитъ въ съѣздъ съ предложеніями о побужденіи членовъ комиссіи о повѣренныхъ къ болѣе аккуратному посѣщенію ея засѣданій. 24 іюля, выслушавъ заявленіе предсѣдателя о затрудненіи собирать комиссію для разсмотрѣнія просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ, съѣздъ опредѣлилъ: дать знать членамъ комиссіи, чтобъ они въ аккуратности посѣщали засѣданія комиссіи.

Въ 1876 г., до 5 февраля, разсмотрѣнія просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ въ съѣздѣ не происходило. 5 февраля, какъ это видно изъ дѣла 1875 г. № 82 „о выборѣ членовъ въ комиссію о повѣренныхъ", мировой съѣздъ, выслушавъ докладъ, опредѣлилъ: „комиссію закрыть; имена лицъ, желающихъ получить свидѣтельства, вывѣшивать на аншлагѣ для публики, и срокъ, для пріема заявленій относительно нихъ, положить 2-хъ-недѣльный, по истеченіи котораго просьбы повѣренныхъ

вносить въ распорядительное засѣданіе вмѣстѣ съ заявленіями, какія могутъ поступать".

Такъ неожиданно была упразднена первая комиссія о повѣренныхъ. Лишенная съ самаго начала главнѣйшей своей функціи—производства испытаній, она была осуждена на упраздненіе съ момента составленія правилъ наказа, исключившихъ испытаніе. Внѣ испытаній, интересъ къ порученному дѣлу естественно погасъ въ членахъ комиссіи, такъ какъ опредѣленія по просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ въ дѣйствительности постановлялись скорѣе на основаніи свѣдѣній, получаемыхъ отъ окружнаго суда и словесныхъ заявленій судей на засѣданіяхъ съѣзда, нежели на заключеніяхъ комиссіи. Тѣмъ не менѣе приговоръ съѣзда надъ комиссіей, выразившійся въ томъ, что выше ея заключеній былъ поставленъ голосъ публики, никакъ нельзя назвать правильнымъ; причины безплодной работы комиссіи коренились въ недостаткахъ правилъ наказа о повѣренныхъ, а не въ ней, и едва-ли были серьезныя основанія къ ея упраздненію.

Закрывъ комиссію, съѣздъ тѣмъ самымъ отмѣнилъ § 5 правилъ наказа. Актъ этотъ самъ по себѣ и какъ шагъ къ пересмотру правилъ о повѣренныхъ не былъ удачнымъ. Съѣздъ явно не сознавалъ еще дѣйствительныхъ недостатковъ правилъ своего наказа. Невѣжество ходатаевъ, „пропущенныхъ" въ частные повѣренные, еще не убѣдило, чего не хватало въ функціяхъ комиссіи, замѣна же заключеній комиссіи пріемомъ заявленій отъ публики о претендентахъ въ повѣренные рѣшительно ни къ чему не привела.

Къ производству комиссіи (л. 3 и 4) пріобщены всего два и при томъ анонимныя заявленія, предостерегающія о лицахъ, желающихъ получить свидѣтельства. Въ одномъ, болѣе рѣшительномъ по формѣ и содержанію, значится: „По всему вѣроятію, въ мировой съѣздъ явится за свидѣтельствомъ на право хожденія по дѣламъ отставной театральный по фамиліи Р., иностранецъ изъ

нѣмцевъ или жидовъ,—ничего не знаетъ и отъявленный плутъ, и жаденъ на деньги, не довольствуется получаемой пенсіей; будьте осторожны; сверхъ того, онъ придерживается крѣпкихъ напитковъ, постоянно лицо красно и отъ природы глупъ". Подписано: „Петербургъ".

При обозрѣніи анонимныхъ заявленій оказывается, что поступили они 22 августа и 25 сентября *1874* г. Чтобы обращеніе съѣзда къ публикѣ, по опредѣленію 5 февраля 1876 г., путемъ вывѣшиванія аншлаговъ съ именами желающихъ получать свидѣтельство, вызвало хотя одно заявленіе, изъ производства съѣзда совсѣмъ не видно.

Цифровыя данныя о выдачѣ свидѣтельствъ въ 1876—1880 г.г. Съ упраздненіемъ комиссіи о повѣренныхъ, съ 1876 г. по 1880 г., наблюдается съ одной стороны сокращеніе числа просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ, а съ другой—нѣкоторое наростаніе числа свидѣтельствъ, выбираемыхъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ [1]).

Такимъ образомъ:

	Выдано:	Изъ нихъ помощникамъ:	Отказано:
въ 1876 г. . . .	64 свид.;	45;	6 лицамъ;
„ 1877 „ . . .	52 „	29;	4 „
„ 1878 „ . . .	53 „	20;	отказовъ не было
„ 1879 „ . . .	37 „	23;	отказано 1 лицу;
„ 1880 „ . . .	40 „	17;	„ 3 лицамъ.

Въ приведенныхъ данныхъ, отказы касаются исключительно группы ходатаевъ неопредѣленнаго состава и образованія, т.-е. отставныхъ военныхъ, отставныхъ же чиновниковъ и пр. Съѣздъ за этотъ періодъ окончательно порываетъ съ §§ 2 и 3 своего наказа о повѣренныхъ, а въ 1880 г. становится на путь сознанія своихъ ошибокъ,—путь столь важный въ каждой дѣятельности, при желаніи успѣха дѣлу. Въ дѣлѣ урегулированія судебнаго представительства съѣздъ проявилъ сознаніе своихъ ошибокъ въ коренномъ пересмотрѣ правилъ о повѣренныхъ, а также въ возстановленіи комиссіи о повѣренныхъ уже съ испытательными функціями.

[1]) Частное дѣло № 74 — 1886 г. о доставленіи министерству свѣдѣній о лицахъ, устраненныхъ отъ ходатайствъ по суд. дѣламъ съ 1875 г.—1886 г.

Правила съѣзда о повѣренныхъ 1880 года. Вслѣдствіе предложенія 7 судей о пересмотрѣ правилъ о частныхъ повѣренныхъ, съѣздъ 6 марта 1880 г. назначилъ комиссію изъ 7-ми же лицъ: В. И. Лихачева, И. П. Путилова, В. А. Тимирязева, В. И. Иванькова, И. В. Рукавишникова, М. И. Бакиновскаго и И. А. Котомина.

Видимо, составу этой комиссіи было присуще сознаніе полной несостоятельности правилъ о частныхъ повѣренныхъ, пріобщенныхъ къ наказу 1873 г. Именуя себя „избранной для разработки вопроса о примѣненіи выс. утв. правилъ 25 мая (6 іюня) 1874 г.", комиссія представила съѣзду выработанныя ею *мнѣнія* по вопросу, безо всякаго слѣда въ нихъ прежнихъ „теоретическихъ увлеченій". Мѣсто послѣднихъ заступили практическія мѣры, но отчасти и практическія же увлеченія.

„Для болѣе успѣшнаго примѣненія правилъ о частныхъ повѣренныхъ", комиссія находила необходимымъ: сообщать возможно точныя справки о лицахъ, желающихъ получать свидѣтельства.

Ввести для поступающихъ и для нынѣ ходатайствующихъ „по выданнымъ свидѣтельствамъ" (?) экзамены согласно смысла ст. 7 правилъ;

установить болѣе строгій надзоръ надъ получившими свидѣтельства и ходатаями по тремъ дѣламъ;

наведеніе справокъ и производство экзаменовъ возложить на особую комиссію, куда предварительно передавать на заключеніе и всѣ поступающія прошенія;

для контроля надъ частными повѣренными заносить въ заведенную книгу и всѣ замѣчанія, которыя мировые судьи найдутъ нужнымъ сдѣлать о томъ или другомъ частномъ повѣренномъ, а также публиковать о

всѣхъ принятыхъ въ число частныхъ повѣренныхъ, выбывшихъ и исключенныхъ;

контроль надъ ходатаями по тремъ дѣламъ установить посредствомъ отобранія записокъ.

Приведенныя мнѣнія комиссіи съ нѣкоторыми добавленіями и незначительными измѣненіями легли въ основаніе новыхъ правилъ наказа о повѣренныхъ. Эти правила были утверждены съѣздомъ 9 октября 1880 г. „въ отмѣну“ правилъ 20 октября 1874 г.

Подобно правиламъ 20 октября 1874 г., правила наказа о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ 1880 г. распадаются на двѣ части: I.—О частныхъ повѣренныхъ, состоящихъ при мировомъ съѣздѣ, и II.—О повѣренныхъ, пользующихся правомъ на веденіе не болѣе трехъ дѣлъ въ теченіе года, согласно 18 ст. закона 6 іюня 1874 г.

I. Въ правилахъ съѣзда о частныхъ повѣренныхъ 1880 г. прежнее положеніе о достаточности одной грамотности въ повѣренномъ замѣнено слѣдующимъ: „всѣмъ, подавшимъ прошенія, по собраніи о нихъ возможно точныхъ справокъ, производится экзаменъ согласно смысла 7 ст. закона 6 іюня 1874 г. Отъ экзамена не освобождаются „при возобновленіи свидѣтельствъ“ и лица, нынѣ ходатайствующія по выданнымъ мировымъ съѣздомъ свидѣтельствамъ (§ 3).

Обѣ части приведеннаго правила (§ 3) одинаково свидѣтельствуютъ, насколько съѣздъ отрѣшился отъ прежняго скромнаго требованія одной грамотности въ повѣренномъ, но во второй части того же § 3 имѣемъ еще политику, обращенную противъ невѣжества, успѣвшаго проникнуть подъ дѣйствіемъ отмѣненныхъ правилъ наказа. Ст. 7 закона не допускаетъ подобнаго пути для исправленія судебнымъ мѣстомъ промаховъ въ прошломъ, такъ какъ не распространяетъ правила объ испытаніяхъ даже на лицъ, получившихъ уже свидѣтельства отъ другого суда (ст. 406[7]). Порвавъ съ прежнимъ правиломъ, съѣздъ въ новомъ впалъ въ другую крайность.

Презумпціи bonі vіrі и вообще какихъ-либо опредѣленій неблагонадежности, какъ препятствія для полученія свидѣтельства, въ правилахъ 1880 г. не встрѣчаемъ.

II. Въ правилахъ съѣзда 1880 г. о повѣренныхъ по тремъ дѣламъ оставленъ для контроля или учета числа хожденій ходатаевъ одинъ способъ—отобраніе подписки. Во всемъ остальномъ, какъ и для опредѣленія области непримѣненія ст. 18 закона 1874 г., въ новыхъ правилахъ съѣзда сохранены прежнія положенія 1874 г. почти безъ измѣненій.

На основаніи ст. 171 у. с. у. правила наказа о повѣренныхъ 1880 г. были представлены министру 24 ноября 1881 г. Продержались эти правила недолго,—до наказа 1884 г. Въ послѣднемъ встрѣтимся съ новыми правилами о повѣренныхъ, и эти правила представятъ свои отличія.

Цифровыя данныя о выдачѣ свидѣтельствъ въ *1881—1883 г.г.* За время до новыхъ правилъ разрѣшеніе просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ дало слѣдующіе результаты:

	Выдано:	Изъ нихъ помощникамъ:	Отказано:
въ 1881 г. . . .	92;	27;	6 лицамъ
„ 1882 „ . . .	106;	42;	10 „
„ 1883 „ . . .	117;	54;	7 „

Краткія журнальныя резолюціи съѣзда („выдать“, „отказать“) не позволяютъ судить, насколько съѣздъ сталъ осмотрительнѣе въ выдачѣ свидѣтельствъ „на новыхъ началахъ“. Слѣдуетъ, однако, думать, что съ 1882 г. выдача свидѣтельствъ производилась значительно осмотрительнѣе, такъ какъ самыя правила о повѣренныхъ 1880 г. сложились подъ вліяніемъ глубоко отрицательнаго отношенія съѣзда къ частнымъ повѣреннымъ изъ ходатаевъ.

Весьма сильнымъ средствомъ противъ проникнове-

нія „невѣжества“ оказались также испытанія. Въ отчетѣ съѣзда за 1884 г. значится, что только уклонившихся отъ испытаній за этотъ годъ оказалось 22 лица. Можно представить, сколько юридически неграмотныхъ прошло при отсутствіи испытаній.

Слѣды рѣзко отрицательнаго отношенія съѣзда къ своимъ избранникамъ недавняго прошлаго встрѣчаемъ въ исторіи попытокъ учрежденія при съѣздѣ консультаціи частныхъ повѣренныхъ изъ ходатаевъ. Къ 1882 г. такое отношеніе съѣзда къ прежнимъ ходатаямъ въ новомъ званіи складывается почти въ полное убѣжденіе о несоотвѣтствіи всего института частной адвокатуры интересамъ правосудія. Попутно съѣздъ какъ будто признаетъ неблагополучной свою прежнюю практику по выдачѣ свидѣтельствъ, но тутъ же плоды своихъ ошибокъ относитъ исключительно къ недостаткамъ закона 1874 г. Вся эта „сложная позиція“ съѣзда особенно полно выражена въ заключеніи, представленномъ въ министерство юстиціи по поводу поданной на имя министра докладной записки повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ ст. сов. Мостовскаго [1]).

Переходъ къ выдачѣ свидѣтельствъ на новыхъ началахъ. Приведенныя неловкости съѣзда въ оріентаціи по вопросу о повѣренныхъ ни мало не мѣшаютъ намъ сдѣлать тотъ выводъ, что въ практикѣ съѣзда за разсмотрѣнный періодъ (1880—1884 г.) произошелъ несомнѣнный сдвигъ въ сторону усвоенія судомъ надлежащей роли въ дѣлѣ судебнаго представительства. Въ пониманіи съѣзда выборка свидѣтельствъ, какъ право просителей, отошла, смѣнившись тѣмъ взглядомъ и тою практикой, по которымъ принятіе въ число частныхъ повѣренныхъ составляетъ проявленіе судебнаго права и обязанности, осуществляемыхъ исключительно въ интересахъ правосудія и тяжущихся.

Въ качествѣ иллюстраціи сдвига и его сущности

[1]) О запискѣ этой и вообще попыткахъ учрежденія при съѣздѣ юрид. консультаціи изъ частн. повѣренныхъ, см. ниже.

приведемъ изъ двухъ засѣданій съѣзда за 1882 г., на выдержку, результаты просьбъ рядовыхъ просителей и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ:

Журналъ распорядительнаго засѣданія января 14 дня 1882 г.

Слушали:	№ 1.	*Опредѣлили:*
42. Прошенія о выдачѣ свидѣтельствъ:		
а) Кронова		отказать
б) Дмаховскаго		выдать
в) Арефьева		переэкзаменовать
г) Соболева		отказать по ст. 8
д) Мессарошъ		отказать по ст. 8
е) Якоби		отказать по ст. 8
ж) Преображенскаго		выдать

Журналъ распорядительнаго засѣданія февраля 18 дня 1882 г.

Слушали:	№ 4	*Опредѣлили:*
12. Прошенія о выдачѣ свидѣтельствъ на веденіе дѣлъ:		
а) помощн. прис. пов.		
Ивановскаго		выдать
Агурова		тоже
Бубнова		тоже
Лозинскаго		выдать
Тимуша		тоже
Холева		тоже
б) канц. служ. Евгенія Павлова		по ст. 8 правилъ о повѣренныхъ отказать
в) мѣщанина Нахимсона		подвергнуть испытанію
г) франц. гражд. Норманда		тоже
д) капитана Пахарнаева		выдать свидѣтельство
е) пот. поч. гражд. Арефьева		отказать за невыдержаніемъ экзамена, предоставивъ ему право просить о переэкзаменовкѣ черезъ 6 мѣсяцевъ.

За десятилѣтіе по 1884 г. съѣздъ прошелъ путь главныхъ сомнѣній, связанныхъ съ примѣненіемъ закона

о частныхъ повѣренныхъ, но „незадачливое“ въ самомъ началѣ разрѣшеніе ихъ должно было отрицательно отразиться на общемъ положеніи въ округѣ судебнаго представительства. На исправленіе положенія потребовались годы. Заручившись кліентами, повѣренный изъ ходатаевъ, и при устраненіи, продолжалъ дѣятельность повѣреннаго въ обходъ закона [1]), а помощникъ, вступая въ сословіе присяжныхъ или пріобрѣтая практику въ окружномъ судѣ, оставлялъ ее въ мировомъ, какъ оставляетъ и нынѣ. Поэтому даже преимущественное пріобщеніе помощниковъ къ веденію судебныхъ дѣлъ мировой юстиціи, къ чему въ столицѣ столько условій, не могло сразу „очистить“ классъ частныхъ повѣренныхъ.

Въ апрѣлѣ 1886 г. съѣздъ представлялъ въ министерство юстиціи именной списокъ всѣхъ частныхъ повѣренныхъ, состоящихъ при съѣздѣ къ 1886 г. Изъ списка явствуетъ, что всего въ томъ году состояло при съѣздѣ 88 частныхъ повѣренныхъ, но изъ нихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ только 25. Если исходить изъ однѣхъ цифръ, то придется признать, что остальное весьма значительное число помощниковъ, выбиравшихъ свидѣтельства въ прежніе годы, не удержалось при съѣздѣ. Что въ данномъ случаѣ не было устраненій, узнаемъ изъ другого списка, запрошеннаго министромъ въ сентябрѣ,—списка устраненныхъ за время съ 1875 г. по 1886 г. [2]). Въ немъ по опредѣленіямъ съѣзда значатся исключенными изъ числа повѣренныхъ: въ 1881 г.—дворянинъ Паганьковъ, въ 1885 г. — двор. Добровольскій и въ 1886 г. поч. гражд. Русинъ, т.-е. всего трое и всѣ не изъ помощниковъ [3]).

Къ 1884 г. правила съѣзда о повѣренныхъ были вновь пересмотрѣны въ порядкѣ наказа, въ связи съ

[1]) О способахъ обхода, см. дальше.
[2]) Частн. дѣла съѣзда 1886 г. № 46 (26), № 74 (27).
[3]) Опредѣленія съѣзда едва не о всѣхъ троихъ были отмѣнены палатою.

внесеніемъ правилъ закона 1874 г. въ т. II св. зак. общ. губ. учр. изд. 1876 г.

Правила наказа о повѣренныхъ 1884 г. Редактированіе въ 1884 г. правилъ наказа съ ссылками на общее губернское учрежденіе изд. 1876 г. нельзя не признать до крайности запоздалымъ, такъ какъ къ этому времени (1884 г.) судебные уставы, со включеніемъ въ нихъ правилъ о частныхъ повѣренныхъ, были уже перенесены изъ т. II св. зак. въ составъ тома XVI ч. I св. зак. изд. 1883 г. Съ этой стороны наказъ 1884 г. родился старцемъ, но со стороны содержанія правила его о повѣренныхъ явили не мало новаго, заслуживающаго привѣта.

Въ дѣлѣ урегулированія судебнаго представительства съѣздъ нашелъ, наконецъ, себя, т.-е. свою собственную компетенцію по установленію морально-правовыхъ условій въ личности для занятія адвокатурой. Въ порядкѣ, установленномъ правилами наказа 1884 г., только испытаніе производилось черезъ комиссію, но по особому о каждомъ просителѣ постановленію съѣзда и съ окончательной оцѣнкой его познаній съѣздомъ же въ согласіи съ точнымъ смысломъ ст. 7 правилъ закона.

Какія обстоятельства въ практикѣ послужили поводами къ такому исправленію правилъ о повѣренныхъ, установить не оказалось возможнымъ, такъ какъ самое производство комиссіи по пересмотру прежняго наказа не сохранилось. Наказъ 1880 г., только-что принятый, пересматривался по постановленію съѣзда отъ 8 октября 1881 г., при чемъ, какъ это видно изъ отчета съѣзда за 1883 г., особая комиссія, для того избранная, приняла въ основаніе новаго весьма обширный матеріалъ, начиная съ обнаруженныхъ практикою недостатковъ дѣйствовавшаго и кончая разъясненіями общаго собранія касс. д-товъ сената по разсмотрѣнію наказовъ различныхъ судебныхъ мѣстъ; между прочимъ, были приняты во вниманіе также соображенія, высказанныя въ образованныхъ министромъ юстиціи въ 1877—1881 гг. со

вѣщаніяхъ для установленія основныхъ началъ общаго наказа.

Наказъ 1884 г. съ правилами о повѣренныхъ былъ окончательно разсмотрѣнъ и утвержденъ въ засѣданіяхъ 24 декабря 1883 г. и 30 марта 1884 г. Съ внѣшней стороны правила 1884 г., подъ общимъ заголовкомъ: „о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ", не раздѣляются на двѣ части. По содержанію они выгодно отличались отъ прежнихъ своею цѣлесообразностью, болѣе соотвѣтствующей закону о повѣренныхъ, и потому оказались болѣе устойчивыми, продержавшись почти десятилѣтіе до наказа 1893 г. Они же положили начало тому порядку разсмотрѣнія просьбъ о допущеніи въ число частныхъ повѣренныхъ, какой въ общихъ чертахъ сохраняется понынѣ.

Такимъ образомъ, въ правилахъ наказа 1884 г. существенно новыми и немаловажными явились: требованія, предъявляемыя къ содержанію прошеній о допущеніи въ число частныхъ повѣренныхъ; способы собиранія свѣдѣній о просителяхъ и, въ особенности, общій порядокъ разсмотрѣнія просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ, предусматривающій впереди всего обсужденіе формальныхъ условій, а затѣмъ „иныхъ свѣдѣній" о просителѣ, съ разнымъ—окончательнымъ или неокончательнымъ результатомъ для просьбы.

Въ прошеніи на имя предсѣдателя подающій просьбу долженъ былъ изложить, кромѣ требуемыхъ закономъ, также свѣдѣнія: о своей прежней дѣятельности, о случаяхъ и послѣдствіяхъ обращенія его по тому же предмету въ другія судебныя мѣста и о лицахъ, преимущественно судебнаго вѣдомства, могущихъ сообщить свѣдѣнія о его дѣятельности. Собираніе о просителѣ всякихъ свѣдѣній было возложено на предсѣдателя. Въ тѣхъ же цѣляхъ,—собранія возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній о прежней дѣятельности просителей,—списки съ обозначеніемъ въ нихъ ихъ званій, имени, отчества и фамилій вывѣшивались въ съѣздѣ (пріемной и у

залъ засѣданій) и въ камерахъ мировыхъ судей (§§ 164—168).

Черезъ двѣ недѣли со дня, въ который былъ вывѣшенъ списокъ, дѣло вносилось въ съѣздъ для разсмотрѣнія прежде всего вопроса, удовлетворяетъ ли проситель формальнымъ условіямъ, но и при соотвѣтствіи просителя формальнымъ условіямъ, обсужденіе собранныхъ свѣдѣній могло имѣть троякое послѣдствіе: отказъ въ просьбѣ, выдачу свидѣтельства безъ экзамена, или—съ назначеніемъ испытаній, согласно ст. 1108 т. II ч. I св. зак. (§§ 169—170).

Для испытанія просителя въ знаніи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и въ умѣньи излагать бумаги, подаваемыя въ судъ, съѣздомъ ежегодно избиралась особая комиссія въ составѣ 4-хъ судей. По испытаніи комиссія, вмѣстѣ съ постановленіемъ своимъ объ удовлетворительности или неудовлетворительности отвѣтовъ просителя, вносила письменныя его работы и полученныя имъ отмѣтки въ съѣздъ, который и постановлялъ о выдачѣ просителю свидѣтельства или объ отказѣ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ проситель допускался ко вторичному испытанію не ранѣе, какъ по истеченіи 6-тимѣсячнаго срока со дня отказа (§§ 171—173).

Для лицъ, не внесшихъ установленнаго сбора въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ со дня разрѣшенія на вступленіе въ число повѣренныхъ, терялось право воспользоваться разрѣшеніемъ и требовалась подача новаго прошенія о выдачѣ свидѣтельства, а состоящій уже при съѣздѣ повѣренный по судебнымъ дѣламъ, не внесшій 40-рублеваго сбора къ 1 февраля текущаго года, считался выбывшимъ изъ числа повѣренныхъ (§§ 174—175).

Для регистраціи правоспособныхъ на выступленія въ качествѣ повѣренныхъ, при дѣлахъ предсѣдателя по наказу 1884 г. заводится о каждомъ, подавшемъ прошеніе о выдачѣ свидѣтельства, особое дѣло, а въ общей книгѣ прошеній о выдачѣ свидѣтельствъ отмѣчаются: отказы въ выдачѣ; налагаемыя на повѣренныхъ

дисциплинарныя взысканія, и день выбытія изъ числа повѣренныхъ (§ 176).

Въ отношеніи ходатаевъ по тремъ дѣламъ въ году правила 1884 г. не внесли какихъ-либо измѣненій противъ замѣненныхъ. Здѣсь тѣ же опредѣленія, на кого не распространяются правила закона 6 іюня 1874 г. по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и тотъ же способъ контроля надъ ходатаями или учета числа ихъ хожденій.

Цифровыя данныя о выдачѣ свидѣтельствъ въ 1884—1893 гг. Разрѣшеніе просьбъ о выдачѣ свидѣтельствъ съ примѣненіемъ правилъ наказа 1884 г. дало слѣдующіе результаты:

Въ	1884	г.	выдано	свидѣтельствъ	119;	изъ	нихъ	помощн.	50;	отказано	6 лиц.
„	1885	„	„	„	112;	„	„	„	44;	„	10 „
„	1886	„	„	„	109;	„	„	„	55;	„	3 „
„	1887	„	„	„	110;	„	„	„	60;	„	3 „
„	1888	„	„	„	98;	„	„	„	47;	„	10 „
„	1889	„	„	„	91;	„	„	„	44;	„	22 „
„	1890	„	„	„	85;	„	„	„	48;	„	7 „
„	1891	„	„	„	81;	„	„	„	48;	„	5 „
„	1892	„	„	„	86;	„	„	„	51;	„	4 „
„	1893	„	„	„	79;	„	„	„	53;	„	3 „

Въ приведенныхъ данныхъ не указаны лица, подававшія прошенія, но десятками уклонявшіяся отъ испытаній. Такъ уклонявшихся было: въ 1884 г.—22, въ 1885 г.—23, въ 1886 г.—23 лица и т. д.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что за все время до 1893 г. первоначальная выборка и возобновленіе свидѣтельствъ изъ года въ годъ слѣдовали общему порядку подачи прошеній на имя съѣзда, требуя по каждому постановленія съѣзда. Въ указанныхъ цифровыхъ данныхъ, какъ и въ приведенныхъ ниже, соединены вмѣстѣ всѣ выдачи свидѣтельствъ безъ выдѣленія выборки возобновляемыхъ. Отказы падаютъ исключительно на лицъ, не принадлежащихъ къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тѣмъ не менѣе, вытѣсненіе такихъ лицъ помощниками совершается пока медленно. Важно, однако,

уже то, что въ этотъ періодъ нѣтъ преобладанія послѣднихъ.

Правила наказовъ о повѣренныхъ 1893-го и 1907—1910 г. Въ правилахъ наказовъ съѣзда о повѣренныхъ 1893 г. и нынѣ дѣйствующаго 1907—1910 г. внесены лишь нѣкоторыя дополненія, не измѣняющія сущности порядка, унаслѣдованнаго отъ наказа 1884 г.

Наказъ 1893 г. вводитъ упрощеніе въ дѣло возобновленія свидѣтельствъ. Свидѣтельства съ этого времени выдаются въ первый разъ согласно постановленію распорядительнаго засѣданія, а впослѣдствіи возобновляются предсѣдателемъ съѣзда по уплатѣ установленнаго ст. 406[9] у. с. у. сбора (§ 297 наказа 1893 г. и наказа 1907—1910 г.). На предсѣдателя же возложено возвращеніе просителю жалобъ на неподлежащій обжалованію отказъ въ выдачѣ свидѣтельства по неформальнымъ условіямъ (тамъ же § 296).

Комиссія для испытанія въ познаніяхъ по наказу 1893 г. избирается въ составѣ четырехъ судей на каждое трехлѣтіе, а въ наказѣ 1907—1910 г. получаетъ наименованіе „экзаменаціонной“ и производитъ устныя и письменныя испытанія въ наличности у просителя необходимыхъ *юридическихъ* познаній по программѣ, утвержденной съѣздомъ (§ 293 нак. 1907—1910 г.).

Программа требуетъ весьма обстоятельныхъ свѣдѣній: по гражданскому и торговому праву и судопроизводству; б) по уголовному праву и судопроизводству и в) по государственному праву.

Въ частности программа съѣзда по гражданскому праву соотвѣтствуетъ оффиціальной, недавно еще примѣнявшейся на государственныхъ экзаменахъ при сдачѣ университетскаго курса по юридическому факультету.

Таковы требованія, предъявляемыя нынѣ, на основаніи закона 1874 г., къ познаніямъ повѣренныхъ при столичномъ съѣздѣ, противъ одной грамотности по наказу 1874 г., созданному въ свое время тѣмъ же съѣздомъ въ видахъ примѣненія того же закона.

Цифровыя данныя о выдачѣ свидѣтельствъ въ 1894—1916 г. (*наказы 1893 г. и 1907—1910 г.*). Въ связи, конечно, съ общимъ увеличеніемъ въ столицѣ числа помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, требованія послѣднихъ наказовъ создаютъ, наконецъ, явное преобладаніе въ округѣ съѣзда судебнаго представительства помощниковъ надъ иными представителями частной адвокатуры:

въ	1894 г.	выдано	свидѣт.	75;	изъ	нихъ	помощник.	50;	отказано	2	лицамъ;
„	1895 г.	„	„	76;	„	„	„	53;	„	3	„
„	1896 г.	„	„	77;	„	„	„	54;	„	4	„
„	1897 г.	„	„	71;	„	„	„	49;	„	5	„
„	1898 г.	„	„	80;	„	„	„	62;	„	3	„
„	1899 г.	„	„	108;	„	„	„	85;	„	7	„
„	1900 г.	„	„	121;	„	„	„	97;	„	1	„
„	1901 г.	„	„	131;	„	„	„	112;	„	3	„
„	1902 г.	„	„	131;	„	„	„	119;	„	5	„
„	1903 г.	„	„	135;	„	„	„	121;	„	4	„
„	1904 г.	„	„	143;	„	„	„	123;	„	2	„
„	1905 г.	„	„	121;	„	„	„	102;	„	5	„
„	1906 г.	„	„	111;	„	„	„	90;	„	7	„
„	1907 г.	„	„	154;	„	„	„	102;	„	2	„
„	1908 г.	„	„	91;	„	„	„	71;	„	5	„
„	1909 г.	„	„	77;	„	„	„	54;	„	5	„
„	1910 г.	„	„	87;	„	„	„	66;	„	15	„
„	1911 г.	„	„	84;	„	„	„	64;	„	6	„
„	1912 г.	„	„	105;	„	„	„	85;	„	11	„
„	1913 г.	„	„	86;	„	„	„	67;	„	1	„
„	1914 г.	„	„	84;	„	„	„	65;	„	2	„
„	1915 г.	„	„	170;	„	„	„	154;	„	3	„

Въ среднемъ за время дѣйствія наказовъ 1893 г. и 1907—1910 г.г. въ годъ выбиралось свидѣтельствъ около 98-ми; изъ нихъ помощниками 76; иными лицами 22, и отказывалось въ выдачѣ 5-ти лицамъ.

Практика преимущественнаго пополненія состава адвокатуры при съѣздѣ изъ помощниковъ нашла для себя вѣрный путь. Частные повѣренные, не принадлежащіе къ числу помощниковъ, удерживаются еще при съѣздѣ въ нѣкоторомъ числѣ и даже временами пополняются новыми, но лишь благодаря дѣйствительно вѣдомымъ съѣзду нравственнымъ качествамъ и познаніямъ

въ правѣ, допускающимъ ихъ соревнованіе съ помощниками на одномъ поприщѣ защиты интересовъ суда и тяжущихся. Соревнованіе немногихъ, отъ природы надѣленныхъ, а значитъ и допущеніе такихъ лицъ въ число частныхъ повѣренныхъ, можно почесть даже не безполезнымъ, такъ какъ и цензъ не всегда обезпечиваетъ въ личности достаточныхъ знаній, не говоря о моральныхъ качествахъ.

Область примѣненія закона 1874 г. Какъ и въ прежнихъ наказахъ, дѣйствующій даетъ общее опредѣленіе области примѣненія закона 1874 г. Вопросъ о предѣлахъ ограниченій, внесенныхъ этимъ закономъ, не исчерпывается, конечно, указаніемъ дѣлъ или лицъ, свободныхъ отъ ограниченій, но такое общее указаніе границъ дѣйствія закона нельзя не признать весьма полезнымъ, и сдѣлать его съѣздъ считалъ необходимымъ въ каждомъ наказѣ. Относящіяся къ вопросу опредѣленія прежнихъ наказовъ, пройдя не поколебленными десятки лѣтъ, удержались въ наказѣ 1893 г. и даже наказѣ 1907 г. При всемъ томъ, въ этого рода опредѣленіяхъ съѣзда не чувствуется увѣренности судебнаго мѣста, ставшаго твердо на законную почву. На эту почву съѣздъ сталъ только въ нынѣ дѣйствующемъ наказѣ 1907—1910 г., по исправленіи наказа 1907 г. въ соотвѣтствіи съ указаніями правительствующаго сената.

Опредѣленіе области примѣненія закона 1874 г. въ правилахъ наказовъ. Въ правилахъ наказовъ о повѣренныхъ 1874 г., 1880 и 1884 г.г., область примѣненія закона 6 іюня 1874 г. опредѣлялась, какъ видѣли, способомъ исключенія лицъ и дѣлъ, на которыхъ не распространялись, по мнѣнію съѣзда, правила закона 6 іюня 1874 г. и въ частности правило ст. 18 (ст. 406[18] у. с. у.) о ходатаяхъ по тремъ дѣламъ въ году. При разницѣ лишь въ ссылкахъ на ст. ст. т. II общ. губ. учр. (наказъ 1884 г.), во всѣхъ трехъ наказахъ опредѣлялось, съ одной стороны, что правила 6 іюня 1874 г. не распростра-

няются: 1) на лицъ, ходатайствующихъ по гражданскимъ дѣламъ на осн. ст. 19, 25 и 26 у. г. с. и ст. 389 у. с. у. и 2) на лицъ, ходатайствующихъ по уголовнымъ дѣламъ на основаніи ст. 18 уст. о нак. и ст. 861 у. у. с. (наказъ 1874 г.—§ 14; 1880 г.—§ 14 и 1884 г.—§ 179), и съ другой, что установленное ст. 18 правилъ (ст. 406[18]) ограниченіе не распространяется: 1) на дѣла лицъ, въ предшествующей статьѣ поименованныхъ; 2) на словесную защиту подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ при бытности на судѣ самихъ обвиняемыхъ и 3) на веденіе въ текущемъ году тѣхъ изъ начатыхъ въ году предшествующемъ трехъ дѣлъ, которыя остались неоконченными производствомъ (тамъ же: § 15, § 179). Въ наказѣ 1874 г. и 1880 г. оба эти опредѣленія,—общаго и частнаго характера, были внесены во вторую часть правилъ: о ходатаяхъ по тремъ дѣламъ.

Въ наказѣ 1893 г. съѣздъ предпослалъ раздѣленію правилъ на части („о частныхъ повѣренныхъ“ и „о лицахъ, допускаемыхъ къ ходатайству на осн. ст. 406[18]“) „общія правила“, среди которыхъ помѣщено первое, общаго характера правило, заимствованное изъ прежнихъ наказовъ, а правило о томъ, на какія дѣла не распространяется ст. 406[18], сохранило прежнее мѣсто (§§ 285, 305 наказа 1884 г.).

Въ „общихъ правилахъ“ о повѣренныхъ наказа 1893 г., сверхъ указанныхъ, встрѣчаемъ также способъ прямого опредѣленія области примѣненія закона 1874 г., являющійся уже новостью. Согласно § 284 этого наказа „дѣйствіе правилъ о частныхъ повѣренныхъ (ст. 406[1]) распространяется: а) на повѣренныхъ по дѣламъ гражданскимъ, б) на повѣренныхъ частныхъ обвинителей и в) на повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ по дѣламъ уголовнымъ.

Уже одни розыски мѣста для правилъ, опредѣляющихъ объемъ дѣйствія закона, заставляютъ думать, что содержаніемъ таковыхъ съѣздъ не удовлетворялся, добавочное же правило наказа 1893 г. о томъ, на какихъ

повѣренныхъ *распространяется* законъ по роду ввѣряемыхъ интересовъ (§ 284 п. а, б, в), прямо свидѣтельствуетъ, что у съѣзда были только попытки подойти къ уясненію этой области съ той или другой стороны. Попытки такія могли, конечно, приблизить съѣздъ къ разрѣшенію вопроса, но... попыткамъ вообще не мѣсто въ наказахъ.

Въ наказѣ 1907 г., до его исправленія, какихъ-либо попытокъ опредѣленія области примѣненія закона способомъ прямого указанія не встрѣчаемъ. Для соотвѣтствующаго заключенія оставлено одно правило о томъ, что установленное ст. 406[18] у. с. у. ограниченіе веденія не болѣе трехъ дѣлъ въ теченіе года не распространяется: а) на „защиту“ подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ и б) на веденіе неоконченныхъ въ предшествующемъ году трехъ дѣлъ, по которымъ даны подписки. Упоминая только о защитѣ подсудимыхъ, съѣздъ продолжалъ повидимому признавать, что ограниченія закона 1874 г. распространяются на повѣренныхъ частныхъ обвинителей и на повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ въ уголовномъ процессѣ. Говоримъ „повидимому“, такъ какъ съ трудомъ допускаемъ, чтобы съѣздъ за 15 лѣтъ со времени исправленія редакціи ст. 1 правилъ о частныхъ повѣренныхъ въ 1883 г. не успѣлъ ознакомиться съ нею.

Причины многолѣтнихъ неудачъ съѣзда по установленію области дѣйствія закона 1874 г. коренились сначала въ общей невыясненности этого вопроса, а при внесеніи правилъ о повѣренныхъ въ судебные уставы изд. 1883 г. въ работахъ самой комиссіи по составленію проекта наказа 1884 г. Здѣсь, какъ это нерѣдко бываетъ въ комиссіяхъ, печальную роль съиграла перегруженность матеріаломъ. Занятая съ 1881 г. составленіемъ проекта, комиссія перебрала обширный матеріалъ, въ авторитетности значительной части котораго не могло возникать сомнѣній (см. выше о наказѣ 1884 г.). Но, какъ разъ около этого времени вопросъ о распростра-

неніи ограниченій закона на повѣренныхъ частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ разрѣшался больше въ положительную сторону. При довѣріи къ авторитету высокихъ учрежденій, съѣздъ перенесъ ихъ сужденія въ проектированный наказъ, а затѣмъ и въ наказъ 1893 г. Такимъ образомъ, утверждая наказъ 1884 г., съѣздъ просмотрѣлъ послѣдовавшее около 1883 г. окончательное по вопросу заключеніе высочайше образованной комиссіи для изготовленія изданія судебныхъ уставовъ отдѣльною книгой, просмотрѣлъ и самое измѣненіе редакціи ст. 1 правилъ о частныхъ повѣренныхъ въ судебныхъ уставахъ изд. 1883 г., въ которой (ст. 406[1] у. с. у.) стало значиться: „по дѣламъ гражданскимъ" вмѣсто прежнихъ словъ „по дѣламъ" (т. II св. зак. общ. губ. учр.). Перенося правила о повѣренныхъ въ наказъ 1893 г. и затѣмъ 1907 г., съѣздъ не досмотрѣлъ въ томъ и другомъ противорѣчія съ новой редакціей ст. 1,—изъ довѣрія къ тому же наказу 1884 г. Такъ приходится заключать, читая слова наказовъ въ ихъ послѣдовательности при освѣщеніи причинъ ихъ удержанія тѣмъ матеріаломъ прошлаго, какой имѣлся въ виду съѣзда (наказъ 1884 г.).

Но возможно и другое, болѣе интимное объясненіе укорененія въ наказахъ 1884 г., 1893 г. и 1907 г. противорѣчія съ новой редакціей ст. 1 правилъ о повѣренныхъ. Документальныхъ данныхъ къ этому другому объясненію немного и самое объясненіе—почти догадка, но благодаря догадкѣ самый ларчикъ открывается значительно проще, устраняя при томъ то недоумѣніе, котораго не устраняетъ первое. Поэтому смѣло ставимъ догадку выше документальной обоснованности перваго объясненія и рѣшаемся ее привести.

Удержаніе въ приведенныхъ наказахъ распространенія ограниченій закона также на *уголовныя* дѣла могло являться послѣдствіемъ простого нежеланія съѣзда расширять для ходатаевъ поле дѣятельности въ судебныхъ установленіяхъ округа. Въ борьбѣ съ „невѣжествомъ"

ходатаевъ, съѣздъ уже допускалъ въ прошломъ извѣстную политику, откровенно внеся ее даже въ наказъ (1880 г.). По соображеніямъ того же порядка, для успѣха той же борьбы съ невѣжествомъ, а также „недобросовѣстностью" по *уголовнымъ* дѣламъ, съѣздъ могъ примѣнить подобную же политику, пользуясь возможностью проводить ее пассивно. Новаго на этотъ разъ съѣздъ ничего не внесъ и не вносилъ, но съѣздъ не желалъ сразу отказаться отъ тѣхъ рубежей, за которыми привыкъ держать подпольную адвокатуру. Примѣръ, приведенный Неклюдовымъ въ 1869 г., жилъ не только въ воспоминаніяхъ; онъ продолжалъ возрождаться въ образцахъ подобной же нетерпимой дѣятельности ходатаевъ одинаково при дѣйствіи закона 1874 г.

Недосмотръ или политику съѣзда, смотря по тому, что̀ имѣло мѣсто, устранилъ самъ съѣздъ, при частномъ пересмотрѣ наказа 1907 г.; съ тѣмъ вмѣстѣ были установлены въ наказѣ подлинныя границы дѣйствія закона 1874 г. въ согласіи съ новой редакціей ст. 1 правилъ о повѣренныхъ.

Для насъ приведенная догадка о причинахъ „просмотра" съѣздомъ ст. 1 правилъ въ новой редакціи убѣдительнѣе документальнаго объясненія потому еще, что она устраняетъ недоумѣнный вопросъ, какимъ образомъ съѣздъ за 15 лѣтъ не удосужился ознакомиться съ новой редакціей ст. 1 о частной адвокатурѣ:—проявленіе такого знакомства было просто для съѣзда „неудобно" въ общей и понынѣ еще незакончившейся борьбѣ противъ подпольной и родственной ей адвокатуры по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ.

Нынѣ дѣйствующій наказъ 1907—1910 г., представляющій исправленіе 1907 г., гласитъ: „Установленное ст. 406[18] у. с. у. ограниченіе веденія не болѣе трехъ дѣлъ въ теченіе года не распространяется: а) на веденіе *уголовныхъ* дѣлъ и б) . . . . .

Такимъ образомъ, къ руководству судебныхъ установленій столичнаго мирового округа опредѣлились,

наконецъ, общія границы ограниченій закона 1874 г. по части выступленій по чужимъ дѣламъ. Какъ поступали въ прошломъ мировые судьи и самъ съѣздъ, когда такія границы оказывались недостаточными для разрѣшенія вопросовъ практики, документальныхъ данныхъ не сохранилось за уничтоженіемъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ съѣзда и судей согласно правилъ по архиву съѣзда и общему архиву судей.

Вопросъ о судебномъ представительствѣ женщинъ. Къ числу вопросовъ, которые не укладываются въ общія рамки ограниченій закона 1874 г., принадлежитъ вопросъ о правѣ женщины на выступленіе въ судѣ по чужимъ дѣламъ,—вопросъ извѣстной жгучести, у всѣхъ народовъ обновляющійся въ поводахъ и основаніяхъ, въ связи съ измѣненіемъ соціальнаго и экономическаго положенія женщины, съ повышеніемъ ея образованія до уровня мужского и пр. и пр.

Со стороны ограниченій законъ 1874 г. распространенъ на женщину прямымъ лишеніемъ ея права получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, установленное ст. 406[1] (ст. 406[18]). О правѣ женщины по ст. 406[18] на хожденіе по тремъ дѣламъ въ теченіе года законъ молчитъ, веденія же уголовныхъ вообще не касается.

По воспослѣдованіи рѣшенія по дѣлу Флейшицъ, въ коемъ сенатъ вообще отнесся отрицательно къ судебному представительству женщинъ, съѣзду пришлось войти въ обсужденіе права женщины, въ частномъ случаѣ ея выступленія у мирового судьи 5 уч. по „чужому дѣлу“ на осн. ст. 389 у. с. у. Требованія жизни, близкія сознанію мировой юстиціи, подсказали мировому судьѣ и съѣзду несомнѣнно правильное примѣненіе ст. 389. Разумное основаніе послѣдней лежитъ внѣ вопросовъ о природѣ и призваніи женщины. Поэтому, въ этомъ частномъ случаѣ выступленія женщины по чужому дѣлу, съѣздъ рѣшилъ вопросъ о правѣ женщины въ утвердительномъ смыслѣ.

Вопросъ съѣздъ обсудилъ вслѣдствіе предложенія

министра, усмотрѣвшаго неправильныя дѣйствія судьи въ допущеніи по дѣлу, въ качествѣ повѣренной отвѣтчика (акціонернаго общества), помощника секретаря отвѣтчика Миропольской.

Учетъ жизненныхъ требованій—наилучшій путь въ истолкованіи законовъ для всякой юстиціи. Этотъ путь обязателенъ, если самый законъ вызванъ опредѣленными запросами жизни.

Предложеніе министра послѣдовало съ явнымъ упущеніемъ изъ виду жизненной сути закона, такъ какъ всѣ родственныя и неродственныя хожденія по ст. 389 у. с. у. далеко не составляютъ хожденій по „чужимъ“ дѣламъ. По житейской, весьма мѣткой терминологіи, повѣренный здѣсь издавна именуется „довѣреннымъ“. Онъ тотъ же хозяйскій глазъ, безъ котораго не обойтись ни одному предпріятію, ни одному болѣе сложному хозяйству. Оттѣнокъ смысла термина поясняетъ вереница управляющихъ, старшихъ дворниковъ и швейцаровъ отъ главныхъ подъѣздовъ, выступающихъ предъ мировыми судьями отъ имени петроградскихъ домовладѣльцевъ съ исками о выселеніи и квартирной платѣ. Выступающій у судьи только заканчиваетъ то дѣло, котораго ему съ квартирною книжкою въ рукахъ не пришлось кончить на кухнѣ или въ прихожей неисправнаго жильца.

Устраненіе судебнаго представительства подобнаго хозяйскаго глаза только потому, что онъ женскій, явилось бы въ наши дни при уходѣ мужей и братьевъ на войну поистинѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ.

Въ своемъ обращеніи, *отъ 23 іюня 1914 г.*, министръ юстиціи предложилъ предсѣдателю мирового съѣзда внести на разсмотрѣніе съѣзда вопросъ о правильности допущенія мировымъ судьею 5 участка дворянки Миропольской въ качествѣ повѣренной акціонернаго общества русскихъ электротехническихъ заводовъ „Сименсъ и Гальске“ по дѣлу сего общества съ Евгеніей Буль о 60 руб., указавъ, что въ рѣшеніи соединеннаго присут-

ствія 1-го и касс. департаментовъ правительствующаго сената отъ 13 ноября 1909 года было разъяснено, что, согласно 389 ст. у. с. у., на веденіе гражданскихъ дѣлъ изъ лицъ женскаго пола могутъ быть уполномачиваемы исключительно матери, жены и дочери тяжущихся, и что по неоднократнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената, по гражданскому кассаціонному департаменту, судъ обязанъ входить въ оцѣнку правоспособности лицъ, являющихся повѣренными по праву, предоставленному 389 ст. у. с. у., почему допущеніе мировымъ судьею 5 участка Миропольской, дѣйствовавшей на основаніи довѣренности вышеназваннаго общества въ качествѣ помощника секретаря сего общества, къ объясненіямъ по дѣлу съ Буль о 60 руб. едва-ли можетъ быть признано правильнымъ и согласнымъ съ закономъ.

Мировой судья въ своемъ представленіи съѣзду объяснилъ, что въ виду отсутствія въ 389 ст. у. с. у. указаній на воспрещеніе женщинамъ, завѣдующимъ дѣлами даннаго лица, выступать въ качествѣ повѣренныхъ, онъ полагалъ, что поступаетъ правильно, допуская Миропольскую въ качествѣ повѣренной общества „Сименсъ и Гальске", какъ помощника секретаря этого общества, дѣйствительное нахожденіе которой на службѣ общества у него не возбуждало сомнѣній, рѣшеніе же соединеннаго присутствія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ прав. сената отъ 13 ноября 1909 г., какъ нераспубликованное, ему не было въ подробностяхъ извѣстно.

Обсудивъ вопросъ о правильности допущенія мировымъ судьею 5 участка дворянки Миропольской къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ повѣренной акціонернаго общества „Сименсъ и Гальске" по иску Евгеніи Буль къ означенному обществу о 60 руб., мировой съѣздъ нашелъ:

„Кругъ лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными у мировыхъ судей по гражданскимъ дѣламъ, опредѣляется: положительнымъ образомъ—ст. 44 и отрицательнымъ—ст. 45 у. г. с. Въ послѣдней изъ этихъ статей, перечисляющей 12 категорій лицъ, не могущихъ быть повѣренными, не имѣется никакого указанія на лицъ женскаго пола, какъ таковыхъ; при этомъ нѣкоторые запретительные пункты этой статьи имѣютъ въ виду лицъ только мужского пола (священнослужители, лица судебнаго вѣдомства), другіе же могутъ быть отнесены къ лицамъ обоего пола (лица несостоятельныя, лишенныя правъ и т. п.). Въ статьѣ же 44 находятся указанія на три категоріи лицъ, могущихъ быть повѣренными, а именно: 1) присяжные повѣренные, 2) частные повѣренные и 3) „постороннія лица", допускаемыя къ веденію дѣлъ „въ случаяхъ и на основаніяхъ, указанныхъ въ учрежденіи судебныхъ установленій". Что касается первыхъ двухъ категорій, то онѣ закрыты для женщинъ; доступъ послѣднихъ въ присяжную адвокатуру, немыслимый въ эпоху введенія судебныхъ уставовъ за отсутствіемъ высшаго юридическаго образованія для женщинъ, не признается возможнымъ и нынѣ, какъ разъяснено правительствующимъ сенатомъ (опредѣленіе соединеннаго присутствія отъ 30 сентября 1910 г. по дѣлу № 557), доступъ же въ частную адвокатуру прегражденъ женщинамъ спеціальнымъ закономъ (ст. 406[19] у. с. у.).

Такимъ образомъ остается выяснить, могутъ ли быть женщины допускаемы къ ходатайству по дѣламъ въ качествѣ „постороннихъ лицъ", упоминаемыхъ въ учрежденіи судебн. установленій. Учрежденіе упоминаетъ о двухъ родахъ этихъ лицъ:

а) въ ст. 389 говорится о лицахъ, состоящихъ въ особыхъ отношеніяхъ къ представляемому ими на судѣ довѣрителю, а именно: родители, супруги, дѣти, соучастники въ тяжбѣ и завѣдывающіе по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тяжущагося, и

б) ст. 406[18] предоставляетъ веденіе дѣлъ у мировыхъ судей лицамъ, не имѣющимъ свидѣтельства на званіе частнаго повѣреннаго, но не болѣе 3-хъ разъ въ году въ предѣлахъ мирового округа.

Обращаясь къ перечню лицъ, указанныхъ въ ст. 389, можно усмотрѣть въ немъ прежде всего прямое указаніе о лицахъ обоего пола; именно, законъ говоритъ о „родителяхъ, супругахъ и дѣтяхъ, а не отцахъ, мужьяхъ и сыновьяхъ", что̀ съ полною ясностью указываетъ на положительное допущеніе закономъ женщинъ къ представительству на судѣ за близкихъ имъ лицъ.

Далѣе говорится о лицахъ, имѣющихъ общую съ довѣрителемъ тяжбу. Такими лицами также могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины. Можно ли по смыслу закона заключить, что онъ имѣлъ въ виду только первыхъ, т.-е. что при совмѣстномъ участіи въ дѣлѣ на одной сторонѣ — нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, только первые имѣли бы право представительства за своихъ соучастниковъ въ тяжбѣ. Для такого вывода рѣшительно никакихъ основаній нѣтъ, такъ какъ, во-1-хъ, никакого спеціальнаго ограниченія въ этомъ смыслѣ ни уставъ гражд. судопроизводства, ни учрежденіе судебн. установленій не устанавливаютъ, а во-2-хъ, считать, что цитированное выше правило ст. 389 у. с. у., о соучастникахъ въ тяжбѣ, относится только къ мужчинамъ,—не соотвѣтствовало бы буквальному смыслу этой статьи въ ея цѣломъ, ибо, какъ указано выше, предыдущее ея постановленіе (о родителяхъ и т. д.) относится одинаково къ мужчинамъ и женщинамъ. Наконецъ, послѣдняя часть этой же статьи—о „завѣдывающихъ имѣніями или дѣлами" тяжущихся—должна относиться также къ лицамъ обоего пола по тѣмъ же соображеніямъ, которыя были только-что приведены. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ законахъ матеріальнаго права (зак. гражд., уст. торг.) не поставлено ограниченій въ избраніи довѣренныхъ или управляющихъ имѣніями или торговыми предпріятіями только изъ числа лицъ мужского пола, и повседневная практика убѣждаетъ въ томъ, что и въ жизни эти функціи поручались и поручаются женщинамъ. Если же это такъ, то очевидно, что законъ не ставитъ никакихъ преградъ лицамъ женскаго пола, уполномоченнымъ въ законномъ порядкѣ на управленіе чьимъ-либо имѣніемъ или дѣлами (торговыми или промышленными), въ правѣ выступать на судѣ въ защиту ихъ довѣрителей (разумѣется, если въ довѣренности имъ это право принадлежитъ). Наконецъ, вопросъ о томъ, принадлежитъ ли Миропольская по занимаемой ею должности къ числу такихъ служащихъ, которымъ общество „Сименсъ и Гальске" въ правѣ поручить веденіе судебныхъ дѣлъ, разрѣшается утвердительно разъясненіемъ гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената № 79—1905 г., признавшимъ за обществами, товариществами и компаніями право назначать повѣренныхъ изъ числа служащихъ у нихъ лицъ, независимо отъ рода и качества лежащихъ на этихъ служащихъ обязанностей.

Что касается до опредѣленія соединеннаго присутствія перваго и касс. д-товъ прав. сената отъ 13 ноября 1909 г., то оно имѣетъ своимъ предметомъ только разрѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ и, слѣдовательно, не имѣетъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу; помимо того, не будучи опубликовано въ порядкѣ ст. 815 у. г. с. и ст. 433 у. у. с., это опредѣленіе не можетъ имѣть силы общеобязательнаго для судебныхъ мѣстъ имперіи толкованія закона.

На основаніи изложеннаго, мировой съѣздъ, руководствуясь ст. 64 у. с. у., опредѣлилъ: признать допущеніе мировымъ судьею 5 участка дворянки Анны Миропольской въ качествѣ повѣренной общества „Сименсъ и Гальске" по иску Евгеніи Буль къ означенному обществу о 60 руб. правильнымъ".

Касаясь области дѣйствія закона 1874 г., умѣстно упомянуть о дѣйствительныхъ обходахъ его при посредствѣ той же 389 ст., съ которыми случай выступленія у мирового судьи женщины не имѣетъ ничего общаго.

Для обхода закона 25 мая 1874 г., вскорѣ же послѣ его изданія, разнообразные ходатаи стали широко пользоваться ст. 389, предъявляя въ судѣ довѣренности на

управленіе имѣніями и дѣлами тяжущихся. Такъ пользовались ст. 389 многіе изъ занимавшихся ранѣе ходатайствомъ, которые признавали для себя болѣе удобнымъ не запасаться свидѣтельствами; получившіе отказы въ выдачѣ свидѣтельства; исключенные изъ числа частныхъ повѣренныхъ; подвергшіеся временному запрещенію ходатайствовать по чужимъ дѣламъ и пр. и пр. Въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ судебнымъ мѣстамъ, а среди нихъ и учрежденіямъ столичнаго мирового округа оказалъ немаловажное содѣйствіе указъ пр. сената отъ 7 октября 1878 г. за № 8144. Въ таковомъ, между прочимъ, было преподано, что судебныя мѣста имѣютъ не только право, но и обязанность входить въ оцѣнку правоспособности по веденію судебныхъ дѣлъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ и не имѣющихъ свидѣтельствъ по п. I правилъ 1874 г.; что порядокъ собиранія свѣдѣній о такой правоспособности зависитъ отъ усмотрѣнія судебныхъ мѣстъ, и что въ случаѣ сомнѣнія, встрѣченнаго самимъ судомъ или заявленнаго противной стороною, судъ въ правѣ, смотря по обстоятельствамъ, признать повѣреннаго не управляющимъ въ дѣйствительности ни имѣніями, ни дѣлами довѣрителя и потому не соотвѣтствующимъ требованіямъ ст. 389 у. с. у.

Съѣздомъ указъ былъ сообщенъ мировымъ судьямъ къ исполненію.

Въ правилахъ наказовъ о повѣренныхъ до 1907 г. не могло или не успѣло отразиться отношеніе столичнаго мирового суда къ вопросу о дальнѣйшемъ пріобщеніи адвокатуры къ дѣлу служенія правосудію. Мысль объ этомъ явилась извнѣ и была осуществлена по иниціативѣ самой адвокатуры.

Юридическая при съѣздѣ консультація и безплатная защита.

Попытки учрежденія при съѣздѣ юридической консультаціи въ прошломъ. Какъ упоминалось, первая попытка учрежденія при съѣздѣ юридической консультаціи имѣла мѣсто до закона 1874 г. (д. р. з. № 21—27).

31 января 1872 г. спеціальная для того комиссія, избранная помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, обратилась къ съѣзду за разрѣшеніемъ устроить консультацію въ зданіи съѣзда на основаніи представленнаго въ проектѣ устава. Попытка не могла имѣть успѣха. Положеніе адвокатуры передъ мировымъ судомъ не было вовсе опредѣлено въ законѣ, и не было достаточной опредѣленности въ собственномъ положеніи помощниковъ. Для „пересмотра“ проекта съѣздъ назначилъ комиссію, а затѣмъ отклонилъ просьбу, но по какимъ соображеніямъ и совпадающимъ-ли съ нашими, установить уже нельзя. Отъ дѣла осталась одна обложка и на ней помѣта, что соображенія съ производствомъ у мирового судьи В. А. Тимирязева—этого обычнаго участника въ пересмотрахъ наказовъ. Къ какому дѣлу судья могъ ихъ подложить, если подложилъ, догадаться невозможно.

За первой попыткой учрежденія при съѣздѣ консультаціи, съ такимъ же исходомъ слѣдуютъ еще двѣ, сдѣланныя частными повѣренными изъ ходатаевъ. Какой-либо связи съ нынѣ дѣйствующей консультаціей помощниковъ онѣ не имѣютъ. Мы ихъ приводимъ, такъ какъ на отношеніи къ нимъ съѣзда сказалось то рѣзкое его недовольство частными повѣренными начала дѣйствія закона 1874 г., которое нами отмѣчалось, освѣщая многое въ ходѣ работы съѣзда по пересмотру правилъ наказовъ о повѣренныхъ.

Въ 1876 г. повѣренными по судебнымъ дѣламъ Амани, Гуландомъ, Саксомъ и др. въ числѣ 13-ти была подана съѣзду просьба о разрѣшеніи имъ „открыть при съѣздѣ совѣтъ или консультацію“. „Для подробной разработки вопроса“ съѣздъ избралъ комиссію и даже назначилъ ей двухмѣсячный срокъ для представленія заключенія. Несмотря на срокъ, заключенія отъ комиссіи не послѣдовало. Повидимому, и съѣздъ отвѣтилъ на

просьбу молчаніемъ, такъ какъ какой-либо резолюціи на прошеніе названныхъ лицъ нами въ журналахъ засѣданія съѣзда не встрѣчено.

Въ февралѣ 1882 г. на имя министра юстиціи поступила докладная записка повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ ст. сов. Мостовенко, ходатайствовавшаго въ этомъ порядкѣ о разрѣшеніи устройства при съѣздѣ консультаціи. Записка Мостовенко образецъ домогательства, мотивы котораго неуловимы: при довѣріи—актъ высокихъ побужденій, при сомнѣніи—ухищреніе, задачи котораго—выгоды автора. Тѣмъ не менѣе, со стороны логическаго построенія, записка способна заинтересовать. Въ предлагаемой консультаціи Мостовенко видѣлъ начало необходимой, по его мнѣнію, корпораціи частныхъ повѣренныхъ для ближайшаго контроля за дѣятельностью частныхъ повѣренныхъ взамѣнъ далекаго, недостаточнаго со стороны мировыхъ судей; не забыты въ запискѣ и дѣла благотворенія.

„Хотя, — докладывалъ Мостовенко министру, — самимъ закономъ установлена дисциплинарная отвѣтственность повѣренныхъ, но на практикѣ законъ не достигаетъ цѣли и въ сущности повѣренные отвѣтственны лишь передъ своею совѣстью, а передъ судомъ они отвѣчаютъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ.

„Между тѣмъ изъ судебной практики извѣстно, что нарушеніе повѣренными установленныхъ правилъ съ каждымъ годомъ усиливается, а судебныя мѣста и судьи лишены возможности контролировать дѣйствія повѣренныхъ.

„Съ другой стороны, и тѣ повѣренные, которые исполняютъ свои обязанности безукоризненно, несутъ несправедливыя нареканія передъ обществомъ, ибо печать, передавая лишь о дѣйствіяхъ какого-либо повѣреннаго или просто о существѣ дѣла, не указываетъ фамиліи повѣреннаго изъ понятнаго опасенія быть привлеченною къ отвѣту за диффамацію.

„Такимъ образомъ сама собой возникла и созрѣла

настоятельная надобность въ учрежденіи ближайшаго контроля надъ дѣйствіями всѣхъ повѣренныхъ, ходатайствующихъ по частнымъ дѣламъ на основаніи высочайше утвержденныхъ 25 мая 1874 г. правилъ, а такимъ контролирующимъ учрежденіемъ можетъ быть только управленіе, составленное изъ самихъ повѣренныхъ.

„Если правительство признало необходимымъ особымъ законодательнымъ актомъ регламентировать права частныхъ повѣренныхъ, а самый контроль надъ ихъ дѣйствіями возложить на судебныя мѣста и лица, то контроль самихъ повѣренныхъ надъ дѣйствіями своихъ товарищей, обставленный извѣстными правилами, облегчитъ только задачу правительства, ибо, стремясь къ той же цѣли, будетъ лишь содѣйствовать правительству къ успѣшному достиженію оной.

„Въ этихъ видахъ предполагается ходатайствовать объ учрежденіи при с.-петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ консультаціи изъ повѣренныхъ на основаніи особой инструкціи. Въ этой инструкціи, кромѣ объединенія дѣйствій повѣренныхъ, намѣчена и другая цѣль.

„По судебнымъ уставамъ веденіе дѣлъ лицъ бѣдныхъ сопряжено съ большими затрудненіями. Чтобы воспользоваться правомъ бѣдности, истцы обязаны исходатайствовать особое судебное признаніе (ст. 880—889 у. г. с.)... Такимъ образомъ людямъ неимущимъ, отыскивающимъ свое право, весьма трудно, а иногда и совершенно невозможно возстановить это право собственно по неимѣнію средствъ для веденія дѣла. Поэтому предполагается составить особый фондъ, изъ взносовъ повѣренныхъ, для веденія дѣлъ неимущихъ. Этимъ способомъ представится полная возможность бѣднымъ истцамъ отыскивать свое право на судѣ“...

Заканчивается записка Мостовенко обѣщаніемъ представить министру соотвѣтствующій, выработанный по соглашенію съ товарищами проектъ правилъ, если министру угодно будетъ одобрить въ принципѣ изложенное предположеніе.

Въ съѣздѣ, отъ котораго требовалось заключеніе, записка Мостовенко не вызвала довѣрія. Въ заключеніи о ней предсѣдателя, какъ въ фокусѣ, сосредоточены: накопившееся недовольство съѣзда ходатаями въ званіи частныхъ повѣренныхъ, сѣтованія на законъ 1874 г., и, какъ намъ кажется, прямая растерянность съѣзда передъ послѣдствіями собственныхъ неудачъ въ примѣненіи закона, которыхъ съѣздъ къ этому времени не могъ не сознавать, если уже не созналъ (наказъ 1880 г.).

Въ заключеніи предсѣдателя общая картина судебнаго представительства въ округѣ съѣзда къ 1882 г. близко напоминаетъ положеніе вещей до закона 1874 г. Мѣстами заключеніе подкрѣпляетъ наши взгляды на причины тѣхъ же явленій. Но, разъясняя эти причины, предсѣдатель, къ нашему удивленію, ставитъ хожденіе всѣхъ и каждаго по чужимъ дѣламъ до 1874 г. выше законнаго, ограниченнаго рамками правилъ о частныхъ повѣренныхъ. Самъ съѣздъ только-что перешелъ къ примѣненію послѣднихъ въ нѣкоторомъ лишь согласіи съ ними (наказъ 1880 г.). Поэтому выпадъ его противъ закона 1874 г. позволительно уподобить неудачному отводу растерявшагося отвѣтчика. Выступленіе Мостовенко противъ съѣзда оказалось не совсѣмъ безпочвеннымъ. Въ больное мѣсто Мостовенко попалъ.

Съ отвода себя въ дѣлѣ неупорядоченія хожденій по чужимъ дѣламъ и начинаетъ съѣздъ, въ лицѣ предсѣдателя, свой отзывъ о запискѣ Мостовенко.

Въ этомъ отзывѣ читаемъ:

До изданія закона 25 мая 1874 г. каждое несовершеннолѣтнее и неопороченное судебнымъ приговоромъ лицо имѣло право принимать на себя веденіе поручаемыхъ ему дѣлъ, точно также и каждый тяжущійся имѣлъ право поручать веденіе дѣла, кому онъ пожелаетъ, безъ всякаго ограниченія. Этотъ порядокъ, представляющій „нѣкоторыя“ неудобства для производства дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.., особыхъ неудобствъ въ мировыхъ установленіяхъ не представляетъ. Мелкія и не-

многосложныя дѣла, разбирающіяся въ мировомъ судѣ, въ большинствѣ случаевъ требуютъ отъ сторонъ для правильнаго своего рѣшенія только здраваго смысла и добросовѣстности,—качествъ не пріобрѣтаемыхъ ни образованіемъ, ни опытностью, по каковымъ причинамъ судебные уставы 20 ноября 1864 г. и признавали возможнымъ допустить въ качествѣ повѣренныхъ у мировыхъ судей даже лицъ неграмотныхъ (см. судебн. уставы изд. гос. канц. т. III, у. с. у. ст. 45 и разсужденіе, на которомъ статья основана).

„Правила 25 мая 1874 г., какъ видно изъ довольно продолжительнаго опыта, послужили не къ облегченію тяжущихся, обвиняемыхъ и суда, а скорѣе къ ихъ отягощенію, ибо они значительно удорожили процессъ, такъ какъ снабженные свидѣтельствами частные повѣренные уже не довольствуются прежнимъ незначительнымъ вознагражденіемъ, а сдѣлали его продолжительнѣй и многосложнѣй. Личный составъ вновь созданной правилами 25 мая адвокатуры оказался далеко не удовлетворительнымъ, какъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, такъ преимущественно при мировомъ съѣздѣ. На это занятіе бросились всѣ тѣ лица, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ или ихъ помощниковъ. Безъ спеціальнаго юридическаго образованія, опытности или знанія, на это поприще вступили бывшіе ходатаи по дѣламъ, отставные канцелярскіе чиновники, уволенные отъ службы пристава, судебные и полицейскіе, грамотные мѣщане и крестьяне, служившіе когда-то въ разныхъ конторахъ и управахъ купеческихъ и ремесленныхъ“.

„Первоначально эти лица даже не подвергались испытаніямъ и, при отсутствіи какихъ-либо всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній о ихъ нравственной ненадежности, „легко“ получали свидѣтельства на веденіе судебныхъ дѣлъ въ мировомъ округѣ. Лишь впослѣдствіи была сознана мировымъ съѣздомъ необходимость строже относиться къ кандидатамъ въ частные повѣренные и под-

вергать ихъ экзаменамъ. На этихъ экзаменахъ обнаруживалось большею частью поразительное невѣжество, полное незнаніе основныхъ началъ права и судопроизводства со стороны лицъ, стремившихся въ адвокатуру. Къ сожалѣнію, подвергать экзамену лицъ, уже прежде получившихъ свидѣтельства, невозможно, а собирать свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ просителей чрезвычайно для судебныхъ учрежденій затруднительно. Хотя въ петербургскомъ мировомъ съѣздѣ и принято за правило предварительно выдачи свидѣтельства выставлять имена и фамиліи просителей на извѣстный срокъ, съ цѣлью вызвать доставленіе о нихъ свѣдѣній, но это по большей части остается безъ результатовъ, и нерѣдки случаи, что лицо, которому отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства по нравственной неблагонадежности съѣздъ или окружный судъ, получаетъ такое свидѣтельство изъ судебной палаты, бываетъ и наоборотъ.

„Такимъ образомъ образовался составъ частныхъ повѣренныхъ при съѣздѣ далеко неудовлетворительный. Исключеніе составляютъ лишь немногія отдѣльныя лица и часть помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Большинство же проявляетъ свою дѣятельность тѣмъ, что затягиваетъ дѣла всѣми способами: неявкою въ судъ для постановки заочныхъ рѣшеній, нелѣпыми отводами и возраженіями, препятствованіемъ миролюбивому окончанію дѣлъ сторонами, и самымъ неприличнымъ образомъ зазываетъ къ себѣ публику публикаціями, рекламами, вывѣсками желѣзнодорожныхъ, юридическихъ и иныхъ кабинетовъ. Нельзя при этомъ не сказать, что контроль надъ частными повѣренными со стороны съѣзда, хотя и затруднителенъ, но не лишенъ значенія. Это нынѣ почти единственное, сдерживающее частныхъ повѣренныхъ отъ полной разнузданности, дѣйствительное средство. Жалобы частныхъ лицъ и усмотрѣніе самимъ судомъ разныхъ правонарушеній и неблаговидныхъ поступковъ со стороны частныхъ повѣренныхъ довольно часто служатъ поводомъ къ возбужденію дисциплинар-

ныхъ производствъ о частныхъ повѣренныхъ, влекущихъ за собой болѣе или менѣе строгое съ нихъ взысканіе, обыкновенно смягчаемое, впрочемъ, второю инстанціею.

„При столь невысокомъ общемъ нравственномъ уровнѣ состава частныхъ повѣренныхъ, изъ которыхъ не выдѣляется и Мостовенко, отставной чиновникъ, ходатай по дѣламъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, бывшій повѣренный бывшаго купца С. Овсянникова, какое значеніе и какую цѣль можетъ имѣть проектируемая имъ „консультація“ частныхъ повѣренныхъ, объединеніе въ ней дѣйствій послѣднихъ, контроль надъ ихъ дѣйствіями и фондъ для веденія дѣлъ неимущихъ...

„Что касается до контроля, то такой контроль можетъ быть предоставленъ лишь извѣстной корпораціи надъ своими членами и только въ томъ случаѣ, если отъ самой корпораціи зависитъ пріемъ и исключеніе своихъ членовъ, связанныхъ между собой нравственною солидарностью. Какъ того, такъ и другого недостаетъ личному составу частныхъ повѣренныхъ. Не имѣя ничего общаго между собой, кромѣ однородности занятій, ничѣмъ не заинтересованная въ томъ, чтобъ въ число частныхъ повѣренныхъ не проникло и чтобъ въ немъ не оставалось ни одного лица, недостойнаго къ нимъ принадлежать, совокупность частныхъ повѣренныхъ, состоящихъ при томъ или другомъ судебномъ учрежденіи, не представляетъ въ себѣ никакихъ элементовъ для самоуправленія или контроля надъ своими сочленами, каковые доступны лишь для самостоятельнаго сословія или корпораціи и составить которые совокупность частныхъ повѣренныхъ не можетъ“...

Усматривая далѣе въ консультаціи частныхъ повѣренныхъ лишь видъ рекламы, облегчающей въ дальнѣйшемъ зазываніе ими кліентовъ и грозящей размноженіемъ неосновательныхъ исковъ и голословныхъ обвиненій, предсѣдатель признавалъ учрежденіе консультаціи при съѣздѣ безполезнымъ также потому, что производство въ мировыхъ учрежденіяхъ обставлено, въ отличіе

отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, гораздо меньшими формальностями...

Что касается производства дѣлъ неимущихъ, предсѣдатель находилъ, что удостовѣренія о недостаточности средствъ на веденіе дѣлъ судьи выдаютъ весьма легко, и что при нежеланіи истца платить пошлины или канцелярскіе сборы, онъ всегда находитъ себѣ повѣреннаго, принимающаго на себя расходы по производству достовѣрнаго иска, желать же предъявленія недостовѣрныхъ исковъ, хотя бы на счетъ особаго фонда изъ взносовъ частныхъ повѣренныхъ, конечно нельзя.

Въ конечномъ выводѣ предсѣдатель признавалъ учрежденіе консультаціи при съѣздѣ мѣрою безполезною и вредною, ссылаясь, что это его мнѣніе раздѣляетъ и съѣздъ, коему онъ доложилъ свое заключеніе.

О запискѣ Мостовенко былъ затребованъ министромъ отзывъ также отъ прокурора судебной палаты. Прокуроръ въ лицѣ ст. сов. Муравьева также нашелъ консультацію при съѣздѣ мѣрою вредной, но сверхъ того и „опасною". Въ виду такихъ заключеній, министерство оставило записку Мостовенко безъ послѣдствій.

Конечный выводъ съѣзда о запискѣ Мостовенко слѣдуетъ, быть можетъ, раздѣлить, но не панегирики здравому смыслу въ сочетаніи съ безграмотностью въ повѣренномъ. Этотъ мотивъ оптимизма изъ судебныхъ уставовъ съѣздъ использовалъ въ первыхъ правилахъ наказа 1874 г. (§ 2), отбросилъ въ наказѣ 1880 г., а въ приведенномъ заключеніи вновь повторилъ, но ужъ въ качествѣ аргумента противъ закона 1874 г., хотя тутъ же вновь отрицательно отнесся къ отсутствію въ ходатаяхъ юридическаго образованія.

Не допуская сознательнаго переложенія отвѣтственности, относимъ всѣ эти неловкости къ послѣдствіямъ растерянности съѣзда передъ смѣлымъ выпадомъ Мостовенко.

Дѣйствующая при съѣздѣ консультація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Учрежденіе при съѣздѣ

консультаціи помощниковъ, дѣйствующей съ 26 января 1888 г., какъ и установленіе черезъ нѣкоторое время безплатной защиты по дѣламъ уголовнымъ, сближаютъ судебное представительство помощниковъ съ прямымъ служеніемъ интересамъ правосудія.

Пожеланія о насажденіи при съѣздѣ того и другого института были высказаны на общихъ собраніяхъ самихъ помощниковъ 16 и 19 декабря 1884 г. и вызвали въ комиссіи ихъ полную готовность послужить осуществленію таковыхъ. Признавая консультацію помощниковъ при съѣздѣ учрежденіемъ безусловно полезнымъ какъ для сословія, такъ и для столичнаго населенія, комиссія немедленно предприняла для этого предварительные практическіе шаги. Секретарь комиссіи, уполномоченный къ объясненіямъ, представилъ предсѣдателю съѣзда соображенія, побуждающія помощниковъ ходатайствовать о консультаціи при съѣздѣ, и главныя основанія проекта консультаціи. Предположеніе встрѣтило сочувственное отношеніе со стороны предсѣдателя В. М. Меншуткина. Выработанный затѣмъ комиссіей проектъ правилъ консультаціи былъ помѣщенъ въ отчетѣ комиссіи помощниковъ за 1885 г., вмѣстѣ съ правилами объ обязательной защитѣ подсудимыхъ въ съѣздѣ, и въ этомъ видѣ представленъ помощниками въ съѣздъ въ концѣ 1887 г. Начинаніе помощниковъ нашло также поддержку въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, который, съ своей стороны, въ ноябрѣ 1887 г. просилъ съѣздъ оказать содѣйствіе осуществленію предположенія помощниковъ, „находя учрежденіе при съѣздѣ консультаціи вполнѣ желательнымъ, какъ въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія, такъ и въ интересахъ помощниковъ" [1]).

„Признавъ въ принципѣ полезность учрежденія при мировомъ съѣздѣ консультаціи повѣренныхъ", съѣздъ 3 декабря 1887 года избралъ для разсмотрѣнія проекта

[1]) Дѣло расп. засѣд. 1887 г. № 4; Отчетъ комиссіи помощн. округа спб. суд. пал. за 1885 г.; „Краткій очеркъ дѣятельности консультаціи пом. пр. пов. при спб. стол. мир. съѣздѣ за XXV-лѣтній періодъ", 1913 г.

помощниковъ комиссію изъ 7-ми судей: Н. Н. Медвѣдева, В. А. Тимирязева и др., а въ засѣданіи 17-го декабря 1887 г. уже заслушалъ и утвердилъ исправленныя комиссіей съѣзда „правила о консультаціи помощниковъ [1]) присяжныхъ повѣренныхъ при спб. столичномъ мировомъ съѣздѣ".

Въ краткой, безъ препонъ сложившейся исторіи дѣйствующей консультаціи видное мѣсто должно быть отведено соображеніямъ комиссіи съѣзда, пересматривавшей проектъ. Вопросъ о консультаціи не могъ въ то время казаться столь простымъ, какъ нынѣ, при пользѣ, ясной дѣлами. Тѣмъ не менѣе, общія и частныя соображенія комиссіи носятъ уже отпечатокъ того здороваго отношенія къ судебному представительству, котораго было такъ мало въ заключеніи съѣзда по поводу записки Мостовенко и какое нынѣ закрѣплено программами испытаній въ видахъ допущенія и дальнѣйшаго пріобщенія къ правосудію лишь надежныхъ элементовъ адвокатуры, безъ жертвъ качествомъ количеству. Въ дѣлѣ, ей порученномъ, комиссія успѣшно сочетала вниманіе къ этому интересу съ должной чуткостью къ достоинству судебнаго мѣста, открывшаго двери для консультаціи. Поправки комиссіи пріобщили къ этого рода служенію интересамъ правосудія тѣхъ только помощниковъ, кои отвѣтственны за свою дѣятельность передъ съѣздомъ, т.-е. имѣютъ отъ съѣзда свидѣтельства на веденіе дѣлъ, ставящія ихъ подъ надзоръ съѣзда.

Комиссія, приступивъ къ выполненію возложеннаго на нее порученія, при участіи предсѣдателя съѣзда и

[1]) Дѣло расп. засѣд. 1887 г. № 4. Съ приведенною справкою изъ этого дѣла, основанною на документальныхъ данныхъ объ учрежденіи консультаціи, въ странномъ противорѣчіи „Краткій очеркъ дѣятельности консультаціи пом. за XXV-лѣтній періодъ, 1913 г. „Въ послѣднемъ учрежденіе консультаціи приписывается иниціативѣ небольшой группы прис. повѣренныхъ: М. Х. Гадзяцкаго, Н. И. Соколова и др., взявшихъ на себя въ 1887 г. организацію юридич. помощи неимущему столичному населенію, и пр. По-видимому, составители очерка или не разобрались въ матеріалѣ, или „Очеркъ" составлялся въ 1913 г. по воспоминаніямъ, малонадежнымъ въ силу 25-лѣтней ихъ давности.

представителей отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, П. Л. Блока и Н. И. Соколова, признала, что, въ виду неудовлетворительности настоящаго состава частныхъ повѣренныхъ при съѣздѣ, „привлеченіе къ веденію судебныхъ дѣлъ въ ономъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и представляющихъ при томъ извѣстнаго рода гарантію какъ въ познаніяхъ, такъ и въ нравственныхъ качествахъ, было бы весьма желательнымъ, и потому комиссія съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ предложенію помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, поддержанному и совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Не имѣя возраженій противъ основной мысли представленнаго проекта, комиссія приняла, однако, во вниманіе, что самая консультація предположена къ учрежденію при мировомъ съѣздѣ, на который поэтому ложится нравственная отвѣтственность и за самыя дѣйствія консультаціи, а это одно уже указываетъ въ свою очередь на необходимость установленія извѣстныхъ отношеній членовъ консультаціи къ съѣзду, съ предоставленіемъ съѣзду средствъ принятія соотвѣтственныхъ мѣръ противъ тѣхъ членовъ консультаціи, которые нарушили бы обязанности, лежащія на повѣренныхъ вообще. Но подобное предположеніе осуществимо лишь въ томъ случаѣ, если членами консультаціи будутъ состоять только лица, находящіяся въ болѣе близкомъ отношеніи къ съѣзду, а таковыми слѣдуетъ признать тѣхъ повѣренныхъ, которые *имѣютъ установленныя свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ при съѣздѣ*. Исходя изъ этого соображенія, комиссія не нашла возможнымъ допустить въ составъ консультаціи тѣхъ лицъ, которыя не удовлетворяютъ послѣднему условію, хотя бы они состояли даже помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. При этомъ въ комиссіи возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли удержать въ проектѣ наименованіе „помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ".

Въ этомъ отношеніи комиссія приняла во вниманіе,

что хотя въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г. въ ст. 354 у. с. у. (единственной, въ которой говорится о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ) упоминается только о лицахъ, занимавшихся судебной практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ помощниковъ, но затѣмъ въ послѣдующемъ постановленіи 25 мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ и въ судебныхъ уставахъ изд. 1883 г. (ст. 406[17] у. с. у.) указывается уже прямо о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ объ особомъ званіи, и потому комиссія большинствомъ голосовъ не встрѣтила препятствій къ сохраненію въ проектѣ наименованія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, каковое наименованіе присвоено и консультаціи, существующей уже нѣсколько лѣтъ при московскомъ столичномъ съѣздѣ мировыхъ судей.

Въ комиссіи обсуждался также вопросъ о томъ: въ случаѣ удержанія названія консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, могутъ ли быть допущены въ число членовъ консультаціи присяжные повѣренные. Комиссія, имѣя въ виду, что самое учрежденіе консультаціи предположено съ цѣлью возвышенія юридическаго и нравственнаго уровня лицъ, ведущихъ судебныя дѣла въ съѣздѣ, *„съ замѣною постепенно лицами юридически образованными неудовлетворяющихъ сему условію частныхъ ходатаевъ“*, нашла весьма желательнымъ и полезнымъ привлеченіе въ составъ консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ.

При обсужденіи отдѣльныхъ §§ проекта правилъ о консультаціи комиссія высказалась: за полную, не допускающую исключеній, безплатность словесныхъ совѣтовъ консультаціи; за неограниченное однимъ годомъ храненіе бумагъ лицъ, обращающихся къ комиссіи; за предоставленіе пріема новыхъ членовъ общему собранію членовъ консультаціи съ исключеніемъ, однако, для присяжныхъ повѣренныхъ, которые вступаютъ въ консультацію безъ баллотировки въ силу одного заявленія о

своемъ желаніи вступить въ число ея членовъ. Исключеніе для присяжныхъ повѣренныхъ мотивировано, съ одной стороны, полезностью вліянія опыта и знаній присяжныхъ повѣренныхъ на молодыхъ юристовъ, а съ другой, неудобствомъ въ этомъ случаѣ баллотировки въ силу особыхъ отношеній помощниковъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, при коихъ послѣдніе состоятъ.

Первое учредительное собраніе лицъ, пожелавшихъ вступить въ число членовъ консультаціи, было созвано комиссіей помощниковъ 26 января 1888 г.

Помѣщеніе для консультаціи было отведено въ съѣздѣ слѣва отъ входа въ вестибюль, тамъ, гдѣ теперь находятся вѣшалки для платьевъ.

Устроенное соотвѣтственно своему назначенію помѣщеніе было освящено 24 февраля 1888 г. въ присутствіи городского головы В. И. Лихачева, предсѣдателя съѣзда В. К. Абазы, нѣкоторыхъ мировыхъ судей, предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ В. Д. Спасовича, значительнаго числа присяжныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Благодаря вниманію покойнаго предсѣдателя съѣзда М. П. Глѣбова консультація въ 1908 г. получила новое помѣщеніе изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна служитъ мѣстомъ ожиданія для кліентовъ. Отъ съѣзда консультація всегда пользовалась одинаково безвозмездно отопленіемъ и освѣщеніемъ; послѣднее помѣщеніе было также отдѣлано на счетъ съѣзда.

Правила консультаціи распредѣлены на 32 §§ и обнимаютъ цѣль учрежденія консультаціи, составъ ея членовъ и распорядокъ дѣятельности.

Первоначальная цѣль консультаціи предполагалась исключительно въ видѣ помощи „судящемуся“ населенію: подача совѣтовъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, но съ теченіемъ времени дѣятельность консультаціи расширилась, такъ какъ населеніе стало обращаться въ консультацію и за совѣтами по дѣламъ административной юстиціи — главнымъ образомъ по дѣламъ

крестьянскимъ, особенно послѣ изданія закона 9 ноября 1906 г., по дѣламъ о воинской повинности и др.

Въ составѣ членовъ консультаціи къ концу перваго года ея дѣятельности состояло 25 присяжныхъ повѣренныхъ и 20 помощниковъ. Подобное же между ними соотношеніе наблюдается и въ послѣдующіе годы, но за нѣкоторые годы число присяжныхъ повѣренныхъ превышало почти втрое число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. За 25-лѣтній періодъ общее число членовъ консультаціи въ разные годы представляло колебаніе между 50—100.

Отмѣченное соотношеніе числа присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ въ составѣ консультаціи не могло не отражаться на пропускѣ дежурствъ болѣе занятыхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ успѣхи консультаціи въ населеніи требовали расширенія ея дѣятельности. Все вмѣстѣ, а также появленіе съ 1900 г. въ разныхъ частяхъ города такъ называемыхъ „окраинныхъ“ консультацій, отвлекавшихъ силы (къ 1913 г. возникло до 10), вызвало съ теченіемъ времени пересмотръ § 2 правилъ о составѣ консультаціи.

По силѣ первоначальной редакціи § 2, въ согласіи съ поправкой комиссіи съѣзда по пересмотру, членами консультаціи могли быть помощники, пробывшіе въ семъ званіи не менѣе 2-хъ лѣтъ и имѣющіе свидѣтельства отъ съѣзда, а также присяжные повѣренные, причемъ вступленіе первыхъ въ члены консультаціи обусловливалось принятіемъ ихъ консультаціей.

Созванное на 16-е февраля 1891 г. общее собраніе помощниковъ, въ цѣляхъ „поддержанія“ учрежденія, признало обязательнымъ вступленіе въ члены консультаціи при съѣздѣ для всѣхъ помощниковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ правилъ консультаціи, т.-е. имѣющихъ свидѣтельства отъ съѣзда и состоящихъ помощниками не менѣе двухъ лѣтъ. Но у большинства помощниковъ свидѣтельства отъ съѣзда отсутствовали, и мѣра не привела къ значительному приливу новыхъ членовъ консультаціи.

Изъ краткаго очерка дѣятельности консультаціи за 25 лѣтъ узнаемъ, что „выяснившаяся на практикѣ нецѣлесообразность требованія § 2 правилъ о необходимости для членовъ консультаціи выбирать свидѣтельства на право веденія дѣлъ при мировомъ съѣздѣ вынудило общее собраніе членовъ консультаціи, состоявшееся 6 января 1906 г., измѣнить § 2 правилъ въ смыслѣ принятія въ число членовъ консультаціи также и помощниковъ, не имѣющихъ свидѣтельства.

Такимъ образомъ нынѣ „законный“ составъ консультаціи опредѣляется слѣдующимъ правиломъ:

§ 2. Консультація „состоитъ“ изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты, пробывшихъ въ семъ званіи не менѣе двухъ лѣтъ.

Примѣчаніе: членами консультаціи могутъ быть присяжные повѣренные, состоящіе при с.-петербургской судебной палатѣ.

Приведенное измѣненіе § 2, въ связи съ развитіемъ болѣе сознательнаго отношенія членовъ консультаціи къ своимъ обязанностямъ, дало консультаціи приливъ новыхъ членовъ, болѣе аккуратно посѣщающихъ свои дежурства.

Въ борьбѣ съ эксплоатаціей населенія со стороны подпольной адвокатуры, нельзя не привѣтствовать каждую мѣру, обезпечивающую консультаціи нужныя силы. Но послѣднее измѣненіе редакціи § 2 рушило нѣчто немаловажное въ правилахъ о консультаціи, какъ они приняты были съѣздомъ 17 декабря 1887 г.—„всецѣло“ съ исправленіями комиссіи съѣзда. Поэтому мы привѣтствуемъ измѣненіе § 2, на которое „была вынуждена“ консультація, лишь въ предположеніи, что таковое не обошлось безъ согласія хозяина того общаго помѣщенія на Мѣщанской ул., въ которомъ отведены консультаціи двѣ комнаты и которое именуется петроградскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ [1]).

[1]) Дѣло расп. засѣд. 1877 г. № 4; журн. расп. засѣд. 17 декабря 1887 г. Отсутствіе въ „очеркѣ“ указаній на согласіе съѣзда считаемъ „досаднымъ“

Дѣятельность консультаціи проявлялась и проявляется главнымъ образомъ въ подачѣ словесныхъ совѣтовъ и въ составленіи разнаго рода бумагъ. Цифровыя данныя этой дѣятельности приведены въ „Краткомъ очеркѣ дѣятельности консультаціи за 25-лѣтній періодъ". Но, какъ удостовѣряется въ томъ же очеркѣ, однѣ цифры далеко не обнимаютъ всей работы консультаціи: не всѣ словесные совѣты могли заноситься, а письменныя бумаги, составлявшіяся до 1897 г., и вовсе по особымъ условіямъ не заносились въ соотвѣтствующія книги консультаціи.

Словесныхъ совѣтовъ въ 1888 г., согласно записей, дано было 428, а ближе къ исходу 25-лѣтней консультаціи число ихъ достигало до 2.000 въ годъ.

Для составленія бумагъ проситель до 1897 г. направлялся изъ консультаціи къ очередному консультанту на домъ. Однако, такой порядокъ не достигалъ цѣли, потому что обыкновенно проситель попадалъ не по адресу, а въ руки какого-нибудь ходатая. Это заставило приступить къ составленію бумагъ въ самомъ помѣщеніи консультаціи. По записямъ въ книгахъ за 1897 г. дежурными консультантами было составлено 72 бумаги, а въ 1907 году и въ послѣдующіе бумагъ составлялось въ среднемъ до 1.500 въ годъ. Вмѣстѣ съ непопадавшими въ книги (о пенсіяхъ, пособіяхъ и пр.) число бумагъ, составленныхъ за послѣднія 6—7 лѣтъ, доходило по предположенію составителей „Очерка" до 3 тысячъ ежегодно.

Съ самаго начала своей дѣятельности, какъ это констатируютъ и составители „Очерка" и не менѣе безстрастные свидѣтели-„судьи", консультація при съѣздѣ пользовалась большимъ довѣріемъ со стороны неимущаго населенія, предупреждая обращеніе къ подпольной адвокатурѣ и принося одновременно населенію положи-

пробѣломъ. Если здѣсь не пробѣлъ, послѣднюю редакцію § 2 приходится признать лишенной правового значенія для части состава консультаціи по сему §.

тельную юридическую помощь. Въ этомъ отношеніи облегчая также трудъ судей по принятію словесныхъ просьбъ неграмотныхъ и малограмотныхъ, консультація соединяла и соединяетъ свои усилія съ дѣятельностью судебныхъ установленій петроградскаго столичнаго округа въ общемъ служеніи правосудію.

Нельзя не раздѣлить и того убѣжденія составителей „очерка", что работа консультаціи имѣетъ несомнѣнно общественное значеніе, такъ какъ въ конечномъ результатѣ направляетъ малоразвитое правосознаніе населенія, обращающагося въ консультацію, на путь законности и болѣе осмысленнаго отношенія къ повседневнымъ явленіямъ общественной жизни, съ которыми этому населенію приходится сталкиваться.

Не малую пользу участіе въ консультаціи приноситъ и помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ: работа надъ разрѣшеніемъ многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ въ консультаціи при подачѣ совѣтовъ, и составленіе бумагъ развиваетъ практическую опытность, обогащаетъ познанія, развиваетъ сознаніе отвѣтственности при исполненіи обязанностей и пріучаетъ къ самостоятельности. Для молодыхъ адвокатовъ, заключаетъ „Очеркъ", консультація—практическая школа. Respice finem—justitiam,—закончимъ мы.

Безплатная защита по уголовнымъ дѣламъ. Первыя пожеланія объ организаціи защиты подсудимыхъ въ съѣздѣ были высказаны на тѣхъ же общихъ собраніяхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ 16 и 19 декабря 1884 года. Выработанный затѣмъ комиссіей помощниковъ проектъ правилъ „объ обязательныхъ защитникахъ подсудимыхъ въ съѣздѣ" былъ помѣщенъ въ отчетѣ комиссіи помощниковъ за 1885 г. и вмѣстѣ съ правилами о консультаціи представленъ на утвержденіе съѣзда. Правила проекта возлагали обязательную въ съѣздѣ защиту подсудимыхъ на помощниковъ,—членовъ консультаціи, по очереди, согласно списку, составляемому и доставляемому въ съѣздъ консультаціей, при-

чемъ указаніе дѣлъ, по коимъ требовалась обязательная защита, предоставлялось усмотрѣнію съѣзда.

Въ комиссіи съѣзда этотъ проектъ обязательной защиты не нашелъ поддержки. Осуществленіе его, по мнѣнію комиссіи, встрѣтило бы большія затрудненія прежде всего въ томъ обстоятельствѣ, что установлять обязательную защиту безъ просьбы обвиняемаго было бы несогласно съ закономъ, причемъ опредѣленіе самимъ съѣздомъ дѣлъ, по коимъ требуется обязательная защита, было бы несогласно съ характеромъ съѣзда; съ весьма большими неудобствами было бы сопряжено и предоставленіе предсѣдателю судебнаго засѣданія дѣлать указаніе дѣлъ, при которыхъ должна быть допущена обязательная защита. Предоставленіе самому обвиняемому права просить о защитѣ его дѣла черезъ члена консультаціи вызывало въ комиссіи также опасеніе, что это поведетъ къ требованіямъ со стороны обвиняемыхъ и составителей апелляціонныхъ отзывовъ назначенія защитника по всякаго рода дѣламъ, что въ свою очередь повлечетъ за собой обремененіе консультаціи, притомъ въ ущербъ своевременному отправленію правосудія. По таковымъ соображеніямъ, проектъ „обязательной“ защиты былъ комиссіей исключенъ, и въ засѣданіи съѣзда 17 декабря 1887 г. вопросъ о ней не обсуждался.

Неудача съ первой попыткой не остановила комиссію помощниковъ. При слѣдующемъ обращеніи помощниковъ по тому же предмету все существенное изъ соображеній комиссіи съѣзда 1887 г. было воспринято и проведено въ переработанномъ проектѣ безплатной защиты. Возраженій на этотъ разъ не нашлось, и безплатная защита была принята съѣздомъ на засѣданіи 1890 г. Она введена была въ съѣздѣ лишь по уголовнымъ дѣламъ, *влекущимъ за собою тюремное заключеніе*. Составленіе списка и очереди обязанныхъ къ безплатной защитѣ было переложено съ консультаціи на комиссію помощниковъ, причемъ введено правило, что обвиняемые, вмѣстѣ съ посылкою имъ вызывной повѣстки, извѣщаются, что могутъ воспользоваться безплатной защитой назначеннаго защитника „при желаніи“.

На указанныхъ началахъ правила о безплатной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ, влекущимъ за собой тюремное заключеніе, были включены впервые въ наказѣ 1907 г.

Въ исправленномъ видѣ, т.-е. по наказу 1907—1910 г. правила устанавливаютъ достаточно цѣлесообразный порядокъ по распредѣленію обязанностей въ дѣлѣ предоставленія подсудимому безплатной защиты. Экземпляръ новаго или измѣненнаго расписанія уголовныхъ засѣданій предсѣдатель съѣзда сообщаетъ комиссіи помощниковъ (ст. 278). Послѣдняя составляетъ очередной списокъ защитниковъ по одному на каждый день и засѣданіе и за мѣсяцъ посылаетъ таковой предсѣдателю съѣзда. Предсѣдатель назначаетъ защитника, посылая ему, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ, копію приговора мирового судьи и адресъ обвиняемаго или пропускъ на свиданіе въ мѣсто содержанія его подъ стражей (ст. 279). Для обозрѣнія защитникомъ подлежащія дѣла должны быть въ канцеляріи съѣзда по крайней мѣрѣ наканунѣ дня засѣданія въ присутственные часы (ст. 281). При необходимости назначить двухъ или болѣе защитниковъ предсѣдатель съѣзда сообщаетъ объ этомъ заблаговременно комиссіи помощниковъ, а при невозможности назначенному защитнику явиться въ засѣданіе онъ долженъ быть замѣненъ кѣмъ-либо другимъ по распоряженію комиссіи, съ извѣщеніемъ о замѣнѣ предсѣдателя для назначенія новаго (ст. 180, 282).

Надзоръ за дѣятельностью повѣренныхъ.

Дисциплинарное производство о повѣренныхъ по правиламъ наказовъ съѣзда. Въ правилахъ наказовъ съѣзда о повѣренныхъ 1874 г., 1880 г. и 1884 г. опредѣлялось общимъ образомъ, что указанныя въ ст. 14

закона 6 іюня 1874 г. (ст. 1115, т. II, ч. I св. зак.) взысканія налагаются на повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ въ порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ судебныхъ установленій для производства дисциплинарныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ (ст. 10, ст. 12, ст. 177); этотъ порядокъ по правиламъ примѣнялся и къ ходатаямъ по тремъ дѣламъ въ году (ст. 24, ст. 18, ст. 183). Съ наказа 1893 г. и въ наказѣ 1907—1910 г. выдѣляется, какъ одинъ изъ поводовъ возбужденія дисциплинарнаго производства о частныхъ повѣренныхъ, подача жалобы, съ указаніемъ ближайшихъ распоряженій по ея поступленіи со стороны предсѣдателя; больше точности вносится и въ указаніе, какому именно порядку въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ должно слѣдовать дисциплинарное производство о частныхъ повѣренныхъ.

Жалобы на частныхъ повѣренныхъ, согласно дѣйствующему наказу, подаются предсѣдателю съѣзда, который, по истребованіи отъ нихъ объясненій и собраніи надлежащихъ справокъ, вноситъ таковыя на разсмотрѣніе мирового съѣзда въ распорядительномъ засѣданіи въ составѣ общаго собранія мировыхъ судей (ст. 300). Наложеніе наказаній, указанныхъ въ ст. 406[14], слѣдуетъ порядку, установленному для производства дисциплинарныхъ дѣлъ о лицахъ „судебнаго вѣдомства“ (ст. 301). Отъ частнаго повѣреннаго, приговореннаго къ запрещенію отправлять въ теченіе нѣкотораго времени обязанности повѣреннаго, отбирается выданное ему свидѣтельство, при исключеніи изъ числа частныхъ повѣренныхъ, сверхъ того публикуется о семъ во всеобщее свѣдѣніе и сообщается мировымъ судьямъ (ст. 302).

Тому же порядку, по смыслу ст. 311 наказа, слѣдуетъ дисциплинарное производство и публикація объ исключеніи лицъ, ведущихъ дѣла на основаніи ст. 406[18] у. с. у.

Періодъ до 1887 года. Законъ 1874 г. поставилъ повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ подъ надзоръ судебныхъ мѣстъ. Однако, дѣло такого надзора спервоначала не могло явиться вполнѣ привычнымъ для суда,

такъ же какъ и поднадзорная дѣятельность для повѣренныхъ. Видимо, для той и другой стороны требовалось время, чтобы оріентироваться въ новомъ положеніи, созданномъ ограничительнымъ закономъ.

Три мѣсяца дѣйствія закона въ 1874 г. не даютъ вовсе дисциплинарныхъ дѣлъ о повѣренныхъ, возбужденныхъ въ столичномъ мировомъ съѣздѣ; имѣется иное: жалоба ходатая надв. сов. Верблоцкаго на личныя дѣйствія мирового судьи 15-го участка, оставленная съѣздомъ безъ послѣдствій, безъ истребованія отъ судьи объясненія (Ж. р. з. 1874 г. № 66).

Немногимъ больше проявлено со стороны съѣзда надзора или дано къ тому поводовъ самими повѣренными въ 1875 г. За весь этотъ годъ, при двухъ-трехъ жалобахъ, возбуждено всего одно дисциплинарное преслѣдованіе противъ того же Верблоцкаго, но не по жалобѣ, а по сообщенію на этотъ разъ о Верблоцкомъ того же мирового судьи 15 уч. По истребованіи отъ Верблоцкаго объясненія, съѣздъ оправдалъ его (Ж. р. з. №№ 1 и 3).

Въ 1874 и 1875 г. общій надзоръ судей и съѣзда за дѣятельностью повѣренныхъ съ трудомъ налаживается явно вслѣдствіе новизны дѣла. По предложенію предсѣдателя о неотобраніи нѣкоторыми судьями подписокъ отъ ходатаевъ, съѣздъ уже въ самомъ началѣ 1875 г. подтверждаетъ судьямъ объ исполненіи относящихся сюда правилъ. Градоначальникъ сообщаетъ, что имѣющій свидѣтельство отъ съѣзда Обронпольскій занимается ростовщичествомъ, съѣздъ ограничился предоставленіемъ предсѣдателю „поступить въ изложенномъ случаѣ по его усмотрѣнію“ (Ж. р. з. 1875 г. № 1, Д. р. з. 1875 г. № 142/55). Послѣдствій такого „случайнаго“ опредѣленія съѣзда установить не удалось.

Однако, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ съѣздъ освобождается и въ дѣлѣ надзора за ходатаями отъ тѣхъ принциповъ огражденія личнаго ихъ достоинства, какими были проникнуты первыя правила наказа 1874 г.

Но этого рода принципы предполагаютъ обоснованіе дисциплинарныхъ взысканій на объективно точныхъ свѣдѣніяхъ, что̀ не могло не представлять извѣстныхъ удобствъ для провѣряющей инстанціи, стоящей по существу дальше отъ живого дѣла: „очищенія“ частной адвокатуры при съѣздѣ. Въ приведенномъ выше заключеніи о запискѣ Мостовенко упоминалось о смягчающей тенденціи судебной палаты при разсмотрѣніи обжалованныхъ приговоромъ съѣзда о частныхъ повѣренныхъ. Этотъ частный отводъ съѣзда въ объясненіе недочетовъ судебнаго представительства, какъ совершенно правильный, нельзя не раздѣлить.

Какой-либо строгости взысканій, примѣнявшихся къ повѣреннымъ, подлинныя производства съѣзда вообще не раскрываютъ.

Знакомый намъ Верблоцкій въ 1876 г. растерялъ бумаги довѣрительницы, а при ея обращеніи за ними обругалъ ее и вытолкалъ. Съѣздъ воспретилъ практику Верблоцкому всего на одинъ мѣсяцъ (Д. р. з. 1876 г. № 22/94).

По дѣлу частнаго повѣреннаго Филипченко съѣздъ ограничился выговоромъ за дѣйствія, выразившіяся въ томъ, что Филипченко, будучи раньше защитникомъ Федорова и Потапова, сдѣлался затѣмъ защитникомъ Федорова и Герасимовой и въ этой роли сваливалъ всю вину на своего прежняго подзащитнаго Потапова (Д. р. з. 1876 г. № 23/36).

Частному повѣренному Паганькову, за переходъ отъ одного довѣрителя къ другому сдѣланъ лишь выговоръ за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ (Д. р. з. 1879 г. № 414).

Ходатай Разумихинъ заявилъ въ судебномъ засѣданіи, что состоитъ въ числѣ повѣренныхъ по свидѣтельству отъ съѣзда, чего по справкѣ не оказалось. Съѣздъ сообщеніе объ этомъ опредѣлилъ принять лишь къ свѣдѣнію (Д. р. з. 1879 г. № 501).

Частный повѣренный Чеботаревъ привлекъ своего

довѣрителя за оскорбленіе; таковое судья установилъ, но вмѣстѣ выяснилось, что поводомъ послужило письмо Чеботарева къ довѣрителю съ требованіемъ наканунѣ разбора уплаты части денегъ въ счетъ гонорара и съ угрозою при неуплатѣ оставить довѣрителя безъ защиты; не получивъ денегъ, правъ на которыя еще не имѣлъ, Чеботаревъ угрозу выполнилъ: на защиту не явился. Съѣздъ воспретилъ Чеботареву практику всего на 4 мѣсяца (Д. р. з. 1880 г. № 32).

Съ нашей точки зрѣнія приговоры съѣзда о повѣренныхъ не раскрываютъ достаточныхъ основаній и къ тому смягченію ихъ при обжалованіи, какое вошло въ обиходъ или систему судебной палаты едва не по каждому дѣлу на протяженіи почти десяти лѣтъ.

Частному повѣренному Коровину за недобросовѣстное и не соотвѣтствующее интересамъ довѣрительницы веденіе дѣла съѣздъ воспретилъ ходатайствовать по дѣламъ на шесть мѣсяцевъ; судебная палата его оправдала (Д. р. з. 1874 г. № 281).

Частному повѣренному Лебель за аналогичныя упущенія съѣздъ запретилъ практику на годъ; палата оправдала (Д. р. з. 1879 г. № 379).

Частный повѣренный Рахминовичъ, имѣя отъ Леязель довѣренность, подавалъ, однако, бумаги отъ ея имени, расписываясь самъ и давая расписываться другимъ за неграмотную и не являясь на засѣданія. Съѣздъ Рахминовича исключилъ изъ числа частныхъ повѣренныхъ, судебная палата понизила взысканіе до выговора (Д. р. з. 1882 г. № 62).

Сличеніе по тому или по другому дѣлу сужденій инстанцій убѣждаетъ, что въ основѣ различія взысканій лежала разная расцѣнка тѣхъ же дѣйствій не со стороны фактической ихъ достовѣрности, а именно со стороны достаточности ихъ для заключенія о неблагонадежности повѣреннаго. Въ этомъ отношеніи показательны многія дѣла. Для примѣра беремъ дисциплинарное производство о частномъ повѣренномъ Соколовѣ (Д. р. з. 1883 г.

№ 21). При всей его осложненности сопутствующими приговорами общаго порядка, разница во взглядахъ на значеніе данныхъ дисциплинарнаго производства пробивается во всѣхъ сужденіяхъ съѣзда и палаты.

Противъ Соколова было возбуждено довѣрителемъ Горшковымъ частное обвиненіе въ томъ, что въ началѣ января 1883 г. около 12 часа ночи Соколовъ вмѣстѣ съ должникомъ Горшкова — Морозовымъ (по ходу дѣла также довѣрителемъ Соколова, но лишь безъ формальной довѣренности) явились въ домъ Горшкова, стали требовать отъ него возврата Морозову исполнительнаго листа на 200 р. и учинили буйство и ругательства, вынудившія Горшкова обратиться къ полиціи; но когда жена Горшкова пошла за городовымъ, Соколовъ и Морозовъ ушли. Оправдавъ по частному обвиненію, мировой судья представилъ въ съѣздъ о дѣйствіяхъ Соколова, не соотвѣтствующихъ обязанностямъ повѣреннаго. Незадолго до этого Соколовъ былъ приговоренъ мировымъ судьею, за драку и ругательства на улицѣ и оскорбленіе городового 4 декабря 1882 г., къ 2 недѣлямъ ареста. По апелляціи это дѣло перешло въ съѣздъ и здѣсь на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста было прекращено.

Въ объясненіи по возбужденному противъ него дисциплинарному дѣлу Соколовъ ссылался на то лишь, что, такъ какъ дѣло о немъ до вступленія приговора въ силу было прекращено, то и дѣянія его не могутъ считаться доказанными; что онъ оправданъ по частному дѣлу и что по смыслу 1 п. VII ст. манифеста онъ долженъ быть свободенъ и отъ дисциплинарнаго взысканія.

Съѣздъ нашелъ, что поведеніе Соколова 4 дек. 1882 г. несовмѣстно съ достоинствомъ состоящаго при судебномъ мѣстѣ повѣреннаго; что отношенія Соколова къ бывшему его довѣрителю Горшкову нарушаютъ 1097 и 1098 ст. ч. I т. II св. зак., и что эти нарушенія представляются настолько существенными, что лицо, допустившее ихъ даже безъ всякаго злого умысла, вслѣдствіе одного неяснаго пониманія своихъ обязанностей повѣреннаго, не

должно быть терпимо въ числѣ повѣренныхъ, а потому опредѣлилъ: исключить Соколова изъ числа частныхъ повѣренныхъ при съѣздѣ.

Судебная палата нашла, что обвиненіе Соколова въ проступкахъ, пред. ст. 31 и 38 уст. о нак., не имѣетъ въ разсматриваемомъ случаѣ никакого вліянія на дѣятельность Соколова, какъ повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, ибо изъ обстоятельствъ дѣла нельзя заключить о неблагонадежности Соколова въ качествѣ повѣреннаго или о такихъ свойствахъ, которыя исключали бы или умаляли довѣріе, которымъ долженъ пользоваться повѣренный, какъ таковой. Обсуждая же дѣйствія Соколова при ночномъ посѣщеніи имъ своего довѣрителя Горшкова, палата признала ихъ прямо относящимися къ дѣятельности Соколова, какъ повѣреннаго и настолько серьезными, что запрещеніе отправлять обязанности повѣреннаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ свойству этихъ дѣяній (3 п. 1115 ст.) Примѣнять же высшее изъ указанныхъ въ сей статьѣ взысканій, т.-е. исключеніе изъ числа повѣренныхъ, не представляется достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что ни по 1097, ни по 1098 ст. 1 ч. II т. Соколовъ обвиненъ быть не можетъ. Онъ не состоялъ въ одно и то же время повѣреннымъ обѣихъ сторонъ и не переходилъ по одному и тому же дѣлу отъ одной стороны къ другой, а также не оглашалъ тайнъ своего довѣрителя. Посему палата опредѣлила: воспретить Соколову отправлять обязанности повѣреннаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Не менѣе характерно въ указанномъ отношеніи дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ частнаго повѣреннаго Непоркина (Д. р. з. 1883 г. № 53). Въ немъ съѣздъ оказался, быть можетъ, очень строгимъ, исключивъ Непоркина изъ числа частныхъ повѣренныхъ, но и переходъ судебной палаты отъ этой мѣры къ самой низшей, — сдѣланію одного замѣчанія составилъ сугубо суровую оцѣнку приговора съѣзда: Непоркинъ, получившій исполнительный листъ на обезпеченіе иска довѣрителя, на

разборъ у мирового судьи не явился, дѣло было прекращено по ст. 145 у. г. с. и арестъ съ имущества снятъ. Неявки своей Непоркинъ, какъ признала и палата, ничѣмъ не оправдалъ; въ объясненіи отозвался общимъ образомъ, что въ день тотъ не былъ въ Петербургѣ, а кромѣ того высказалъ сужденіе: „немыслимо, чтобы частный повѣренный могъ быть во всякое время свободенъ для явки въ судъ", въ подтвержденіе чего привелъ изъ своей практики примѣръ одновременнаго вызова его въ съѣздъ и къ мировому судьѣ.

Съѣздъ нашелъ, что Непоркинъ не исполнилъ своей обязанности, какъ повѣренный, не явившись на защиту дѣла довѣрителя, при чемъ не только не представилъ какихъ-либо оправданій неисполненія своихъ обязанностей, какъ повѣреннаго, но и высказалъ въ своемъ объясненіи ту мысль, что повѣренный не обязанъ всегда являться въ судъ на защиту интересовъ своего довѣрителя, если онъ по ходу другихъ своихъ дѣлъ находитъ это для себя неудобнымъ или обременительнымъ. Такое объясненіе своего проступка передъ довѣрителемъ со стороны повѣреннаго, занимающагося веденіемъ дѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, приводитъ съѣздъ къ несомнѣнному убѣжденію, что Непоркинъ, какъ непонимающій своихъ обязанностей въ отношеніи лицъ, поручающихъ ему веденіе дѣлъ, не можетъ оставаться въ числѣ повѣренныхъ, снабженныхъ отъ суда свидѣтельствомъ на веденіе дѣлъ, почему мировой съѣздъ опредѣлилъ: исключить Непоркина изъ числа повѣренныхъ, имѣющихъ свидѣтельство мирового съѣзда на веденіе чужихъ дѣлъ.

Судебная палата нашла, что въ данныхъ съѣзду объясненіяхъ Непоркинъ вовсе не утверждалъ, что повѣренный можетъ безусловно не являться въ судъ, если онъ одновременно вызывается въ два присутственныя мѣста, а лишь въ видѣ примѣра привелъ изъ своей практики случай одновременнаго вызова къ мировому судьѣ и въ съѣздъ, что̀ ему и дало поводъ заключить о

физической невозможности повѣреннаго являться въ одно и то же время въ два присутственныя мѣста, почему нашла Непоркина незаслужившимъ того тяжкаго наказанія, къ которому приговорилъ его съѣздъ, признавая же самую неявку Непоркина въ засѣданіе для защиты интересовъ своего довѣрителя ничѣмъ неоправданной, а Непоркина виновнымъ въ нерадѣніи при исполненіи принятыхъ на себя обязанностей повѣреннаго, палата на осн. ст. 406[13] у. с. у. опредѣлила сдѣлать Непоркину замѣчаніе.

Въ этихъ актахъ прошлаго дисциплина палаты милостивѣй къ повѣренному, но въ качествѣ провѣрки практики съѣзда дисциплина эта въ корнѣ несправедлива и неправильна.

Въ поискахъ „достовѣрныхъ" свѣдѣній о свойствахъ повѣренныхъ палата въ дѣлѣ о Непоркинѣ не только исключила убѣжденіе судебнаго мѣста о личности его, какъ повѣреннаго, но и въ тѣхъ же поискахъ явно пожертвовала точнымъ смысломъ обжалованнаго приговора, въ основаніи сужденій котораго лежалъ не примѣръ, приведенный повѣреннымъ, а общее сужденіе повѣреннаго о достаточности любого примѣра для оправданія всякаго нарушенія элементарной обязанности повѣреннаго по замѣстительству на судѣ довѣрителя.

Исходя изъ того, что дисциплинарный судъ существуетъ для „дѣла", а не для личности, ставимъ съ полнымъ убѣжденіемъ строгій приговоръ съѣзда неизмѣримо выше гуманнаго, вынесеннаго Непоркину палатой. Съ тѣмъ вмѣстѣ считаемъ, что подобныя условія работы съѣзда по проведенію въ жизни закона 1874 г. даютъ разгадку и тому списку всего о трехъ исключенныхъ за время 1875 — 1876 г., каковой представлялся министру юстиціи (см. выше о наказѣ 1884 г.). При томъ отношеніи къ ходатаямъ въ званіи частныхъ повѣренныхъ, какое съѣздъ проявилъ въ заключеніи о запискѣ Мостовенко, списокъ всего *трехъ* [1]), исключенныхъ за де-

[1]) Едва не о всѣхъ трехъ приговоры съѣзда были отмѣнены палатою.

сятилѣтіе, могъ вызвать недоумѣніе. По ознакомленіи съ тенденціей палаты за это же десятилѣтіе необъяснимое получаетъ объясненіе.

Въ 1884 г. помощникъ прис. пов. К. наканунѣ слушанія дѣла отказался отъ защиты, ссылаясь на неуплату гонорара (требованіе до срока); съѣздъ запретилъ практику на годъ; палата отъ дисциплинарной отвѣтственности освободила (Д. р. з. 1884 г. № 21).

Въ 1885 г. съѣздъ исключаетъ Д. [1]) изъ числа частныхъ повѣренныхъ за непередачу взысканнаго довѣрительницѣ безъ какихъ-либо основаній; палата смягчаетъ взысканія до запрещенія практики на одинъ годъ (Д. р. з. 1885 г. № 2).

Въ томъ же году съѣздъ исключаетъ изъ числа частныхъ повѣренныхъ помощника П. въ виду признанія его недобросовѣстнымъ обвинителемъ (въ личномъ дѣлѣ; обвинялъ по ст. 177) по приговору мирового судьи и съѣзда, оставленному въ силѣ сенатомъ. Палата въ пространныхъ доводахъ слабой убѣдительности отбрасываетъ недобросовѣстность и оправдываетъ П., игнорируя законную силу судебнаго приговора, провѣреннаго тремя инстанціями (Д. р. з. 1885 г. № 9, 14).

Въ томъ же 1885 г. среди дѣлъ объ отвѣтственности повѣренныхъ встрѣчаемся съ коллизіей, не лишенной принципіальнаго значенія.

Съѣздъ сообщилъ совѣту, что помощникъ прис. повѣреннаго Я.: 1) имѣлъ взысканіе съ Козина по исполнительному листу и кромѣ того взялъ съ Козина же неустоечную запись о платежѣ въ срокъ. Совѣтъ исключилъ Я. изъ списка помощниковъ, имѣя въ виду также другіе его проступки. Палата нашла, что дисциплинарная власть совѣта распространяется лишь на присяжныхъ повѣренныхъ. Мировой съѣздъ, куда было обращено дѣло о Я., объявилъ ему выговоръ.

Въ слѣдующемъ 1886 г. Р.—одинъ изъ трехъ по-

[1]) Одинъ изъ трехъ въ спискѣ исключенныхъ.

павшихъ въ списокъ исключенныхъ за десятилѣтіе, былъ исключенъ съѣздомъ изъ числа повѣренныхъ за сугубое нерадѣніе къ интересамъ довѣрителя: въ теченіе трехъ лѣтъ не указалъ суду наслѣдниковъ умершей отвѣтчицы. Палата мѣру взысканія смягчила до запрещенія практики на годъ и т. д., и т. д.

До 1887 г. изъ 5 — 6 обжалованныхъ приговоровъ съѣзда о повѣренныхъ, въ палатѣ проходитъ безъ отмѣны или измѣненія не болѣе одного. Причина та же: принципы правилъ наказа съѣзда о повѣренныхъ 1874 г., умершіе для съѣзда на второмъ году и исключенные вовсе изъ наказа 1880 г., продолжали жить въ палатѣ въ виду удобствъ ихъ примѣненія по сходству съ привычными принципами обще-уголовнаго процесса, усвоеннаго на изученіи англійскаго (всѣ повѣренные boni viri до предоставленія неопровержимыхъ доказательствъ противнаго).

Періодъ съ 1887 г. Съ 1887 г. въ практикѣ палаты неожиданно встрѣчаемъ прямой поворотъ въ сторону согласованности съ практикой съѣзда. Съ этого года взысканія, налагаемыя на повѣренныхъ съѣздомъ, не менѣе строгія, одно за другимъ санкціонируются палатою. О причинахъ поворота дѣла съѣзда молчатъ, другихъ матеріаловъ не имѣемъ, отъ догадокъ воздержимся.

Рядовыя жалобы повѣренныхъ на взысканія съѣзда по аналогичнымъ дѣламъ съ этого года оставляются палатою безъ послѣдствій.

Въ 1887 г. Д. исключенъ съѣздомъ изъ числа частныхъ повѣренныхъ, ибо, взыскавъ по векселямъ, взысканнаго довѣрителю не передалъ; жалоба его въ палатѣ оставлена безъ послѣдствій (Д. р. з. 1887 г. № 41).

Въ томъ же году ходатаю В. воспрещено хожденіе по чужимъ дѣламъ, такъ какъ не возвращалъ довѣрителю ни листа, ни взысканнаго; жалоба его оставлена въ палатѣ безъ разсмотрѣнія (Д. р. з. 1887 г. № 49).

Въ 1888 г. ходатаю Б. воспрещено таковое же хожденіе за безпорядокъ въ корридорѣ съѣзда (назвалъ

помощника прис. пов. нахаломъ и жидовскою мордой); жалоба Б, въ палатѣ оставлена безъ послѣдствій (1888 г. № 14).

Въ томъ же году съѣздъ воспретилъ частному повѣренному Р. практику на три мѣсяца, такъ какъ, получивъ отъ довѣрительницы талоны съ купонами °/₀°/₀ бумагъ для представленія въ качествѣ доказательствъ по дѣлу, произвольно ими распорядился. Жалоба его въ палатѣ оставлена безъ послѣдствій (1888 г. № 21).

Въ томъ же году частному повѣренному В. съѣздъ запретилъ практику на 6 мѣсяцевъ, такъ какъ В., получивъ отъ довѣрителя Анца исполнительный листъ на взысканіе съ Маркварта, вошелъ съ Марквартомъ въ сдѣлку, результатомъ которой явился переводъ требованія на имя В. Жалоба В. оставлена безъ послѣдствій (Д. р. з. 1888 г. № 5) и т. д., и т. д.

Съ 1887 года въ практикѣ съѣзда и палаты почти не имѣемъ уклоненій отъ оцѣнки дѣйствій повѣренныхъ на принципахъ закона 1874 г. Расхожденіе инстанцій встрѣчается лишь въ случаяхъ дѣйствительной правоты повѣреннаго, почему-либо просмотрѣнной въ съѣздѣ. Нависшія было надъ съѣздомъ тучи собственныхъ сомнѣній и сомнѣній палаты въ правильности отметанія отъ съѣзда ненадежныхъ элементовъ частной адвокатуры отошли. По выясненіи обѣими инстанціями природы и назначенія закона 1874 г., благожелательное сотрудничество для пользы „дѣла“, суда и тяжущихся должно было наступить и оно царствуетъ понынѣ на порогѣ пятидесятилѣтія петроградскаго столичнаго мирового съѣзда.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Проекты преобразованій мирового съѣзда.

Судебные уставы, создавая мировыя судебныя установленія, придали имъ особый характеръ, выдѣляющій ихъ изъ общей системы судебныхъ учрежденій: мировые судьи назначаются по выборамъ, значеніе апелляціонной, а по нѣкоторымъ дѣламъ наименьшей важности и кассаціонной, инстанціи надъ мировыми судьями присвоено ихъ съѣздамъ, въ составъ которыхъ введены исключительно представители мировой юстиціи—участковые и почетные мировые судьи (162 и 180 ст. у. г. с. и 149 и 176 ст. у. у. с. и 17 ст. у. с. у.), тѣмъ же съѣздамъ предоставленъ и непосредственный надзоръ надъ мировыми судьями (64 ст. у. с. у.).

Еще при обсужденіи въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта [1]) проекта устройства мирового суда въ столицахъ, было предложено въ изъятіе изъ общихъ началъ организаціи мировыхъ установленій назначать мировыхъ судей въ С.-Петербургѣ и Москвѣ не по выбору сословій, а отъ правительства, изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе, и вмѣсто мировыхъ съѣздовъ

[1]) Журн. соед. деп., 1864 г., № 48, стр. 3—4.

учредить въ этихъ городахъ для окончательнаго разрѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству, особый городовой судъ, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и членовъ, назначаемыхъ также отъ правительства; но предложеніе это не было принято потому, что оно, съ одной стороны, было несогласно съ высочайше утвержденными 29 сентября 1862 года основными положеніями преобразованія судебной части, не сдѣлавшими для столицъ никакого изъятія изъ общихъ правилъ, какъ о назначеніи мировыхъ судей по выборамъ мѣстныхъ жителей, такъ и объ установленіи, въ качествѣ второй инстанціи мирового суда, съѣздовъ мировыхъ судей, а съ другой стороны, противорѣчило главнымъ, бывшимъ при составленіи основныхъ положеній, соображеніямъ, вслѣдствіе коихъ было признано необходимымъ, для скораго и преимущественно миролюбиваго разбора многочисленныхъ маловажныхъ дѣлъ, дать жителямъ имперіи судей, пользующихся полнымъ ихъ довѣріемъ и, слѣдовательно, ими самими избираемыхъ. Кромѣ того допущеніе такого изъятія для столицъ было признано неудобнымъ и потому, что оно могло быть принято какъ бы за недовѣріе къ столичнымъ жителямъ и за лишеніе ихъ того права, которое предоставляется всѣмъ прочимъ жителямъ имперіи по избранію мировыхъ судей, а въ случаѣ неудовлетворительнаго почему-либо назначенія этихъ судей отъ правительства, могло бы даже подать поводъ къ нареканіямъ на его распоряженія.

Итакъ, уже при составленіи судебныхъ уставовъ возникалъ вопросъ объ особомъ устройствѣ въ столицахъ мировыхъ судебныхъ установленій, поднимался онъ неоднократно и въ теченіе полувѣкового ихъ существованія, какъ въ связи съ состоявшимися или предполагавшимися реформами судебныхъ учрежденій имперіи вообще, такъ и только въ отношеніи одного петроградскаго мирового съѣзда, но всѣ проекты его преобразованія пока остались только проектами, и съѣздъ до сихъ

поръ сохранилъ устройство по основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 [1]).

Сохраненіе петроградскаго мирового суда въ теченіе 50 лѣтъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ учрежденъ при его введеніи, уже одно устанавливаетъ, что онъ въ достаточной степени удовлетворительно выполнялъ и выполняетъ возложенныя на него задачи и что проекты его преобразованія не приводили такихъ убѣдительныхъ данныхъ, по которымъ съ увѣренностью можно было бы прійти къ выводу, что мировой съѣздъ при реорганизаціи будетъ работать съ лучшими результатами; тѣмъ не менѣе всѣ попытки реформировать мировыя установленія представляютъ большой интересъ, такъ какъ авторы проектовъ преобразованій характеризовали и оцѣнивали дѣятельность мирового суда, указывали на недостатки, и эта-то часть проектовъ и будетъ, главнымъ образомъ, содержаніемъ настоящей главы и притомъ, конечно, въ предѣлахъ, касающихся, преимущественно, петроградскаго столичнаго мирового съѣзда.

Первый такой проектъ—записка юрисконсульта министерства юстиціи М. И. Заруднаго [2]); министерство, естественно, очень интересовалось дѣятельностью новыхъ судовъ [3]); по порученію его М. И. Зарудный написалъ

[1]) Законъ 15 іюня 1912 г. о мѣстномъ судѣ еще не введенъ въ части учрежд. суд. уст. въ Петроградѣ.

[2]) Сен. арх. д. м. ю. № 7910—1868 г.

[3]) Съ какимъ вниманіемъ министерство юстиціи относилось къ отзывамъ о дѣятельности мировыхъ судей, видно изъ дѣла министерства, озаглавленнаго „о мѣрахъ къ ускоренію производства и уменьшенію числа дѣлъ у мировыхъ судей“ (сен. арх. дѣло м. ю. 1876 г. № 6661): дворянинъ Александръ Соболевъ подалъ министру юстиціи двѣ записки—одну 27 ноября 1369 г. и вторую 20 апрѣля 1876 г., въ которыхъ совѣтовалъ для уменьшенія дѣлъ, производящихся у петроградскихъ мировыхъ судей, учредить полицейскіе суды, какъ это было при Павлѣ I, для разбора дѣлъ о неисполненіи дворниками, кучерами и извозчиками правилъ, предписанныхъ полицейскими уставами, и дѣла по жалобамъ мужа на жену или жены на мужа передать въ окружные суды, такъ какъ это будетъ затруднительнѣе для жалобщиковъ, оба успѣютъ одуматься и вѣрнѣе помирятся, теперь же къ мировымъ судьямъ являются со всѣми домашними дрязгами и особенно въ моментъ раздраженія; несмотря на явную вздорность проектовъ Соболева, они были разсмотрѣны, изъятіе дѣлъ изъ вѣдѣнія мировыхъ установленій признано вовсе нежелательнымъ, и записка Соболева была принята къ свѣдѣнію.

и 18 марта 1875 года представилъ „записку по вопросу о примѣненіи на практикѣ учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій и о необходимости нѣкоторыхъ въ семъ учрежденіи преобразованій“, составленную на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, полученныхъ на запросы министерства отъ прокуроровъ окружныхъ судовъ; М. И. Зарудный поставилъ на разрѣшеніе такой общій вопросъ: соотвѣтствуетъ ли все вообще учрежденіе мировыхъ судей требованіямъ и условіямъ десятилѣтняго ихъ примѣненія на практикѣ и указаніямъ опыта? И рѣшительно отвѣчалъ: „нельзя не заявить, что по единодушному отзыву всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу лицъ учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій въ главныхъ чертахъ своихъ повсемѣстно оправдало общія ожиданія осуществленія на самой практикѣ возвѣщеннаго судебными уставами суда нелицепріятнаго и гласнаго. Не взирая на общеизвѣстный пробѣлъ малаго еще развитія въ Имперіи юридическаго образованія, огромное большинство избранныхъ земствомъ на первое же трехлѣтіе мировыхъ судей восполняло во всякомъ случаѣ этотъ пробѣлъ безукоризненною честностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, и засимъ довѣріе къ новымъ дѣятелямъ выразилось въ томъ, что едва-ли не третья часть изъ нихъ осталась на своихъ мѣстахъ на слѣдующія трехлѣтія“. Затѣмъ М. И. Зарудный полагалъ нужнымъ сдѣлать службу мировыхъ судей безсрочною, расширить подвѣдомственность и сочувственно отнесся къ возбужденному с.-петербургскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ ходатайству о предоставленіи правъ государственной службы письмоводителямъ мировыхъ судей [1]). Записка эта хода не получила.

Затѣмъ заслуживаетъ упоминанія первая попытка министра внутреннихъ дѣлъ изъять извѣстнаго рода дѣла изъ подсудности мировыхъ судей и передать ихъ въ вѣдѣніе администраціи, чѣмъ впослѣдствіи такъ широко

[1]) См. II главу этой книги, стр. 110.

пользовалось министерство внутреннихъ дѣлъ на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ 1 ст. пр. 2 уст. о пред. и прес. прест.).

Министръ внутреннихъ дѣлъ [1]) 14 сентября 1876 г. сообщилъ министру юстиціи, что для лучшаго устройства извознаго промысла въ С.-Петербургѣ министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ въ видахъ облегченія примѣненія проектированной таксы установить, чтобы взаимныя жалобы сѣдоковъ и извозчиковъ по нарушенію правилъ таксы разбирались въ полицейскихъ участковыхъ управленіяхъ съ правомъ обжалованія сторонами рѣшеній полиціи мировымъ судьямъ, если на рѣшеніе будетъ заявлено неудовольствіе въ теченіе 24 часовъ со времени его объявленія. На просьбу сообщить свой отзывъ о такомъ предположеніи установить особое упрощенное производство дѣлъ по нарушенію правилъ извозчичьей таксы министръ юстиціи отвѣтилъ, что онъ не видитъ надобности въ измѣненіи общаго порядка судопроизводства, опредѣленнаго судебными уставами, такъ какъ, по его мнѣнію, дѣла по взаимнымъ жалобамъ сѣдоковъ и извозчиковъ по разнообразію и разнохарактерности недоразумѣній и столкновеній будутъ различаться не только по поводамъ, подавшимъ основаніе къ жалобѣ, но и должны будутъ разсматриваться какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, смотря по свойству предъявленныхъ сторонами требованій, судебные же уставы (1220 ст. у. у. с.) предоставили полиціи разбирательство только по дѣламъ по нарушеніямъ паспортнаго устава, являющимся наиболѣе простыми и несложными.

Но министръ внутреннихъ дѣлъ не оставилъ своихъ домогательствъ: почти черезъ годъ—28 сентября 1877 г.—онъ вновь запросилъ министра юстиціи, не согласится ли онъ на введеніе упрощеннаго порядка разбирательства

[1]) Сен. арх. д. м. ю. 1876 г., стр. 6740.

дѣлъ по нарушенію правилъ таксы, если въ такомъ порядкѣ разбирательству полиціи будутъ предоставлены только однородныя, малозначительныя и не сложныя нарушенія таксы, и министръ юстиціи 17 февраля 1878 г. сообщилъ, что онъ признавалъ бы возможнымъ осуществленіе этого предположенія съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) вѣдѣнію полиціи подчиняются лишь дѣйствія извозчиковъ по жалобамъ сѣдоковъ или органовъ полиціи и притомъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда эти дѣйствія заключаются въ неправильномъ отказѣ везти сѣдока или въ переборѣ, либо въ домогательствѣ платы свыше установленной таксой;

2) власть полиціи ограничивается наложеніемъ штрафовъ въ размѣрѣ не свыше указаннаго въ ст. 29 уст. о нак. безъ замѣны денежнаго взысканія личнымъ наказаніемъ, а самое разбирательство должно производиться немедленно вслѣдъ за обнаруженіемъ нарушеній, въ случаѣ же невозможности — дѣла подлежатъ передачѣ на разсмотрѣніе судебной власти и

3) въ случаѣ заявленія о неудовольствіи въ 24 часовой срокъ, сохраняется право обжалованія мировому судьѣ въ 2-хъ-недѣльный срокъ.

Однако, предполагаемый упрощенный порядокъ разбирательства по дѣламъ о нарушеніи таксы не былъ введенъ въ дѣйствіе, такъ какъ такса не получила утвержденія.

Къ 1877 году относятся и проекты О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова; эти проекты уже касаются самаго учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій и предлагаютъ произвести въ нихъ коренныя измѣненія; авторитетъ О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова, бывшихъ предсѣдателями съѣзда, ихъ опытъ и знаніе порядковъ, существовавшихъ въ мировомъ съѣздѣ, ихъ громадный трудъ въ дѣлѣ устройства мирового суда — все это заставляетъ прислушаться съ особымъ вниманіемъ къ голосу тѣхъ, которые вполнѣ по заслугамъ считаются выдающимися дѣятелями петроградскаго столичнаго мирового съѣзда. Тѣмъ болѣе тяжело услышать, что и О. И. Квистъ и Н. А. Неклюдовъ отзываются о мировомъ съѣздѣ, какъ объ учрежденіи, не оправдавшемъ возлагавшихся на него надеждъ, рисуютъ въ мрачныхъ краскахъ его состояніе и даже предрекаютъ близкое и неизбѣжное его паденіе: такъ О. И. Квистъ пишетъ 23-го іюля 1877 г. Э. В. Фришу [1]), посылая ему свой проектъ: „судьбы моего проекта остаются въ вашихъ рукахъ; но я стою не за проектъ, а за преобразованіе. Сожгите мои предположенія, но подвиньте реформу учрежденія, потому что безъ этого—finis Poloniae“ [2]).

Пророчество О. И. Квиста не сбылось: съѣздъ продолжаетъ свою работу и донынѣ, и едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что О. И. Квистъ и Н. А. Неклюдовъ невольно дали отзывы не совсѣмъ безпристрастно, ровняя всѣхъ судей по себѣ, оба же они были безукоризненными работниками, опытными и знающими юристами, выдавались этими своими качествами изъ среды судей и поэтому не могли удовлетвориться работой своихъ менѣе опытныхъ товарищей, любовь же ихъ къ дѣлу мирового суда не могла заставить ихъ примириться съ неизбѣжными недочетами въ такомъ большомъ дѣлѣ, какимъ вѣдаетъ петроградскій съѣздъ.

Оставляя пока въ сторонѣ выясненіе причинъ, вызвавшихъ у О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова такое печальное мнѣніе о состояніи и будущности мирового съѣзда, остановимся на изложеніи каждаго изъ проектовъ въ отдѣльности [3]).

Проектъ О. И. Квиста.

Въ объяснительной запискѣ, изложенной въ видѣ письма отъ 23 іюля 1877 г. Э. В. Фришу, О. И. Квистъ

[1]) Товарищъ министра юстиціи.
[2]) Сен. арх. дѣло м. ю. 1878 г. № 7216.
[3]) Оба проекта находятся въ дѣлѣ м. ю. сен. арх. 1878 г. № 7216.

указываетъ, что „коренныя основанія проекта преобразованія мировыхъ судебныхъ установленій столицы сводятся къ двумъ положеніямъ: одно—отдѣленіе участковыхъ мировыхъ судей отъ мирового съѣзда и другое—обезпеченіе личнаго состава мировыхъ учрежденій выборомъ людей, которые отвѣчали бы своему назначенію. Я не думаю", пишетъ О. И. Квистъ, „чтобы необходимость хорошаго личнаго состава и необходимость самостоятельной второй инстанціи были бы истинами не безспорными и требующими доказательствъ. Нигдѣ въ образованной Европѣ нѣтъ установленія подобнаго нашему мировому съѣзду, обязанному творить судъ надъ самимъ собою и потому его вовсе не творящему. Нигдѣ и ни въ одномъ развитомъ обществѣ нѣтъ и того, чтобы судьи, разъ обществомъ выбранные, могли быть изгоняемы вонъ и лишаемы своихъ должностей не только безъ всякой вины, но даже безъ повода, и чтобы въ то же время по одному лишь капризу избирателей или простому благоволенію площади избирались въ судьи люди къ этимъ обязанностямъ ни нравственно, ни практически не готовые. Исподволь, при такихъ двухъ условіяхъ, должны и личный составъ учрежденія дойти до самаго низкаго уровня и судъ—утратить всякое значеніе и уваженіе. Мы до этого дошли, и я, конечно, не злословилъ, когда послѣдній разъ приводилъ вамъ примѣры нравственнаго упадка учрежденія. Время—покончить съ этимъ порядкомъ вещей; это обязанность правительства, ибо это во власти его одного".

„Отдѣляя первую инстанцію суда отъ второй и устраняя произволъ общества въ наполненіи состава суда людьми для того не годными,—я думаю, однако, что отъ общества не можетъ быть отнята инвеститура ихъ назначенія. Она ему принадлежитъ по праву: общество въ правѣ отказаться отъ службы лицъ, коимъ не довѣряетъ, и если не безопасно дать ему избраніе ихъ, то вполнѣ безопасно оставить право ихъ утвержденія или неутвержденія. Избраніе же лучше всего можетъ быть

отдано самому учрежденію; именно второй инстанціи, суду—ревизующему дѣйствія первой инстанціи и суду вполнѣ безпристрастному,—ибо въ дѣлѣ выбора, гдѣ послѣднее слово будетъ не за нимъ, судъ этотъ будетъ всегда руководиться только правильною оцѣнкой представляемыхъ кандидатовъ и личными ихъ качествами, а не личными къ нимъ отношеніями".

„Къ симъ двумъ главнымъ положеніямъ я думалъ присовокупить еще одно, имѣющее за собой большое практическое значеніе; это—порядокъ возобновленія состава мировыхъ учрежденій. Нынѣшняя система—трехлѣтняго переизбранія мировыхъ судей не имѣетъ никакого основанія; для какой цѣли теперь черезъ каждые три года, а не черезъ четыре или не черезъ два, долженъ весь личный составъ мирового института быть подвергаемъ переизбранію—неизвѣстно. Почему люди, избранные почетными мировыми судьями, могутъ вдругъ сдѣлаться не почетными и притомъ всѣ разомъ—трудно найти основаніе. Все это—и почетъ, и порицаніе, и назначеніе къ должности, и изгнаніе изъ должности, оставлено во власти общества; а опытъ показалъ уже, какъ общество относится къ этому праву и какъ его самоуправленіе постепенно обратилось въ самовластіе и въ самоуправіе. Съ другой стороны, оставить за мировыми судьями право безсрочно обременять собою общество—было бы несправедливо и по отношенію къ самому дѣлу вредно. Предоставить, наконецъ, постепенный выходъ изъ состава мировыхъ судей и ихъ переизбраніе очереди или жребію было бы опять мѣрой безполезной, ибо такой порядокъ могъ бы устранить на долгое время удаленіе лица, не оправдавшаго обѣщаній, или связалъ бы возможность его удаленія съ слѣпымъ случаемъ. Въ этихъ видахъ мнѣ казалось болѣе разумнымъ предоставить самому учрежденію возобновлять ежегодно свой составъ переизбраніемъ двухъ или болѣе членовъ, а указаніе лицъ, подлежащихъ переизбранію, предоставить закрытой баллотировкѣ. Путемъ такой цен-

зуры всегда будутъ указаны и удалены лица, не отвѣчающія своимъ обязанностямъ, общество изъ года въ годъ будетъ въ правѣ выразить свое одобреніе или неодобреніе избираемыхъ и приложить свое право назначенія; а для учрежденія это право возобновленія своего состава станетъ такой уздой противъ небрежнаго отношенія мировыхъ судей къ своему дѣлу, которая навсегда устранитъ дисциплинарныя и иныя преслѣдованія".

„Подчиняя этому порядку и составъ судебныхъ приставовъ, я думалъ бы образовать его на условіи солидарной другъ за друга отвѣтственности, а для того—этому же составу предоставить и самое право выбора своихъ членовъ. При такихъ двухъ условіяхъ едва-ли можетъ когда-либо послѣдовать ошибка въ избраніи, а если бы это и случилось, то при той же системѣ возобновленія состава неудача въ назначеніи будетъ исправлена при первой же баллотировкѣ. Составу судебныхъ приставовъ я думалъ бы предоставить даже право требовать удаленія своего товарища немедленно, въ случаѣ его неблагонадежности или неправильныхъ дѣйствій. Ибо коль скоро на нихъ имущественно лежитъ отвѣтственность за всѣ его дѣйствія, они не могутъ быть лишены такого права. Съ другой стороны возможность злоупотребленія въ избраніи лицъ, не отвѣчающихъ своимъ обязанностямъ, устраняется правомъ предсѣдателя съѣзда отказать въ утвержденіи кандидата, который будетъ предложенъ совѣтомъ приставовъ и ими одобренъ. Существенную важность послѣ сихъ главныхъ основаній проекта имѣютъ въ его положеніяхъ правила о назначеніи „защитниковъ", учрежденіи совершенно новомъ въ нашемъ судебномъ управленіи и въ порядкѣ нашего мирового судопроизводства. Въ моемъ понятіи это есть учрежденіе необходимое, ибо обвиняемые на судѣ въ мировыхъ учрежденіяхъ точно также, если не болѣе, требуютъ совѣта и помощи, какъ и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, и отсутствіе этой защиты и совѣта у насъ, гдѣ наказаніе можетъ доходить

до 12 мѣсяцевъ тюрьмы, не оправдывается ничѣмъ, потому что въ общихъ судахъ правительство даетъ безвозмездную защиту даже тѣмъ, кто обвиняется въ гораздо меньшихъ проступкахъ. До сихъ поръ этого не было еще предложено по очевидной трудности связать обязательную и безвозмездную защиту съ отсутствіемъ особаго класса повѣренныхъ; съ другой стороны—съ массой уголовныхъ дѣлъ, съ массой судебныхъ центровъ, съ неурядицей назначенія разбора уголовныхъ дѣлъ. Въ виду этого правила проекта о защитникахъ поставлены въ связи съ правилами о порядкѣ разбора уголовныхъ дѣлъ по мировымъ участкамъ. Этотъ порядокъ даетъ въ свою очередь возможность надзора прокуратуры за судебными рѣшеніями по уголовнымъ дѣламъ и можетъ быть впослѣдствіи поводомъ къ расширенію подсудности уголовныхъ дѣлъ мировой юстиціи въ видахъ облегченія общихъ судовъ. Обязанности защитниковъ предполагается оплачивать извѣстнымъ содержаніемъ. Это только опытъ, и время должно показать, насколько потомъ это содержаніе будетъ необходимо, ибо есть основаніе думать, что защитники станутъ исподволь главными дѣятелями и по гражданскимъ искамъ и что такимъ образомъ обязанность быть защитникомъ будетъ оплачиваться однимъ правомъ нести сію обязанность".

„Я остановлю еще ваше вниманіе на особомъ образованіи мировыхъ участковъ мною предлагаемомъ, особомъ — въ томъ отношеніи, что уменьшеніе судебныхъ центровъ въ столицѣ должно дать возможность соединить въ одномъ участкѣ силы, разъединенныя нынѣ по многимъ. Есть осязательная польза въ этомъ соединеніи, ибо для народонаселенія это упрощаетъ опредѣленіе подсудности дѣла, дѣлаетъ судъ доступнѣе, а для полиціи, для прокурорскаго надзора и для защиты—дастъ бо̀льшую возможность исполненія лежащихъ на нихъ по отношенію къ судебной власти обязанностей. Есть и другая еще сторона въ этомъ уменьшеніи судебныхъ

центровъ. Когда вмѣсто 26 мировыхъ участковъ будетъ образовано 13, то такое сокращеніе облегчитъ выборъ лучшихъ людей въ мировые судьи и дастъ возможность назначать менѣе опытныхъ въ званіи товарищей, подготовить въ судьи людей, привычныхъ къ дѣлу. Уменьшеніе судебныхъ центровъ имѣетъ, наконецъ, еще ту хорошую сторону, что даетъ возможность назначенія судебныхъ засѣданій или, правильнѣе, открытія для публики присутствія суда въ теченіе 12 часовъ ежедневно и каждодневно, что̀ въ настоящее время ограничивается пятью лишь днями въ недѣлю въ участкѣ и четырьмя часами въ день. Въ общей сложности проектъ требуетъ отъ мирового учрежденія судебной работы 820 часовъ въ недѣлю, вмѣсто 520 часовъ, которые оно даетъ въ настоящее время. Но проектъ даетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность исполненія мировыми судьями этой обязанности, ибо требуетъ отъ каждаго изъ нихъ и его товарища тѣхъ же четырехъ часовъ въ день, что̀ и нынѣ, и только раздѣленіемъ этого труда и взаимнымъ вспоможеніемъ ими другъ другу приходитъ къ тѣмъ указаннымъ выше результатамъ, польза которыхъ должна отозваться въ обществѣ самыми благодѣтельными послѣдствіями".

„Проектъ дополненъ предложеніемъ установленія эмеритуры, особою таксой вознагражденія повѣренныхъ, особою таксой вознагражденія приставовъ, учрежденіемъ аукціонной камеры и установленіемъ особаго порядка пользованія мировыми судьями вакантнымъ временемъ, содержаніемъ и правилами увольненія ихъ отъ должностей. Я не касаюсь подробностей всѣхъ сихъ постановленій, не желая затруднять вашего вниманія, а отчасти и потому, что всѣ сіи положенія суть второстепенныя. Во многомъ проектъ есть повтореніе нынѣ дѣйствующихъ постановленій, а отчасти принятыхъ съѣздомъ порядковъ, какіе, казалось мнѣ, необходимо ввести въ органическій уставъ мирового учрежденія. Весь проектъ есть одно цѣлое съ весьма немногими ссылками на

учрежденіе 1864 года, которыя я потому не вводилъ въ самое положеніе, чтобы показать связь съ общими судебными установленіями".

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, О. И. Квистъ предполагалъ дать слѣдующее устройство мировому суду: столица составляетъ одинъ столичный мировой округъ, раздѣляемый на участки по числу частей полицейскаго управленія города; участковые и добавочные мировые судьи составляютъ первую степень мирового суда, а мировой съѣздъ—первая степень суда въ судебномъ управленіи округомъ, вторая въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и высшая кассаціонная инстанція.

Мировой съѣздъ состоитъ изъ 16 членовъ: 8 мировыхъ судей — постоянныхъ его членовъ и 8 мировыхъ судей почетныхъ; члены съѣзда состоятъ въ должностяхъ безсрочно, но ежегодно изъ состава постоянныхъ его членовъ выбываютъ, по закрытой баллотировкѣ съѣзда, два члена и на двѣ открывшихся вакансіи съѣздъ представляетъ городской думѣ двухъ избранныхъ имъ, тоже, закрытой баллотировкой, кандидатовъ; если по троекратномъ представленіи съѣзда кандидаты его, одинъ или оба, не будутъ думою избраны, то о назначеніи на вакантную должность съѣздъ представляетъ министру юстиціи.

Характерна первоначальная организація съѣзда: право указанія кандидатовъ въ почетные мировые судьи предоставляется министру юстиціи, а почетные судьи, по избраніи, представляютъ городской думѣ 8 кандидатовъ въ постоянные члены съѣзда.

Возрастный цензъ членовъ съѣзда опредѣляется 35 годами, образовательный составляетъ—высшее юридическое образованіе или 10-лѣтняя судебная практика и имущественный—недвижимость, стоимостью не менѣе 10.000 рублей.

На почетныхъ судей возлагаются обязанности: разборъ по 30 ст. уст. гражд. суд.; личное охраненіе на-

слѣдства по просьбѣ частнаго лица, требованію казеннаго или общественнаго управленія и сообщенію прокурорской власти; осмотры по порученію съѣзда; исполненіе ревизій мировыхъ участковъ единолично или въ составѣ комиссій.

Съѣздъ избираетъ предсѣдателя и его товарища изъ наличныхъ своихъ членовъ (постоянныхъ или почетныхъ) безсрочно, если же по одной изъ ежегодныхъ перебаллотировокъ эти лица должны будутъ выбыть, то производятся новые выборы на эти должности.

Власть съѣзда по проекту чрезвычайно широка; такъ, въ порядкѣ надзора и судебнаго управленія съѣзду принадлежитъ: право ревизіи мировыхъ участковъ, повѣрка дѣйствій участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей, представленіе объ уголовномъ преслѣдованіи лицъ, входящихъ въ составъ учрежденій округа, и право дисциплинарнаго взысканія съ мировыхъ судей и частныхъ повѣренныхъ; право дисциплинарнаго взысканія съ мировыхъ судей ограничивается „поставленіемъ на видъ“ и выговоромъ.

Члены съѣзда увольняются отъ должности: или по неизбранію вновь, или по прошенію, или по распоряженію съѣзда, каковое можетъ послѣдовать: 1) въ случаяхъ, указанныхъ въ 295 и 296 ст. учр. суд. уст., 2) утраты ценза, 3) неявки изъ отпуска на дозволенный срокъ, 4) въ случаѣ неявки къ должности или уклоненія отъ нея въ теченіе болѣе 6 недѣль.

Участковые мировые судьи избираются городскою думою изъ числа кандидатовъ, представленныхъ съѣздомъ, безсрочно, но изъ состава ихъ выбываютъ ежегодно, по закрытой баллотировкѣ съѣзда, трое, и для замѣщенія трехъ вакантныхъ должностей выбывающихъ судей съѣздъ представляетъ городской думѣ трехъ кандидатовъ; кандидатами могутъ быть представляемы и выбывающіе мировые судьи; если по троекратномъ представленіи съѣзда кандидаты его не будутъ думою избраны, то о назначеніи на вакантныя должности съѣздъ пред-

ставляетъ министру юстиціи; такимъ же порядкомъ избираются безсрочно и добавочные мировые судьи, съ тѣмъ различіемъ, что изъ ихъ числа 6 подлежатъ ежегодной перебаллотировкѣ въ судьи; число добавочныхъ судей опредѣляется въ двойномъ противъ состава участковыхъ.

Участковые судьи должны имѣть не менѣе 30 лѣтъ, среднее образованіе или судебную практику не менѣе 8 лѣтъ, недвижимость въ 10.000 руб.; добавочные могутъ быть и 25 лѣтъ и стажъ судебной практики для нихъ понижается до 5-ти лѣтъ.

Назначеніе судей по участкамъ производится съѣздомъ, но разъ сдѣланное можетъ быть измѣнено съѣздомъ только по соглашенію съ мировыми судьями, которыхъ касается; распредѣленіе добавочныхъ мировыхъ судей по участкамъ дѣлается съѣздомъ по соглашенію съ участковыми судьями, но можетъ быть и измѣнено по распоряженію съѣзда въ случаяхъ накопленія дѣлъ и другихъ настоятельныхъ причинъ.

Камеры мировыхъ судей должны быть открыты съ 10 час. утра до 10 час. вечера; въ праздничные дни, указанные въ наказѣ съѣзда, мировой судья обязанъ разборомъ только срочныхъ дѣлъ и просьбъ, гдѣ отсрочка могла бы имѣть послѣдствіемъ лишеніе свободы или имущественный вредъ, но все-таки камера должна быть открыта отъ 2 до 3 час. дня и отъ 6 до 7 час. вечера.

Мировые судьи увольняются отъ должности съѣздомъ по тѣмъ же основаніямъ, какъ и члены съѣзда.

Защитники избираются съѣздомъ изъ частныхъ повѣренныхъ въ числѣ не болѣе 26; они обязаны защищать обвиняемыхъ, вести гражданскія дѣла, по которымъ за сторонами признано право бѣдности, и защищать интересы отсутствующихъ лицъ въ дѣлахъ охранительныхъ.

При всемъ уваженіи къ дѣятельности О. И. Квиста и его заслугамъ, какъ мирового судьи и перваго пред-

сѣдателя съѣзда, много и плодотворно потрудившагося на пользу мировой юстиціи, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что переустройство мирового суда по его проекту улучшило бы этотъ судъ и поставило бы его на такую высоту, которой, несомнѣнно, думалъ достигнуть О. И. Квистъ, составляя свое „учрежденіе Спб. мировыхъ судебныхъ установленій".

По этому учрежденію городское общественное управленіе лишалось права выборовъ мировыхъ судей, такъ какъ нельзя же серьезно говорить объ участіи города въ назначеніи судей, когда за городской думой остается лишь право подтвердить выборъ, сдѣланный членами съѣзда, а если дума не согласится на это, отвергнутые ею кандидаты съѣзда все-таки могутъ быть назначены мировыми судьями министромъ юстиціи; нельзя къ тому же не подчеркнуть предоставленіе съѣзду права—три раза представлять своихъ кандитатовъ на выборы думы, если результаты выборовъ не будутъ согласны съ желаніемъ съѣзда,—несомнѣнно, унижающаго достоинство городского общественнаго управленія; проектированный О. И. Квистомъ мировой съѣздъ являлся бы полнымъ хозяиномъ мирового суда въ столицѣ, учрежденіемъ не только самостоятельнымъ, но и самодовлѣющимъ: съѣздъ подбираетъ себѣ членовъ, выбираетъ мировыхъ судей, ставя послѣднихъ въ строго подчиненное къ себѣ положеніе, назначеніе членовъ съѣзда и мировыхъ судей для контроля общества и даже правительства дѣлается недосягаемымъ; но въ чемъ же ручательство, какое основаніе полагать, что такой мировой съѣздъ, построенный на олигархическомъ началѣ, будетъ, дѣйствительно, на высотѣ положенія и не обратится сейчасъ же или въ скоромъ времени въ небольшой кружокъ лицъ, захватившихъ въ свои руки дѣло правосудія въ столицѣ и направляющихъ его въ желательную имъ сторону, пользуясь своимъ правомъ ежегодной баллотировки для удаленія какъ изъ своей среды, такъ и изъ числа мировыхъ судей лицъ, неугодныхъ

большинству мирового съѣзда, и лишая судей всякой самостоятельности. Въ этомъ, несомнѣнно, самая слабая сторона проекта, и надо думать, что почтенный О. И. Квистъ, задавшись цѣлью „устранить произволъ общества въ наполненіи состава суда людьми для того не годными", увлекся и впалъ въ крайность, предоставляя такой же произволъ, если еще и не большій, членамъ мирового съѣзда, которые, какъ и всѣ люди, не могли претендовать на непогрѣшимость.

Возражая противъ цѣлесообразности проекта О. И. Квиста, нельзя, конечно, оспаривать, что мировой съѣздъ тогда переживалъ тяжелое время, какъ это удостовѣряетъ О. И. Квистъ: при выборахъ въ 1875 г. были случаи забаллотированія мировыхъ судей, которыхъ О. И. Квистъ очевидно считалъ и дѣльными работниками, и достойными людьми; къ этому же времени относится обнаруженіе серьезныхъ непорядковъ въ дѣлопроизводствѣ и денежной части нѣсколькихъ мировыхъ судей; вотъ, надо полагать, тѣ причины, которыя заставили О. И. Квиста такъ безотрадно смотрѣть на будущее съѣзда, но дѣйствительность не оправдала, къ счастью, его опасеній: на выборахъ 1878 г. О. И. Квистъ вновь занялъ мѣсто предсѣдателя съѣзда, и въ его твердыхъ и опытныхъ рукахъ мировой съѣздъ съумѣлъ избавиться отъ тѣхъ недостатковъ, которые О. И. Квистъ ошибочно считалъ присущими самому устройству мирового суда, а не случайнымъ и скоропреходящимъ причинамъ, какъ это оказалось на дѣлѣ.

Проектъ Н. А. Неклюдова.

Н. А. Неклюдовъ предпосылаетъ своему проекту „правилъ о замѣнѣ С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда особою палатою мирового суда" обширную объяснительную записку, написанную со свойственнымъ ему мастерствомъ и образностью языка. Вотъ она полностью:

„Необходимость реформы столичныхъ мировыхъ съѣздовъ, въ смыслѣ замѣны ихъ постоянною апелляціонною инстанціею мирового суда, представляется настолько настоятельною, что едва-ли можетъ быть подвергнута какому-либо сомнѣнію“.

„Никто, конечно, не станетъ утверждать, что судебные уставы 20 ноября 1864 г.—уставы однихъ принциповъ: они уставы не только теоретическіе, но и практическіе; въ основѣ ихъ лежитъ практика нашихъ старыхъ судовъ и жизненный опытъ государствъ западной Европы. Однако, не надобно забывать, что практика законодательствъ иностранныхъ не могла служить для нашего отечества руководною нитью въ вопросѣ о мировыхъ съѣздахъ, по отсутствію въ сихъ законодательствахъ подобнаго рода учрежденія; практика же нашихъ старыхъ судовъ, не имѣвшая и понятія о мировомъ институтѣ, не дала въ это учрежденіе ни единой лепты. Такимъ образомъ учрежденіе мировыхъ съѣздовъ должно быть признано самостоятельнымъ созданіемъ новой судебной реформы, созданіемъ, которому не доставало опыта жизни и которое уже по этому самому построено исключительно на однихъ гадательныхъ и умозрительныхъ предположеніяхъ. Даже болѣе: собственно говоря, составители судебныхъ уставовъ, руководствуясь принципомъ экономіи служебнаго персонала и финансовыхъ затратъ, не подвергли подробному обсужденію вопросъ объ образованіи самостоятельной второй мировой инстанціи, а признавъ неудобнымъ и непрактичнымъ сосредоточеніе жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей въ окружныхъ судахъ, отдали предпочтеніе другому предположенію—о возложеніи обязанностей второй инстанціи на самихъ же мировыхъ судей въ коллегіальномъ составѣ, подъ именемъ мирового съѣзда“.

„Едва-ли слѣдуетъ останавливаться на вопросѣ о своевременности новаго преобразованія. Никому не приходилось столько бороться съ этимъ вопросомъ, какъ судебнымъ уставамъ, и никто не далъ на него болѣе категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта, какъ составители основныхъ положеній судоустройства: „если законодательныя предположенія правильны, то они и благовременны; разумный законъ никогда не дѣлаетъ зла“. Не менѣе вѣски въ этомъ отношеніи и соображенія чисто практическаго свойства. Во всѣхъ явленіяхъ, повѣряемыхъ путемъ опыта, главнѣйшими условіями правильности повѣрки являются: сумма наблюдательныхъ фактовъ и одинаковое положеніе той среды, внутри которой совершаются явленія. Ежели сумма наблюденій настолько значительна, что не оставляетъ даже желать накопленія бо́льшаго ихъ количества, то и самый выводъ изъ этой суммы будетъ выводомъ вполнѣ законнымъ и непоколебимымъ, а ежели при этомъ, сверхъ того, нельзя съ вѣроятностью и ожидать никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ будущемъ той среды, въ которой совершается явленіе, то сдѣланное заключеніе будетъ имѣть одинаково силу не только въ отношеніи къ прошедшему, но и въ отношеніи къ будущему даннаго явленія. Десятилѣтнее существованіе с.-петербургскаго столичнаго мирового института, разрѣшившаго за это время около милліона дѣлъ, невозможность разсчитывать на уменьшеніе средняго ежегоднаго ихъ количества, въ виду все болѣе и болѣе разростающагося населенія столицы и соотвѣтствующаго сему развитія людскихъ отношеній и оборотовъ; невозможность ожидать большей энергіи отъ мировыхъ дѣятелей, чѣмъ та, которая была выказана ими въ первое трехлѣтіе судебной реформы, когда въ теченіе полугодія приходилось разбирать вдвое большее количество тяжбъ и обвиненій, противу того, которое выпадаетъ нынѣ на долю ежегоднаго бюджета каждаго участковаго судьи; невозможность предполагать въ будущемъ внезапный приливъ въ это учрежденіе людей, имѣющихъ спеціальное юридическое образованіе, какъ въ виду крайней краткосрочности этой службы и относительной тяжести сопряженныхъ съ нею занятій и отвѣтственности, такъ и въ осо-

бенности въ виду требованія закономъ значительнаго имущественнаго ценза для права быть избраннымъ въ мировые судьи — все это такіе факты, которые, вмѣстѣ взятые, даютъ полную возможность сдѣлать весьма близкое къ истинѣ заключеніе не только о современномъ положеніи мирового съѣзда въ С.-Петербургѣ, но и о степени удовлетворительности или неудовлетворительности этого учрежденія вообще".

„Наконецъ, предполагаемая реформа ограничивается исключительно реформою с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, не касаясь остальныхъ съѣздовъ имперіи: во-1-хъ, въ видѣ опыта, долженствующаго послужить, въ случаѣ его успѣшности, образцомъ и для остальныхъ многолюдныхъ мѣстностей нашего государства; во-2-хъ, въ виду важнаго значенія города С.-Петербурга, какъ первоклассной столицы имперіи и значительной массы производящихся въ здѣшнемъ мировомъ институтѣ дѣлъ, и въ-3-хъ, въ виду неимѣнія, по отношенію къ настоящей столицѣ, тѣхъ финансовыхъ затрудненій, которыя могутъ и даже неминуемо должны возникнуть при распространеніи проектируемыхъ измѣненій въ судоустройствѣ на остальныя мѣстности нашего отечества".

„Никакая правильная замѣна одного учрежденія другимъ немыслима безъ указанія тѣхъ доводовъ и соображеній, коими вызывается ея необходимость, безъ тщательной повѣрки выдающихся недостатковъ того установленія, которое предполагается къ отмѣнѣ".

„Сущность же повѣрки цѣлесообразности каждаго учрежденія должна заключаться: во 1-хъ, въ разсмотрѣніи, насколько оно удовлетворяетъ въ дѣйствительности тѣмъ основнымъ цѣлямъ и условіямъ, на коихъ было построено самое его образованіе, и, во-2-хъ, въ разъясненіи, въ чемъ именно заключаются его больныя мѣста, гнѣздящіяся въ самомъ его организмѣ, и потому, какъ хронически ему присущія, неизлечимыя никакими палліативными мѣрами. Нижеслѣдующія разсужденія доказываютъ наглядным образомъ, насколько законъ о мировыхъ

съѣздахъ для имперіи вообще разошелся съ жизнью въ отношеніи къ гор. С.-Петербургу и насколько существенны его недостатки даже въ такихъ мировыхъ съѣздахъ нашего отечества, которые, по справедливости, могутъ быть причислены къ однимъ изъ образцовыхъ".

„1) Судебные уставы исходятъ изъ предположенія срочности мировыхъ съѣздовъ, составители ихъ не допускали и мысли о необходимости учрежденія мирового съѣзда какъ суда постояннаго, имѣющаго такія же непрерывныя засѣданія, какъ и засѣданія общихъ судебныхъ мѣстъ. Между тѣмъ эта мысль, которою только и оправдывалась возможность періодическихъ съѣздовъ участковыхъ мировыхъ судей на непродолжительное время, оказалась въ С.-Петербургѣ неосуществимою, и на дѣлѣ мы видимъ. что съ самаго же перваго времени введенія судебной реформы и понынѣ с.-петербургскій мировой съѣздъ не только имѣетъ ежедневныя засѣданія, но иногда даже по два параллельныхь засѣданія въ день и, несмотря на такую усиленную, далеко выходящую за предположенія составителей судебныхъ уставовъ, дѣятельность, не успѣваетъ перерѣшить всѣхъ дѣлъ къ концу каждаго отчетнаго года".

„Такимъ образомъ непримѣнимость періодическихъ мировыхъ съѣздовъ къ С.-Петербургу представляется настолько очевидною, что не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ".

„2) Подобно тому какъ съѣзды мировыхъ судей предполагались судебными уставами періодическими, срочными, такъ, напротивъ того, засѣданія въ отдѣльныхъ участкахъ предполагались постоянными, непрерывными. Желая дать народу судъ скорый, уставы предписываютъ выбирать судей изъ мѣстныхъ жителей, обязываютъ мировыхъ судей избирать постоянное мѣстопребываніе внутри своего участка, для неотложнаго разбирательства вчинаемыхъ дѣлъ, вмѣняютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ въ обязанность являться на самое мѣсто происшествія и не длить разбора долѣе 6 часовъ и, наконецъ, твердо увѣ-

ренные, что быстрота разбирательства есть самый драгоцѣнный перлъ мирового института, и какъ бы опасаясь, что всѣ вышеозначенныя мѣры могутъ оказаться на дѣлѣ недостаточными, провозглашаютъ, въ видѣ общаго правила, что мировой судья принимаетъ прошенія „вездѣ и во всякое время". На дѣлѣ же оказывается, что непрерывности засѣданій въ мировыхъ участкахъ города С.-Петербурга не существуетъ, да и существовать не можетъ, благодаря обращенію засѣданій мирового съѣзда изъ засѣданій періодическихъ въ засѣданія постоянныя, непрерывныя, въ коихъ должны принимать участіе тѣ же самые мировые судьи, которые засѣдаютъ и въ участкахъ. Значеніе же и послѣдствія отсутствія непрерывныхъ засѣданій были указаны весьма подробно при обсужденіи сего вопроса въ состоявшей подъ моимъ предсѣдательствомъ высочайше учрежденной комиссіи для обсужденія тѣхъ неудобствъ, кои имѣютъ мѣсто въ отношеніи производства въ мировыхъ установленіяхъ дѣлъ, вчинаемыхъ по сообщеніямъ административныхъ властей".

„Для правильнаго разрѣшенія вопроса объ ускореніи разбирательства дѣлъ въ столичныхъ мировыхъ установленіяхъ", говоритъ комиссія, „необходимо выяснить себѣ предварительно самое положеніе столичнаго мирового судьи и тѣ причины, которыми замедляется быстрота правосудія. Положеніе дѣлъ столичныхъ мировыхъ учрежденій можетъ быть рельефно очерчено нижеслѣдующими данными, находящимися въ непосредственной связи съ вопросомъ о быстротѣ разбирательства: а) изъ числа семи дней недѣли, воскресенье, какъ день праздничный, считается неприсутственнымъ и камеры мировыхъ судей закрыты для всѣхъ и каждаго; то же самое имѣетъ мѣсто и во всѣ остальные табельные дни; б) остальные шесть дней недѣли распредѣляются, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: одинъ день мировой судья присутствуетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ съѣзда, которыя ежедневны; одинъ день онъ принимаетъ участіе въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда, которыя еженедѣльны; одинъ день предназначается для производства обысковъ, освидѣтельствованій, осмотровъ и экспертизъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; остальные три дня посвящаются судебному разбирательству въ камерѣ участка; впрочемъ, въ гор. Москвѣ (какъ то обнаружено ревизіею 1874 г.) и даже въ нѣкоторыхъ участкахъ гор. С.-Петербурга, на судебный разборъ назначается всего два дня,— третій же день употребляется судьею на изготовленіе рѣшеній въ окончательной формѣ, веденіе денежной отчетности и т. п.; в) согласно этому распредѣленію занятій, камера мирового судьи открыта для публики не болѣе 2-хъ, 3-хъ дней въ недѣлю; г) засѣданія участковыхъ судей начинаются обыкновенно не ранѣе 11 часовъ и оканчиваются въ 2 — 3 часа пополудни. — Вышеизложенныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія, что главнѣйшій недостатокъ столичныхъ мировыхъ учрежденій сводится къ отсутствію непрерывности разбирательства, т.-е. къ отсутствію того именно начала, которое составляетъ главнѣйшую исходную точку составителей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Въ этомъ отсутствіи непрерывности засѣданій и слѣдуетъ искать источникъ тѣхъ жалобъ, которыя раздаются противу столичнаго мирового института не только со стороны властей административныхъ, но даже и со стороны публики, успѣвшей уже столь тѣсно сжиться и освоиться съ этимъ новымъ учрежденіемъ. Отвергать основательность этихъ жалобъ невозможно: онѣ опираются на самый чувствительный нервъ судебной реформы. И дѣйствительно, судебные уставы гласятъ, что мировые судьи принимаютъ просьбы „вездѣ и во всякое время" — на дѣлѣ же оказывается, что, подобно тому какъ приставу временъ соборнаго уложенія не удавалось почти никогда улучить отвѣтчика для врученія ему зазывной грамоты, такъ тяжущемуся временъ судебныхъ уставовъ трудно поймать своего судью, даже въ будничный день, днемъ, въ его собственной камерѣ. Тяжело ложась на частныхъ лицъ,

коимъ приходится приходить по нѣскольку разъ въ судилище, нерѣдко съ окраинъ города, для того, чтобы подать или получить желаемую бумагу и дожидаться, иногда цѣлый мѣсяцъ, назначеннаго для судебнаго разбирательства дня (что̀ въ особенности ощутительно для рабочихъ и вообще для лицъ временно прибывшихъ въ столицу)—это отсутствіе непрерывности засѣданій отзывается въ особенности тяжко на власти полицейской. Главнѣйшія послѣдствія этого недостатка, отражающіяся на всѣхъ фазисахъ судебнаго процесса, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: а) при составленіи судебныхъ уставовъ имѣлось въ виду упростить порядокъ возбужденія судебнаго преслѣдованія, устранивъ, по возможности, всякую письменную процедуру; въ сихъ видахъ и было проектировано (ст. 50 уст. угол. суд.), что судебныя преслѣдованія возбуждаются не только письменными, но и словесными сообщеніями полиціи; обязательное же составленіе полицейскихъ протоколовъ установлено лишь какъ исключеніе и только для извѣстнаго рода законопротивныхъ дѣяній. Сообщеніе словесное имѣетъ слѣдующія преимущества предъ сообщеніемъ письменнымъ: оно избавляетъ полицію отъ массы письмоводства и даетъ ей возможность представить въ судъ, такъ сказать, непосредственно вслѣдъ за совершеніемъ самаго проступка, не только самого обвиняемаго, но потерпѣвшаго и свидѣтелей происшествія; напротивъ того, сообщеніе письменное требуетъ доставленія обвиняемаго въ полицейскій участокъ, производства разспросовъ всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, занесеніе этихъ разспросовъ на бумагу и затѣмъ отправку ея къ мировому судьѣ при особомъ представленіи. Понятно само собою, что существованіе словесныхъ сообщеній зависитъ, безусловно и исключительно отъ непрерывности засѣданій; отсутствіе этой непрерывности вызываетъ, по необходимости, тяжелую процедуру письменныхъ сообщеній. И дѣйствительно, статистика показываетъ, что изъ числа 14.000 (среднее ежегодное число за 10-лѣтній періодъ)

дѣлъ, вчинаемыхъ по полицейскимъ сообщеніямъ въ гор. С.-Петербургѣ, не выпадаетъ и $^1/_{100}$ на долю сообщеній словесныхъ. Такимъ образомъ отсутствіе непрерывности разбирательства взваливаетъ на полицію нѣсколько тысячъ совершенно безплодныхъ письменныхъ производствъ; б) при составленіи судебныхъ уставовъ имѣлось въ виду немедленное производство суда вслѣдъ за обнаруженіемъ нарушенія; во имя сей цѣли законъ и предоставилъ полиціи весьма широкое право привода обвиняемаго къ мировому судьѣ (ст. 51 уст. угол. суд.). Между тѣмъ при отсутствіи непрерывности засѣданій, право привода неосуществимо и полиція обязана, волей неволей, или отпускать обвиняемыхъ на свободу, удостовѣрившись кое-какъ въ ихъ личности, или же наполнять ими свои полицейскіе участки, впредь до дня открытія засѣданія, составляя снова протоколы о взятіи ихъ впредь до привода подъ стражу; в) личный составъ полиціи, несмотря на его значительность, все-таки не настолько великъ, чтобы одновременное пребываніе въ судѣ массы ея агентовъ не могло бы ослабить исполненіе другихъ, возложенныхъ на нее обязанностей. При непрерывности засѣданій, судъ, разбирая дѣла по мѣрѣ ихъ вступленія, можетъ ограничиться вызовомъ ежедневно 2-хъ, 3-хъ полицейскихъ; напротивъ того, при отсутствіи непрерывности, судья, по необходимости, назначаетъ разборъ всѣхъ полицейскихъ дѣлъ на одно засѣданіе въ недѣлю и держитъ такимъ образомъ цѣлый день въ своей камерѣ чуть ли не цѣлый составъ полиціи своего участка. Отсюда весьма нерѣдкія, неудобныя для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, отсрочки разбирательства, по причинѣ невозможности пребыванія въ судѣ занятаго обязанностями своей службы полицейскаго агента; г) соображенія чисто логическаго свойства и судебный опытъ показываютъ, что свидѣтели происшествія забываютъ спустя время даже обстановку весьма тяжкихъ злодѣяній, коихъ имъ случалось быть очевидцами. Что же сказать о служителяхъ полиціи, являющихся на мировомъ

судѣ спустя долгое время послѣ происшествія свидѣтелями различнаго рода мелкихъ нарушеній, ссоръ, дракъ и т. п.? Не только безполезно, но иногда даже положительно вредно полагаться на свидѣтельскія показанія по мелкимъ дѣламъ, когда со времени событія прошло значительное пространство времени. Не надо забывать, что мѣстности съ громаднымъ и притомъ значительно пришлымъ населеніемъ не имѣютъ ничего общаго съ остальными городскими мѣстностями. Въ то время, когда въ сихъ послѣднихъ полиція знаетъ чуть ли не въ лицо каждаго мѣстнаго жителя,—въ то время, во-первыхъ, она положительно не знаетъ даже всѣхъ домовладѣльцевъ своего участка. Спрашивается: можетъ ли городовой столицы, на глазахъ котораго ежедневно совершаются десятки буйствъ и т. п., будучи вызванъ въ судъ спустя нѣсколько недѣль послѣ происшествія, дать отчетливое показаніе о томъ событіи, по которому онъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля? Очевидно, что нѣтъ, ибо даже развитые и привыкшіе къ наблюденію память и умъ не всегда въ состояніи возстановить спустя долгое время въ его настоящемъ видѣ то событіе, котораго они были очевидцами, когда въ этотъ промежутокъ времени имъ пришлось быть постоянными свидѣтелями цѣлой сотни ему подобныхъ. И мы видимъ на дѣлѣ, что служитель власти, допрашиваемый мѣсяцъ спустя послѣ преступнаго дѣйствія, съ полнымъ сознаніемъ своего безпристрастія и добросовѣстности, единственно лишь по забывчивости, обвиняетъ А въ такомъ дѣяніи, которое совершено Б, приписываетъ ему не то дѣяніе, которое имъ было совершено, или совершенно отказывается отъ обвиненія. Такъ на судѣ бываетъ нерѣдко, что городовой, обвинявшій Х. въ сообщеніи въ обидѣ словомъ, обвиняетъ его на судѣ въ обидѣ дѣйствіемъ и наоборотъ, или заявляетъ, что онъ не можетъ удостовѣрить, что онъ былъ оскорбленъ именно этимъ, а не какимъ-либо другимъ лицомъ. Не требуетъ доказательствъ, что при непрерывности засѣданій, когда каждое дѣло будетъ

разбираться немедленно вслѣдъ за его вступленіемъ, наличность подобныхъ случаевъ сдѣлается сама по себѣ невозможною, и, наконецъ, д) отсутствіе непрерывности засѣданій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главная причина медленности въ производствѣ полицейскихъ дѣлъ".

„Сопоставляя все сказанное выше по поводу непрерывности засѣданій, оказывается, что учрежденіе съѣзда мировыхъ судей въ гор. С.-Петербургѣ, взамѣнъ самостоятельной второй инстанціи мирового суда, отвлекаетъ къ себѣ постоянно силы мировыхъ участковъ, уничтожаетъ возможность непрерывности мирового разбирательства, замедляетъ движеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, вредно вліяетъ на самый ходъ уголовнаго процесса въ мировыхъ участкахъ и является одною изъ сильнѣйшихъ причинъ той массы жалобъ и нареканій, которыя такъ часто приходится слышать противъ мирового института не только со стороны администраціи, но даже и со стороны публики. Такимъ образомъ, кажется, надлежитъ признать безспорнымъ, что идея судебныхъ уставовъ о съѣздахъ мировыхъ судей является положительно непримѣнимою въ столицѣ, въ виду необходимости постояннаго пребыванія судьи въ своемъ участкѣ для неотлучнаго разбирательства той массы дѣлъ, которая поступаетъ къ участковымъ мировымъ судьямъ гор. С.-Петербурга".

„3) Необходимость второй судебной инстанціи вообще оправдывается не столько возможностью требующихъ преслѣдованія грубыхъ промаховъ или злоупотребленій суда первой степени, сколько неувѣренностью въ правильномъ примѣненіи и толкованіи имъ закона, по причинѣ невозможности замѣстить весь громадный контингентъ низшихъ судовъ опытными и спеціально образованными юристами. Посему, даже съ теоретической точки зрѣнія вторая инстанція суда должна состоять изъ такого рода личностей, которыя стояли бы значительно выше органовъ суда первой инстанціи и по своей опытности, и по своей юридической подго-

товкѣ. Еще несомнѣннѣе выступаетъ настоятельность этого условія съ точки зрѣнія практической. Вся дѣятельность второй инстанціи заключается въ повѣркѣ, и притомъ почти исключительно юридическихъ дѣйствій суда первой степени. Но для повѣрки юридическихъ дѣйствій недостаточно ни произвольнаго благомнѣнія, ни внутренняго убѣжденія, которое часто въ вопросахъ права приходится держать на привязи, а необходимо обстоятельное знакомство съ законами, съ юридическими правилами и обрядами. Ежели отнять отъ второй инстанціи бо̀льшую опытность и образованность противъ суда первой степени, то къ чему же тогда и самое существованіе этой инстанціи? Вѣдь не учреждается же она, въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы къ промахамъ низшаго суда прибавить свои собственные и тѣмъ увеличить количество судейскихъ ошибокъ, судейскаго невѣжества и неправильнаго толкованія закона! Между тѣмъ, составители судебныхъ уставовъ, признавъ возможнымъ учредить участковыхъ мировыхъ судей изъ лицъ, „неимѣющихъ юридическаго образованія, но пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ мѣстныхъ жителей“, образовали и вторую надъ ними инстанцію изъ того же самаго несвѣдущаго въ юридической жизни персонала. Но какимъ бы уваженіемъ и довѣріемъ общества ни пользовались два слѣпца, ни одинъ изъ нихъ, очевидно, не въ состояніи руководить другимъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя обусловливаются чувствомъ зрѣнія, и какъ десять Велисаріевъ, взятыхъ вмѣстѣ, не въ состояніи раскрыть глаза на окружающія ихъ явленія своему одиннадцатому товарищу-слѣпцу, такъ и десять юридически необразованныхъ участковыхъ судей, собравшіеся въ засѣданіе мирового съѣзда, не въ состояніи преподать юридическихъ правилъ своему одиннадцатому сотоварищу по суду. Такимъ образомъ, по самому существу учрежденія мирового института, вторая инстанція его представляется положительно непригодною для правильнаго контроля юридическихъ дѣйствій участковыхъ мировыхъ

судей, а симъ послѣднимъ недостаетъ того руководящаго компаса, который принято видѣть въ судѣ второй степени и на который они имѣютъ преимущественное право передъ прочими судами имперіи, какъ учрежденіе, состоящее изъ людей, совершенно не подготовленныхъ къ той профессіи, къ отправленію которой они призваны“.

„Эта несостоятельность, съ юридической точки зрѣнія, учрежденія мировыхъ съѣздовъ отзывается весьма наглядным образомъ на самихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ столичнаго мирового института. Практика показываетъ, что не только одни и тѣ же юридическіе вопросы разрѣшаются различно въ различныхъ мировыхъ участкахъ столицы, но что они толкуются неодинаково и самимъ мировымъ съѣздомъ, какъ по недостатку юридической подготовки въ отдѣльныхъ его членахъ, не могущихъ часто уловить неразрывности связи между двумя дѣлами, такъ и въ особенности благодаря тому, что каждый еженедѣльный день засѣданія мирового съѣзда составляется, по необходимости, изъ особыхъ судей. Извѣстно, что для избѣжанія указаннаго разнообразія въ рѣшеніяхъ, нѣкоторые изъ предсѣдателей мирового съѣзда прибѣгали къ слѣдующему искусственному способу: они сортировали еженедѣльно дѣла по ихъ роду и назначали однородныя изъ нихъ къ слушанію одного и того же состава присутствія. Но такой способъ, кромѣ того, что онъ вызывалъ неудовольствіе со стороны отдѣльныхъ судей, неудобенъ съ практической точки зрѣнія въ томъ отношеніи, что задерживаетъ разсмотрѣніе извѣстной группы дѣлъ, впредь до накопленія достаточнаго количества ихъ для доклада“.

„Не осуществилась такимъ образомъ и та надежда составителей судебныхъ уставовъ, что мировые судьи, посѣщая засѣданія мирового съѣзда, внесутъ единообразіе практики во всѣ свои рѣшенія по участкамъ“.

„По судебнымъ уставамъ, на обязанности второй инстанціи, кромѣ разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ уча-

ствующихъ въ дѣлѣ лицъ, лежитъ еще обязанность надзора за дѣйствіями подчиненнаго ей суда. На основаніи 64 ст. учр. суд. уст., непосредственный надзоръ за мировыми судьями принадлежитъ мировому съѣзду ихъ округа. Признавая совершенно неумѣстнымъ доказывать всю важность и значеніе надзора, въ особенности, когда онъ касается такой массы и притомъ такихъ разнохарактерныхъ дѣятелей, какими являются участковые мировые судьи гор. С.-Петербурга, я останавливаюсь лишь на обсужденіи степени удовлетворительности самой организаціи этого надзора".

„Сосредоточивая надзоръ за низшею инстанціею въ рукахъ инстанціи, непосредственно надъ нею стоящей, составители судебныхъ уставовъ исходили изъ той мысли, что правильное осуществленіе этого надзора достаточно гарантируется какъ сравнительно лучшимъ составомъ высшихъ инстанцій, такъ и совершенною ихъ отдѣльностью отъ инстанцій низшихъ. Ни одно изъ этихъ соображеній не имѣетъ примѣненія по отношенію къ мировымъ съѣздамъ, какъ учрежденіямъ, состоящимъ изъ тѣхъ же самыхъ участковыхъ судей, которые засѣдаютъ и въ участкахъ. Посему, сосредоточеніе надзора надъ отдѣльными мировыми судьями въ мировомъ съѣздѣ есть не что иное, какъ возложеніе обязанности надзора на самихъ же тѣхъ лицъ, надъ коими предполагается учрежденіе надзора. Но какъ ни высока и ни привлекательна идея самонаблюденія и самонадзора сама по себѣ взятая, тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что осуществленіе ея на практикѣ возможно лишь при томъ единственномъ условіи, чтобы всѣ члены самонаблюдающаго установленія выходили бы изъ уровня обыкновенныхъ людей и, ставя интересы общественные выше своего собственнаго блага, являлись бы безупречными рыцарями чести, справедливости и права. Между тѣмъ вся организація судопроизводства судебныхъ уставовъ разсчитана на обыкновенныхъ смертныхъ, а отнюдь не на исключительныхъ героевъ правосудія, а самый

фактъ установленія ими надзора за дѣятельностью судебнаго персонала свидѣтельствуетъ весьма убѣдительно, что они не только были далеки отъ идеи самопожертвованія и самозакланія судей, но и вполнѣ отчетливо предвидѣли, что новые судьи будутъ все тѣ же люди, со всѣми ихъ страстями, заблужденіями и ошибками. А при такомъ положеніи вещей начало самонаблюденія и самонадзора является лишеннымъ всякой реальной почвы и представляетъ собою одно изъ тѣхъ прекрасныхъ мечтаній, которымъ едва-ли суждено осуществиться не только въ настоящемъ, но даже и въ будущемъ общежитіи. И въ самомъ дѣлѣ: возможно ли предположить въ общемъ правилѣ, чтобы мировой судья могъ отнестись съ надлежащею строгостью къ своему товарищу за медленность или небрежность производства, за несоблюденіе имъ процессуальныхъ формъ, за несовсѣмъ благопристойное обращеніе съ просителемъ, когда онъ очень хорошо знаетъ, что и его собственный участокъ не вполнѣ безгрѣшенъ по всѣмъ этимъ предметамъ и что, можетъ быть, не сегодня, такъ завтра, ему придется быть обвиняемому самому въ томъ же самомъ или въ подобномъ ему упущеніи, а въ числѣ судей этого упущенія будетъ тотъ же самый судья, противъ котораго ему приходилось подать голосъ наканунѣ".

„Общеизвѣстно, что мировые судьи смотрятъ на членовъ съѣзда не какъ на свое непосредственное начальство, а какъ на своихъ товарищей и даже не стѣсняясь проповѣдуютъ подобное начало при обсужденіи той или другой жалобы въ распорядительномъ засѣданіи, а въ связи съ этимъ многократными ревизіями мировыхъ установленій обнаружено, что надзоръ за дѣйствіями своихъ сочленовъ составляетъ едва-ли не самую слабую сторону мирового института.

„Только совершеннымъ отсутствіемъ надзора и могутъ быть объяснены такіе факты, какъ тѣ, которые установлены ревизіею московскаго столичнаго мирового округа и которые, болѣе или менѣе, встрѣчаются и въ

округѣ с.-петербургскомъ, какъ то можно вывести изъ тѣхъ ревизій денежной отчетности мировыхъ судей, которыя производились назначенными мировымъ съѣздомъ комиссіями, и изъ тѣхъ дѣлъ, которыя были предметомъ сужденія распорядительныхъ засѣданій мирового съѣзда, и именно: а) во всѣхъ участкахъ гор. Москвы разбирательство дѣлъ производилось не болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю; въ С.-Петербургѣ оно и понынѣ производится не болѣе 3-хъ разъ, а въ нѣкоторыхъ участкахъ точно такъ же, какъ и въ Москвѣ, не болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю; б) засѣданія открываются гораздо позднѣе назначеннаго для того времени; столпившаяся кучею публика ожидаетъ судью по нѣсколько часовъ и иногда уходитъ, не дождавшись его прибытія; в) весьма много дѣлъ остаются продолжительное время безъ всякаго по нимъ производства, хотя никакой видимой причины къ оставленію ихъ безъ движенія не стоитъ; г) охраненныя имущества лежатъ по нѣсколько лѣтъ за мировыми судьями безъ передачи ихъ въ опеку по правиламъ 1164 ст. т. X, ч. I-й; д) по весьма многимъ охранительнымъ дѣламъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не сдѣлано рѣшительно никакихъ распоряженій; е) многія изъ дѣлъ участка утрачены, какъ и когда неизвѣстно; ж) нѣкоторые изъ мировыхъ судей гор. Москвы разбирали сразу десятка по два дѣлъ, выслушивали сторонъ и свидѣтелей и затѣмъ, удалившись въ особую комнату съ письмоводителями, выносили сразу рѣшенія по всѣмъ имъ въ совокупности и затѣмъ дополняли и исправляли ихъ по замѣчаніямъ сторонъ; з) въ производствѣ многихъ мировыхъ судей принимаютъ весьма дѣятельное участіе письмоводители; у нѣкоторыхъ они ведутъ самые протоколы судебнаго разбора, а иногда пишутъ даже и самыя резолюціи; изложеніе же заочныхъ рѣшеній почти всегда лежитъ на обязанности письмоводителя; и) нерѣдко принимаются къ производству дѣла, мировымъ установленіямъ не подсудныя, и постановляются обвинительные приговоры по такимъ дѣяніямъ, которыя не

запрещены подъ страхомъ наказанія; і) рѣшенія и опредѣленія пишутся какъ и гдѣ попало: на клочкахъ бумаги, на сообщеніяхъ полиціи и даже на документахъ, представленныхъ къ дѣлу участвующими въ немъ лицами; к) многія резолюціи безсодержательны до неприличія: „взыскать, отказать, въ тюрьму на три мѣсяца“, а нѣкоторые изъ мировыхъ судей гор. Москвы изобрѣли еще болѣе упрощенную форму: дѣлать на обложкѣ дѣла отмѣтки въ родѣ слѣдующихъ 135/593 или 4/31 и т. п., что должно означать: на основаніи 135-й и 593 ст. уст. угол. суд. въ жалобѣ за неявкою отказать, или, на основаніи 31 ст. уст. наказ. выдержать подъ арестомъ четыре дня; причемъ многіе изъ приговоровъ приведены въ исполненіе именно по такимъ математическимъ величинамъ безъ написанія особыхъ резолюцій; л) у весьма многихъ судей протоколы почти никогда не подписываются сторонами и въ дѣлѣ не имѣется удостовѣренія объ объявленіи имъ рѣшеній и приговоровъ, такъ что, строго говоря, даже приговоры и рѣшенія по дѣламъ архивнымъ не могутъ быть признаны вступившими въ законную силу; м) сплошь и рядомъ встрѣчаются приговоры, давно вступившіе въ законную силу, но къ исполненію не обращенные; н) масса апелляціонныхъ отзывовъ и жалобъ лежитъ въ участкѣ безъ представленія въ съѣздъ по нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда даже и лѣтъ; о) нѣкоторые изъ мировыхъ судей не излагаютъ рѣшеній въ окончательной формѣ, несмотря на просьбу стороны, до подачи ею отзыва или апелляціи, и затѣмъ пишутъ свои рѣшенія и приговоры въ видѣ опроверженія изложенныхъ въ апелляціонномъ отзывѣ или жалобѣ мотивовъ, и т. п.“.

„Ежели же за симъ справедливость и требуетъ замѣтить, что судебныя засѣданія с.-петербургскаго мирового съѣзда чужды наклонности оставлять въ силѣ неправильныя рѣшенія и приговоры мировыхъ судей, то безпристрастіе обязываетъ указать, что распорядительныя засѣданія означеннаго съѣзда далеко не отличаются тою же

строгостью и правильностью взгляда на личныя дѣйствія мировыхъ судей и что только участію въ этихъ засѣданіяхъ значительнаго элемента почетныхъ мировыхъ судей столицы слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, наиболѣе выдающіяся изъ неправильныхъ дѣйствій участковыхъ судей не проходятъ для нихъ безслѣдно".

„Такимъ образомъ надлежитъ признать, что судебные уставы оставили дѣятельность мировыхъ судей безъ достаточнаго за нею надзора и что это отсутствіе надзора влечетъ за собою такого рода небрежности и неправильности въ дѣлѣ правосудія, которыя угрожаютъ низведеніемъ мирового учрежденія на уровень прежнихъ полицейскихъ судовъ".

„Сводя къ одному знаменателю все сказанное выше по поводу современнаго положенія и недостатковъ учрежденія столичныхъ мировыхъ съѣздовъ, въ качествѣ второй инстанціи мирового суда, оказывается: 1) что существованіе срочныхъ мировыхъ съѣздовъ не удовлетворяетъ потребностямъ столичнаго населенія, нуждающагося, въ виду значительной массы производящихся дѣлъ, въ постоянныхъ засѣданіяхъ второй инстанціи; 2) что обращеніе засѣданій мирового съѣзда, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ, изъ засѣданій періодическихъ въ засѣданія постоянныя, уничтожаетъ непрерывность засѣданій въ мировыхъ участкахъ и имѣетъ вредное вліяніе на ходъ отправленія правосудія, замедляя теченіе участковыхъ дѣлъ, уничтожая возможность разбора по горячимъ слѣдамъ и лишая нуждающагося возможности обратиться къ своему судьѣ въ теченіе $^2/_3$ или даже и $^1/_2$ установившагося въ мировыхъ участкахъ ежегоднаго числа присутственныхъ дней; 3) что, состоя изъ тѣхъ же самыхъ судей, которые судятъ дѣла въ участкахъ и отъ коихъ не требуется ни юридическаго образованія, ни юридической отвѣтственности, мировой съѣздъ, по самому существу своего учрежденія, является почти не компетентнымъ для оцѣнки юридическихъ дѣйствій мировыхъ судей и не въ состояніи преподать имъ основательныхъ юридическихъ правилъ и разъясненій и 4) что, при составѣ мирового съѣзда изъ тѣхъ же самыхъ судей, кои засѣдаютъ и въ участкахъ, онъ окончательно непригоденъ для правильнаго за ними надзора, а отсутствіе строгаго и правильнаго надзора приводитъ къ такого рода явленіямъ въ практикѣ мирового суда, которыя въ состояніи подорвать собою всѣ благія стороны мирового учрежденія".

„Этими результатами опредѣляется само собою и самая задача настоящаго проекта — учредить въ городѣ С.-Петербургѣ, взамѣнъ мирового съѣзда, особую, постоянную вторую инстанцію, которая, состоя изъ компетентныхъ лицъ, вершила бы дѣла по жалобамъ на мировыхъ судей и имѣла бы за ними непосредственный надзоръ, не отвлекая въ свой составъ силы мировыхъ участковъ и не ослабляя своихъ собственныхъ силъ разборомъ участковыхъ дѣлъ, въ качествѣ суда первой степени".

„Такое учрежденіе я полагалъ бы наименовать судебною мировою палатою или палатою мирового суда".

„Совпадая во всемъ по цѣли и характеру своего учрежденія съ основными началами судебныхъ уставовъ и отличаясь отъ мирового съѣзда лишь наибольшею правильностью и солидностью своей организаціи, учрежденіе мировой палаты можетъ вызвать въ принципѣ одно лишь возраженіе, и именно, что образованіе ея устраняетъ отъ участія въ засѣданіяхъ второй степени суда участковыхъ мировыхъ судей, тогда какъ составители судебныхъ уставовъ видѣли въ этомъ участіи достаточное ручательство за единообразіе практики въ отдѣльныхъ мировыхъ участкахъ. Но возраженіе это не можетъ быть признано возраженіемъ рѣшительнаго свойства, въ особенности, ежели принять въ соображеніе во 1) что участіе суда первой степени въ засѣданіяхъ суда второй инстанціи не составляетъ вовсе условія правильнаго отправленія правосудія и на дѣлѣ, кромѣ на-

шихъ мировыхъ съѣздовъ, нигдѣ не допускается; во 2) что десятилѣтній опытъ с.-петербургскаго мирового института служитъ лучшимъ доказательствомъ, что участіе участковыхъ мировыхъ судей въ засѣданіяхъ мирового съѣзда не установило единообразной практики ни въ участкахъ, ни въ самомъ мировомъ съѣздѣ и, въ 3) что рѣшенія мировой палаты, будучи сообщаемы по всѣмъ важнымъ и общимъ вопросамъ отдѣльнымъ участковымъ судьямъ, представляютъ собою несравненно бо̀льшую гарантію единообразія практики, чѣмъ случайное присутствіе мирового судьи въ томъ или другомъ засѣданіи мирового съѣзда".

Въ проектѣ своемъ Н. А. Неклюдовъ предполагалъ дать такое устройство мировому суду:

1) права и обязанности, предоставленныя судебными уставами 20 ноября 1864 г. мировымъ съѣздамъ, возлагаются въ г. С.-Петербургѣ на особую палату мирового суда;

2) палата состоитъ изъ 10 членовъ, считая и предсѣдателя, коимъ присваивается названіе мировыхъ судей палаты;

3) въ мировые судьи палаты могутъ быть избираемы лица: 1) не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, 2) получившіе высшее юридическое образованіе [1]) или служившіе не менѣе 3-хъ лѣтъ мировыми судьями, членами общихъ судебныхъ мѣстъ, слѣдователями или въ прокурорскомъ надзорѣ;

4) мировые судьи палаты замѣщаются слѣдующимъ образомъ: при открытіи вакансіи созывается городскимъ головою соединенное присутствіе изъ членовъ городской управы и мировыхъ судей палаты, которое и составляетъ списокъ кандидатовъ, выборы же производятся согласно 32—33 и 37 ст. учр. суд. уст. (при первоначальномъ избраніи мировыхъ судей палаты замѣняютъ почетные судьи);

5) общее собраніе гласныхъ думы можетъ уполномочить поименованное соединенное присутствіе на окончательное избраніе мировыхъ судей палаты;

[1]) Въ постатейныхъ замѣчаніяхъ проекта Н. А. Неклюдова такъ обосновывается необходимость юридическаго образованія для мировыхъ судей: „не нужно увлекаться мыслью, что обязанности мирового судьи не требуютъ большихъ познаній; практика доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что для добросовѣстнаго исполненія обязанностей этого званія потребно не только меньшее, но даже большее количество знаній, чѣмъ то, которое необходимо для занятія должности члена окружнаго суда. Не говоря уже о дѣлахъ гражданскихъ, въ коихъ по однородности ихъ познанія всѣхъ судовъ имперіи должны быть совершенно одинаковы, возьмемъ для примѣра уголовную дѣятельность мирового судьи; допустимъ, что эта дѣятельность мелочная, что она занимается разборомъ лишь такъ называемыхъ Bagatell Sachen и сопоставимъ ее съ дѣятельностью судьи общихъ судебныхъ мѣстъ. Какъ судья почти всѣхъ видовъ преступленій противу собственностей, участковый судья долженъ имѣть по сему предмету тѣ же самыя юридическія свѣдѣнія, которыми обладаютъ и члены общихъ судовъ; какъ судья одного изъ обширныхъ отдѣловъ преступленій противу личности (клеветы, обидъ, самоуправства, насилія и побоевъ) и какъ примиритель по остальнымъ посягательствамъ на физическую личность человѣка, неугрожающимъ опасностью жизни, — онъ долженъ обладать юридическими познаніями и по настоящему отдѣлу; но онъ долженъ, сверхъ того, знать еще и ту массу спеціальныхъ уставовъ (строительный, пожарный, путей сообщенія, народнаго здравія, таможенный, акцизный и т. п.), которые, составляя цѣлыя тысячи статей нашего свода, не преподаются даже въ университетскихъ аудиторіяхъ и знакомство съ которыми требуетъ особыхъ и спеціальныхъ юридическихъ занятій. Такимъ образомъ, въ то время, когда для занятія должности члена окружнаго суда достаточно одного знанія уложенія о наказаніяхъ, въ то время, для занятія должности мирового судьи необходимо знаніе не только уложенія, но и почти всѣхъ остальныхъ томовъ свода законовъ имперіи. Изъ копѣекъ, говоритъ народъ, сколачиваются милліоны; изъ мелочныхъ знаній мирового судьи, можно сказать, слагается самая обширная отрасль уголовнаго права, отрасль мало разработанная, мало кому знакомая и потому наиболѣе трудная. Уже для одного правильнаго примѣненія 29 ст. уст. нак. (о неисполненіи законныхъ требованій различнаго рода властей) необходима такая сумма юридическихъ познаній, такое близкое знакомство съ разумомъ и духомъ узаконеній, которыя не требуются даже отъ судьи по дѣламъ объ убійствѣ. Но ежели юридическія познанія являются безусловно неизбѣжными для участковаго судьи, то что же сказать въ этомъ отношеніи о судьяхъ второй инстанціи, коимъ приходится провѣрять не выводы здраваго смысла, не житейскій взглядъ и мнѣніе мирового судьи, а юридическія жалобы истцовъ и отвѣтчиковъ, обвинителей и обвиняемыхъ. Нельзя ставить судъ ниже по своему образованію тѣхъ юристовъ адвокатовъ, съ которыми ему приходится ежедневно имѣть дѣло; нельзя отдавать его и его рѣшенія на жертву этимъ адвокатамъ; нельзя ставить отправленіе правосудія въ зависимость отъ одного „уваженія и довѣрія общества" къ избранному имъ вѣщателю правды,—ибо каждый судъ есть прежде всего исполнитель закона; онъ долженъ знать этотъ законъ, для того, чтобы правильно его исполнить; онъ долженъ знать его, хотя бы только для того, чтобы сохранить за собою и на будущее время то уваженіе и довѣріе, которыя были оказаны ему самымъ фактомъ его избранія.

6) мировые судьи избираются безсрочно;

7) предсѣдатель палаты избирается изъ среды себя самими членами палаты;

8) непремѣнный членъ избирается на годъ изъ тѣхъ же лицъ или добавочныхъ мировыхъ судей;

9) палатѣ принадлежитъ непосредственный надзоръ за мировыми судьями. Для осуществленія этого надзора палатѣ присваиваются права:

а) утвержденіе распредѣленія участковъ и очереди между мировыми судьями,

б) право ревизіи дѣлопроизводства участковыхъ мировыхъ судей,

в) право дѣлать мировымъ судьямъ замѣчанія или поставлять имъ на видъ тѣ изъ неправильныхъ ихъ дѣйствій и безпорядковъ, которые будутъ признаны не заслуживающими возбужденія дисциплинарнаго производства. Замѣчанія могутъ дѣлаться и судебными засѣданіями палаты;

г) право налагать на мировыхъ судей дисциплинарное взысканіе съ соблюденіемъ 261—291 ст. учр. суд. уст. Жалобы на опредѣленія приносятся общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ;

10) непосредственный надзоръ за мировыми судьями палаты принадлежитъ палатѣ, дѣла о дисциплинарномъ производствѣ вѣдаются судебной палатой;

11) почетные мировые судьи могутъ принимать участіе какъ въ судебныхъ, такъ и распорядительныхъ засѣданіяхъ палаты.

Отзывъ Н. А. Неклюдова о состояніи мирового суда, современномъ его проекту, суровъ и безпощаденъ, но несомнѣнно грѣшитъ преувеличеніями: нельзя утверждать, что непорядки въ производствѣ дѣлъ были у всѣхъ мировыхъ судей, нельзя говорить, что всѣ сплошь мировые судьи не умѣли и не могли правильно примѣнять и толковать законы, нельзя возводить въ общее правило отдѣльные случаи недостаточности надзора съѣзда за

мировыми судьями — всѣ эти обвиненія были опровергнуты въ отношеніи петроградскаго мирового суда ревизіей сенатора Мордвинова.

Что же касается существа проекта Н. А. Неклюдова, то образованіе апелляціонной инстанціи съ особымъ, постояннымъ составомъ судей, имѣетъ и выгодныя и невыгодныя стороны; первыя подробно указаны въ замѣчаніяхъ петроградскаго столичнаго мирового съѣзда, сообщенныхъ въ 1896 г. въ комиссію по пересмотру судебныхъ уставовъ [1]).

Проектъ О. И. Квиста, такъ и Н. А. Неклюдова постигла одна и та же участь: они оставались не только не осуществленными, но даже нѣтъ слѣдовъ, что ихъ разсматривали и обсуждали. Но отзывы О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова о непорядкахъ въ производствѣ дѣлъ въ петроградскомъ столичномъ мировомъ округѣ послужили основаніемъ къ назначенію ревизіи, которая была поручена сенатору Мордвинову и произведена имъ во второй половинѣ 1877 года; результаты ревизіи оказались въ общемъ благопріятными для съѣзда, но не это обстоятельство послужило причиной неразсмотрѣнія проектовъ, такъ какъ министръ юстиціи, посылая отчетъ о ревизіи 9 августа 1878 г. оберъ-прокурору общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ сената, сообщалъ, что „вопросъ объ образованіи отдѣльной второй инстанціи для столичныхъ мировыхъ установленій уже возбужденъ въ министерствѣ юстиціи и получилъ дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ“ [2]), и надо полагать, что министерство только впослѣдствіи оставило мысль о преобразованіи мировыхъ установленій столицы.

Восьмидесятые годы и законъ 12 іюля 1889 г.

Послѣ проектовъ О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова въ дѣлахъ министерства юстиціи вплоть до 1889 г. нѣтъ

[1]) Стр. 344—347 настоящей книги.

[2]) Сен. арх. дѣло 1878 г. № 232; къ этому дѣлу пріобщены проекты О. И. Квиста и Н. А. Неклюдова.

указаній на подготовительныя работы къ реформѣ учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій, зато въ повременной прессѣ и юридическихъ журналахъ на каждомъ шагу встрѣчаются статьи, разбирающія недостатки мирового суда; авторы этихъ статей нападаютъ на всѣ основанія, на которыхъ построили мировой судъ судебные уставы: промахи первой инстанціи приписываются выборному началу назначенія мировыхъ судей, всѣ непорядки происходятъ, по мнѣнію авторовъ, отъ неправильнаго устройства мировыхъ съѣздовъ, состоящихъ изъ судей первой инстанціи, и, уже по одному этому, не обладающихъ ни достаточными знаніями, ни авторитетомъ и безпристрастіемъ для исправленія ошибокъ первой инстанціи и надзора за мировыми судьями.

И. П. Закревскій, бывшій петроградскій столичный мировой судья, писалъ въ 1882 г. [1]): „мировыя учрежденія во многомъ не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ, въ особенности — мировые съѣзды. Поразительно то невниманіе къ интересамъ тяжущихся, то кумовство и та халатность, которыя встрѣчаются во многихъ выборныхъ съѣздахъ. Съѣзды изъ судей не избранныхъ, а назначенныхъ отъ правительства, сдерживаются, по крайней мѣрѣ, страхомъ предъ начальствомъ, предъ ревизорами, предъ прокурорскимъ надзоромъ, у котораго всегда въ рукахъ донесеніе „въ порядкѣ подчиненности“; если не совѣсти, то страха ради, члены этихъ невыборныхъ съѣздовъ подавляютъ въ себѣ проявленія русской натуры, воспитанной на произволѣ и неуваженіи къ обществу“.

И. П. Закревскій полагаетъ, что лучше было бы вовсе упразднить мировые съѣзды, передавъ дѣла, имъ подвѣдомыя, въ окружные суды; но такъ какъ это средство для улучшенія мѣстной юстиціи повлекло бы за собою съ увеличеніемъ числа окружныхъ судовъ и ихъ личнаго состава и увеличеніе государственныхъ расхо-

[1]) Журн. гражд. и угол. пр. 1882 г. № 2.

довъ, то И. П. Закревскій совѣтуетъ въ выборныхъ съѣздахъ назначать предсѣдателей отъ правительства; такой предсѣдатель, независимся отъ мѣстнаго общества и отъ мировыхъ судей, содѣйствовалъ бы правильному надзору за ними, вносилъ бы въ дѣло элементъ самостоятельности и извѣстный запасъ юридическихъ знаній, столь необходимыхъ въ учрежденіи, постановляющемъ рѣшенія и приговоры, неподлежащіе апелляціи. Указавъ же на недостатки выборнаго начала—на вліяніе на исходъ выборовъ мѣстныхъ тузовъ и воротилъ, а иногда кабатчиковъ, трактирщиковъ и кулаковъ и, въ видѣ примѣра, ссылаясь на петроградскую городскую думу, въ которой трактирный элементъ среди избирателей вредно отзывался на личномъ составѣ мировыхъ судей, И. П. Закревскій заявляетъ, что онъ вовсе не посягаетъ на выборное начало, но не потому, что считаетъ его особенно благотворнымъ для замѣщенія судейскихъ должностей, а потому, „что изъ двухъ золъ—назначенія земскимъ собраніемъ или назначенія канцеляріею министерства юстиціи—онъ предпочитаетъ меньшее: земскіе дѣятели, избравъ, подъ вліяніемъ разныхъ уѣздныхъ страстишекъ, мелкихъ и гадкихъ, негоднаго человѣка въ должность мирового судьи, сами испытываютъ на себѣ послѣдствія своего дѣйствія; рождается потребность исправить зло; канцеляріи же министерствъ сами иногда не знаютъ, что̀ творятъ, и не чувствуютъ потомъ на себѣ, что сотворили дурно“.

М. В. Красовскій, состоявшій впослѣдствіи петроградскимъ столичнымъ почетнымъ мировымъ судьею, въ рефератѣ, прочитанномъ въ юридическомъ обществѣ въ октябрѣ 1884 г., утверждаетъ, что во всѣхъ слояхъ общества слышатся жалобы и сѣтованія, что мировой судъ не оправдалъ надеждъ на него возлагавшихся: крестьяне жалуются, что мировые судьи судятъ неправильно, „страха въ судѣ не стало“, землевладѣльцы—что новый судъ распустилъ народъ, колеблетъ уваженіе къ власти, къ чужой собственности, частые случаи оправ-

данія усиливаютъ распущенность и затрудняютъ веденіе хозяйства, промышленники и торговцы—что мировой судъ не ограждаетъ ихъ интересовъ и, наконецъ, представители администраціи—что судъ парализуетъ дѣйствія полиціи.

Казалось бы, что послѣ такой оцѣнки дѣятельности мирового суда ничего другого не остается, какъ предложить его полное упраздненіе, но М. В. Красовскій находитъ достаточнымъ ввести въ мировой институтъ только нѣкоторыя, хотя и существенныя, измѣненія: онъ предлагаетъ оставить единоличнаго выборнаго судью, понижая даже требованія въ имущественномъ цензѣ и удлинняя избирательный срокъ до 6 лѣтъ, но ограничивая его власть дѣлами, не влекущими тюремнаго заключенія; дѣла же этого рода передаются въ вѣдѣніе особаго уѣзднаго присутствія, составленнаго изъ мировыхъ судей и членовъ окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ короннаго предсѣдателя; присутствіе это, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и апелляціонная инстанція для рѣшеній, постановляемыхъ мировыми судьями единолично, а апелляціонной инстанціей для присутствія является окружный судъ.

Вотъ наиболѣе обратившіе на себя вниманіе проекты преобразованій мирового суда; оба они разобраны и подвергнуты жестокой критикѣ К. Д. Анцыферовымъ въ статьѣ „Къ вопросу о реформѣ нашего мирового суда“ [1]). К. Д. Анцыферовъ не былъ одинокъ въ своемъ заступничествѣ за мировой судъ: въ замѣткѣ „мировой судъ въ Петербургѣ“ [2]) В. М. Володимировъ подробно описываетъ устройство и порядки петроградскаго мирового съѣзда, давая даже его краткій историческій очеркъ и находя, что „несомнѣнныя достоинства и неотразимыя заслуги выборнаго мирового суда выражаются съ особой наглядностью и яркостью въ дѣятельности такого громаднаго учрежденія, какимъ представляется с.-петербургскій столичный мировой округъ“; успѣшную дѣятельность мирового суда авторъ приписываетъ заслугамъ личнаго состава мировыхъ судей, заботливому отношенію къ выборамъ городского управленія и той чуткости, которую послѣднее проявляетъ въ отношеніи нуждъ мирового суда, благодаря чему „столичный мировой судъ сразу занялъ положеніе образцоваго суда въ Россіи; онъ сохранилъ его и въ настоящее время, и, безъ сомнѣнія, удержитъ его за собою и въ будущемъ“.

[1]) Журн. гражд. и угол. пр. 1885 г. № 2.
[2]) Тамъ же 1884 г. № 5.

Но проекты И. П. Закревскаго и М. В. Красовскаго по своей цѣли не имѣли, конечно, ничего общаго съ тѣми нападками, которымъ въ восьмидесятыхъ годахъ подвергались не одни мировые судьи; и судъ присяжныхъ, и адвокатура, и вообще все устройство суда по судебнымъ уставамъ стало предметомъ злой и пристрастной критики [1]); несомнѣнно, что въ этихъ нападкахъ выражалось мнѣніе части общества, стремившейся свести на нѣтъ одну изъ лучшихъ реформъ царствованія императора Александра II, и, слѣдовательно, достигнуть не столько улучшенія судопроизводства, сколько добиться осуществленія политическихъ вожделѣній и идеаловъ.

При такомъ настроеніи части общества становится понятной та оцѣнка дѣятельности мировыхъ судей, которую далъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ объяснительной запискѣ къ „положенію о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съѣздахъ сихъ начальниковъ и о губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствіяхъ“ [2]): „съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости добровольные договоры и сдѣлки потребовали охраны судебной власти. Судебная реформа не оправдала возлагавшихся на нее въ указанномъ отношеніи ожиданій. Низшіе органы юстиціи—мировые судьи, будучи учрежденіемъ чисто судебнымъ, обязанные соблюдать въ

[1]) Сводъ такихъ нападокъ въ статьяхъ: „Судебныя доктрины 1861—1864 г. на практикѣ“ В. Я. Фукса—Русскій Вѣстникъ 1887 г. №№ 1 и 2.
[2]) Арх. гос. сов. дѣла 1888 и 1889 г. №№ 95 и 44—отношеніе министра внутр. дѣлъ къ государств. секретарю 23 февраля 1887 г.

своемъ производствѣ всѣ сложные обряды установленнаго для нихъ процессуальнаго порядка и руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ почти исключительно опредѣленіями писаннаго формальнаго права, оказались безсильными для огражденій законныхъ интересовъ населенія, основанныхъ на огромномъ большинствѣ совершаемыхъ въ сельской средѣ неформальныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что несоотвѣтствіе существующаго порядка судебнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія мелкихъ споровъ и тяжбъ очевиднымъ насущнымъ въ этомъ дѣлѣ потребностямъ народа составляетъ одну изъ главныхъ причинъ установившихся ненормальныхъ отношеній между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами, а затѣмъ и крайне неудовлетворительнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства". Какъ выходъ изъ такого безотраднаго положенія предлагалось учрежденіе земскихъ начальниковъ съ обширной дискреціонной властью, „въ примѣненіи которой они должны сообразоваться не столько съ предписаніемъ строгаго права, сколько съ указаніями здраваго смысла, мѣстными обычаями и требованіями нравственной справедливости".

Предположенія министра внутреннихъ дѣлъ осуществились и при томъ въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ это можно было первоначально ожидать, въ законѣ 12 іюля 1889 г.

Этотъ законъ уничтожилъ выборныхъ мировыхъ судей повсемѣстно за исключеніемъ столицъ и нѣсколькихъ большихъ городовъ; казалось бы, что выборный мировой институтъ, просуществовавшій около четверти вѣка, имѣвшій за собою несомнѣнныя заслуги предъ обществомъ, признававшіяся какъ государственными, такъ и общественными дѣятелями, не могъ исчезнуть, когда возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ его существованіи безъ подробной оцѣнки и разсмотрѣнія хорошихъ и дурныхъ его сторонъ, его достоинствъ и недостатковъ, и поэтому, повидимому, не должно возникнуть сомнѣнія,

что въ журналахъ государственнаго совѣта находится обширный матеріалъ, обрисовывающій и характеризующій дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей и выясняющій причины, послужившія къ ихъ уничтоженію, и, что̀ наиболѣе интересно для настоящаго труда, основанія, по которымъ было признано возможнымъ сохранить выборный мировой судъ въ Петроградѣ; но такія ожиданія не оправдываются: ни одного слова порицанія, ни одного слова похвалы по отношенію къ мировымъ судебнымъ установленіямъ не было произнесено, когда государственный совѣтъ обсуждалъ положеніе о земскихъ начальникахъ.

Объясненіе такого поражающаго на первый взглядъ обстоятельства заключается въ томъ измѣненіи существа проекта положенія о земскихъ начальникахъ, которое проектъ получилъ волею императора Александра III послѣ перваго обсужденія въ государственномъ совѣтѣ [1]): „положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съѣздахъ сихъ начальниковъ и о губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствіяхъ", которымъ вовсе не затрагивался вопросъ объ упраздненіи мировыхъ судебныхъ установленій, разсматривалось въ декабрѣ 1888 г. въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ дѣлъ; при обсужденіи былъ выдвинутъ, какъ коренной, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ основу предпринимаемаго преобразованія положить то начало, что земскіе начальники должны быть органами, вѣдающими крестьянское управленіе, или же присвоить имъ значеніе обще-административнаго учрежденія съ введеніемъ его въ общій строй мѣстныхъ правительствующихъ установленій; къ первому мнѣнію примкнули 7 членовъ, а 18 поддерживали второе. Въ январѣ 1889 г. оба мнѣнія были внесены на обсужденіе общаго собранія департаментовъ государственнаго совѣта, гдѣ разномысліе повто-

[1]) Изложено по подлинному дѣлу № 95 — 1888 г. и № 44 — 1889 г. Арх. госуд. сов. о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій.

рилось: 13 членовъ согласились съ мнѣніемъ меньшинства, 39 признавали правильнымъ мнѣніе большинства. Оба мнѣнія въ меморіи общаго собранія были повергнуты на высочайшее благоусмотрѣніе, и 28 января 1889 г. императоръ Александръ III начерталъ: „соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжести платежей. Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій".

Такъ совершенно неожиданно было предрѣшено уничтоженіе мировыхъ судебныхъ установленій, что вовсе и не предполагалось проектомъ министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи должностей земскихъ начальниковъ; очевидно, что достиженіе цѣли, указанной въ этомъ проектѣ—„устранить причины безурядицы въ крестьянской средѣ" представлялось настолько важнымъ и осуществимымъ посредствомъ „учрежденія особыхъ органовъ управленія, которые сосредоточивали бы въ своемъ вѣдѣніи всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія и были бы снабжены необходимыми полномочіями для огражденія порядка и спокойствія", что всякая помѣха этому должна была быть устранена. Во исполненіе высочайшей воли 1 февраля было предоставлено соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ обсужденіе измѣненій, которыя должны были послѣдовать въ существовавшемъ порядкѣ судоустройства и судопроизводства. 13 мая 1889 г. въ государственный совѣтъ уже былъ внесенъ министромъ юстиціи Манасеинымъ проектъ объ устройствѣ судебной части, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ; по проекту — участковые и добавочные мировые судьи въ

уѣздахъ и небольшихъ городскихъ поселеніяхъ упразднялись, судебныя ихъ обязанности переносились на земскихъ начальниковъ и судебныхъ слѣдователей (болѣе важныя уголовныя и гражданскія дѣла); апелляціонной инстанціей для дѣлъ, разрѣшаемыхъ земскими начальниками, должны были служить съѣзды земскихъ начальниковъ и кассаціонной—губернскія по сельскимъ дѣламъ присутствія; въ крупныхъ городахъ судебная власть оставлялась у мировыхъ судей, но не выборныхъ, а по назначенію отъ правительства, второй инстанціей для которыхъ, какъ и для судебныхъ слѣдователей, должны были быть уѣздныя отдѣленія окружныхъ судовъ, подчиненныя въ кассаціонномъ порядкѣ правительствующему сенату.

Замѣняя выборныхъ мировыхъ судей въ городахъ мировыми судьями по назначенію и выходя въ этомъ изъ предѣловъ, указанныхъ въ высочайшей резолюціи 28 января, министръ юстиціи въ объяснительной запискѣ изложилъ, что „если въ пользу замѣщенія должности участковыхъ мировыхъ судей при участіи въ той или другой степени представительства мѣстнаго населенія и могутъ быть приведены доводы, не лишенные серьезнаго практическаго соображенія, то всѣ они касаются главнѣйшимъ образомъ сельскихъ мѣстностей, гдѣ, безъ сомнѣнія, весьма желательно, чтобы судьями по маловажнымъ дѣламъ являлись люди мѣстные, матеріально обезпеченные, извѣстные среди населенія и знакомые съ его обычаями. Въ городахъ же по самому свойству возникающихъ тамъ дѣлъ и по характеру населенія, указанныя условія для занятія судейской должности не только не могутъ имѣть того значенія, какъ въ уѣздахъ, а, напротивъ того, мировой судья долженъ быть предпочтительно опытнымъ и свѣдущимъ юристомъ. Выборъ такихъ лицъ, конечно, съ наибольшимъ успѣхомъ могъ бы быть произведенъ лишь министерствомъ юстиціи, а, не представителями мѣстнаго общества".

Проектъ министра юстиціи разсматривался въ восьми

засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта [1]); государственный совѣтъ, отмѣтивъ, что проектъ предлагаетъ такія измѣненія, которымъ нельзя не сочувствовать, какъ, во-первыхъ, улучшеніе правосудія отъ того, что въ уѣздѣ явится представитель коронной судебной власти, который будетъ служить посредствующимъ звеномъ между общими судебными учрежденіями и мѣстной юстиціей и, во-вторыхъ, сохраненіе не только участковыхъ мировыхъ судей, но и почетныхъ въ городахъ и уѣздахъ, такъ какъ почетные мировые судьи составляютъ вполнѣ надежный элементъ въ нашемъ судоустройствѣ, притомъ элементъ ничего не стоющій ни правительству, ни земству, нашелъ, что проектъ имѣетъ и слабыя стороны, вполнѣ понятныя при той поспѣшности, съ которой разрабатывался вопросъ; недостатки государственный совѣтъ усмотрѣлъ въ сложности проектируемаго судоустройства, образующейся отъ чрезвычайнаго разнообразія органовъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ: такъ, мировые судьи, судебные слѣдователи и земскіе начальники будутъ вѣдать одни и тѣ же иски, разсматривать тѣ же уголовныя дѣла въ зависимости отъ того, совершенъ ли проступокъ или проживаетъ ли отвѣтчикъ въ крупномъ городѣ или уѣздномъ, и, наконецъ, внѣ городского поселенія; при столь различномъ направленіи однихъ и тѣхъ же дѣлъ, замѣчаетъ государственный совѣтъ, не будетъ никакого единства въ ходѣ правосудія, установятся различные взгляды и разнообразная практика; народъ не будетъ понимать, почему одни и тѣ же дѣла вызываютъ различные пріемы и влекутъ за собою неодинаковыя послѣдствія; соображенія эти привели государственный совѣтъ къ мысли расширить судебную компетенцію земскихъ начальниковъ, сдѣлать такъ, чтобы мировые судьи и земскіе начальники близко подходили бы одинъ къ другому, имѣли бы ту же подсудность, разрѣшали бы дѣла однообразно и были бы

[1]) 22, 25, 27 и 30 мая и 1, 2, 8 и 10 іюня.

объединены одной стоящей надъ ними общей инстанціей; предположенія эти и были осуществлены еще въ болѣе короткое время, чѣмъ министръ юстиціи изготовилъ свой проектъ, учрежденіемъ городскихъ, а уже не мировыхъ, судей, уѣздныхъ съѣздовъ и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ; интересно отмѣтить, что прообразъ уѣзднаго члена—это предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія окружнаго суда, предполагавшагося министромъ юстиціи въ качествѣ апелляціонной инстанціи, обратившійся при переработкѣ проекта въ единоличнаго судью первой инстанціи потому, что по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта въ большинствѣ уѣздовъ не удалось бы составить присутствій, такъ какъ во многихъ городахъ всего по одному городскому судьѣ.

Но какъ же быть со столицами и большими городами, въ которыхъ имѣлись особые городскіе съѣзды? Очевидно, что въ такихъ мѣстностяхъ невозможно ввести апелляціонныя инстанціи по образцу уѣздныхъ съѣздовъ, и было необходимо создать что-нибудь другое, соотвѣтствующее или замѣняющее съѣзды мировыхъ судей, но время не терпѣло, такъ какъ срокъ, назначенный государемъ для изготовленія законопроекта, приближался, и государственный совѣтъ рѣшилъ „не усматривая необходимости въ измѣненіи этого устройства, обусловленнаго многочисленностью населенія и другими особенными условіями городскихъ центровъ, признать правильнымъ оставить судебно-мировыя учрежденія въ поименованныхъ городахъ (столицахъ и Одессѣ) на существующихъ основаніяхъ“.

Исторія закона 12 іюля 1889 г. изложена здѣсь съ подробностями, можетъ быть и излишними для задачи настоящаго труда, съ цѣлью разсѣять заблужденіе въ томъ, что уцѣлѣвшіе при реформѣ 12 іюля 1889 г. съѣзды мировыхъ судей въ столицахъ и нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ сохранены благодаря признанію государственнымъ совѣтомъ дѣятельности ихъ на службѣ правосудію, если уже не благотворной, то, по крайней мѣрѣ, удовле-

творительной; такого признанія вовсе не было и, судя по тому, что проектъ министра юстиціи, предлагавшій уничтоженіе выборныхъ судей въ столицахъ и большихъ городахъ, не встрѣтилъ принципіальныхъ возраженій со стороны членовъ государственнаго совѣта, слѣдуетъ думать, что если бы не краткость срока для изготовленія законопроекта, то 12 іюля 1889 г. выборные мировые судьи были бы упразднены не только въ уѣздахъ, какъ это пожелалъ государь, но и въ тѣхъ городахъ, гдѣ они остались этимъ закономъ не тронутыми.

Итакъ, въ 1889 г. только чисто случайныя причины могли спасти отъ упраздненія выборныя мировыя установленія въ столицахъ.

Высочайше учрежденная 7-го апрѣля 1894 года комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части.

Пять лѣтъ спустя послѣ реформы 12-го іюля 1889 года, уничтожившей учрежденіе выборныхъ мировыхъ судей во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ за исключеніемъ столицъ и нѣкоторыхъ большихъ городовъ, такую же участь готовила и петроградскому столичному мировому съѣзду высочайше утвержденная 7 апрѣля 1894 года комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части. Проекты комиссіи, правда, не получили законодательнаго утвержденія [1]), но вызвали большой интересъ въ обществѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ появленіе многочисленныхъ статей, посвященныхъ предполагаемой реформѣ, не только въ юридическихъ журналахъ, но и въ общихъ повременныхъ изданіяхъ; рѣшеніе комиссіи уничтожить

[1]) Труды комиссіи внесены были въ концѣ 1904 г. въ государственный совѣтъ, въ составѣ котораго для разсмотрѣнія ихъ было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина. Работа совѣщанія не была еще окончена, какъ по высочайшему повелѣнію 23 сентября 1905 г. дѣло это было возвращено въ министерство юстиціи для дальнѣйшаго направленія во вновь установленномъ съ учрежденіемъ государственной думы порядкѣ разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній (докл. ос. ком. гос. сов. по законопр. о преобр. мѣст. суда, стр. 3).

остатки выборнаго мирового института и исключить даже наименованіе „мировой“ судья изъ учрежденія судебныхъ установленій, указаніе въ трудахъ комиссіи на дѣятельность петроградскаго столичнаго мирового съѣзда, выступленіе петроградской городской думы съ ходатайствомъ о сохраненіи мирового суда, заставляютъ съ особымъ интересомъ остановиться на соотвѣтствующихъ частяхъ трудовъ комиссіи.

Комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части—такъ она оффиціально именовалась — была образована по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ юстиціи Н. В. Муравьева, удостоившемуся 7-го апрѣля 1894 г. высочайшаго утвержденія и собственноручнаго начертанія императора Александра III: „Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ судебныхъ уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи.—Итакъ съ Божіею помощью начинайте эту трудную работу“ [1]).

Докладъ, заслужившій такъ безпощадно осуждавшую дѣятельность судебныхъ установленій высочайшую резолюцію, начинался съ указанія, что несовершенства дѣйствующихъ у насъ судебныхъ порядковъ сознаются одинаково и правительствомъ и обществомъ, почему и необходимость ихъ исправленія представляется вполнѣ безспорною. Главной причиной несовершенства судебныхъ порядковъ авторъ доклада считалъ несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ началъ реформы 20 ноября 1864 года особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта, давъ такую оцѣнку судебнымъ уставамъ:

„Основою нынѣшней организаціи судебныхъ учрежденій является судебная реформа 20 ноября 1864 года. Каковы бы ни были ея несовершенства, она представлялась, въ свое время, безусловно настоятельною. Съ освобожденіемъ крестьянъ и съ осуществленіемъ другихъ крупныхъ преобразованій начала шестидесятыхъ

[1]) Объясн. зап. къ проекту нов. редакціи учр. суд. уст., I т., стр. 65.

годовъ, сохранить въ силѣ дѣйствовавшіе въ то время крайне неблагопріятные судебные порядки было немыслимо. Коренное измѣненіе ихъ было неизбѣжно, какъ необходимое звено въ цѣпи другихъ нововведеній. Старый судъ въ своемъ устройствѣ и дѣятельности страдалъ такими вопіющими и общепризнанными недостатками, которые почти уничтожали значеніе правосудія и подрывали всякое къ нему довѣріе. И нельзя отвергать, что судебные уставы дѣйствительно внесли немаловажныя улучшенія въ нашъ судебный строй, въ смыслѣ сокращенія числа судебныхъ инстанцій, устраненія чрезмѣрной письменности, волокиты и злоупотребленій канцелярій, поднятія нравственнаго и умственнаго уровня судебныхъ дѣятелей, отмѣны формальныхъ доказательствъ, бо̀льшаго огражденія правъ личности и т. п. Въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ практическихъ улучшеніяхъ судебнаго дѣла заключается положительная заслуга реформы 1864 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ реформа эта имѣла и отрицательную сторону, а именно: несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта. Господствовавшее въ то время общее увлеченіе теоретическими построеніями и западно-европейскими образцами не осталось безъ вліянія и на составителей судебныхъ уставовъ. Благодаря этому вліянію, Россія получила весьма стройный процессуальный кодексъ, вполнѣ пригодный для дѣйствія въ любомъ государствѣ Западной Европы, но недостаточно приспособленный къ условіямъ нашего отечества съ его историческимъ складомъ, огромными пространствами и сравнительно рѣдкимъ разноплеменнымъ населеніемъ, стоящимъ на далеко не одинаковой степени развитія. Несмотря, однако, на эти условія, у насъ явился дотолѣ неизвѣстный судъ присяжныхъ, установленъ принципъ кассаціоннаго производства, съ его непонятнымъ народу формальнымъ воззрѣніемъ на задачи высшаго суда, строго узаконено состязательное начало для разбирательства дѣлъ гражданскихъ, образовано особое сословіе адво-

катовъ и т. п. Позволительно полагать, что въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ практическое значеніе указанныхъ нововведеній было не вполнѣ ясно даже и для самихъ правительственныхъ сферъ. Но по мѣрѣ соприкосновенія реформы съ жизнью разладъ между новымъ закономъ и требованіями дѣйствительности сталъ обнаруживаться все съ большею и большею очевидностью. Опытъ примѣненія судебныхъ уставовъ выяснилъ вскорѣ, что многіе изъ перенесенныхъ къ намъ процессуальныхъ началъ и пріемовъ вовсе не отвѣчаютъ нашимъ нуждамъ и потребностямъ, а другіе требуютъ серьезной переработки и согласованія съ условіями нашего быта“ [1]). Попытки исправить недостатки судебныхъ уставовъ путемъ частичныхъ и разрозненныхъ поправокъ, указывается дальше въ докладѣ, привели къ отрицательнымъ результатамъ, „что̀ наглядно свидѣтельствуетъ, что судебный строй требуетъ коренного усовершенствованія не только въ подробностяхъ, но и во многихъ своихъ основаніяхъ и общей постановкѣ. Въ виду такого удостовѣренія опыта, правительству не остается въ настоящее время иного исхода, какъ приступить къ полному и систематическому пересмотру дѣйствующей у насъ судебной организаціи, въ связи съ тѣми измѣненіями и исправленіями, которыя внесены уже въ нее, а также и съ тѣми, необходимость коихъ выяснилась уже на дѣлѣ, но еще не вызвала соотвѣтствующихъ мѣръ. Только путемъ такого пересмотра возможно достигнуть серьезнаго улучшенія нашего правосудія и привести его въ надлежащее соотвѣтствіе съ современными потребностями государственнаго управленія и нуждами населенія. Предлагаемый путь отнюдь не связанъ съ мыслью о коренной ломкѣ нашихъ судебныхъ порядковъ во что бы то ни стало. Проектируемый пересмотръ долженъ имѣть характеръ трезвой и разумной провѣрки существующаго, съ сохраненіемъ всего того, что̀ доказало на практикѣ

[1]) Тамъ же, стр. 66 и 67.

свою пригодность, но зато и съ рѣшительнымъ исправленіемъ и устраненіемъ всего, чего не оправдала жизнь“ [1]).

Комиссія, выполняя намѣченную докладомъ программу, приступила къ занятіямъ 30 апрѣля 1894 года и проработала пять лѣтъ, составивъ къ веснѣ 1899 года проекты учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ съ объяснительными записками.

При разсмотрѣніи проектовъ комиссіи мы ограничимся, конечно, приведеніемъ соображеній комиссіи, касающихся устройства органовъ мѣстной юстиціи, которые должны были замѣнить мировыхъ судей и ихъ съѣзды.

По предположеніямъ комиссіи мѣстная юстиція получала слѣдующее устройство:

Въ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ округа окружнаго суда учреждались участковые судьи, назначавшіеся отъ правительства, вѣдавшіе всѣ дѣла мѣстной юстиціи: гражданскія при цѣнѣ иска до 1.000 руб. и уголовныя—не влекущія за собою наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, и сосредоточивавшіе, сверхъ того, въ своихъ рукахъ производство предварительныхъ слѣдствій, нѣкоторыя нотаріальныя обязанности, а также большинство дѣлъ охранительныхъ. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи надъ участковыми судьями образовывались уѣздныя и городскія отдѣленія окружнаго суда, состоявшія подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ и городскихъ членовъ окружнаго суда, изъ мѣстныхъ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей. Наконецъ, кассаціонною инстанціею по дѣламъ участковой подсудности являлась судебная палата [2]).

Стройность выработанной комиссіей системы судоустройства была только кажущаяся, такъ какъ судебная власть оставалась на-ряду съ участковыми судьями и у

[1]) Тамъ же, стр. 69.
[2]) Тамъ же, стр. 59, т. I.

земскихъ начальниковъ; комиссія даже не затронула вопроса о цѣлесообразности существованія самостоятельной судебной организаціи, которую представляли собою земскіе начальники, на томъ лишь основаніи, „что въ кругъ задачъ комиссіи не входитъ пересмотръ закона 12 іюля 1889 года, касающагося, главнымъ образомъ, установленій министерства внутреннихъ дѣлъ“ [1]), отказавшись, такимъ образомъ, отъ разрѣшенія ею же самой поставленной задачи—„установить общій типъ судебной организаціи, примѣняемый на пространствѣ всей государственной территоріи“ [2]).

Не сдѣлавъ даже попытки изъять судебную власть изъ рукъ административныхъ органовъ и нарушивъ этимъ въ корнѣ стройность системы предположеннаго судоустройства, комиссія не сочла возможнымъ отступить въ меньшемъ отъ своего плана—организаціи мѣстной юстиціи по отношенію къ выборнымъ мировымъ судьямъ, сохранивъ мировые съѣзды, уцѣлѣвшіе при реформѣ 12 іюля 1889 года, хотя и признала „личный составъ выборныхъ мировыхъ судей, по крайней мѣрѣ, въ обѣихъ столицахъ, удовлетворительнымъ“ и „дѣятельность ихъ въ общемъ вполнѣ успѣшною“ [3]).

Несомнѣнно, что комиссія въ этомъ случаѣ не соблюла принятаго ею при пересмотрѣ правила „сохранить все то, что̀ доказало на практикѣ свою пригодность“ [4]), оправдываясь соображеніями принципіальнаго характера. Выборный порядокъ замѣщенія должностей мировыхъ судей, по мнѣнію комиссіи, которое нельзя не раздѣлить, не даетъ возможности правительству вліять надлежащимъ образомъ на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства, представителемъ котораго является правительство, при-

[1]) Тамъ же, стр. 15, т. II.
[2]) Тамъ же, стр. 14, т. I.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 266 и 271.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 69.

званное завѣдывать дѣлами правосудія и отвѣтственное за успѣшное его отправленіе [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ, неподдающіеся вліянію правительства выборные мировые судьи, по удостовѣренію комиссіи, лишены такой независимости, которая требуется отъ судьи и дозволяетъ ему руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ только закономъ и чувствомъ справедливости: продолжительная практика института выборныхъ мировыхъ судей показала, что судья, занимающій свою должность по общественному избранію на опредѣленный срокъ, при неизбѣжной въ каждой мѣстности борьбѣ партій и интересовъ, не можетъ не сознавать своей зависимости отъ партіи его избравшей, а такая зависимость несомнѣнно составляетъ весьма существенное препятствіе для вполнѣ безпристрастнаго отправленія правосудія [2]); затѣмъ комиссія напоминаетъ, что при учрежденіи мировыхъ судей было признано желательнымъ, чтобы судьями по дѣламъ маловажнымъ являлись люди, пользующіеся особымъ довѣріемъ мѣстнаго общества, извѣстные среди населенія, знакомые съ его обычаями; очевидно, что такое пожеланіе неисполнимо въ большихъ городахъ, гдѣ при многочисленности населенія трудно, даже невозможно ожидать, чтобы избираемые въ судьи были лично извѣстны всѣмъ обывателямъ города и пользовались ихъ довѣріемъ; самыя условія жизни большихъ городовъ создаютъ особый характеръ, чрезвычайное разнообразіе и большую сложность возникающихъ въ нихъ дѣлъ; поэтому лица, назначаемыя судьями въ эти города, должны, помимо высшаго юридическаго образованія, и по своей предшествующей подготовкѣ обладать необходимою опытностью и служебными познаніями; выборъ такихъ лицъ не можетъ, конечно, не представлять для городского общественнаго управленія, вѣдающаго исключительно вопросы городского хозяйства и едва-ли компетентнаго для оцѣнки служебныхъ достоинствъ кандидатовъ, желающихъ получить назначеніе на должность мирового судьи, самыхъ существенныхъ затрудненій; если тѣмъ не менѣе личный составъ выборныхъ мировыхъ судей, по крайней мѣрѣ, въ обѣихъ столицахъ, представляется и удовлетворительнымъ, а дѣятельность ихъ успѣшною, то это обстоятельство должно найти себѣ объясненіе единственно въ той заботливости, которую означенные города прилагали для того, чтобы поставить мировыя судебныя установленія въ возможно благопріятныя, съ матеріальной стороны, условія, не останавливаясь въ семъ отношеніи передъ затратою весьма крупныхъ суммъ [1]).

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 54.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 57.

Не забыла комиссія упомянуть и о недостаточности проявленія надзора за мировыми судьями со стороны съѣздовъ: опытъ дѣятельности мировыхъ съѣздовъ показалъ, говоритъ комиссія, что главные ихъ недостатки обусловливались свойствами товарищескаго суда, такъ какъ ближайшій надзоръ за мировыми судьями былъ порученъ ихъ съѣздамъ, являющимся для первыхъ ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ судей-товарищей; этотъ товарищескій судъ былъ не въ состояніи поддержать среди мировыхъ судей необходимую служебную дисциплину и въ отношеніи надзора за ними проявилъ вполнѣ объяснимую его составомъ, но крайне вредную для дѣла, слабость [2]).

По приведеннымъ соображеніямъ комиссія нашла, что установить въ примѣненіи къ столицамъ и большимъ городамъ какія-либо отступленія отъ того общаго порядка, который признанъ цѣлесообразнымъ для замѣщенія всѣхъ вообще должностей по судебному вѣдомству, не представляется достаточныхъ основаній.

Трудно было ожидать отъ комиссіи иного рѣшенія въ то время, когда у всѣхъ въ памяти была жива высочайшая резолюція 28 января 1889 года на меморіи общаго собранія государственнаго совѣта: „желаю, чтобы миро-

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 268—271.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 18 и 35.

вые судьи въ уѣздахъ были упразднены, для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей"; несомнѣнно, что эти слова императора Александра III истолковывались нѣкоторыми кругами, какъ предуказаніе объ упраздненіи всѣхъ вообще мировыхъ судей, и есть основаніе предполагать, что наименованіе единоличныхъ судей участковыми, а не мировыми, было вызвано вышеприведенной высочайшей резолюціей, такъ какъ не напрасно же комиссія подчеркивала, что „проектируемые единоличные органы судебной власти—ни по порядку и условіямъ ихъ назначенія, ни по кругу вѣдомства, ни по тѣмъ отношеніямъ, въ кои они будутъ поставлены къ другимъ судебнымъ установленіямъ, ни, наконецъ, по будущему характеру ихъ дѣятельности, долженствующей быть чисто судебнымъ, а не мировымъ разбирательствомъ,—не будутъ имѣть рѣшительно ничего общаго съ мировыми учрежденіями" [1]).

Какими бы соображеніями ни руководилась комиссія, вырывая съ корнемъ выборныхъ мировыхъ судей, она не могла уже совсѣмъ не признать заслугъ выборнаго мирового института въ дѣлѣ водворенія въ народѣ началъ права и законности за все время его существованія [2]), и среди комиссіи нашлись судебные дѣятели, которые громко и открыто возражали противъ уничтоженія выборныхъ мировыхъ судей: А. Ѳ. Кони и И. П. Закревскій остались по этому вопросу при особомъ мнѣніи.

„Принимая во вниманіе, писалъ А. Ѳ. Кони, что несмотря на упраздненіе выборныхъ мировыхъ судей по закону 12 іюля 1889 года и замѣну ихъ участковыми земскими начальниками, таковые судьи были сохранены въ столицахъ, Харьковѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Одессѣ на основаніи соображеній, изложенныхъ при обсужденіи вышеупомянутаго закона въ государственномъ совѣтѣ, и

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 61; представленіе м. ю. въ гос. сов., стр. 20.
[2]) Объясн. зап., т. II, стр. 266.

находя, что такое исключеніе должно быть сохранено и при учрежденіи участковыхъ единоличныхъ судей, я полагалъ бы сохранить и впредь званіе и должность мирового судьи въ вышеупомянутыхъ городахъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ дѣятельность судей и ихъ переизбраніе не могутъ находиться подъ вліяніемъ мелкихъ партійныхъ воздѣйствій, возможность коихъ въ небольшихъ городахъ была однимъ изъ основаній къ возраженіямъ противъ выборнаго начала въ судѣ".

И. П. Закревскій, неоднократно указывавшій въ печати на недостатки выборныхъ мировыхъ судебныхъ учрежденій [1]), и на статьи котораго противники выборнаго мирового института постоянно дѣлали ссылки, находилъ, что „отмѣна выборныхъ мировыхъ судей въ большихъ центрахъ, гдѣ они до сихъ поръ были сохранены, не вызывается необходимостью, ни вѣскими отвлеченными соображеніями, ни требованіями практики. Между прочимъ, упраздненіе петроградскаго столичнаго мирового института, который дѣйствуетъ съ 1866 года съ полнымъ достоинствомъ и съ огромною пользою для мѣстнаго населенія, представлялось бы мѣрою печальною, ничѣмъ, серьезно говоря, не оправдываемою и даже расходящеюся съ основными принципами самой комиссіи, въ которой было заявлено, что ничто, что̀ доказало на дѣлѣ полезность своего существованія, не будетъ уничтожено. Кромѣ того, петроградское столичное городское управленіе обезпечиваетъ содержаніемъ и пенсіями избранныхъ имъ мировыхъ судей, доставляетъ имъ средства для найма удобныхъ помѣщеній для камеръ и канцелярій и дѣйствуетъ при этомъ съ такою щедростью, которую казна не проявитъ безъ особаго обремененія для себя относительно чиновниковъ, имѣющихъ быть назначенными министерствомъ юстиціи на мѣсто выборныхъ мировыхъ судей. Говорилось, что правительствомъ рѣшено покончить съ принципомъ выборнаго суда, но

[1]) Статьи въ журн. угол. и гражд. права за 1882 г. въ № 2 и за 1884 г. въ № 1.

такое заявленіе недостаточно, кажется, обосновано, такъ какъ до настоящаго времени не было оглашено такого правительственнаго акта, въ которомъ подобное намѣреніе положительно высказывалось бы, а отмѣнять почтенное, вполнѣ оправдавшее свое существованіе установленіе, съ которымъ общество сжилось, ради канцелярскаго начала общаго, повсемѣстнаго, безжизненнаго однообразія — едва-ли согласуется съ дѣйствительными потребностями обширнаго государства" [1]).

Въ защиту выборнаго мирового института поднялъ голосъ въ представленныхъ въ дѣлопроизводство комиссіи замѣчаніяхъ по учрежденію судебныхъ установленій [2]) и петроградскій столичный мировой съѣздъ, но, конечно, услышанъ не былъ.

Не могла не вступиться за мировой съѣздъ и петроградская городская дума, положившая столько трудовъ и заботъ къ устроенію мирового суда; въ засѣданіи думы 1 декабря 1899 года городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ, сообщивъ думѣ о предполагавшемся уничтоженіи выборныхъ мировыхъ судей, такъ обрисовалъ дѣятельность мирового съѣзда и отношеніе къ нему обывателей:

„Столичное населеніе успѣло сродниться со своимъ мировымъ судомъ, привыкло цѣнить, уважать и любить этотъ скорый, правый и милостивый судъ, привыкло ежечасно благословлять священную память царя-освободителя, осчастливившаго насъ дарованіемъ намъ этого всѣмъ намъ близкаго, всѣмъ доступнаго суда. За все время своего существованія столичный мировой съѣздъ неизмѣнно стоялъ на высотѣ своего призванія, не только заслуживая любовь и уваженіе обывателей, но также и вполнѣ оправдывая довѣріе, возложенное на него правительствомъ. Достойное, честное и просвѣщенное служеніе своему долгу чиновъ мирового института было, какъ всѣмъ извѣстно, недавно удостоено признанія съ

[1]) Объясн. зап., т. II, прил. 9 и 10.

[2]) Замѣчанія помѣщены въ гл. V, стр. 329—379 (Отчетъ съѣзда за 1897 г.).

высоты престола, такъ какъ столичные мировые судьи, въ числѣ другихъ судебныхъ дѣятелей, были осчастливлены выраженіемъ имъ всемилостивѣйшаго благоволенія нашего августѣйшаго монарха".

По предложенію городского головы дума единогласно постановила возбудить всеподданнѣйшее ходатайство о сохраненіи и на будущее время столичнаго мирового института въ нынѣшней его организаціи на началахъ судебныхъ уставовъ императора Александра II [1]).

Городской голова, по уполномочію думы, обратился къ государю императору съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, главные доводы котораго сводились къ слѣдующему: столичное общественное управленіе, получивъ съ 1866 года право избранія мѣстныхъ судей, неизмѣнно стремилось къ поддержанію выборнаго суда на подобающей ему высотѣ, не жалѣя необходимыхъ для того средствъ. Благодаря такому заботливому отношенію города къ нуждамъ мирового института получается, во-первыхъ, возможность для города выбора лучшихъ и искренно преданныхъ своему дѣлу людей и, во-вторыхъ, продолжительность службы и устойчивость въ личномъ составѣ судей. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ указаній опыта на такое измѣненіе условій жизни, которое вызывало бы уничтоженіе въ Петроградѣ учрежденія, заслуживающаго одобреніе правительства и довѣріе общества. Есть, наоборотъ, полное основаніе опасаться, что если въ Петроградѣ будетъ установленъ порядокъ назначенія судей министромъ юстиціи, то должность эта явится переходною для полученія высшихъ назначеній въ провинцію и, такимъ образомъ, та связь между населеніемъ и судомъ и то довѣріе, которыя крѣпнутъ по мѣрѣ продолжительности службы судей, немедленно были бы нарушены [2]).

Это прошеніе по высочайшему повелѣнію было пере-

[1]) Изв. Гор. Думы за 1899 г. № 12, стр. 2046.

[2]) Сводъ отзывовъ вѣдомствъ по выработаннымъ комиссіею законопроектамъ, стр. 859—861.

дано министру внутреннихъ дѣлъ для соображенія при обсужденіи проекта комиссіи, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ рѣшительно выступилъ за сохраненіе мирового суда въ Петроградѣ.

Въ своемъ отзывѣ на проектъ комиссіи министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ, что предположеніе комиссіи объ упраздненіи мирового суда въ Петроградѣ является прежде всего послѣдствіемъ общаго отрицательнаго ея отношенія къ дѣятельности мирового суда и, въ особенности суда выборнаго; соглашаясь съ общими соображеніями комиссіи о выясненныхъ неудобствахъ выборной системы судей, министръ сомнѣвается, однако, чтобы настоящій вопросъ могъ получить правильное разрѣшеніе исключительно на основаніи теоретическихъ положеній о желательности повсемѣстнаго единообразія судебныхъ порядковъ, такъ какъ интересы дѣйствительной жизни съ ея бытовыми и экономическими особенностями не всегда мирятся съ правильностью прямолинейныхъ построеній. Если же разсматривать обсуждаемый вопросъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, то нельзя не сказать, что мировой судъ въ Петроградѣ находится въ совершенно исключительномъ положеніи: мировые судьи обезпечиваются содержаніемъ примѣрно такимъ же, какое по проекту предположено предоставить лицамъ, занимающимъ видныя должности судебной іерархіи и пенсіями за выслугу 15—25 лѣтъ; такъ же благопріятно разрѣшенъ вопросъ о содержаніи камеръ мировыхъ судей, представляющій, въ виду дороговизны квартиръ въ столицѣ, немаловажное значеніе какъ для самихъ судей, такъ и съ точки зрѣнія удобствъ обращающагося къ нимъ населенія. Будущіе участковые судьи едва-ли будутъ обезпечены въ такой же мѣрѣ, а при такихъ условіяхъ соображеніе городского головы, что, въ случаѣ введенія въ Петроградѣ участковыхъ судей общаго типа, кандидатами на эту должность явятся лица, которыя будутъ смотрѣть на нее только какъ на удобную переходную ступень для дальнѣйшей служебной карьеры,

нельзя не признать заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія. Сама комиссія авторитетно и столь рѣшительно признала достоинства личнаго состава и успѣшность дѣятельности столичнаго мирового суда, что соображенія ея объ уничтоженіи такового, вполнѣ убѣдительныя теоретически, лишаются практическихъ основаній, на почвѣ коихъ только и возможно искать правильнаго разрѣшенія обсужденнаго вопроса. Реформа 12 іюля 1889 года, отмѣнившая во внутреннихъ губерніяхъ самое учрежденіе мировыхъ судей, напоминаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, оставаясь во всѣхъ своихъ начинаніяхъ на этой именно практической и бытовой почвѣ, сохранила, однако, этотъ судъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ.

Въ виду приведенныхъ соображеній министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что и при настоящихъ условіяхъ едва-ли предстоитъ необходимость, безъ особыхъ фактическихъ причинъ, лишать населеніе Петрограда уже дарованнаго ему права избранія мѣстныхъ судей и тѣмъ подвергать испытанію прочно укрѣпившееся и первостепенное по своей важности дѣло обезпеченія правосудія, порядка и общественной безопасности въ столицѣ имперіи. Такое рѣшеніе было бы возможно только при полной увѣренности въ успѣхѣ начинанія, для которой въ трудахъ комиссіи не приведено, однако, положительныхъ данныхъ. А, между тѣмъ, всякое пониженіе уровня столичнаго мѣстнаго суда и даже обстановки, въ какой онъ совершается, весьма нежелательно и можетъ повести къ сомнѣніямъ населенія въ цѣлесообразности не только разсматриваемаго предположенія комиссіи, но и самыхъ основаній предпринятаго ею преобразованія [1]).

Министръ юстиціи не нашелъ новыхъ доводовъ въ защиту проекта, кромѣ приведенныхъ въ объяснительной запискѣ, и въ представленіи своемъ въ государственный

[1]) Тамъ же, стр. 861—865.

совѣтъ [1]) вновь повторилъ ихъ въ видѣ возраженій на отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ; подтвердивъ благіе и въ общемъ удовлетворительные результаты дѣятельности столичнаго мирового института, министръ юстиціи указалъ на обособленность устройства мировыхъ учрежденій отъ общихъ, что̀ должно быть признано отрицательною стороною организаціи, и къ сохраненію ея на будущее время не представлялось бы достаточныхъ основаній уже потому, что комиссіей предположено на всемъ пространствѣ имперіи установить объединеніе всѣхъ органовъ суда въ одной іерархіи учрежденій, подчиненныхъ однороднымъ правиламъ дѣятельности.

Предположеніе комиссіи уничтожить выборный мировой институтъ не встрѣтило сочувствія и въ печати, и большинство періодическихъ изданій отрицательно отнеслись къ проекту комиссіи о преобразованіи судоустройства; печать указывала, что отказъ комиссіи пересмотрѣть законъ о судебно-административныхъ органахъ дѣлалъ неосуществимымъ объединеніе судебнаго строя, и, такимъ образомъ, главная задача комиссіи остается неразрѣшенною; въ статьяхъ напоминалось о довѣріи и симпатіи, которыя такъ быстро завоевали мировые судьи, и высказывалось сожалѣніе по поводу предполагаемаго окончательнаго уничтоженія мирового института, сослужившаго великую службу государству и обществу водвореніемъ началъ законности и справедливости [2]).

Заканчивая на этомъ обзоръ трудовъ комиссіи, такъ какъ въ нихъ нѣтъ болѣе упоминаній о петроградскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ, и напомнивъ, что проектъ комиссіи о преобразованіи судоустройства и судопроизводства не получилъ законодательнаго утвержденія, нельзя не признать, что, несмотря на отрицательное отношеніе комиссіи къ выборному мировому институту, она не-

[1]) Стр. 49—51.

[2]) Свѣтъ №№ 104, 105, 106 и 108 за 1900 г., Русскія Вѣдомости № 118 за 1900 г., Судебная Газета №№ 28, 29 и 30 за 1900 г., № 15 за 1901 г., Русская Мысль № 10 за 1902 г., Кіевлянинъ № 219 за 1900 г., Новое Время № 8914 за 1900 г.

вольно сдѣлала доброе дѣло для послѣдняго тѣмъ, что рѣшительно и авторитетно подтвердила и побудила министерство внутреннихъ дѣлъ, городское общественное управленіе и печать заявить объ успѣшности и благотворной дѣятельности петроградскихъ столичныхъ мировымъ судей, заслужившихъ не только довѣріе, но и уваженіе и любовь населенія.

Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда.

Проектъ особой комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части еще находился на разсмотрѣніи особаго совѣщанія государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина, какъ именнымъ высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 г. было признано неотложнымъ „въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность“. Разработать необходимыя мѣропріятія для осуществленія пожеланій указа 31 мая 1905 г. было поручено комитетомъ министровъ, утвержденнымъ высочайшею властью 24 іюня того же года, министру юстиціи, которымъ 30 мая 1906 г. и былъ внесенъ въ государственную думу перваго созыва проектъ преобразованія мѣстнаго суда.

Проектъ не успѣлъ получить движенія въ первой думѣ, и при внесеніи его во вторую и третью думы въ немъ министромъ юстиціи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, и окончательно проектомъ предлагалось дать такое устройство мѣстному суду: по уѣздамъ и городамъ учреждаются мировые судьи, избираемые земскими собраніями и городскими думами срокомъ на шесть лѣтъ, апелляціонной инстанціей являются уѣздныя и городскія отдѣленія окружныхъ судовъ, состоящія подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ и городскихъ членовъ суда изъ мѣстныхъ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ ми-

ровыхъ судей, этимъ же отдѣленіямъ принадлежитъ непосредственный надзоръ за мировыми судьями, а высшій—окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и правительствующему сенату; кассаціонной инстанціей остается правительствующій сенатъ.

Возвращаясь къ выборному порядку замѣщенія должностей мѣстныхъ судей, министръ юстиціи основывался на томъ, что такой порядокъ „болѣе обезпечиваетъ знаніе судьями мѣстныхъ условій, довѣріе и уваженіе къ нимъ населенія. Затѣмъ нельзя не принять во вниманіе, что условія жизни въ деревнѣ представляются нерѣдко непривлекательными для лицъ, не принадлежащихъ къ данной мѣстности; поэтому можно опасаться, что центральное правительство испытывало бы серьезныя затрудненія въ пріисканіи вполнѣ подходящихъ кандидатовъ на должности единоличныхъ судей въ болѣе глухія мѣстности, гдѣ, однако, могутъ быть свои кандидаты, хорошо извѣстные мѣстному населенію. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что если бы въ судьи былъ избранъ человѣкъ несоотвѣтственный, то ошибку эту возможно исправить при слѣдующихъ выборахъ, между тѣмъ какъ отъ непригоднаго для исполненія судейскихъ обязанностей коронnаго судьи на практикѣ избавиться гораздо труднѣе“ [1]).

Предполагая вмѣсто мировыхъ съѣздовъ сдѣлать апелляціонной инстанціей уѣздныя отдѣленія окружныхъ судовъ, хотя съ участіемъ въ нихъ мировыхъ судей, но подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставя мировыхъ судей подъ непосредственный надзоръ окружныхъ судовъ и даже ихъ предсѣдателей, министръ юстиціи указывалъ, что этимъ, по его мнѣнію, устраняются недостатки мирового суда, образованнаго судебными уставами 20 ноября 1864 г., излишняя обособленность отъ прочихъ судебныхъ установленій и неудовлетворительность мирового съѣзда, какъ второй

[1]) Ос. ком. г. с., учр. суд. уст., стр. 2.

инстанціи и органа надзора, являвшагося ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ судей товарищей, не могущихъ, по одному этому, внести въ среду мировыхъ судей необходимую служебную дисциплину и представить гарантіи безпристрастнаго и строгаго надзора за дѣйствіями первой инстанціи, какія необходимы при правильномъ судоустройствѣ [1]).

Государственная дума проработала надъ проектомъ свыше трехъ лѣтъ, и комиссія ея по судебнымъ реформамъ, разойдясь съ проектомъ министра юстиціи, рѣшила возстановить выборный мировой судъ на основахъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., и дала такую оцѣнку мировымъ судебнымъ установленіямъ: „для установленія правового строя при посредствѣ дарованнаго съ высоты престола народнаго представительства, важно, чтобы законность прочно укоренилась въ жизни и нравахъ русскаго народа и созданъ былъ бы такимъ путемъ прочный и совершенно необходимый для всякаго правового строя фундаментъ. Такимъ фундаментомъ является судъ, олицетворяющій принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ и защиту правового строя въ странѣ. Въ этомъ отношеніи комиссія и не могла не остановиться на сравненіи переживаемаго нынѣ времени съ временемъ эпохи великихъ реформъ императора Александра II. Освобожденіе крестьянъ, возвративъ народу права личности и собственности, выдвинуло идею защиты таковыхъ. Стражемъ этихъ правъ явился мировой институтъ, упраздненный въ 1889 г. и нынѣ возстанавливаемый предлагаемымъ законопроектомъ. Всѣмъ, не только судебнымъ дѣятелямъ, но и просто ближе знакомымъ съ жизнью лицамъ извѣстно, въ какой сильной степени этотъ всесословный судъ способствовалъ внѣдренію въ жизнь русскаго народа понятій законности, уравненія лицъ всѣхъ состояній передъ закономъ, въ какой мѣрѣ, благодаря ему, была ограничена область

[1]) Ос. ком. г. с. докл., стр. 46.

произвола мѣстныхъ низшихъ чиновъ администраціи и частныхъ лицъ“ [1]).

Найдя, затѣмъ, нужнымъ еще разъ подтвердить, что предлагаемымъ комиссіей проектомъ возстанавливаются „во всей чистотѣ прежній мировой судъ и нормировавшіе его положеніе судебные уставы 20 ноября 1864 г., одно славное прошлое котораго уже вдохновитъ будущихъ мировыхъ мѣстныхъ судей“ [2]), комиссія, однако, внесла очень существенныя измѣненія въ учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій; такъ, предсѣдатель съѣзда не избирается мировыми судьями, а назначается правительствомъ; допуская такое отступленіе отъ выборнаго начала, комиссія указывала на необходимость того, чтобы надзоръ и руководство важнымъ дѣломъ мировой юстиціи въ округѣ были ввѣрены опытному и свѣдущему юристу, а такихъ лицъ скорѣе всего надо искать въ рядахъ чиновъ общихъ судебныхъ установленій [3]); далѣе, заявляя, что комиссія стремилась обезпечить независимость суда и въ этихъ видахъ сдѣлала невозможнымъ удаленіе мирового судьи отъ должности въ административномъ порядкѣ, комиссія утверждаетъ, что другой важной гарантіей независимости судей будетъ служить „перенесеніе функцій надзора и возбужденіе дисциплинарной отвѣтственности мировыхъ судей на съѣздъ, т.-е. коллегію товарищей“ [4]), а вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно неожиданно и не приведя какихъ-либо соображеній, излагаетъ 64, 249 и 251[1] ст. учр. суд. уст. въ редакціи, предоставляющей право надзора за мировыми судьями и ихъ съѣздами судебной палатѣ и ея старшему предсѣдателю [5]).

Государственная дума, однако, отвергла предложеніе комиссіи поставить во главѣ съѣздовъ предсѣдателя по назначенію и подчинить мировыхъ судей надзору судеб-

[1]) Ком. г. д. по суд. реф., докладъ, стр. 1.
[2]) Тамъ же, стр. 3.
[3]) Тамъ же, стр. 5.
[4]) Тамъ же, стр. 6.
[5]) Тамъ же, стр. 68 и 79.

ныхъ палатъ, и, такимъ образомъ, мировыя судебныя установленія должны были возродиться на основныхъ началахъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.

Одобренный государственною думою законопроектъ поступилъ въ государственный совѣтъ, гдѣ разсматривался въ особой комиссіи съ октября 1910 г. по февраль 1912 г.; комиссія, а впослѣдствіи и общее собраніе государственнаго совѣта внесли много измѣненій въ проектъ думы: были возстановлены сословные волостные суды, нарушающіе начало единства судебной власти и равенства предъ судомъ, но останавливаться на такой непослѣдовательности въ проведеніи основныхъ началъ судоустройства здѣсь не мѣсто, такъ какъ оно не можетъ касаться Петрограда; рѣшено было, какъ это предполагала и комиссія думы по судебнымъ реформамъ, предоставить назначеніе предсѣдателя мирового съѣзда правительству, но и это измѣненіе проекта государственной думы было впослѣдствіи отвергнуто въ согласительной комиссіи думы и совѣта въ отношеніи мировыхъ съѣздовъ Петрограда и Москвы, и въ нихъ оставлены выборные предсѣдатели и, наконецъ (здѣсь упоминается, конечно, о коренныхъ поправкахъ), тоже въ согласіи съ проектомъ комиссіи думы по судебнымъ реформамъ на съѣзды мировыхъ судей распространенъ надзоръ судебныхъ палатъ и ихъ старшихъ предсѣдателей (64, 249 и 251[1] ст. учр. суд. уст. въ редакціи закона 15 іюня 1912 г.).

Обсуждая вопросъ объ установленіи порядка надзора за дѣятельностью мировыхъ судебныхъ установленій, особая комиссія признала недостаточность нынѣ существующаго порядка надзора безспорной, такъ какъ она удостовѣрена опытомъ истекшихъ 45 лѣтъ, отмѣчена многими отчетами ревизій и свидѣтельствомъ ряда судебныхъ дѣятелей; находя, что надзирающая власть правительствующаго сената, сама по себѣ, высокоавторитетная, слишкомъ высока и далека отъ разбросанныхъ по всей имперіи судебныхъ мѣстъ, чтобы оставаться единственною, комиссія рѣшила пойти по пути, указанному уже ко-

миссіей Муравьева, а именно усилить надзоръ за мировыми установленіями установленіемъ болѣе тѣсной связи между мировыми учрежденіями и общими судебными мѣстами, признавъ, что эта цѣль будетъ достигнута, если надзоръ ввѣрить, на-ряду съ правительствующимъ сенатомъ, также и судебнымъ палатамъ, какъ учрежденіямъ высшаго ранга и состоящимъ изъ судей въ достаточной мѣрѣ опытныхъ и независимыхъ; предоставляя право надзора судебнымъ палатамъ, комиссія не нашла никакихъ основаній не распространять обязанностей старшаго предсѣдателя судебной палаты наблюдать за точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣми должностными лицами, входящими въ составъ окружныхъ судовъ, состоящихъ въ округѣ палаты (251[1] ст. учр. суд. уст.) и на мировыхъ судей, и лишать его права, по усмотрѣннымъ имъ упущеніямъ или отступленіямъ отъ закона, дѣлать напоминанія и указанія предсѣдателю мирового съѣзда, при томъ условіи, что лицо это будетъ назначаться отъ правительства и по служебному положенію своему будетъ ниже предсѣдателя окружнаго суда, которому такія указанія могутъ быть дѣлаемы. Предоставленіемъ судебнымъ палатамъ и ихъ старшимъ предсѣдателямъ права надзора за мировыми учрежденіями комиссія думала уменьшить обособленность мировыхъ судей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствовать появленію той служебно-дѣловой связи между мировыми установленіями и общими судебными мѣстами, на недостаточность которой постоянно указывали и литература и судебная практика. Мало того, комиссія находила, что надзоръ судебныхъ палатъ и ихъ старшихъ предсѣдателей будетъ содѣйствовать служебной карьерѣ мировыхъ судей: лица, нынѣ служащія въ мировыхъ учрежденіяхъ, лишь за рѣдкими исключеніями могутъ быть избираемы въ составъ коллегій судовъ и палатъ, такъ какъ лица, образующія эти коллегіи, не знаютъ и не могутъ знать служебныхъ достоинствъ мировыхъ судей; напротивъ, при наличности надзора судебной палаты за мировыми судьями ея округа, составъ

судей окажется достаточно извѣстнымъ судебнымъ коллегіямъ и можетъ обусловить возможность избранія опытнаго выборнаго судьи въ составъ суда и палаты [1]).

Предположенія особой комиссіи объ усиленіи надзора въ предложенной ею формѣ были приняты государственнымъ совѣтомъ и послѣ обсужденія въ согласительной комиссіи стали 15-го іюня 1912 г. закономъ; итакъ, петроградскому столичному мировому съѣзду съ введеніемъ закона 15 іюня 1912 г. въ дѣйствіе полностью, въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ придется испытать впервые за все время своего существованія коренное измѣненіе въ своемъ учрежденіи: стать подъ надзоръ судебной палаты, а мировымъ судьямъ и подъ наблюденіе ея старшаго предсѣдателя. У мирового съѣзда не было случая высказать свои соображенія по поводу новшествъ, вводимыхъ въ учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій закономъ 15 іюня 1912 г., но, конечно, мнѣніе о нихъ у большинства мировыхъ судей сложилось и изложить его здѣсь слѣдуетъ: поражаетъ, прежде всего, обиліе установленій и лицъ, которымъ поручается надзоръ за мировыми судьями и ихъ съѣздами, такъ какъ къ существующимъ органамъ надзора—правительствующему сенату, министру юстиціи и съѣздамъ прибавляются еще два—судебная палата и ея старшій предсѣдатель; но вѣдь дѣйствительность надзора зависитъ не отъ количества наблюдающихъ органовъ, а отъ того, какъ этотъ надзоръ поставленъ, какія средства даны для его осуществленія; несомнѣнно, что и судебная палата и ея старшій предсѣдатель будутъ располагать лишь отрывочными, случайными свѣдѣніями о дѣятельности мировыхъ судей и съѣзда, почерпнутыми почти исключительно изъ жалобъ на дѣйствія мировыхъ судей и съѣздовъ, ознакомиться же съ дѣятельностью ихъ вообще, оцѣнить ее, какъ это возможно въ отношеніи окружныхъ судовъ, дѣла которыхъ доходятъ до разсмотрѣнія

[1]) Докладъ по законопроекту о преобразованіи мѣстнаго суда, стр. 54—56.

палаты, безъ чего правильный надзоръ немыслимъ, она едва-ли будетъ въ состояніи, и весь надзоръ сведется къ чисто формальной перепискѣ и отпискѣ, безъ всякой пользы для дѣла, исключительно для удовольствія любителей по всякому поводу подавать жалобы, которымъ будетъ предоставлена возможность жаловаться сразу въ пять мѣстъ, вмѣсто трехъ, на одного судью; нельзя также ожидать, что порученіе надзора судебной палатѣ окажетъ воздѣйствіе на мировыхъ судей тѣмъ, что палата будетъ предпринимать болѣе строгія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, чаще, чѣмъ съѣзды, будетъ возбуждать дисциплинарныя производства—не надо забывать, что въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда участвуютъ и товарищи прокуроровъ, донесенія которыхъ, „въ порядкѣ подчиненности“ въ случаяхъ „товарищескаго“ отношенія съѣзда къ провинившимся судьямъ, всегда могутъ воспрепятствовать такимъ попущеніямъ; одно хорошо для съѣздовъ: упрекъ въ слабости надзора, такъ часто повторявшійся въ литературѣ и въ отчетахъ по ревизіямъ, теперь уже будетъ дѣлаться судебнымъ палатамъ, хотя съ меньшими еще основаніями, чѣмъ по отношенію къ съѣздамъ, такъ какъ несомнѣнно, что судебныя палаты обладаютъ еще меньшею возможностью проявить правильный и постоянный надзоръ за мировыми судьями, чѣмъ съѣзды.

Едва-ли осуществится и та идиллическая картина, которую рисуетъ особая комиссія государственнаго совѣта, „служебно-дѣловой связи“ между мировыми установленіями и общими судебными мѣстами и вѣроятности признанія выборнаго мирового судьи достойнымъ избранія въ составъ суда или палаты: вѣдь эта связь будетъ выражаться лишь въ извѣстномъ подчиненіи мировыхъ судей палатѣ и палата скорѣе всего и ближе познакомится съ судьями, на которыхъ больше будетъ приноситься жалобъ, что̀ врядъ ли возбудитъ у членовъ палаты желаніе имѣть такихъ судей своими товарищами.

Кромѣ того, подчиненіе мировыхъ судей надзору

судебной палаты и ея старшаго предсѣдателя можетъ отрицательно отразиться на независимости мировыхъ судей: уже комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части удостовѣряла и мнѣніе ея раздѣлила и особая комиссія государственнаго совѣта [1]), что при выборномъ порядкѣ замѣщенія должностей мировыхъ судей у правительства нѣтъ возможности вліять надлежащимъ образомъ на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ государства, теперь же такая возможность, если и не въ полной мѣрѣ, то до нѣкоторой степени министерству юстиціи открывается: старшій предсѣдатель судебной палаты, освѣдомившись о какихъ-либо упущеніяхъ или отступленіяхъ отъ законнаго порядка со стороны мирового судьи (251[1] ст. учр. суд. уст.), въ правѣ сдѣлать ему соотвѣтственныя напоминанія или указанія; несомнѣнно, что такое право старшаго предсѣдателя умаляетъ независимость мирового судьи, получавшаго, до введенія закона 15 іюня 1912 г., разъясненія только отъ коллегій — съѣзда или сената и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ возможность оказать вліяніе на нѣкоторыхъ судей „въ цѣляхъ успѣшнаго отправленія правосудія соотвѣтственно интересамъ государства“, какъ ихъ понимаетъ старшій предсѣдатель палаты.

Явно и рѣзко выраженное закономъ недовѣріе силамъ и способности мировыхъ съѣздовъ надзирать за мировыми судьями, несомнѣнное уменьшеніе самостоятельности и независимости мировыхъ судей, предстоящія перемѣны въ матеріальномъ обезпеченіи мировыхъ судей и ихъ канцелярій не мало, конечно, волновали и тревожили мировыхъ судей въ ожиданіи введенія учрежденія судебныхъ установленій по закону 15 іюня 1912 г.

28 октября 1913 г. министерство юстиціи увѣдомило мировой съѣздъ [2]), что оно признало соотвѣтственнымъ осуществить реформу мѣстнаго суда во вторую очередь,

[1]) Докладъ, стр. 30.
[2]) Дѣло м. с. 1913 г., № 25.

между прочимъ, и въ Петроградѣ и предложила войти въ обсужденіе проектированныхъ имъ штатовъ мировыхъ судей.

По обсужденіи этого вопроса въ распорядительныхъ засѣданіяхъ 4 и 16 ноября, съѣздъ сообщилъ въ министерство юстиціи, что средства, назначенныя мировымъ судьямъ учрежденіемъ судебныхъ установленій въ редакціи закона 15 іюня 1912 г. на расходы по должности (800 руб.) и на жалованье секретарю (600 р.) настолько незначительны, что на нихъ по существующему въ Петроградѣ размѣру оплаты канцелярскаго труда невозможно содержать какую бы то ни было канцелярію, и, если даже секретаря обратить въ простого писца, то остальныхъ 800 не хватитъ на наемъ разсыльнаго (300—360 р.) и канцелярскія принадлежности, и съ однимъ писцомъ и разсыльнымъ мировой судья не будетъ, въ состояніи дать движеніе не только 2.500 дѣлъ (такое количество предполагалось министерствомъ на участокъ), но и въ десять разъ меньшему числу; насколько не соотвѣтствуетъ опредѣляемая закономъ сумма на расходы по должности дѣйствительной потребности, видно уже изъ того, что при введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Петроградѣ городская дума назначила мировымъ судьямъ на расходы по должности по 2.300 р. въ годъ (изъ нихъ рублей 600 шло на наемъ камеры), затѣмъ постоянно увеличивала эту сумму и, принявъ съ 1881 г. наемъ камеръ на себя, довела ее въ 1913 г. до 3.720 руб.; несомнѣнно, что пониженіе этой суммы до 1.400 руб. повлечетъ за собою, если не полную пріостановку въ производствѣ дѣлъ, то крайнее въ немъ замедленіе, поэтому мировой съѣздъ, обративъ вниманіе министерства на то, что вопросъ о томъ, будетъ ли петроградское городское общественное управленіе отпускать дополнительныя средства на расходы по должности мировыхъ судей, вовсе еще не выяснился, а при такой неопредѣленности совершенно невозможно приступить къ опредѣленію необходимаго числа мировыхъ

судей, взялъ за исходную точку предположеніе, что мировымъ судьямъ будутъ отпускаться на расходы по должности тѣ же, что и теперь, 3.720 руб., и, при такихъ условіяхъ, нашелъ, что для Петрограда будетъ достаточно 90 мировыхъ участковъ, вмѣсто предполагавшихся министерствомъ 113; къ такому выводу привели съѣздъ соображенія, что особый характеръ дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ и свойственныхъ только такому большому центру, какъ Петроградъ, допускаетъ значительное увеличеніе числа дѣлъ противъ предположенной министерствомъ нормы (2.000—2.500), безъ обремененія судьи и безъ вреда для дѣла; наибольшій % уголовныхъ дѣлъ даютъ мелкіе проступки, большинство которыхъ будетъ разсматриваться въ порядкѣ судебныхъ приказовъ; значительную часть гражданскихъ дѣлъ составляютъ такъ называемыя безспорныя: иски по векселямъ, долговымъ документамъ, по квитанціямъ отъ заборныхъ книжекъ за забранный товаръ, о выселеніи за неплатежъ, разрѣшающіяся обычно въ одно засѣданіе, и къ тому же часть ихъ будетъ разсматриваться въ порядкѣ понудительнаго исполненія по актамъ; эти особенности привели съѣздъ къ убѣжденію, что цифра отъ 3.000 до 4.000 составитъ такую норму дѣлъ, съ которой судья справится сравнительно легко (въ 1912 г. производилось въ среднемъ 4.700 дѣлъ на участокъ).

Министерство юстиціи, внося 27 марта 1914 г. въ государственную думу законопроектъ о введеніи закона 15 іюня 1912 г. полностью между прочимъ и въ Петроградѣ, нашло возможнымъ согласиться лишь на уменьшеніе числа мировыхъ судей до 90, объ остальныхъ же соображеніяхъ съѣзда, въ которыхъ указывалось на неизбѣжное ухудшеніе мирового суда, въ объяснительной запискѣ къ законопроекту умолчало.

Мировой съѣздъ не могъ, конечно, не поставить городское общественное управленіе въ извѣстность о предстоящихъ коренныхъ измѣненіяхъ мирового суда, къ

которому городская дума такъ заботливо относилась со времени его введенія, такъ старалась поставить на надлежащую высоту, и довелъ до свѣдѣнія думы о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ введенія закона 15 іюня 1912 г., обрисовавъ настоящее положеніе мирового суда и несомнѣнное его ухудшеніе въ будущемъ.

Городская дума въ засѣданіи 16 мая 1914 г., по выслушаніи доклада городской управы и заключенія юридической комиссіи о введеніи въ гор. Петроградѣ судебныхъ установленій по закону 15 іюня 1912 г., постановила:

возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство: 1) о сохраненіи нынѣшнихъ окладовъ содержанія мировыхъ судей, ихъ канцелярій и служащихъ въ канцеляріи мирового съѣзда; 2) объ увеличеніи для сего отпуска изъ средствъ казны суммъ на содержаніе мирового съѣзда, и 3) о внесеніи, въ случаѣ, если таковое увеличеніе расходовъ за счетъ казны будетъ признано невозможнымъ, поправки въ 200[1] ст. уст. гр. суд., въ смыслѣ оставленія ея въ редакціи закона 8 февраля 1899 г., по которому судебная пошлина и листовой сборъ съ бумаги поступаютъ въ доходъ города.

Записка мирового съѣзда о затруднительности введенія полностью закона о мѣстномъ судѣ въ Петроградѣ была сообщена и нѣкоторымъ членамъ государственной думы, состоящимъ въ комиссіи по судебнымъ реформамъ; комиссія разсматривала законопроектъ министра юстиціи въ засѣданіяхъ 23 апрѣля и 1 мая и нашла, что необходимость передѣла, въ связи съ измѣненіемъ по проектируемому закону числа судей, мировыхъ участковъ, пріисканія соотвѣтственнаго помѣщенія для новаго мирового съѣзда, камеръ мировыхъ судей, а равно осуществленія предоставленнаго городскимъ общественнымъ управленіямъ по закону 15 іюня 1912 г. права назначать мировымъ судьямъ добавочное содержаніе, потребовало бы крайне спѣшныхъ работъ, какъ со стороны общественнаго управленія, такъ и столичныхъ съѣздовъ, каковыя работы врядъ ли могли быть завершены къ указанному въ проектѣ сроку. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія обратила вниманіе на то, что на столичныя губерніи проектомъ не распространяется та же судебно-мировая реформа, и, такимъ образомъ, не устраняется та пестрота подсудности, которая является результатомъ наличія въ столицахъ мировыхъ установленій, а въ столичныхъ губерніяхъ земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ.

При такихъ условіяхъ комиссія не усматривала основаній къ столь поспѣшному распространенію на столицы закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, тѣмъ болѣе, что столичное населеніе и въ настоящее время обезпечено судомъ, правильно функціонирующимъ на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II, и исключила Петроградъ и Москву изъ числа мѣстностей второй очереди по преобразованію мѣстнаго суда.

Предположенія комиссіи были приняты государственной думой и государственнымъ совѣтомъ, и Петроградъ не вошелъ въ число мѣстностей второй очереди, гдѣ мѣстный судъ былъ преобразованъ по закону 15 іюня 1912 г.

Въ заключеніе выразимъ увѣренность, что если законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда и будетъ введенъ въ Петроградѣ, то городское общественное управленіе не оставитъ своихъ заботъ о мировомъ судѣ и дастъ необходимыя матеріальныя средства для правильнаго отправленія правосудія, мировые же судьи, воспитанные въ полувѣковыхъ традиціяхъ судейской независимости и самостоятельности, найдутъ достаточно силъ, чтобы оберечь дорогое имъ учрежденіе отъ вмѣшательства, хотя и властныхъ, но чуждыхъ мировому суду уставовъ 20 ноября 1864 г., рукъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Практика петроградскаго мирового съѣзда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ оцѣнкѣ правительствующаго сената.

Основное отличіе мирового суда отъ общихъ судебныхъ установленій по мысли составителей судебныхъ уставовъ: мировой судья—посредникъ въ разрѣшеніи споровъ; несложность процессуальныхъ формъ; мировой судъ—судъ по совѣсти; выраженіе этого взгляда въ мотивахъ государственнаго совѣта и въ текстѣ закона; отступленіе отъ начала полнаго обособленія мировыхъ учрежденій—подчиненіе ихъ наравнѣ съ общими судебными мѣстами кассаціонному надзору сената.—Первоначальныя тенденціи мировыхъ учрежденій къ разрѣшенію дѣлъ исключительно „по совѣсти"; борьба сената съ этими стремленіями; рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента 1868 г. № 778 по дѣлу петроградскаго съѣзда; вліяніе взгляда сената по этому вопросу на послѣдующую практику мировыхъ установленій.—Отраженіе дѣятельности мировыхъ судовъ въ практикѣ кассаціоннаго сената; многочисленность дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія петроградскаго съѣзда; значеніе сенатскихъ рѣшеній для оцѣнки дѣятельности съѣзда; распредѣленіе матеріала въ настоящей главѣ.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г., упраздняя прежнюю систему судоустройства и учреждая новый судъ, создали два параллельныхъ ряда независимыхъ и по своему устройству существенно отличныхъ судебныхъ учрежденій: общія судебныя мѣста и мировыя судебныя установленія. Вновь созданный мировой судъ, составляя самостоятельную и обособленную судебную организацію, по мысли творцовъ судебной реформы 1864 г., долженъ былъ отличаться отъ системы общихъ судебныхъ мѣстъ не только своимъ устройствомъ и формами производства, но и общимъ характеромъ и цѣлью своей дѣятельности. Авторамъ судебнаго преобразованія въ ряду

важнѣйшихъ задачъ организаціи мирового суда предстояло разрѣшить и коренной вопросъ о томъ, долженъ ли мировой судъ быть судомъ „по закону" или судомъ „по совѣсти".

Учрежденіемъ мирового суда судебные уставы преслѣдовали цѣль созданія близкаго къ населенію, скораго и не стѣсняемаго формальностями суда, который могъ бы успѣшно удовлетворять немногосложнымъ потребностямъ и незначительнымъ интересамъ юридическаго быта. Сообразно этому взгляду на цѣль учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій у авторовъ судебной реформы сложилось убѣжденіе, что судъ этотъ не долженъ быть строгимъ хранителемъ формальнаго закона и блюстителемъ формальной правды, а въ дѣятельности своей долженъ прежде всего руководствоваться голосомъ совѣсти и внутренняго убѣжденія. Отъ мирового судьи требуется не столько знаніе закона, какъ хорошее знакомство съ мѣстными обычаями и отношеніями, которое давало бы ему возможность находить справедливое разрѣшеніе споровъ; авторитетъ мирового суда основывается, прежде всего, на довѣріи мѣстнаго общества къ личному его составу. Государственный совѣтъ при обсужденіи проекта учрежденія судебныхъ установленій полагалъ: „согласно началамъ разбирательства у мирового судьи, званіе его имѣетъ великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленія. Въ его лицѣ дается мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія пререканій о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ, прежде всего, скораго разрѣшенія на мѣстѣ и наглядnаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникъ для соглашенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ своемъ кажутся противоположными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть соглашены разъясненіемъ этихъ недоразумѣній при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ сторонъ [1])".

[1]) Журналъ 1862 г. № 65, стр. 39.

Главная задача мирового суда — примиреніе тяжущихся и миролюбивое разрѣшеніе спора. Ст. 6 основныхъ положеній къ уставу гражданскаго судопроизводства, содержаніе которой воспроизводится ст. 70 уст. гр. суд., постановляетъ: „мировой судья старается примирить тяжущихся и только въ случаѣ неуспѣха въ томъ постановляетъ рѣшеніе, которое объявляетъ тяжущимся или ихъ повѣреннымъ, публично, съ запиской въ установленную для сего книгу". Высказываясь за учрежденіе на-ряду съ общими судебными мѣстами мѣстнаго мирового суда, государственный совѣтъ находитъ: „необходимость и польза такого мѣстнаго суда сознаны во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ. Миролюбное прекращеніе дѣлъ, до начала судебнаго разбора и даже во время онаго, должно быть преимущественной его задачей, и потому судъ сей извѣстенъ подъ названіемъ суда мирового" [1]).

Формы судопроизводства мирового суда должны быть, по возможности, просты и несложны. „Мировые судьи, говоритъ государственный совѣтъ въ журналѣ своемъ отъ 27 августа 1862 г., устанавливаются для разбора малоцѣнныхъ исковъ, возникающихъ преимущественно между небогатыми людьми, и, слѣдовательно, цѣль сего установленія есть та, чтобы доставить большинству населенія судъ близкій, скорый, дешевый и возможно справедливый"; указывая далѣе на то, что подчиненіе незначительныхъ по имущественному интересу дѣлъ формальному судебному порядку означало бы преграженіе бѣднымъ людямъ пути къ отысканію своихъ правъ, государственный совѣтъ приходитъ къ заключенію: „вотъ основанія, по коимъ разбирательство у мирового судьи должно быть самое простое, исключительно словесное, безъ стѣснительныхъ обрядовъ и сроковъ и безъ всякихъ пошлинъ, а судья, при разборѣ подвѣдомыхъ ему дѣлъ, долженъ быть освобожденъ отъ всякихъ формальностей".

[1]) Журналъ 1862 г. № 65, стр. 17—20.

Въ сужденіяхъ государственнаго совѣта мы не находимъ опредѣленнаго и вполнѣ точнаго отвѣта на вопросъ о томъ, долженъ ли мировой судъ быть исключительно судомъ „совѣсти"; въ этомъ отношеніи въ средѣ государственнаго совѣта наблюдалось нѣкоторое колебаніе. Сообразно общему своему взгляду на цѣль учрежденія мирового суда, государственный совѣтъ склоняется, повидимому, къ положительному разрѣшенію этого вопроса, но въ соображеніяхъ своихъ касается его лишь попутно. Въ государственномъ совѣтѣ, между прочимъ, раздавались голоса въ пользу возложенія на окружные суды обязанностей апелляціонныхъ инстанцій въ отношеніи мировыхъ судей. Отвергая эту мысль и высказываясь за учрежденіе съѣздовъ мировыхъ судей, государственный совѣтъ находитъ, что „смѣшеніе мирового разбирательства съ общимъ судебнымъ при разсмотрѣніи одного и того же дѣла представляетъ то неудобство, что первое производится по совѣсти, а второе — по закону, и потому рѣшеніе, постановленное мировымъ порядкомъ, можетъ быть отмѣнено, въ большинствѣ случаевъ, судебнымъ приговоромъ, стѣсненнымъ формальностями положительныхъ законовъ" [1]). Въ другомъ случаѣ государственный совѣтъ указываетъ на то, что большинство населенія, среди котораго мировымъ судьямъ придется осуществлять ихъ судебныя обязанности, „не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма, уважаетъ только естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ о справедливости основанномъ рѣшеніи" и добавляетъ: „главная задача мирового суда—удовлетворить насущнымъ потребностямъ народа въ судѣ по совѣсти". Это воззрѣніе на мировой судъ, какъ судъ „совѣсти", лишь вскользь высказываемое въ соображеніяхъ государственнаго совѣта, нашло, однако, вполнѣ опредѣленное отраженіе въ постановленіяхъ закона.

[1]) Журналъ соед. департ. 1864 г. № 65.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ той мысли, что мировой судъ есть по преимуществу судъ „совѣсти“, была отмѣненная по закону 21 декабря 1887 г. ст. 30 уст. гр. суд. Сверхъ дѣлъ, поименованныхъ въ ст. 29 уст. гр. суд. и составляющихъ нормальную и обязательную подсудность мировыхъ судебныхъ учрежденій, ст. 30 устанавливала подсудность „добровольную“. По силѣ ст. 30 уст. гр. суд. мировому судьѣ разрѣшалось принимать къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ тяжущіяся стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла „по совѣсти“, хотя бы искъ этотъ и не подходилъ къ кругу дѣлъ, точно перечисленныхъ въ предыдущей статьѣ того же устава. Рѣшенія мировыхъ судей, состоявшіяся вслѣдствіе просьбъ сторонъ о рѣшеніи ихъ дѣла „по совѣсти“, считаются окончательными и апелляціи не подлежатъ. По мысли составителей судебныхъ уставовъ, мировой судья въ этихъ случаяхъ долженъ былъ выступать въ роли судьи третейскаго. Если въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ по ст. 30 уст. гр. суд., мировой судья, постановляя рѣшеніе исключительно по совѣсти, не обязанъ былъ согласовать ихъ съ закономъ, то и рѣшенія свои по дѣламъ нормальной подсудности мировой судья не долженъ былъ обосновывать ссылкой на законъ. Ст. 142 уст. гр. суд., перечисляя требованія, которымъ должно отвѣчать изложенное въ окончательной формѣ рѣшеніе мирового судьи, не упоминаетъ вовсе объ обязанности судьи ссылаться на законы, на которыхъ рѣшеніе основано. Восполненное лишь по закону 15 іюня 1912 г. умолчаніе ст. 142 о ссылкѣ на законы, которыми судья при постановленіи рѣшенія руководствовался, сдѣлано законодателемъ, очевидно, сознательно и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ взглядомъ авторовъ судебныхъ уставовъ, что рѣшеніе судьи должно быть прежде всего основано на убѣжденіи совѣсти; этотъ выводъ подтверждается сопоставленіемъ первоначальной редакціи ст. 142 со ст. 711 уст. гр. суд. въ той же редакціи, которая возлагала на общія

судебныя мѣста обязанность рѣшенія свои постановлять на основаніи законовъ и указывать эти законы при изложеніи рѣшенія въ окончательной формѣ.

Представляемыя сторонами доказательства оцѣниваются мировыми судьями „по совѣсти“, и мировой судья, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, не обязанъ указывать въ своемъ рѣшеніи, почему имъ при разрѣшеніи дѣла отдано предпочтеніе одному доказательству передъ другимъ; рѣшеніе его, однако, не должно противорѣчить закону. Такъ постановляетъ ст. 129 уст. гр. суд. Въ соображеніяхъ государственнаго совѣта къ ст. 129 находимъ нижеслѣдующее: „при окончательномъ обсужденіи устава признано, что для того, чтобы установляемыя для мирового судопроизводства правила получили правильное примѣненіе, и чтобы мировой судья съ самаго начала усвоилъ себѣ тотъ характеръ дѣятельности, который предназначается ему по мысли законодателя, необходимо точнѣе выразить въ уставѣ, что оцѣнка представляющихся въ дѣлѣ доказательствъ производится имъ по совѣсти, а разрѣшеніе юридическаго вопроса въ дѣлѣ не должно противорѣчить закону“.

Близость къ населенію, скорость въ разрѣшеніи дѣлъ, примирительное и не формальное разбирательство, рѣшеніе дѣлъ „по совѣсти“ — таковы основныя черты мирового суда, которыми онъ, по мысли авторовъ судебныхъ уставовъ, долженъ былъ отличаться отъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Въ одномъ отношеніи судебные уставы не рѣшились отказаться отъ начала единства въ организаціи судебной власти. При обсужденіи проектовъ судебныхъ уставовъ было высказано мнѣніе о необходимости предоставить отмѣну окончательныхъ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ съѣздовъ судебнымъ палатамъ. Въ защиту этого мнѣнія приводились не только соображенія практическаго характера, среди которыхъ первое мѣсто занимало указаніе на отдаленность большинства мировыхъ съѣздовъ отъ правительствующаго сената и ожи-

давшееся переобремененіе сената жалобами на рѣшенія и приговоры мировыхъ съѣздовъ, но и указаніе на тотъ особый характеръ мировыхъ судебныхъ установленій, который былъ приданъ имъ по закону. Сторонники этого взгляда, не раздѣляя опасеній о неудобствѣ совмѣщенія въ судебныхъ палатахъ функцій апелляціонной и кассаціонной инстанцій, находили, что „при совершенно особомъ положеніи мировыхъ учрежденій, толкованіе закона по приложенію къ ихъ рѣшеніямъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководствомъ въ примѣненіи сего закона къ рѣшеніямъ общихъ судебныхъ мѣстъ“ [1]). Мнѣніе это, однако, не имѣло успѣха. Большинство государственнаго совѣта нашло, что единство однообразнаго примѣненія закона въ предѣлахъ всей имперіи можетъ быть достигнуто лишь при условіи подчиненія и мировыхъ судебныхъ установленій кассаціонному надзору правительствующаго сената. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ объяснительной записки къ проекту устава гражданскаго судопроизводства, которая полагала: „отправленіе правосудія въ государствѣ должно быть всюду одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона судебная доктрина можетъ сдѣлаться достояніемъ каждаго и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и настоящаго, а не мнимаго прогресса“ [2]).

Основная мысль, которой руководствовались составители судебныхъ уставовъ при созданіи мирового суда, въ которомъ они видѣли по преимуществу не формальный судъ „совѣсти“, была весьма сочувственно встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ и прочно воспринята практикой вновь учрежденныхъ мировыхъ судебныхъ установленій. На первыхъ же шагахъ своей дѣятельности мировые судьи и съѣзды придерживались взгляда, что въ рѣшеніяхъ своихъ они, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, могутъ руководствоваться единственно внутреннимъ убѣжденіемъ, а оцѣнку представляемыхъ сторонами по гражданскимъ дѣламъ доказательствъ производить исключительно „по совѣсти“, не стѣсняясь соотвѣтствіемъ этихъ доказательствъ нормамъ матеріальнаго закона. Это одностороннее увлеченіе мыслью законодателя вскорѣ встрѣтило противодѣйствіе со стороны правительствующаго сената. Въ сборникахъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента за первые годы существованія мировыхъ судебныхъ установленій можно найти не мало рѣшеній, въ которыхъ сенатъ, разъясняя точный смыслъ ст. 129 уст. гр. суд., высказываетъ мнѣніе, что мировые съѣзды обязаны рѣшенія свои обосновывать ссылками на законы и что рѣшенія съѣздовъ не должны противорѣчить нормамъ матеріальнаго закона. (См. рѣшенія 1867 г. №№ 27, 289; 1868 г. №№ 19, 764 и др.).

Въ общей же формѣ сужденія правительствующаго сената по вопросу объ обязанности мировыхъ судебныхъ установленій руководствоваться при постановленіи рѣшеній матеріальными законами, не ограничиваясь лишь безотчетнымъ убѣжденіемъ совѣсти, впервые изложены въ рѣшеніи по дѣлу петроградскаго столичнаго мирового съѣзда (рѣшеніе 1868 г. № 778).

Изъ рѣшенія видно, что мировой судья 14 участка отказалъ въ искѣ объ отобраніи отданныхъ на сохраненіе процентныхъ бумагъ на томъ основаніи, что представленная истцомъ расписка, не удовлетворяя требованіямъ ст. 2115 т. X, ч. I, не могла быть признана распиской сохранной, а мировой съѣздъ рѣшеніе мирового судьи утвердилъ, находя, что по силѣ ст. 129 уст. гр. суд. судъ постановляетъ рѣшеніе, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла и опредѣливъ, по убѣжденію совѣсти, значеніе и силу доказательствъ, и что состоявшаяся между сторонами сдѣлка по всѣмъ обстоя-

[1]) Объяснит. записка къ проекту уст. гр. суд. ч. I, стр. 96—100.
[2]) Объяснит. записка, ч. I, стр. 92—96.

тельствамъ дѣла не можетъ быть признана сдѣлкой сохранной, а можетъ быть опредѣлена только какъ сдѣлка долговая. Сенатъ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда по нарушенію ст. 129 уст. гр. суд., находитъ, что мировому съѣзду „подлежало обсудить правильность толкованія мировымъ судьей и примѣненія къ настоящему дѣлу законовъ о сохранныхъ распискахъ; между тѣмъ мировой съѣздъ, оставивъ въ сторонѣ этотъ подлежавшій его обсужденію предметъ, ограничился опредѣленіемъ значенія документа единственно по убѣжденію совѣсти". Ссылаясь на неоднократныя разъясненія ст. 129 уст. гр. суд., сенатъ въ цитируемомъ рѣшеніи говоритъ: „хотя законъ предоставляетъ мировымъ судьямъ опредѣлять значеніе и силу представленныхъ тяжущимися документовъ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы они были освобождены отъ обязанности руководствоваться законами. На семъ основаніи, если, съ одной стороны, опредѣленіе значенія и силы доказательствъ предоставлено совѣстливому убѣжденію судей, то, съ другой стороны, имъ не предоставлено права опредѣлять по одному убѣжденію совѣсти значеніе актовъ, представленныхъ сторонами въ доказательство ихъ требованій. Въ законахъ гражданскихъ установлены правила, соблюденіе или несоблюденіе которыхъ придаетъ акту то или другое достоинство, дѣлаетъ его дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ и опредѣляетъ его значеніе въ ряду допускаемыхъ закономъ юридическихъ сдѣлокъ и доказательствъ. Слѣдовательно, для того, чтобы опредѣлить правильность требованія, основаннаго на какомъ-либо актѣ, мировой судья и мировой съѣздъ обязаны руководствоваться постановленными именно для сего рода актовъ въ гражданскихъ законахъ правилами и на основаніи оныхъ разсмотрѣть, удовлетворяетъ ли этотъ актъ требованіямъ закона и извѣстнымъ, для такого рода сдѣлокъ опредѣленнымъ условіямъ".

Съ теченіемъ времени воззрѣніе, высказанное правительствующимъ сенатомъ въ приведенномъ рѣшеніи

1868 г. № 778, становится прочнымъ достояніемъ практики мировыхъ судебныхъ установленій, которыя проникаются убѣжденіемъ о необходимости въ разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться матеріальнымъ закономъ, и правительствующему сенату не приходится болѣе напоминать мировымъ судьямъ объ обязанности рѣшенія свои постановлять въ строгомъ соотвѣтствіи съ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется и пользовавшійся первоначально большой популярностью взглядъ на существо и характеръ дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій, какъ суда „совѣсти", рѣшенія свои постановляющаго исключительно по внутреннему безотчетному убѣжденію, не стѣсненному закономъ. Постепенно сглаживается и то рѣзкое различіе, которое законодатель стремился провести между мировымъ судомъ, судомъ по преимуществу не формальнаго миролюбиваго разбирательства, и системой общихъ судебныхъ мѣстъ.

Въ условіяхъ городской жизни эта перемѣна во взглядахъ на цѣль и задачи мировой юстиціи сказывается, въ особенности, быстро и замѣтно. Причину этого явленія слѣдуетъ видѣть прежде всего въ томъ, что въ городахъ мировому суду почти не приходилось имѣть дѣла съ мѣстными обычаями, въ которыхъ, какъ извѣстно, составители судебныхъ уставовъ видѣли едва-ли не главный источникъ матеріальнаго права, подлежавшій примѣненію въ мировомъ судѣ. Если ожиданія на преимущественное по сравненію съ положительнымъ закономъ примѣненіе мировыми судьями обычая далеко не оправдались въ отношеніи провинціальныхъ мировыхъ учрежденій, то въ городахъ мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ вовсе не приходилось встрѣчаться съ необходимостью приложенія къ разрѣшенію гражданскихъ споровъ нормъ обычнаго права и здѣсь исключительнымъ источникомъ ихъ судебной дѣятельности всегда оставался писанный законъ. Мировымъ съѣздамъ, дѣйствовавшимъ среди населенія крупныхъ городскихъ центровъ, по особому свойству господствующихъ здѣсь бы-

товыхъ и юридическихъ отношеній нерѣдко приходилось принимать къ своему разсмотрѣнію болѣе сложные и разнообразные по юридическому и фактическому своему содержанію и составу, нежели въ условіяхъ провинціальной жизни, гражданскіе иски и уголовныя обвиненія. Поэтому здѣсь точное примѣненіе процессуальнаго и матеріальнаго закона во всей строгости ихъ опредѣленій и истолкованіе его дѣлается болѣе настоятельнымъ, требуетъ бо̀льшаго юридическаго знанія и искусства, а свободному судейскому усмотрѣнію въ области гражданской юрисдикціи остается значительно меньше простора. По указаннымъ причинамъ въ городскихъ съѣздахъ мировыхъ судей формально-юридическій элементъ ихъ судебной дѣятельности выступаетъ явственнѣе и замѣтнѣе, нежели въ съѣздахъ провинціальныхъ.

Мировыя судебныя установленія, какъ и общія судебныя мѣста, подчинены по закону кассаціонному надзору правительствующаго сената. Надзоръ этотъ въ отношеніи общихъ судебныхъ мѣстъ, какъ и мировыхъ учрежденій, въ одинаковой степени имѣетъ своей задачей слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ и толкованіемъ судебными мѣстами матеріальныхъ и процессуальныхъ законовъ и за соблюденіемъ ими предѣловъ ихъ вѣдомства.

Сопоставленіе тождественныхъ редакцій ст.ст. 186 и 793 уст. гр. суд. и ст.ст. 174 и 912 уст. уг. суд. доказываетъ, что законъ не дѣлаетъ никакого различія между мировыми съѣздами и общими судебными мѣстами въ отношеніи объема и предѣловъ кассаціоннаго надзора сената. Подчиняясь постоянному кассаціонному надзору правительствующаго сената, мировыя судебныя установленія въ такой же мѣрѣ, какъ и общія судебныя мѣста, обязываются наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ и толкованіемъ закона и въ дѣятельности своей не только считаться съ внутреннимъ убѣжденіемъ совѣсти, но и соблюдать законъ и руководствоваться его велѣніями. Состоявшіяся по дѣламъ мировыхъ судебныхъ установленій рѣшенія сената, коими изъясняется истинный смыслъ законовъ и преподаются указанія къ правильному его примѣненію, едва-ли не болѣе многочисленны, нежели рѣшенія сената по дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Среди этихъ рѣшеній не мало такихъ, которыми возбуждаются и разрѣшаются вопросы первостепенной важности, имѣвшіе руководящее значеніе для послѣдующей практики прочихъ судебныхъ мѣстъ имперіи. Рѣшенія сената въ особенности многочисленны по дѣламъ тѣхъ съѣздовъ, которые пережили реформу 1889 года и нынѣ насчитываютъ 50 лѣтъ своего существованія. Среди такихъ съѣздовъ первое мѣсто по количеству дѣлъ, восходившихъ на разсмотрѣніе сената, и по значительности ихъ юридическаго содержанія, занимаютъ, конечно, столичные петроградскій и московскій съѣзды мировыхъ судей.—На исходѣ 50-лѣтняго существованія петроградскаго столичнаго съѣзда мировыхъ судей у составителей настоящаго сборника, посвященнаго исторіи петроградскаго съѣзда, возникла мысль подвести итоги и той сторонѣ дѣятельности съѣзда, которая подлежала кассаціонной оцѣнкѣ правительствующаго сената, и отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ петроградскій столичный мировой съѣздъ на протяженіи полувѣкового своего существованія, оставаясь по мысли законодателя судомъ „совѣсти", въ то же время стоялъ на стражѣ закона.

Предстоящій очеркъ ставитъ своей задачей дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Матеріалами при составленіи настоящаго очерка служили сборники рѣшеній гражданскаго и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Изъ сборниковъ рѣшеній за годы съ 1866 по 1914 включительно составителемъ очерка сдѣлана выборка всѣхъ рѣшеній сената по обоимъ кассаціоннымъ департаментамъ, состоявшихся по дѣламъ петроградскаго столичнаго мирового съѣзда, и этотъ матеріалъ положенъ въ основаніе приводимой ниже характеристики дѣятельности съѣзда въ ея отраженіи въ практикѣ правительствующаго сената. Мате-

ріалъ этотъ съ точки зрѣнія намѣченной цѣли, конечно, не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту, такъ какъ рѣшенія сената печатались въ сборникахъ полностью лишь по 1876 годъ включительно, со слѣдующаго же года и по настоящее время въ сборникахъ рѣшеній публикуются лишь рѣшенія, состоявшіяся въ департаментахъ сената; рѣшенія же отдѣленій въ нихъ не помѣщаются. Поэтому мы не могли имѣть въ виду тѣхъ рѣшеній сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, которыя состоялись въ отдѣленіяхъ департаментовъ.

Содержащіяся въ сборникахъ рѣшенія сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда мировыхъ судей за 50 лѣтъ его существованія представляютъ столь обширный матеріалъ, что использовать его полностью, конечно, не представлялось возможнымъ. Намъ пришлось поэтому остановиться лишь на тѣхъ рѣшеніяхъ сената, которыя представляли какой-либо интересъ съ точки зрѣнія задачи, намѣченной для настоящаго очерка. Въ дальнѣйшемъ изложеніи обращается, прежде всего, вниманіе на тѣ рѣшенія, которыя состоялись по дѣламъ, чаще всего производившимся въ мировыхъ установленіяхъ Петрограда. Примѣромъ такихъ рѣшеній сената могутъ служить рѣшенія его по дѣламъ, возникавшимъ изъ исковъ по договорамъ имущественнаго и личнаго найма; можно утверждать, что этого рода дѣла всегда составляли самую обширную категорію дѣлъ изъ дѣлъ гражданской подсудности мировыхъ учрежденій гор. Петрограда. Наряду съ этими рѣшеніями нами отмѣчаются рѣшенія, которыми возбуждались и разрѣшались вопросы принципіальнаго характера; въ этихъ рѣшеніяхъ нерѣдко приводится весьма подробное изложеніе мотивовъ съѣзда и въ соображеніяхъ сената можно найти обильный матеріалъ для сужденія о томъ, какой оцѣнкѣ подвергалъ сенатъ дѣятельность съѣзда по примѣненію и толкованію законовъ. По этому признаку мы выдѣляемъ въ отдѣльную группу рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ родовой подсудности и по

толкованію ст. 868 уст. гр. суд.; изъ рѣшеній, относящихся къ дѣламъ по искамъ изъ договоровъ личнаго найма, мы отдѣльно останавливаемся на практикѣ сената, касающейся найма фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, такъ какъ практика сената по этому вопросу создалась почти исключительно по дѣламъ петроградскаго съѣзда.

Среди рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента, состоявшихся по дѣламъ петроградскаго съѣзда, есть нѣсколько рѣшеній, которыя содержатъ руководящія разъясненія по примѣненію ст. 29 уст. о нак.; при обзорѣ практики съѣзда по уголовнымъ дѣламъ мы обращаемъ главное вниманіе на рѣшенія сената, состоявшіяся по поводу примѣненія съѣздомъ ст. 29 уст. о нак. Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться на рѣшеніяхъ гражданскаго и уголовнаго департаментовъ сената по отдѣльнымъ дѣламъ, возбуждающимъ интересъ по бытовымъ своимъ особенностямъ или по юридическому своему содержанію.

Намъ представляется, что, привлекая къ своему изложенію лишь тѣ рѣшенія, которыя входятъ въ одну изъ трехъ перечисленныхъ категорій, и оставляя въ сторонѣ рѣшенія, состоявшіяся по частнымъ и не имѣющимъ существеннаго интереса вопросамъ, мы не можемъ заслужить упрека въ неполнотѣ и односторонности изложенія; намъ кажется также, что ограниченный такимъ образомъ матеріалъ вполнѣ достаточенъ для выполненія задачи, поставленной для настоящаго очерка.

Но раньше чѣмъ перейти къ систематическому изложенію матеріала, заключающагося въ рѣшеніяхъ сената по дѣламъ петроградскаго мирового съѣзда, намъ казалось интереснымъ остановить наше вниманіе на первыхъ рѣшеніяхъ сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, состоявшихся въ 1866 году, а также сказать нѣсколько словъ о тѣхъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ сенатъ, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, считаетъ нужнымъ въ порядкѣ надзора разъ-

яснять съѣзду неправильность его дѣйствій; рѣшенія эти также относятся преимущественно къ первымъ годамъ существованія мирового суда въ Петроградѣ, когда съѣздъ по недостатку опыта допускалъ ошибки, на которыя сенатъ считалъ нужнымъ обращать вниманіе.

Кассаціонная практика сената за 1866 г. и ближайшіе къ нему годы.

1. Первыя рѣшенія гражданскаго и уголовнаго департаментовъ сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда. 2. Толкованіе сенатомъ ст. 80 уст. гражд. суд. 3. Смѣшеніе сторонами и судомъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ въ производствѣ дѣлъ. 4. Примѣненіе ст.ст. 142 и 711 уст. гражд. суд. къ изложенію рѣшеній съѣзда. 5. Разъясненіе ст. 79 уст. гр. суд. 6. Указанія сената въ порядкѣ надзора.

Мировыя судебныя установленія открыли свою дѣятельность въ Петроградѣ 17 мая 1866 г., и, такимъ образомъ, рѣшенія сената, относящіяся къ этому году и напечатанныя въ сборникѣ его рѣшеній за 1866 г., состоялись по первымъ дѣламъ, рѣшеннымъ петроградскимъ съѣздомъ и по кассаціоннымъ жалобамъ сторонъ перенесеннымъ на разсмотрѣніе сената. Весьма понятно, что на первыхъ шагахъ своего существованія вновь образованныя мировыя учрежденія въ судебной дѣятельности своей допускали значительныя ошибки, объясняемыя неопытностью и недостаточнымъ еще знакомствомъ съ только-что изданными процессуальными законами, и въ это время болѣе всего нуждались въ авторитетномъ руководствѣ сената. Такую же неопытность и малое знакомство съ новыми судебными порядками и законами проявляли и стороны, обращавшіяся къ новому суду. Сенату приходилось устранять эти ошибки и преподавать разъясненія, касающіяся правильнаго примѣненія основныхъ началъ новаго судебнаго устройства.

Первое рѣшеніе сената по дѣлу петроградскаго мирового съѣзда состоялось 12 сентября 1866 г. по уголовному кассаціонному департаменту и предметомъ своимъ имѣло разсмотрѣніе кассаціонной жалобы повѣреннаго

жены надворнаго совѣтника Ольхиной, коллежскаго секретаря Осликовскаго, на приговоръ петроградскаго съѣзда. Въ сборникѣ рѣшеній сената за 1866 г. рѣшеніе это напечатано подъ № 7. Изъ обстоятельствъ дѣла, подробно изложенныхъ въ рѣшеніи сената, видно, что въ январѣ 1866 г. въ спасской части гор. Петербурга вслѣдствіе жалобы Ольхиной возбуждено было дѣло по обвиненію жены музыканта Панкратьевой въ утайкѣ заложенныхъ ей 5 билетовъ ссудной казны и въ нанесеніи ею Ольхиной побоевъ и оскорбленій и по встрѣчной жалобѣ Панкратьевой въ похищеніи Ольхиною пальто и въ оскорбленіи ея словами; по открытіи новыхъ судебныхъ установленій дѣло это по просьбѣ Ольхиной передано было мировому судьѣ 7 участка. Мировой судья допросилъ свидѣтелей и, принявъ во вниманіе, что ни одна изъ сторонъ не можетъ подтвердить взводимыхъ ею на другую сторону обвиненій и что посему „нѣтъ возможности убѣдиться въ справедливости свидѣтельскихъ показаній“, постановилъ: дѣло производствомъ прекратить, причемъ часть свидѣтелей была допрошена мировымъ судьей безъ вызова сторонъ, допросъ всѣхъ свидѣтелей производился безъ присяги и безъ отобранія установленной по закону подписки, и мировой судья, закончивъ допросъ всѣхъ свидѣтелей 27 мая, вызвалъ стороны на 4 іюня, но въ этотъ день не производилъ новаго разбирательства дѣла, а приступилъ лишь къ постановленію приговора. Въ апелляціонной жалобѣ на этотъ приговоръ повѣренный Ольхиной указываетъ на всѣ допущенныя мировымъ судьей процессуальныя нарушенія и проситъ, въ случаѣ невозможности возобновленія дѣла, взыскать съ мирового судьи 7 участка понесенные его довѣрительницей вслѣдствіе неправильнаго разрѣшенія дѣла убытки, дѣйствія мирового судьи передать преслѣдованію въ дисциплинарномъ порядкѣ, приговоръ мирового судьи отмѣнить и Панкратьеву подвергнуть наказанію. Мировой съѣздъ, находя обвиненіе Панкратьевой недоказаннымъ и не усматривая никакихъ

основаній къ возбужденію противъ мирового судьи дисциплинарнаго производства, жалобу повѣреннаго Ольхиной оставилъ безъ уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мировой съѣздъ, въ виду допущенныхъ Осликовскимъ во время словеснаго объясненія оскорбительныхъ для должности мирового судьи выраженій, постановилъ передать эти его дѣйствія преслѣдованію прокурорской власти. Въ кассаціонной жалобѣ Осликовскій вновь указываетъ на допущенныя мировымъ судьей нарушенія процессуальныхъ законовъ. Правительствующій сенатъ, усматривая, что съѣздъ не вошелъ по указаніямъ апелляціонной жалобы въ разсмотрѣніе допущеннаго мировымъ судьей существеннаго нарушенія установленныхъ закономъ формъ и обрядовъ судопроизводства, отмѣняетъ приговоръ съѣзда по нарушенію ст. 168 уст. уг. суд., обязывающей съѣздъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ частей жалобы.

Въ первомъ же рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента по дѣлу петроградскаго съѣзда, состоявшемся 20 сентября 1866 г. и напечатанномъ въ сборникѣ рѣшеній сената за этотъ годъ подъ №24, мы находимъ примѣръ незнакомства сторонъ, привыкшихъ имѣть дѣло съ отмѣненными законами, съ вновь созданными процессуальными порядками. Въ жалобѣ, принесенной гражданскому кассаціонному департаменту мастеромъ Холщевниковымъ, жалобщикъ проситъ правительствующій сенатъ пріостановить рѣшеніе съѣзда и отмѣнить продажу его имущества, описаннаго судебнымъ приставомъ при приведеніи этого рѣшенія въ исполненіе, и ходатайство свое основываетъ на ст. ст. 761 и 762 т. X, ч. II, св. зак. Сенатъ, оставляя прошеніе Холщевникова безъ послѣдствій, указываетъ, что исполненіе рѣшеній новыхъ судебныхъ установленій, учрежденныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., предусматривается постановленіями сихъ уставовъ; по силѣ же ст. ст. 184 и 814 уст. гр. суд. рѣшенія съѣзда почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію, которое не пріостанавливается и подачей кассаціонной жалобы, доколѣ не послѣдуетъ опредѣленія сената объ обращеніи дѣла къ новому разсмотрѣнію.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, восходившихъ въ 1866 г. на разсмотрѣніе сената, дало поводъ правительствующему сенату высказаться по вопросу объ обязательности для мировыхъ судебныхъ установленій руководствоваться въ силу ст. 80 уст. гр. суд. процессуальными правилами, постановленными для общихъ судебныхъ мѣстъ (рѣш. №74). Въ этомъ рѣшеніи сенатомъ признано, что въ силу ст. 80 уст. гр. суд. мировой съѣздъ обязанъ примѣнять ст. 772 уст. гр. суд., постановляющую, что судебныя палаты обязаны рѣшать всякое дѣло, не возвращая его въ окружный судъ къ новому производству и рѣшенію; впервые высказанный здѣсь взглядъ сената лишь черезъ 50 лѣтъ существованія мировыхъ учрежденій получилъ законодательную санкцію въ видѣ новой ст. 180^1 уст. гр. суд., введенной въ книгу 1 уст. гр. суд. по закону 15 іюня 1912 г. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что мировой судья отказалъ во встрѣчномъ искѣ, не признавъ за встрѣчнымъ истцомъ права на искъ. Разсмотрѣвъ дѣло по апелляціонной жалобѣ встрѣчнаго истца, мировой съѣздъ, установивъ, что апелляторъ имѣлъ право на предъявленіе встрѣчнаго иска и находя, что мировой судья не входилъ въ разсмотрѣніе размѣра этого иска, рѣшеніе мирового судьи отмѣнилъ и на основаніи ст. 12 уст. гр. суд. дѣло возвратилъ мировому судьѣ для новаго разсмотрѣнія его въ части размѣра встрѣчныхъ исковыхъ требованій. Отмѣняя рѣшеніе съѣзда по нарушенію ст. ст. 80 и 772 уст. гр. суд., сенатъ разъясняетъ съѣзду, что ст. 12 уст. гр. суд. примѣнена имъ по дѣлу неправильно, такъ какъ мировой судья входилъ въ разсмотрѣніе встрѣчнаго иска по существу, и что за силой ст. 772 уст. гр. суд. съѣздъ обязанъ былъ постановить рѣшеніе, не обращая его къ новому производству въ первой инстанціи.

Ознакомленіе съ рѣшеніями сената за первые годы

дѣятельности мировыхъ установленій приводитъ къ убѣжденію, что какъ стороны, такъ и судъ не всегда ясно разграничивали уголовный и гражданскій порядки производства дѣлъ. Примѣромъ такого смѣшенія могутъ служить два производства съѣзда, по которымъ состоялись рѣшенія сената 1866 г. № 69 и 1867 г. № 58. По первому дѣлу мѣщанинъ Табакевичъ просилъ мирового судью „подвергнуть крестьянина Шепелева взысканію" за то, что послѣдній отказался принять отъ него обратно 400 арш. тюля, полученные Табакевичемъ отъ Шепелева за проданные послѣднему рыжики, хотя тюль этотъ не былъ одобренъ женой Табакевича, по условію же продажи Табакевичъ обязанъ былъ принять тюль за рыжики лишь въ случаѣ одобренія тюля его женой. Мировой судья въ искѣ отказалъ, а мировой съѣздъ рѣшеніе судьи утвердилъ. Въ кассаціонной жалобѣ Табакевичъ проситъ рѣшеніе съѣзда отмѣнить и разсмотрѣть дѣло въ уголовномъ порядкѣ, указывая, что онъ, Табакевичъ, во время производства дѣла у мирового судьи и въ съѣздѣ доказывалъ совершеніе Шепелевымъ обмана и посему съѣздъ обязанъ былъ подвергнуть Шепелева уголовному преслѣдованію. Сенатъ принялъ во вниманіе, что дѣло возбуждено просителемъ въ гражданскомъ порядкѣ и въ томъ же порядкѣ разсмотрѣно обѣими инстанціями суда, и оставилъ жалобу Табакевича безъ послѣдствій за непредставленіемъ имъ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія.

Производство мирового судьи и съѣзда, по которому послѣдовало рѣшеніе сената 1867 г. № 58, можетъ считаться яркимъ примѣромъ смѣшенія уголовнаго и гражданскаго порядковъ самимъ судомъ. Разсмотрѣвъ уголовное дѣло по обвиненію кучера дилижанса купца Синебрюхова, Дмитріева, въ неосторожной ѣздѣ, мировой судья приговорилъ Дмитріева на основаніи ст. 123 уст. о нак. къ штрафу, а купца Синебрюхова за силой того же закона и ст. 687, т. X, ч. I, ко взысканію въ пользу потерпѣвшаго 100 руб. убытковъ и постановленіе

свое объявилъ сторонамъ на правѣ обжалованія въ апелляціонномъ порядкѣ въ мѣсячный срокъ. Синебрюховъ принесъ апелляціонную жалобу. Мировой съѣздъ, принявъ жалобу за отзывъ, рѣшеніе мирового судьи въ части взысканія съ апеллятора убытковъ утвердилъ и при этомъ сослался на ст. ст. 24 и 168 у. у. с., но въ рѣшеніи своемъ указалъ, что дѣло разсмотрѣно имъ въ качествѣ гражданскаго въ апелляціонномъ порядкѣ. Вслѣдствіе сего Синебрюховъ принесъ кассаціонную жалобу въ гражданскій кассаціонный департаментъ. Правительствующій сенатъ, находя, что дѣло начато въ уголовномъ порядкѣ, что въ виду сего кассаціонная жалоба принесена неправильно и не подлежитъ разсмотрѣнію гражданскаго кассаціоннаго департамента, что въ это положеніе дѣло поставлено неправильнымъ производствомъ его въ мировыхъ установленіяхъ, отмѣняетъ рѣшеніе съѣзда по смѣшенію имъ уголовнаго и гражданскаго порядковъ.

Приведенное выше рѣшеніе сената по дѣлу Табакевича съ Шепелевымъ заслуживаетъ вниманія еще потому, что въ рѣшеніи этомъ сенатомъ преподано руководящее разъясненіе о порядкѣ изложенія мировыми съѣздами своихъ рѣшеній въ окончательной формѣ, причемъ въ разъясненіе этого вопроса правительствующій сенатъ, руководствуясь ст. ст. 249 и 250 у. с. у., вошелъ въ порядкѣ надзора.

Постановляя объ отказѣ Табакевичу въ искѣ, мировой съѣздъ въ рѣшеніи своемъ не изложилъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, не объяснилъ, въ чемъ заключались требованія истца и отвѣтчика, не означилъ именъ тяжущихся и не привелъ законовъ, принятыхъ имъ въ основаніе своего рѣшенія. Указывая на всѣ перечисленныя упущенія, правительствующій сенатъ находитъ: „хотя уставъ гражданскаго судопроизводства не опредѣляетъ формы для рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы съѣзды руководствовались въ семъ случаѣ не предустановленными за-

кономъ правилами, а своимъ усмотрѣніемъ. Если законъ предписываетъ точныя правила относительно изложенія рѣшеній въ окончательной формѣ не только для общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 711), но и для мировыхъ судей (ст. 142), то нѣтъ уважительнаго повода къ допущенію въ семъ случаѣ изъятія для рѣшеній мировыхъ съѣздовъ". Признавая въ виду ст. 80 у. г. с., что для мировыхъ съѣздовъ вполнѣ обязательно примѣненіе правилъ, постановленныхъ въ ст. ст. 142 и 711 у. г. с. для изложенія рѣшеній мировыхъ судей и общихъ судебныхъ мѣстъ, правительствующій сенатъ разъясняетъ, что при неприведеніи въ рѣшеніяхъ съѣздовъ обстоятельствъ дѣла, законовъ и обычаевъ, положенныхъ въ основаніе рѣшенія, сенатъ лишенъ будетъ возможности при разсмотрѣніи кассаціонныхъ жалобъ судить объ основательности приводимыхъ въ нихъ доводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній и что соблюденіемъ съѣздомъ правилъ ст. ст. 142 и 711 у. г. с. будетъ достигнуто необходимое единство въ изложеніи рѣшеній общихъ судебныхъ мѣстъ и мировыхъ судебныхъ установленій; въ частности, сенатъ признаетъ обязательнымъ для мировыхъ судей и съѣздовъ указывать въ рѣшеніяхъ законы, на которыхъ они основаны; по мнѣнію сената, умолчаніе ст. 142 у. г. с. объ обязанности мировыхъ судей при изложеніи рѣшеній ссылаться на законъ объясняется тѣмъ лишь, что мировые судьи рѣшенія свои постановляютъ не только на основаніи законовъ, но и на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, о ссылкѣ на которые ст. 142 у. г. с. также не упоминаетъ. Выше мы имѣли случай указать, что ст. 142 у. г. с. не упоминаетъ объ обязанности мировыхъ судей ссылаться на законы, на которыхъ основано рѣшеніе, не случайно, какъ полагаетъ сенатъ, а вполнѣ сознательно, такъ какъ законодатель въ соотвѣтствіе съ общимъ своимъ взглядомъ на характеръ мирового суда, какъ суда совѣсти, не считалъ такую ссылку на законы существенной и необходимой. Въ приведенномъ рѣшеніи сенатъ, давая распространительное толкованіе вы-

раженному въ ст. 142 у. г. с. закону и признавая обязательнымъ для мировыхъ установленій при изложеніи ими рѣшеній въ окончательной формѣ приводить ссылку на законы, становится на почву того воззрѣнія, что мировыя установленія въ судебной своей дѣятельности должны руководствоваться не однимъ только убѣжденіемъ совѣсти, но и велѣніями законовъ. Это воззрѣніе, какъ выше мы видѣли, было опредѣленно высказано сенатомъ въ позднѣйшемъ его рѣшеніи (1868 г. № 778) по дѣлу петроградскаго съѣзда.

Въ дѣлахъ петроградскаго съѣзда, восходившихъ на разсмотрѣніе гражданскаго кассаціоннаго департамента, на разрѣшеніе сената очень часто ставился вопросъ о предѣлахъ подсудности мировыхъ судебныхъ установленій. Вопросъ этотъ чаще всего возникалъ въ отношеніи разграниченія подсудности мировыхъ учрежденій и коммерческаго суда. Среди рѣшеній 1866 г. мы находимъ рѣшеніе за № 27, въ которомъ сенатъ впервые высказывается объ обязанности мировыхъ установленій, дѣйствующихъ въ округахъ, гдѣ существуютъ коммерческіе суды, по собственному почину устранять отъ своего разсмотрѣнія дѣла, подвѣдомыя коммерческому суду. Рѣшеніе съѣзда отмѣнено сенатомъ въ виду того, что съѣздъ „совершенно устранилъ значеніе въ данномъ случаѣ свойства дѣла". Въ этомъ рѣшеніи правительствующій сенатъ въ общей формѣ обращаетъ вниманіе мировыхъ установленій на обязанность ихъ по силѣ ст. 79 у. г. с. прекращать производствомъ каждое дѣло, которое по роду его окажется неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ.

Въ сборникѣ рѣшеній сената за 1866 г., кромѣ указанныхъ выше, мы находимъ еще четыре рѣшенія по дѣламъ петроградскаго столичнаго съѣзда; изъ нихъ два рѣшенія (№№ 29, 70) состоялись по гражданскому кассаціонному департаменту и два рѣшенія (№№ 17, 79) послѣдовали по уголовному кассаціонному департаменту. Не считая нужнымъ останавливаться на этихъ рѣшеніяхъ,

такъ какъ по содержанію своему рѣшенія эти и дѣла, по которымъ они послѣдовали, существеннаго интереса не представляютъ, отмѣтимъ только, что по обоимъ рѣшеніямъ гражданскаго департамента жалобы оставлены безъ послѣдствій, а обоими рѣшеніями уголовнаго департамента приговоры съѣзда отмѣнены.

На примѣрѣ рѣшенія 1866 г. — № 69 мы видѣли, что правительствующій сенатъ, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ кассаціонныхъ жалобъ, считалъ иногда необходимымъ въ порядкѣ надзора давать съѣзду руководящія указанія по примѣненію закона. Правомъ своимъ правительствующій сенатъ пользовался не только для того, чтобы преподавать съѣзду такія указанія по примѣненію закона, но нерѣдко и съ той цѣлью, чтобы разъяснять съѣзду неправильность его дѣйствій. Мы считаемъ нужнымъ остановиться въ немногихъ словахъ на тѣхъ рѣшеніяхъ сената, которыя содержатъ такія указанія и разъясненія, оставаясь при этомъ въ предѣлахъ первыхъ лѣтъ дѣятельности петроградскаго съѣзда, когда такого рода указанія сената встрѣчались въ особенности часто. Указаніе сената, касающееся правильнаго примѣненія закона, встрѣчается въ рѣшеніи 1868 г. № 600, въ которомъ сенатъ, на основаніи ст. 5 у. с. у., помимо указаній кассаціонныхъ жалобъ, считаетъ необходимымъ указать съѣзду на неправильность приведеннаго въ рѣшеніи съѣзда соображенія его о томъ, что сторона не въ правѣ прежде рѣшенія дѣла въ ея пользу просить о присужденіи ей судебныхъ издержекъ и исчислять ихъ размѣръ, такъ какъ такое соображеніе явно противорѣчитъ содержанію ст. ст. 133, 142, п. 5, 711, п. 4, 896 и др. у. г. с. Въ другомъ случаѣ сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу безъ послѣдствій по неосновательности приводимыхъ ею доводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія, по собственному почину разъясняетъ съѣзду, что съѣздъ, отмѣнивъ рѣшеніе мирового судьи, какъ постановленное безъ разбора дѣла, долженъ былъ ограничиться возвращеніемъ дѣла мировому судьѣ, не обязывая

его вновь разсматривать дѣла, такъ какъ возобновленіе дѣла по ст. 4 у. г. с. зависитъ отъ воли самого истца (рѣш. 1869 г. № 1198). Въ указахъ своихъ правительствующій сенатъ обращаетъ иногда вниманіе на медленность въ производствѣ дѣлъ и недостатокъ внимательности при изложеніи съѣздомъ своихъ рѣшеній. Въ рѣшеніи 1869 г. № 1041 сенатъ, усматривая изъ дѣла, что кассаціонная жалоба была подана 10 апрѣля, а копія ея сообщена противной сторонѣ лишь 19 августа, предписываетъ съѣзду не допускать подобнаго промедленія. Невнимательность въ изложеніи рѣшенія усматривается сенатомъ въ томъ, что съѣздъ не только не обсудилъ представленныхъ тяжущимся двухъ документовъ, но и вовсе не упомянулъ о нихъ въ рѣшеніи, высказавъ, что другихъ доказательствъ стороной представлено не было. Отмѣняя рѣшеніе съѣзда, правительствующій сенатъ считаетъ нужнымъ, на основаніи ст. 64 у. с. у., указать съѣзду, „чтобы съѣздъ подобныхъ безпорядковъ при рѣшеніи дѣла себѣ не дозволялъ“. Рѣшеніемъ 1868 г. № 56 кассаціонная жалоба оставляется безъ послѣдствій, но сенатъ обращаетъ вниманіе съѣзда на „невнимательность его при изложеніи рѣшенія, въ которомъ названа крестьянка Васса Иванова крестьяниномъ Власомъ Ивановымъ“; „хотя эта ошибка, замѣчаетъ сенатъ, не могла имѣть въ настоящемъ дѣлѣ никакого существеннаго вліянія на рѣшеніе съѣзда, тѣмъ не менѣе, она представляетъ важный безпорядокъ въ производствѣ, который допускаемъ быть не долженъ“. Неправильность дѣйствій съѣзда усматривается сенатомъ также въ томъ, что съѣздъ, получивъ изъ сената кассаціонную жалобу, какъ неудовлетворяющую требованіямъ ст. 250 у. г. с., для направленія ея по ст. 755 того же устава, жалобы этой не возвратилъ просителю и затѣмъ отказалъ ему въ возстановленіи срока на подачу жалобы на томъ лишь основаніи, что просьба объ этомъ была подана по истеченіи двухъ недѣль со времени возвращенія жалобы сенатомъ (рѣш. 1869 г. № 396).

Неоднократно сенату приходилось обращать вниманіе на нарушеніе съѣздомъ установленнаго закономъ порядка сношеній съ правительствующимъ сенатомъ; поводомъ къ этого рода указаніямъ со стороны сената служило то обстоятельство, что нерѣдко съѣздъ препровождалъ въ сенатъ приносимыя сторонами кассаціонныя жалобы при „представленіяхъ"; въ указахъ своихъ правительствующій сенатъ разъясняетъ съѣзду, что послѣдній обязанъ сноситься съ сенатомъ не иначе, какъ „донесеніями и рапортами" по формѣ, приложенной къ ст. 221 учр. правительствующаго сената (рѣш. 1873 г. № 974, 1874—№№ 55, 264, 878 и др.).

Практика гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената по дѣламъ петроградскаго мирового съѣзда.

I. Дѣла съѣзда, возникавшія по искамъ изъ договоровъ имущественнаго найма.

1. Форма договора имущественнаго найма. 2. Обезпечительное значеніе задатка въ договорѣ имущественнаго найма. 3. Плата за помѣщеніе за сверхсрочное пользованіе. 4. Условіе о неустойкѣ. 5. Прекращеніе договора независимо отъ соглашенія сторонъ. 6. Прекращеніе договора съ перемѣной хозяина имущества. 7. Распредѣленіе тяжести доказательствъ въ искахъ изъ квартирныхъ договоровъ.

Въ настоящемъ изложеніи мы считаемъ необходимымъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на практикѣ петроградскаго съѣзда по дѣламъ, имѣвшимъ своимъ предметомъ разрѣшеніе „квартирныхъ исковъ", прежде всего по той причинѣ, что этимъ искамъ принадлежитъ преобладающее въ количественномъ отношеніи мѣсто въ сферѣ гражданской юрисдикціи мировыхъ установленій, дѣятельность которыхъ обнимаетъ крупные городскіе центры, гдѣ громадная часть населенія живетъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Въ обширной и разнообразной практикѣ мировыхъ учрежденій въ этой сферѣ гражданскихъ правоотношеній на разсмотрѣніе ихъ часто ставились сложные вопросы по примѣненію и толкованію

той части нашего матеріальнаго права, которой нормируются арендныя отношенія. Вопросы эти, нерѣдко весьма спорные, доходили въ большомъ числѣ до разсмотрѣнія правительствующаго сената, которому при разсмотрѣніи кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія петроградскаго съѣзда по этимъ искамъ пришлось высказываться почти по всѣмъ основнымъ вопросамъ договора имущественнаго найма. Рѣшаемыя петроградскимъ съѣздомъ „квартирныя" дѣла давали правительствующему сенату обильный матеріалъ для сужденій его по вопросамъ о формѣ договора имущественнаго найма, о правахъ и обязанностяхъ участвующихъ въ договорѣ сторонъ, въ частности, о силѣ и значеніи задатка, о правѣ на неустойку, о прекращеніи договора найма и о процессуальной обязанности сторонъ по представленію доказательствъ по этимъ искамъ. Рѣшенія сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, возникшимъ по „квартирнымъ" искамъ, настолько многочисленны, что привести всѣ эти рѣшенія было бы затруднительно. Поэтому мы обойдемъ молчаніемъ тѣ рѣшенія, въ которыхъ не возбуждалось и не ставилось на разрѣшеніе сената существенныхъ вопросовъ матеріальнаго права, и остановимся лишь на тѣхъ рѣшеніяхъ интересующей насъ категоріи, въ которыхъ возникали принципіальные и основные вопросы толкованія гражданскихъ законовъ, относящихся къ имущественному найму.

Ст. 1702 т. X ч. I предусматривается форма договора на наемъ городскихъ строеній; въ отличіе отъ постановленнаго въ ст. 1700 т. X ч. I общаго правила о томъ, что наемъ недвижимаго имущества дозволяется совершать лишь въ формѣ письменнаго договора, ст. 1702 разрѣшаетъ заключеніе словесныхъ договоровъ на наемъ городскихъ строеній. Судебная практика правило это, предусматривающее лишь наемъ строеній, примѣняетъ и къ найму городскихъ квартиръ, какъ частей строенія; соотвѣтствіе этой практики закону подтверждается пра-

вительствующимъ сенатомъ, разъясняющимъ, что договоръ найма городскихъ квартиръ можетъ быть заключенъ и словесно, а въ случаѣ облеченія этого договора въ письменную форму онъ можетъ быть совершаемъ домашнимъ порядкомъ и для дѣйствительности своей не требуетъ засвидѣтельствованія и какой-либо опредѣленной формы. Впервые вопросъ о формѣ договора на наемъ городскихъ квартиръ поставленъ на разрѣшеніе сената по дѣлу петроградскаго мирового съѣзда (рѣш. 1868 г. № 401). Въ кассаціонной жалобѣ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія съѣзда приводится указаніе на то, что съѣздомъ въ доказательство существованія договора найма квартиры принятъ неявленный къ засвидѣтельствованію неформальный домашній актъ. Кассаціонная жалоба оставлена сенатомъ безъ послѣдствій. Въ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ того же съѣзда (1868 г. № 501, 1869 г. № 88) сенатъ вновь подтверждаетъ правильность практики съѣзда, допускавшаго свидѣтельскія показанія для доказательства найма квартиръ и меблированныхъ комнатъ.

Въ дѣлѣ Полонскаго съ Тупиковымъ на разрѣшеніе съѣзда поставленъ былъ вопросъ о судьбѣ уплаченнаго по договору имущественнаго найма задатка при неисполненіи договора нанимателемъ. Признавая за задаткомъ значеніе обезпеченія договора, мировой съѣздъ въ указанномъ нами дѣлѣ пришелъ къ заключенію, что по общему смыслу нашихъ гражданскихъ законовъ и по установившемуся обычаю задатокъ, въ случаѣ неисполненія договора по винѣ уплатившаго его нанимателя, остается въ пользу наимодавца, хотя бы о семъ въ договорѣ найма и не было постановлено. Разрѣшаемый съѣздомъ основной по дѣлу вопросъ о значеніи задатка, какъ средства обезпеченія договора, и о судьбѣ его при неисполненіи договора одной изъ сторонъ кассаціонной жалобой не затрагивается. Поэтому въ указанномъ дѣлѣ сенату не пришлось высказать своего сужденія по этому

вопросу (рѣш. 1867 г. № 157). Съ приведеннымъ рѣшеніемъ съѣзда, въ которомъ съѣздъ опредѣленно высказывается въ смыслѣ признанія задатка средствомъ обезпеченія договора, интересно сопоставить практику правительствующаго сената по тому же вопросу о значеніи задатка въ договорѣ имущественнаго найма. Въ цѣломъ рядѣ раннихъ своихъ рѣшеній сенатъ признаетъ, что спеціальныя правила закона (ст.ст. 1685—1688 т. X, ч. I) о задаточныхъ распискахъ и задаткѣ при куплѣ-продажѣ недвижимости не могутъ имѣть примѣненія къ другимъ договорамъ и, въ частности, къ договорамъ купли-продажи движимости и имущественнаго найма; для приложенія къ задатку по договору найма недвижимости постановленнаго въ ст. 1688 т. X ч. I правила, что сторона, внесшая задатокъ, при отказѣ своемъ отъ договора теряетъ его въ пользу стороны, принявшей задатокъ, требуется особое условіе о семъ въ договорѣ (рѣш. 1874 г. № 859, 1877 г. № 219, 1879 г. № 47 и др.). Въ позднѣйшей своей практикѣ правительствующій сенатъ отказывается отъ первоначальнаго своего взгляда и приходитъ къ противоположному выводу. Въ рѣшеніи 1899 г. № 40 правительствующій сенатъ признаетъ за задаткомъ въ договорѣ найма недвижимости обезпечительное значеніе и приходитъ къ заключенію, что при отсутствіи въ договорѣ особаго условія о судьбѣ задатка „обезпеченіе договора задаткомъ должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что при неисполненіи договора по винѣ давшаго задатокъ или при отказѣ его отъ исполненія договора, задатокъ остается въ пользу получившаго его контрагента и, слѣдовательно, возврату не подлежитъ“ (см. также рѣшенія 1888 г. № 33, 1892 г. № 12).

Въ практикѣ мирового съѣзда въ первые годы его дѣятельности неоднократно возникалъ вопросъ, въ правѣ ли наимодавецъ по истеченіи срока найма и при неочищеніи помѣщенія нанимателемъ опредѣлять по

своему одностороннему усмотрѣнію плату за остающееся въ пользованіи квартиранта помѣщеніе? Вопросъ этотъ разрѣшается мировымъ съѣздомъ утвердительно; выводъ свой мировой съѣздъ обосновываетъ ссылкой на ст. 420 т. X, ч. I, признающую за собственникомъ имущества неограниченную власть владѣть и распоряжаться своей собственностью и, слѣдовательно, предоставляющую ему право опредѣлять по своему усмотрѣнію плату за пользованіе имуществомъ, не состоящимъ въ наймѣ. Правительствующій сенатъ, послѣдовательно отмѣняя всѣ рѣшенія съѣзда, въ которыхъ вопросъ этотъ разрѣшался съѣздомъ въ положительномъ смыслѣ, разъясняетъ, что требованіе собственника объ уплатѣ ему опредѣленнаго вознагражденія за пользованіе имуществомъ сверхъ срока контракта нельзя разсматривать, какъ наемную плату за помѣщеніе, такъ какъ такое требованіе, не основанное на обоюдномъ соглашеніи сторонъ, для жильца необязательно; по мнѣнію сената, самовольное занятіе помѣщенія бывшимъ нанимателемъ сверхъ срока контракта отвѣчаетъ понятію незаконнаго владѣнія; по силѣ же ст.ст. 609, 610 т. X, ч. I, всякое незаконное владѣніе чужимъ имуществомъ порождаетъ у собственника его лишь право требовать вознагражденія за причиненный ущербъ и собственникъ имущества не освобождается въ этомъ случаѣ отъ обязанности доказать передъ судомъ размѣръ и количество понесеннаго имъ ущерба по общимъ правиламъ закона (рѣш. 1870 г. №№ 781, 1249, 1871 г. № 1144).

По дѣламъ, возникавшимъ изъ споровъ о наймѣ квартиръ, съѣзду и правительствующему сенату нерѣдко приходилось высказываться по вопросу о правѣ наимодателя на взысканіе обусловленной по договору неустойки съ нанимателя въ случаѣ нарушенія послѣднимъ принятыхъ на себя обязательствъ. Сенатъ вмѣстѣ съ съѣздомъ признаетъ, что наимодатель въ правѣ взыскивать условленную по договору неустойку, если срочный платежъ внесенъ нанимателемъ съ пропускомъ срока въ депозитъ суда, хотя бы наимодатель плату эту получилъ изъ суда, такъ какъ, по мнѣнію сената, „принятіе платежа не служитъ еще доказательствомъ отреченія отъ тѣхъ правъ, которыя сопряжены съ внесеніемъ денегъ не въ срокъ“ (рѣш. 1871 г. № 249). Въ другомъ случаѣ правительствующій сенатъ, оставляя также безъ послѣдствій кассаціонную жалобу и соглашаясь съ приведеннымъ въ рѣшеніи съѣзда толкованіемъ ст. 2055 т. X, ч. I, присоединяется къ выводу съѣзда, что взносъ наемной платы въ срокъ мировому судьѣ не избавляетъ нанимателя отъ платежа неустойки, если наниматель не докажетъ, что внесеніе платы въ судъ послѣдовало лишь вслѣдствіе уклоненія наимодателя отъ принятія денегъ (рѣш. 1872 г. № 310).

Интереснымъ представляется рѣшеніе съѣзда (по дѣлу Добренокъ съ Кондзеровскимъ) по вопросу объ обстоятельствахъ, освобождающихъ обязавшуюся по договору найма сторону отъ уплаты предусмотрѣнной договоромъ неустойки. Въ указанномъ дѣлѣ противъ иска о взысканіи договорной неустойки за прожитое въ квартирѣ сверхъ срока условія время отвѣтчикъ возражалъ, что обязанность свою очистить помѣщеніе въ срокъ онъ не имѣлъ возможности исполнить вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни. Признавъ доказаннымъ по дѣлу возраженіе отвѣтчика, мировой съѣздъ въ искѣ о неустойкѣ отказалъ, находя, что установленная договоромъ неустойка не подлежитъ взысканію, если условіе, исполненіе котораго обезпечено неустойкой, не было выполнено обязавшимся контрагентомъ безъ всякой вины съ его стороны; заключеніе свое съѣздъ обосновалъ аналогіей со ст. 684 т. X, ч. I, устраняющей обязанность возмѣщенія убытковъ при доказанной со стороны лица, нанесшаго убытки, невозможности ихъ предотвращенія, и ссылкой на рѣшеніе сената 1871 г. № 428, признавшаго, что обязанность уплаты неустойки отпадаетъ, если неисполненіе охраняемаго ею условія послѣдовало по

случайной причинѣ. Вполнѣ раздѣляя основательность юридическихъ соображеній съѣзда, сенатъ указываетъ, что по духу нашего закона тяжкая болѣзнь должна быть отнесена къ событіямъ, независящимъ отъ воли лица и потому извиняющимъ неисполненіе условія, обезпечиваемаго неустойкой, взысканіе которой можетъ послѣдовать лишь при наличности вины обязавшейся стороны; „къ сему заключенію, добавляетъ сенатъ, неизбѣжно приводитъ и чувство справедливости, долженствующее всегда помогать судьѣ при разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ“ (рѣш. 1900 г. № 62).

Въ связи съ только-что упомянутымъ вопросомъ объ обстоятельствахъ, освобождающихъ нанимателя отъ уплаты неустойки, слѣдуетъ привести и другія состоявшіяся по дѣламъ петроградскаго съѣзда рѣшенія сената, въ которыхъ ставился болѣе общій вопросъ о прекращеніи договора имущественнаго найма независимо отъ соглашенія участвующихъ въ немъ сторонъ. Сенатъ оставляетъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда, которымъ признано было, что появленіе въ квартирѣ сырости, возникшей не по винѣ нанимателя, а составляющей обыкновенный недостатокъ квартиры, служитъ достаточнымъ основаніемъ къ расторженію договора по требованію нанимателя и къ освобожденію его отъ обязанностей по сему договору (рѣш. 1876 г. № 364). Приведенное рѣшеніе сената составляетъ одно изъ первыхъ рѣшеній его по вопросу о вліяніи существенныхъ недостатковъ предмета найма на сохраненіе арендным договоромъ своей силы. Въ другомъ дѣлѣ на разрѣшеніе съѣзда и сената былъ поставленъ вопросъ о томъ, составляетъ ли обязательная перемѣна мѣстожительства лица, состоящаго на военной службѣ, вслѣдствіе перемѣщенія его по распоряженію военнаго начальства на службу въ другой городъ, основаніе къ освобожденію его отъ принятыхъ на себя обязанностей по договору найма квартиры. На поставленный вопросъ

мировой съѣздъ далъ отрицательный отвѣтъ, основываясь на томъ условіи заключеннаго между сторонами договора, что оставленіе нанимателемъ квартиры по причинамъ, не зависящимъ отъ собственника имущества, не лишаетъ договора силы, и считая, что условіе это, какъ не содержащее въ себѣ никакого противорѣчія закону, должно быть признано дѣйствительнымъ. Сенатъ, оставляя рѣшеніе въ силѣ, полагаетъ, что перемѣщеніе военно-служащаго по распоряженію его военнаго начальства на службу въ другой городъ „не можетъ почитаться тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствомъ, которое, независимо отъ личной воли стороны, участвующей въ договорѣ, дѣлаетъ исполненіе физически или юридически невозможнымъ, ибо такая невозможность исполненія должна относиться къ предмету исполненія, а не къ личнымъ только обстоятельствамъ обязаннаго“ (рѣш. 1906 г. № 76). Въ недавнемъ рѣшеніи своемъ по дѣлу птг. съѣзда (1913 г. № 64) правительствующій сенатъ даетъ весьма распространительное толкованіе понятію существенныхъ недостатковъ предмета найма, наличность которыхъ создаетъ для нанимателя право досрочно отступиться отъ исполненія наемнаго договора. Мировой съѣздъ удовлетворилъ искъ о взысканіи срочныхъ платежей квартирной платы и не согласился съ возраженіями отвѣтчика, который, оставивъ квартиру до срока контракта, отказывался вносить арендную плату на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ возможности въ теченіе долгаго времени пользоваться устроеннымъ на лѣстницѣ дома лифтомъ по случаю его ремонта. Мировой съѣздъ нашелъ, что пользованіе лифтомъ не оговорено въ условіи найма квартиры и что посему бездѣйствіе лифта не давало нанимателю основанія считать себя свободнымъ отъ принятыхъ на себя по условію обязательствъ. Правительствующій сенатъ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда, полагаетъ, что лифтъ, доставляя нанимателю возможность пользоваться отданной въ наймы квартирой, составляетъ необходимую ея принадлежность, поэтому пользованіе

лифтомъ со стороны нанимателя, само собой разумѣется, и не должно быть оговариваемо въ договорѣ; бездѣйствіе лифта въ теченіе продолжительнаго времени вполнѣ обнимается понятіемъ тѣхъ существенныхъ недостатковъ предмета найма, наличность которыхъ даетъ нанимателю основаніе досрочно отступиться отъ исполненія договора.

По дѣламъ птг. съѣзда состоялось два рѣшенія сената по вопросу о томъ, прекращается ли договоръ имущественнаго найма съ перемѣной хозяина имущества. Вопросъ этотъ, не разрѣшаемый прямыми постановленіями нашихъ гражданскихъ законовъ, и ранѣе возникалъ въ сенатской практикѣ, но впервые исчерпывающее его разъясненіе сенатомъ послѣдовало въ рѣшеніяхъ, состоявшихся по дѣламъ птг. съѣзда; въ обоихъ случаяхъ кассаціонныя жалобы оставлены сенатомъ безъ послѣдствій. Въ дѣлѣ, по которому послѣдовало первое изъ этихъ рѣшеній (1869 г. № 882), мировой съѣздъ приходитъ къ отрицательному отвѣту на поставленный вопросъ, основываясь на буквальномъ смыслѣ ст. 1705 т. X, ч. I, а также исходя изъ того соображенія, что законы наши, подробно перечисляющіе въ ст.ст. 1545—1553 т. X, ч. I всѣ случаи прекращенія и отмѣны договоровъ, не указываютъ среди нихъ въ качествѣ основанія къ прекращенію силы наемнаго договора перехода права собственности на имущество, находящееся въ наймѣ, къ другому лицу; ст. 521 т. X, ч. I прямо дозволяетъ вотчиннику имущества, находящагося во временномъ постороннемъ владѣніи, уступать свое право собственности на это имущество, не стѣсняя, однако, права отдѣльнаго владѣнія сего посторонняго владѣльца; ссылаясь на ст. 1703 т. X, ч. I и ст. 1099 у. г. с., мировой съѣздъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ законъ предусматриваетъ сохраненіе силы договора найма имущества при переходѣ права собственности на него отъ прежняго собственника къ новому. Въ позднѣйшемъ

своемъ рѣшеніи по тому же вопросу (1870 г. № 1794), въ которомъ сужденія сената изложены въ принципіальной и общей формѣ, сенатъ приходитъ къ тому же выводу, на которомъ останавливается и съѣздъ по предыдущему дѣлу, и обосновываетъ его соображеніями, по содержанію своему вполнѣ совпадающими съ только-что приведенными мотивами съѣзда, но изложенными лишь съ еще бо̀льшей подробностью.

Намъ остается упомянуть о тѣхъ рѣшеніяхъ сената, коими преподаются указанія о распредѣленіи между сторонами тяжести доказательствъ въ искахъ изъ квартирныхъ договоровъ. Въ рѣшеніяхъ своихъ по дѣламъ птг. съѣзда сенатъ придерживается взгляда, что въ искахъ изъ договоровъ имущественнаго найма, какъ договоровъ двусторонніхъ, бремя доказыванія должно распредѣляться между сторонами сообразно возложеннымъ на нихъ по договору обязанностямъ и что посему на истцѣ-наймодателѣ лежитъ обязанность доказать предоставленіе имъ нанимателю предмета найма за опредѣленную плату и на опредѣленный срокъ, а на отвѣтчика-нанимателя падаетъ обязанность представить доказательства исполненія имъ своей обязанности въ отношеніи своевременной уплаты наемныхъ денегъ (рѣш. 1869 г. № 949, 1870 г. № 1893, 1873 г. № 33). Изъ приведенныхъ рѣшеній усматривается, что съѣздъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ устанавливаемыхъ сенатомъ началъ, то возлагая на истца-наймодателя обязанность доказать неуплату нанимателемъ наемной платы, то освобождая его отъ представленія доказательствъ размѣра квартирной платы. Сенатской практикой, нашедшей свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, устанавливается и то правило, что въ искахъ о квартирной платѣ, предъявляемыхъ послѣ добровольнаго выѣзда нанимателя изъ бывшаго въ наймѣ помѣщенія, обязанность доказать существованіе долга по квартирной платѣ, оставшагося за нанимателемъ, лежитъ на взыскателѣ, такъ какъ, по взгляду сената, очищеніе нанимате-

лемъ помѣщенія прекращаетъ основанныя на договорѣ найма отношенія домовладѣльца къ жильцу и создаетъ между сторонами новыя обязательственныя отношенія кредитора къ должнику, доказательства же существованія долга долженъ представить кредиторъ. Руководствуясь этими соображеніями, сенатъ отмѣняетъ тѣ рѣшенія съѣзда, которыя состоялись съ нарушеніемъ преподанныхъ сенатомъ по этому вопросу указаній (рѣш. 1875 г. № 383, 1876 г. №489). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ рѣшеній по дѣлу птг. съѣзда сенатъ находитъ, однако, возможнымъ отступить отъ прежняго своего взгляда, подтвержденнаго многочисленными рѣшеніями. Сенатомъ на этотъ разъ въ общей формѣ признано, что въ искахъ о квартирной платѣ, независимо отъ момента предъявленія ихъ — до или послѣ очищенія помѣщенія нанимателемъ, не можетъ быть напередъ установлено единаго правила о томъ, которая изъ сторонъ—истецъ-наймодатель или отвѣтчикъ-наниматель—обязана доказать существованіе долга или уплату денегъ; разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, должно быть предоставлено суду, рѣшающему дѣло по существу, и потому повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ (рѣш. 1879 г. № 337).

II. Дѣла съѣзда, возникавшія по искамъ изъ договоровъ личнаго найма.

Форма договора личнаго найма. Колебанія кассаціонной практики по этому вопросу. Первоначальная практика съѣзда по примѣненію ст. 2226 т. X, ч. I. Измѣненіе во взглядахъ съѣзда и сената. Договоръ найма учителя — рѣш. 1912 г. № 26. Рѣшеніе 1912 г. № 91.

Выше указывалось, что на-ряду съ дѣлами, имѣвшими своимъ содержаніемъ споры изъ договоровъ имущественнаго найма, мировымъ установленіямъ гор. Петрограда столь же часто приходилось принимать къ своему разсмотрѣнію иски, возникавшіе изъ договоровъ найма личнаго. Мы считаемъ поэтому необходимымъ обратить

вниманіе на практику съѣзда и по этимъ дѣламъ, причемъ прежде всего остановиться на тѣхъ рѣшеніяхъ съѣзда, въ которыхъ съѣзду приходилось примѣнять постановленія общихъ гражданскихъ законовъ о личномъ наймѣ; практикѣ съѣзда по рабочимъ дѣламъ, какъ спеціальному виду личнаго найма, въ настоящемъ изложеніи удѣляется особое мѣсто.

Многочисленныя рѣшенія сената по толкованію содержащихся въ X томѣ Св. Зак. постановленій о личномъ наймѣ касаются, главнымъ образомъ, вопроса о формѣ договора личнаго найма. Практика сената по этому возбуждавшему немало сомнѣній вопросу отличалась значительными колебаніями. Въ рѣшеніяхъ своихъ, относящихся къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, сенатъ неизмѣнно держится взгляда, что законъ нашъ (ст. 2224 т. X, ч. I) въ видѣ общаго правила предписываетъ письменный порядокъ совершенія договора личнаго найма и словесную форму этого договора допускаетъ лишь для спеціальныхъ видовъ его, особо закономъ предусмотрѣнныхъ. Сенатъ, однако, признаетъ, что законъ, требуя совершенія договора личнаго найма на письмѣ, не устанавливаетъ для него какой-либо опредѣленной формы и допускаетъ совершеніе его домашнимъ порядкомъ. Отступая отъ строгаго проведенія высказаннаго имъ общаго начала, сенатъ, далѣе, разъясняетъ, что письменная форма договора не составляетъ необходимаго условія его дѣйствительности и въ судебномъ процессѣ нанявшаяся сторона при отрицаніи отвѣтчикомъ-нанимателемъ самаго существованія договора не лишена возможности отыскивать вознагражденіе за оказанныя услуги и доказывать свое право на это вознагражденіе свидѣтельскими показаніями. Наконецъ, въ рядѣ сенатскихъ рѣшеній признается достаточнымъ словесное заключеніе договора личнаго найма для отдѣльныхъ случаевъ, прямо не предусмотрѣнныхъ ст. 2226 т. X, ч. I, допускающей безъ письменнаго условія лишь наемъ слугъ и рабочихъ. Въ послѣднее время сенатская практика кореннымъ обра-

зомъ мѣняетъ свой взглядъ на значеніе письменной формы договора личнаго найма и приходитъ къ окончательному выводу, что законъ въ одинаковой степени покровительствуетъ какъ письменному, такъ и словесному порядку его совершенія. Эти измѣненія во взглядахъ сената по вопросу о формѣ договора личнаго найма можно отчетливо прослѣдить на рѣшеніяхъ сената, состоявшихся по дѣламъ птг. съѣзда.

Какъ можно убѣдиться изъ обозрѣнія рѣшеній сената за 60 и 70 годы прошлаго столѣтія по дѣламъ птг. съѣзда, практика съѣзда за указанные годы признавала обязательной письменную форму договора для всѣхъ безъ исключенія видовъ личнаго найма. Ст. 2226 т. X, ч. I, до измѣненія ея редакціи по закону 3 іюня 1894 года, постановляла, что споры изъ договоровъ о наймѣ слугъ и рабочихъ, заключенныхъ безъ письменнаго удостовѣренія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть маклеръ, не пользуются защитой полицейской власти и не принимаются къ разсмотрѣнію въ „словесномъ судѣ". Въ виду редакціи ст. 2226 т. X, ч. I съѣздъ признавалъ, что и для этого вида личнаго найма законъ безусловно требуетъ письменной формы, и отказывался удовлетворять предъявляемые по ст. 2226 иски, если они не были основаны на письменномъ договорѣ. Правительствующій сенатъ въ рядѣ своихъ рѣшеній (1868 г. №№ 645, 832; 1877 г. № 154) разъясняетъ съѣзду неправильность его точки зрѣнія, указывая, что приведенный законъ имѣетъ въ виду отмѣненный судебными уставами порядокъ судоустройства; буквальный же смыслъ ст. 2226 разрѣшаетъ наемъ слугъ и рабочихъ, въ отступленіе отъ выраженнаго въ ст. 2224 общаго правила, производить и безъ письменнаго удостовѣренія, почему словесный наемъ слугъ и рабочихъ долженъ пользоваться судебной защитой.

Въ дѣлѣ Дзѣдзюля съ Шенфельдеръ съѣздъ оставилъ безъ удовлетворенія искъ домашняго учителя о вознагражденіи за уроки на томъ основаніи, что истецъ не представилъ въ доказательство своихъ требованій

письменнаго договора, а сослался лишь на свидѣтелей, въ допросѣ которыхъ съѣздъ за силой ст. 409 у. г. с. отказалъ. Сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда безъ послѣдствій, формулируетъ общее правило, что „на основаніи законовъ гражданскихъ договоры личнаго найма должны быть заключены на письмѣ (ст.ст. 1534 и 2224 т. X, ч. I), за исключеніемъ положительно указанныхъ въ ст.ст. 2226 и 2227 т. X, ч. I случаевъ" и находитъ, что „предметъ словеснаго договора истца съ отвѣтчикомъ заключался въ принятіи на себя истцомъ обязанности давать уроки сыну отвѣтчика за опредѣленную плату, а потому не относится къ числу тѣхъ случаевъ, въ коихъ по закону допускается словесное заключеніе договора личнаго найма" (рѣш. 1877 г. № 13).

Договоръ личнаго найма, требуя по общему правилу письменной формы, можетъ быть, однако, совершаемъ домашнимъ порядкомъ. Съѣздъ отказалъ въ искѣ повѣреннаго о вознагражденіи за веденіе дѣла на томъ только основаніи, что положенное въ основаніе исковыхъ требованій письменное условіе не было засвидѣтельствовано нотаріусомъ, какъ того, по мнѣнію съѣзда, требуетъ ст. 2224 т. X, ч. I. Отмѣняя рѣшеніе съѣзда, сенатъ разъясняетъ, что дѣйствующіе законы не предусматриваютъ какой-либо опредѣленной формы для договоровъ личнаго найма, которые могутъ быть заключаемы и домашнимъ порядкомъ (рѣш. 1870 г. № 60).

Установивъ на приведенномъ выше примѣрѣ найма домашняго учителя то общее начало, что по силѣ ст. 2224 личный наемъ долженъ быть облеченъ въ письменную форму, сенатъ, идя навстрѣчу потребностямъ жизни, стремится для отдѣльныхъ случаевъ найма создать исключенія изъ этого общаго правила и для достиженія этой цѣли прибѣгаетъ къ распространительному толкованію ст. 2226 т. X, ч. I, подводя подъ понятіе „слугъ и рабочихъ" такого рода отношенія по личному найму, которыя не обнимаются буквальнымъ значеніемъ этого термина. Примѣръ такого распространительнаго толкованія

содержится въ рѣшеніи 1873 г. № 1512, въ которомъ сенатъ примѣняетъ правило ст. 2226 къ найму наблюдателя за сооруженіемъ желѣзнодорожной линіи; рѣшеніе съѣзда отмѣняется сенатомъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ съѣздъ продолжаетъ держаться взгляда на обязательность письменной формы для всѣхъ видовъ личнаго найма.

Придерживаясь той же формальной точки зрѣнія, съѣздъ не признаетъ возможнымъ удовлетворить искъ о платѣ за работы, находя, что заключенное между сторонами условіе, не предусматривая платы за работы и не опредѣляя ея размѣра, не соотвѣтствуетъ необходимымъ признакамъ договора личнаго найма и по этой причинѣ не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Рѣшеніе это даетъ поводъ сенату, въ соотвѣтствіи съ прежними его разъясненіями (рѣш. 1874 г. № 713, 1876 г. № 98), еще разъ высказать сужденіе, что истецъ, не доказавъ заключенія договора найма, не лишается, тѣмъ не менѣе, права отыскивать вознагражденіе за оказанныя услуги и произведенныя работы, такъ какъ безмездный переходъ цѣнности въ гражданскомъ оборотѣ закономъ не предполагается (рѣш. 1877 г. № 1441).

Съ теченіемъ времени практика птг. съѣзда по вопросу о формѣ договора личнаго найма мѣняетъ свое направленіе; идя навстрѣчу потребностямъ жизни, условія которой не считались съ формальными требованіями судебной практики, съѣздъ отказывается отъ прежняго своего воззрѣнія и начинаетъ придерживаться взгляда, что словесный порядокъ совершенія допускается для всякаго рода договоровъ личнаго найма. Въ послѣднее время кореннымъ образомъ пересматриваетъ свое отношеніе къ тому же вопросу и правительствующій сенатъ. Поводомъ къ этому пересмотру послужило рѣшеніе птг. съѣзда. Въ дѣлѣ Гюнтеръ съ Маковской мировой съѣздъ, удовлетворяя искъ домашняго учителя о вознагражденіи за преподаваніе, за отсутствіемъ письменнаго договора допустилъ въ доказательство условій найма свидѣтельскія показанія. Въ кассаціонной жалобѣ отвѣтчика указывается на нарушеніе съѣздомъ ст. 2224, т. X, ч. I и ст. 409 у. г. с. Въ подробно мотивированномъ рѣшеніи правительствующій сенатъ, оставляя безъ послѣдствій кассаціонную жалобу и детально останавливаясь на грамматическомъ и историческомъ толкованіи ст. 2224 т. X, ч. I, приходитъ къ выводу, прямо противоположному тому, котораго на протяженіи многихъ лѣтъ придерживалась кассаціонная практика. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ признаетъ: „договоры о личномъ наймѣ должны быть совершаемы на письмѣ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда письменная форма для даннаго вида договоровъ установлена въ законѣ; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ они могутъ быть заключены и на словахъ"; такимъ исключительнымъ случаемъ совершенія договора о личномъ наймѣ на письмѣ сенатъ считаетъ лишь нѣкоторые отдѣльные виды его, предусмотрѣнные спеціальными постановленіями устава торговаго; ст. 2224 т. X, ч. I содержитъ общее правило и не требуетъ для совершенія договора личнаго найма письменной формы (рѣш. 1912 г. № 26).

Въ заключеніе нашего обзора практики съѣзда и рѣшеній сената по искамъ изъ договоровъ личнаго найма можемъ отмѣтить еще одно рѣшеніе сената, состоявшееся по дѣлу птг. съѣзда, въ которомъ на разрѣшеніе съѣзда и сената поставленъ былъ вопросъ объ обязанности нанимателя выдать нанявшемуся, по прекращеніи срока найма, аттестатъ о нравственныхъ качествахъ, знаніяхъ и способностяхъ состоявшаго на службѣ лица. Мировой съѣздъ, разрѣшая этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, нашелъ, что общимъ закономъ о личномъ наймѣ на нанимателя не возлагается обязанности выдавать нанявшемуся аттестатъ и, кромѣ того, призналъ, что требованіе о побужденіи нанимателя выдать аттестатъ не можетъ быть предметомъ судебнаго спора, такъ какъ „у суда нѣтъ никакой возможности привести подобное рѣшеніе свое въ исполненіе и потому самое рѣшеніе не влечетъ за собой никакихъ послѣд-

ствій для сторонъ". Не касаясь правильности послѣдняго соображенія съѣзда и оставляя его вовсе безъ обсужденія, правительствующій сенатъ соглашается съ мнѣніемъ съѣзда, что дѣйствующіе законы о личномъ наймѣ, за исключеніемъ спеціальныхъ случаевъ, не знаютъ обязанности нанимателя выдавать нанявшемуся аттестатъ объ его службѣ (рѣш. 1912 г. № 91).

III. Практика съѣзда по вопросамъ родовой подсудности.

1. Подсудность гражданскихъ дѣлъ мировымъ судебнымъ установленіямъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ: п. 2 ст. 29 и п. 1 ст. 31 у. г. с.; ст. 217 у. г. с., п. 4 ст. 273 у. г. с.; ст. 31 и ст. ст. 1289—1299 у. г. с. 2. Ст. 1 у. г. с.; ст. 225 у. г. с. 3. Подсудность гражданскихъ дѣлъ мировымъ судебнымъ установленіямъ и коммерческому суду; толкованіе понятій „торговаго оборота" и „договоровъ и обязательствъ, торговлѣ свойственныхъ".

Изъ всѣхъ вопросовъ процессуальнаго права, по которымъ правительствующему сенату приходилось высказываться при разсмотрѣніи кассаціонныхъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія птр. съѣзда мировыхъ судей, однимъ изъ наиболѣе существенныхъ представляется вопросъ о родовой подсудности гражданскихъ дѣлъ. Подсудность гражданскихъ дѣлъ мировымъ судебнымъ установленіямъ опредѣлена ст. 29 у. г. с. ограничительно: вѣдомству мировыхъ установленій подлежатъ только тѣ споры о правѣ гражданскомъ, которые въ точности перечислены въ шести пунктахъ ст. 29; всѣ же гражданскіе иски, которые не обнимаются опредѣленіями ст. 29 у. г. с., подвѣдомственны общимъ судебнымъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мировымъ судебнымъ установленіямъ петроградскаго округа въ виду существованія въ Петроградѣ коммерческаго суда неподсудны гражданскія дѣла, по роду своему, въ силу ст. ст. 40—43 у. с. т., отнесенныя къ вѣдомству сего суда. Потому мировымъ установленіямъ петроградскаго округа при разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ приходится останавливаться на разрѣшеніи вопроса о подсудности въ двухъ направленіяхъ, разграничивая мировую подсудность отъ подсудности общей и

коммерческой. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ представляло иногда нѣкоторыя затрудненія, связанныя съ толкованіемъ закона, и въ практикѣ мирового съѣзда вызывало сомнѣнія, разрѣшаемыя правительствующимъ сенатомъ. Состоявшіяся по дѣламъ птг. съѣзда рѣшенія сената по вопросамъ родовой подсудности гражданскихъ дѣлъ довольно многочисленны, а нѣкоторыя изъ нихъ содержали принципіальное разъясненіе закона и имѣли общій интересъ и руководящее значеніе. Эти соображенія заставляютъ насъ остановиться на обозрѣніи практики съѣзда и сената по указанному вопросу процессуальнаго права.

Прежде всего мы обращаемъ наше вниманіе на рѣшенія сената, въ которыхъ ставился вопросъ о разграниченіи подсудности мировыхъ установленій и общихъ судебныхъ мѣстъ. П. 4, нынѣ п. 2 ст. 29 у. г. с. относитъ къ вѣдомству мировыхъ установленій иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія; п. 1 ст. 31 у. г. с. изъемлетъ изъ подсудности мировыхъ учрежденій всѣ иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ. Изъ сопоставленія этихъ правилъ закона слѣдуетъ, что при разсмотрѣніи искового требованія о возстановленіи владѣнія, нарушеннаго самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика, мировыя установленія не могутъ входить въ обсужденіе правъ сторонъ на владѣніе недвижимостью, а обязаны ограничиваться лишь установленіемъ фактическаго владѣнія недвижимостью со стороны истца и нарушенія этого владѣнія отвѣтчикомъ. Это разграниченіе понятій факта владѣнія и права на владѣніе, повидимому, не всегда достаточно отчетливо сознается мировыми установленіями на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности при разсмотрѣніи исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Примѣръ такого неяснаго разграниченія указанныхъ понятій мы встрѣчаемъ въ дѣлѣ птг. съѣзда, по которому послѣдовало рѣшеніе сената 1873 г. № 950.

Въ исковомъ прошеніи истецъ обвинялъ отвѣтчиковъ въ томъ, что они нарушили его владѣніе, самовольно отдавъ въ пользованіе третьему лицу половину земельнаго участка, которымъ истецъ съ давняго времени безспорно и спокойно владѣлъ; отвѣтчики возражали противъ иска, ссылаясь на принадлежащее имъ право владѣнія недвижимостью. Мировой судья прекратилъ дѣло на основаніи п. 1 ст. 31 у. г. с. Мировой съѣздъ, оставляя безъ послѣдствій частную жалобу истца, въ соображеніяхъ своихъ высказалъ, что разрѣшеніе вопроса о правѣ отвѣтчиковъ на отдачу земли въ пользованіе третьему лицу тѣсно связано съ выясненіемъ вопроса о правѣ ихъ на владѣніе этой недвижимостью; разсмотрѣніе же этого вопроса за силой п. 1 ст. 31 у. г. с. не подлежитъ вѣдомству мировыхъ установленій. Правительствующій сенатъ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда, съ большой подробностью разъясняетъ, что подсудность дѣла опредѣляется не возраженіями отвѣтчика, а лишь содержаніемъ искового требованія; въ искахъ же о возстановленіи нарушеннаго владѣнія мировымъ установленіямъ надлежитъ лишь установить принадлежность истцу фактическаго владѣнія недвижимостью и нарушеніе этого владѣнія отвѣтчикомъ, не касаясь при разсмотрѣніи дѣла такихъ заявленій сторонъ, которыми возбуждаются вопросы, мировымъ судебнымъ установленіямъ неподсудные.

Въ дѣлѣ Горшенева и де-Векки на разрѣшеніе сената поставленъ былъ вопросъ о толкованіи 217 ст. у. г. с. Въ исковомъ прошеніи истецъ объяснилъ, что отвѣтчикъ самовольно перепечатывалъ въ издаваемой имъ газетѣ стенографическіе рефераты и краткіе отчеты о судебныхъ процессахъ, составляемые истцомъ и помѣщаемые имъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; на этомъ основаніи истецъ просилъ взыскать съ отвѣтчика 37 руб., составляющіе построчную плату по всѣмъ самовольно перепечатаннымъ отвѣтчикомъ отчетамъ. Отвергая отводъ отвѣтчика о неподсудности дѣла мировымъ установленіямъ и находя, что предъявленный искъ надлежитъ разсматривать, какъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, предусмотрѣнный п. 2 ст. 29 у. г. с., съѣздъ высказываетъ мнѣніе, что ссылка отвѣтчика на ст. 217 у. г. с. не имѣетъ значенія, такъ какъ статья эта имѣетъ въ виду лишь иски о признаніи права литературной собственности, а въ настоящемъ дѣлѣ такого требованія истцомъ не заявлено. Сенатъ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда, приходитъ къ заключенію, что изъ содержанія искового прошенія, дѣлающаго, между прочимъ, ссылку на ст. 297 уст. ценз. (изд. 1857 г.), которая говоритъ о самовольномъ изданіи чужого литературнаго труда, ясно видно, что истецъ обвиняетъ отвѣтчика въ нарушеніи его права литературной собственности и что данное съѣздомъ толкованіе ст. 217 у. г. с. неправильно, такъ какъ законъ этотъ относитъ къ исключительному вѣдомству окружнаго суда не только иски о признаніи права литературной собственности, но и всѣ дѣла о какомъ-либо нарушеніи этого права (рѣш. 1888 г. № 22).

Въ кассаціонномъ рѣшеніи 1870 г. № 1830 сенатъ признаетъ неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ искъ о взысканіи срочнаго платежа, не превышающаго пятисотъ рублей, по долговой распискѣ, выданной на сумму свыше 500 руб., находя, что по силѣ 4 п. 273 ст. у. г. с. цѣна такого рода исковъ опредѣляется совокупностью всѣхъ выдачъ и платежей, которые предусмотрѣны обязательствомъ. Рѣшеніе свое, которымъ искъ былъ признанъ подсуднымъ мировымъ установленіямъ, съѣздъ основалъ на соображеніи, что по точному смыслу 4 п. 273 ст. у. г. с. совокупность всѣхъ выдачъ и платежей должна приниматься во вниманіе при опредѣленіи цѣны лишь тѣхъ исковыхъ требованій, которыя предъявлены о признаніи права на полученіе всѣхъ срочныхъ платежей; при требованіи же опредѣленнаго срочнаго платежа цѣна иска опредѣляется величиной отыскиваемаго платежа, хотя бы общая сумма всѣхъ платежей по обязательству и превышала 500 руб.

Въ дальнѣйшей своей практикѣ сенатъ отказывается отъ своего взгляда, высказаннаго имъ въ приведенномъ рѣшеніи, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно признаетъ, что цѣною иска о срочныхъ платежахъ должна считаться сумма лишь взыскиваемыхъ платежей, а не всѣхъ условленныхъ по договору платежей.

Среди рѣшеній сената по дѣламъ птг. съѣзда, относящихся до толкованія законовъ, опредѣляющихъ родовую подсудность гражданскихъ дѣлъ, есть нѣсколько рѣшеній по вопросу о подсудности дѣлъ, связанныхъ съ интересомъ казны.

Изъ такихъ рѣшеній надлежитъ прежде всего отмѣтить рѣшеніе 1869 г. № 1229, которымъ разрѣшался вопросъ о подсудности исковъ полицейскихъ учрежденій о возмѣщеніи расходовъ, понесенныхъ полиціей по приведенію въ исполненіе приговора уголовнаго суда, которымъ подсудимый былъ присужденъ къ устраненію строительныхъ нарушеній, когда онъ добровольно не выполнилъ возложенной на него приговоромъ обязанности. Въ интересующемъ насъ дѣлѣ подлежавшій разрѣшенію съѣзда вопросъ о подсудности осложнялся тѣмъ обстоятельствомъ, что искъ былъ предъявленъ отъ имени полицейскаго пристава, выступавшаго въ дѣлѣ не въ качествѣ уполномоченнаго полицейскаго учрежденія, а лично отъ себя. Мировой съѣздъ, признавая искъ этотъ въ силу ст. 31 и ст.ст. 1289 — 1299 у. г. с. подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, приходитъ къ выводу, что истецъ, затратившій на приведеніе приговора въ исполненіе не личныя, а казенныя средства, могъ искать возмѣщенія ихъ лишь въ качествѣ уполномоченнаго казеннаго управленія. Въ кассаціонной жалобѣ, принесенной на опредѣленіе съѣзда о прекращеніи дѣла, доказывается, что искъ долженъ быть признанъ подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, такъ какъ тому же суду подсудны тѣ строительныя нарушенія, устраненіе которыхъ вызвало затрату казенныхъ средствъ. Поставивъ на свое разрѣшеніе общій вопросъ о подсудности такого рода

исковъ, правительствующій сенатъ въ подробно мотивированномъ рѣшеніи приходитъ къ заключенію, что затраты, сдѣланныя чинами административнаго управленія изъ казенныхъ суммъ на приведеніе въ исполненіе приговора уголовнаго суда, должны быть взыскиваемы не иначе, какъ судебнымъ порядкомъ и притомъ порядкомъ, установленнымъ уставомъ гражд. суд. для дѣлъ казеннаго управленія; правительствующій сенатъ, далѣе, соглашается съ мнѣніемъ съѣзда, что предъявленіе въ данномъ дѣлѣ иска полицейскимъ приставомъ лично отъ себя не могло измѣнить подсудности дѣла, такъ какъ приставъ, затратившій казенныя суммы, могъ предъявить искъ о возмѣщеніи ихъ лишь по уполномочію и съ разрѣшенія своего начальства, а не лично отъ себя.

Общее значеніе имѣетъ также рѣшеніе сената, содержащее толкованіе примѣчанія 2 къ ст. 1289 у. г. с. (рѣш. 1896 г. № 114). Исходя изъ буквальнаго смысла приведеннаго закона, мировой съѣздъ призналъ подсуднымъ себѣ искъ желѣзнодорожнаго рабочаго къ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о пособіи за понесенное на службѣ увѣчье. Въ кассаціонной жалобѣ проводится взглядъ, что примѣч. 2 къ ст. 1289 у. г. с., подчиняющее мировой подсудности дѣла по искамъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и къ этимъ дорогамъ, по цѣнѣ своей не превышающимъ 500 руб., имѣетъ въ виду лишь иски, возникающіе изъ договоровъ перевозки грузовъ и пассажировъ. Сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу безъ послѣдствій, признаетъ, что нѣтъ основанія не подводить подъ дѣйствіе исключенія, установленнаго закономъ, всѣ другія гражданскія дѣла, возникающія по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ цѣль этого изъятія состоитъ только въ томъ, чтобы облегчить предъявленіе претензій къ желѣзнымъ дорогамъ, упростить и ускорить самое разрѣшеніе ихъ, и цѣль эта имѣетъ одинаковое значеніе какъ для исковъ, возникающихъ изъ договоровъ перевозки, такъ и для всѣхъ прочихъ дѣлъ, въ которыхъ одной изъ сторонъ выступаетъ желѣзная дорога.

Въ связи съ обзоромъ практики съѣзда по вопросамъ родовой подсудности слѣдуетъ упомянуть о двухъ сенатскихъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ, съ одной стороны, разрѣшается вопросъ о подвѣдомственности судебнымъ мѣстамъ споровъ, вытекающихъ изъ служебныхъ правъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, а, съ другой, преподается разъясненіе, касающееся „внѣземельности" лицъ, принадлежащихъ къ личному составу иностраннаго посольства.

Первое изъ этихъ рѣшеній (1911 г. № 92) состоялось по дѣлу, возникшему изъ иска бывшей конторщицы казенной желѣзной дороги къ управленію казенныхъ дорогъ о взысканіи пособія, назначеннаго комитетомъ пенсіонной кассы и не выданнаго истицѣ при уходѣ ея со службы на томъ основаніи, что, по мнѣнію комитета, истица страдаетъ психическимъ разстройствомъ. Мировой съѣздъ исковыя требованія удовлетворилъ. Кассаціонной жалобой возбуждается вопросъ о подвѣдомственности подобнаго рода споровъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ. Сенатъ, ссылаясь на рѣшеніе общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ отъ 14-го декабря 1909 г., которымъ разъяснено, что предметомъ гражданскаго иска не могутъ быть споры служащихъ по найму на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ о слѣдуемомъ имъ по занимаемымъ должностямъ жалованьѣ, приходитъ къ заключенію, что права такихъ служащихъ на пенсіи и пособія также вытекаютъ изъ ихъ служебныхъ правъ, а потому обсужденію судебныхъ мѣстъ не могутъ подлежать и распоряженія пенсіонныхъ комитетовъ по выдачѣ пособій и пенсіи, „такъ какъ въ этомъ случаѣ, по мнѣнію сената, эти учрежденія не являются представителями или защитниками имуществъ, принадлежащихъ казнѣ, а дѣйствуютъ въ качествѣ органовъ правительственной власти, осуществляющихъ свои задачи по завѣдыванію и управленію ввѣренными имъ дѣлами". Отмѣняя рѣшеніе съѣзда, сенатъ за силой 1 ст. у. г. с. дѣло производствомъ прекращаетъ.

Въ дѣлѣ Романова съ штатнымъ чиновникомъ германскаго посольства Варенбергъ по иску о платѣ за малярныя работы мировой съѣздъ отвергъ ссылку отвѣтной стороны на неподсудность дѣла русскимъ судамъ въ виду принадлежности отвѣтчика къ составу служащихъ иностраннаго посольства и исковыя требованія удовлетворилъ. Подробно останавливаясь на выясненіи понятія „права внѣземельности", правительствующій сенатъ высказывается въ томъ смыслѣ, что ст. 225 у. г. с., устанавливающая это право для личнаго состава иностраннаго посольства и въ этомъ отношеніи дѣлающая исключеніе изъ общаго правила о подсудности проживающихъ въ Россіи иностранныхъ подданныхъ русскимъ судамъ, должна быть толкуема ограничительно; право „внѣземельности" можетъ, по мнѣнію сената, принадлежать лишь тѣмъ входящимъ въ составъ посольства лицамъ, которыя облечены дипломатическимъ званіемъ; званіе же это присваивается, кромѣ начальниковъ дипломатическихъ миссій, только тѣмъ служащимъ посольства, которые, согласно общепринятымъ международнымъ обычаямъ, по просьбѣ пословъ занесены министерствомъ иностранныхъ дѣлъ того государства, при которомъ послы аккредитованы, въ списки дипломатическаго корпуса; находя, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на внесеніе отвѣтчика Варенбергъ въ списки дипломатическаго корпуса, сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ съѣзда о подсудности дѣла русскимъ судамъ, оставляетъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій (рѣш. 1895 г. № 15).

Намъ пришлось выше указывать, что въ практикѣ мировыхъ установленій Петрограда въ особенности часто возникаютъ вопросы, связанные съ разграниченіемъ подсудности мировыхъ учрежденій и дѣйствующаго въ предѣлахъ петроградскаго округа коммерческаго суда. Недостаточная опредѣлительность закона, устанавливающаго въ ст.ст. 40—43 уст. суд. торг. признаки подсудности торговыхъ дѣлъ коммерческому суду, спорность

понятій „торговаго оборота“ и „договоровъ и обязательствъ, торговлѣ свойственныхъ“ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ дѣламъ, разнообразіе и недостаточная устойчивость практики гражданскаго кассаціоннаго и судебнаго департаментовъ въ отношеніи толкованія этихъ понятій служили причинами того, что вопросъ о разграниченіи мировой и коммерческой подсудности вызывалъ въ судебной практикѣ большія сомнѣнія и часто вслѣдствіе этого восходилъ на разсмотрѣніе гражданскаго кассаціоннаго департамента по кассаціоннымъ жалобамъ сторонъ. Состоявшіяся по дѣламъ птг. съѣзда рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросу о разграниченіи мировой и коммерческой подсудности встрѣчаются въ сборникахъ рѣшеній сената весьма часто какъ за первые годы существованія мировыхъ учрежденій, такъ и въ позднѣйшее время. Ниже мы останавливаемся лишь на тѣхъ изъ этихъ рѣшеній, въ которыхъ интересующій насъ теперь вопросъ ставился въ болѣе общей формѣ и, по преимуществу, на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ приводятся подробныя соображенія съѣзда. Соображенія съѣзда, выясняющія понятіе „торговаго оборота“, мы находимъ въ двухъ рѣшеніяхъ сената 1868 г. №№ 434, 756, по которымъ кассаціонныя жалобы оставлены безъ послѣдствій. Разрѣшая заявленный отвѣтной стороной отводъ о неподсудности мировымъ установленіямъ иска, имѣвшаго своимъ предметомъ взысканіе платы за отпущенный въ кредитъ товаръ, мировой съѣздъ въ первомъ изъ указанныхъ дѣлъ находитъ, „что для признанія оборотовъ торговыми и вслѣдствіе того подсудными разбору коммерческаго суда не достаточно доказать, что заборъ товара былъ въ кредитъ, а надо доказать, что этотъ заборъ былъ произведенъ для торговаго оборота, т.-е. для перепродажи“. Сенатъ, вполнѣ присоединяясь къ данному съѣздомъ опредѣленію „торговаго оборота“, полагаетъ, что „всякое другое толкованіе не соотвѣтствовало бы понятію о свойствѣ торговыхъ оборотовъ“. Въ другомъ случаѣ съѣзду пришлось разрѣшать тотъ же

вопросъ въ отношеніи иска, предъявленнаго къ транспортному обществу и возникшему изъ договора перевозки клади. Ссылаясь на п. 4 ст. 1301 т. XI, ч. 2 (нынѣ п. 4 ст. 41 у. с. торг.), относящій къ вѣдомству коммерческаго суда дѣла по купеческимъ приказамъ о перевозкѣ товаровъ, отвѣтчикъ заявилъ отводъ о неподсудности дѣла мировымъ установленіямъ. Мировой съѣздъ, признавая отводъ незаслуживающимъ уваженія, высказываетъ мнѣніе, „что для признанія спорнаго дѣла неподсуднымъ недостаточно того только, чтобы оборотъ, составляющій предметъ иска, или служащая ему основаніемъ сдѣлка были спорящей стороной названы торговымъ оборотомъ и торговой сдѣлкой, но необходимо, чтобы дѣйствительность этого свойства торговаго дѣла или торговой сдѣлки была доказана на общемъ основаніи“; мировой съѣздъ, далѣе, высказываетъ, что ст. 1301 т. XI, ч. 2, предусматриваются такія лишь сдѣлки по перевозкѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ перевозку предназначаемыхъ для перепродажи товаровъ, а не простой клади, лично принадлежащей отправителю; послѣдняго рода сдѣлки о перевозкѣ, хотя бы и заключенныя съ учрежденіями, спеціально занимающимися перевозками, должны обсуждаться по правиламъ общихъ законовъ о личномъ наймѣ и не подлежатъ потому разсмотрѣнію коммерческаго суда.

Рѣшеніемъ 1902 г. № 84 сенатъ разрѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о подсудности мировымъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ иска автора сочиненія къ книгопродавцу объ отобраніи сданныхъ послѣднему на комиссію книгъ и о взысканіи стоимости недостающихъ экземпляровъ. Оставляя безъ удовлетворенія заявленный отвѣтчикомъ отводъ о подсудности дѣла коммерческому суду, мировой съѣздъ приходитъ къ такому же выводу по тому соображенію, что „искъ автора сочиненія и собственника экземпляровъ книгъ не можетъ быть признанъ въ отношеніи самого автора искомъ, вытекающимъ изъ торговыхъ оборотовъ“; та-

кой искъ, по мнѣнію съѣзда, „вытекаетъ исключительно изъ нарушенія отвѣтчикомъ права собственности истца". Присоединяясь къ выводу съѣзда, сенатъ признаетъ также правильнымъ и положенное въ основаніе этого вывода соображеніе, что въ сдѣлкахъ автора произведенія съ книготорговцемъ о передачѣ послѣднему на комиссію для продажи принадлежащихъ автору печатныхъ экземпляровъ его произведенія въ отношеніи самого автора отсутствуетъ признакъ „посредничества", составляющій отличительное свойство „торговаго оборота"; по мнѣнію сената, авторъ произведенія, отчуждая непосредственно отъ себя или черезъ посредство другихъ лицъ печатные экземпляры своего произведенія, осуществляетъ лишь свое право литературной собственности; поэтому такого рода комиссіонныя сдѣлки не могутъ считаться торговыми для обѣихъ сторонъ, а потому и не подлежатъ разсмотрѣнію коммерческаго суда.

Мы можемъ отмѣтить еще нѣсколько рѣшеній съѣзда и сената по тому же вопросу о разграниченіи подсудности гражданскихъ дѣлъ мировымъ установленіямъ и коммерческому суду. Правительствующій сенатъ соглашается съ мнѣніемъ съѣзда о подсудности мировымъ установленіямъ иска приказчика къ хозяину объ отобраніи паспорта, какъ не содержащаго спора о разсчетахъ по службѣ (рѣш. 1872 г. № 782), но не раздѣляетъ взгляда съѣзда о томъ, что искъ приказчика къ хозяину, возникшій изъ разсчетовъ по службѣ, подлежитъ разсмотрѣнію мирового суда на томъ лишь основаніи, что приказчикъ не былъ снабженъ приказчичьимъ свидѣтельствомъ и потому долженъ считаться лицомъ неторговаго званія (рѣш. 1870 г. № 1448). Сенатъ присоединяется къ заключенію съѣзда о подсудности коммерческому суду дѣла по иску содержателя ремесленнаго заведенія къ другому ремесленнику за работы, исполненныя послѣднимъ не лично для истца, а для нуждъ его ремесленнаго предпріятія (рѣш. 1869 г. № 182), и вмѣстѣ съ съѣздомъ признаетъ, что не всѣ иски между

участниками „товарищескаго" договора подсудны коммерческому суду, а лишь тѣ изъ нихъ, которые предметомъ своимъ имѣютъ правоотношенія сторонъ, нормированныя этимъ договоромъ (рѣш. 1869 г. № 1143).

IV. Практика съѣзда по примѣненію ст. ст. 133 и 868 уст. гр. суд.

1. Ст. 868 и признаніе судомъ права стороны на возмѣщеніе издержекъ. 2. Примѣненіе ст. 868 къ прекращенію дѣла. 3. Возмѣщеніе по ст. 868 издержекъ кассаціоннаго производства. Рѣшенія 1871 г. № 128; 1876 г. № 574; 1913 г. № 16. 4. Примѣненіе ст. ст. 133 и 868 къ производству дѣлъ въ коммерческомъ судѣ.

Изъ рѣшеній сената по дѣламъ птг. съѣзда по другимъ процессуальнымъ вопросамъ мы считаемъ нужнымъ остановиться на рѣшеніяхъ, состоявшихся по вопросу о правѣ стороны, оправданной судебнымъ рѣшеніемъ, взыскивать съ обвиненной стороны судебныя издержки. Толкованіе ст.ст. 133 и 868 у. г. с. составило содержаніе многочисленныхъ рѣшеній сената, среди которыхъ есть нѣсколько имѣвшихъ руководящее значеніе рѣшеній, постановленныхъ при разсмотрѣніи кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ птг. съѣзда.

Въ первыхъ же рѣшеніяхъ своихъ, состоявшихся въ связи съ толкованіемъ ст.ст. 133 и 868 у. г. с., правительствующему сенату пришлось разрѣшить вопросъ о томъ, въ правѣ ли оправданная судебнымъ рѣшеніемъ сторона отыскивать съ проигравшей стороны самостоятельнымъ искомъ судебныя и за веденіе дѣла издержки, если право это не было признано за нею судомъ при разсмотрѣніи главнаго дѣла. Сенатская практика при разрѣшеніи этого вопроса не сразу становится на тотъ путь, котораго она впослѣдствіи стала неуклонно держаться, признавая, что право на взысканіе издержекъ общимъ исковымъ, а не исполнительнымъ порядкомъ принадлежитъ выигравшей сторонѣ въ силу самого закона и потому право это не можетъ быть поставлено

въ зависимость отъ предварительнаго признанія его судомъ. Первоначальныя колебанія сенатской практики въ этомъ отношеніи обнаруживаются на примѣрѣ рѣшеній, состоявшихся по дѣламъ птг. съѣзда. Въ рѣшеніи 1868 г. № 21, въ которомъ указанный вопросъ впервые ставится на обсужденіе сената, послѣдній вполнѣ присоединяется къ мнѣнію съѣзда, находившаго, что взысканіе издержекъ по дѣлу уже рѣшенному можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда просьба объ издержкахъ была заявлена во время производства дѣла и притомъ, когда судомъ признано за стороной право на ихъ взысканіе; выводъ свой съѣздъ обосновываетъ ошибочной ссылкой на ст. 902 у. г. с., относящуюся до порядка исполнительнаго производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Изъ послѣдующихъ рѣшеній по дѣламъ птг. съѣзда (рѣш. 1868 г. № 225, 1869 г. № 509), ближайшихъ по времени къ только-что приведенному, видно, что сенатъ отказывается отъ первоначальнаго своего взгляда, имѣвшаго въ своемъ основаніи ошибочное смѣшеніе искового и исполнительнаго порядковъ взысканія издержекъ производства, и признаетъ, что по силѣ ст. 868 у. г. с. оправданной сторонѣ принадлежитъ самостоятельное право требовать отъ стороны обвиненной отдѣльнымъ искомъ возмѣщенія судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла. Независимость этого права отъ предварительнаго признанія его судомъ, постановившимъ рѣшеніе по существу главнаго дѣла, еще опредѣленнѣе подчеркивается сенатомъ въ рѣшеніи его 1876 г. № 130; рѣшеніе птг. съѣзда отмѣняется сенатомъ, который признаетъ несогласнымъ съ закономъ мнѣніе съѣзда, что сторона, заявившая во время первоначальнаго производства просьбу о присужденіи издержекъ, тѣмъ самымъ лишается права вчинить новый искъ о взысканіи издержекъ по тому же дѣлу, хотя бы судъ въ своемъ рѣшеніи въ пользу этой стороны не вынесъ никакого постановленія по ходатайству ея объ издержкахъ.

По буквальному смыслу ст.ст. 133 и 868 у. г. с. право на взысканіе издержекъ открывается для стороны лишь въ томъ случаѣ, если производившееся между сторонами дѣло закончилось рѣшеніемъ спора по существу исковыхъ требованій; случаи прекращенія дѣла, безъ постановленія рѣшенія по существу, не предусматриваются приведеннымъ закономъ. Придерживаясь буквальнаго толкованія ст. 868, правительствующій сенатъ въ первоначальныхъ своихъ рѣшеніяхъ не признавалъ за стороной права на издержки производства, если дѣло заканчивалось безъ постановленія рѣшенія по существу предъявленнаго иска, находя, что въ этихъ случаяхъ тяжущемуся принадлежитъ лишь право на искъ объ убыткахъ по ст. 684 т. X, ч. I (см. рѣшенія 1870 г. № 528, 1876 г. № 137 и мн. другія).

Впослѣдствіи сенатъ нашелъ нужнымъ отступить отъ этого взгляда и въ рѣшеніяхъ 1910 г. № 12, 1911 г. № 13, составляющихъ поворотный моментъ въ кассаціонной практикѣ по этому вопросу, призналъ за отвѣтчикомъ право на издержки какъ при прекращеніи дѣла по просьбѣ истца навсегда, послѣдовавшемъ послѣ вызова отвѣтчика въ судъ, такъ и при оставленіи судомъ по ходатайству истца части иска безъ разсмотрѣнія. Въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ рѣшеній птг. мировой съѣздъ, руководствуясь первоначально высказаннымъ сенатомъ взглядомъ и имѣя въ виду, что позднѣйшія рѣшенія сената въ отступленіи отъ этого взгляда состоялись лишь въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ прекращенія дѣла и оставленія иска безъ разсмотрѣнія по просьбамъ истца, отказалъ отвѣтчику въ присужденіи издержекъ при прекращеніи дѣла по отводу отвѣтчика въ виду смѣшенія исковыхъ требованій. Сенатъ, ссылаясь на рѣшеніе 1910 г. № 12, разъясняетъ съѣзду, что по разуму ст. 868 у. г. с. обязанность истца возмѣстить противной сторонѣ издержки производства обусловливается не постановленіемъ противъ него рѣшенія, разрѣшаю-

щаго споръ по существу, а всякимъ разрѣшеніемъ дѣла не въ его пользу (рѣш. 1913 г. № 8).

Въ судебной практикѣ спорнымъ представлялся вопросъ о правѣ стороны, въ пользу которой состоялось рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, взыскивать на основаніи ст. 868 у. г. с. съ противной стороны издержки кассаціоннаго производства.

Въ кассаціонной практикѣ вопросъ этотъ возникъ впервые по дѣлу птг. съѣзда, и правительствующій сенатъ въ рѣшеніи, послѣдовавшемъ по этому дѣлу, имѣлъ случай впервые высказать свои соображенія по этому предмету (рѣш. 1871 г. № 128). Вскорѣ послѣдовало и другое рѣшеніе сената по дѣлу птг. съѣзда, въ которомъ тотъ же вопросъ былъ вторично поставленъ на обсужденіе сената (рѣш. 1876 г. № 574).

Въ дѣлѣ Николая и Дмитрія Парамоновыхъ, по которому состоялось первое изъ упомянутыхъ сенатскихъ рѣшеній, съѣздъ вошелъ въ детальное обсужденіе возникавшаго по дѣлу и новаго для судебной практики вопроса о правѣ стороны, выигравшей дѣло въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, искать на основаніи ст. 868 у. г. с. вознагражденіе за веденіе дѣла въ кассаціонной инстанціи. Въ виду значительнаго интереса, который представляютъ соображенія съѣзда по этому дѣлу, позволяемъ себѣ остановиться на нихъ болѣе подробно. Поставленный выше вопросъ мировой съѣздъ по тщательномъ его обсужденіи разрѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ. Къ этому выводу мировой съѣздъ приводитъ убѣжденіе въ томъ, что существуетъ коренное различіе въ характерѣ и значеніи судебнаго производства въ инстанціяхъ, рѣшающихъ дѣло по существу, и въ той инстанціи, которая разсматриваетъ его въ кассаціонномъ порядкѣ. „Буквальный смыслъ ст. 868 у. г. с., говоритъ съѣздъ, указываетъ на то, что только при рѣшеніи дѣла по существу возможно взысканіе съ тяжущагося вознагражденія за веденіе дѣла; при разрѣшеніи же дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ судъ не входитъ въ обсужденіе правильности или неправильности иска и контролируетъ дѣйствія не тяжущихся, а самого суда, разсматривавшаго дѣло по существу". „Кассаціонное рѣшеніе ни въ коемъ случаѣ, продолжаетъ съѣздъ, не можетъ считаться состоявшимся противъ которой-либо изъ сторонъ, а лишь противъ суда, допустившаго существенное нарушеніе закона, повлекшее за собой отмѣну приговора". „Потому, полагаетъ съѣздъ, было бы неправильно подвергать взысканію тяжущагося за такія дѣйствія, которыя отъ него независимы". Выводъ этотъ, по мнѣнію съѣзда, подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что срокъ, установленный ст.ст. 894, 921 у. г. с. для заявленія просьбъ о взысканіи издержекъ въ общемъ и исполнительномъ порядкѣ, исчисляется со дня вступленія рѣшенія въ законную силу; случаи же вступленія рѣшенія въ законную силу перечислены въ ст. 892 у. г. с., изъ содержанія которой видно, что она имѣетъ въ виду лишь рѣшенія, постановленныя по существу дѣла. Мировой съѣздъ, далѣе, находитъ, что судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла взыскиваются съ проигравшей стороны или за неправильное привлеченіе къ дѣлу или же за неисполненіе законныхъ требованій истца, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ предъявленіе иска; ни одно изъ этихъ основаній не имѣетъ примѣненія къ кассаціонному производству дѣла въ сенатѣ, который не разсматриваетъ вопроса о томъ, правильно или неправильно предъявленъ искъ. Сенатъ, не соглашаясь съ приведенными соображеніями съѣзда и отмѣняя его рѣшеніе, приходитъ къ заключенію, что ст. 868, устанавливающая матеріальное гражданское право тяжущагося на возмѣщеніе ему проигравшей тяжбу стороной издержекъ производства, не дѣлаетъ никакого изъятія для издержекъ, понесенныхъ тяжущимся при производствѣ дѣлъ въ сенатѣ.

Въ дѣлѣ птг. съѣзда, по которому послѣдовало рѣшеніе 1876 г. № 574, съѣздъ отказываетъ въ искѣ объ издержкахъ кассаціоннаго производства, находя, что истецъ не приносилъ кассаціонной жалобы по главному дѣлу и не имѣлъ въ сенатѣ никакого ходатайства ни письменно, ни словесно при разсмотрѣніи кассаціонной жалобы противной стороны. Въ своемъ рѣшеніи по этому дѣлу сенатъ отступаетъ отъ принятаго имъ ранѣе воззрѣнія о безусловной примѣнимости къ издержкамъ кассаціоннаго производства правила ст. 868 у. г. с. Въ соображеніяхъ своихъ къ этому рѣшенію сенатъ вполнѣ раздѣляетъ высказанное съѣздомъ въ дѣлѣ Парамоновыхъ мнѣніе, что особенности кассаціоннаго производства не позволяютъ примѣнять къ нему въ полной мѣрѣ тѣхъ правилъ о судебныхъ издержкахъ, которыя примѣняются къ инстанціямъ, рѣшающимъ дѣло по существу. Сенатъ полагаетъ, что „по просьбамъ объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній сенатъ не рѣшаетъ дѣло по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства, а наблюдаетъ только за охраненіемъ силы закона и за единообразнымъ его примѣненіемъ судебными мѣстами имперіи. Изъ чего слѣдуетъ, что по дѣламъ, разрѣшаемымъ правительствующимъ сенатомъ въ кассаціонномъ порядкѣ, не можетъ быть, собственно говоря, ни обвиненной, ни оправданной стороны и что посему правило ст. 868 у. г. с. не можетъ имѣть безусловнаго примѣненія къ кассаціонному порядку судопроизводства". „Право на полученіе вознагражденія за веденіе дѣла, а равно и за судебныя издержки въ кассаціонной инстанціи, заключаетъ сенатъ, могутъ имѣть тяжущіеся, въ пользу которыхъ состоялось опредѣленіе сената въ тѣхъ только случаяхъ, когда они дѣйствительно ходатайствовали по дѣлу". Придя къ такому выводу, вполнѣ совпадающему съ выводомъ съѣзда, сенатъ оставляетъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда.

Къ только-что приведенному рѣшенію примыкаетъ и позднѣйшее рѣшеніе сената, также состоявшееся по

дѣлу птг. съѣзда, въ которомъ на обсужденіе съѣзда и сената поставленъ былъ вопросъ о правѣ одного изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ взыскивать съ истца, кассаціонная жалоба котораго была оставлена безъ послѣдствій, вознагражденіе за веденіе дѣла въ сенатѣ соразмѣрно всей суммѣ иска, если другой отвѣтчикъ никакого ходатайства въ сенатѣ не имѣлъ. Мировой съѣздъ призналъ, что при указанныхъ обстоятельствахъ выступавшій въ сенатѣ отвѣтчикъ имѣетъ право на вознагражденіе за веденіе дѣла въ кассаціонной инстанціи лишь въ половинномъ размѣрѣ. Ссылаясь на установленное рѣшеніемъ 1876 г. № 574 начало, что правомъ на издержки кассаціоннаго производства пользуется лишь сторона, имѣвшая дѣйствительное хожденіе по дѣлу, сенатъ находитъ, что право на вознагражденіе должно принадлежать лишь тому изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ, который выступалъ въ сенатѣ, и въ виду заявленнаго имъ спора противъ всего иска вознагражденіе его должно быть соразмѣрно полной суммѣ исковыхъ требованій. Выводъ этотъ, по мнѣнію сената, подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что при проигрышѣ дѣла выступавшій въ сенатѣ соотвѣтчикъ одинъ несъ бы передъ истцомъ всю тяжесть вознагражденія за веденіе дѣла (рѣш. 1913 г. № 16).

Въ связи съ обзоромъ практики съѣзда по примѣненію ст. ст. 133 и 868 у. г. с. намъ остается отмѣтить еще два рѣшенія сената, касающіяся примѣнимости законовъ о судебныхъ издержкахъ, относящихся до общихъ судебныхъ мѣстъ, къ производству дѣлъ въ коммерческомъ судѣ. Въ правѣ ли сторона, оправданная рѣшеніемъ коммерческаго суда, взыскивать со стороны обвиненной издержки, понесенныя ею на наемъ повѣреннаго для веденія дѣла въ этомъ судѣ? Вопросъ этотъ поставленъ на обсужденіе сената и разрѣшенъ имъ въ рѣшеніи 1907 г. № 46. Въ дѣлѣ птг. съѣзда, по которому состоялось указанное рѣшеніе, искъ о взысканіи

со стороны, проигравшей дѣло въ коммерческомъ судѣ, вознагражденія повѣренному предъявленъ былъ на основаніи ст. 684 т. X, ч. I. Въ своемъ рѣшеніи, которымъ исковыя требованія удовлетворены, мировой съѣздъ устанавливаетъ, что предъявленіе неправаго иска вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію дѣянія, которое при указанныхъ въ ст. 684 т. X, ч. I условіяхъ налагаетъ на совершившаго его обязанность возмѣстить потерпѣвшей сторонѣ убытки, понесенные ею вслѣдствіе предъявленія иска; приглашеніе повѣреннаго для веденія судебнаго дѣла не составляетъ произвольнаго дѣйствія стороны, привлеченной къ отвѣту по иску, а должно быть признано законнымъ способомъ защиты ею своихъ правъ и потому расходъ по такому приглашенію вполнѣ отвѣчаетъ понятію подлежащаго возмѣщенію убытка; отсутствіе въ уставѣ судопроизводства торговаго того спеціальнаго правила, которое имѣетъ примѣненіе для общихъ судебныхъ мѣстъ и по которому за выигравшимъ дѣло тяжущимся признается право искать съ проигравшей стороны вознагражденіе за наемъ повѣреннаго по установленной закономъ таксѣ, не лишаетъ, по мнѣнію съѣзда, оправданную коммерческимъ судомъ сторону права требовать отъ обвиненной стороны возмѣщенія этого расхода на основаніи общаго закона, выраженнаго въ ст. 684 т. X, ч. I. Сенатъ, не раздѣляя соображеній съѣзда и отмѣняя его рѣшеніе, находитъ,, что ст. 684 т. X, ч. I не можетъ имѣть примѣненія въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, для которыхъ постановлены спеціальныя правила вознагражденія убытковъ; въ уставѣ судопроизводства торговаго не содержится постановленія, обязывающаго обвиненную сторону возмѣстить оправданной расходъ по найму повѣреннаго; оправданная коммерческимъ судомъ сторона имѣетъ право лишь на возмѣщеніе убытковъ, предусмотрѣнныхъ 818 ст. 2 ч. XVI т. зак. о судопр. гражд.; но подъ убытками, здѣсь упоминаемыми, должны, по мнѣнію сената, пониматься лишь убытки, непосредственно связанные съ процессомъ, а къ таковымъ вознагражденіе повѣренному

не можетъ быть причислено; правило 818 ст. 2 ч. XVI т. о возмѣщеніи убытковъ, вызываемыхъ процессомъ въ коммерческомъ судѣ, и составляетъ, по мнѣнію сената, то спеціальное правило вознагражденія убытковъ, которое исключаетъ возможность примѣненія въ этомъ случаѣ общаго правила ст. 684 т. X, ч. I.

Въ приведенномъ только-что рѣшеніи сенатъ, разрѣшая вопросъ о примѣнимости къ производству коммерческаго суда ст. 868 у. г. с., касается попутно и вопроса о правѣ повѣреннаго на вознагражденіе за веденіе дѣла въ коммерческомъ судѣ. Послѣдній вопросъ поставленъ былъ на обсужденіе сената въ рѣшеніи его 1909 г. № 20, также состоявшемся по дѣлу птг. съѣзда, который призналъ за присяжнымъ повѣреннымъ право на искъ о вознагражденіи за веденіе дѣла въ коммерческомъ судѣ по таксѣ при отсутствіи письменнаго соглашенія о гонорарѣ. Отмѣняя рѣшеніе съѣзда, сенатъ, ссылаясь на рѣшеніе свое 1907 г. № 46, приходитъ къ отрицательному отвѣту на поставленный вопросъ, находя, что „присяжный повѣренный, не состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ присяжнымъ стряпчимъ и не принадлежащій къ числу лицъ, указанныхъ въ ст. ст. 38, 39 у. с. торг., вести дѣлъ въ коммерческомъ судѣ не въ правѣ; ведя же таковыя, дѣйствуетъ не въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго и, очевидно, ссылаться на права, принадлежащія ему, какъ присяжному повѣренному, не можетъ“; въ частности, не можетъ при отсутствіи добровольнаго соглашенія съ вѣрителемъ о гонорарѣ ссылаться на приложенную къ ст. 396 у. с. у. таксу, установленную только для присяжныхъ повѣренныхъ.

V. Практика съѣзда по вопросамъ охранительнаго судопроизводства.

1. Первое рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ охранительнаго судопроизводства 1867 г. № 177. 2. Возлагаетъ ли законъ на мирового судью безусловную обязанность принимать мѣры къ охранѣ каждаго открывшагося наслѣдства? 3. Исполненіе завѣщанія душеприказчиками. 4. Рѣшеніе 1894 г. № 49 о правѣ мирового судьи возмѣщать расходы на погребеніе изъ наслѣдственнаго имущества.

Судебными уставами на мировыя судебныя установленія возложена обязанность по охраненію наслѣдствъ, по вызову наслѣдниковъ и по утвержденію явившихся наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства въ предѣлахъ подсудности. Практика мировыхъ установленій въ области охранительнаго судопроизводства очень рано послужила поводомъ къ разъясненіямъ сената, касающимся толкованія относящихся къ этимъ вопросамъ законовъ и опредѣляющимъ предѣлы правъ и обязанностей мировыхъ учрежденій по охраненію наслѣдствъ. По дѣламъ птг. съѣзда состоялось нѣсколько рѣшеній сената, на которыхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній впервые разрѣшали основные вопросы охранительнаго судопроизводства и имѣли руководящее значеніе.

По дѣлу птт. съѣзда состоялось первое рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ охранительнаго судопроизводства. Мировой судья и мировой съѣздъ отказали въ просьбѣ о снятіи мѣръ охраны и о выдачѣ наслѣдственнаго имущества наслѣднику вслѣдствіе того, что передача послѣднему охраненнаго наслѣдства, по мнѣнію мирового судьи и мирового съѣзда, обусловливается предварительнымъ признаніемъ надлежащей судебной властью права просящаго о передачѣ лица на это имущество. Въ принесенной на опредѣленіе съѣзда кассаціонной жалобѣ доказывается, что при наличности лишь одного наслѣдника нѣтъ надобности въ принятіи мѣръ охраны и что законы наши

не требуютъ обязательнаго утвержденія наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства. Въ виду того, что вопросы охранительнаго судопроизводства впервые ставились этимъ дѣломъ на кассаціонное обсужденіе сената, послѣдній счелъ нужнымъ въ своемъ рѣшеніи сдѣлать подробнѣйшій обзоръ законовъ, относящихся къ охранительному порядку судопроизводства, и выяснить тѣ основныя начала, по которымъ съ изданіемъ судебныхъ уставовъ должно производиться охраненіе наслѣдствъ и утвержденіе наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства. Останавливаясь прежде всего на опредѣленіи существа охранительнаго судопроизводства въ отличіе отъ судопроизводства тяжебнаго, сенатъ приходитъ къ заключенію, что „судопроизводство охранительное имѣетъ предметомъ своимъ не разрѣшеніе спорныхъ правъ, а только охраненіе, обезпеченіе и опредѣленіе правъ безспорныхъ“. Къ числу дѣлъ охранительнаго судопроизводства высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 14-го апрѣля 1866 года отнесены и дѣла по охраненію имуществъ, оставшихся послѣ лицъ умершихъ или лишенныхъ правъ состоянія, и распоряженія о вызовѣ наслѣдниковъ. Охраненіе наслѣдственнаго имущества, состоящее въ описи и сбереженіи его до явки наслѣдниковъ и въ вызовѣ послѣднихъ, принимается мировымъ судьей въ обезпеченіе правъ наслѣдниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя имущество, нѣтъ въ виду или нѣтъ на-лицо наслѣдниковъ. Охраненное имущество передается наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію не иначе, какъ по постановленію подлежащаго, смотря по роду и по цѣнѣ имущества, суда; этимъ постановленіемъ судъ, не входя въ разсмотрѣніе законности наслѣдственныхъ правъ, признаетъ только въ порядкѣ безспорномъ права наслѣдниковъ на охраненное имущество. Такое признаніе или опредѣленіе наслѣдственныхъ правъ представляется необходимымъ въ предупрежденіе неправильныхъ распоряженій о передачѣ имущества стороннимъ лицамъ,

не имѣющимъ на него правъ, и потому, что смертью право прежняго владѣльца въ отношеніи охраненнаго имущества прекращается и для наслѣдниковъ возникаетъ новое право, которое должно быть признано общественною властью. Не усматривая, чтобы въ настоящемъ дѣлѣ мировой съѣздъ въ чемъ-либо нарушилъ основныя положенія охранительнаго порядка судопроизводства, сенатъ оставляетъ жалобу безъ послѣдствій (рѣш. 1867 г. № 177).

Возлагаетъ ли законъ на мирового судью безусловную обязанность принимать мѣры къ охранѣ наслѣдства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда до его свѣдѣнія по сообщенію полиціи или частныхъ лицъ дошло о смерти лица, оставившаго послѣ себя имущество? Вопросъ этотъ впервые подвергся подробному обсужденію сената по дѣлу птг. съѣзда. Мировой съѣздъ при разсмотрѣніи частной жалобы на отказъ мирового судьи въ просьбѣ одного изъ наслѣдниковъ о снятіи мѣръ охраны, приведенный выше вопросъ разрѣшилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ соображеніяхъ своихъ мировой съѣздъ, между прочимъ, высказалъ, что полиція обязана доводить до свѣдѣнія мирового судьи лишь о тѣхъ случаяхъ открывшагося наслѣдства, когда имѣется на-лицо одинъ изъ поводовъ къ охранѣ его, предусмотрѣнныхъ ст. 1239 т. X, ч. I; поэтому мировой судья, получивъ отъ полиціи увѣдомленіе объ открывшемся наслѣдствѣ, имѣлъ основаніе считать, что въ данномъ случаѣ есть одинъ изъ поводовъ къ охранѣ его, и потому обязанъ былъ приступить къ охранительныхъ мѣрамъ; выдача же наслѣдственнаго имущества послѣ состоявшейся охраны его можетъ быть произведена лишь по представленіи наслѣдниками доказательствъ о признаніи за ними судебной властью наслѣдственнаго права; до этого же момента мировой судья въ правѣ былъ отказать наличнымъ наслѣдникамъ въ выдачѣ имущества, не входя при этомъ въ обсужденіе ихъ доводовъ о безцѣльности въ данномъ

случаѣ охранительныхъ мѣръ. Правительствующій сенатъ въ рѣшеніи своемъ 1868 г. № 602 прежде всего указываетъ съѣзду на неправильность принятаго имъ въ основаніе его сужденій соображенія, что полиція, извѣщая мирового судью объ открывшемся наслѣдствѣ, обязана собирать справки о наличности одного изъ поводовъ къ его охраненію. Сенатъ разъясняетъ, что по существовавшему до изданія судебныхъ уставовъ порядку забота о цѣлости и охранѣ наслѣдствъ лежала на административной власти, нынѣ же всѣ обязанности по охранѣ наслѣдствъ возложены закономъ на мирового судью, которому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надлежитъ установить, имѣются ли въ наличности законные поводы къ охранѣ имущества, и рѣшить вопросъ, въ какой степени необходимы охранительныя мѣры для предупрежденія расхищенія наслѣдства. Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ свободному усмотрѣнію мирового судьи, который несетъ всю отвѣтственность за потери и убытки въ случаѣ непринятія охранительныхъ мѣръ; но въ охраненіи наслѣдственнаго имущества не представляется никакой надобности, если доставленныя наличными наслѣдниками доказательства устраняютъ всякое сомнѣніе, что отсутствующихъ наслѣдниковъ нѣтъ или что нельзя опасаться нарушенія интересовъ отсутствующихъ и несовершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ. Въ томъ же направленіи разрѣшается поставленный выше вопросъ и въ рѣшеніи сената 1873 г. № 1157, также состоявшемся по дѣлу птг. съѣзда. Высказываясь въ двухъ приведенныхъ рѣшеніяхъ въ томъ смыслѣ, что принятіе мѣръ охраны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія мирового судьи, обязаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаться какъ съ наличностью законныхъ поводовъ къ такому охраненію, такъ и съ доводами наличныхъ наслѣдниковъ, въ какой степени мѣры охраны необходимы для огражденія правъ и интересовъ остальныхъ наслѣдниковъ, сенатъ въ другомъ своемъ рѣшеніи (рѣш. 1871 г. № 152) признаетъ, что распоряженія ми-

рового судьи по этимъ вопросамъ не могутъ считаться безконтрольными и подлежатъ обжалованію въ мировой съѣздъ въ частномъ порядкѣ. На этомъ основаніи сенатъ отмѣняетъ опредѣленіе птг. съѣзда, который нашелъ, что дѣйствія мирового судьи, касающіяся принятія мѣръ охраны и ихъ отмѣны, всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія мирового судьи, несущаго на себѣ всю отвѣтственность за правильность такихъ мѣръ, и потому не могутъ подлежать обжалованію.

По дѣлу птг. съѣзда состоялось одно изъ первыхъ рѣшеній, въ которыхъ сенатъ преподалъ разъясненіе о полномочіяхъ назначеннаго по завѣщанію душеприказчика по выполненію воли завѣщателя. Мировой съѣздъ отказалъ душеприказчику, назначенному въ духовномъ завѣщаніи, утвержденномъ къ исполненію судомъ, въ выдачѣ охраненнаго наслѣдства, находя, что наслѣдственное имущество можетъ быть выдано просителю не раньше представленія имъ доказательствъ утвержденія каждаго изъ наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства. Сенатъ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда, указываетъ, что съѣздъ въ своихъ соображеніяхъ допустилъ смѣшеніе понятій утвержденія въ правахъ наслѣдства по завѣщанію и исполненія духовнаго завѣщанія; исполненіе завѣщанія по силѣ ст. 1084 т. X, ч. I можетъ быть возложено завѣщателемъ на душеприказчика, которому наслѣдственное имущество должно быть выдано по представленіи имъ судебнаго постановленія о томъ, что онъ имѣетъ право приступить къ исполненію завѣщанія; для выдачи охраненнаго наслѣдства душеприказчику не требуется представленія всѣми тѣми лицами, которыя назначены по завѣщанію наслѣдниками или въ пользу которыхъ въ завѣщаніи сдѣланы отказы, доказательствъ признанія за ними судомъ права на полученіе наслѣдственныхъ долей и отказовъ (рѣш. 1869 г. № 612).

Въ ряду рѣшеній сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, въ которыхъ разсматривались вопросы охрани-

тельнаго судопроизводства, слѣдуетъ отмѣтить также рѣшеніе 1894 г. № 49, заслуживающее вниманіе потому, что сенатъ этимъ рѣшеніемъ призналъ правильнымъ и соотвѣтствующимъ закону установленное наказомъ съѣзда правило о возмѣщеніи расходовъ по погребенію умершаго изъ состава оставшагося послѣ него имущества по распоряженію мирового судьи, производящаго охрану имущества. Мировымъ судьей за женой умершаго, по ея просьбѣ, признано было право на полученіе изъ охраненнаго наслѣдственнаго имущества денегъ для покрытія расходовъ, понесенныхъ просительницей на погребеніе ея покойнаго мужа, и выданъ былъ исполнительный листъ на полученіе этихъ денегъ съ текущаго счета, открытаго на имя умершаго въ частномъ банкѣ. Считая такое распоряженіе мирового судьи выходящимъ изъ круга обязанностей мировыхъ установленій по охраненію наслѣдствъ, повѣренный банка принесъ въ съѣздъ частную жалобу. Мировой съѣздъ, оставляя жалобу безъ послѣдствій, нашелъ, что распоряженіе охраненнымъ имуществомъ, пока оно не передано наслѣдникамъ или въ опеку, принадлежитъ мировому судьѣ, за которымъ поэтому должно быть также признано право часть имущества освобождать отъ охраны и передавать на удовлетвореніе необходимыхъ по случаю смерти собственника расходовъ; выводъ этотъ, по мнѣнію съѣзда, находитъ подтвержденіе и въ законѣ; уст. о пошлинахъ (нынѣ п. п. 1 и 2 ст. 213 т. V изд. 1903 г., по прод. 1910 г., — примѣч. состав.) освобождаетъ отъ наслѣдственной пошлины употребленныя на расходы по погребенію деньги, и, слѣдовательно, эта часть имущества самимъ закономъ исключается изъ наслѣдственной массы. Присоединяясь къ взгляду съѣзда, сенатъ полагаетъ, что распоряженіе охраненнымъ имуществомъ принадлежитъ мировому судьѣ; отъ него зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и разрѣшеніе вопроса о томъ, подлежитъ или нѣтъ извѣстная часть имущества охраненію; распоряженіе о покрытіи расходовъ на погребеніе умер-

шаго изъ его наличнаго имѣнія также должно принадлежать мировому судьѣ; такое распоряженіе вызывается безусловными потребностями дѣйствительной жизни и совершенно неизбѣжно, если у ближайшихъ распорядителей въ домѣ умершаго не имѣется другихъ средствъ на эти расходы [1]).

VI. Практика съѣзда по рабочимъ дѣламъ.

1. Состоявшееся по ст. 2591 учр. суд. уст. рѣшеніе сената 1906 г. № 1 по вопросамъ о прекращеніи договора фабрично-заводскаго найма вслѣдствіе забастовки и о правѣ рабочихъ на заработную плату за прогульные во время забастовки дни. 2. Рѣшенія 1908 г. № 89 и 1910 г. № 86 по вопросамъ о правѣ фабриканта на расторженіе договора найма на основаніи п. 4 ст. 105 уст. пром. и о правѣ рабочаго расторгнуть договоръ при пониженіи заработной платы фабрикантомъ. 3. Рѣшеніе 1908 г. № 103—о давностномъ срокѣ для предъявленія иска по ст. 95 и примѣч. 2 къ ст. 105 уст. пром. 4. Рѣшенія 1906 г. №№ 98 и 103—о „сверхурочныхъ" работахъ. 5. Рѣшеніе 1912 г. № 1—о формѣ договора фабрично-заводскаго найма. 6. Рѣшеніе 1909 г. № 15—о правѣ потерпѣвшаго увѣчье рабочаго на возмѣщеніе расходовъ по лѣченію со дня назначенія пенсіи.

Въ приведенномъ выше обзорѣ практики съѣзда по дѣламъ, возникавшимъ изъ споровъ по договорамъ личнаго найма, мы вовсе не касались тѣхъ рѣшеній съѣзда и сената, которыя состоялись по примѣненію содержащихся въ уставѣ о промышленности спеціальныхъ узаконеній о наймѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Къ изученію практики съѣзда по этимъ вопросамъ мы обращаемся въ настоящее время. Мы находимъ нужнымъ отвести въ нашемъ изложеніи особое мѣсто разсмотрѣнію практики съѣзда по вопросамъ найма фабрично-заводскихъ рабочихъ прежде всего по той причинѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ спеціальными постановленіями закона, во многомъ отличными отъ общихъ законовъ о личномъ наймѣ, заключающихся въ сводѣ законовъ гражданскихъ. Особое значеніе придаемъ мы судебной практикѣ петроградскаго съѣзда въ области

[1]) Подробнѣе о рѣш. 1894 г. № 49 въ связи съ исторіей наказа съѣзда см. главу VI наст. книги, стр. 533.

этихъ вопросовъ еще потому, что практика гражданскаго кассаціоннаго департамента по толкованію тѣхъ постановленій уст. о пром., которыми нормируется фабрично-заводскій договоръ личнаго найма, создалась почти исключительно по дѣламъ петроградскаго съѣзда. Всѣ рѣшенія сената по интересующему насъ сейчасъ вопросу относятся къ періоду времени съ 1906 по 1912 годъ. Нерѣдко возникавшія въ это время на почвѣ нарушенія спокойнаго теченія фабрично-заводской жизни недоразумѣнія между рабочими и работодателями повели къ возникновенію многочисленныхъ судебныхъ дѣлъ. Петроградскому съѣзду пришлось первому вынести рѣшенія по цѣлому ряду рабочихъ дѣлъ, которыя по кассаціоннымъ жалобамъ сторонъ восходили на разсмотрѣніе правительствующаго сената. Въ этихъ процессахъ впервые возникали вопросы, связанные съ примѣненіемъ спеціальныхъ законовъ о фабрично-заводскомъ наймѣ. Поэтому на разрѣшеніи этихъ вопросовъ сенатъ считалъ необходимымъ останавливаться съ особымъ вниманіемъ и выносилъ по нимъ департаментскія рѣшенія, имѣвшія руководящее значеніе для дальнѣйшей практики судебно-мировыхъ и общихъ установленій. Въ этихъ судебныхъ дѣлахъ, кассаціонному разсмотрѣнію которыхъ сенатъ удѣлялъ такъ много вниманія, центральнымъ пунктомъ спора сторонъ былъ вопросъ о вліяніи на силу договора найма пріостановки работъ на фабрикахъ и заводахъ, вызванной забастовкою рабочихъ. Большинство рѣшеній сената, состоявшихся по рабочимъ дѣламъ, посвящено разъясненію взаимоотношеній сторонъ по прекращенію договора найма въ связи съ пріостановкой работъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской промышленности, вызванной рабочими безпорядками. Вторая группа рѣшеній сената по рабочимъ дѣламъ, разрѣшеннымъ петроградскимъ съѣздомъ, относится къ толкованію тѣхъ постановленій уст. о пром., которыми предусматривается продолжительность и порядокъ распредѣленія рабочаго времени въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. Вопросъ о

„сверхурочныхъ“ работахъ, близко затрагивающій матеріальные интересы рабочихъ и работодателей, служилъ однимъ изъ частыхъ поводовъ, по которымъ между сторонами возникали судебные споры. На-ряду съ этими главнѣйшими вопросами, подлежавшими разрѣшенію сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, встрѣчаются рѣшенія по другимъ отдѣльнымъ вопросамъ не столь общаго, но, тѣмъ не менѣе, существеннаго значенія.

Особое вниманіе, которое сенатъ выказывалъ къ вопросамъ фабрично-заводскаго найма, выражается также въ томъ, что за время съ 1906 г. по 1912 годъ сенатъ неоднократно обращался къ толкованію законовъ, нормирующихъ взаимныя отношенія рабочихъ и работодателей, въ порядкѣ ст. 259[1] учр. суд. уст. Въ сборникахъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента мы находимъ три рѣшенія, состоявшихся въ указанномъ порядкѣ. Рядъ сенатскихъ разъясненій по рабочимъ дѣламъ за это время открывается послѣдовавшимъ по предложенію оберъ-прокурора рѣшеніемъ 1906 г. № 1, въ которомъ на обсужденіе сената поставлено было нѣсколько вопросовъ, касающихся прекращенія договора найма рабочаго вслѣдствіе забастовки и права рабочаго на плату за прогульные во время забастовки дни. Въ 1909 г. послѣдовало въ томъ же порядкѣ другое рѣшеніе сената за № 69, въ которомъ сенату пришлось высказаться по вопросу о прекращеніи судомъ съ послѣдствіями по ст. 1366 уст. гр. суд. дѣла по иску рабочаго за увѣчье на основаніи заявленія истца о состоявшейся между сторонами мировой сдѣлкѣ. Руководящее значеніе имѣло также состоявшееся въ 1910 г. за № 3 по предложенію оберъ-прокурора рѣшеніе по вопросу о порядкѣ исчисленія присуждаемой рабочему за увѣчье пенсіи при неполной утратѣ трудоспособности.

Поводомъ къ появленію перваго изъ упомянутыхъ только-что сенатскихъ разъясненій послужили рѣшенія, вынесенныя петроградскимъ съѣздомъ по рабочимъ дѣламъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ, состоявшихся до 1906 года,

затрагивались и разрѣшались новые для судебной практики вопросы толкованія законовъ о договорѣ фабрично-заводскаго найма и, въ частности, вопросъ о значеніи пріостановки работъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности вслѣдствіе забастовки рабочихъ для продолженія силы договора, связывающаго фабриканта съ рабочимъ, и о правѣ рабочихъ на заработную плату за прогульные во время забастовки дни. По этимъ дѣламъ съѣзда до 1906 г. послѣдовало нѣсколько рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента, состоявшихся по его отдѣленіямъ. Рѣшенія съѣзда сенатомъ неизмѣнно отмѣнялись. Выразившаяся въ этихъ рѣшеніяхъ практика съѣзда по рабочимъ дѣламъ, съ которой сенатъ не считалъ возможнымъ согласиться, побудила сенатъ преподать руководящее разъясненіе 1906 г. № 1. Въ связи съ обзоромъ практики съѣзда по рабочимъ дѣламъ, изучаемой нами по департаментскимъ рѣшеніямъ сената, намъ представляется интереснымъ остановиться и на содержаніи рѣшенія 1906 г. № 1, вызванномъ также практикой петроградскаго съѣзда.

Составляетъ ли стачка рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской промышленности такое независящее отъ воли сторонъ обстоятельство, которое освобождаетъ ихъ отъ исполненія договора найма? Къ разрѣшенію этого основного вопроса сводится все содержаніе указаннаго сенатскаго разъясненія. На поставленный вопросъ сенатъ даетъ категорически-положительный отвѣтъ. По взгляду сената, проводимому имъ въ рѣшеніи 1906 г. № 1, стачка рабочихъ на фабрикѣ или на заводѣ вполнѣ отвѣчаетъ понятію случайнаго и возникшаго независимо отъ воли сторонъ событія, которое должно служить основаніемъ къ расторженію договора найма и къ освобожденію сторонъ отъ исполненія принятыхъ на себя по договору обязательствъ. Это положеніе, не высказываемое сенатомъ въ общей формѣ, принимается имъ, однако, въ основаніе разрѣшенія тѣхъ

конкретныхъ вопросовъ, которые поставлены въ предложеніи оберъ-прокурора.

Не только полная остановка производства на данной фабрикѣ, вызванная забастовкой всѣхъ рабочихъ этой фабрики, ведетъ къ прекращенію договора, связывающаго хозяина фабрики съ рабочими. Сенатъ признаетъ, что такія же послѣдствія имѣетъ и пріостановка на фабрикѣ производства по распоряженію самой фабричной администраціи, если только это распоряженіе было вызвано опасеніемъ насильственныхъ дѣйствій стачечниковъ, хотя бы стачка происходила не на фабрикѣ, вынужденной пріостановить производство, а среди рабочихъ сосѣдней фабрики; необходимо только, чтобы распоряженіе администраціи о закрытіи фабрики вызвано было вполнѣ оправдываемымъ обстоятельствами случая опасеніемъ неотразимаго насилія со стороны стачечниковъ другой фабрики при первой попыткѣ начать работы. Пріостановленіе работъ на фабрикѣ по распоряженію ея администраціи, вызванное основательнымъ опасеніемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны стачечниковъ, создаетъ положеніе вещей, вполнѣ равносильное тѣмъ случаямъ пріостановки работъ, которые въ видѣ примѣрнаго перечня указаны въ п. 8 ст. 104 уст. о пром. и которые при остановкѣ работъ на время свыше семи дней влекутъ прекращеніе договора найма. „Если по этому закону (п. 8 ст. 104 уст. о пром.), говоритъ сенатъ, причиной такого событія могутъ быть, напримѣръ, пожаръ или наводненіе, т.-е. стихійныя силы природы, то въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ обсуждаемомъ вопросѣ, подобною причиною оказывается также внѣшняя сила, но только проявляемая людьми, которая принуждаетъ фабрику къ бездѣйствію, и посему таковое, буде оно продолжается болѣе семи дней, должно, равнымъ образомъ, служить основаніемъ къ прекращенію заключеннаго съ рабочимъ договора найма". Въ этомъ случаѣ договоръ найма прекращается силою самого закона.

Имѣютъ ли право на вознагражденіе за тѣ дни, когда

работа фабрики была пріостановлена по распоряженію ея администраціи изъ опасенія насильственныхъ дѣйствій со стороны стачечниковъ, тѣ рабочіе, которые являлись въ это время на фабрику съ предложеніемъ своего труда, но не были въ нее допущены? На этотъ вопросъ сенатъ отвѣчаетъ отрицательно. Въ соотвѣтствіи со взглядомъ своимъ на значеніе забастовки, какъ непреодолимой силы, сенатъ признаетъ, что въ этомъ случаѣ пріостановка работъ происходитъ не по винѣ администраціи, которая вынуждается къ принятію этой мѣры внѣшней силой, постигающей въ равной мѣрѣ какъ фабриканта, такъ и рабочихъ. „Явка рабочихъ на работу, говоритъ сенатъ, въ сущности, представляется не болѣе, какъ приходомъ ихъ на фабрику съ заявленіемъ условной готовности работать, т.-е. на случай прекращенія принужденія со стороны забастовщиковъ, подъ гнетомъ котораго они находятся, а недопущеніе ихъ фабричной администраціей къ работѣ является лишь дѣйствіемъ того же принужденія и, слѣдовательно, вовсе не настоящей причиной, по которой означенныя лица остаются безъ работы". Поэтому фабрикантъ долженъ считаться свободнымъ отъ обязанности возмѣщать этимъ рабочимъ плату за все то время, пока длилась пріостановка производства, оправдываемая опасеніемъ насилія со стороны стачечниковъ.

Сенатъ, далѣе, признаетъ, что по тѣмъ же основаніямъ не имѣютъ права на заработную плату также и рабочіе, хотя и не принимавшіе непосредственнаго участія въ забастовкѣ, но не являвшіеся на фабрику изъ опасенія подвергнуться насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны стачечниковъ. Но фабрикантъ не въ правѣ расторгнуть съ такими рабочими договоръ, если неявка ихъ при указанныхъ условіяхъ продолжалась не долѣе двухъ недѣль, такъ какъ неявка ихъ объяснялась уважительной причиной, а по силѣ 2 п. 105 ст. уст. о пром. при наличности уважительной причины неявки расторженіе договора фабрикантомъ можетъ послѣдовать лишь въ

случаѣ неявки рабочаго въ теченіе болѣе двухъ недѣль сряду. Послѣдній выводъ сената стоитъ въ прямомъ несоотвѣтствіи съ приведеннымъ выше взглядомъ его, что пріостановка производства на фабрикѣ на время болѣе семи дней, вызванная угрозой насильственныхъ дѣйствій со стороны стачечниковъ, въ силу самого закона и на основаніи п. 8 ст. 104 уст. о пром. влечетъ за собой прекращеніе договора найма съ рабочимъ, являвшимся на фабрику, но не допущеннымъ къ работамъ вслѣдствіе остановки производства по распоряженію администраціи. Эта несогласованность отдѣльныхъ частей сенатскаго рѣшенія можетъ объясняться лишь тѣмъ, что въ основу своихъ разсужденій сенатъ полагаетъ весьма неопредѣленную точку зрѣнія, приравнивающую пріостановку фабричнаго производства по распоряженію фабричной администраціи, оправдываемую опасеніемъ насилія со стороны стачечниковъ, къ обстоятельствамъ, указаннымъ въ п. 8 ст. 104 уст. о пром. и имѣющимъ значеніе непреодолимой силы.

Въ рѣшеніяхъ своихъ, послѣдовавшихъ по дѣламъ петроградскаго съѣзда, сенатъ даетъ дальнѣйшія разъясненія по вопросу объ обстоятельствахъ, создающихъ для фабриканта основаніе къ расторженію договора найма рабочаго.

Уставъ о промышленности различаетъ двѣ формы нарушенія договорныхъ отношеній между рабочимъ и работодателемъ: прекращеніе (ст.ст. 95 и 104 уст. о пром.) и расторженіе (ст.ст. 98, 105, 106 уст. о пром.) договора. Прекращеніе договора найма можетъ послѣдовать либо въ силу самыхъ условій договора, какъ, напримѣръ, по истеченіи срока найма и по выполненіи сдѣльной работы (п.п. 2, 3 ст. 104 уст. о пром.), либо по взаимному соглашенію сторонъ, а при неопредѣленномъ срокѣ найма и по одностороннему заявленію одной изъ сторонъ съ обязательнымъ предупрежденіемъ другой стороны за двѣ недѣли (ст. 95 и п. 1 и 4 ст. 104

уст. о пром.), либо вслѣдствіе наступленія обстоятельствъ, дѣлающихъ невозможнымъ выполненіе условій найма одной изъ сторонъ (п.п. 5, 6, 7, 8 той же ст. уст. о пром.). При наличности одного изъ обстоятельствъ, перечисленныхъ въ ст. 104, договоръ найма прекращается въ силу самого закона. Расторженіе договора предполагаетъ нарушеніе договорныхъ отношеній по одностороннему требованію одной изъ сторонъ. Если при прекращеніи договора обѣ стороны — рабочій и работодатель—поставлены закономъ въ одинаковое и равное положеніе, то при опредѣленіи условій расторженія договора законъ благопріятствуетъ работодателю. Ст. 105 уст. о пром. содержитъ перечисленіе тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ фабрикантъ имѣетъ право одностороннимъ волеизъявленіемъ, немедленно и безъ всякаго участія судебной власти, расторгнуть связывающій его съ рабочимъ договоръ найма; въ указанныхъ въ ст. 105 уст. о пром. случаяхъ фабрикантъ освобождается отъ обязанности предупреждать за двѣ недѣли рабочаго, нанятаго на срокъ неопредѣленный, объ его увольненіи. Въ силу примѣчанія 2 къ ст. 105 рабочему предоставляется лишь обжаловать по суду въ мѣсячный срокъ неправильное, по его мнѣнію, расторженіе договора и просить судъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ ему такимъ расторженіемъ договора. Для рабочаго одностороннее и внѣсудебное расторженіе договора найма закономъ воспрещается. Ст. 98 уст. о пром. предоставляетъ рабочему право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія договора при неполученіи не по своей винѣ заработной платы въ срокъ. Ст. 106 уст. о пром., дѣлая ссылку на ст. 98, перечисляетъ рядъ другихъ случаевъ, когда за рабочимъ признается такое же право требовать расторженія договора; ст. 106 не содержитъ прямого постановленія о томъ, что и въ этихъ случаяхъ расторженіе договора можетъ быть осуществлено рабочимъ лишь въ судебномъ порядкѣ; однако, изъ сопоставленія редакціи ст. 105, говорящей о расторженіи

договора завѣдывающимъ фабрикой или заводомъ, и редакціи ст. 106, предоставляющей рабочему лишь право требовать такого расторженія, а также изъ дѣлаемой ст. 106 ссылки на ст. 98, можно заключить, что и въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 106, расторженіе договора можетъ быть осуществлено рабочимъ лишь путемъ предъявленія судебнаго иска. Вмѣстѣ съ тѣмъ ст. 96 уст. о пром. содержитъ воспрещеніе для фабриканта прежде окончанія заключеннаго съ рабочимъ срочнаго договора или безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочаго, нанятаго на срокъ неопредѣленный, понижать тѣмъ или другимъ путемъ заработную плату, а для рабочихъ, до окончанія договора, требовать какихъ-либо измѣненій въ его условіяхъ. Возникаетъ вопросъ, въ правѣ ли рабочій въ случаѣ пониженія фабрикантомъ до истеченія срока договора заработной платы тѣмъ или инымъ путемъ отказаться отъ исполненія договора, не прибѣгая для его расторженія къ предъявленію судебнаго иска?

Въ числѣ основаній, дающихъ фабриканту право на расторженіе договора, ст. 105 уст. о пром., между прочимъ, въ п. 4 указываетъ „дурное поведеніе рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ фабричнаго управленія или наблюдающихъ за работами". Въ судебныхъ дѣлахъ, возникающихъ изъ договора фабрично-заводскаго найма, неопредѣленность понятія „дурного поведенія" служитъ нерѣдко поводомъ къ спорамъ, обнимается ли этимъ понятіемъ тотъ или иной проступокъ рабочаго, за совершеніе котораго онъ былъ уволенъ съ фабрики? Вопросъ этотъ чаще всего возникаетъ при увольненіи рабочаго вслѣдствіе участія его въ стачкѣ. Рѣшенія сената 1908 г. № 89 и 1910 г. № 86, состоявшіяся по дѣламъ петроградскаго съѣзда, посвящены разрѣшенію этого вопроса.

Отвѣчаетъ ли понятію „дурного поведенія" въ смыслѣ ст. 105 уст. о пром. отказъ рабочаго, являющагося на фабрику и становящагося у станка, производить требующуюся отъ него работу и даетъ ли такое поведеніе рабочаго фабриканту право на основаніи п. 4 ст. 105 уст. о пром. расторгнуть договоръ найма? Изъ рѣшенія 1908 г. № 89 видно, что рабочій Невской бумагопрядильной фабрики Барановъ, нанятый на срокъ неопредѣленный, былъ уволенъ фабрикой на основаніи п. 4 ст. 105 уст. о пром. безъ предупрежденія за двѣ недѣли за то, что, являясь въ теченіе двухъ дней на фабрику и становясь у станка, отказывался, какъ и всѣ прочіе рабочіе фабрики, производить работу, несмотря на требованіе администраціи. Барановъ, находя увольненіе свое по п. 4 ст. 105 уст. о пром. неправильнымъ, предъявилъ къ фабрикѣ на основаніи примѣчанія 2 къ ст. 105 уст. о пром. искъ о взысканіи убытковъ въ размѣрѣ двухъ-недѣльнаго заработка. Мировой съѣздъ, установивъ по дѣлу, что отказъ истца, какъ и другихъ рабочихъ фабрики, производить работу вызванъ былъ желаніемъ добиться лучшихъ условій вознагражденія, нашелъ, что такое поведеніе рабочихъ не могло служить для фабриканта основаніемъ для расторженія договора по п. 4 ст. 105, такъ какъ, по мнѣнію съѣзда, экономическая стачка рабочихъ никоимъ образомъ не можетъ быть опредѣляема, какъ дурное поведеніе; отказъ истца отъ работы въ описанныхъ условіяхъ можетъ быть признанъ лишь неявкой его на работу, неявка же на работу даетъ основаніе фабриканту расторгнуть договоръ лишь въ томъ случаѣ, если продолжалась болѣе трехъ дней. Сенатъ не соглашается съ даннымъ съѣздомъ толкованіемъ п. 4 ст. 105 уст. о пром. Въ рѣшеніи своемъ, послѣдовавшемъ по дѣлу Баранова, сенатъ прежде всего устанавливаетъ, что отказъ рабочаго, явившагося на фабрику, производить по требованію фабричной администраціи работу означаетъ неподчиненіе его правиламъ внутренняго распорядка, которыя опредѣляютъ время работъ и продолжительность перерывовъ; такое неподчиненіе правиламъ внутренняго распорядка представляется ослушаніемъ рабочаго распоряженіямъ фабричной администраціи; вся-

кое же ослушаніе рабочаго распоряженіямъ фабричной администраціи, какъ разъяснено сенатомъ въ рѣшеніи его 1890 г. № 126 (по дѣлу Ковровскаго мирового съѣзда), отвѣчаетъ понятію „дурного поведенія“ въ смыслѣ п. 4 ст. 105 уст. о пром., если при этомъ будетъ установлено, что такое ослушаніе угрожало имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ фабричнаго управленія; заключеніе съѣзда о томъ, что „экономическая стачка никоимъ образомъ не можетъ быть понимаема, какъ дурное поведеніе“ представляется, по мнѣнію сената, лишь оправданіемъ дѣйствій истца съ точки зрѣнія тѣхъ побужденій, которыми истецъ руководствовался въ своемъ отказѣ производить работу; между тѣмъ, съѣзду надлежало обсудить вопросъ о томъ, можетъ ли считаться „дурнымъ поведеніемъ“ вызванное стачкой неподчиненіе истца распоряженіямъ фабричной администраціи и въ какой мѣрѣ отказъ истца производить работу угрожалъ имущественнымъ интересамъ фабрики.

Толкованіе предусмотрѣннаго п. 4 ст. 105 уст. о пром. понятія „дурного поведенія“ содержится также въ рѣшеніи 1910 г. № 86 по дѣлу Пѣтухова. Рѣшеніе это содержитъ также разъясненіе вопроса о томъ, въ правѣ ли фабричная администрація расторгнуть договоръ найма въ случаѣ отказа рабочихъ производить работу при новыхъ условіяхъ найма, измѣненныхъ одностороннимъ распоряженіемъ администраціи фабрики?

26 октября 1908 г. на заводѣ акціонернаго общества „Электрическое освѣщеніе гор. СПБ.“ было вывѣшено объявленіе къ свѣдѣнію рабочихъ-кочегаровъ о томъ, что одинъ кочегаръ, обслуживавшій ранѣе одну воронку механической топки, будетъ впредь назначаться на двѣ такихъ воронки, причемъ заработная плата сохраняется въ прежнемъ размѣрѣ и что неисполненіе этого требованія будетъ считаться нарушеніемъ правилъ внутренняго распорядка. Усматривая въ этомъ распоряженіи существенное измѣненіе условій найма, при которомъ

отъ одного рабочаго требовалась при прежней платѣ двойная затрата труда, кочегары отказались подчиниться новому порядку. Немедленно всѣ кочегары были разсчитаны и взамѣнъ ихъ приглашены матросы. Рабочіе всѣхъ остальныхъ категорій, изъ сочувствія кочегарамъ и желая понудить администрацію фабрики къ мирному улаженію конфликта, объявили однодневную забастовку. Вслѣдъ за этимъ всѣ рабочіе, принявшіе участіе въ забастовкѣ, были уволены. Считая отказъ свой безъ предупрежденія за двѣ недѣли неправильнымъ, кочегары и рабочіе другихъ категорій предъявили къ обществу иски о вознагражденіи ихъ въ размѣрѣ двухнедѣльнаго заработка.

Для установленія права кочегаровъ и рабочихъ остальныхъ категорій на искъ съѣзду пришлось разрѣшить два вопроса. Въ правѣ ли рабочій, нанятый на срокъ неопредѣленный, требовать вознагражденія въ размѣрѣ двухнедѣльнаго заработка въ случаѣ увольненія его безъ предупрежденія за этотъ срокъ, если основаніемъ къ увольненію явился отказъ рабочаго производить работу при новыхъ условіяхъ труда и вознагражденія? Въ правѣ ли была администрація фабрики, ссылаясь на п. 4 ст. 105 уст. о пром., расторгнуть договоръ съ рабочими, принявшими участіе въ однодневной забастовкѣ? На первый изъ этихъ вопросовъ съѣздомъ данъ утвердительный отвѣтъ, второй вопросъ разрѣшенъ съѣздомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Сенатомъ первый вопросъ разрѣшенъ отрицательно, а на второй изъ поставленныхъ вопросовъ данъ положительный отвѣтъ.

Право требовать расторженія договора найма предоставляется рабочему при наличности обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 98 и 106 уст. о пром., причемъ договоръ въ этихъ случаяхъ можетъ быть расторгнутъ по жалобѣ рабочаго лишь судебнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ст. 96 уст. о пром. воспрещаетъ фабриканту до окончанія срочнаго найма или безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочихъ, нанятыхъ на срокъ не-

опредѣленный, „понижать заработную плату установленіемъ новыхъ основаній для ея исчисленія, сокращеніемъ числа рабочихъ дней въ недѣлю или числа рабочихъ часовъ въ сутки, измѣненіемъ правилъ урочной работы и т. п.“; „равнымъ образомъ, постановляетъ ст. 96 уст. о пром., и рабочіе не въ правѣ, до окончанія договора, требовать какихъ-либо измѣненій въ условіяхъ онаго“. Возникаетъ вопросъ, въ правѣ ли рабочій при несоблюденіи фабрикантомъ предписаній ст. 96 уст. о пром., не обращаясь къ судебному порядку расторженія договора, отказаться отъ продолженія работы на новыхъ условіяхъ въ виду нарушенія договора найма противной стороной и затѣмъ въ случаѣ немедленнаго увольненія его фабрикой предъявить къ послѣдней на основаніи примѣч. 2 къ ст. 105 уст. о пром. требованіе о вознагражденіи, предусмотрѣнномъ ст. 98 уст. о пром.?

Обращаясь по дѣлу Пѣтухова къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, съѣздъ прежде всего устанавливаетъ, что распоряженіемъ заводской администраціи вводились новыя условія труда, существенно отличныя отъ тѣхъ, при которыхъ рабочіе-кочегары ранѣе производили работу. Буквальное толкованіе ст. 96 приводитъ съѣздъ къ убѣжденію, что статьей этой обѣ стороны—и рабочіе и наниматели—поставлены въ одинаковое положеніе въ отношеніи обязанности ихъ сохранять безъ измѣненія до окончанія срочнаго найма установленныхъ договоромъ условій или предупреждать о предстоящихъ измѣненіяхъ условій за двѣ недѣли при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Воспрещая нанимателю до окончанія найма понижать заработную плату, ст. 96 уст. о пром. приводитъ лишь примѣрный перечень тѣхъ способовъ, которыми плата можетъ быть понижена, что̀ видно изъ добавленія въ концѣ этого̀ перечня словъ „и т. п.“. Распоряженіе завода, которымъ на рабочихъ возлагается двойной трудъ при сохраненіи прежней заработной платы, очевидно, вело къ измѣненію условій найма и, въ частности, къ пониженію заработной платы. Существенное

измѣненіе условій найма одностороннимъ распоряженіемъ фабричной администраціи давало рабочимъ право отказаться отъ продолженія работы на новыхъ основаніяхъ. Въ виду такого отказа администрація фабрики обязана была предоставить рабочимъ отработать на прежнихъ основаніяхъ въ теченіе двухъ недѣль, предупредивъ ихъ за тотъ же срокъ объ увольненіи. Фабричная администрація не въ правѣ была разсматривать отказъ рабочихъ исполнить ея распоряженіе, которымъ вводились новыя условія труда и вознагражденія и односторонне нарушался договоръ найма, какъ нежеланіе подчиниться правиламъ внутренняго распорядка, и увольнять рабочихъ на основаніи п. 4 ст. 105 уст. о пром.

Въ противоположномъ смыслѣ разрѣшается первый изъ поставленныхъ вопросовъ сенатомъ. Сенатъ признаетъ, что право требовать расторженія договора возникаетъ у рабочаго не только при наличности обстоятельствъ, прямо предусмотрѣнныхъ ст.ст. 98 и 106 уст. о пром., но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ пониженія фабрикантомъ заработной платы, которые имѣются въ виду ст. 96 уст. о пром. Однако, расторженіе договора во всѣхъ этихъ случаяхъ можетъ быть осуществлено рабочимъ только въ судебномъ порядкѣ; самовольный же отказъ рабочаго отъ работы составляетъ уголовно-наказуемый проступокъ, хотя бы отказъ этотъ и былъ вызванъ существеннымъ измѣненіемъ условій найма односторонним распоряженіемъ фабриканта. Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ подлежавшаго его разсмотрѣнію дѣла, сенатъ не соглашается съ тѣмъ толкованіемъ, которое дано съѣздомъ распоряженію отвѣтчика, обращенному къ рабочимъ-кочегарамъ. Сенатъ находитъ, что распоряженіе это не содержало прямого постановленія о пониженіи заработной платы и потому не обязывало фабричную администрацію предупреждать рабочихъ за двѣ недѣли о вводимыхъ имъ измѣненіяхъ; распоряженіе это, которымъ устанавливался лишь новый порядокъ работъ, должно разсматриваться

какъ измѣненіе правилъ внутренняго распорядка, подчиненіе которымъ для рабочихъ обязательно. Ослушаніе рабочихъ правиламъ внутренняго распорядка составляетъ, по разъясненію сената 1908 г. № 89, „дурное поведеніе“ въ смыслѣ п. 4 ст. 105 уст. о пром. „Оставленіе же фабричнаго заведенія рабочими скопомъ, находитъ сенатъ, вызвавшее забастовку остальныхъ рабочихъ и тѣмъ самымъ угрозу имущественнымъ интересамъ завода, т.-е. поступокъ рабочихъ, выходящій далеко за предѣлы ослушанія, даетъ достаточный поводъ къ увольненію такихъ рабочихъ и къ допущенію вмѣсто нихъ другихъ и не можетъ быть признано дѣйствіемъ администраціи завода произвольнымъ и неоправдывающимся закономъ“.

Участіе рабочихъ завода въ однодневной забастовкѣ, объявленной ими изъ сочувствія къ уволеннымъ кочегарамъ, не можетъ быть, по мнѣнію съѣзда, признано дѣяніемъ, подходящимъ подъ дѣйствіе п. 4 ст. 105 уст. о пр., ссылкой на который отвѣтчикъ оправдываетъ увольненіе рабочихъ-участниковъ стачки, такъ какъ „забастовка объявлена была лишь на одинъ день и уже послѣ того, какъ выяснилось, что за призывомъ матросовъ къ исполненію работъ она не могла нанести значительнаго имущественнаго ущерба заводу, работа котораго не прекращалась“. Посему съѣздъ призналъ право на искъ о вознагражденіи въ размѣрѣ двухъ-недѣльнаго заработка и за рабочими, уволенными фабрикой безъ установленнаго предупрежденія за участіе въ однодневной забастовкѣ. Сенатъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ приведеннымъ взглядомъ съѣзда и находитъ, что участіе въ однодневной забастовкѣ не можетъ не считаться проявленіемъ со стороны рабочихъ „дурного поведенія“, дававшимъ заводской администраціи основаніе къ увольненію стачечниковъ на основаніи п. 4 ст. 105 уст. о пр. безъ предупрежденія; заключеніе съѣзда о незначительности имущественнаго ущерба, который могъ быть причиненъ заводу такой забастовкой, неосновательно, такъ какъ размѣръ ущерба не имѣетъ значенія и для примѣненія п. 4 ст. 105 уст. о пр. достаточно, чтобы поведеніе рабочихъ только угрожало ущербомъ и не требуется дѣйствительнаго причиненія его.

Ст. 95 уст. о пр. воспрещаетъ рабочему и нанимателю отказаться отъ исполненія договора найма, заключеннаго на срокъ неопредѣленный, безъ предупрежденія за двѣ недѣли. Отказъ фабриканта отъ исполненія договора безъ предупрежденія рабочаго за двѣ недѣли даетъ послѣднему право на взысканіе убытковъ въ размѣрѣ двухнедѣльнаго заработка. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 105, договоръ найма, заключенный на неопредѣленный срокъ, можетъ быть расторгнутъ завѣдующимъ фабрикой или заводомъ безъ установленнаго предупрежденія. Въ силу примѣчанія 2 къ ст. 105 рабочему, считающему увольненіе свое на этомъ основаніи неправильнымъ, предоставляется въ мѣсячный срокъ обжаловать расторженіе договора суду и просить о присужденіи убытковъ. Примѣнимъ ли установленный примѣчаніемъ 2 къ ст. 105 мѣсячный срокъ для предъявленія рабочимъ иска въ томъ случаѣ, когда онъ, рабочій, уволенный на основаніи одного изъ пунктовъ упомянутой статьи, заявитъ требованіе о выдачѣ ему двухнедѣльной заработной платы по 95 ст. уст. о пр., объяснивъ, что онъ участія во взводимомъ на него проступкѣ не принималъ? Вопросъ этотъ поставленъ и разрѣшенъ сенатомъ въ утвердительномъ смыслѣ въ рѣшеніи его 1908 г. № 103, состоявшемся по дѣлу петроградскаго съѣзда. Изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что рабочій фабрики „Эриксонъ и К°“ Кійсъ, уволенный съ фабрики отвѣтчика безъ предупрежденія за двѣ недѣли за участіе въ вывозѣ мастера фабрики на тачкѣ, предъявилъ искъ о вознагражденіи его въ размѣрѣ двухнедѣльнаго заработка, причемъ въ исковомъ прошеніи объяснилъ, что искъ предъявляется имъ на основаніи ст. 95 уст. о пр. и что участія въ приписываемомъ ему проступкѣ онъ не

принималъ. Искъ этотъ предъявленъ былъ Кійсъ по истеченіи мѣсяца со дня его увольненія. Отвѣтчикъ возражалъ противъ иска, указывая, что истецъ уволенъ былъ по п. 4 ст. 105, посему искъ его могъ быть заявленъ только на основаніи примѣчанія 2 къ ст. 105 и, стало быть, предъявленіе его могло послѣдовать лишь въ теченіе мѣсяца со дня увольненія. Съѣздъ, не соглашаясь съ доводами отвѣтной стороны, нашелъ, что указаніе отвѣтчика на примѣч. 2 къ ст. 105 не можетъ въ данномъ случаѣ имѣть значенія, такъ какъ участіе истца въ проступкѣ, за совершеніе котораго онъ былъ уволенъ со ссылкой на п. 4 ст. 105, по дѣлу не доказано; искъ предъявленъ по ст. 95, и потому къ нему не примѣнимъ мѣсячный срокъ, о которомъ упоминаетъ примѣч. 2 къ ст. 105; на этомъ основаніи съѣздъ исковыя требованія Кійсъ удовлетворилъ. Отмѣняя рѣшеніе съѣзда по нарушенію примѣч. 2 къ ст. 105 уст. о пр., сенатъ разъясняетъ, что при увольненіи рабочаго съ фабрики или съ завода со ссылкой фабрично-заводской администраціи на одинъ изъ пунктовъ ст. 105 обжалованіе такого увольненія со стороны рабочаго можетъ послѣдовать лишь въ порядкѣ примѣч. 2 къ ст. 105, слѣдовательно, съ соблюденіемъ мѣсячнаго срока на предъявленіе иска; при возраженіи отвѣтчика о пропускѣ этого срока не имѣетъ значенія, удостовѣренъ или нѣтъ по дѣлу тотъ проступокъ, за совершеніе котораго истецъ былъ уволенъ, и судъ, признавая мѣсячный срокъ пропущеннымъ, не въ правѣ уже въ этомъ случаѣ входить въ обсужденіе основательности поводовъ къ увольненію истца; пропускъ мѣсячной давности погашаетъ право иска во всякомъ случаѣ и независимо отъ того, имѣла ли фабричная администрація дѣйствительное основаніе для примѣненія къ увольненію рабочаго одного изъ пунктовъ ст. 105; ссылка искового прошенія на ст. 95 уст. о пром. не можетъ измѣнять силы и значенія давностнаго срока, установленнаго примѣчаніемъ 2 къ ст. 105, въ особенности, въ виду собственнаго объясненія истца, что уволенъ онъ

былъ за участіе въ вывозѣ мастера фабрики на тачкѣ, т.-е. за дѣяніе, предусмотрѣнное въ 4 п. 105 ст.

Въ сборникѣ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента за 1906 годъ содержатся два состоявшіяся по дѣламъ петроградскаго съѣзда рѣшенія, которыми даются разъясненія закона о „сверхурочныхъ“ работахъ.

Уст. о пром. въ ст. ст. 156^{2-9} и изданныя въ развитіе этихъ ст. ст. правила (см. приложеніе къ ст. 156^{9} уст. о пр.) содержатъ рядъ постановленій, которыми ограничивается продолжительность и нормируется распредѣленіе рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Законъ, ограничивая продолжительность работы въ будніе дни и воспрещая производство работы въ воскресные и праздничные дни, допускаетъ отступленія отъ этого общаго правила, между прочимъ, для „непрерывныхъ“ и „сверхурочныхъ“ работъ. Работами „непрерывными“ ст. 13 правилъ, прилож. къ ст. 156^{9} уст. о пр., именуетъ такія работы, которыя „не могутъ быть прерываемы въ произвольное время безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или изготовляемыхъ издѣлій“; непрерывныя работы могутъ производиться въ часы и дни, въ которые по общему правилу работы на фабрикахъ и заводахъ не допускаются. Въ предѣлахъ ограниченій, установленныхъ закономъ для продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, порядокъ производства работъ опредѣляется въ каждомъ предпріятіи правилами внутренняго распорядка. „Сверхурочною“ считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда по правиламъ внутренняго распорядка ему не полагается работъ (ст. 156^{8} уст. о пр.); сверхурочныя работы подраздѣляются на обязательныя и необязательныя. Необязательныя сверхурочныя работы могутъ производиться лишь по особому, на каждый отдѣльный случай, соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочими (ст. 18 правилъ, прилож. къ ст. 156^{9} уст. о пр.).

Въ огражденіе постановленій, которыми устанавливается нормальная продолжительность рабочаго времени и охраняется праздничный отдыхъ рабочихъ, обязательныя сверхурочныя работы допускаются закономъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Къ обязательнымъ работамъ, производимымъ внѣ нормальнаго урочнаго времени, могутъ относиться лишь такія работы, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства (та же ст. 18). Примѣчаніе къ ст. 18 тѣхъ же правилъ, разъясняя понятіе „необходимыхъ по техническимъ условіямъ производства работъ", указываетъ, что таковыми признаются лишь тѣ работы, которыя вызываются исключительно случайными и притомъ зависящими отъ свойствъ самого производства отклоненіями отъ нормальнаго его хода. Такія сверхурочныя работы могутъ быть признаны обязательными для рабочихъ лишь тогда, если правила внутренняго распорядка указываютъ случаи, при которыхъ работы эти должны имѣть мѣсто. Сверхурочныя обязательныя работы подлежатъ особой оплатѣ, устанавливаемой въ расцѣнкахъ и тарифахъ.

Въ судебныхъ дѣлахъ, возникающихъ изъ исковъ рабочихъ о вознагражденіи за сверхурочныя обязательныя работы, главный предметъ спора сторонъ составляетъ вопросъ, относятся ли тѣ работы, вознагражденіе за которыя отыскивается, къ нормальному рабочему времени, оплачиваемому основнымъ предусмотрѣннымъ договоромъ найма содержаніемъ, или же работы эти должны быть признаны сверхурочными обязательными и потому подлежащими особой оплатѣ?

Въ рѣшеніи 1906 г. № 98 вопросъ этотъ ставится въ связи съ разсмотрѣніемъ иска, предъявленнаго рабочимъ къ кожевенному заводу, о вознагражденіи его за работы, которыя онъ, по требованію заводской администраціи, производилъ въ теченіе двухъ часовъ во всѣ воскресные и праздничные дни. Считая, что такія работы въ виду закона, воспрещающаго занимать рабочихъ трудомъ въ праздники, должны считаться сверхурочными

обязательными и потому подлежащими особой оплатѣ, независимо отъ назначеннаго по договору помѣсячнаго содержанія, истецъ просилъ взыскать съ отвѣтчика вознагражденіе за этотъ сверхурочный трудъ. Возражая противъ иска, отвѣтчикъ заявилъ, что двухчасовая праздничная работа установлена правилами внутренняго распорядка въ качествѣ работы обычной и вызываемой нормальнымъ ходомъ кожевеннаго производства, а потому не соотвѣтствуетъ признакамъ сверхурочной обязательной работы и не подлежитъ особой оплатѣ, сверхъ обусловленнаго договоромъ найма мѣсячнаго содержанія. Правила внутренняго распорядка, на которыя сослался отвѣтчикъ, въ § 9 постановляли, что „при обыкновенныхъ работахъ таковыя не производятся въ воскресные и праздничные дни"; тѣ же правила, предусматривая въ § 10 праздничныя работы, именовали ихъ работами „необходимыми, истекающими изъ особыхъ техническихъ условій производства".

Подробно останавливаясь на разсмотрѣніи законовъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, мировой съѣздъ прежде всего считаетъ нужнымъ установить, что праздничныя работы истца не могутъ быть отнесены къ работамъ „непрерывнымъ", производство которыхъ по силѣ ст. 13 правилъ, прилож. къ ст. 156[9] уст. о пр., допускается съ отступленіемъ отъ правила о праздничномъ отдыхѣ рабочихъ; „непрерывными" работами по силѣ ст. 13 указанныхъ правилъ могутъ признаваться лишь работы, которыя невозможно прервать въ произвольное время; между тѣмъ, на заводѣ отвѣтчика работы ежедневно оканчивались въ опредѣленные часы, и въ праздничные дни рабочіе собирались лишь для двухъ-часовой работы, слѣдовательно, на заводѣ отвѣтчика работы производились съ перерывами. Съѣздъ, далѣе, находитъ, что праздничная работа истца, за которую онъ ищетъ вознагражденіе, вполнѣ отвѣчаетъ установленнымъ закономъ признакамъ сверхуроч-

ной обязательной работы. Сверхурочной считается работа, производимая въ такое время, когда по правиламъ внутренняго распорядка рабочимъ не полагается работы. Девятый § правилъ, дѣйствующихъ на заводѣ отвѣтчика, постановляетъ, что въ праздничные и воскресные дни обыкновенныхъ работъ не полагается. Хотя § 10 тѣхъ же правилъ и предусматриваетъ праздничныя работы, но именуетъ ихъ „необходимыми, истекающими изъ особыхъ техническихъ условій производства", т.-е. дословно воспроизводитъ опредѣленіе сверхурочныхъ обязательныхъ работъ, содержащееся въ ст. 18 правилъ, приложенныхъ къ ст. 156[9] уст. о пром. И по самому свойству тѣхъ работъ, вознагражденіе за которыя отыскивается истцомъ, работы эти вполнѣ подходятъ подъ опредѣленіе сверхурочныхъ обязательныхъ, которое дается закономъ. Съѣздъ устанавливаетъ по дѣлу, что праздничная работа на заводѣ отвѣтчика была необходима потому, что въ С.-Петербургѣ били скотъ въ праздники и воскресенья и доставляли кожи на заводъ; во избѣжаніе порчи кожъ необходимо было въ тотъ же день убрать ихъ надлежащимъ образомъ. Поэтому праздничная работа по уборкѣ кожъ вызывалась случайнымъ и независящимъ отъ администраціи завода обстоятельствомъ, какъ убой скота на городской бойнѣ въ праздники, а необходимость немедленной уборки доставленныхъ на заводъ кожъ объяснялась свойствомъ самого кожевеннаго производства. Установивъ, что праздничная работа на заводѣ отвѣтчика должна быть отнесена къ категоріи сверхурочныхъ обязательныхъ работъ, мировой съѣздъ призналъ, что работа эта подлежитъ особой оплатѣ, независимо отъ получаемаго истцомъ мѣсячнаго содержанія, и исковыя требованія удовлетворилъ. На иную точку зрѣнія становится сенатъ. Сенатъ полагаетъ, что праздничныя работы на заводѣ отвѣтчика по уборкѣ кожъ могутъ считаться работами „непрерывными", т. к. невыполненіе ихъ въ праздники вело бы къ порчѣ обрабатываемыхъ матеріаловъ — кожъ; поэтому двухчасовой

праздничный трудъ могъ быть установленъ правилами внутренняго распорядка въ качествѣ нормальной работы, обязательной для рабочихъ по общимъ условіямъ ихъ найма. Работы эти не отвѣчаютъ также понятію сверхурочнаго обязательнаго труда. Сенатъ расходится съ съѣздомъ въ истолкованіи §§ 9 и 10 правилъ внутренняго распорядка, дѣйствующихъ на заводѣ отвѣтчика, и признаетъ, что § 10 этихъ правилъ устанавливаетъ праздничныя работы не въ видѣ исключенія изъ общаго правила, предусмотрѣннаго § 9, а въ качествѣ нормальнаго и постояннаго труда рабочихъ. Праздничныя работы истца не могутъ считаться сверхурочными еще потому, что работы эти вызывались обычнымъ фактомъ подвоза сырыхъ кожъ съ бойни въ праздники и необходимостью немедленной ихъ уборки; между тѣмъ, для признанія работъ обязательными сверхурочными необходимо, чтобы причина, порождающая ихъ необходимость, была случайной, а не постоянной, какъ въ настоящемъ случаѣ, и коренилась въ свойствахъ самаго производства, а не въ постороннемъ обстоятельствѣ, какимъ въ настоящемъ случаѣ представляется установленный на городской бойнѣ порядокъ убоя скота въ праздники. Сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе съѣзда по нарушеніямъ ст. 156[9] уст. о пром. и ст.ст. 13, 17 и 18 прилож. къ ней правилъ.

Вопросъ о сверхурочныхъ работахъ затрагивается также и въ рѣшеніи 1906 г. № 101. Изъ дѣла съѣзда, по которому состоялось это рѣшеніе, видно, что искъ предъявленъ былъ рабочимъ-прядильщикомъ, нанятымъ за сдѣльную плату, о вознагражденіи за работу по очисткѣ и подготовкѣ прядильныхъ машинъ, для выполненія которой истецъ, по требованію фабричной администраціи, являлся на фабрику ежедневно за полчаса до начала работъ, назначеннаго по правиламъ внутренняго распорядка, причемъ никакого соглашенія между истцомъ и администраціей фабрики о платѣ за эти дополнительныя работы заключено не было. Работы по очисткѣ и подготовкѣ прядильныхъ машинъ, которыя истецъ про-

изводилъ въ сверхурочное время, не могли, однако, считаться работами обязательными сверхурочными, такъ какъ онѣ не были вовсе предусмотрѣны правилами внутренняго распорядка и не вызывались случайными отклоненіями отъ нормальнаго хода прядильнаго производства; для признанія же этихъ работъ сверхурочными необязательными необходимо было бы установить, что онѣ производились по отдѣльному на каждый разъ соглашенію сторонъ. Между тѣмъ, такого соглашенія, которое опредѣляло бы также и плату за эти работы, сторонами заключено не было; по дѣлу было доказано, что работы эти производились рабочими по одностороннему требованію фабричной администраціи, которая увольняла рабочихъ, отказывавшихся исполнять ея распоряженіе о явкѣ на фабрику за полчаса до нормальнаго начала рабочаго времени. Мировой съѣздъ, не возбуждая вопроса объ отнесеніи указанныхъ работъ къ той или другой категоріи сверхурочныхъ работъ, призналъ, что рабочіе имѣютъ несомнѣнное право на полученіе вознагражденія за дополнительную работу по очисткѣ и подготовкѣ машинъ, такъ какъ рабочіе-прядильщики въ этомъ случаѣ выполняли трудъ, для исполненія котораго фабрикантъ долженъ былъ бы приглашать другихъ рабочихъ; прядильщики получали бы всю причитавшуюся имъ сдѣльную плату, если бы, являясь на фабрику въ урочное время, находили машины въ подготовленномъ для работы видѣ; выгоду отъ подготовки машинъ тѣми же рабочими-прядильщиками, въ сверхурочное время и безъ особаго вознагражденія, получалъ исключительно фабрикантъ, и потому было бы справедливо, чтобы этой выгодой фабрикантъ подѣлился съ рабочими. Сенатъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ заключеніемъ съѣзда о правѣ рабочихъ-прядильщиковъ на полученіе дополнительной платы за работы, производившіяся ими въ сверхурочное время безъ особаго соглашенія съ фабричной администраціей. Одинъ лишь фактъ исполненія этихъ работъ внѣ урочнаго времени не даетъ еще права

рабочимъ требовать дополнительнаго за нихъ вознагражденія. Сужденіе съѣзда о томъ; что выгоду отъ выполненія прядильщиками работъ по очисткѣ машинъ въ сверхурочное время получалъ исключительно фабрикантъ, было бы, по мнѣнію сената, вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы эта работа вовсе не входила въ кругъ обязанностей прядильщиковъ и по условіямъ найма лежала бы на обязанности другихъ рабочихъ. Лишь при этомъ условіи фабрикантъ обязанъ былъ бы вознаградить прядильщиковъ за ихъ трудъ по очисткѣ и подготовкѣ машинъ, ибо никто, по силѣ ст. 574 т. X, ч. I, не въ правѣ обогащаться за чужой счетъ. Между тѣмъ, по правиламъ внутренняго распорядка, принятымъ на фабрикѣ отвѣтчика, обязанность слѣдить за чистотой машинъ лежитъ на самихъ же прядильщикахъ и, слѣдовательно, выполняя эту работу до начала нормальнаго рабочаго времени, рабочіе-прядильщики выигрывали время при самой прядильной работѣ, которая оплачивалась сдѣльно. „При такихъ условіяхъ, полагаетъ сенатъ, не можетъ быть и рѣчи о безмездномъ пользованіи фабрикантомъ трудомъ прядильщиковъ по очисткѣ машинъ, исполненнымъ ими внѣ урочнаго времени, а, слѣдовательно, и къ примѣненію къ данному случаю ст. 574 т. X, ч. I“. „Коль скоро, однако, заключаетъ сенатъ, требованіе истца о дополнительномъ вознагражденіи его за означенный трудъ не оправдывается ни упомянутой статьей, ни договоромъ найма, заключеннымъ имъ съ фабричнымъ управленіемъ, ни какимъ-либо особымъ по этому предмету соглашеніемъ“, удовлетвореніе его исковыхъ требованій представляется нарушеніемъ со стороны мирового съѣзда ст. 129 у. г. с. Рѣшеніе съѣзда сенатомъ отмѣняется.

Рѣшеніе 1912 г. № 1 содержитъ руководящее разъясненіе по вопросу о формѣ договора фабрично-заводскаго найма. Въ дѣлѣ петроградскаго съѣзда, по которому послѣдовало это сенатское рѣшеніе, возникаетъ вопросъ, можетъ ли рабочій основывать свое требованіе о допол-

нительномъ вознагражденіи на объявленіи заводской администраціи, которымъ послѣдняя обѣщала увеличить плату, предусмотрѣнную разсчетной книжкой? Разрѣшенію этого вопроса сенатомъ предпослано сужденіе по общему вопросу о формѣ договора фабрично-заводскаго найма. Приходя къ выводу, что въ отступленіе отъ общаго выраженнаго въ ст. 2226 т. X, ч. I правила о допустимости словеснаго заключенія договора личнаго найма съ рабочими уст. о пром. предусматриваетъ исключительно письменную форму для найма фабрично-заводскихъ рабочихъ, причемъ договоръ этотъ совершается выдачей рабочему разсчетной книжки, сенатъ на этомъ основаніи полагаетъ, что всякое измѣненіе или дополненіе условій найма, изложенныхъ въ разсчетной книжкѣ, можетъ почитаться дѣйствительнымъ и обязательнымъ для сторонъ лишь въ томъ случаѣ, если эти измѣненія и дополненія облечены въ письменную форму и занесены въ разсчетную книжку.

Администрація акціонернаго общества нефтеперегонныхъ заводовъ „В. Ропсъ и К⁰“ объявила къ свѣдѣнію рабочихъ, что въ виду увеличенія труда нѣкоторой части рабочихъ на 7½ часовъ въ недѣлю, ею предположено выдавать этимъ рабочимъ за ихъ дополнительный трудъ добавочную плату. Объявленіе это было вывѣшено на заводѣ 1 марта 1905 года. Въ сентябрѣ 1909 года директоръ завода выдалъ фабричному инспектору подписку въ томъ, что обѣщанная въ 1905 году прибавка будетъ выдана тѣмъ рабочимъ, которыхъ она касается, за все время, протекшее со дня объявленія. Ссылаясь на объявленіе заводской администраціи и на подписку директора завода, рабочій Поляковъ предъявилъ въ декабрѣ 1909 года искъ о взысканіи добавочной платы за четыре года. Мировой съѣздъ, разсматривая дѣло по апелляціонной жалобѣ отвѣтчика, нашелъ, что администрація завода, объявивъ о добавочной платѣ, дала рабочимъ обѣщаніе плату эту выдать; послѣдующей выдачей подписки директоромъ завода администрація послѣдняго

признала данное четыре года назадъ обѣщаніе для себя обязательнымъ; съѣздъ, далѣе, нашелъ, что незанесеніе условія о добавочной платѣ въ разсчетную книжку не могло имѣть значенія въ смыслѣ признанія этого условія необязательнымъ для завода тѣмъ болѣе, что только вслѣдствіе выдачи директоромъ завода подписки фабричнымъ инспекторомъ не было составлено протокола о неисполненіи администраціей даннаго въ 1905 году обѣщанія и о незанесеніи этого обѣщанія въ книжку. Исковыя требованія Полякова съѣздомъ были удовлетворены. Рѣшеніе съѣзда отмѣняется сенатомъ. Полагая, что порядокъ заключенія рабочихъ договоровъ, предусмотрѣнный ст. 2226 т. X, ч. I, на которую ссылается истецъ, совершенно непримѣнимъ къ договорамъ личнаго найма фабрично-заводскихъ рабочихъ, сенатъ находитъ, что для найма рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ ст. ст. 92, 134, 135 уст. о пром. предусматриваютъ исключительно письменный порядокъ совершенія договора въ формѣ выдачи разсчетной книжки, причемъ по силѣ ст. 137 уст. о пром. въ книжку должно быть, между прочимъ, занесено и условіе о размѣрѣ заработной платы и указаніе на основаніе ея исчисленія. Отвергая за объявленіемъ завода и подпиской директора завода значеніе обязательства, даннаго администраціей и принятаго рабочими, и признавая за ними лишь силу письменнаго удостовѣренія состоявшагося на словахъ соглашенія, сенатъ считаетъ, что условія облеченнаго въ форму разсчетной книжки договора найма „не могутъ быть признаваемы измѣненными или дополненными на основаніи соглашеній между договаривающимися сторонами, не выразившихся въ особомъ актѣ, хотя бы и такихъ соглашеній, которыхъ заключеніе на словахъ или молчаливое существованіе удостовѣряется письменными доказательствами“.

Прекращается ли установленная ст. 10 закона 2 іюня 1903 г. (см. приложеніе къ ст. 156[19] уст. о пром.) обязан-

ность владѣльца промышленнаго предпріятія возмѣщать потерпѣвшему увѣчье рабочему расходы по леченію съ момента назначенія этому рабочему по правиламъ того же закона пожизненной пенсіи, если къ этому времени леченіе еще продолжалось и не наступило еще полнаго излеченія? Вопросъ этотъ сенатскимъ рѣшеніемъ 1909 г. № 15 разрѣшается отрицательно. Разсматривая дѣло по иску рабочаго о взысканіи съ владѣльца предпріятія расходовъ по леченію за время, протекшее съ момента назначенія пожизненной пенсіи и до прекращенія леченія, петроградскій мировой съѣздъ, основываясь на буквальномъ смыслѣ ст. 10 закона 2 іюня, призналъ, что законъ этотъ обязываетъ владѣльца предпріятія возмѣщать расходы по леченію независимо отъ назначенія пожизненной пенсіи. Въ кассаціонной жалобѣ, принесенной на рѣшеніе съѣзда, удовлетворившаго исковыя требованія, между прочимъ, высказывается мнѣніе, что по смыслу закона 2 іюня 1903 года одновременное назначеніе потерпѣвшимъ увѣчье рабочимъ отъ владѣльца предпріятія пожизненной пенсіи и расходовъ по леченію не допускается. Сенатъ соглашается съ даннымъ съѣздомъ толкованіемъ ст. 10 закона 2 іюня; точный ея смыслъ не оставляетъ, по мнѣнію сената, сомнѣнія, что право рабочаго на возмѣщеніе владѣльцемъ предпріятія расходовъ по леченію совершенно независимо отъ назначенія ему пожизненной пенсіи, а соотвѣтствующая обязанность владѣльца предпріятія отпадаетъ лишь съ момента излеченія или прекращенія леченія; каждое изъ этихъ основаній имѣетъ самостоятельное значеніе въ томъ смыслѣ, что прекращеніе леченія, хотя бы полнаго излеченія еще не наступило, влечетъ за собой и прекращеніе обязанности владѣльца предпріятія по возмѣщенію рабочему расходовъ по леченію, если даже впослѣдствіи рабочій и возобновилъ леченіе. Отвергая приведенный только-что доводъ кассаціонной жалобы, сенатъ, однако, рѣшеніе съѣзда отмѣняетъ по другому поводу, указанному въ кассаціонной жалобѣ. Ст. 10 закона 2 іюня опредѣленно постановляетъ, что „возмѣщеніе расходовъ по леченію опредѣляется изъ разсчета платы, взимаемой въ мѣстныхъ больницахъ (казенныхъ, городскихъ, земскихъ)“. Обсуждая размѣръ исковыхъ требованій, съѣздъ въ виду вполнѣ опредѣленнаго указанія ст. 10 пришелъ къ заключенію, что сдѣланное истцомъ исчисленіе расходовъ соотвѣтствуетъ таксѣ городскихъ больницъ, и потому призналъ искъ доказаннымъ и по размѣру. Кассаціонная жалоба полагаетъ, что расходъ по леченію подлежитъ возмѣщенію лишь въ мѣрѣ дѣйствительныхъ затратъ, понесенныхъ рабочимъ на леченіе. Сенатъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи соображенія кассаціонной жалобы, находитъ, что правило ст. 10 о возмѣщеніи расходовъ по больничной таксѣ можетъ имѣть примѣненіе лишь для леченія съ полнымъ содержаніемъ отъ больницы; но дѣйствующую больничную таксу нельзя принимать во вниманіе для исчисленія расходовъ по амбулаторному леченію и леченію у вольно-практикующаго врача; такого рода расходы должны удовлетворяться лишь въ той мѣрѣ, въ какой они дѣйствительно были понесены лечившимся; противоположное заключеніе „противорѣчило бы, по мнѣнію сената, истинной цѣли закона 2 іюня 1903 года— предоставить потерпѣвшему рабочему то только вознагражденіе, которое можетъ причитаться ему по справедливости, и притомъ давало бы рабочему право на возвратъ такихъ издержекъ, которыхъ онъ не производилъ“; съѣзду поэтому надлежало установить, къ какого рода леченію вынужденъ былъ прибѣгнуть истецъ. Рѣшеніе съѣзда отмѣняется сенатомъ по нарушенію ст. 142 у. г. с.

Практика сената по отдѣльнымъ гражданскимъ дѣламъ, разрѣшеннымъ съѣздомъ.

Въ предшествующемъ изложеніи мы останавливались на рѣшеніяхъ петроградскаго съѣзда по отдѣльнымъ

вопросамъ, обращая вниманіе, съ одной стороны, на такіе вопросы, которые въ судебной практикѣ съѣзда имѣли первенствующее значеніе, а, съ другой, на вопросы, по которымъ состоялись рѣшенія съѣзда и сената, по содержанію своему представлявшія существенный интересъ. Въ заключеніе нашего обзора сенатской практики по гражданскимъ дѣламъ съѣзда намъ остается обратиться къ рѣшеніямъ по отдѣльнымъ дѣламъ, которыя, не входя ни въ одну изъ указанныхъ двухъ категорій, тѣмъ не менѣе, по юридическимъ или бытовымъ своимъ особенностямъ заслуживаютъ упоминанія. Останавливаясь лишь на рѣшеніяхъ, имѣвшихъ наиболѣе важное значеніе, мы указываемъ сначала тѣ изъ нихъ, которыми разрѣшались вопросы матеріальнаго права, переходя затѣмъ къ рѣшеніямъ, въ которыхъ на обсужденіе съѣзда и сената ставились процессуально-правовые вопросы, придерживаясь въ изложеніи тѣхъ и другихъ хронологическаго порядка.

Вопросы матеріальнаго права: 1) Рѣшеніе 1910 г. № 6—о правѣ сына искать съ отца средства на образованіе. 2) Рѣшеніе 1910 г. № 9—могутъ ли обязательныя постановленія административной власти служить основаніемъ къ возникновенію гражданскихъ правъ? 3) Рѣшеніе 1911 г. № 82 — договоръ купли-продажи движимости съ разсрочкой платежа; ст. ст. 1509[1]—1509[6] т. X, ч. I. 4) Рѣшеніе 1912 г. № 3 — о спецификаціи чужой движимой вещи. 5) Рѣшеніе 1913 г. № 12 — о правѣ несостоятельнаго должника на распоряженіе авторскимъ правомъ. 6) Рѣшеніе 1914 г. № 81—о правѣ третьяго лица, привлеченнаго къ дѣлу отвѣтчикомъ, взыскивать съ послѣдняго на основаніи ст. 684 т. X, ч. I убытки, понесенные имъ на наемъ повѣреннаго.

1) Въ рѣшеніи 1910 г. № 6 сенату пришлось высказаться по вопросу объ юридическомъ характерѣ личноимущественныхъ отношеній родителей и дѣтей. Поводомъ къ дѣлу петроградскаго съѣзда, по которому состоялось это рѣшеніе, послужилъ искъ сына къ отцу о средствахъ къ продолженію образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Въ указѣ, послѣдовавшемъ по этому дѣлу, сенатъ впервые въ своей практикѣ ставитъ на свое разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: въ правѣ ли сынъ требовать отъ отца судебнымъ порядкомъ средства

на продолженіе образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которое онъ поступилъ съ согласія отца, если затѣмъ вслѣдствіе возникшихъ между отцомъ и сыномъ враждебныхъ отношеній отецъ отказывается предоставлять эти средства? Содержаніемъ сенатскаго рѣшенія дается, въ сущности, отвѣтъ на болѣе общій вопросъ о томъ, имѣютъ ли выраженныя въ ст. ст. 172, 173, 174 т. X, ч. I обязанности родителей въ отношеніи своихъ дѣтей силу юридическихъ обязанностей, санкціонированныхъ судебной защитой, или же обязанности эти только нравственнаго характера и имъ, слѣдовательно, не соотвѣтствуютъ правомочія дѣтей, защищаемыя правомъ судебнаго иска. Присуждая исковыя требованія, мировой съѣздъ исходитъ, очевидно, изъ толкованія ст. ст. 172—174 т. X, ч. I въ томъ смыслѣ, что возлагаемыя ими на родителей обязанности по содержанію и воспитанію дѣтей имѣютъ значеніе обязанностей правовыхъ, но въ рѣшеніи своемъ съѣздъ не ставитъ на свое обсужденіе вопроса о правѣ сына требовать отъ отца судебнымъ порядкомъ средствъ на продолженіе образованія и вопросъ этотъ впервые возбуждается по дѣлу сенатомъ по кассаціонной жалобѣ отвѣтчика и формулируется только въ сенатскомъ рѣшеніи. По обстоятельствамъ дѣла съѣздъ нашелъ установленнымъ, что сынъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе съ согласія отца и что при такихъ условіяхъ сынъ въ правѣ въ виду ст. 172 т. X, ч. I—требовать отъ отца средствъ на продолженіе своего образованія въ этомъ учебномъ заведеніи, если отецъ впослѣдствіи отказывается отъ предоставленія средствъ, хотя бы основаніемъ къ такому отказу послужило непочтительное отношеніе сына, такъ какъ, по мнѣнію съѣзда, непочтительность сына въ отношеніи отца не прекращаетъ обязанности послѣдняго заботиться о средствахъ къ существованію и образованію сына. На противоположную точку зрѣнія становится сенатъ. Поставивъ на свое разрѣшеніе указанный выше вопросъ, сенатъ даетъ на него категорически отрица-

тельный отвѣтъ. Сенатъ находитъ, что ст. ст. 172, 173, 174 т. X, ч. I, перечисляя обязанности родителей въ отношеніи дѣтей, ничего не говорятъ о соотвѣтствующихъ этимъ обязанностямъ правахъ дѣтей, а потому „обязанности, возлагаемыя по закону на родителей, полагаетъ сенатъ, должны быть отнесены къ категоріи не столько юридическихъ, сколько нравственныхъ, и добровольное исполненіе ихъ въ томъ или другомъ видѣ и объемѣ поставлено закономъ въ зависимость исключительно отъ усмотрѣнія самихъ родителей; посему дѣти не въ правѣ требовать по суду, чтобы родители возмѣщали имъ изъ своего имущества издержки, съ которыми сопряжено это воспитаніе или образованіе. Согласіе родителей на поступленіе дѣтей въ учебное заведеніе и обѣщаніе платить за обученіе дѣтей въ этомъ заведеніи не ограничиваетъ ихъ въ правѣ взять въ любое время обратно свое согласіе или обѣщаніе, которыя могутъ связывать родителей лишь въ томъ случаѣ, если они выражены въ формѣ обязательства, выданнаго начальству или содержателю учебнаго заведенія, но и въ семъ случаѣ право требовать отъ родителей исполненія ихъ обѣщанія не можетъ принадлежать самимъ дѣтямъ".

2) Могутъ ли издаваемыя административной властью обязательныя постановленія быть источникомъ возникновенія гражданскихъ правъ? Вопросъ этотъ въ болѣе узкой и конкретной своей формулировкѣ, въ примѣненіи къ изданному городскимъ общественнымъ управленіемъ обязательному постановленію, какъ источнику возникновенія права участія частнаго, поставленъ на обсужденіе сената и разрѣшенъ имъ въ рѣшеніи 1910 г. № 9. Изъ дѣла съѣзда видно, что предметъ иска составляло требованіе объ обязаніи сосѣда поднять дымовую трубу выше уровня крыши дома истца съ такимъ разсчетомъ, чтобы выходящій изъ трубы дымъ не попадалъ на зданіе истца, причемъ истецъ просьбу свою основывалъ на обязательномъ постановленіи городской думы, предписывающемъ такое устройство дымовыхъ трубъ, при которомъ выпускаемый изъ трубы дымъ не причинялъ бы никакого неудобства окружающимъ домамъ и живущимъ въ нихъ лицамъ. Совершенно правильно опредѣливъ существо искового требованія, какъ иска о правѣ участія частнаго, мировой съѣздъ въ искѣ отказалъ, находя, „что обязательныя постановленія городской думы, разъ они не основаны на законахъ гражданскихъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, не порождаютъ гражданскихъ правъ и не устанавливаютъ права участія частнаго: требовать отъ сосѣда поднятія высоты трубъ, каковое право не предусмотрѣно I ч. X т. св. зак., и что неисполненіе этихъ постановленій создаетъ право лишь для административной власти понудить виновнаго къ выполненію ихъ". Сенатъ, исходя изъ установленной съѣздомъ юридической квалификаціи искового требованія, какъ иска о правѣ участія частнаго, вполнѣ присоединяется къ соображеніямъ съѣзда, положеннымъ въ основаніе его рѣшенія, и полагаетъ, что обязательныя постановленія городскихъ управленій по предметамъ городского благоустройства и безопасности могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ создавать стѣсненія для собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, но такія стѣсненія не могутъ быть подводимы подъ понятіе права участія частнаго, которое можетъ порождаться лишь закономъ, договоромъ и силой судебнаго рѣшенія и, слѣдовательно, неисполненіе обязательнаго постановленія не можетъ порождать и права судебнаго иска.

3) Большой интересъ представляетъ также рѣшеніе сената 1911 г. № 82 по дѣлу т-ва „Культура" съ Мацѣевичъ, разрѣшенному петроградскимъ съѣздомъ. Рѣшеніе это содержитъ руководящее разъясненіе по многимъ существеннымъ вопросамъ, связаннымъ съ примѣненіемъ закона 9 февраля 1904 г. о куплѣ-продажѣ движимаго имущества съ разсрочкой платежа, кодифицированнаго въ ст. ст. 1509[1]—1509[6] т. X, ч. I. Исковое прошеніе содержитъ альтернативное требованіе о взысканіи платежей,

неуплаченныхъ покупателемъ за купленныя у истца книги, и объ обязаніи отвѣтчика при неуплатѣ этихъ платежей вернуть доставленныя ему истцомъ книги. Мировой съѣздъ, основываясь на точномъ смыслѣ ст. 1509[1], полагалъ, что одновременное, хотя бы альтернативное, предъявленіе требованій о взысканіи платежей и о возвратѣ проданнаго имущества недопустимо, такъ какъ оба эти требованія основаны на противоположныхъ предположеніяхъ: требованіе объ уплатѣ покупной цѣны предполагаетъ сохраненіе въ силѣ договора купли-продажи, а просьба объ отобраніи проданнаго имущества можетъ быть заявлена лишь при условіи расторженія договора; посему съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мирового судьи, удовлетворившаго искъ въ части денежнаго взысканія и отказавшаго въ остальныхъ исковыхъ требованіяхъ. Разсматривая дѣло по кассаціонной жалобѣ отвѣтчика, сенатъ въ весьма подробномъ рѣшеніи прежде всего возбуждаетъ вопросъ о примѣнимости закона 9 февраля 1904 г. къ покупкѣ книгъ; тщательное обсужденіе этого вопроса приводитъ сенатъ къ заключенію, что по намѣренію законодателя и по буквальному смыслу закона подъ „предметами домашней обстановки“, на которые ст. 1509[1] распространяетъ дѣйствіе правилъ о куплѣ-продажѣ съ разсрочкой платежа, должны пониматься и книги, если только онѣ пріобрѣтаются для собственнаго пользованія покупщика. Опредѣляя сущность правоотношеній сторонъ по договору купли-продажи движимости съ разсрочкой платежа, сенатъ находитъ, что съ момента заключенія сдѣлки движимое имущество становится собственностью покупщика, причемъ послѣдствія неисполненія условій этой сдѣлки предусматриваются закономъ, а не договоромъ; исполненіе по сдѣлкѣ обезпечивается установленіемъ въ пользу продавца до полнаго разсчета съ нимъ покупщика залогового права на отчужденное имущество съ ограниченіемъ покупщика въ правѣ распоряженія имуществомъ; при невзносѣ покупателемъ двухъ срочныхъ платежей продавцу предоставляется или при сохраненіи силы договора взыскивать съ покупщика неуплаченные имъ срочные платежи, или требовать отобранія проданнаго имущества; послѣднее требованіе предполагаетъ расторженіе договора и потому должно сопровождаться просьбою о признаніи договора утратившимъ силу; расторженіе договора и возвращеніе имущества продавцу влечетъ за собою и возвратъ покупщику уплаченныхъ имъ платежей за вычетомъ той ихъ части, которая причитается продавцу за пользованіе имуществомъ; взыскивая платежи, продавецъ не въ правѣ одновременно требовать и отобранія имущества, такъ какъ оба требованія, предполагающія одно—сохраненіе за договоромъ силы, а другое—расторженіе договора, взаимно исключаютъ другъ друга; также недопустимо альтернативное заявленіе обоихъ требованій, ибо такая просьба противорѣчитъ выраженному въ ст. ст. 257 и 312 у. г. с. началу точнаго формулированія и неизмѣняемости исковыхъ требованій; по исключенію, предусмотрѣнному въ ст. ст. 333 и 934 у. г. с., не признается измѣненіемъ иска альтернативное требованіе о присужденіи стоимости имущества въ случаѣ его утраты и о разрѣшеніи произвести за счетъ отвѣтчика дѣйствія, къ совершенію которыхъ онъ будетъ присужденъ, въ случаѣ неисполненія имъ сего; подъ дѣйствіе сего исключенія, очевидно, не подходитъ альтернативное заявленіе требованій о взысканіи срочныхъ платежей и объ отобраніи имущества въ искахъ, возникающихъ изъ договоровъ купли-продажи имущества съ разсрочкой платежа. На основаніи приведенныхъ соображеній сенатъ оставляетъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда.

4) Въ дѣлѣ петроградскаго съѣзда по иску Малаховской къ Ильиной возникаетъ весьма интересный въ юридическомъ отношеніи и неразрѣшаемый дѣйствующими гражданскими законами вопросъ о пріобрѣтеніи права собственности на чужую движимую вещь посредствомъ

ея спецификаціи. Изъ дѣла съѣзда видно, что искъ предъявленъ художницей о признаніи за ней права собственности на „панно", написанное истицей на полотнѣ и красками отвѣтчицы. Мировой съѣздъ въ рѣшеніи своемъ установилъ, что „панно" было написано художницей на полотнѣ и красками отвѣтчицы безъ вѣдома и согласія послѣдней, причемъ между сторонами не было заключено никакого условія, опредѣляющаго судьбу новой вещи; съѣзду, такимъ образомъ, предстояло разрѣшить вопросъ, принадлежитъ ли право собственности на „панно" собственнику матеріала, изъ котораго оно создано, или художнику, переработавшему этотъ матеріалъ и превратившему его своимъ трудомъ и искусствомъ въ новую вещь? Разрѣшая этотъ вопросъ по общему смыслу законовъ, съѣздъ нашелъ, что „панно" должно быть признано собственностью истицы-художницы; къ этому заключенію съѣздъ пришелъ по тому соображенію, что признаніемъ права собственности на „панно" за хозяиномъ матеріаловъ, изъ которыхъ оно создано, было бы нарушено начало ст. 574 т. X, ч. I, воспрещающей обогащеніе за чужой счетъ, такъ какъ переработка полотна и красокъ трудомъ художника въ новую вещь—картину значительно возвышаетъ цѣнность этихъ матеріаловъ; невозможность же возстановленія матеріаловъ въ прежнемъ видѣ влечетъ, по смыслу ст. 673 т. X, ч. I, для переработчика лишь обязанность возмѣщенія собственнику стоимости матеріаловъ и убытковъ, происшедшихъ отъ ихъ истребленія, но въ то же время создаетъ для него право на новую вещь. Въ рѣшеніи своемъ 1912 г. № 3 сенатъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на обсужденіи возникающаго по дѣлу сложнаго вопроса о судьбѣ вещи, созданной посредствомъ спецификаціи, и о правоотношеніяхъ между собственникомъ матеріала и переработчикомъ его. Сенатъ, присоединяясь къ выводу съѣзда, становится также на точку зрѣнія защиты правъ спецификанта. По мнѣнію сената, право собственника требовать возвращенія принадлежащей ему и взятой другимъ лицомъ, безъ его

вѣдома и согласія, вещи не можетъ быть признаваемо за нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь эта переработана взявшимъ ее въ такой степени, что переработкой создана новая вещь, ни по виду, ни по наименованію, ни по назначенію ничего общаго не имѣющая съ прежней, если притомъ трудомъ, знаніемъ и искусствомъ взявшаго вещь послѣдней сообщена цѣнность, во много разъ превосходящая стоимость матеріала: допустить обратное положеніе было бы явно несправедливо и противорѣчило бы закону, воспрещающему одному лицу обогащаться за счетъ другого безъ законнаго основанія; за собственникомъ матеріала нельзя также признавать права требовать обращенія взятой у него и переработанной вещи въ прежнее состояніе и возвращеніе вещи въ прежнемъ видѣ, такъ какъ такое превращеніе или физически невозможно, или невозможно безъ непроизводительнаго уничтоженія той цѣнности, которая сообщена вещи ея переработкой; собственнику матеріала можетъ принадлежать лишь право на взысканіе съ переработчика стоимости матеріаловъ и убытковъ.

5) Въ рѣшеніи 1913 года № 12 на обсужденіе сената ставится вопросъ о правѣ несостоятельнаго должника, въ виду ст. 770 т. X, ч. I, на распоряженіе принадлежащимъ ему авторскимъ правомъ. Рѣшеніе это заслуживаетъ вниманія содержащимися въ немъ общими соображеніями сената о существѣ авторскаго права. Въ правѣ ли авторъ—несостоятельный должникъ по объявленіи его несостоятельнымъ и по учрежденіи по его дѣламъ конкурснаго управленія переуступать свое авторское право на написанныя имъ, но не обращенныя еще въ продажу, литературныя произведенія постороннему лицу или же такая сдѣлка, по силѣ ст. 770 т. X, ч. I, должна признаваться недѣйствительной и право автора на извлеченіе доходовъ изъ его литературной собственности должно быть обращено въ конкурсную массу? Разрѣшая этотъ вопросъ, съѣздъ нашелъ, что

авторское право, несмотря на особый свой характеръ и на отсутствіе рыночной цѣнности, тѣмъ не менѣе, должно быть признано правомъ имущественнымъ; по силѣ же ст. 770 т. X, ч. I, несостоятельный должникъ не можетъ распоряжаться своими имущественными правами, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и авторскимъ правомъ; поэтому сдѣлка автора — несостоятельнаго должника, имѣющая своей цѣлью отчужденіе написанныхъ имъ произведеній постороннему лицу и совершенная по объявленіи автора несостоятельнымъ, должна почитаться недѣйствительной. Разсмотрѣнію возникшаго въ дѣлѣ вопроса сенатъ предпосылаетъ общія сужденія о существѣ авторскаго права. Сенатъ различаетъ право автора на самое литературное произведеніе, имъ созданное, или, точнѣе, на воплощенное въ этомъ произведеніи умственное и художественное творчество, — „голое авторское право", по выраженію сената, отъ права автора на тѣ „вещные субстраты, въ которые самъ авторъ воплотилъ свое право съ несомнѣнной цѣлью извлекать изъ нихъ имущественную выгоду". По мнѣнію сената, такое разграниченіе двухъ существенно отличныхъ моментовъ въ понятіи авторскаго права прямо предусматривается ст. 1041 у. г. с.; законъ этотъ, воспрещая при жизни сочинителя безъ его согласія, а послѣ его смерти безъ согласія наслѣдниковъ публичную продажу сочиненій и переводовъ рукописныхъ и напечатанныхъ, но не обращенныхъ еще въ продажу, имѣетъ въ виду авторское право въ первомъ значеніи этого понятія, какъ „голое авторское право"; по смыслу ст. 1041 авторское право, въ этомъ значеніи понимаемое, составляетъ исключительное и неотъемлемое личное достояніе автора, которымъ онъ можетъ неограниченно распоряжаться. Но право автора на литературное произведеніе, обращенное имъ самимъ въ продажу въ цѣляхъ извлеченія матеріальной выгоды, тѣмъ самымъ превращается въ простое имущественное право; выпущенное въ продажу самимъ авторомъ литературное произведеніе составляетъ имущество вполнѣ самостоятельное и не связанное съ авторскимъ правомъ настолько, что отчужденіе этого имущества отъ автора означало бы и отчужденіе самаго права, которое по-прежнему составляетъ неотъемлемую собственность автора и можетъ быть предметомъ его самостоятельнаго распоряженія. Право автора на воплощенное въ его произведеніи умственное и художественное творчество — „голое авторское право" — по основному своему свойству личной неотъемлемости отъ автора и по силѣ ст. 1041 у. г. с. не можетъ служить источникомъ удовлетворенія кредиторовъ и не подлежитъ обращенію въ конкурсную массу по объявленіи автора несостоятельнымъ; сдѣлка автора — несостоятельнаго должника, заключенная имъ въ цѣляхъ отчужденія этого права, не обладающаго имущественнымъ характеромъ, ни въ чемъ не противорѣчитъ ст. 770 т. X, ч. I; но для права автора на его литературное произведеніе, выпущенное имъ самимъ въ продажу или какимъ-либо другимъ способомъ эксплоатируемое съ цѣлью извлеченія имущественной выгоды — для „имущественнаго авторскаго права" — законъ не дѣлаетъ никакого исключенія при обращеніи на него или, точнѣе, на тотъ денежный эквивалентъ, который причитается автору, взысканія кредиторовъ. Поэтому для рѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о томъ, дѣйствительна ли совершенная авторомъ — несостоятельнымъ должникомъ сдѣлка по отчужденію его авторскаго права, необходимо установить, „были ли предметомъ этой сдѣлки голое авторское право или же тотъ вещный субстратъ, который волей самого автора сдѣлался простымъ имущественнымъ правомъ". Находя, что съѣздъ не выяснилъ этого существеннаго для правильнаго разрѣшенія дѣла вопроса, сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе по нарушенію ст. 142 у. г. с.

6) Изъ новѣйшихъ рѣшеній сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда надлежитъ отмѣтить рѣшеніе 1914 г. № 81, состоявшееся по вопросу о томъ, въ правѣ ли

третье лицо, привлеченное къ дѣлу отвѣтчикомъ, взыскивать съ послѣдняго, на основаніи ст. 684 т. X, ч. I, убытки, понесенные имъ на наемъ повѣреннаго, если судъ установитъ, что привлеченіе къ дѣлу было неосмотрительнымъ. Изъ производства съѣзда видно, что третье лицо, привлеченное отвѣтчикомъ къ дѣлу, которое затѣмъ было прекращено за примиреніемъ сторонъ, предъявило къ отвѣтчику искъ о взысканіи вознагражденія, уплаченнаго повѣренному, выступавшему на судѣ. При разсмотрѣніи этого иска суду предстояло разрѣшить основной вопросъ о томъ, можетъ ли обращеніе къ установленному закономъ способу защиты своего права, какимъ, несомнѣнно, представляется и привлеченіе тяжущимся третьяго лица къ участію въ дѣлѣ, служить при извѣстныхъ условіяхъ основаніемъ для признанія отвѣтственности за убытки по ст. 684 т. X, ч. I. На обсужденіи этого коренного по дѣлу вопроса съѣздъ останавливается съ большимъ вниманіемъ и подробностью. Признавая въ видѣ общаго правила, что „обращеніе частнаго лица къ суду съ ходатайствомъ о признаніи за нимъ какого-либо права, которое оно считаетъ ему принадлежащимъ, еще не составляетъ само по себѣ такого дѣянія, которое давало бы по ст. 684 т. X, ч. I противной сторонѣ право на полученіе вознагражденія за причиненные черезъ предъявленіе иска убытки", съѣздъ, однако, отвергаетъ безусловную неотвѣтственность тяжущагося за эти убытки, находя, что такая безотвѣтственность „обусловливается или признаніемъ за лицомъ, обратившимся къ судебной защитѣ, отыскиваемыхъ имъ правъ или недопущеніемъ съ его стороны такихъ дѣйствій, которыя повлекли бы за собой вредъ или убытки для привлекаемыхъ къ суду лицъ"; въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ и сенатская практика прямо признаютъ отвѣтственность стороны, обращающейся къ законному способу судебной защиты своего права, по убыткамъ, причиненнымъ противной стороной вслѣдствіе такого обращенія къ суду; примѣромъ такой отвѣтственности

могутъ служить признаніе за истцомъ права на проценты съ присужденной суммы, внесенной отвѣтчикомъ въ казначейство по 3 п. 814 ст. у. г. с., за все время, протекшее съ момента внесенія денегъ и до оставленія кассаціонной жалобы отвѣтчика безъ послѣдствій, а также признаніе за отвѣтчикомъ права на вознагражденіе за ущербъ, причиненный ему отъ непользованія имуществомъ, арестомъ котораго былъ обезпеченъ предъявленный къ нему искъ, впослѣдствіи признанный неосновательнымъ. Привлеченіе къ дѣлу третьяго лица отвѣтчикомъ также составляетъ законный способъ судебной защиты своего права, но пользованіе этимъ правомъ со стороны отвѣтчика должно быть осмотрительнымъ и осторожнымъ; вызовъ третьяго лица совершается безъ истребованія отъ него объясненій и отвѣтчикъ поэтому долженъ имѣть достаточныя основанія для такого привлеченія; неосмотрительное или неосторожное пользованіе этимъ правомъ должно быть признано тѣмъ дѣйствіемъ или упущеніемъ, которое по ст. 684 т. X, ч. I даетъ основаніе на взысканіе убытковъ; послѣдующее примиреніе отвѣтчика съ истцомъ, состоявшееся безъ участія и согласія третьяго лица, означало принятіе отвѣтчикомъ всей отвѣтственности по иску на себя и служило доказательствомъ неосмотрительности отвѣтчика въ привлеченіи третьяго лица; изложенныя соображенія приводятъ съѣздъ къ положительному отвѣту на поставленный выше вопросъ. Точка зрѣнія сената вполнѣ противоположна высказанному съѣздомъ воззрѣнію. По взгляду сената, изложенному имъ еще въ рѣшеніи 1913 г. № 75, „право судебной защиты есть неотъемлемое право каждаго и пользованіе этимъ правомъ и его осуществленіе во всѣхъ тѣхъ формахъ и въ томъ объемѣ, какіе для того установлены закономъ, не можетъ быть поставлено въ вину лицу, обращающемуся къ защитѣ суда, и влечь за собой взысканіе съ него вознагражденія за убытки, на основаніи ст. 684 т. X, ч. I, на томъ лишь основаніи, что окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ

его домогательство признано неправильнымъ"; законность обращенія къ судебной защитѣ своего права совершенно независима отъ внутреннихъ побужденій обращающагося и отъ того, въ какой степени основательно требованіе; при иномъ воззрѣніи право судебной защиты было бы ограничено лишь немногочисленными сравнительно случаями обращенія въ судъ для признанія вполнѣ безспорныхъ претензій тяжущагося, а обращеніе къ судебному признанію спорнаго права было бы связано съ большимъ рискомъ послѣдующей отвѣтственности за убытки; существованіе спеціальныхъ правилъ закона (ст. ст. 601, 738, 741, 868 у. г. с.), предусматривающихъ послѣдствія того или другого отдѣльнаго обращенія къ судебной власти, исключаютъ возможность примѣненія въ этихъ и аналогичныхъ съ нимъ случаяхъ общаго правила о взысканіи убытковъ по ст. 684 т. X, ч. I; всѣ соображенія о безотвѣтственности обращающагося въ судъ съ просьбой о признаніи за нимъ спорнаго права вполнѣ приложимы и къ случаю привлеченія отвѣтчикомъ къ дѣлу третьяго лица, такъ какъ такое привлеченіе составляетъ одинъ изъ способовъ судебной защиты своего права; третье лицо вольно принять или не принять участіе въ дѣлѣ, подвергаясь въ послѣднемъ случаѣ невыгоднымъ для себя послѣдствіямъ; при отклоненіи судомъ обратнаго требованія отвѣтчика къ третьему лицу послѣднее по силѣ ст. 601 у. г. с. въ правѣ взыскивать съ него убытки, понесенные имъ вслѣдствіе обезпеченія этого обратнаго требованія; только въ этомъ спеціальномъ случаѣ законъ знаетъ отвѣтственность передъ третьимъ лицомъ отвѣтчика; по приведеннымъ соображеніямъ сенатъ приходитъ къ отрицательному отвѣту на поставленный выше вопросъ.

Вопросы процессуальнаго права: 1) Рѣшенія 1868 г. №№ 724, 762—составляетъ ли отзывъ на заочное рѣшеніе въ мировыхъ установленіяхъ первую отвѣтную бумагу? 2) Рѣшеніе 1871 г. № 291—о значеніи процессуальныхъ дѣйствій одного изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ для другого соотвѣтчика. 3) Рѣшеніе 1899 г. № 95—о правѣ истца на проценты съ присужденной суммы, внесенной отвѣтчикомъ по 3 п. 814 ст. уст. гр. суд. 4) Рѣшеніе 1899 г. № 94—объ обращеніи взысканія на поденную плату, слѣдуемую должнику отъ третьяго лица. 5) Рѣшеніе 1911 г. № 57—объ обращеніи въ конкурсную массу личнаго заработка несостоятельнаго должника.

1) По силѣ 340 ст. у. г. с. встрѣчный искъ можетъ быть заявленъ отвѣтчикомъ не позже, какъ въ первой отвѣтной бумагѣ или, если таковая не была подана, въ первомъ засѣданіи по дѣлу; отвѣтной бумагой сенатская практика признаетъ бумагу, содержащую отвѣтъ по существу предъявленнаго иска; считается ли отзывъ на заочное рѣшеніе въ мировыхъ установленіяхъ первой отвѣтной бумагой? Въ позднѣйшихъ своихъ разъясненіяхъ по этому вопросу сенатъ держится взгляда, что отзывъ на заочное рѣшеніе въ мировыхъ установленіяхъ, въ отличіе отъ отзыва въ окружномъ судѣ, требующаго письменной формы и заключающаго въ себѣ объясненія по существу иска, можетъ быть заявленъ на словахъ и можетъ содержать лишь просьбу о новомъ разсмотрѣніи дѣла, а потому не можетъ считаться первой отвѣтной бумагой; поэтому встрѣчный искъ въ мировыхъ установленіяхъ можетъ быть заявленъ и послѣ подачи отзыва (см. рѣшенія 1878 г. № 121, 1879 г. № 206 и друг.); но въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ своихъ рѣшеніяхъ, состоявшихся, между прочимъ, и по дѣламъ петроградскаго съѣзда—рѣшенія 1868 г. №№ 724, 762—сенатъ держится противоположнаго взгляда, считая, что и въ мировомъ судѣ отзывъ на заочное рѣшеніе отвѣчаетъ понятію первой отвѣтной бумаги, почему заявленіе встрѣчнаго иска послѣ подачи отзыва по силѣ ст. 340 у. г. с. недопустимо; первымъ изъ указанныхъ рѣшеній сенатъ оставляетъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій, находя, что съѣздъ вполнѣ правильно призналъ заявленнымъ своевременно встрѣчный искъ, изло-

женный въ отзывѣ на заочное рѣшеніе; во второмъ случаѣ сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе съѣзда, устранившаго отъ разсмотрѣнія предъявленный въ отзывѣ встрѣчный искъ, какъ заявленный съ пропускомъ срока. Первое изъ приведенныхъ рѣшеній заслуживаетъ вниманія потому, что въ немъ сенатъ впервые преподалъ руководящее разъясненіе по вопросу о томъ, въ какомъ порядкѣ первоначальный истецъ можетъ осуществить свое право предъявленія иска въ случаѣ прекращенія мировымъ судьей дѣла на основаніи ст. 39 у. г. с. въ виду неподсудности по цѣнѣ встрѣчнаго иска, признаннаго судомъ имѣющимъ тѣсную связь съ искомъ первоначальнымъ. При прекращеніи дѣла по ст. 39 у. г. с. первоначальный истецъ, искъ котораго по роду и цѣнѣ подсуденъ мировымъ установленіямъ, въ осуществленіи своего права предъявленія иска поставленъ въ зависимость отъ воли встрѣчнаго истца, который, не перенося дѣла на разсмотрѣніе окружнаго суда, можетъ лишить противную сторону возможности получить удовлетвореніе по ея иску. Сенатъ признаетъ, что такое положеніе вещей было бы равносильно отказу первоначальному истцу въ правосудіи, и что невозможно представить себѣ дѣла, никакому суду неподсуднаго; возникающее затрудненіе разрѣшается, по мнѣнію сената, ст. 202 у. г. с., постановляющей, что окружному суду подсудны всѣ дѣла, неподлежащія вѣдомству мировыхъ установленій; первоначальный искъ, прекращенный въ мировомъ судѣ въ виду тѣсной связи его съ неподсуднымъ сему суду встрѣчнымъ искомъ, тѣмъ самымъ признанъ неподлежащимъ вѣдомству мирового суда, а потому въ силу ст. 202 долженъ считаться подсуднымъ окружному суду, къ которому первоначальный истецъ и въ правѣ обратиться со своимъ искомъ, не выжидая предъявленія въ этомъ судѣ встрѣчнымъ истцомъ искового требованія. Изложенное въ рѣшеніи 1868 г. № 724 толкованіе ст. 39 у. г. с. принято было къ руководству судебной практикой и получило законодательное признаніе въ законѣ 15 іюня 1912 г., дополнившемъ текстъ ст. 39 постановленіемъ, соотвѣтствующимъ сенатскому разъясненію. Съ новымъ измѣненіемъ редакціи ст. 39 по закону 10 іюня 1914 г. указанное дополненіе потеряло свое значеніе и исключено, такъ какъ по дѣйствующему нынѣ тексту ст. 39 мировой судья по предъявленіи отвѣтчикомъ иска, имѣющаго связь или служащаго къ зачету съ первоначальнымъ и неподсуднаго мировымъ установленіямъ, обязанъ прекратить производящееся у него по обоимъ искамъ дѣло и препроводить его въ окружный судъ.

2) Въ дѣлѣ съѣзда, по которому состоялось рѣшеніе сената 1871 г. № 291, возникаетъ вопросъ о значеніи процессуальныхъ дѣйствій, совершенныхъ однимъ изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ для другого отвѣтчика. Вопросъ этотъ подлежалъ обсужденію съѣзда въ примѣненіи къ отзыву на заочное рѣшеніе, поданному однимъ изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ. Мировой судья и мировой съѣздъ отказали истцу въ выдачѣ исполнительнаго листа на взысканіе съ одного изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ по заочному рѣшенію, состоявшемуся въ отношеніи обоихъ отвѣтчиковъ, на томъ основаніи, что на это рѣшеніе другимъ соотвѣтчикомъ былъ поданъ отзывъ и дѣло при разсмотрѣніи его по этому отзыву было прекращено за неявкой истца. Мировой съѣздъ нашелъ, что процессуальныя дѣйствія одного изъ отвѣтчиковъ, связанныхъ круговой порукой, связываютъ другого отвѣтчика и имѣютъ такое же значеніе, какое они имѣли бы, если бы были совершены совмѣстно обоими соотвѣтчиками; „а потому, заключаетъ съѣздъ, заочное рѣшеніе, признанное вслѣдствіе подачи отзыва со стороны одного изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ недѣйствительнымъ, должно быть признано таковымъ и въ отношеніи другого отвѣтчика, равно какъ и прекращеніе иска за неявкою истца къ разбирательству должно относиться и къ тому отвѣтчику, который не подавалъ

отзыва на заочное рѣшеніе". Сенатъ, признавая, что по общему правилу состязательности гражданскаго процесса дѣйствія каждаго изъ участниковъ его вполнѣ самостоятельны и обязательны лишь для совершающаго ихъ, допускаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда стороной въ дѣлѣ выступаютъ нѣсколько лицъ, связанныхъ круговой порукой; такое исключеніе прямо предусмотрѣно ст. 483 у. г. с. въ отношеніи обязательности признанія одного изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ для всѣхъ другихъ; то же правило должно имѣть примѣненіе и къ случаямъ подачи отзыва на заочное рѣшеніе и апелляціонной жалобы; „если, по силѣ круговой поруки, разсуждаетъ сенатъ, одинъ изъ солидарныхъ отвѣтчиковъ отвѣтствуетъ за всѣхъ прочихъ соучастниковъ своихъ и, наоборотъ, всѣ они отвѣтствуютъ за него, то, очевидно, что, обжаловавъ невыгодное для себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для прочихъ соучастниковъ судебное рѣшеніе, жалобщикъ защищаетъ общіе всѣхъ ихъ интересы и, слѣдовательно, принесенные имъ отзывъ или жалоба могутъ служить основаніемъ къ пересмотру рѣшенія въ отношеніи не только къ нему одному, но и ко всѣмъ прочимъ, обязаннымъ съ нимъ круговой порукой въ дѣлѣ".

3) Внесеніе отвѣтчикомъ по 3 п. 814 ст. у. г. с. въ депозитъ съѣзда присужденной съ него суммы не избавляетъ его отъ обязанности уплатить истцу узаконенные проценты на присужденную сумму съ момента внесенія денегъ въ депозитъ и по день оставленія сенатомъ безъ послѣдствій кассаціонной жалобы отвѣтчика. Это положеніе, установленное рѣшеніемъ петроградскаго съѣзда, подтверждено и рѣшеніемъ сената 1899 г. № 95. При разрѣшеніи этого вопроса въ указанномъ смыслѣ съѣздъ принялъ во вниманіе, что проценты на капитальную сумму иска присуждаются съ отвѣтчика „по день платежа"; подъ „днемъ платежа" должно понимать день фактической выдачи денегъ взыскателю; внесеніе же денегъ по 3 п. 814 ст. въ депозитъ суда съ просьбой не выдавать ихъ истцу до разсмотрѣнія кассаціонной жалобы не можетъ считаться удовлетвореніемъ истца, которое въ этомъ случаѣ отсрочивается по винѣ отвѣтчика и можетъ быть осуществлено лишь по разсмотрѣніи жалобы отвѣтчика сенатомъ и по оставленіи ея безъ послѣдствій; посему съѣздъ призналъ правильными дѣйствія судебнаго пристава, взыскавшаго съ отвѣтчика при исполненіи рѣшенія проценты за указанное время. Принесенная на это опредѣленіе съѣзда кассаціонная жалоба, считая заключеніе съѣзда неправильнымъ, полагаетъ, что отвѣтчикъ, воспользовавшійся предоставленнымъ ему по закону правомъ внести присужденныя деньги въ депозитъ суда, не можетъ подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности за промедленіе въ выдачѣ денегъ взыскателю тѣмъ болѣе, что деньгами этими и самъ отвѣтчикъ въ указанное время не пользовался. Соглашаясь съ мнѣніемъ съѣзда, сенатъ указываетъ, что внесеніе присужденной суммы въ депозитъ суда по 3 п. 814 ст. у. г. с., составляя исключеніе изъ общаго правила о немедленномъ приведеніи въ исполненіе окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, допускается по закону исключительно въ интересахъ отвѣтчика и производится лишь по его о томъ просьбѣ; взыскатель, которому деньги присуждены не по день взноса денегъ въ депозитъ, а по день платежа, не можетъ считаться удовлетвореннымъ такимъ взносомъ денегъ въ депозитъ; лишенный возможности по винѣ отвѣтчика пользоваться въ теченіе нѣкотораго времени процентами на присужденную ему сумму, взыскатель въ случаѣ оставленія кассаціонной жалобы отвѣтчика безъ послѣдствій въ правѣ требовать отъ него уплаты процентовъ за все время, протекшее отъ внесенія денегъ въ депозитъ и до дня оставленія жалобы безъ послѣдствій.

4) Послѣдовавшее по дѣлу петроградскаго съѣзда рѣшеніе сената 1899 г. № 94 содержитъ разъясненіе о

правѣ взыскателя налагать арестъ на поденную плату, получаемую должникомъ отъ третьяго лица. Мировой съѣздъ, основываясь на предшествующемъ рѣшеніи сената 1892 т. № 66, которымъ установлено, что наложеніе ареста на задѣльную плату недопустимо, нашелъ, что соображенія сената, высказанныя въ отношеніи обращенія взысканія на задѣльную плату, имѣютъ полное примѣненіе и къ платежамъ въ формѣ поденной платы. Сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда безъ послѣдствій, выводъ свой о недопустимости наложенія ареста на поденную плату, причитающуюся должнику отъ третьяго лица, обосновываетъ ссылкой на соображенія, положенныя въ основаніе рѣшенія его 1892 г. № 66, гдѣ тотъ же вопросъ, какъ сказано, возникалъ въ отношеніи платы задѣльной. Въ рѣшеніи 1892 г. № 66 сенатъ пришелъ къ заключенію, что по точному смыслу ст. ст. 631—640 у. г. с. арестъ можетъ быть наложенъ лишь на такіе слѣдующіе должнику отъ третьяго лица платежи, полученіе которыхъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ и въ опредѣленные сроки заранѣе извѣстно; такими свойствами не обладаетъ задѣльная плата, такъ какъ размѣръ ея зависитъ отъ количества исполненной работы, а право на полученіе ея возникаетъ у должника лишь по мѣрѣ выполненія работы; сенатъ считаетъ недопустимымъ обращеніе взысканія на задѣльную плату и по соображеніямъ цѣлесообразности; такой способъ удовлетворенія взыскателя, полагаетъ сенатъ, неизбѣжно повелъ бы къ уклоненію должника отъ постоянной работы на одномъ мѣстѣ и имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ обходъ неотвѣчающаго потребностямъ жизни закона со стороны должника и третьяго лица, заинтересованнаго въ удержаніи у себя рабочаго. Рѣшеніе 1899 г. № 94 признаетъ, что высказанныя въ отношеніи наложенія ареста на задѣльную плату соображенія имѣютъ полную силу и по отношенію къ обращенію взысканія на плату поденную; сенатъ, впрочемъ, допускаетъ возможность наложенія ареста на опредѣленную сумму, образовавшуюся изъ накопленія невыданной за извѣстное время поденной платы.

5) Въ связи съ только-что приведенными сенатскими рѣшеніями, содержащими разъясненіе по вопросу объ обращеніи взысканія на задѣльную и поденную плату, какъ одного изъ видовъ личнаго заработка должника, слѣдуетъ указать состоявшееся по дѣлу петроградскаго съѣзда рѣшеніе сената 1911 г. № 57, въ которомъ на разрѣшеніе сената поставленъ весьма интересный вопросъ объ обращеніи въ конкурсную массу личнаго заработка несостоятельнаго должника. Вопросъ этотъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ дѣла формулируется сенатомъ слѣдующимъ образомъ: поступаетъ ли въ конкурсную массу по силѣ постановленій устава судопроизводства торговаго личный заработокъ несостоятельнаго должника, какъ и все прочее его имущество, полностью или же къ обращенію личнаго заработка такого должника въ конкурсную массу долженъ примѣняться общій порядокъ наложенія ареста на жалованье, установленный ст. 1086 у. г. с.? Изъ производства съѣзда усматривается, что истецъ по дѣлу—конкурсное управленіе—стоялъ на первой точкѣ зрѣнія и на этомъ основаніи требовалъ взысканія съ отвѣтчика, на службѣ котораго находился несостоятельный должникъ, суммы, соотвѣтствующей полному жалованью должника за все то время, которое прошло съ момента учрежденія конкурса. Мировой съѣздъ въ своемъ рѣшеніи по этому дѣлу сталъ на противоположную точку зрѣнія и призналъ, что отвѣтчикъ, не производившій удержаній изъ жалованья должника для передачи ихъ конкурсному управленію, обязанъ отвѣчать передъ послѣднимъ лишь въ той части уплаченнаго несостоятельному должнику жалованья, которая соотвѣтствуетъ вычетамъ, установленнымъ въ ст. 1086 у. г. с., и притомъ лишь съ момента увѣдомленія его объ учрежденіи конкурса. Положеніе это, изъ котораго съѣздъ исходилъ въ своемъ рѣшеніи безъ подробнаго его об-

сужденія, самымъ тщательнымъ образомъ обосновывается сенатомъ, присоединяющимся къ конечному выводу съѣзда. Сенатъ на основаніи подробнаго разсмотрѣнія постановленій закона, содержащихся въ ст. ст. 415, 416, 430, 478 уст. суд. торг., которыми предписывается обращеніе въ конкурсную массу всего имущества несостоятельнаго должника, приходитъ къ выводу, что законъ этотъ не могъ имѣть въ виду въ числѣ прочаго имущества несостоятельнаго должника также и его личнаго заработка. Признавая посему, что постановленіями уст. суд. торг. возникающій по дѣлу спорный вопросъ не разрѣшается, сенатъ считаетъ нужнымъ для разрѣшенія этого вопроса обратиться къ уст. гр. суд. Указывая, что буквальнымъ смысломъ ст. 1086 у. г. с. предусматривается лишь случай обращенія взысканія на жалованье должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, сенатъ ссылается на рѣшеніе свое 1893 г. № 84, которымъ было признано возможнымъ по аналогіи распространить дѣйствіе этого закона и на случай обращенія взысканія на жалованье должника, получаемое имъ по договору частнаго найма. Съ другой стороны, рѣшеніями 1874 г. № 496 и 1875 г. № 17 установленное въ ст. 1086 и примѣняющееся къ должностнымъ лицамъ правило было распространено и на случай несостоятельности этихъ лицъ. Въ виду сего представляется, по мнѣнію сената, возможнымъ правило ст. 1086 примѣнить по аналогіи и къ случаю несостоятельности лицъ, получающихъ содержаніе по договору частнаго найма, и на этомъ основаніи признать, что наниматель обязанъ передавать въ конкурсное управленіе не все жалованье находящагося у него на службѣ несостоятельнаго должника, а лишь такую его часть, которая соотвѣтствуетъ вычетамъ, установленнымъ въ ст. 1086 у. г. с., причемъ обязанность эта наступаетъ для нанимателя лишь съ момента увѣдомленія его объ учрежденіи конкурса.

II. Практика сената по уголовнымъ дѣламъ, разрѣшеннымъ петроградскимъ съѣздомъ.

Для сужденія о практикѣ петроградскаго съѣзда въ ея оцѣнкѣ правительствующимъ сенатомъ рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента даютъ значительно менѣе матеріала, нежели кассаціонная практика сената по гражданскому департаменту. По кассаціоннымъ рѣшеніямъ гражданскаго департамента, несмотря на неизбѣжную случайность этого матеріала, можно, тѣмъ не менѣе, составить представленіе о практикѣ съѣзда по многимъ существеннымъ вопросамъ матеріальнаго и процессуальнаго права. Цѣлый рядъ рѣшеній сената, содержащихъ разъясненіе отдѣльныхъ вопросовъ одного и того же института матеріальнаго права или нормы права процессуальнаго, позволяетъ судить, въ какомъ направленіи развивалась практика съѣзда по опредѣленному вопросу и въ какой мѣрѣ эта практика находила подтвержденіе въ кассаціонной оцѣнкѣ ея сенатомъ. Иную картину даетъ изученіе кассаціонной практики уголовнаго департамента сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе сравнительная малочисленность этихъ рѣшеній. Впрочемъ, немногочисленность рѣшеній уголовнаго департамента по сравненію съ большимъ числомъ рѣшеній гражданскаго департамента, наблюдается не только въ отношеніи рѣшеній, состоявшихся по дѣламъ петроградскаго съѣзда, и, вообще, мировыхъ установленій, но и по отношенію къ кассаціонной практикѣ сената по дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ; объясняется это, конечно, тѣмъ, что въ судебномъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ большее значеніе, нежели при разрѣшеніи дѣлъ гражданскихъ, имѣютъ вопросы факта, не подлежащіе кассаціонной провѣркѣ сената, а толкованіе нормъ закона въ ихъ примѣненіи къ разрѣшаемымъ судомъ индивидуальнымъ фактическимъ отношеніямъ представляется менѣе сложнымъ и вызываетъ меньше сомнѣній; послѣдовательно проведенное начало

состязательности гражданскаго процесса, бо̀льшая заинтересованность обѣихъ участвующихъ въ тяжбѣ сторонъ въ ея исходѣ служатъ также причиной болѣе частаго обжалованія рѣшеній гражданскаго суда въ кассаціонномъ порядкѣ. Слѣдуетъ, далѣе, указать, что кассаціонная практика сената по уголовному департаменту значительно богаче числомъ рѣшеній, состоявшихся по дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ, нежели по дѣламъ мировыхъ установленій; объясненіе этому нельзя не видѣть въ томъ, что уголовно-правовыя нормы, подлежащія примѣненію въ мировыхъ учрежденіяхъ, а также строеніе уголовнаго процесса, правиламъ котораго подчинено судопроизводство мирового суда, значительно проще сложной системы уголовно-матеріальнаго права и уголовнаго процесса, примѣняемыхъ общими судебными мѣстами. Поэтому въ сборникахъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената мы не находимъ столь обильнаго матеріала для характеристики дѣятельности съѣзда по примѣненію и толкованію законовъ, какой находится въ нашемъ распоряженіи при изученіи рѣшеній гражданскаго департамента. Сравнительная бѣдность матеріала, представляемаго рѣшеніями сената по уголовнымъ дѣламъ петроградскаго съѣзда, лишаетъ насъ возможности дать систематическое изображеніе практики съѣзда по отдѣльнымъ вопросамъ матеріальнаго уголовнаго права и процесса; въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется остановиться преимущественно на рѣшеніяхъ сената по отдѣльнымъ уголовнымъ дѣламъ, разрѣшеннымъ петроградскимъ съѣздомъ.

Практика съѣзда по примѣненію ст. 29 уст. о нак.

Провѣрка судомъ „законности“ требованій полиціи и др. властей и обязательныхъ постановленій. — Ст. 29 уст. о нак. и требованія полиціи. Рѣшеніе 1869 г. № 606 по дѣлу Иконникова: принципіальныя соображенія съѣзда и сената по вопросу о правѣ суда входить въ оцѣнку „законности“ требованій полиціи. Рѣшеніе 1874 г. № 43 по дѣлу Шитикова и др. Другія рѣшенія сената по тому же вопросу: 1871 г. №№ 992, 1067, 1103; 1899 г. № 6.—Ст. 29 уст. о нак. и обязательныя постановленія. Рѣшенія 1898 г. №№ 17, 18; 1906 г. № 6: провѣрка судомъ „законности“ обязательныхъ постановленій. Рѣшенія 1892 г. № 42, 1901 г. № 24: предусматривается ли обязательнымъ постановленіемъ данный проступокъ? — Рѣшенія 1899 г. № 15, 1871 г. № 365, 1874 г. № 49 по другимъ вопросамъ, связаннымъ съ примѣненіемъ ст. 29 уст. о нак.

Въ практикѣ уголовнаго департамента сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда встрѣчаются, однако, нѣкоторые вопросы, къ разсмотрѣнію которыхъ сенатъ возвращался неоднократно и по которымъ состоялся рядъ рѣшеній, представляющихъ въ цѣломъ содержательный матеріалъ для сужденія о томъ, въ какомъ направленіи по этимъ вопросамъ развивалась практика съѣзда. Среди такихъ вопросовъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе толкованіе сенатомъ ст. 29 уст. о нак. Не только сравнительная многочисленность рѣшеній сената, состоявшихся по дѣламъ съѣзда въ связи съ примѣненіемъ послѣднимъ ст. 29 уст. о нак., заставляетъ насъ остановиться болѣе подробно на ихъ изученіи. Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на практику съѣзда по этому вопросу еще потому, что въ сферѣ уголовной юрисдикціи мировыхъ судебныхъ установленій и, въ частности, мировыхъ учрежденій гор. Петрограда обвиненія по ст. 29 уст. о нак. составляютъ одну изъ наиболѣе многочисленныхъ категорій уголовныхъ дѣлъ, которыя мировымъ установленіямъ приходится принимать къ своему разсмотрѣнію. Большое практическое значеніе правильнаго примѣненія мировыми учрежденіями ст. 29 уст. о нак. зависитъ также и отъ самаго свойства тѣхъ проступковъ, которые преслѣдуются по этой нормѣ уголовнаго закона. Ст. 29 уст. о нак. караетъ за неисполненіе „законныхъ“ распоряженій, требованій и поста-

новленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій; такимъ образомъ, нарушеніемъ ст. 29 уст. о нак. признается неисполненіе лишь такихъ требованій или постановленій административной власти, которыя по содержанію и по формѣ своей не противорѣчатъ законамъ. Не трудно видѣть, что карательное дѣйствіе ст. 29 могло бы получить весьма обширное примѣненіе, если бы законодатель въ опредѣленіе состава проступковъ, преслѣдуемыхъ по этой статьѣ уст. о нак., не ввелъ признака „законности" требованій и распоряженій администраціи, неисполненіе которыхъ даетъ основаніе къ возбужденію обвиненія. Ст. 29 предусматривается неисполненіе какъ отдѣльныхъ требованій правительственной и полицейской власти, обращаемыхъ къ частнымъ лицамъ въ цѣляхъ устраненія отступленій отъ законнаго порядка, такъ и распоряженій, издаваемыхъ въ видѣ общихъ правилъ органами административной власти, правительственной и общественной, по предметамъ ихъ вѣдомства. Поэтому область примѣненія ст. 29 уст. о нак. зависитъ отъ содержанія тѣхъ постановленій закона, которыми опредѣляются предѣлы полномочій полицейской власти по надзору за общественнымъ благоустройствомъ и безопасностью и права администраціи и общественныхъ учрежденій по изданію обязательныхъ постановленій. Для установленія состава проступка по ст. 29 уст. о нак. суду каждый разъ приходится входить въ оцѣнку законности постановленія, въ нарушеніи котораго предъявлено обвиненіе, и опредѣлять, соотвѣтствуетъ ли предъявленное требованіе или изданное распоряженіе закону и не выходятъ ли они изъ предѣловъ вѣдомства власти, предъявившей требованіе или издавшей распоряженіе? Обжалованіе въ кассаціонномъ порядкѣ приговоровъ суда, состоявшихся по примѣненію ст. 29 уст. о нак., ставитъ ту же задачу оцѣнки законности требованій и распоряженій администраціи передъ правительствующимъ сенатомъ. Общее направленіе сенатской практики, связанной

съ примѣненіемъ ст. 29 уст. о нак., со времени введенія въ дѣйствіе уст. о нак. и по настоящее время сводится, главнымъ образомъ, къ выясненію значенія признака „законности" требованій и распоряженій администраціи, безъ наличности котораго не можетъ быть состава проступка, предусмотрѣннаго ст. 29 уст. о нак. Въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній сенатъ по общему вопросу о составѣ проступковъ, караемыхъ по ст. 29, неизмѣнно высказываетъ воззрѣніе, что для примѣненія ст. 29 прежде всего необходимо установить, что требованіе административной власти, въ неисполненіи котораго обвиняется подсудимый, основано на положительномъ законѣ или вытекаетъ изъ общаго смысла законовъ, опредѣляющихъ предѣлы вѣдомства этой власти, и что неисполненіе только законныхъ требованій и распоряженій даетъ основаніе для возбужденія уголовнаго преслѣдованія; судъ, разсматривающій обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., обязанъ входить въ обсужденіе того непремѣннаго условія, чтобы постановленія администраціи не противорѣчили существующимъ законамъ; обязанность суда провѣрять законность административныхъ постановленій касается не только отдѣльныхъ требованій органовъ полицейской и правительственной власти, но и распространяется на распоряженія, издаваемыя администраціей и общественными учрежденіями въ видѣ общихъ правилъ; рѣшеніемъ общаго собранія I и кассаціонныхъ департаментовъ 1909 г. № 24 разъяснено, что такой провѣркѣ со стороны суда подлежатъ и обязательныя постановленія, издаваемыя губернаторами по ст. 421 общ. учр. губ.; то же рѣшеніе разъясняетъ, что право повѣрки законности требованій и распоряженій администраціи принадлежитъ не только уголовному суду, разсматривающему обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., но и суду гражданскому, если ему въ порядкѣ судопроизводства гражданскаго приходится разрѣшать дѣло, въ которомъ сторона основываетъ свои гражданскія права на обязательномъ распоряженіи административной власти; много-

численныя рѣшенія сената посвящены выясненію вопроса о соотвѣтствіи законамъ тѣхъ требованій и распоряженій администраціи, неисполненіе которыхъ составило предметъ обвиненія по отдѣльнымъ дѣламъ, восходившимъ на разсмотрѣніе сената; въ этихъ рѣшеніяхъ сенатъ всегда съ большимъ вниманіемъ останавливается на выясненіи законности административныхъ требованій и распоряженій какъ съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ дѣйствующему закону, такъ и со стороны формальнаго уполномочія даннаго органа власти на изданіе распоряженія или предъявленіе требованія. Слѣдуетъ признать въ видѣ общаго правила, что высказываемая сенатомъ съ самаго начала его кассаціонной дѣятельности точка зрѣнія на признакъ „законности" требованій и распоряженій администраціи для опредѣленія состава проступка по ст. 29 уст. о нак., основныя положенія которой сейчасъ приведены, прочно усваивается и неизмѣнно проводится въ судебной практикѣ мировыхъ учрежденій; въ тѣхъ случаяхъ, когда сенатъ отмѣнялъ приговоры мировыхъ съѣздовъ по нарушенію ст. 29, такая отмѣна по большей части вызывалась неправильнымъ разрѣшеніемъ съѣздомъ конкретнаго вопроса о законности тѣхъ требованій и распоряженій администраціи, неисполненіе которыхъ составило предметъ обвиненія по данному дѣлу; общее же начало, въ силу котораго судъ обязанъ входить въ оцѣнку законности административныхъ требованій и распоряженій и отвергать обвиненіе по ст. 29 въ томъ случаѣ, если приходилъ къ убѣжденію въ незаконности по формѣ или содержанію даннаго требованія или распоряженія, всегда пользовалось неизмѣннымъ признаніемъ со стороны мировыхъ судебныхъ установленій. Всѣ основныя положенія кассаціонной практики сената по изъясненію смысла ст. 29 нашли отраженіе въ рѣшеніяхъ сената, состоявшихся по дѣламъ петроградскаго съѣзда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшенія эти имѣли руководящее значеніе по основнымъ вопросамъ примѣненія ст. 29 въ судебной практикѣ.

По дѣлу петроградскаго съѣзда состоялось одно изъ первыхъ рѣшеній сената по вопросу о примѣненіи ст. 29 уст. о нак.; рѣшеніе это, напечатанное въ сборникѣ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента за 1869 г. подъ № 606, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ немъ впервые со времени введенія ст. 29 въ дѣйствіе сенатъ съ исчерпывающей полнотой и весьма подробной мотивировкой высказалъ свой основной взглядъ на значеніе признака „законности" требованій и распоряженій администраціи для установленія состава проступка, преслѣдуемаго по ст. 29; въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ своихъ, содержащихъ изъясненіе смысла ст. 29, сенатъ неоднократно ссылается на рѣшеніе 1869 г. № 606 по дѣлу Иконникова. Въ этомъ же рѣшеніи весьма полно приведены и соображенія петроградскаго съѣзда по тому же вопросу. До постановленія петроградскимъ съѣздомъ приговора по дѣлу Иконникова въ сборникахъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента съ 1866 г. встрѣчается всего лишь семь рѣшеній сената, содержащихъ разъясненіе ст. 29 уст. о нак. (1866 г. № 38, 1867 г. №№ 14, 169, 197, 296, 517, 1869 г. № 431), но ни въ одномъ изъ этихъ рѣшеній нельзя найти подробныхъ мотивовъ постановлявшихъ приговоры мировыхъ съѣздовъ и сената по интересующему насъ вопросу; только въ одномъ изъ этихъ рѣшеній, послѣдовавшемъ по дѣлу серпуховскаго съѣзда мировыхъ судей (1867 г. № 14), сенатъ въ краткой формѣ высказываетъ два общихъ положенія, касающихся примѣненія ст. 29: по буквальному смыслу ст. 29 уст. о нак., говорящей о „законныхъ" требованіяхъ, наказуется неисполненіе лишь такихъ требованій администраціи, которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства и власти, и потому полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана, по требованію суда, представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованій, а судъ имѣетъ право уважить эти доказательства или признать ихъ недостаточными. Всѣ остальныя изъ ука-

занныхъ рѣшеній исходятъ изъ признанія необходимости признака „законности“ требованій и распоряженій администраціи для установленія состава проступка по ст. 29, но не содержатъ, какъ сказано, принципіальнаго обоснованія этого взгляда. Поэтому соображенія петроградскаго съѣзда, на которыхъ онъ основалъ приговоръ свой по дѣлу Иконникова, и тѣ мотивы сената, по которымъ онъ оставилъ безъ послѣдствій кассаціонный протестъ товарища прокурора, пріобрѣтаютъ особый интересъ и заслуживаютъ подробнаго изученія.

Изъ рѣшенія 1869 г. № 606 видно, что полиція возбудила противъ почетнаго гражданина Иконникова обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., усматривая нарушеніе этого закона въ томъ, что Иконниковъ не исполнилъ требованія полиціи объ освѣщеніи въ своемъ домѣ лѣстницы; обращенное къ Иконникову требованіе свое полиція основывала на приказѣ спб. оберъ-полиціймейстера, которымъ на домовладѣльцевъ возложена обязанность освѣщать домовыя лѣстницы до 11 час. ночи; при этомъ полиція объяснила, что приказъ оберъ-полиціймейстера объявленъ былъ Иконникову съ отобраніемъ отъ него подписки, почему соблюденіе этого приказа, по мнѣнію полиціи, было для Иконникова обязательнымъ. Мировой судья постановилъ оправдательный приговоръ, находя, что „положительнымъ закономъ не устанавливается юридической обязанности частныхъ лицъ освѣщать лѣстницы внутри своихъ домовъ“. Разсматривая дѣло по апелляціонному отзыву товарища прокурора, мировой съѣздъ въ подробно мотивированномъ приговорѣ обсуждаетъ два основныхъ вопроса, связанныхъ съ разрѣшеніемъ дѣла: общій вопросъ объ условіяхъ примѣненія ст. 29 уст. о нак. и частный вопросъ о законности того полицейскаго требованія, которое по данному дѣлу предъявлено было обвиняемому. Въ первомъ отношеніи съѣздъ нашелъ, что ст. 29 уст. о нак. караетъ неисполненіе лишь „законныхъ“ требованій полиціи. „Для примѣненія ст. 29 уст. о нак., говоритъ съѣздъ въ своемъ

приговорѣ, необходимо, чтобы требованіе полиціи было законно; законность требованія нельзя смѣшивать съ полезностью требованія; судъ долженъ примѣнить ст. 29, хотя бы требованіе власти было вовсе безполезное, лишь бы только оно было основано на законѣ, и, напротивъ того, онъ не въ правѣ примѣнить ст. 29, хотя бы требуемая мѣра была не только полезна, но даже безусловно благодѣтельна, если только она не основывается на точномъ постановленіи закона“. Ссылаясь на рѣшеніе сената 1867 г. № 14, съѣздъ находитъ, что „законнымъ“ можетъ считаться лишь такое требованіе, которое не выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства и круга власти, предоставленной по закону должностному лицу или мѣсту, которое его предъявляетъ. Съѣздъ, далѣе, не соглашается съ мнѣніемъ полиціи, что объявленіе требованія частному лицу и согласіе его подчиниться этому требованію можетъ само по себѣ обосновать отвѣтственность этого лица за неисполненіе требованія; по мнѣнію съѣзда, при признаніи требованія полиціи незаконнымъ неисполненіе его не можетъ почитаться проступкомъ противъ ст. 29 уст. о нак., если даже обвиняемый и далъ ранѣе согласіе подчиниться ему, „ибо интересы права публичнаго не подчиняются частному произволу и частное согласіе не можетъ ни создать проступка, ни уничтожить существующаго“. Для правильнаго разрѣшенія обвиненія по ст. 29 судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ установить формальное и матеріальное соотвѣтствіе закону предъявленнаго полиціей къ частному лицу требованія; иными словами, суду надлежитъ разрѣшить вопросъ, входитъ ли предъявленіе даннаго требованія въ компетенцію органа власти и не противорѣчитъ ли содержаніе этого требованія дѣйствующимъ законамъ? Съ этой точки зрѣнія съѣздъ, переходя къ предмету подлежавшаго его разсмотрѣнію дѣла, находитъ, что „для признанія неосвѣщенія лѣстницы проступкомъ необходимо доказать, что забота объ освѣщеніи лѣстницы не выходитъ изъ круга вѣдомства и

предѣловъ власти полиціи и что требованіе освѣщенія лѣстницы есть требованіе безусловно обязательное". Разсматривая этотъ вопросъ, съѣздъ вошелъ въ подробное обсужденіе законовъ, опредѣляющихъ полномочія полиціи по надзору за строительнымъ дѣломъ въ городахъ, и нашелъ, что законъ ограничиваетъ обязанность полиціи по этому предмету лишь наблюденіемъ за приличіемъ наружнаго вида зданій и безопаснымъ расположеніемъ во дворахъ, а также за цѣлостью строеній и безопасностью ихъ отъ пожара, не распространяя надзора полиціи на хозяйственныя мѣропріятія частныхъ лицъ по внутреннему содержанію принадлежащихъ имъ домовъ. Обязанности домовладѣльцевъ по содержанію зданій опредѣлены въ уст. строит. и уст. о предупр. и пресѣч. преступленій; въ этихъ узаконеніяхъ нигдѣ не говорится объ обязанности владѣльцевъ домовъ освѣщать домовыя лѣстницы. Поэтому требованіе полиціи объ освѣщеніи лѣстницъ, выходя изъ круга вѣдомства полицейской власти по надзору за городскими строеніями, въ то же время прямо противорѣчитъ закону, не возлагающему на домовладѣльцевъ въ числѣ прочихъ ихъ обязанностей по содержанію домовъ и обязанность освѣщенія лѣстницъ. „А посему, заключаетъ съѣздъ, было бы явно несправедливо и лишь простымъ произволомъ суда подвергать неосвѣщающихъ лѣстницъ взысканіямъ и наказаніямъ, положеннымъ въ 29 ст. уст. о нак.". Кассаціонный протестъ товарища прокурора находитъ, что предъявленное къ Иконникову полиціей требованіе объ освѣщеніи лѣстницы должно считаться вполнѣ законнымъ, такъ какъ требованіе это сдѣлано полиціей въ видахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, а, слѣдовательно, не выходитъ изъ предѣловъ предоставленной полиціи по закону власти; исполненіе этого распоряженія было обязательно для Иконникова еще потому, что онъ не только не обжаловалъ его въ срокъ въ первый департаментъ сената, но выдалъ подписку о добровольномъ исполненіи этого распоряженія.

Въ подробно мотивированномъ рѣшеніи сенатъ, прежде всего, ссылкой на рѣшеніе свое 1867 г. № 14 подтверждаетъ то общее начало, что ст. 29 уст. о нак. подвергаетъ взысканію лишь за неисполненіе законныхъ распоряженій полиціи; законными же распоряженіями полиціи должны считаться лишь такія ея распоряженія, которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства и власти. Оцѣнка законности требованія и распоряженія полиціи, неисполненіе котораго составляетъ предметъ обвиненія, принадлежитъ суду, разсматривающему это обвиненіе; такая оцѣнка составляетъ не только право, но и обязанность суда. „Судебная власть, говоритъ сенатъ, не можетъ по своему усмотрѣнію расширять или стѣснять кругъ законныхъ мѣръ, за неисполненіе которыхъ виновные подвергаются наказанію, и для этого основываться на какихъ-либо иныхъ соображеніяхъ, кромѣ точнаго смысла законовъ". Требованіе административной власти можетъ быть основано на опредѣленномъ постановленіи положительнаго закона или же на общемъ смыслѣ законовъ, опредѣляющихъ кругъ вѣдомства этой власти. Въ первомъ случаѣ судъ свое право и обязанность провѣрять законность требованія осуществляетъ простымъ сличеніемъ содержанія предъявленнаго требованія съ предписаніемъ закона, на которомъ оно основано. Когда же власть для обоснованія своего требованія ссылается на общій смыслъ законовъ, которыми опредѣляется ея компетенція, судъ долженъ войти въ истолкованіе содержанія и смысла этихъ законовъ и вывести свое заключеніе, оправдывается ли такая ссылка. Отрицать за судомъ это право означало бы, по мнѣнію сената, признавать за администраціей власть разрѣшать вопросъ о виновности или невиновности обвиняемаго, а „судъ назначалъ бы наказаніе не по убѣжденію въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно нарушилъ законъ, а только потому, что обвинитель требовалъ наложенія наказанія; но такія рѣшенія суда не соотвѣтствовали бы ни существу судебной власти, ни основному правилу объ отдѣленіи судеб-

ной власти отъ административной". Подробно останавливаясь на обсужденіи возникающаго по дѣлу вопроса, представляется ли законнымъ требованіе оберъ-полиціймейстера объ освѣщеніи домовладѣльцемъ лѣстницъ, сенатъ входитъ въ опредѣленіе существа тѣхъ полномочій по охраненію общественнаго порядка и благочинія, которыя закономъ предоставлены полиціи, и въ этомъ отношеніи приходитъ къ заключенію, что подъ такими полномочіями „не могутъ подразумѣваться такого рода мѣры или распоряженія, которыя ограничиваютъ личное право частныхъ лицъ или право по распоряженію имуществомъ, ограждаемыя положительными законами". Сенатъ соглашается съ мнѣніемъ съѣзда, что на изданіе распоряженій объ освѣщеніи лѣстницъ полиція не уполномочена закономъ и что обязанности этой законъ не возлагаетъ на домовладѣльцевъ.

Разрѣшая по этимъ основаніямъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о законности предъявленнаго полиціей Иконникову требованія, сенатъ въ заключеніе отвергаетъ также правильность того довода кассаціоннаго протеста, что необжалованіе въ срокъ незаконнаго распоряженія полиціи дѣлаетъ это распоряженіе обязательнымъ для заинтересованнаго лица; сенатъ полагаетъ, что необжалованіе незаконнаго требованія можетъ придать ему обязательную силу лишь тогда, если такое требованіе содержитъ въ себѣ какія-либо несущественныя неправильности или касается единичнаго случая, а не возлагаетъ на частное лицо цѣлый рядъ послѣдовательныхъ обязательныхъ дѣйствій на неопредѣленное время.

На рѣшеніи сената по дѣлу Иконникова мы остановились такъ долго потому, что въ дѣлѣ этомъ судъ, постановившій приговоръ по существу обвиненія, и сенатъ, разсматривавшій приговоръ въ кассаціонномъ порядкѣ, впервые со времени введенія въ дѣйствіе ст. 29 уст. о нак. вошли въ принципіальное обсужденіе условій ея примѣненія, подробными соображеніями обосновали обязанность суда при разсмотрѣніи обвиненія по ст. 29 уст.

о нак. входить въ оцѣнку законности дѣйствій администраціи и остановились на тщательномъ разрѣшеніи вопроса о законности того требованія полицейской власти, неисполненіе котораго составляло предметъ обвиненія по данному дѣлу. На примѣрѣ позднѣйшихъ рѣшеній сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда, связаннымъ съ примѣненіемъ ст. 29 уст. о нак., мы имѣемъ возможность убѣдиться, что петроградскій съѣздъ всегда оставался на почвѣ принципіальнаго признанія той точки зрѣнія, которая впервые была высказана имъ въ дѣлѣ Иконникова.

Не менѣе подробному обсужденію подвергся со стороны съѣзда вопросъ о законности предъявленнаго полиціей требованія въ дѣлѣ Шитикова и друг., по которому послѣдовало рѣшеніе сената 1874 г. № 43. Въ дѣлѣ этомъ Шитикову и друг. предъявлено было обвиненіе въ томъ, что они не исполнили требованія полиціи о закрытіи складовъ рогожъ, хранившихся обвиняемыми въ нежиломъ деревянномъ строеніи; требованіе свое полиція основывала на правилахъ устава пожарнаго; обвиненіе возбуждено было одновременно по ст. ст. 29 и 90 уст. о нак. Разсматривая дѣло по апелляціонному отзыву обвиняемыхъ, признанныхъ виновными приговоромъ мирового судьи, съѣздъ, войдя въ толкованіе относящихся къ дѣлу постановленій устава пожарнаго, на которыя ссылалась полиція, пришелъ къ убѣжденію, что храненіе рогожъ въ нежиломъ деревянномъ строеніи закономъ не воспрещается; признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что по закону въ обязанность полиціи входитъ опредѣлять, въ какихъ мѣстахъ не могутъ быть хранимы горючія вещества, съѣздъ, однако, нашелъ, что требованіе полиціи должно быть признано незаконнымъ, такъ какъ это требованіе противорѣчитъ прямому постановленію уст. пожарн., не воспрещающаго храненіе рогожъ въ нежилыхъ помѣщеніяхъ; по поводу указанія полицейской власти на то, что Шитиковъ и другіе обвиняемые дали подписку о добровольномъ исполненіи ея требованія,

съѣздъ, какъ и въ дѣлѣ Иконникова, указываетъ, что полиція не въ правѣ отбираніемъ такихъ подписокъ ограничивать основанныя на законѣ права частныхъ лицъ, почему неисполненіе несоотвѣтствующаго закону требованія не можетъ служить основаніемъ къ отвѣтственности по ст. 29 уст. о нак., хотя бы обвиняемымъ и было дано полиціи согласіе на добровольное выполненіе ея неправильнаго требованія. Съѣздъ усматриваетъ, что въ настоящемъ случаѣ обвиняемымъ не были даны полицейскія повѣстки; предъявленіе же полицейскихъ требованій, по мнѣнію съѣзда, должно происходить въ формѣ полицейскихъ повѣстокъ, безъ врученія которыхъ требованіе полиціи не можетъ считаться обязательнымъ для частнаго лица; интересно также высказанное съѣздомъ соображеніе о недопустимости одновременнаго предъявленія къ подсудимымъ обвиненій по ст. ст. 29 и 90 уст. о нак., такъ какъ неисполненіе требованія полиціи наказуется по ст. 29 лишь въ томъ случаѣ, когда въ уставѣ не опредѣлено иного наказанія за тотъ же проступокъ. Оправдательный приговоръ съѣзда отмѣняется сенатомъ, который не соглашается съ мнѣніемъ съѣзда о томъ, что относящіяся къ дѣлу постановленія устава пожарнаго не воспрещаютъ храненіе рогожъ въ нежиломъ помѣщеніи; считая поэтому, что предъявленное обвиняемымъ требованіе полиціи не содержало никакого отступленія отъ закона, сенатъ признаетъ неисполненіе этого требованія нарушеніемъ ст. 29 уст. о нак.

Въ рядѣ рѣшеній (1871 г. №№ 922, 1067, 1103; 1899 г. № 6) на обсужденіе съѣзда и сената ставится тотъ же вопросъ о законности того или иного отдѣльнаго требованія полиціи, за неисполненіе котораго обвиняемые подвергаются судебному преслѣдованію по ст. 29 уст. о нак. Въ дѣлахъ, по которымъ послѣдовали перечисленныя рѣшенія, съѣздъ продолжаетъ держаться взгляда о необходимости при разсмотрѣніи обвиненія по ст. 29 уст. о нак. входить въ оцѣнку законности требованій

административной власти. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ приговоры съѣзда оставлены сенатомъ въ силѣ.

Въ двухъ вполнѣ аналогичныхъ дѣлахъ, по которымъ къ одному и тому же лицу полиціей послѣдовательно предъявлены были однородныя требованія объ устройствѣ въ мясной лавкѣ водопроводнаго крана, съѣздъ, утверждая обвинительные приговоры мирового судьи, нашелъ, что требованіе полиціи, какъ соотвѣтствующее ст. 862 уст. врач., возлагающей на полицію обязанность наблюдать за устройствомъ въ лавкахъ кранова на тѣхъ улицахъ, гдѣ имѣются водопроводы, должно считаться законнымъ, а потому неисполненіе такого требованія должно наказываться по ст. 29 уст. о нак. Сенатъ, соглашаясь съ выводомъ съѣзда, въ обоихъ случаяхъ оставляетъ кассаціонныя жалобы безъ послѣдствій (рѣш. 1871 г. №№ 922, 1067).

Рѣшеніе 1871 г. № 1103 заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что въ дѣлѣ, разсмотрѣніе котораго послужило поводомъ для постановленія сенатомъ своего рѣшенія, обвиненіе по 29 ст. было возбуждено за неисполненіе требованія объ устройствѣ въ баняхъ пожарныхъ кранова и водоема, предъявленнаго полиціей къ обвиняемому на томъ основаніи, что обвиняемый ранѣе былъ уже присужденъ мировымъ судьей къ устраненію тѣхъ же самыхъ упущеній, приговоръ этотъ вошелъ въ законную силу, но въ назначенный приговоромъ срокъ обвиняемый не выполнилъ возложенной на него обязанности. Мировой съѣздъ утвердилъ обвинительный приговоръ мирового судьи, которымъ обвиняемый былъ подвергнутъ взысканію по ст. 29 уст. о нак. за неисполненіе требованія полиціи, основаннаго на вошедшемъ въ законную силу приговорѣ суда съ назначеніемъ новаго срока для устраненія упущеній. Сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу обвиняемаго безъ послѣдствій, находитъ, что вошедшій въ законную силу приговоръ суда по силѣ ст. 68 осн. зак. имѣетъ силу закона, а потому основанное на такомъ приговорѣ требованіе полиціи

должно считаться законнымъ и неисполненіе его должно влечь отвѣтственность по ст. 29 уст. о нак.

Въ рѣшеніи 1899 г. № 6 не приведено соображеній съѣзда, по которымъ съѣздъ призналъ законнымъ требованіе полиціи о закрытіи склада тряпья, открытаго безъ разрѣшенія градоначальника. Въ приведенномъ рѣшеніи сенатъ весьма подробно останавливается на разрѣшеніи вопроса о законности этого требованія полиціи и на основаніи тщательнаго обсужденія относящихся къ дѣлу постановленій устава о промышл., городового положенія и друг. узаконеній приходитъ къ согласному съ заключеніемъ съѣзда выводу, что устройство складовъ тряпья въ населенныхъ частяхъ города не дозволяется безъ разрѣшенія полиціи, а потому съѣздъ не допустилъ нарушенія ст. 29 уст. о нак., признавъ обвиняемаго виновнымъ въ неисполненіи законнаго требованія полиціи о закрытіи такого склада.

Ст. 29 уст. о нак. на-ряду съ неисполненіемъ отдѣльныхъ требованій полиціи предусматриваетъ также и неисполненіе издаваемыхъ правительственными должностными лицами и общественными учрежденіями общихъ распоряженій, носящихъ по нашему закону наименованіе „обязательныхъ постановленій“. По дѣйствующему закону и въ административной практикѣ обязательныя постановленія пользуются широкимъ примѣненіемъ. Если оставить въ сторонѣ издаваемыя административной властью на основаніи „Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 г.“ обязательныя постановленія, неисполненіе которыхъ карается въ административномъ порядкѣ, а также не имѣющіе на практикѣ большого распространенія отдѣльные случаи предоставленія этого права министрамъ и нѣкоторымъ смѣшаннымъ присутствіямъ, слѣдуетъ указать, что право изданія такихъ постановленій принадлежитъ по нашему закону губернаторамъ и градоначальникамъ (на осн. ст. ст. 421 и слѣд. общ. учр. губ.), губернскимъ земскимъ собраніямъ (ст. 108 и слѣд. полож. о земск. учрежд.) и городскимъ думамъ (ст. 108 и слѣд. город. полож.; ст. ст. 99 и слѣд. полож. объ общ. упр. гор. Петрограда). Изданіе обязательныхъ постановленій практикуется въ особенности широко органами городского самоуправленія. Въ крупныхъ городскихъ центрахъ обязательныя постановленія, издаваемыя городскими думами, регулируютъ многіе существенные вопросы городского благоустройства и затрагиваютъ обширныя области жизненныхъ интересовъ городского населенія. Многочисленность обязательныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ городахъ, близкая заинтересованность широкихъ слоевъ населенія въ ихъ содержаніи заставляетъ признать за этой категоріей обязательныхъ постановленій особо важное значеніе въ практическомъ отношеніи. Въ мировыхъ учрежденіяхъ Петрограда обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., предметъ которыхъ состоитъ въ неисполненіи обязательныхъ постановленій городской думы, составляетъ наиболѣе часто встрѣчающійся случай примѣненія этого закона. По общему началу нашего законодательства обязательныя постановленія, какъ акты административнаго характера, не должны противорѣчить закону; начало подзаконности обязательныхъ постановленій опредѣленно выражено въ тѣхъ законахъ, которыми право изданія этихъ постановленій предоставляется должностнымъ лицамъ и органамъ самоуправленія. Въ силу ст. 29 уст. о нак., карающей неисполненіе лишь законныхъ требованій и распоряженій администраціи, и въ силу общаго начала подзаконности обязательныхъ постановленій, судъ при разсмотрѣніи обвиненія въ нарушеніи обязательнаго постановленія долженъ войти въ оцѣнку соотвѣтствія его по формѣ и по содержанію законамъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда петроградскому съѣзду приходилось принимать къ своему разсмотрѣнію обвиненія въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, съѣздъ всегда руководствовался необходимостью входить въ провѣрку ихъ законности.

Вопросъ о законности обязательнаго постановленія обсуждается съѣздомъ въ дѣлѣ по обвиненію содержателя парикмахерской Рыбаловскаго въ нарушеніи обязательнаго постановленія городской думы по ограниченію часовъ торговли въ воскресные и праздничные дни; нарушеніе это, по мнѣнію полиціи, возбудившей противъ Рыбаловскаго обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., выразилось въ томъ, что обвиняемый производилъ въ своей парикмахерской работу въ такіе часы, когда по обязательному постановленію открытіе торговыхъ заведеній воспрещается. Мировой съѣздъ нашелъ, что обязательное постановленіе городской думы, на которомъ полиція основываетъ свое обвиненіе, ограничиваетъ права частныхъ лицъ и потому должно быть примѣняемо, въ соотвѣтствіи съ общимъ правиломъ ограничительнаго толкованія запретительныхъ законовъ, въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ, которые въ немъ ясно и категорично выражены; обязательное постановленіе говоритъ лишь объ ограниченіи часовъ торговли; потому нѣтъ никакого основанія распространять его дѣйствіе на мастерство и ремесленныя заведенія, къ которымъ принадлежитъ и парикмахерскій промыселъ; при обратномъ толкованіи пришлось бы признать, что обязательное постановленіе противорѣчитъ существующему закону, въ уставѣ ремеслен. постановляющему особыя правила о времени производства работъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ; нарушеніе ремесленниками этихъ спеціальныхъ правилъ создаетъ отвѣтственность ихъ на основаніи особыхъ нормъ уголовнаго закона, а не по ст. 29 уст. о нак. Сенатъ, оставляя безъ послѣдствій кассаціонный протестъ товарища прокурора на оправдательный приговоръ съѣзда, въ рѣшеніи своемъ 1898 г. № 18 соглашается съ мнѣніемъ съѣзда, что правила по урегулированію времени работъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ содержатся въ уставѣ ремеслен. и нарушеніе этихъ правилъ составляетъ самостоятельный проступокъ, караемый на основ. ст. ст. 1360—1384 ул. о нак.; обязательное

постановленіе городской думы, по содержанію своему противорѣчащее этимъ спеціальнымъ правиламъ уст. ремесл., ни въ коемъ случаѣ не могло бы быть признано законнымъ, если даже считать, что дѣйствіе его распространяется и на ремесленныя заведенія; но парикмахерскій промыселъ не можетъ быть причисленъ къ торговлѣ, а потому и по буквальному смыслу обязательнаго постановленія, оно не имѣетъ никакого отношенія къ ограниченію времени работы въ парикмахерскихъ.

Въ рѣшеніи 1898 г. № 17, состоявшемся одновременно съ только-что приведеннымъ, сенатомъ также возбуждается вопросъ о законности другой части того же обязательнаго постановленія городской думы объ ограниченіи торговли въ воскресные и праздничные дни. Изъ рѣшенія видно, что нарушеніе ст. 29 уст. о нак. усмотрѣно было въ томъ, что обвиняемый, вопреки § 2 обязательнаго постановленія, ограничивающаго время торговли въ праздничные дни въ числѣ прочихъ торговыхъ заведеній также въ лавкахъ и магазинахъ, исключительно торгующихъ съѣстными припасами, производилъ въ праздники торговлю изъ принадлежащаго ему фруктоваго и колоніальнаго магазина въ недозволенное время. Мировой съѣздъ призналъ обвиняемаго виновнымъ въ неисполненіи обязательнаго постановленія. Рѣшеніе не содержитъ изложенія соображеній съѣзда, но изъ мотивовъ сената видно, что съѣздъ изслѣдовалъ вопросъ о соотвѣтствіи § 2 обязательнаго постановленія дѣйствующимъ законамъ и разрѣшеніе вопроса искалъ въ сопоставленіи этого параграфа со ст. 14 уст. о пред. и пресѣч. прест., разрѣшающей въ видѣ исключенія торговлю съѣстными припасами и кормомъ для скота въ праздничные дни безъ всякаго ограниченія времени; истолковывая ст. 14 уст. о пред. и пресѣч. прест., съѣздъ нашелъ, что исключительное предписаніе этого закона, касающееся торговли съѣстными припасами и кормомъ для скота въ праздники,

должно быть распространяемо лишь на такія торговыя заведенія, которыя торгуютъ предметами первой необходимости; въ магазинѣ же обвиняемаго производится торговля предметами роскоши, поэтому въ примѣненіи къ обстоятельствамъ даннаго случая § 2 обязательнаго постановленія нельзя усмотрѣть никакого противорѣчія съ закономъ, выраженнымъ въ ст. 14 уст. о пред. и пресѣч. прест. Сенатъ не находитъ возможнымъ согласиться съ предложеннымъ съѣздомъ толкованіемъ ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. Обращаясь къ разрѣшенію возникающаго по дѣлу вопроса, слѣдуетъ ли подъ съѣстными припасами, о которыхъ говоритъ ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. и стоящая съ ней въ связи ст. 16 того же устава, разумѣть исключительно предметы первой необходимости или же всякіе предметы, служащіе въ пищу человѣку, сенатъ находитъ, что выраженіемъ этимъ по смыслу тѣхъ постановленій закона, гдѣ оно неоднократно приводится (уст. объ обезп. народ. прод., уст. врач. и др. части свода законовъ), несомнѣнно обнимаются всѣ вообще предметы продовольствія. Поэтому данное съѣздомъ опредѣленіе понятія „съѣстныхъ припасовъ“ неправильно. Обязательное постановленіе городской думы, ограничивающее время торговли въ праздничные дни, въ частяхъ, касающихся торговли съѣстными припасами, въ виду противорѣчія ихъ категорическимъ указаніямъ ст. ст. 14 и 16 уст. о пред. и прес. прест., не можетъ быть признано законнымъ, а неисполненіе обязательнаго постановленія въ этой его части не можетъ поэтому считаться нарушеніемъ ст. 29 уст. о наказ.; ссылаясь на 109 ст. город. положенія, по силѣ которой обязательныя постановленія городской думы не должны противорѣчить закону, сенатъ разъясняетъ, что предоставленное думамъ по п. 11 ст. 108 город. положенія право опредѣлять время торговли въ праздники можетъ относиться лишь къ случаямъ ограниченія торговли въ тѣхъ заведеніяхъ, о которыхъ нѣтъ спеціальныхъ указаній въ дѣйствующихъ законахъ.

Тотъ же вопросъ о законности обязательнаго постановленія городской думы поставленъ на обсужденіе съѣзда по дѣлу Минаева, обвиняемаго по ст. 29 уст. о нак.; городская управа просила привлечь торговца Минаева къ отвѣтственности за нарушеніе обязательнаго постановленія городской думы о торговлѣ съ возовъ, выразившееся въ томъ, что обвиняемый, вопреки § 2 сего постановленія, производилъ торговлю съ воза на городской площади безъ разрѣшенія управы и безъ уплаты установленнаго въ пользу города сбора. Въ свое оправданіе обвиняемый сослался на то, что изданіемъ обязательнаго постановленія, ограничивающаго право развозной торговли и устанавливающаго сборъ въ пользу города съ этой торговли, городская дума нарушила п. 10 ст. 2 и п. 11 ст. 99 полож. объ общ. управл. гор. Петрограда, которыми думѣ предоставляется лишь устанавливать внутренній распорядокъ торговли; по мнѣнію обвиняемаго, городскія площади находятся въ общемъ пользованіи, поэтому сборъ за торговлю на этихъ площадяхъ также незаконенъ. Мировой съѣздъ, отвергнувъ доводы обвиняемаго, призналъ, что изданіемъ обязательнаго постановленія о торговлѣ съ возовъ и установленіемъ сбора въ пользу города за производство этой торговли городская дума не вышла изъ предѣловъ предоставленной ей по закону власти. Сенатъ, оставляя кассаціонную жалобу обвиняемаго безъ послѣдствій, въ рѣшеніи своемъ 1906 г. № 6, находитъ, что городская дума въ силу п. 10 ст. 2 и п. 11 ст. 99 полож. объ общ. упр. гор. Петрограда въ правѣ была издать обязательное постановленіе о торговлѣ съ возовъ; установленный же городомъ съ развозной торговли сборъ представляется не платой за пользованіе городскими площадями, но особымъ налогомъ съ лицъ, производящихъ развозную торговлю, независимо отъ мѣста, гдѣ такая торговля происходитъ.

Въ рѣшеніяхъ 1892 г. № 42 и 1901 г. № 24 возникаетъ вопросъ, обнимается ли проступокъ, за совершеніе

котораго предъявлено обвиненіе по ст. 29 уст. о нак., обязательнымъ постановленіемъ городской думы.

Въ дѣлѣ, по которому послѣдовало первое изъ указанныхъ рѣшеній, мировой съѣздъ нашелъ, что обязательное постановленіе городской думы о торговлѣ съ возовъ примѣнимо и къ случаю такой торговли содержателемъ лавки во дворѣ дома, гдѣ помѣщается его лавка, хотя бы обвиняемый по своей лавкѣ и уплачивалъ установленные закономъ пошлины и сборы. Сенатъ, отмѣняя обвинительный приговоръ съѣзда и ссылаясь на рѣшеніе общ. собр. I и кассац. департаментовъ 3 февраля 1892 г., разъясняетъ, что обязательное постановленіе городской думы о торговлѣ съ возовъ можетъ примѣняться лишь къ такимъ торговцамъ въ развозъ, которые занимаются собственно одной развозной торговлей и не уплачиваютъ по принадлежащимъ имъ торговымъ заведеніямъ общихъ торговыхъ пошлинъ и сборовъ.

Рѣшеніемъ 1901 г. № 24 сенатъ въ отрицательномъ смыслѣ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, предусматривается ли обязательными постановленіями городской думы по устройству и содержанію мостовыхъ и по строительной части обязанность домовладѣльцевъ устраивать вновь передъ своими домами, находящимися на незамощенныхъ улицахъ, мостовыя и тротуары. Разсматривая предъявленное по ст. 29 уст. о нак. обвиненіе домовладѣльца въ неисполненіи требованія полиціи о замощеніи улицы передъ домомъ, расположеннымъ на незамощенной улицѣ, съѣздъ призналъ, что обязательныя постановленія городской думы, на которыя полиція ссылалась, имѣютъ въ виду лишь обязанность собственниковъ домовъ поддерживать въ исправности существующія мостовыя и тротуары, но не возлагаютъ на нихъ обязанности сооружать новыя мостовыя на тѣхъ улицахъ, гдѣ таковыхъ вовсе не имѣется, а потому требованіе полиціи, какъ неосновательное на обязательномъ постановленіи, не можетъ считаться законнымъ. Сенатъ, соглашаясь съ даннымъ съѣздомъ толкованіемъ обязательныхъ постановленій, отвергаетъ также ссылку полиціи и кассаціоннаго протеста на ст. 287 уст. строит., возлагающую на владѣльцевъ домовъ обязанность сооруженія новыхъ мостовыхъ на незамощенныхъ улицахъ, въ виду того, что эта статья закона, какъ разъяснено рѣшеніемъ общаго собранія I и кассаціонныхъ департаментовъ 26 ноября 1879 г., можетъ имѣть примѣненіе лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено городовое положеніе.

Въ заключеніе настоящаго обзора по ст. 29 уст. о нак. намъ остается указать еще на три рѣшенія сената, состоявшіяся по частнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ дѣлахъ съѣзда въ связи съ примѣненіемъ этого закона. Этими указаніями исчерпывается весь матеріалъ, представляемый рѣшеніями уголовнаго кассаціоннаго департамента по приговорамъ петроградскаго съѣзда, которыми разрѣшались обвиненія по ст. 29 уст. о нак.

Можетъ ли постановленіе общаго собранія общественниковъ гостинаго двора считаться законнымъ основаніемъ для предъявленія полиціей требованія о снятіи витринъ, установленныхъ обвиняемымъ на столбахъ галлереи гостинаго двора, и можетъ ли неисполненіе такого требованія полиціи влечь за собой отвѣтственность по ст. 29 уст. о нак.? Вопросъ этотъ поставленъ и разрѣшенъ сенатомъ отрицательно въ рѣшеніи его 1899 г. № 15. Предъявленное полиціей требованіе о снятіи витринъ основано было на постановленіи общаго собранія общественниковъ гостинаго двора, которымъ помѣщеніе витринъ на столбахъ галлереи было воспрещено. Съѣздъ призналъ, что требованіе полиціи должно почитаться законнымъ, такъ какъ оно вытекаетъ изъ общихъ обязанностей ея наблюдать за порядкомъ въ публичныхъ мѣстахъ и за благоустройствомъ города и основано на постановленіи общественниковъ гостинаго двора. Сенатъ, не находя въ дѣйствующихъ законахъ основаній для признанія за полиціей права наблюдать за внѣшнимъ видомъ торговыхъ заведеній, считаетъ также, что рѣ-

шенія общаго собранія общественниковъ гостинаго двора, какъ основанныя на договорѣ частнаго общества, ни въ какомъ случаѣ не могутъ приравниваться къ обязательнымъ постановленіямъ должностныхъ лицъ и городскихъ думъ; нарушенія участниками этого общества постановленій общаго собранія могутъ имѣть лишь гражданско-правовыя послѣдствія и не могутъ обосновывать уголовной отвѣтственности по ст. 29 уст. о нак.; на этомъ основаніи сенатъ отмѣняетъ приговоръ съѣзда и дѣло на основаніи ст. 1 уст. о нак. производствомъ прекращаетъ.

Рѣшеніемъ 1871 г. № 365 сенатъ отмѣняетъ приговоръ съѣзда, которымъ обвиняемый былъ признанъ виновнымъ по ст. 29 уст. о нак. въ томъ, что онъ отказался принять указъ сиротскаго суда о назначеніи его опекуномъ. Сенатъ разъясняетъ, что ст. 29 предусматриваетъ нарушеніе законныхъ требованій и распоряженій правительственныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій и не можетъ относиться къ неисполненію требованій и постановленій мѣстъ судебныхъ.

Въ рѣшеніи 1874 г. № 49 сенатъ, ссылаясь на прежнія свои разъясненія 1867 г. № 312 и 1870 г. № 569, еще разъ подтверждаетъ, что неисполненіе обращеннаго къ домовладѣльцу требованія полиціи о принятіи мѣръ къ улучшенію санитарнаго содержанія дома во время существованія въ городѣ эпидеміи составляетъ самостоятельный проступокъ противъ народнаго здравія и карается по ст. 102 уст. о нак.; поэтому неправильна квалификація съѣздомъ этого проступка по ст. 29 уст. о нак. на томъ лишь основаніи, что для примѣненія ст. 102 уст. о нак. требуется установить связь между антисанитарнымъ содержаніемъ дома и появленіемъ среди населенія этого дома заразной болѣзни.

Практика петроградскаго съѣзда по отдѣльнымъ уголовнымъ дѣламъ.

1) Рѣшеніе 1871 г. № 1839 по дѣлу Филиппо и Бланшъ-Гандонъ. Право мирового судьи на возбужденіе судебнаго преслѣдованія по личному усмотрѣнію. 2) Рѣшеніе 1877 г. № 17 по дѣлу Башмакова и др. Толкованіе съѣздомъ ст. 123 уст. о нак. 3) Рѣшеніе 1879 г. № 68 по дѣлу Семенова. Наказуема ли клевета между супругами? 4) Рѣшеніе 1885 г. № 6 по дѣлу Зарубина. Требуется ли разрѣшеніе полиціи на помѣщеніе объявленія въ безцензурномъ изданіи? 5) Рѣшеніе 1895 г. № 36 по дѣлу Михайлова. Наказуемость проступка по суду и въ административномъ порядкѣ. 6) Рѣшеніе 1902 г. № 17 по дѣлу Иванова. Составляетъ ли тайное похищеніе электрическаго тока кражу?

1) Законъ, опредѣляя въ ст. 42 у. у. с. поводы, по которымъ мировой судья можетъ приступить къ разбирательству дѣла, предоставляетъ право возбужденія судебнаго преслѣдованія, между прочимъ, и самому мировому судьѣ по непосредственно усмотрѣннымъ имъ преступнымъ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ. Этому постановленію закона, не имѣющему въ настоящее время въ практикѣ судебно-мировыхъ учрежденій частаго примѣненія, законодатель придавалъ большое значеніе, полагая, что мировой судья, какъ органъ власти, близко соприкасающейся съ населеніемъ, будетъ нерѣдко пользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Въ первое время дѣятельности мировыхъ судебныхъ учрежденій встрѣчаются случаи возбужденія судебнаго преслѣдованія по личному почину мировыхъ судей. Правительствующему сенату приходилось иногда высказываться по вопросу о предѣлахъ и способахъ осуществленія этого права. Одно изъ такихъ рѣшеній сената послѣдовало по дѣлу петроградскаго съѣзда. Поводомъ къ возникновенію этого дѣла послужилъ составленный мировымъ судьей 7 участка протоколъ слѣдующаго содержанія: „1871 г. апрѣля 5 дня. Въ бытность въ театрѣ Буффъ 4 апрѣля на вечернемъ представленіи мною замѣчено, что артистка Филиппо при пѣніи пѣсни „L'amour ce n'est que cela" дозволила себѣ безстыдныя и соединенныя съ соблазномъ для другихъ тѣлодвиженія, что другая артистка Бланшъ-Ган-

донъ, явившись на сцену въ крайне непристойномъ костюмѣ, производила безстыдныя тѣлодвиженія въ пляскѣ канкана, и, принимая въ соображеніе, что случаи сценическаго безстыдства въ тѣлодвиженіяхъ и костюмѣ предусмотрѣны 43 ст. уст. о нак. и преслѣдуются независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ, на основаніи 3 п. 42, 52 и 1 п. 77 ст. у. у. с., опредѣлилъ: 1) возбудить уголовное преслѣдованіе противъ артистокъ театра Буффъ—Филиппо и Бланшъ-Гандонъ и отвѣтственнаго директора и распорядителя театра Буффъ; 2) поручить полиціи собрать всѣ необходимыя по настоящему дѣлу свѣдѣнія и отобрать отъ обвиняемыхъ подписки о невыѣздѣ изъ столицы до окончанія дѣла или отобрать ихъ виды на жительство".

Полиція, исполняя возложенное на нее порученіе, произвела дознаніе и представила его мировому судьѣ. Къ разбирательству дѣла явился уполномоченный полиціи и заявилъ, что желаетъ поддерживать противъ обвиняемыхъ Филиппо и Бланшъ-Гандонъ обвиненіе по ст. 43 уст. о нак. Повѣренный обвиняемыхъ возражалъ противъ допущенія представителя полиціи въ качествѣ обвинителя по дѣлу, возбужденному не полиціей, а по личному усмотрѣнію мирового судьи. Мировой судья допустилъ представителя полиціи къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ обвинителя и въ мотивированномъ постановленіи, которымъ возраженіе повѣреннаго обвиняемыхъ было оставлено безъ послѣдствій, указалъ, что въ кругъ обязанностей полиціи входитъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ публичныхъ мѣстахъ не совершались безстыдныя дѣйствія, а равно преслѣдованіе тѣхъ, кто такія дѣйствія совершаетъ, поэтому полиція имѣетъ право принять участіе въ качествѣ обвиняющей стороны въ дѣлѣ, хотя бы послѣднее было начато и не по ея почину; а „мировой судья не есть обвинитель въ дѣлѣ, возбужденномъ по его усмотрѣнію, а лишь та власть, по опредѣленію которой возникаетъ первоначально дѣло, слѣдующее затѣмъ общему законному порядку". Произведя до-

просъ свидѣтелей, мировой судья нашелъ, что „изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла, начатаго по непосредственному его усмотрѣнію, провѣренному судебнымъ разбирательствомъ", обвиненіе артистокъ Филиппо и Бланшъ-Гандонъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 43 уст. о нак., „подтверждается независимо отъ личнаго его, мирового судьи, усмотрѣнія еще и показаніями спрошенныхъ свидѣтелей". Останавливаясь въ приговорѣ своемъ весьма подробно на соображеніяхъ о квалификаціи проступка обвиняемыхъ по ст. 43 уст. о нак. и принявъ во вниманіе увеличивающія и уменьшающія вину обвиняемыхъ обстоятельства, мировой судья приговорилъ артистокъ Бланшъ-Гандонъ и Филиппо за безстыдныя соединенныя съ соблазномъ дѣйствія на основаніи ст. 43 уст. о нак. къ штрафу: первую въ 100 рублей съ замѣной арестомъ на одинъ мѣсяцъ и вторую въ 50 руб. съ замѣной арестомъ на двѣ недѣли. Мировой съѣздъ, считая фактическую сторону обвиненія доказанной показаніями допрошенныхъ въ первой инстанціи свидѣтелей, а равно личнымъ удостовѣреніемъ мирового судьи, и вполнѣ соглашаясь съ квалификаціей проступка обвиняемыхъ по ст. 43 уст. о нак., приговоръ мирового судьи утвердилъ. По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго обвиняемыхъ сенатъ поставилъ на свое обсужденіе два основныхъ возникающихъ въ дѣлѣ вопроса: въ правѣ ли мировой судья возбуждать по личному почину судебное преслѣдованіе за проступокъ, предусмотрѣнный ст. 43 уст. о нак., и въ правѣ ли былъ мировой судья допустить къ участію въ дѣлѣ, возбужденномъ исключительно по собственному его усмотрѣнію, представителя полиціи въ качествѣ обвинителя? Въ рѣшеніи своемъ 1871 г. № 1839 сенатъ оба вопроса разрѣшаетъ утвердительно. Категорическое правило ст. 42 у. у. с. не оставляетъ сомнѣнія, что преслѣдованіе проступковъ противъ законнаго порядка по непосредственному усмотрѣнію мирового судьи не только не выходитъ изъ предѣловъ его власти, но составляетъ его прямую обязан-

ность. Въ виду того, что проступки по ст. 43 уст. о нак. принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые преслѣдуются полиціей, послѣдняя имѣла законный поводъ во всякомъ положеніи дѣла, до конца его разбирательства, предъявить обвиненіе со своей стороны, независимо отъ обвиненія, возбужденнаго мировымъ судьей по личному его усмотрѣнію; поэтому мировой судья поступилъ вполнѣ правильно и согласно съ точнымъ смысломъ ст. 64 у. у. с., допустивъ представителя полиціи къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ обвинителя. По этимъ основаніямъ сенатъ оставляетъ кассаціонную жалобу повѣреннаго обвиняемыхъ безъ послѣдствій.

2) Изъ рѣшенія сената 1877 г. № 17 видно, что мировой судья, разсматривая дѣло по обвиненію кучеровъ конно-желѣзной дороги въ неосторожной ѣздѣ, нашелъ необходимымъ на основаніи 3 п. 42 ст. у. у. с. (нынѣ 4 п. 42 ст. у. у. с.) привлечь къ отвѣтственности собственниковъ конно-желѣзной дороги Губонина и Башмакова по ст. 123 уст. о нак. за „порученіе управленія лошадьми людямъ неспособнымъ". Мировой судья призналъ, что „отвѣтственность за доброкачественность кучеровъ должна лежать исключительно на собственникахъ дороги даже и въ томъ случаѣ, когда наемъ и увольненіе кучеровъ производились не ими лично, а черезъ ихъ уполномоченныхъ". Полагая, что неспособность кучеровъ въ управленіи лошадьми установлена вошедшимъ въ законную силу обвинительнымъ приговоромъ, которымъ кучера признаны были виновными и подвергнуты взысканію за неосторожную ѣзду, и что посему фактъ этотъ не подлежитъ дальнѣйшему разъясненію при разсмотрѣніи обвиненія Губонина и Башмакова по ст. 123 уст. о нак., мировой судья въ отношеніи обоихъ обвиняемыхъ постановилъ обвинительный приговоръ. Дѣло это пересматривалось съѣздомъ въ апелляціонномъ порядкѣ и по кассаціонной жалобѣ обвиняемыхъ восходило на разсмотрѣніе сената. Въ дѣлѣ

возникъ цѣлый рядъ процессуальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ объявленіемъ мировымъ судьей ненадлежащаго порядка обжалованія приговора, который не былъ исправленъ и мировымъ съѣздомъ, и съ неправильнымъ толкованіемъ съѣздомъ предѣловъ полномочій повѣреннаго одного изъ обвиняемыхъ на принесеніе апелляціоннаго отзыва и кассаціонной жалобы. Всѣ эти вопросы подробнѣйшимъ образомъ разсмотрѣны сенатомъ. Оставляя ихъ въ сторонѣ, укажемъ лишь на соображенія сената по основнымъ вопросамъ нарушенія съѣздомъ ст. ст. 15 и 119 у. у. с. Мировой съѣздъ присоединился къ мнѣнію судьи, что признаніе собственниковъ конно-желѣзной дороги виновными „въ порученіи управленія лошадьми людямъ неспособнымъ" можетъ быть основано на вошедшемъ въ законную силу приговорѣ, которымъ установлена неспособность лица, управлявшаго лошадьми, и что отвѣтственность за такое порученіе должна быть возложена на собственниковъ лошадей, хотя бы по дѣлу и было доказано, что не они лично нанимали кучеровъ. Въ рѣшеніи своемъ, отмѣняющемъ приговоръ съѣзда, сенатъ указываетъ на нарушеніе съѣздомъ ст. ст. 15 и 119 у. у. с. Сенатъ разъясняетъ, что „въ уголовномъ дѣлѣ всякій несетъ отвѣтственность за себя, т.-е. за собственную свою вину, за дѣяніе или упущеніе, имъ самимъ совершенное, и каждое исключеніе изъ этого общаго правила уголовнаго правосудія должно быть ясно и положительно выговорено въ законѣ. Такого исключенія изъ этого правила въ ст. 123 уст. о нак. не содержится, такъ какъ статья эта наказуетъ „порученіе управлять лошадьми лицу неспособному", слѣдовательно, преслѣдуетъ непосредственно виновнаго въ нарушеніи, а не безусловно хозяина лошадей". Далѣе сенатомъ указывается, что на основаніи общихъ началъ уголовнаго правосудія для лица, не участвовавшаго въ рѣшенномъ дѣлѣ, признанный этимъ рѣшеніемъ фактъ не можетъ имѣть обязательной силы, такъ какъ лицо это не имѣло возмож-

ности оспаривать значенія и силы доказательствъ, которыя судъ имѣлъ въ виду при постановленіи вошедшаго въ законную силу приговора.

3) Въ рѣшеніи 1879 г. № 68 сенатъ впервые разсматриваетъ вопросъ о наказуемости клеветы между супругами. Мировой судья, разсматривая обвиненіе однимъ супругомъ другого въ клеветѣ и находя, что клевета составляетъ лишь квалифицированный видъ обиды словомъ, ненаказуемой по нашему законодательству между супругами, постановилъ оправдательный приговоръ. Мировой съѣздъ, отмѣнивъ приговоръ мирового судьи, подвергъ обвиняемаго наказанію по ст. 136 уст. о наказ. Ставя на свое разрѣшеніе впервые возникающій въ кассаціонной практикѣ вопросъ о наказуемости клеветы между супругами, сенатъ приходитъ къ выводу, что въ отличіе отъ обиды оклеветаніе одного супруга другимъ должно признаваться уголовно-наказуемымъ проступкомъ; въ свойствахъ и значеніи обоихъ проступковъ — обиды и клеветы, одинаково унижающихъ нравственное достоинство человѣка, сенатъ усматриваетъ, однако, рѣзкое различіе. „Оскорбленіемъ, говоритъ сенатъ, не затрагивается доброе имя потерпѣвшаго, установившееся въ общественной средѣ мнѣніе о немъ, какъ о честномъ человѣкѣ; напротивъ, клевета направлена именно на это доброе имя: клеветникъ, распространивъ клевету, нерѣдко на всю жизнь лишаетъ оклеветаннаго добраго имени и общественнаго уваженія". „Преслѣдованіе за клевету путемъ суда имѣетъ цѣлью не только наказаніе клеветника, но—и это главнымъ образомъ—возстановленіе истины". „При такомъ существенномъ различіи, по своему составу, обиды и клеветы всѣ тѣ соображенія, по которымъ не допускается иска объ обидахъ между супругами, не могутъ быть примѣнены къ случаямъ оклеветанія однимъ супругомъ другого"; за потерпѣвшимъ отъ клеветы супругомъ тѣмъ болѣе важно признать право на судебное преслѣдованіе супруга-клеветника, что брач-

ныя связи супруговъ могутъ прекратиться вслѣдствіе развода или смерти супруга-клеветника и, „слѣдовательно, только путемъ иска за клевету оскорбленный клеветой будетъ избавленъ отъ необходимости переносить всѣ тяжелыя послѣдствія клеветы далеко послѣ того момента, когда съ клеветникомъ были порваны всякія близкія связи".

4) С.-петербургскій цензурный комитетъ возбудилъ противъ редактора газеты „Петербургскій Листокъ" Зарубина обвиненіе по ст. 34 уст. о нак. за помѣщеніе въ нѣсколькихъ номерахъ этой газеты безъ разрѣшенія комитета объявленій о вновь вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи. На оправдательный приговоръ мирового судьи цензурный комитетъ принесъ въ съѣздъ апелляціонный отзывъ.

Ст. 34 уст. о нак. караетъ за объявленіе чего-либо во всеобщее свѣдѣніе безъ предварительнаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ. Исходя изъ состава проступка, преслѣдуемаго по ст. 34 уст. о нак., съѣздъ нашелъ необходимымъ предварительно разрѣшенія дѣла по существу предъявленнаго обвиненія поставить на свое обсужденіе два вопроса: принадлежитъ ли возбужденіе уголовнаго преслѣдованія по ст. 34 уст. о нак. цензурному комитету или полиціи и необходимо ли предварительное разрѣшеніе полиціи или цензурнаго комитета для помѣщенія объявленій въ безцензурныхъ періодическихъ изданіяхъ, къ числу которыхъ относится и газета „Петербургскій Листокъ"? На разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ съѣздъ остановился съ большимъ вниманіемъ. По первому вопросу съѣздъ нашелъ, что „надлежащее разрѣшеніе", о которомъ говоритъ ст. 34 уст. о нак., предусмотрѣно въ отношеніи объявленій въ періодическихъ изданіяхъ ст. 55 уст. о ценз. и печати, возлагающей разсмотрѣніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій на мѣстное полицейское начальство. Изъ сопоставленія ст. 34 уст. о нак. и ст. 55 уст. о ценз. и

печ. съѣздъ дѣлаетъ выводъ, что право возбужденія уголовнаго преслѣдованія за напечатаніе безъ разрѣшенія объявленій въ газетахъ принадлежитъ общей полиціи; этотъ выводъ, по мнѣнію съѣзда, подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что ст. 34 помѣщена въ уст. о наказ. въ отдѣлѣ о проступкахъ противъ порядка управленія, и потому надлежитъ считать, что предусмотрѣнный ею проступокъ не имѣетъ ничего общаго съ проступками по дѣламъ печати, преслѣдуемыми цензурными установленіями. Относится ли помѣщеніе объявленія въ газетѣ къ случаямъ, требующимъ по закону разрѣшенія, о которомъ упоминаетъ ст. 34 уст. о нак.? Этотъ вопросъ разрѣшается съѣздомъ отрицательно въ отношеніи объявленій, публикуемыхъ въ безцензурныхъ періодическихъ изданіяхъ. Съѣздъ полагаетъ, что ст. 55 уст. о ценз. и печ., изданная до закона 6 апрѣля 1865 г., когда законодательство наше не знало еще безцензурныхъ изданій, съ появленіемъ изданій, выходящихъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры, можетъ относиться лишь къ подцензурнымъ изданіямъ, такъ какъ освобожденіе изданія отъ цензуры предполагаетъ освобожденіе отъ цензуры всего содержанія номера, въ томъ числѣ и печатаемыхъ въ немъ объявленій. Поставленные съѣздомъ вопросы сенатъ въ рѣшеніи своемъ 1885 г. № 6 разрѣшаетъ въ направленіи, противоположномъ тому, въ какомъ вопросы эти разрѣшены съѣздомъ. Сенатъ полагаетъ, что возложенной на главное управленіе по дѣламъ печати обязанностью наблюдать за произведеніями печати обнимается также и обязанность возбуждать уголовное преслѣдованіе во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ нарушенія законовъ о печати и что установленный ст. 55 уст. о ценз. и печати надзоръ полиціи за газетными объявленіями распространяется также на безцензурныя изданія. Оправдательный приговоръ съѣзда сенатомъ, однако, не отмѣняется, такъ какъ сенатъ считаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ обвиненіе неправильно предъявлено къ редактору изданія; по мнѣнію сената,

редакторъ изданія отвѣтственъ лишь за содержаніе статей, печатаемыхъ въ изданіи; во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдованіе возникаетъ вслѣдствіе несоблюденія опредѣленныхъ закономъ для изданія формальныхъ условій, къ числу которыхъ должно относиться и разрѣшеніе полиціи на помѣщеніе въ изданіи объявленій, за неисполненіе сихъ формальностей долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности издатель повременнаго изданія.

5) С.-петербургскій купецъ домовладѣлецъ Михайловъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности у мирового судьи по ст. 102 уст. о нак. за неудовлетворительное въ санитарномъ отношеніи содержаніе принадлежащаго ему дома. Мировой судья, находя обвиненіе Михайлова по ст. 102 уст. о нак. доказаннымъ, приговоромъ своимъ отъ 28 сентября 1893 г. подвергъ обвиняемаго денежному взысканію въ 200 руб., а при несостоятельности аресту на два мѣсяца, обязавъ Михайлова въ теченіе двухъ недѣль привести домъ въ надлежащее состояніе. На этотъ приговоръ Михайловъ 11 октября принесъ апелляціонный отзывъ. Между тѣмъ, 30 сентября с.-петербургскимъ градоначальникомъ изданъ былъ приказъ, которымъ на Михайлова за проступокъ, бывшій предметомъ разсмотрѣнія въ уголовномъ дѣлѣ мирового судьи, наложенъ былъ въ административномъ порядкѣ штрафъ въ 200 руб. съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на два мѣсяца и возложена была обязанность привести домъ въ порядокъ съ предупрежденіемъ, что при неисполненіи сего домъ будетъ закрытъ для жилья. Въ приказѣ градоначальника сдѣлана ссылка на состоявшійся за два дня до того приговоръ мирового судьи и объяснено, что Михайловъ остался недоволенъ этимъ приговоромъ и можетъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока принести апелляціонный отзывъ, а послѣдующій приговоръ съѣзда можетъ обжаловать въ кассаціонномъ порядкѣ; „такимъ образомъ, сказано въ приказѣ, принятіе необходимыхъ мѣръ на

приведеніе дома въ порядокъ можетъ затянуться до поздней осени, а при наступленіи неудобной для производства работъ погоды даже и до будущаго года"; въ виду этихъ соображеній и безусловной необходимости своевременно устранить антисанитарное состояніе дома с.-петербургскій градоначальникъ считаетъ необходимымъ, не выжидая установленныхъ закономъ сроковъ на обжалованіе судебнаго приговора, немедленно наложить на Михайлова взысканіе въ административномъ порядкѣ. До разсмотрѣнія дѣла въ съѣздѣ Михайловъ уплатилъ наложенный на него градоначальникомъ штрафъ. Мировой съѣздъ, признавая приговоръ судьи въ существѣ правильнымъ и потому утверждая его, нашелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что было бы несогласно съ требованіями справедливости и противно цѣлямъ правосудія подвергать обвиняемаго вновь взысканію по суду за проступокъ, за который онъ понесъ уже наказаніе въ административномъ порядкѣ; на этомъ основаніи съѣздъ освободилъ Михайлова отъ наложеннаго на него по приговору мирового судьи наказанія.

Сенатъ, разсматривая дѣло по кассаціонному протесту товарища прокурора, въ рѣшеніи своемъ 1895 г. № 36 разъясняетъ съѣзду неправильность его постановленія объ освобожденіи Михайлова, признаннаго по суду виновнымъ, отъ наказанія; судъ въ правѣ освободить отъ наказанія лицо, признанное виновнымъ, лишь при наличности одного изъ условій, указанныхъ въ ст. 16 у. у. с.; для устраненія той несправедливости, которую усматривалъ съѣздъ въ повторномъ наказаніи по суду обвиняемаго, понесшаго уже за тотъ же проступокъ административную кару, съѣздъ въ правѣ былъ на основаніи ст. 775 у. у. с. ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о полной отмѣнѣ наказанія. Въ виду нарушенія съѣздомъ ст. 122 у. у. с. сенатъ приговоръ съѣзда отмѣняетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ считаетъ необходимымъ въ порядкѣ надзора обратиться къ обсужденію дѣйствій

с.-петербургскаго градоначальника, выразившихся въ изданіи приведеннаго выше приказа. Сенатъ находитъ, что градоначальникъ, мотивируя наложеніе на Михайлова административной кары излишней продолжительностью установленныхъ по закону процессуальныхъ сроковъ на обжалованіе обвинительнаго приговора мирового судьи, видоизмѣнилъ теченіе воспринявшаго законный ходъ судебнаго преслѣдованія и поступилъ вопреки ст. 14 у. у. с., постановляющей, что никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащіе судебному вѣдомству, иначе какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу. Усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ, что приказъ градоначальника былъ изданъ имъ на основаніи исключительныхъ полномочій по положенію объ усиленной охранѣ, сенатъ полагаетъ, что эти полномочія, какъ разъяснено рѣшеніемъ общаго собранія I и кассаціонныхъ департаментовъ 23 ноября 1892 г., предоставлены администраціи только въ цѣляхъ борьбы съ крамолой, и потому принимаемыя органами администраціи въ порядкѣ усиленной охраны мѣропріятія должны имѣть непосредственное отношеніе лишь къ дѣяніямъ, грозящимъ государственному порядку и спокойствію; проступокъ Михайлова ничего общаго не имѣлъ съ этого рода преступными посягательствами; налагая на Михайлова взысканіе въ силу исключительныхъ полномочій, градоначальникъ вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему по закону власти. Въ виду сего сенатъ постановилъ дѣйствія по сему дѣлу с.-петербургскаго градоначальника передать на разсмотрѣніе перваго департамента сената.

6) Составляетъ ли тайное похищеніе электрическаго тока кражу? Вопросъ этотъ впервые возникаетъ въ кассаціонной практикѣ и разрѣшается сенатомъ въ рѣшеніи его 1902 г. № 17, состоявшемся по дѣлу петроградскаго съѣзда. Электрическое общество предъявило къ крестьянину Иванову уголовное обвиненіе въ томъ, что онъ,

безъ вѣдома и согласія общества, пользуется токомъ отъ провода общества для освѣщенія своей квартиры, и просило подвергнуть Иванова наказанію по ст. 169 уст. о нак. за кражу. Мировой съѣздъ, разрѣшая вышеприведенный вопросъ, пришелъ къ заключенію, что ст.ст. 1644 ул. о нак. и 169 уст. о нак., опредѣляя составъ преступленія—кражи, караютъ за тайное похищеніе чужихъ вещей, денегъ, предметовъ и вообще движимаго имущества; токъ для электрическаго освѣщенія не подходитъ подъ понятіе вещи, предмета или движимаго имущества; поэтому похищеніе электрическаго тока не можетъ быть подведено подъ понятіе кражи, а даетъ лишь основаніе собственнику тока на предъявленіе къ лицу, самовольно пользующемуся токомъ, гражданскаго иска объ убыткахъ.

Обращаясь къ разрѣшенію возникающаго по дѣлу вопроса, сенатъ прежде всего устанавливаетъ, что имуществомъ, подлежащимъ правовой охранѣ, должно считаться въ смыслѣ закона всякое экономическое благо, составляющее предметъ мѣнового оборота между людьми; электрическая энергія отвѣчаетъ этимъ признакамъ имущества, такъ какъ электричество несомнѣнно обладаетъ реальной цѣнностью и въ общежитіи оно давно уже сдѣлалось предметомъ экономическаго оборота; поэтому къ охранѣ электричества должны быть примѣнены общія правила объ охранѣ имущества. Возможны посягательства противъ имущества въ его вещественномъ состояніи (завладѣніе, присвоеніе, самовольное пользованіе) и противъ правъ на имущество (обманъ, вымогательство, самовольное осуществленіе чужихъ авторскихъ правъ). Посягательства того и другого рода могутъ направляться противъ электричества; виновный или стремится присвоить самое право на электричество, принадлежащее другому лицу, или захватить опредѣленную сумму уже существующаго чужого электричества. Въ послѣднемъ случаѣ электричество должно признаваться имуществомъ движимымъ, такъ какъ оно можетъ перемѣщаться съ одного мѣста на другое посредствомъ провода. Вслѣдствіе отвода электричества по проводу хозяинъ его несетъ несомнѣнный имущественный ущербъ, такъ какъ на выработку отведенной энергіи онъ долженъ затратить лишніе работу и матеріалъ; виновный же пріобрѣтаетъ именно то, что̀ утрачивается хозяиномъ. По изложеннымъ соображеніямъ сенатъ нашелъ, что тайное похищеніе электрической энергіи вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ признакамъ преступленія—кражи и должно быть поэтому наказуемо въ уголовномъ порядкѣ.

Судебные уставы 1864 года, учреждая на-ряду съ общими судебными мѣстами выборный мировой судъ, видѣли въ немъ осуществленіе идеи миролюбиваго посредническаго разбирательства по маловажнымъ гражданскимъ спорамъ и незначительнымъ уголовнымъ обвиненіямъ. Взглядъ этотъ положенъ былъ въ основу организаціи мировыхъ судебныхъ установленій. Въ этомъ воззрѣніи на цѣль и значеніе учрежденія мирового суда, какъ близкаго къ населенію, скораго и нестѣсняемаго формальностями суда „совѣсти“, находятъ свое объясненіе многія отдѣльныя черты его устройства и особенности процессуальныхъ формъ его дѣятельности. Въ началѣ настоящаго очерка нами отмѣчалось, что съ теченіемъ времени взглядъ этотъ измѣняется. Измѣненіе этого взгляда сказывается не только въ законодательствѣ, которое, вводя частичныя перемѣны въ организацію мирового суда, сближаетъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ общими судебными мѣстами, но, главнымъ образомъ, въ практикѣ самихъ мировыхъ установленій. Въ первые же годы, послѣдовавшіе за реформой 1864 года, мировыя учрежденія отказываются отъ первоначальнаго взгляда своего на существо и задачи своей дѣятельности.

Столь популярное во второй половинѣ 60 годовъ отношеніе къ мировому суду, какъ суду „совѣсти“, утрачиваетъ прежнее свое значеніе прежде всего въ глазахъ самихъ дѣятелей мирового суда. По указаннымъ уже

нами причинамъ эта перемѣна во взглядахъ на значеніе мирового суда скорѣе всего сказывается въ крупныхъ городскихъ центрахъ и прочнѣе всего укореняется въ тѣхъ мировыхъ учрежденіяхъ, которыя, счастливо избѣгнувъ реформы 1889 года, нынѣ считаютъ за собой полувѣковое существованіе. Если современники судебной реформы императора Александра II и мировые судьи первыхъ лѣтъ дѣятельности мирового суда главнѣйшей обязанностью мирового судьи считали примиреніе тяжущихся, а при неуспѣхѣ этой попытки, для осуществленія которой мировой судья признавалъ своимъ долгомъ принимать всѣ доступныя ему средства убѣжденія, такое разрѣшеніе тяжбы, которое было бы основано на чувствѣ справедливости и внутренняго убѣжденія, хотя бы такое разрѣшеніе спора и не предусматривалось закономъ или даже ему противорѣчило, то въ настоящее время мировой судья, исполняя возложенную на него закономъ обязанность склонять тяжущихся къ примиренію и стремясь къ постановленію рѣшенія, отвѣчающаго чувству справедливости, въ то же время признаетъ своей обязанностью рѣшенія свои постановлять на основаніи закона и въ строгомъ соотвѣтствіи съ его предписаніями. Конечно, въ дѣятельности мирового суда при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ внутреннее убѣжденіе и чувство справедливости всегда должны имѣть и не могутъ не имѣть существеннаго значенія, но тѣмъ же стремленіемъ—найти справедливое разрѣшеніе гражданскаго спора и постановить основанный на внутреннемъ убѣжденіи приговоръ—руководствуются и должны руководствоваться общія судебныя мѣста; иначе рѣшенія и приговоры ихъ имѣли бы значеніе безжизненныхъ и бездушныхъ формулъ. Можетъ быть, въ дѣятельности мировыхъ установленій, которымъ чаще, нежели общимъ судебнымъ мѣстамъ, приходится принимать къ своему разсмотрѣнію несложныя въ юридическомъ отношеніи дѣла, формальный элементъ законности въ такого рода дѣлахъ выступаетъ не столь явственно. Тѣмъ не менѣе, нельзя не придти къ заключенію, что въ настоящее время въ дѣятельности мировыхъ учрежденій формальное начало законности имѣетъ не менѣе важное значеніе, нежели начало разрѣшенія дѣлъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Необходимо признать благотворное значеніе этого измѣненія во взглядахъ на задачи и существо дѣятельности мировыхъ установленій. Воспитательное значеніе мировыхъ учрежденій, наиболѣе близкаго къ населенію и доступнаго ему суда, достигается не только тѣмъ, что въ нихъ населеніе находитъ скорое и справедливое разрѣшеніе своихъ гражданскихъ тяжбъ и разсмотрѣніе уголовныхъ обвиненій, но въ такой же степени и тѣмъ, что дѣятельностью этого суда внѣдряется въ сознаніе населенія чувство законности и пробуждается сознательное отношеніе къ своимъ основаннымъ на законѣ правамъ и обязанностямъ.

Подчиняя мировыя установленія кассаціонному надзору правительствующаго сената, судебные уставы въ значительной мѣрѣ предопредѣлили тотъ путь, которымъ пошло дальнѣйшее развитіе дѣятельности мировыхъ установленій. Надзоръ правительствующаго сената, имѣющій своей задачей слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ и толкованіемъ мировыми съѣздами законовъ, воспитывалъ въ мировыхъ учрежденіяхъ сознаніе необходимости при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ руководствоваться требованіями законовъ, считаться съ формальными ихъ предписаніями. Приведенный нами въ настоящемъ очеркѣ матеріалъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ петроградскимъ съѣздомъ и разсмотрѣннымъ въ кассаціонномъ порядкѣ сенатомъ, съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуетъ, какъ внимательно и строго правительствующій сенатъ слѣдилъ за правильнымъ разрѣшеніемъ съѣздомъ возникавшихъ по его дѣламъ, нерѣдко важныхъ, юридическихъ вопросовъ. Съ другой стороны, на основаніи приведеннаго выше матеріала, мы можемъ заключить, что петроградскій съѣздъ обычно съ достаточной внимательностью и въ сознаніи необходимости рѣшенія свои основывать на велѣніяхъ закона

останавливался на обсужденіи и разрѣшеніи тѣхъ правовыхъ вопросовъ, которые возникали въ дѣлахъ, подлежавшихъ его разсмотрѣнію. Въ другомъ мѣстѣ настоящей книги (отдѣлъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, стр. 274—277) приведены данныя, указывающія какъ на общее число состоявшихся по дѣламъ петроградскаго съѣзда рѣшеній правительствующаго сената, такъ и на число рѣшеній сената, которыми кассаціонныя жалобы на рѣшенія и приговоры съѣзда оставлялись безъ послѣдствій, или же рѣшенія и приговоры съѣзда отмѣнялись. По этимъ даннымъ можно убѣдиться, что въ большинствѣ случаевъ кассаціонныя жалобы, приносимыя на рѣшенія и приговоры съѣзда, оставлялись сенатомъ безъ послѣдствій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшенія и приговоры петроградскаго съѣзда отмѣнялись, такая отмѣна весьма часто вызывалась не неправильнымъ примѣненіемъ или толкованіемъ съѣздомъ матеріальныхъ и процессуальныхъ законовъ, а такими нарушеніями чисто формальнаго характера, какимъ представляется несоблюденіе съѣздомъ требованій ст. ст. 129, 142 у. г. с. Однако, какъ показываетъ предшествующее изложеніе, нерѣдко сенатъ не соглашался съ соображеніями съѣзда, положенными имъ въ основаніе его рѣшеній и приговоровъ, и эти приговоры и рѣшенія отмѣнялъ или по нарушенію предписаннаго судопроизводственными уставами процессуальнаго порядка, или по неправильному примѣненію и толкованію тѣхъ матеріальныхъ законовъ, на которыхъ съѣздъ основывалъ разрѣшеніе дѣла или, наконецъ, по несоблюденію съѣздомъ предѣловъ своего вѣдомства.

При этомъ сенату приходилось иногда указывать съѣзду на допускаемыя имъ крупныя ошибки, вызываемыя недостаточнымъ знакомствомъ съ законами или неправильнымъ пониманіемъ прямого ихъ смысла. Такого рода указанія чаще всего встрѣчались въ первые годы дѣятельности мирового суда, когда отъ вновь образованныхъ и неопытныхъ еще судебно-мировыхъ учрежденій естественно было ожидать существенныхъ ошибокъ и значительныхъ

промаховъ. Иногда отмѣна рѣшеній съѣзда въ кассаціонномъ порядкѣ объяснялась тѣмъ, что при разрѣшеніи ряда однородныхъ дѣлъ съѣздъ и сенатъ исходили изъ противоположныхъ отправныхъ точекъ зрѣнія по основному вопросу толкованія подлежавшихъ примѣненію въ этихъ дѣлахъ законовъ. Такъ, мы видѣли, что почти всѣ рѣшенія съѣзда по рабочимъ дѣламъ отмѣнялись сенатомъ. Признавая неправильнымъ принимаемое съѣздомъ толкованіе тѣхъ постановленій устава о промышленности, которыми нормируется договоръ фабрично-заводскаго личнаго найма, и, въ частности, не раздѣляя соображеній съѣзда по вопросу о вліяніи на силу этого договора пріостановки производства въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности вслѣдствіе забастовки рабочихъ, сенатъ, исходя изъ противоположной точки зрѣнія въ пониманіи соотвѣтствующихъ законовъ, послѣдовательно отмѣнялъ всѣ рѣшенія съѣзда по рабочимъ дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ въ ту или другую сторону зависѣло отъ того или иного истолкованія спеціальныхъ узаконеній, содержащихся въ уставѣ о промышленности. Изъ предшествующаго изложенія можно видѣть, что съѣзду не рѣдко приходилось высказываться въ своихъ рѣшеніяхъ по такимъ вопросамъ, которые впервые возникали въ судебной практикѣ и ранѣе не были предметомъ кассаціонныхъ разъясненій сената; разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ иныхъ случаяхъ, когда оно не предусматривалось прямыми постановленіями закона, требовало отъ съѣзда вполнѣ самостоятельнаго, систематическаго и аналогическаго, толкованія дѣйствующихъ законовъ. Правительствующій сенатъ не всегда соглашался съ тѣмъ разрѣшеніемъ такого рода вопросовъ, къ которому приходилъ съѣздъ, прибѣгая къ толкованію законовъ по аналогіи или на основаніи общаго ихъ смысла. Мы должны, однако, отмѣтить, что правительствующій сенатъ нерѣдко вполнѣ присоединялся къ соображеніямъ и конечнымъ выводамъ съѣзда по дѣламъ, въ которыхъ на обсужденіе и разрѣшеніе съѣзда ставились вновь возникавшіе въ судебной

практикѣ вопросы. Въ нашемъ изложеніи приведено не мало примѣровъ такого рода сенатскихъ рѣшеній. Вспомнимъ рѣшенія съѣзда по вопросамъ о спецификаціи чужой движимой вещи (рѣш. сената 1912 г. № 3), объ обязательныхъ постановленіяхъ административной власти, какъ основаніи къ возникновенію гражданскихъ правъ (рѣш. сената 1910 г. № 9), о сохраненіи договоромъ имущественнаго найма силы съ перемѣной хозяина имущества (рѣш. сената 1869 г. № 882, 1870 г. № 1794), объ обстоятельствахъ, освобождающихъ обязавшуюся по договору имущественнаго найма сторону отъ уплаты обусловленной неустойки (рѣш. сената 1900 г. № 62) и многія другія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съѣздъ, разрѣшая вопросы, уже бывшіе ранѣе предметомъ кассаціонныхъ разъясненій, въ основу своихъ рѣшеній полагалъ новыя, еще не высказанныя сенатомъ, соображенія, къ которымъ присоединялся и правительствующій сенатъ. Въ своемъ мѣстѣ нами указывалось, что одно изъ первыхъ рѣшеній сената по вопросу о примѣненіи ст. 29 уст. нак. состоялось по дѣлу петроградскаго съѣзда. Вопросъ о правѣ и обязанности суда, разсматривающаго обвиненіе по ст. 29 уст. нак., входить въ оцѣнку законности тѣхъ требованій и распоряженій административной власти, неисполненіе которыхъ составляетъ предметъ обвиненія, затрагивался и въ тѣхъ рѣшеніяхъ сената, которыя по времени предшествовали рѣшенію по дѣлу петроградскаго съѣзда, но ни въ одномъ изъ этихъ рѣшеній вопросъ этотъ не подвергся со стороны сената подробному обсужденію. Впервые принципіальное и исчерпывающее обоснованіе своей точки зрѣнія дано сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Иконникова, разрѣшенному петроградскимъ съѣздомъ (рѣш. сената 1869 г. № 606). Въ основу своего приговора по дѣлу Иконникова петроградскій съѣздъ положилъ подробныя соображенія принципіальнаго характера по вопросу о правѣ суда при разсмотрѣніи обвиненій по ст. 29 уст. нак. входить въ оцѣнку законности предъявляемыхъ частнымъ лицамъ полицейскихъ требованій и административныхъ распоряженій. Вполнѣ присоединяясь къ соображеніямъ съѣзда по этому вопросу большой принципіальной важности и значенія, сенатъ своими сужденіями лишь дополняетъ и расширяетъ эти соображенія.

Надлежитъ отмѣтить также тѣ рѣшенія съѣзда по вновь возникавшимъ въ судебной практикѣ вопросамъ, которыми въ извѣстной мѣрѣ предвосхищалась позднѣйшая практика сената. Не соглашаясь первоначально съ тѣмъ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ матеріальнаго и процессуальнаго права, которое давалось съѣздомъ, и отвергая правильность принятой съѣздомъ по этимъ вопросамъ точки зрѣнія, сенатъ, измѣняя впослѣдствіи свою практику, приходилъ къ выводамъ, тождественнымъ или близко совпадающимъ съ тѣми, которые ранѣе дѣлались съѣздомъ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на приведенное нами при обзорѣ практики съѣзда по дѣламъ, возникавшимъ изъ споровъ по договорамъ имущественнаго найма, рѣшеніе съѣзда по дѣлу Полонскаго съ Тупиковымъ. Разрѣшая возникавшій въ дѣлѣ и новый для судебной практики вопросъ о судьбѣ уплаченнаго по договору имущественнаго найма задатка при неисполненіи договора уплатившимъ задатокъ нанимателемъ, съѣздъ, высказываясь въ пользу признанія за задаткомъ по договору найма имущества значенія обезпеченія договора, на этомъ основаніи призналъ, что при указанныхъ обстоятельствахъ задатокъ не подлежитъ возвращенію нанимателю. Въ первоначальныхъ своихъ рѣшеніяхъ сенатъ держался противоположной точки зрѣнія и находилъ, что спеціальныя правила о задаткѣ, постановленныя въ законѣ для договора купли-продажи недвижимости, не могутъ имѣть примѣненія къ другимъ договорамъ, въ томъ числѣ и къ договору имущественнаго найма, безъ особаго о томъ соглашенія сторонъ (рѣшенія 1874 г. № 859, 1877 г. № 219 и др.). Позднѣе сенатъ рѣзко мѣняетъ свое воз-

зрѣніе по этому вопросу и становится на ту же точку зрѣнія, которая ранѣе высказывалась петроградскимъ съѣздомъ (рѣшенія 1892 г. № 12, 1899 г. № 40 и др.). Укажемъ также на отмѣченное нами рѣшеніе сената по вопросу о правѣ стороны, выигравшей дѣло въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ сената, искать на основаніи ст. 868 у. г. с. съ противной стороны издержки кассаціоннаго производства. Мы видимъ, что въ дѣлѣ Парамоновыхъ съѣздъ, подвергнувъ весьма тщательному обсужденію этотъ новый для судебной практики вопросъ, пришелъ къ отрицательному его разрѣшенію, обосновавъ свой выводъ указаніемъ на существенное различіе въ производствѣ дѣла въ инстанціяхъ, рѣшающихъ его по существу, и въ кассаціонномъ порядкѣ. Отвергнувъ первоначально правильность принятаго съѣздомъ взгляда (рѣшеніе 1871 г. № 128), сенатъ впослѣдствіи (рѣшеніе 1876 г. № 574) значительно измѣняетъ свою прежнюю точку зрѣнія и новое рѣшеніе свое по тому же вопросу строитъ на соображеніяхъ, по содержанію своему совпадающихъ съ сужденіями съѣзда въ дѣлѣ Парамоновыхъ.

Ограничиваясь этими бѣглыми замѣчаніями по поводу характеристики того отношенія, которое дѣятельность съѣзда по судебнымъ дѣламъ встрѣчала со стороны правительствующаго сената, мы можемъ высказать общее заключеніе, что сдѣланный нами обзоръ практики сената по дѣламъ петроградскаго съѣзда даетъ достаточный матеріалъ для утвержденія, что въ теченіе всей своей 50-лѣтней дѣятельности петроградскій съѣздъ всегда руководствовался основной мыслью о необходимости постановлять рѣшенія и приговоры свои въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствующими, матеріальными и процессуальными, законами. Допуская въ своей судебной дѣятельности нерѣдкія, а иногда и весьма важныя ошибки, всегда исправляемыя бдительнымъ и строгимъ надзоромъ правительствующаго сената, петроградскій съѣздъ, тѣмъ не менѣе, въ мѣру своей опытности,

силъ и разумѣнія, постоянно стремился къ тому, чтобы стоять на стражѣ дѣйствующаго закона, памятуя, что одни только его велѣнія, руководимыя чуткимъ голосомъ судейской совѣсти, могутъ служить прочнымъ основаніемъ для безпристрастнаго и справедливаго отправленія высокой задачи правосудія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мѣста заключенія.

Мѣста заключенія до постройки арестнаго дома.

Открытіе мирового суда въ Петроградѣ застало существовавшія мѣста заключенія неприспособленными для новыхъ требованій, и новыя мировыя учрежденія должны были прибѣгнуть, для заключенія арестованныхъ, къ существовавшимъ въ то время полицейскимъ и съѣзжимъ домамъ и тюрьмамъ; въ полицейскихъ и съѣзжихъ домахъ содержались подвергнутые мировыми судьями личному задержанію, въ отношеніи которыхъ лишеніе свободы было избрано мировыми судьями, какъ мѣра пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда (77 и 125 ст. у. у. с.), и тамъ же отбывали наказаніе присужденные къ аресту; въ тюрьмахъ исполнялись приговоры надъ присужденными къ тюремному заключенію и при тюрьмахъ же содержались лица привилегированныхъ сословій, приговоренные мировыми судьями къ аресту. Ни въ дѣлахъ мирового съѣзда, ни въ производствѣ городской думы нѣтъ какихъ-либо слѣдовъ того, чтобы съѣздъ или дума одновременно съ открытіемъ мирового суда или въ ближайшее время предпринимали какіе-либо шаги для устройства особыхъ арестныхъ помѣщеній, какъ этого требовалъ законъ (190 ст. у. у. с.),

несмотря на то, что уже 19 іюля 1866 г. были обнародованы высочайше утвержденныя 4 іюля правила о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей [1]) и 4 ноября 1866 г. послѣдовалъ указъ правительствующаго сената по 1-му департаменту, при которомъ была сообщена, для свѣдѣнія и руководства, составленная министромъ внутреннихъ дѣлъ инструкція объ устройствѣ арестныхъ помѣщеній [2]).

Вопросъ объ устройствѣ помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей былъ, тѣмъ не менѣе, выдвинутъ на очередь тюремными и полицейскими властями: это произошло вслѣдствіе того, что съ открытіемъ новыми судебными установленіями своихъ дѣйствій число срочныхъ и подслѣдственныхъ арестантовъ уже въ сентябрѣ 1866 г. настолько возросло, что въ тюрьмахъ стало не хватать мѣста для ихъ размѣщенія: такъ, попечительный о тюрьмахъ комитетъ сообщаетъ министру внутреннихъ дѣлъ, что число присужденныхъ къ срочному содержанію арестантовъ, не доходившее до 25 человѣкъ, возросло до 260, увеличилось и число слѣдственныхъ арестантовъ: въ тюремномъ замкѣ, устроенномъ на 600 человѣкъ, содержалось 980 [3]). По свѣдѣніямъ петроградскаго губернатора изъ 1.075 арестантовъ, содержавшихся въ тюремномъ замкѣ, 436 присуждены къ срочному заключенію мировыми судьями; при этомъ тюремный замокъ былъ до того переполненъ, что нельзя было оставлять заключенныхъ въ такой тѣснотѣ безъ вреда для ихъ здоровья и, судя по возраставшему числу заболѣваній, можно было опасаться заразныхъ болѣзней и усиленія смертности, въ особенности съ наступленіемъ зимняго времени, когда стало бы уже невозможно держать въ камерахъ окна постоянно открытыми и этимъ освѣжать удушливый острожный воздухъ [4]).

[1]) Собр. узак. № 63, ст. 493.
[2]) Дѣло съѣзда 1866 г. № 44.
[3]) Журн. расп. засѣд. 17 сентября 1866
[4]) Тамъ же.

Въ виду крайняго переполненія тюремнаго замка петроградскій губернаторъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, просилъ городского голову немедленно предложить городскому обществу войти въ обсужденіе вопроса объ устройствѣ помѣщеній для подвергаемыхъ аресту мировыми судьями, а также о томъ, куда вывести изъ тюремнаго замка и гдѣ впредь содержать приговоренныхъ мировыми судьями къ заключенію до окончанія постройкой постоянной тюрьмы для срочныхъ арестантовъ.

6 октября 1866 года общая дума, раздѣляя соображенія о необходимости немедленнаго перевода части арестантовъ въ другое помѣщеніе, поручила комиссіи для разсмотрѣнія городскихъ расходовъ и финансовыхъ дѣлъ обсудить вопросъ объ устройствѣ помѣщенія для подвергаемыхъ аресту мировыми судьями, для чего подыскать удобное зданіе.

22 октября комиссія уже изготовила докладъ [1]) и предложила думѣ, за неимѣніемъ помѣщеній вполнѣ подходящихъ и удобныхъ, временно устроить помѣщеніе для подвергаемыхъ аресту въ аракчеевскихъ казармахъ, въ которыхъ военное министерство предлагало отвести для этой цѣли флигель, занятый проходящими казармами; въ этомъ флигелѣ могло быть помѣщено 100 арестантовъ, приспособленіе же его, по незначительности передѣлокъ, обошлось бы всего около 163 рублей. Этимъ комиссія не считала вопросъ окончательно разрѣшеннымъ: такой выходъ признавался только временнымъ, такъ какъ флигель аракчеевскихъ казармъ далеко не соотвѣтствовалъ дѣйствительной потребности, но въ виду отсутствія другого зданія необходимо было приспособить его подъ помѣщеніе для арестуемыхъ для предупрежденія вредныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти отъ постояннаго чрезмѣрнаго скопленія арестантовъ въ тюремномъ замкѣ; поэтому комиссія полагала необходимымъ поручить распорядительной думѣ и мировому съѣзду безотлагательно обсудить вопросъ, въ какихъ пунктахъ должны быть устроены помѣщенія для подвергаемыхъ аресту, и достаточно ли будетъ для Петрограда одного такого помѣщенія. Комиссія при этомъ отмѣтила, что хотя въ помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту могутъ содержаться и обвиняемые, въ отношеніи къ которымъ мѣрой пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда избрано личное задержаніе, но такъ какъ для такого рода арестантовъ, независимо отъ тюремнаго замка, существовали еще особыя помѣщенія при каждомъ съѣзжемъ домѣ, то, при устройствѣ постояннаго помѣщенія, необходимо имѣть въ виду только лицъ, подвергаемыхъ мировыми судьями срочному аресту.

[1]) Изв. Гор. Д. 1866 г. стр. 1165.

Докладъ комиссіи 1 декабря 1866 г. былъ заслушанъ общей думой, которая, раздѣливъ соображенія комиссіи, постановила устроить временное помѣщеніе для подвергаемыхъ аресту мировыми судьями во флигелѣ аракчеевскихъ казармъ и войти безотлагательно совмѣстно съ мировымъ съѣздомъ въ предварительное обсужденіе вопроса объ устройствѣ постояннаго помѣщенія для лицъ, подвергаемыхъ аресту мировыми судьями, принявъ при этомъ во вниманіе, что хотя, по силѣ 8 пункта высочайше утвержденныхъ правилъ [1]), въ помѣщеніи для подвергаемыхъ аресту могутъ быть содержимы и обвиняемые, подвергаемые личному задержанію, но такъ какъ для этого рода арестантовъ, независимо отъ тюремнаго замка, существуютъ еще особыя помѣщенія при съѣзжихъ домахъ, то со стороны города слѣдуетъ ограничиться устройствомъ помѣщенія только для лицъ, подвергаемыхъ срочному аресту.

Но несмотря на постановленіе думы и на затрату городскихъ средствъ на приспособленіе флигеля аракчеевскихъ казармъ подъ помѣщеніе для подвергаемыхъ

[1]) Высочайше утвержденное 4 іюля 1866 г. мнѣніе государственнаго совѣта о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей.

аресту по приговорамъ мировыхъ судей, флигель этотъ никогда не служилъ для той цѣли, для которой предназначался думой: министерство внутреннихъ дѣлъ, озабоченное однимъ — уменьшить переполненіе тюремнаго замка, обратило это помѣщеніе во временную тюрьму для срочныхъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства, каковой оно служило до устройства новой тюрьмы въ винномъ городкѣ на выборгской сторонѣ [1]), подвергаемые же аресту продолжали отбывать наказаніе въ полицейскихъ домахъ и при тюрьмахъ.

Не осуществилось и безотлагательное обсужденіе вопроса объ устройствѣ постояннаго помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей: вопросъ этотъ вовсе не поднимался до 1871 года, когда мировой съѣздъ и губернаторъ настоятельно стали напоминать думѣ о необходимости устроить арестное помѣщеніе.

Мировой съѣздъ, обсудивъ въ распорядительномъ засѣданіи 2 сентября 1871 года, по предложенію предсѣдателя съѣзда Н. А. Неклюдова, вопросъ о необходимости устроить арестныя помѣщенія, нашелъ, что судебные уставы 20 ноября 1864 г., установивъ мировыя судебныя учрежденія отдѣльно отъ общихъ судовъ, исходили изъ той мысли, что и мѣста заключенія для лицъ, осужденныхъ мировымъ судомъ, должны быть отдѣльны отъ устроенныхъ для лицъ, осужденныхъ приговорами судовъ общихъ. Согласно сему въ ст. 190 у. у. с. выражено положительно, что „осужденные къ аресту содержатся въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ для того въ мировыхъ участкахъ“, арестъ же при полиціи сохраненъ судебными уставами только какъ временная мѣра (прим. къ 190 ст. у. у. с.); дальнѣйшими узаконеніями опредѣлены правила о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей (4 іюля 1866 г.) и инструкція объ устройствѣ таковыхъ помѣщеній (4 ноября

[1]) Дѣло съѣзда 1866 г. № 3.

1866 г.). Насколько законодательство наше считало настоятельнымъ и необходимымъ устройство вышеупомянутыхъ особыхъ мѣстъ для ареста, это видно изъ объяснительной записки 1863 г. стр. 76 и 77, гдѣ высказано прямо, „что неимѣніе при мировыхъ участкахъ особыхъ помѣщеній для содержанія приговоренныхъ къ аресту повлекло бы за собою то опасное послѣдствіе, что лица, виновныя въ нарушеніяхъ незначительныхъ и совсѣмъ не безчестныхъ, подверглись бы заключенію въ общей тюрьмѣ или при полиціи вмѣстѣ съ отъявленными ворами и состоящими подъ слѣдствіемъ по самымъ важнымъ и позорнымъ преступленіямъ“. Не останавливаясь на ясной для каждаго необходимости устройства въ Петроградѣ особыхъ мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, мировой съѣздъ, принявъ во вниманіе, что устройство подобныхъ помѣщеній зависитъ отъ городской думы, что они давно уже устроены въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, что мировыми судьями собраны и отправлены въ городскую думу съ 1866 г. по августъ мѣсяцъ 1871 г. 134.000 рублей штрафныхъ денегъ, сумма вполнѣ достаточная на устройство не только одного, но даже нѣсколькихъ мѣстъ заключенія, постановилъ: просить думу принять зависящія отъ нея мѣры къ безотлагательному устройству требуемыхъ судебными уставами мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей. Съѣздъ счелъ необходимымъ обратить вниманіе думы, что значительность количества лицъ, подвергаемыхъ аресту, и добытыя практикой данныя требуютъ устройства слѣдующихъ мѣстъ заключенія: 1) для лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію; 2) для подслѣдственныхъ арестантовъ мужского пола и для лицъ того же пола, присужденныхъ къ аресту или подвергаемыхъ такому же наказанію въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ денежнаго взысканія; 3) для подслѣдственныхъ арестантовъ женскаго пола и для лицъ того же пола, присужденныхъ къ аресту; такъ какъ количество лицъ женскаго пола несравненно менѣе коли-

чества присужденныхъ къ аресту мужчинъ, то было бы удобно и полезно соединить съ помѣщеніями для женщинъ и помѣщенія для несовершеннолѣтнихъ, присужденныхъ къ аресту [1]).

Петроградскій губернаторъ 9 февраля 1872 года напоминалъ городскому головѣ, что онъ еще въ февралѣ 1871 года просилъ передать на обсужденіе думы вопросъ о постройкѣ арестнаго дома; устроить помѣщеніе для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей необходимо, такъ какъ по свидѣтельству товарища министра внутреннихъ дѣлъ г.-м. Шидловскаго тюрьмы столицы находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи и къ тому же переполнены арестантами; мѣста заключенія при полицейскихъ домахъ, замѣняющія арестныя помѣщенія, находятся не въ лучшемъ положеніи, потому что число заключенныхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ количество отведенныхъ для нихъ мѣстъ, и такимъ образомъ выходитъ, что обвиняемые въ незначительныхъ проступкахъ несутъ болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ осужденные за преступленія [2]).

Послѣ этихъ напоминаній вопросъ о постройкѣ помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и подслѣдственныхъ арестантовъ былъ вновь переданъ на обсужденіе комиссіи для разсмотрѣнія городскихъ росписей и финансовыхъ дѣлъ; комиссія въ докладѣ отъ 1 декабря 1871 г. указываетъ, что хотя мировой съѣздъ и высказалъ мнѣніе, что всѣ мѣста заключенія для лицъ, осуждаемыхъ мировыми судьями, должны быть устроены отдѣльно отъ помѣщеній для лицъ, осуждаемыхъ приговорами общихъ судовъ, но въ судебныхъ уставахъ комиссія, съ своей стороны, не только не нашла этому воззрѣнію никакого подтвержденія, а, напротивъ, изъ объясненій, помѣщенныхъ подъ статьями 1 и 27 уст. нак., усмотрѣла, что судебными уставами заключеніе въ тюрьмѣ принято взамѣнъ со-

[1]) Дѣло съѣзда 1871 г. № 41; опредѣленіе составлено Н. А. Неклюдовымъ.
[2]) Изв. Гор. Д. 1872 г., стр. 226.

держанія въ рабочемъ домѣ, единственно въ видахъ облегченія административной власти при исполненіи судебныхъ приговоровъ, а затѣмъ всѣ исправительно-карательныя учрежденія, къ числу которыхъ отнесены и тюрьмы, признано необходимымъ оставить подъ непосредственнымъ надзоромъ правительственной власти. Такимъ образомъ, къ устройству новыхъ помѣщеній для лицъ, присужденныхъ мировыми судьями къ тюремному заключенію, не представляется никакого основанія, вопросъ же объ устройствѣ помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и о порядкѣ содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ уже разрѣшенъ постановленіемъ думы отъ 1 декабря 1866 года, почему, по мнѣнію комиссіи, слѣдовало бы вновь поручить распорядительной думѣ нынѣ же въ соединенномъ присутствіи съ мировыми судьями войти въ обсужденіе вопросовъ, гдѣ должны быть построены арестныя помѣщенія, о размѣрахъ ихъ и необходимыхъ на устройство и содержаніе ихъ суммахъ [1]).

Въ засѣданіи 25 апрѣля 1872 года общая дума, соглашаясь съ доводами комиссіи, постановила: ограничиться устройствомъ на счетъ города помѣщеній только для лицъ, приговоренныхъ мировыми судьями къ кратковременному аресту, поручивъ особой комиссіи составленіе необходимыхъ соображеній, какъ о пунктахъ, гдѣ должны быть устроены таковыя помѣщенія, такъ и о размѣрѣ послѣднихъ и о суммахъ, потребныхъ на устройство и содержаніе оныхъ [2]).

Несмотря на рѣшеніе думы ограничиться постройкой арестнаго дома, предназначеннаго только для приговоренныхъ къ краткосрочному аресту, мировой съѣздъ не могъ оставить безъ вниманія крайне неудовлетворительное состояніе арестантскихъ помѣщеній при полицейскихъ домахъ, въ которыхъ содержались и впредь должны были содержаться подвергнутые личному задер-

[1]) Изв. Гор. Д. 1872 г., стр. 211.
[2]) Изв. Гор. Д. 1872 г., стр. 592.

жанію, и въ распорядительномъ засѣданіи 7 сентября 1872 года „остановился на необходимости заявить городскому обществу настоятельную потребность въ особыхъ мѣстахъ заключенія для подслѣдственныхъ арестантовъ мужского и женскаго пола и отдѣленія для несовершеннолѣтнихъ". Неудовлетворительное состояніе арестантскихъ помѣщеній при частяхъ города, гдѣ, въ крайней тѣснотѣ, заключаются въ одну общую комнату и подслѣдственные арестанты по важнымъ преступленіямъ, и арестованные по приговорамъ мировыхъ судей, и даже пьяные для ихъ вытрезвленія, хорошо извѣстно городскому управленію, въ которомъ неоднократно возбуждались по этому предмету основательныя жалобы. Достаточно указать, въ видѣ примѣра, на выборгскую часть, въ которой имѣется одна небольшая общая арестантская комната для мужчинъ и еще меньшая комната для женщинъ, съ единственнымъ входомъ туда чрезъ мужскую арестантскую. Многочисленные примѣры отнятія не только денегъ, но даже шейныхъ крестовъ, рубахъ и сапогъ, а также нанесенія опасныхъ побоевъ содержащимся арестантамъ доказываютъ необходимость улучшить арестантскія помѣщенія при полицейскихъ частяхъ. Ближайшимъ къ тому средствомъ служитъ устройство отдѣльныхъ помѣщеній для подслѣдственныхъ арестантовъ во время производства о нихъ дѣлъ у мировыхъ судей, на что̀ указано и въ ст. 8 высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта по этому предмету 4-го іюля 1866 г., гдѣ сказано, что въ помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту могутъ быть содержимы и обвиняемые, подвергнутые личному задержанію; эти лица содержатся отдѣльно отъ приговоренныхъ къ аресту. Въ виду изложенныхъ соображеній съѣздъ мировыхъ судей просилъ городское общественное управленіе поручить комиссіи по устройству мѣстъ заключеній для лицъ, подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей, подготовить необходимыя данныя и для устройства помѣщенія для обвиняемыхъ, подвергнутыхъ личному задержанію, впредь до постановленія о нихъ мировыми судьями приговоровъ, съ отдѣленіемъ лицъ женскаго пола отъ мужского и малолѣтнихъ отъ совершеннолѣтнихъ [1]).

Это указаніе съѣзда на необходимость устройства помѣщенія для подслѣдственныхъ арестантовъ было передано на заключеніе той же особой комиссіи, которой было поручено составленіе доклада объ устройствѣ мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей.

Комиссія [2]), начавъ работу съ осени 1872 года, представила докладъ въ началѣ 1873 года; комиссія нашла, что для проектируемаго арестнаго дома слѣдуетъ выстроить новое зданіе, такъ какъ приспособить для этой цѣли какой-либо принадлежащій городу или частный домъ, помимо большихъ техническихъ затрудненій, обошлось бы очень дорого, почти что не дешевле постройки новаго.

Разсчитывая, на сколько лицъ долженъ быть устроенъ арестный домъ, комиссія взяла за основаніе данныя о числѣ подвергнутыхъ аресту въ 1871 г.: такихъ оказалось 3.215 осужденныхъ къ аресту на 27.890 дней или каждый въ среднемъ около 9 дней, на каждыя же сутки пришлось по 82 человѣка; но такъ какъ число это было взято за одинъ годъ и могло со временемъ увеличиться, то во избѣжаніе тѣсноты и даже недостатка въ помѣщеніяхъ, предлагалось устроить таковыя на 160 лицъ. Для арестныхъ помѣщеній комиссія предлагала возвести одно зданіе, что̀ представлялось болѣе экономичнымъ, какъ въ отношеніи матеріаловъ при постройкѣ дома, такъ и издержекъ на содержаніе штата служащихъ, необходимыхъ при двухъ домахъ въ двойномъ количествѣ.

Для постройки арестнаго дома комиссія выбрала мѣсто въ александро-невской части, на александровскомъ военномъ плацѣ, по набережной рѣки Мона-

[1]) Дѣло съѣзда 1873 г., № 106.
[2]) Изв. Гор. Д. 1873 г., стр. 347.

стырки, какъ наиболѣе удобное изъ другихъ, имѣвшихся въ виду, по близости къ центру города и наиболѣе населенное. Зданіе подъ арестный домъ должно было быть возведено каменное, въ 3 этажа, заключать въ себѣ 49 мужскихъ и 11 женскихъ комнатъ на 160 человѣкъ; каждая комната разсчитана была на 3 человѣка, за исключеніемъ 8, предназначенныхъ для одного заключеннаго каждая; въ такія комнаты предполагалось помѣщать арестованныхъ, пребываніе съ которыми было бы невыносимо для другихъ заключенныхъ по распространяемому ими тяжелому или непріятному запаху (п. 8 инструкціи). Домъ вмѣщалъ бани, прачешныя, мастерскія, лазареты, и въ особомъ строеніи помѣщались ледники, камеры съ нагрѣвательными печами для выкуриванія насѣкомыхъ въ бѣльѣ и платьѣ. Въ личный составъ служащихъ комиссія предполагала привлечь людей нравственно благонадежныхъ, обезпечивъ ихъ достаточнымъ денежнымъ содержаніемъ сверхъ отвода квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Составъ служащихъ предполагался состоящимъ изъ начальника арестнаго дома, его помощника (дѣлопроизводителя), надзирательницы женскаго отдѣленія арестнаго дома, экономки, 2 вахтеровъ, 6 привратниковъ, 12 корридорныхъ, 3 служительницъ для надзора за женщинами, 2 кашеваровъ, 2 дворниковъ, врача и постояннаго священника. Стоимость возведенія предполагаемаго арестнаго дома вмѣстѣ съ меблировкой его и пріобрѣтеніемъ всѣхъ нужныхъ предметовъ обзаведенія обошлась бы по подсчету комиссіи въ 251.829 руб. 44 коп. и годовое штатное содержаніе составило бы 24.704 руб. 27 коп.

Обсудила комиссія и указаніе мирового съѣзда на необходимость устройства особаго помѣщенія для подслѣдственныхъ арестантовъ; осмотромъ арестантскихъ помѣщеній въ полицейскихъ домахъ подтвердилось ихъ невозможное состояніе: въ казанской части въ помѣщеніе для вытрезвленія пьяныхъ, разсчитанное на 25 мѣстъ, сажали свыше, чѣмъ вдвое пьяныхъ, подобранныхъ на улицахъ въ разныхъ степеняхъ опьяненія и полнаго раздраженія; присутствіе въ этой средѣ нѣсколькихъ субъектовъ, дошедшихъ до горячечнаго состоянія и предоставленныхъ самимъ себѣ, безъ всякаго надзора, было причиной прискорбныхъ событій и преступленій. Въ спасской части недостаетъ мѣста для пришлыхъ бѣдняковъ, выпрашивающихъ у полиціи пріютъ и кровъ на ночь и принимаемыхъ безъ отказа, чтобы предупредить и оградить ихъ отъ случайностей ночного шатанья по городу; люди эти размѣщаются какъ кому изъ нихъ придется на нары, подъ нары, по плитному полу и гдѣ только возможно, скорчившись прилечь. Въ выборгской части поднимаемые на улицахъ пьяные помѣщаются до вытрезвленія ихъ въ одну комнату съ прочими арестуемыми: и по приговорамъ мировыхъ судей, и подслѣдственными, и задерживаемыми при полиціи; случаются тамъ драки и насилія, когда опьянѣлые до бѣшенства не могутъ быть отдѣлены въ занятые уже карцеры и только все болѣе раздражаются отъ окружающей ихъ среды иногда подсмѣивающихся, а иногда ужасающихся и трепещущихъ предъ ними невольныхъ сожителей, несмотря на непрерывное присутствіе сторожей и призываемой на помощь всей служительской команды. Но несмотря на то, что ужасающія условія содержанія арестованныхъ въ полицейскихъ домахъ вполнѣ подтвердились, и сама комиссія пришла къ убѣжденію, что при такихъ важныхъ и вопіющихъ недостаткахъ въ устройствѣ полицейскихъ домовъ въ нихъ могутъ повториться уже совершавшіеся грабежи и убійства, свойственные, по выраженію комиссіи, только разбойничьимъ притонамъ, комиссія не раздѣлила убѣжденія съѣзда о необходимости устроить особыя помѣщенія для подвергаемыхъ личному задержанію: арестантскія помѣщенія будутъ, по мнѣнію комиссіи, менѣе переполняться съ открытіемъ дома предварительнаго заключенія для подслѣдственныхъ арестантовъ, числящихся за общими судебными мѣстами; смущали комиссію и значительные

расходы на увеличеніе числа служащихъ и содержаніе перевозочныхъ средствъ для доставленія арестованныхъ въ камеры мировыхъ судей, а главное, приговоромъ думы 25 апрѣля 1872 г. уже было рѣшено ограничиться устройствомъ помѣщеній только для приговоренныхъ мировыми судьями къ кратковременному аресту; но, все-таки, комиссія, конечно, не могла рѣшиться оставить арестантскія помѣщенія при полицейскихъ домахъ въ томъ же положеніи и указывала думѣ въ своемъ докладѣ на необходимость произвести нѣкоторыя передѣлки для расширенія этихъ помѣщеній, а въ домѣ спасской части и надстройку трехъ этажей на дворовомъ флигелѣ.

Докладъ особой комиссіи былъ предложенъ на обсужденіе думы 20 іюня 1873 года, но по существу не разсматривался, а былъ переданъ на предварительное обсужденіе городской управы и мирового съѣзда [1]); совмѣстное засѣданіе управы и съѣзда состоялось 26 іюля того же года [2]); докладъ комиссіи вызвалъ пренія по двумъ вопросамъ: о числѣ мѣстъ для арестованныхъ и о системѣ заключенія. По первому вопросу было высказано мнѣніе (городскимъ головою Н. Н. Медвѣдевымъ и поддержано членомъ управы А. К. Фревилемъ), что имѣть въ арестномъ домѣ 160 мѣстъ излишне, достаточно и 100, такъ какъ по разсчету комиссіи въ среднемъ ежедневно должно содержаться по 82 человѣка, удвоеніе же этой цифры ничѣмъ не обосновано. Н. А. Неклюдовъ настаивалъ на количествѣ мѣстъ, опредѣленномъ комиссіей, указывая, что, рѣшивъ приступить къ постройкѣ арестнаго дома на новыхъ началахъ, необходимо, чтобы въ арестныхъ помѣщеніяхъ уже не было недостатка и, затѣмъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что, кромѣ присужденныхъ собственно къ аресту, въ арестномъ домѣ будутъ содержаться несостоятельные къ уплатѣ штрафа, да и число арестованныхъ распредѣляется по

[1]) Изв. Гор. Д. 1873 г., стр. 691.
[2]) Изв. Гор. Д. 1873 г., стр. 980.

временамъ года весьма неравномѣрно. Рѣшено было устроить арестный домъ на 160 человѣкъ, причемъ 10 комнатъ приспособить такъ, чтобы онѣ могли присоединяться какъ къ мужскому, такъ и женскому отдѣленіямъ.

По вопросу о томъ, сколько помѣщать въ каждой комнатѣ заключенныхъ, Н. А. Неклюдовъ заявилъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ принять за основаніе систему одиночнаго заключенія, подъ которымъ онъ подразумѣваетъ не такъ называемое келейное заключеніе, а простое содержаніе каждаго осужденнаго въ отдѣльной камерѣ днемъ и ночью, не устраняя возможности занятій, прогулокъ, обѣда и т. п. въ общихъ комнатахъ и совмѣстно съ другими; такая система одиночнаго заключенія на короткій срокъ предпочтительна предъ всѣми прочими не только съ точки зрѣнія охраненія общественной пользы и безопасности, но и съ точки зрѣнія пользы и блага самихъ осужденныхъ; система же совмѣстнаго заключенія, хотя бы и 3 человѣкъ въ каждую комнату, превратила бы арестный домъ для многихъ не въ мѣсто наказанія, а въ мѣсто отдыха на казенномъ иждивеніи. Н. Н. Медвѣдевъ и А. К. Фревиль поддерживали заключеніе комиссіи, указывая, что по смыслу инструкціи объ устройствѣ арестныхъ помѣщеній слѣдуетъ придти къ выводу, что арестованные должны содержаться по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, такъ какъ инструкція только ограничиваетъ число арестованныхъ 10 въ каждой комнатѣ. Баллотировкой рѣшено устроить помѣщенія въ арестномъ домѣ такъ, чтобы для каждаго арестованнаго была отдѣльная комната; другія же помѣщенія, какъ-то: столовая, мастерскія и мѣсто для прогулокъ арестованныхъ должны быть общія. Докладъ комиссіи въ прочихъ частяхъ былъ единогласно одобренъ.

Наконецъ, 25 апрѣля 1874 года, городская дума въ засѣданіи, съ участіемъ мировыхъ судей, утвердила предположенія комиссіи о постройкѣ арестнаго дома на 160 человѣкъ, постановивъ, чтобы въ одной комнатѣ помѣща-

лось по одному заключенному [1]); но 4 декабря 1874 года градоначальникъ увѣдомилъ городского голову, что министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, призналъ, что помѣщеніе арестованныхъ по одному въ каждой камерѣ, хотя и можетъ быть допущено, но не иначе, какъ въ случаѣ ихъ собственнаго на то желанія, а потому находилъ болѣе цѣлесообразнымъ устроить арестный домъ по смѣшанной системѣ, допуская въ немъ какъ одиночныя камеры, такъ и общія помѣщенія [2]). Указаніе министра внутреннихъ дѣлъ было принято къ руководству при составленіи плановъ и смѣтъ, продолжавшемся до 1876 года, когда дума постановленіемъ 25 іюня утвердила составленные архитекторами Н. Л. Бенуа и А. Р. Гешвендомъ проекты постройки арестнаго дома и смѣту расходовъ [3]). Проекты были затѣмъ представлены на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и послѣдовало въ 1877 году, и тогда же было приступлено къ постройкѣ арестнаго дома [4]).

Итакъ, вопросъ объ устройствѣ особаго помѣщенія для подвергаемыхъ мировыми судьями аресту былъ окончательно рѣшенъ и рѣшенъ такъ, что приговоренные къ аресту могли уже отбывать наказаніе, не рискуя своимъ здоровьемъ и даже жизнью, какъ то бывало раньше при необходимости помѣщать присужденныхъ къ аресту въ полицейскіе дома; но въ этихъ домахъ продолжали содержаться подвергнутые мировыми судьями личному задержанію, устроить для которыхъ особыя помѣщенія дума рѣшительно отказала; арестантскія помѣщенія полицейскихъ домовъ были значительно расширены и увеличены, ранѣе содержавшіеся въ нихъ арестанты—подслѣдственные по дѣламъ подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ и отбывавшіе арестъ по приговорамъ

[1]) Изв. Гор. Д. 1874 г., стр. 1577.
[2]) Изв. Гор. Д. 1876 г., стр. 442.
[3]) Изв. Гор. Д. 1876 г., стр. 1672.
[4]) Изв. Гор. Д. 1877 г., стр. 1123.

мировыхъ судей стали помѣщаться въ домѣ предварительнаго заключенія и въ арестномъ домѣ, и, слѣдовательно, главный недостатокъ—переполненіе сверхъ мѣры, былъ устраненъ и, надо думать, что условія содержанія ихъ стали удовлетворительными. Но съ ростомъ населенія Петрограда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преступности, а въ особенности съ увеличеніемъ числа арестованныхъ въ административномъ порядкѣ градоначальникомъ на основаніи положенія объ усиленной или чрезвычайной охранѣ, арестантскія помѣщенія полицейскихъ домовъ вновь оказались недостаточными, опять стали сверхъ мѣры переполняться. Тѣмъ не менѣе такой порядокъ терпѣлся долго, и только 17 февраля 1914 года департаментъ полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру юстиціи, что арестантскія помѣщенія при полицейскихъ домахъ, неудовлетворяющія по размѣрамъ дѣйствительной потребности, постоянно переполняются арестованными свыше нормальной вмѣстимости этихъ помѣщеній, причемъ нерѣдко въ нихъ содержится двойное и даже большее количество арестованныхъ сверхъ положеннаго; въ устраненіе тѣсноты градоначальникомъ сдѣлано распоряженіе, цѣлесообразность котораго признаетъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, о пріемѣ въ арестантскія помѣщенія полицейскихъ домовъ съ 5 марта лишь тѣхъ лицъ, для содержанія которыхъ они предназначены: задерживаемыхъ полиціею, отбывающихъ наказаніе по постановленіямъ административныхъ властей и осужденныхъ на кратковременный арестъ при полиціи по приговорамъ общихъ судебныхъ установленій. Увѣдомленіе о прекращеніи пріема лицъ, подвергаемыхъ мировыми судьями личному задержанію въ полицейскіе дома, переданное министромъ юстиціи „для зависящихъ распоряженій“ мировому съѣзду, послужило для послѣдняго основаніемъ вновь, хотя и черезъ много лѣтъ, просить городскую думу объ устройствѣ арестнаго дома для подвергаемыхъ мировыми судьями личному задержанію; въ распорядительномъ засѣданіи 13 марта 1914 года

мировой съѣздъ, обсудивъ вопросъ о прекращеніи пріема подслѣдственныхъ арестантовъ въ полицейскіе дома, нашелъ, что единственный выходъ изъ создавшагося положенія—устройство особыхъ арестныхъ помѣщеній для подвергаемыхъ мировыми судьями личному задержанію, такъ какъ тюрьмы переполнены, арестный домъ совершенно неприспособленъ для арестованныхъ этой категоріи, да и не можетъ вмѣстить всѣхъ числящихся за мировыми судьями арестованныхъ, которыхъ оказалось 300 (арестный домъ разсчитанъ на 400, ежедневно содержится въ немъ около 300), состояніе же штрафного капитала вполнѣ допускаетъ возможность постройки арестнаго помѣщенія для этой цѣли. Градоначальникъ, продолжая пока пріемъ въ полицейскіе дома, 16 апрѣля просилъ городского голову сдѣлать распоряженіе о немедленномъ переводѣ въ арестный домъ лицъ, подвергнутыхъ личному задержанію мировыми судьями и содержащихся въ полицейскихъ домахъ. Того же 16 апрѣля городская управа въ общемъ присутствіи представила думѣ о постройкѣ второго арестнаго дома, градоначальникъ же, очевидно, признавъ правильность указаній мирового съѣзда на невозможность немедленнаго перевода подвергнутыхъ личному задержанію мировыми судьями изъ полицейскихъ домовъ въ тюрьмы или арестный домъ, разрѣшилъ продолжать пріемъ арестантовъ этой категоріи въ полицейскіе дома. Для составленія проекта устройства арестныхъ помѣщеній для подвергаемыхъ мировыми судьями личному задержанію была образована особая комиссія, въ составъ которой былъ приглашенъ и предсѣдатель мирового съѣзда; комиссія имѣла нѣсколько засѣданій, собирая справки о средствахъ, имѣющихся у городского общественнаго управленія, на постройку, о свободныхъ участкахъ земли и другія предварительныя свѣдѣнія; разразившаяся въ іюлѣ война пріостановила работу комиссіи [1]).

[1]) Дѣло съѣзда 1914 г. № 5.

Мировой съѣздъ при обсужденіи вопроса о необходимости устройства второго арестнаго дома, предназначеннаго исключительно для подвергаемыхъ личному задержанію, считалъ, что наибольшимъ затрудненіемъ явится разрѣшеніе вопроса о способѣ доставленія арестантовъ въ камеры мировыхъ судей; дѣйствительно, препровожденіе ежедневно въ разные концы города около 200 человѣкъ въ одни и тѣ же, преимущественно, утренніе часы, задача не легкая и, во всякомъ случаѣ, требуетъ громадныхъ издержекъ на конвой и экипажи и, если постройка одного зданія для арестнаго помѣщенія обойдется дешевле постройки нѣсколькихъ, то организація доставленія арестованныхъ въ камеры будетъ и дорога и сложна. Эти соображенія привели мировой съѣздъ къ мысли, что необходимо вопросъ о постройкѣ второго арестнаго дома присоединить къ возникшему, почти одновременно, ходатайству мирового съѣзда, сочувственно встрѣченному и городской управой, о размѣщеніи камеръ мировыхъ судей по нѣсколько (6—8) въ одномъ, нанятомъ или спеціально выстроенномъ для этой цѣли, домѣ [1]); въ такомъ домѣ (всего ихъ понадобилось бы отъ 10 до 15) могло бы быть устроено и помѣщеніе для подвергаемыхъ личному задержанію; такое разрѣшеніе вопроса имѣло бы громадныя преимущества предъ постройкой одного арестнаго дома: способъ доставленія арестованныхъ былъ бы крайне простъ, такъ какъ они могли бы препровождаться въ камеры мировыхъ судей подъ надзоромъ разсыльныхъ безъ особаго конвоя, и только въ исключительныхъ случаяхъ требовалась бы усиленная стража, которую всегда можно было бы вытребовать изъ ближайшаго полицейскаго участка; мировые судьи имѣли бы дѣйствительное наблюденіе за правильностью содержанія арестованныхъ, облегченное, благодаря близости арестнаго помѣщенія къ камерѣ, и главное—задерживаемые только краткое

[1]) Дѣло съѣзда 1914 г. № 9.

время находились бы въ той развращающей средѣ, къ которой принадлежитъ большинство содержащихся въ арестныхъ помѣщеніяхъ полицейскихъ домовъ, названной составителями судебныхъ уставовъ „отъявленными ворами", характеристика, которая сохранила мѣткость и до нашихъ дней [1]).

Надо ждать и надѣяться, что въ скоромъ времени въ распоряженіи петроградскихъ мировыхъ судебныхъ установленій будутъ такія же образцовыя, какъ по устройству, такъ и порядкамъ, арестныя помѣщенія для подвергаемыхъ личному задержанію, какъ и арестный домъ для приговоренныхъ къ аресту.

Арестный домъ [2]).

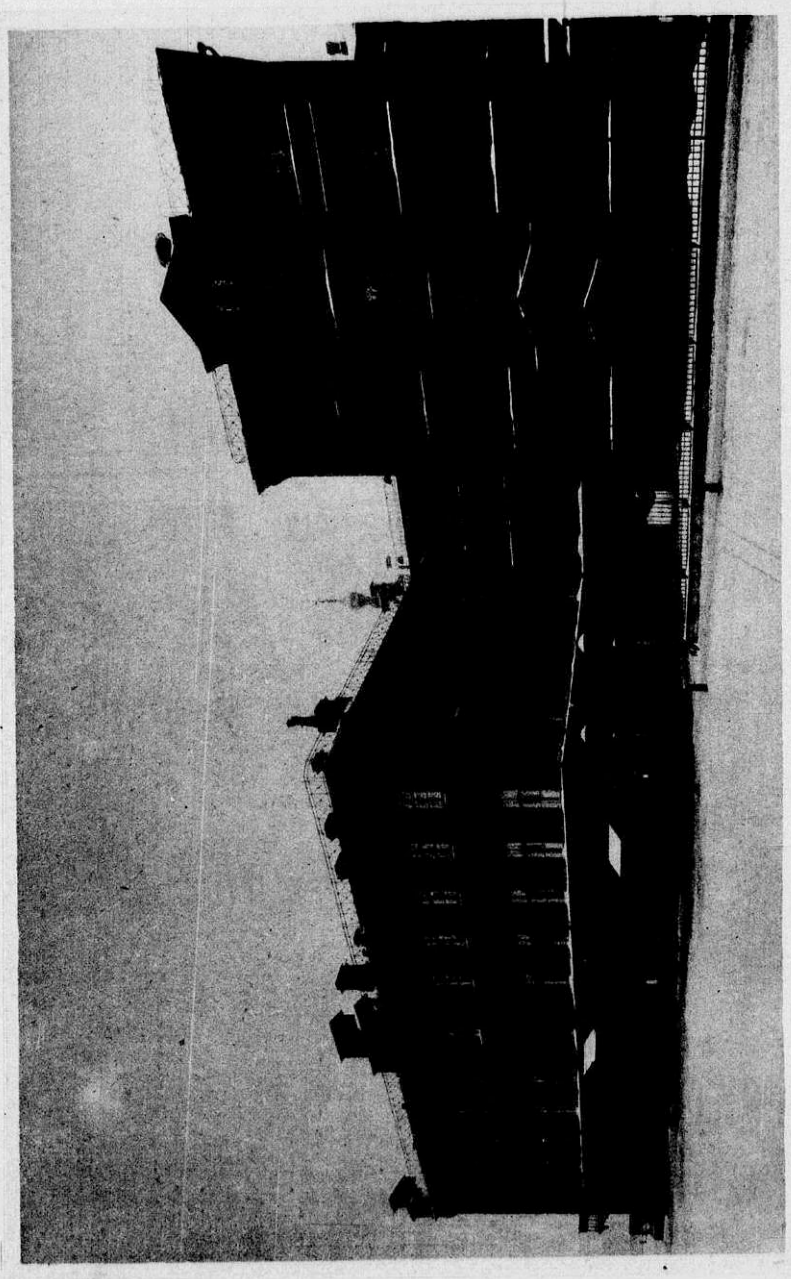
Къ постройкѣ арестнаго дома приступлено было въ 1877 г. Постройка производилась подъ руководствомъ и надзоромъ члена городской управы, профессора архитектуры Н. Л. Бенуа, въ теченіе двухъ лѣтъ и окончена въ 1880 году.

Сообразно цѣли арестнаго дома, имѣлось въ виду: съ одной стороны,—построить въ здоровой мѣстности зданіе, по возможности, просторное и удобное для заключаемыхъ, а съ другой стороны—расположить всѣ помѣщенія такъ, чтобы достигнуть полнаго разъединенія арестованныхъ отъ постороннихъ лицъ, съ отдѣльными садами или дворами, для мужчинъ и женщинъ, для хозяйства и для служащихъ лицъ.

6 января 1881 года, въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова, министра юстиціи Д. Н. Набокова, представителей общихъ судебныхъ установленій, начальника губерніи, петроградскаго

[1]) Дѣло съѣзда 1914 г. № 9.

[2]) По отчету за 1881—1910 г., составленному начальникомъ арестнаго дома Н. А. Макаревичемъ.



Городской арестный домъ.

градоначальника, петроградскаго городского головы, столичныхъ мировыхъ судей и гласныхъ городской думы, состоялось освященіе вновь выстроеннаго арестнаго дома.

Первоначально арестный домъ построенъ былъ въ три этажа и разсчитанъ былъ на 160 чел. арестованныхъ. Между тѣмъ постепенное увеличеніе числа содержащихся стало вызывать переполненіе арестнаго дома, въ особенности, въ зимнее время. Такъ какъ явленіе это не было случайнымъ, а обусловливалось ростомъ населенія столицы и расширеніемъ компетенціи мирового суда, то въ 1895 году, по ходатайству б. попечителя арестнаго дома И. А. Котомина, городской думой постановлено было расширить арестный домъ. Надстройка началась въ 1896 году и окончена въ 1897 году. При внутреннемъ устройствѣ IV этажа приняты были во вниманіе всѣ назрѣвшія нужды и примѣнены всякаго рода техническія усовершенствованія. Въ этомъ этажѣ устроена церковь (она же и столовая арестованныхъ), отдѣленіе для лицъ привилегированныхъ сословій, помѣщеніе для лицъ несовершеннолѣтнихъ, амбулаторія, аптека, лазаретъ, читальня. Съ расширеніемъ арестнаго дома нормальное число мѣстъ въ немъ доведено до 300, а съ приставными кроватями явилось возможнымъ помѣщать даже до 400 чел.

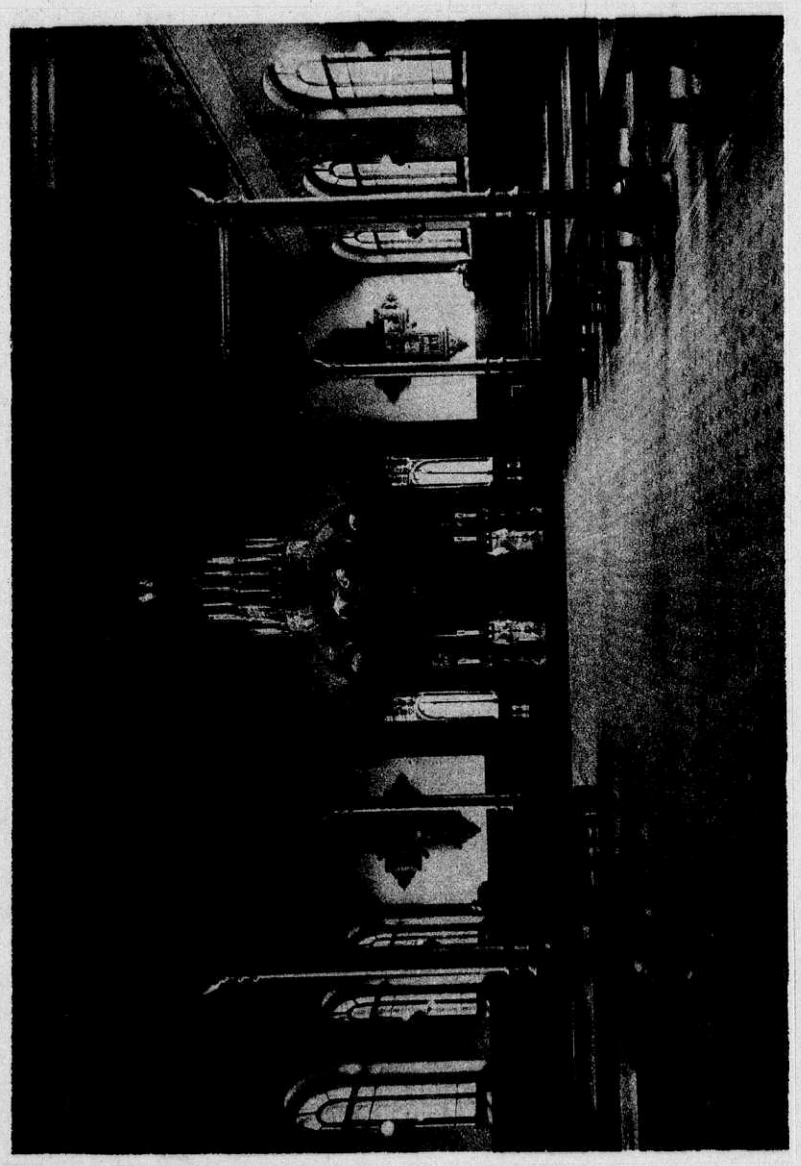
Расширеніе арестнаго дома вызвало необходимость увеличить личный составъ его администраціи, для помѣщенія котораго, однако, квартиръ не было, вслѣдствіе чего низшій персоналъ долженъ былъ тѣсниться въ подвальномъ этажѣ главнаго зданія. Въ 1906 году, по ходатайству попечителя арестнаго дома Е. Е. Колесникова, состоялось постановленіе городской думы о сооруженіи второго флигеля для устройства въ немъ квартиръ, для чего небольшой одноэтажный флигель былъ расширенъ и надстроенъ двумя этажами, по проекту архитектора М. С. Лялевича, а 1 іюля 1907 года новый флигель былъ освященъ и занятъ служебнымъ персоналомъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время арестный домъ состоитъ изъ 4-хъ-этажнаго главнаго зданія, въ которомъ помѣщаются арестованные, и двухъ 3-хъ-этажныхъ флигелей съ квартирами для служащихъ; флигеля эти расположены въ переднихъ углахъ, сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, четырехугольной площади; въ заднихъ углахъ устроены сады для арестованныхъ: въ юго-западномъ для женщинъ и въ юго-восточномъ для мужчинъ. Вся площадь занимаетъ 1.924 кв. саж.: подъ главнымъ зданіемъ 416 кв. саж., подъ флигелями для служащихъ 243 кв. саж., подъ службами 28 кв. саж., подъ оградой 44 кв. саж., подъ садами и дворами 1.193 кв. саж. Высота главнаго зданія — 9 саж., флигелей — 5,5 саж., каменной ограды — 2,5 саж. Фасады оставлены безъ штукатурки. Главное зданіе построено въ видѣ креста посрединѣ 4-хугольной площади, и лицевымъ фасадомъ выходитъ на Переяславскую улицу. Въ подвальномъ этажѣ его помѣщаются: котлы и аппараты для центральнаго отопленія и вентиляціи зданія, а равно складъ каменнаго угля; кромѣ того, тамъ же помѣщаются: карцеръ (темная комната) и особая камера (свѣтлая) для буйныхъ арестованныхъ, мастерскія: слесарная, кузнечная, портняжная, сапожная, столярная, кладовыя, прачечная для служащихъ и баня для мужского отдѣленія.

При входѣ въ арестный домъ, въ первомъ этажѣ передняго крыла, за сѣнями, помѣщаются: двѣ комнаты канцеляріи, кабинеты: попечителя, начальника арестнаго дома и его старшаго помощника, комнаты для осмотра арестованныхъ и пріема посѣтителей и комната для медицинскаго осмотра поступающихъ въ арестный домъ для отбытія наказанія.

Непосредственно затѣмъ начинается помѣщеніе для арестованныхъ, которое и раздѣляется на неимѣющія между собою никакого сообщенія отдѣленія: мужское и женское.

Во внутреннемъ расположеніи арестнаго дома при-



Церковь и столовая арестнаго дома.

нята предложенная министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи смѣшанная система, съ устройствомъ одновременно, какъ одиночныхъ камеръ для отдѣльнаго помѣщенія арестованныхъ, такъ и общихъ камеръ. Размѣщеніе камеръ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, во всѣхъ четырехъ крылахъ зданія, сходящихся къ одному центру, одно и то же: каждое крыло по серединѣ перерѣзывается корридоромъ (39 арш. длины, 6 арш. ширины и 4,5 арш. высоты—40,8 куб. саж.), по обѣимъ сторонамъ котораго расположены одиночныя и общія камеры. Размѣры одиночныхъ камеръ съ 1 окномъ: длина 6 арш., ширина 3 арш., высота 4,5 арш.; ширина общихъ камеръ отъ 6,9 до 10 арш. при той же длинѣ и высотѣ.

Мужское отдѣленіе расположено въ лѣвомъ и заднемъ корридорахъ 1-го этажа, причемъ лѣвый, въ силу необходимости, пришлось совершенно изолировать отъ остальной части мужского отдѣленія для помѣщенія въ немъ лицъ, приговариваемыхъ къ аресту за самовольное прибытіе въ столицу въ 1899 году въ немъ устроено 12 камеръ съ ватерклозетами, желѣзными подъемными кроватями, желѣзной прикрѣпленной къ поламъ и стѣнамъ мебелью. Въ заднемъ корридорѣ имѣются 16 одиночныхъ камеръ для содержанія въ нихъ лицъ, требующихъ усиленнаго надзора или подвергаемыхъ взысканіямъ за нарушеніе порядка въ арестномъ домѣ. Въ этомъ же этажѣ находится еще одна камера, приспособленная для содержанія лицъ привилегированныхъ сословій, нарушающихъ порядокъ въ отдѣленіи для привилегированныхъ, и цейхгаузъ для храненія бѣлья и одежды арестованныхъ. Во II и III этажахъ имѣются по три корридора, по преимуществу съ общими камерами, въ которыхъ содержится главная масса арестованныхъ, а въ IV этажѣ помѣщаются лишь лица привилегированныхъ сословій, несовершеннолѣтніе и больные въ лазаретѣ.

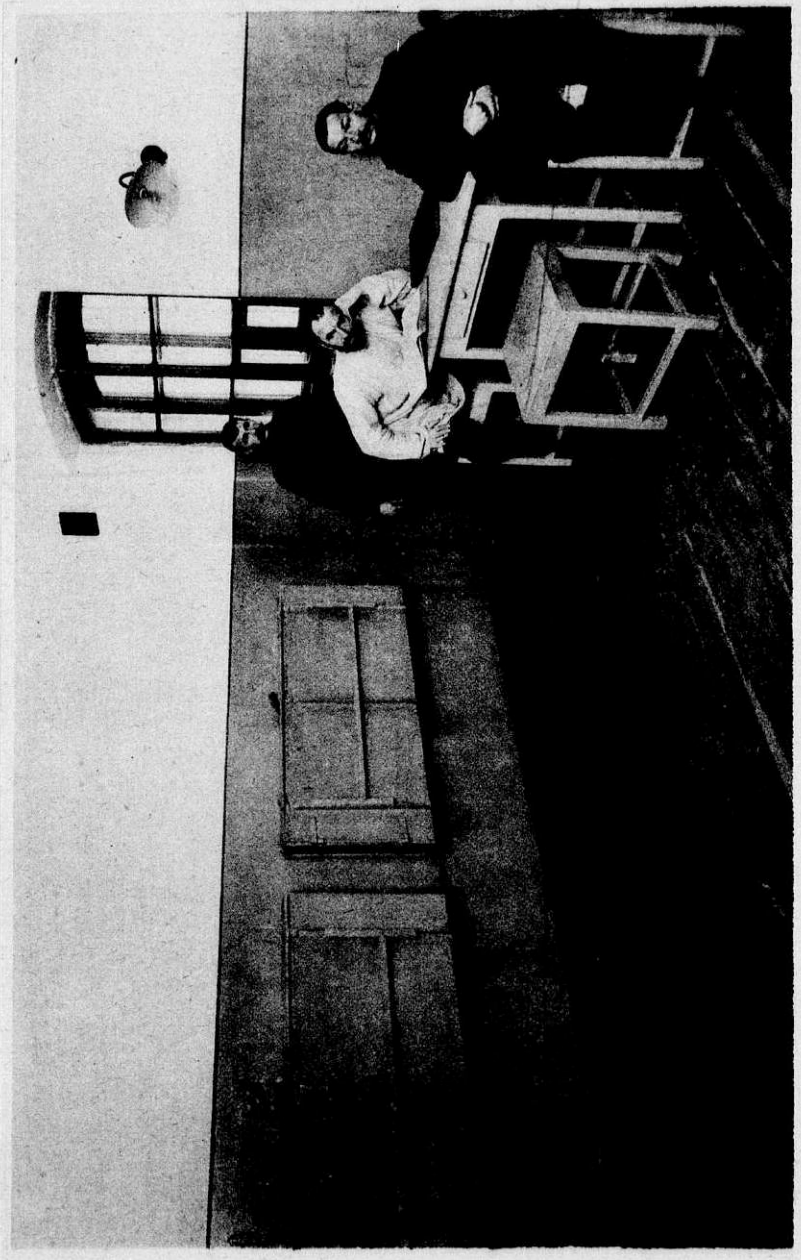
Женское отдѣленіе занимаетъ второй, третій и часть четвертаго этажа праваго крыла, причемъ корридоръ второго этажа, въ случаѣ надобности, можетъ присоединяться къ мужскому отдѣленію; въ третьемъ, кромѣ камеръ, помѣщаются столовая и буфетная, а въ четвертомъ—лазаретъ.

Всего въ обоихъ отдѣленіяхъ 152 камеры на 300 чел., но послѣднее число можетъ быть увеличено въ случаѣ надобности до 400 — посредствомъ установки дополнительныхъ кроватей. Всѣ камеры имѣютъ одинаковую мебель для заключенныхъ: желѣзныя кровати съ тюфякомъ, подушкою, простынею и одѣяломъ, деревянные табуреты и небольшіе деревянные столы.

Кухня, пекарня и квасная помѣщаются въ первомъ этажѣ праваго крыла, при этомъ только одна кухня имѣетъ внутреннее сообщеніе съ помѣщеніями для арестованныхъ, посредствомъ подъемной машины для поднятія кушанья въ буфеты мужского и женскаго отдѣленій; остальная часть перваго этажа этого флигеля занята прачечною и банею женскаго отдѣленія.

Отопленіе зданія — водяное, при низкомъ давленіи. Вода нагрѣвается въ котлахъ, находящихся въ подвалѣ, откуда она по трубѣ поднимается на чердакъ, гдѣ эта труба дѣлится на четыре вѣтви соотвѣтственно четыремъ крыламъ арестнаго дома; проходя по этимъ трубамъ и ихъ развѣтвленіямъ, обходящимъ всѣ этажи и всѣ помѣщенія, и заходя еще на своемъ пути въ особыя, расположенныя по корридорамъ, водяныя печки (цилиндры съ реберчатою поверхностью), горячая вода нагрѣваетъ, такимъ образомъ, все зданіе и затѣмъ, собираясь въ ретурную трубу, возвращается обратно въ котлы.

Вентиляція устроена независимо отъ отопленія зданія. Свѣжій воздухъ поступаетъ по подземному каналу изъ сада женскаго отдѣленія, изъ особо для того устроеннаго, крытаго, съ проволочными, для защиты отъ птицъ, стѣнками, павильона съ колодцемъ, выложеннымъ кирпичемъ и залитымъ цементомъ; изъ канала чистый воз-



Одна изъ камеръ арестнаго дома.

духъ поступаетъ въ особые четыре калорифера (въ 1 этажѣ); здѣсь онъ нагрѣвается, увлажняется и затѣмъ, для каждаго этажа отдѣльно, проходитъ по вентиляціоннымъ трубамъ въ корридоры, которые и служатъ главнымъ резервуаромъ чистаго воздуха; чрезъ рѣшетки надъ дверьми (жалюзи) онъ разносится по всѣмъ камерамъ.

Вытяжныя отверстія имѣются въ каждой камерѣ: чрезъ эти отверстія испорченный воздухъ направляется въ особые вентиляціонные каналы, а оттуда въ общія вентиляціонныя вытяжныя трубы; для усиленія тяги на чердакѣ устроены еще особыя камеры съ батареями водяного отопленія; отдѣльный для этого отопленія котелъ помѣщается также въ подвальномъ этажѣ.

Всѣ зданія арестнаго дома снабжены невскою водою изъ городскихъ водопроводовъ. Система удаленія нечистотъ—вывозная; но съ 1907 года снѣгъ уже не вывозится, а стаивается въ спеціально-устроенной снѣготаялкѣ, въ 1910 же году устроена и мусоросжигательная печь. Сооруженная первоначально деревянная канализація, съ такими же осадочными колодцами, начиная съ 1900 года, постепенно стала передѣлываться, и въ настоящее время деревянныя трубы замѣнены керамиковыми, а деревянные колодцы—желѣзо-бетонными съ 2 и 3 отдѣленіями; такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вся канализація на площади арестнаго дома сооружена изъ непроницаемаго матеріала.

Освѣщеніе первонально было керосиновое, и освѣщались лишь корридоры, откуда слабый свѣтъ проникалъ въ камеры; съ 1896 года, съ разрѣшенія городской управы, стали освѣщать керосиномъ и камеры. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, б. попечителю И. А. Котомину удалось получить разрѣшеніе городской думы на освѣщеніе арестнаго дома электричествомъ, каковое и введено въ 1901 году; но такъ какъ оно обходилось дорого, то въ 1910 году установлены были дивизоры и экономическія лампочки; кромѣ того, возбуждено ходатайство объ устройствѣ собственной электрической стан-

ціи, что значительно удешевило бы стоимость освѣщенія.

Постройка каменнаго арестнаго дома со всѣми принадлежащими къ нему строеніями, также каменными, со включеніемъ устройства дворовъ и садовъ, а равно и съ внутреннимъ обзаведеніемъ, какъ-то: мебелью и проч., обошлась въ 364.262 руб. 65 коп., кромѣ стоимости земли, оцѣненной по городскому инвентарю около 40.000 руб.

Затѣмъ, надстройка 4-го этажа съ устройствомъ церкви обошлась въ 109.034 руб. 70 коп., да постройка 2-го флигеля для служащихъ—27.419 руб. Если же принять во вниманіе, что стоимость инвентаря, съ 1883 г. по 1916 г., увеличилась на 33.603 р. 46 к., то общая стоимость арестнаго дома выразится суммой въ 574.319 р. 81 к.

Хотя сумма эта и очень крупная, но она все же не выражаетъ еще дѣйствительной стоимости арестнаго дома, такъ какъ, кромѣ перечисленныхъ уже единовременныхъ расходовъ на него, въ теченіе 30 лѣтъ производились постоянно затраты на разнаго рода практическія и техническія усовершенствованія и улучшенія за счетъ ремонтныхъ суммъ, или общихъ остатковъ отъ кредитовъ на содержаніе дома: такъ, введены масляныя панели на стѣнахъ, струйчатыя стекла въ окнахъ, гдѣ это требовалось, проведена пожарная линія, установленъ пожарный сигналъ, заведенъ внутренній телефонъ, установлены желѣзныя рѣшетки на крышахъ и башенные часы на главномъ зданіи, во многихъ комнатахъ полы покрыты линолеумомъ, а въ кухнѣ и пекарнѣ каменные полы замѣнены метлахскими плитками; устроена сушильня для бѣлья, сооружены: дровопильная машина на дворѣ, тѣстомѣсительная въ пекарнѣ, выжимательная въ прачечной, установлены токарный и сверлильный станки въ слесарной мастерской; заведены стиральныя машины и катки въ прачечной, установлены во многихъ помѣщеніяхъ электрическіе вентиляторы и электро-двигатели для приведенія въ дѣйствіе машинъ; заведены контрольные часы для дежурныхъ служителей и проч., и проч.

Попечителями арестнаго дома состояли въ 1881 году: отъ городской думы, по хозяйственной части, П. В. Жуковскій и отъ мирового съѣзда, для надзора за правильнымъ содержаніемъ заключенныхъ, участковый мировой судья В. М. Меншуткинъ; затѣмъ съ 1882 г. по 1886 г. попечителемъ былъ одинъ лишь В. М. Меншуткинъ отъ мирового съѣзда; съ 1886 г. по 1904 г. состоялъ участковый мировой судья И. А. Котоминъ, въ 1905 г. попечителемъ былъ участковый мировой судья В. В. Меншуткинъ, а съ 1906 г. состоитъ участковый мировой судья Е. Е. Колесниковъ, надзоръ же за хозяйственной частью съ 1882 года поручается одному изъ членовъ городской управы.

Со стороны прокуратуры надзоръ за арестнымъ домомъ лежитъ на товарищѣ прокурора, исполняющемъ прокурорскія обязанности при петроградскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ, который, исполняя требованія закона относительно содержанія подъ стражею вообще, имѣетъ обязанность: слѣдить за тѣмъ, чтобы въ арестномъ домѣ содержались исключительно лица, приговоренныя къ этому роду наказанія, и чтобы содержаніе заключенныхъ согласовалось съ закономъ объ учрежденіи арестныхъ домовъ, принимать отъ арестованныхъ всякаго рода заявленія и жалобы, давая послѣднимъ законный ходъ, и т. п.

Штатъ служащихъ [1]) въ арестномъ домѣ, съ расширеніемъ его дѣятельности, постепенно увеличивался, а оклады содержанія его повышались; такимъ образомъ, по городской смѣтѣ на 1916 годъ штатъ былъ слѣдующій:

---

[1]) Всѣ служащіе, кромѣ священника, причетника и писцовъ канцеляріи, пользуются квартирами въ арестномъ домѣ.

Названіе должностей.	Число лицъ.	Жалованье.		Прибавки.		Квартирныя.		Итого.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Начальникъ (отст. кол. сов. Н. М. Молчановъ съ 1914 года) [1]	1	2.400	—	1.080	—	—	—	3.480	—
2. Помощникъ старшій, (отст. подполк. Н. В. Грибановъ, съ 1901 г.).	1	1.500	—	410	—	—	—	1.910	—
3. Помощникъ младшій (дом. учит. А. А. Александровъ, съ 1889 г.).	1	1.200	—	391	25	—	—	1.591	25
4. Надзирательница (личн. поч. гражд. Е. С. Рослякова, съ 1880 г.) . . .	1	900	—	350	—	—	—	1.250	—
5. Врачъ (стат. сов. С. Н. Глинскій, съ 1913 г.) .	1	900	—	—	—	—	—	900	—
6. Священникъ (о. А. К. Соколовъ, съ 1914 г.).	1	900	—	—	—	180	—	1.080	—
7. Причетникъ.	1	300	—	7	50	60	—	367	50
8. Писповъ	6	3.600	—	644	—	720	—	4.964	—
9. Фельдшеръ старшій. .	1	600	—	300	—	—	—	900	—
10. Фельдшеръ младшій. .	1	480	—	—	—	—	—	480	—
11. Фельдшерица	1	480	—	180	—	—	—	660	—
12. Машинистъ.	1	900	—	60	—	—	—	960	—
13. Вахтеръ старшій . . .	1	600	—	96	—	—	—	696	—
14. Вахтеръ младшій . . .	1	540	—	130	32	—	—	670	32
15. Корридорные старшіе .	3	1.440	—	329	16	—	—	1.769	16
16. Коррид. младшіе: 1 разр.	5	2.100	—	325	22	—	—	2.425	22
„ „ 2 „ .	5	1.950	—	143	84	—	—	2.093	84
„ „ 3 „ .	6	2.160	—	49	20	—	—	2.209	20
17. Корридорныя служительницы	2	600	—	111	40	—	—	711	40
18. Лазаретный служитель.	1	360	—	66	—	—	—	426	—
19. Лазаретная служительница	1	300	—	—	—	—	—	300	—
20. Служитель при церкви.	1	360	—	132	—	—	—	492	—
21. „ при столовыхъ	1	360	—	72	—	—	—	432	—
22. Привратники	6	2.520	—	521	16	—	—	3.041	16
23. Разсыльные.	2	720	—	57	96	—	—	777	96
24. Прачка	1	300	—	—	—	—	—	300	—
25. Пекарь старшій. . . .	1	360	—	72	—	—	—	432	—
26. Пекари младшіе. . . .	2	600	—	—	—	—	—	600	—
27. Кашеваръ старшій . .	1	360	—	72	—	—	—	432	—
28. Кашеваръ младшій . .	1	300	—	62	40	—	—	362	40
29. Кочегары.	2	600	—	77	40	—	—	677	40
30. Дворникъ старшій. . .	1	360	—	31	80	—	—	391	80
31. Дворники младшіе. . .	2	600	—	—	—	—	—	600	—
Итого . . .	63	31.650	—	5.772	61	960	—	38.382	61

[1]) На городской службѣ съ 1884 г.

Съ 1 января 1914 г. матеріальное положеніе служащихъ арестнаго дома значительно улучшилось согласно постановленію городской думы 2 октября 1913 года: 1) всѣ служащіе получаютъ пособія на содержаніе и обученіе дѣтей (до извѣстнаго возраста); 2) старшіе служащіе, пользовавшіеся до 1914 года лишь 10% періодическими прибавками къ жалованью, стали получать наградныя деньги къ праздникамъ Св. Пасхи и Рождества Христова, каждый разъ по 50% мѣсячнаго жалованья съ 10% прибавками; 3) въ томъ же размѣрѣ и также два раза въ годъ стали выдаваться награды и младшимъ служащимъ, ранѣе получавшимъ награду разъ въ годъ—къ празднику Рождества Христова, да и то въ размѣрѣ 33%; 4) младшіе служащіе пользуются теперь и 10% прибавками за каждое 4-хъ-лѣтіе службы; право на эти прибавки распространено съ 1 января 1906 года; 5) наконецъ, по постановленію городской думы 18 іюня 1914 г., съ 1 іюля довольно замѣтно увеличено содержаніе низшимъ служащимъ, съ сохраненіемъ за ними выслуженныхъ прибавокъ, но съ прекращеніемъ выдачи денегъ на продовольствіе.

Въ заключеніе этого очерка нельзя не упомянуть о бывшемъ начальникѣ арестнаго дома Николаѣ Александровичѣ Васенцовичѣ-Макаревичѣ.

Н. А. Васенцовичъ-Макаревичъ, изъ потомственныхъ дворянъ, въ 1883 г. окончилъ курсъ, со степенью кандидата, на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета императорскаго петроградскаго университета, 1 мая былъ назначенъ на должность помощника начальника петроградскаго городского арестнаго дома, а 5 декабря 1888 г. назначенъ начальникомъ арестнаго дома, 1 мая 1914 г. оставилъ службу по прошенію, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, съ пенсіей отъ города.

Время завѣдыванія Н. А. Макаревичемъ арестнымъ домомъ имѣло огромное значеніе для этого послѣдняго: вложивъ всѣ свои силы въ порученное ему дѣло, Николай Александровичъ глубоко обдуманными и цѣле-

сообразными мѣрами поднялъ арестный домъ на ту высоту, которая доставила ему репутацію образцоваго учрежденія среди мѣстъ заключенія; всѣ новыя устройства и переустройства, о которыхъ говорилось выше, дѣло рукъ Н. А., благодаря иниціативѣ и энергіи котораго и удалось осуществить ихъ на дѣлѣ; въ значительной степени успѣхъ дѣятельности Н. А. объясняется тѣмъ, что онъ сжился съ порученнымъ ему дѣломъ и, чуждый формальности, зналъ его во всѣхъ подробностяхъ и въ то же время, изучивъ психологію арестантовъ, пользовался непререкаемымъ авторитетомъ не только среди своихъ подчиненныхъ, но и у своихъ подневольныхъ кліентовъ.

За свою высоко полезную дѣятельность Н. А. Васенцовичъ-Макаревичъ получилъ нѣсколько благодарностей городской управы и благодарность петроградской городской думы.

24 іюня 1896 г. арестный домъ посѣтилъ министръ юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, написавшій въ книгѣ почетныхъ посѣтителей арестнаго дома: „арестный домъ найденъ мною въ отличномъ состояніи".

Въ приказѣ по главному тюремному управленію отъ 27 іюня 1896 г., министръ юстиціи выразилъ „начальствующимъ лицамъ городского арестнаго дома полное одобреніе того блестящаго положенія, въ которомъ находится это арестное помѣщеніе".

Лица, отбывавшія наказаніе въ арестномъ домѣ, и ихъ содержаніе.

При открытіи, 6-го января 1881 года, городского арестнаго дома было сообщено всѣмъ установленіямъ, въ которыхъ могли содержаться приговоренныя столичными мировыми судьями къ аресту лица, о переводѣ ихъ въ арестный домъ; но по этому сообщенію было прислано въ арестный домъ только 11 человѣкъ. Всего же въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, съ 6 января 1881 года по 1 января 1916 г., отбывали наказаніе въ арестномъ домѣ 457.642 человѣка.

Кромѣ лицъ, приговоренныхъ къ аресту петроградскими столичными мировыми судьями, въ арестномъ домѣ содержались и лица, приговоренныя мировыми судьями всей имперіи, если исполненіе приговора заставало обвиняемыхъ въ Петроградѣ; съ 1882 года по 1904 годъ, вслѣдствіе соглашенія столичнаго управленія съ петроградскою уѣздною земскою управою, въ городскомъ арестномъ домѣ отбывали наказаніе и всѣ лица, приговоренныя къ аресту сначала мировыми судьями, а затѣмъ и судебно-административными установленіями петроградскаго уѣзда; съ 1886 года, вслѣдствіе разъясненія правительствующаго сената, стали поступать въ арестный домъ и лица, приговоренныя къ аресту общими судебными установленіями, на основаніи устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а съ 1905 г. начали поступать и лица, приговоренныя къ аресту общими судебными установленіями, на основаніи уголовнаго уложенія 1903 г., отчасти лишь введеннаго; съ декабря же 1907 г. по августъ мѣсяцъ 1910 г. и съ 25 авг. 1915 г. по 1 янв. 1916 г. въ арестномъ домѣ содержались лица, подвергнутыя аресту въ административномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, изъ общаго числа арестованныхъ 457.642 содержалось: по приговорамъ петроградскихъ столичныхъ мировыхъ установленій, 420.599 человѣкъ, или 92,2%, по приговорамъ мирового суда, судебныхъ и судебно-административныхъ установленій петроградскаго уѣзда 19.997 человѣкъ или 4,2%, по приговорамъ прочихъ мировыхъ судовъ имперіи 3.807 человѣкъ, или 0,8%, по приговорамъ прочихъ судебныхъ и судебно-административныхъ установленій—7.185 человѣкъ, или 1,5% — и по распоряженію административной власти—6.054 человѣка, или 1,3%.

По діаграммѣ поступленія арестованныхъ въ арестный домъ[1]) нельзя не замѣтить, что съ 1881 г. (4.013) поступленіе съ каждымъ годомъ возрастаетъ до 1885 г. (7.691) включительно; небольшое уклоненіе произошло въ 1883 г. (6.111),

[1]) См. приложеніе въ концѣ главы.

вслѣдствіе послѣдовавшаго въ томъ году всемилостивѣйшаго манифеста, по которому освобождены были отъ наказанія нѣкоторыя изъ подвергнутыхъ аресту лицъ. Въ 1886 и 1887 гг. (5.986 и 5.783) замѣчается уменьшеніе поступленія, вслѣдствіе прекращенія наплыва лицъ, приговариваемыхъ къ аресту за самовольное прибытіе въ столицу (ст. 63 уст. нак.), переставшихъ большею частью отбывать наказаніе въ арестномъ домѣ; съ 1888 года поступленіе систематически увеличивается (6.075—17.090).

Значительное увеличеніе поступленія въ 1895 году объясняется распоряженіемъ бывшаго градоначальника В. В. фонъ-Валя о привлеченіи къ судебной отвѣтственности лицъ, появляющихся на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ [1]). Съ оставленіемъ поста фонъ-Валемъ, преслѣдованіе пьяницъ сразу сократилось въ 1896 году, а въ 1897 г. и почти совсѣмъ прекратилось; въ 1896 г., кромѣ того, послѣдовалъ и всемилостивѣйшій манифестъ 14 мая, вслѣдствіе чего поступленіе арестованныхъ въ арестный домъ упало до 12.171 человѣка, но съ 1897 г. поступленіе стало вновь увеличиваться, какъ благодаря увеличенію населенія столицы, такъ и расширенію компетенціи мирового суда, а въ 1900 и 1901 гг. оно достигло небывалой величины, вслѣдствіе возобновленія градоначальникомъ Н. В. Клейгельсомъ преслѣдованія за появленіе на улицахъ въ нетрезвомъ состояніи (25.968 и 26.596).

Расширенный арестный домъ не могъ уже вмѣщать всѣхъ приговариваемыхъ къ аресту; приходилось занимать всѣ имѣющіяся приставныя кровати, оставлять нѣкоторыхъ арестованныхъ ночевать на полу, а затѣмъ и отказывать въ пріемѣ за неимѣніемъ мѣстъ. Съ 1902 года, однако, репрессія полиціи въ отношеніи пьяницъ стала ослабѣвать, и поступленіе арестованныхъ съ каждымъ годомъ стало уменьшаться, но въ особенности оно сократилось въ 1905—1907 гг. (14.957—11.787), когда, въ эпоху революціоннаго движенія, полиція менѣе всего

[1]) См. объ этомъ на стр. 271 настоящей книги.

могла удѣлять вниманія маловажнымъ проступкамъ. За то переполненіе тюремъ и полицейскихъ домовъ политическими преступниками дало поводъ петроградскому градоначальнику использовать арестный домъ для надобностей административной власти: и вотъ съ 1908 г. наблюдается снова увеличеніе поступленія (13.913, 16.277, 17.905). Хотя въ 1910 г., съ отмѣной чрезвычайной охраны столицы, подвергаемыхъ аресту въ административномъ порядкѣ и перестали принимать въ арестный домъ, но, съ успокоеніемъ страны и, въ частности, столицы, полиція получила вновь возможность строже относиться къ маловажнымъ проступкамъ, а компетенція мирового суда возстановилась, слѣдствіемъ чего явилось дальнѣйшее нормальное увеличеніе числа арестованныхъ, поступающихъ въ арестный домъ, за исключеніемъ 1913 года, когда поступило всего 10.242 чел., менѣе предшествующаго года на 6.446.

Такое уменьшеніе обусловливалось послѣдовавшимъ 21 февраля 1913 года высочайшимъ указомъ, въ силу котораго весьма много лицъ, привлеченныхъ къ суду или уже приговоренныхъ къ аресту, были освобождены отъ суда и наказанія.

Въ моментъ объявленія указа въ арестномъ домѣ содержалось 183 лица, изъ которыхъ было освобождено отъ наказанія 104 чел., а остальнымъ 79 чел. сокращены сроки ареста на одну треть. Затѣмъ, поступленіе арестованныхъ въ мартѣ и апрѣлѣ значительно сократились, съ мая стало увеличиваться, а съ октября уже почти вошло въ норму, превысивъ въ декабрѣ мѣсяцъ на 292 чел. поступленіе за тотъ же мѣсяцъ 1912 года.

Въ 1914 году всего поступило 17.090 чел., но число ихъ было бы еще болѣе, если бы не историческія событія, послѣдовавшія во второй половинѣ 1914 года, которыя не могли не оказать своего вліянія на поступленіе арестованныхъ въ сторону уменьшенія числа ихъ. Такъ, возникшая война отвлекла изъ Петрограда на театръ военныхъ дѣйствій значительное количество столичнаго

населенія, преимущественно рабочаго класса, дающаго наибольшее число уголовныхъ дѣлъ. Воспрещеніе торговли спиртными напитками сократило пьянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число уголовныхъ проступковъ, являющихся во многихъ случаяхъ результатомъ опьяненнаго состоянія. Наконецъ, по случаю объявленія Петрограда на военномъ положеніи нѣкоторыя категоріи уголовныхъ дѣлъ изъяты изъ подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ.

Приведенный выше взглядъ подтверждается, если сравнить поступленіе въ 1914 году по полугодіямъ: до 1 іюля поступило 9.712 чел. (муж. 8.748, жен. 964), послѣ 1 іюля—7.378 чел. (муж. 6.221, жен. 1.157).

Обычно во второмъ полугодіи поступаетъ столько же, сколько и въ первомъ полугодіи; въ данномъ случаѣ во 2-мъ полугодіи поступило менѣе на 2.334 чел., а если взять однихъ мужчинъ, то поступленіе будетъ еще менѣе по сравненію съ 1-мъ полугодіемъ (на 2.527 чел.).

Въ 1915 году послѣдовалъ усиленный призывъ ратниковъ ополченія и новобранцевъ; въ связи съ этимъ еще болѣе уменьшилось поступленіе въ арестный домъ арестованныхъ по судебнымъ приговорамъ, которыхъ было только 5.653 чел., изъ нихъ мужчинъ 4.297 и женщинъ 1.356.

Независимо отъ этого, въ 1915 г. поступило еще 861 чел. административныхъ, о чемъ изложено далѣе.

Такимъ образомъ изъ діаграммы видно не только, какъ измѣнялось ежегодное поступленіе арестованныхъ, но и чѣмъ обусловливалось увеличеніе или уменьшеніе этого поступленія; если принять во вниманіе всѣ случайныя явленія, измѣнявшія поступленіе арестованныхъ въ ту или другую сторону, то можно убѣдиться, что поступленіе арестованныхъ съ теченіемъ времени естественно увеличивается вслѣдствіе роста населенія и усиленія дѣятельности мирового суда: въ 1881 г. населеніе столицы исчислено было по переписи въ 861.303 человѣка, а въ 1915 г. свыше двухъ милліоновъ человѣкъ; въ 1881 году въ столицѣ было 26 мировыхъ участковъ, въ 1910 г. ихъ

было уже 52, но и это число въ 1911 г. увеличено до 60.

На той же діаграммѣ, другая кривая показываетъ число дней, проведенныхъ арестованными подъ арестомъ: за всѣ 35 лѣтъ число это равняется 2.138.395, или, въ среднемъ 61.097 въ годъ, 5.091 въ мѣсяцъ и 167 въ день. Такимъ образомъ, каждый содержащійся подъ арестомъ, въ среднемъ, провелъ подъ арестомъ 4,6 дня. Однако, изъ діаграммы же можно видѣть, насколько продолжительность ареста зависѣла отъ поступленія въ арестный домъ той или другой категоріи арестованныхъ: когда усиленно привлекались къ отвѣтственности лица, виновныя въ нарушеніи 42 ст. уст. нак., средняя продолжительность ареста была меньше 4 дней; когда же въ арестный домъ стали поступать подвергаемые аресту въ административномъ порядкѣ, средній арестъ сталъ превышать 6 дней. Если принять во вниманіе всѣ исключительныя обстоятельства, вліявшія на временное увеличеніе или уменьшеніе поступленія арестованныхъ, то можно констатировать тотъ фактъ, что за 35 лѣтъ число лицъ, подвергнутыхъ аресту по приговорамъ мирового суда въ столицѣ, увеличилось болѣе, чѣмъ въ 4 раза (съ 4.000 до 17.090).

По мѣсяцамъ поступленіе арестованныхъ было различное, но обыкновенно въ лѣтнее время, когда населеніе столицы уменьшается, и мировой судъ дѣйствуетъ въ половинномъ составѣ, поступленіе уменьшалось, и увеличивалось въ зимнее время, причемъ больше всего поступало арестованныхъ въ мартѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, меньше всего—съ апрѣля по іюль включительно, что̀ видно изъ слѣдующей таблицы:

Мѣсяцы.	За 35 лѣтъ.	Среднее въ 1 годъ.	‰.
Январь . . .	40.965	1.170	8,9
Февраль . . .	39.240	1.121	8,6
Мартъ	42.725	1.220	9,4
Апрѣль. . . .	33.202	943	7,5
Май	33.866	968	7,5
Іюнь	33.002	943	7,3

Мѣсяцы.	За 35 лѣтъ.	Среднее въ 1 годъ.	‰.
Іюль	32.319	923	7,1
Августъ. . . .	34.729	992	7,6
Сентябрь . . .	37.027	1.058	8,0
Октябрь . . .	42.680	1.219	9,3
Ноябрь. . . .	43.771	1.251	9,5
Декабрь . . .	42.515	1.215	9,3

Среднимъ числомъ въ годъ поступало 13.075 человѣкъ, въ мѣсяцъ 1.090 человѣкъ, въ день 36 человѣкъ. Наибольшее поступленіе было: въ годъ 26.596 человѣкъ (1901), въ мѣсяцъ 2.653 человѣка (мартъ 1902 г.), въ день 147 человѣкъ (26 февраля 1902 г.).

Если распредѣлить показанныхъ выше 457.642 заключенныхъ по полу, сословіямъ, возрасту, вѣроисповѣданіямъ, роду занятій, образованію, степени имущественной состоятельности, роду проступковъ, повлекшихъ за собой наказаніе, и рецидиву арестованныхъ, то получаются числовыя данныя, могущія служить для характеристики лицъ, содержавшихся въ арестномъ домѣ, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ; а, такъ какъ процентныя отношенія ежегодно измѣняются мало, то эти статистическія данныя характеризуютъ временныхъ обывателей арестнаго дома довольно точными и установившимися чертами.

457.642 человѣка, содержавшіеся въ 1881—1915 г.г. въ арестномъ домѣ, распредѣлялись *по полу* такъ: мужчинъ было 413.027, женщинъ — 44.615, или женщины составляли 10,8% всего числа содержавшихся подъ арестомъ.

По сословіямъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	‰.
Дворянъ	9.393	812	10.205	2,2
Почетныхъ гражданъ и купцовъ	4.806	464	5.270	1,2
Мѣщанъ	70.010	10.460	80.470	17,6
Крестьянъ	326.933	32.621	359.554	78,6
Иностранныхъ подданныхъ.	1.885	258	2.143	0,4

Такимъ образомъ, лица привилегированныхъ сословій составляютъ всего 3,4% общаго числа арестованныхъ, болѣе же трехъ четвертей всего числа арестованныхъ составляютъ крестьяне, т.-е. элементъ не мѣстный, а пришлый, чѣмъ, отчасти, и можно объяснить громадный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами.

По возрасту:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	‰.
До 17 лѣтъ [1])	8.018	242	8.260	1,8
Отъ 17 до 30 лѣтъ . .	239.604	19.283	258.887	56,6
„ 30 „ 40 „ . .	105.747	12.129	117.866	25,7
„ 40 „ 50 „ . .	42.128	7.558	49.686	10,9
„ 50 „ 80 „ . .	17.530	5.413	22.943	5,0

Изъ этихъ цифръ видно, что больше половины всего контингента арестованныхъ составляли лица въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ и четвертую часть—въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ.

Нѣсколько другой результатъ получится, если отдѣлить мужчинъ отъ женщинъ; тогда окажется, что изъ 100 мужчинъ и изъ 100 женщинъ поступаютъ въ арестный домъ:

въ возрастѣ до 17 лѣтъ.	2	мужч.	и	1	женщ.
„ „ отъ 17 до 30 лѣтъ	58	„	„	43	„
„ „ „ 30 „ 40 „	25	„	„	27	„
„ „ „ 40 „ 50 „	11	„	„	17	„
„ „ свыше 50 лѣтъ.	4	„	„	12	„

Итакъ, мужчины поступаютъ въ арестный домъ въ болѣе молодомъ возрастѣ, а женщины въ болѣе зрѣломъ; среди мужчинъ три пятыхъ составляютъ молодые люди въ возрастѣ до 30 лѣтъ, а среди женщинъ, тоже

[1]) Въ это число входятъ, конечно, только лица, содержавшіяся въ арестномъ домѣ въ наказаніе; но, кромѣ того, невольными обитателями арестнаго дома являются грудныя дѣти, поступающія при арестованныхъ матеряхъ. Регистрація такихъ дѣтей началась съ 1885 г. и за 31 годъ ихъ было 2.410 (мальчиковъ 1.224, дѣвочекъ 1.186).

около трехъ пятыхъ, въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ; въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ женщинъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ мужчинъ, а въ возрастѣ свыше 50 лѣтъ женщинъ въ три раза больше, чѣмъ мужчинъ. Объяснить это можно тѣмъ, что мужчины съ возрастомъ становятся уравновѣшеннѣе и спокойнѣе, а женщины, напротивъ, сварливѣе; во-вторыхъ, что разносной торговлей, дающей большой процентъ арестованныхъ, занимаются преимущественно молодые мужчины и пожилыя женщины.

По вѣроисповѣданіямъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	%%.
православныхъ	381.274	40.642	421.916	92,2
старообрядцевъ	3.561	386	3.947	0,9
лютеранъ	13.067	1.948	15.015	3,3
католиковъ	10.373	1.303	11.676	2,6
іудеевъ	2.270	323	2.593	0,5
магометанъ	2.482	13	2.495	0,5

Изъ иновѣрцевъ больше всего содержалось лютеранъ, такъ какъ между арестованными, поступавшими изъ петроградскаго уѣзда въ 1882—1904 годахъ, было не мало финновъ. Интересно то, что въ то время, какъ среди православныхъ и старообрядцевъ женщины составляютъ не много болѣе 10% числа мужчинъ, среди католиковъ—12%, среди лютеранъ 15% и іудеевъ 14,%, среди магометанъ % отношеніе женщинъ къ числу мужчинъ равняется только 0,5%, что объясняется, конечно, условіями быта, въ которомъ женщины ведутъ болѣе замкнутую жизнь.

Свѣдѣнія *о родѣ занятій* арестованныхъ стали собираться въ арестномъ домѣ только съ 1885 г., а потому они имѣются лишь за 31 годъ; за это время содержалось 434.256 человѣкъ (мужч. 391.804, женщ. 42.452), которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Занятія мужчинъ.

I. Умственный и письменный трудъ	19.932 чел.,	или	5,0%.
(Въ томъ числѣ: занимающихся письмоводствомъ 9.655, художниковъ и живописцевъ 1.886, состоящихъ на частной службѣ 1.614, студентовъ 1.571, чиновниковъ 1.285, музыкантовъ и пѣвцовъ 1.248, механиковъ 1.225, актеровъ 393, аптекарей и фельдшеровъ 389, учителей 230, репортеровъ 170, инженеровъ и архитекторовъ 105, врачей 82, адвокатовъ 79).			
Производства и промыслы	230.915 „	„	58,9 „
1. Ремесленниковъ . . . . 118.094 человѣкъ.			
(Въ томъ числѣ: слесарей 24.461, столяровъ 15.270, сапожниковъ 13.516, портныхъ 13.266, типографщиковъ и наборщиковъ 10.713, маляровъ 9.733, плотниковъ 5.580, переплетчиковъ 3.891, кондитеровъ и булочниковъ 4.026, кузнецовъ 3.465, золотыхъ, серебряныхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ 2.904, печниковъ 2.406, обойщиковъ 2.514, мѣдниковъ 2.258, котельщиковъ 1.762, парикмахеровъ 1.406, басонщиковъ 374, монтеровъ 549).			
2. Промышленниковъ . . . 59.989 человѣкъ.			
(Въ томъ числѣ: извозчиковъ 57.280, переносчиковъ 1.640, вагоновожатыхъ и шоферовъ 1.069).			
3. Торговцевъ . . . . . 52.832 человѣкъ.			
III. Прислуги	23.437 „	„	6,0 „
(Въ томъ числѣ: домовой—дворниковъ 13.066 и личной 10.371).			
IV. Чернорабочіе и фабричные	105.483 „	„	26,9 „
V. Неуказавшіе рода занятій (живущіе „собственными средствами“)	5.166 „	„	1,3 „
VI. Неимѣющіе опредѣленныхъ занятій (содержавшіеся по 63 ст.)	6.871 „	„	1,9 „

Занятія женщинъ.

I. Умственный и письменный трудъ	280 „	„	0,7 „
II. Производства и промыслы	8.653 „	„	20,3 „
(Въ томъ числѣ: торговокъ 3.030, прачекъ 2.867, портнихъ 2.756).			
III. Прислуга	3.993 „	„	9,4 „
IV. Чернорабочія и фабричныя	9.516 „	„	22,5 „
V. Неуказавшія рода занятій (живущія „собственными средствами“).	10.257 „	„	24,1 „
VI. Неимѣющія опредѣленныхъ занятій (содержавшіяся по 63 ст.)	839 „	„	1,9 „
VII. Проститутки	8.914 „	„	21,1 „

Изъ этого перечисленія видно, что больше половины всѣхъ арестованныхъ составляютъ лица, занимающіяся

производствами и промыслами, и свыше четвертой части фабричные и чернорабочіе. Въ общемъ, на каждыхъ 100 арестованныхъ мужчинъ содержалось: 31 ремесленникъ, 27 чернорабочихъ и фабричныхъ, 15 извозчиковъ, 14 торговцевъ, 5 занимающихся умственнымъ и письменнымъ трудомъ, 3 дворника, 2 слугъ, 2 неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій и 1 не указавшій рода занятій; а на каждыхъ 100 содержавшихся женщинъ было: 23 чернорабочихъ и фабричныхъ, 24 живущихъ при семьѣ или „собственными средствами", 21 проститутка, 9 прислугъ, 7 торговокъ, 7 прачекъ, 6 портнихъ, 2 неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій и 1 занимающаяся письменнымъ или умственнымъ трудомъ. Изъ этихъ цифръ видно, что среди мужчинъ только одинъ на сто человѣкъ не имѣетъ личнаго заработка, тогда какъ среди женщинъ такихъ лицъ 24, или цѣлая четверть; но изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, еще 10 скрываютъ свое занятіе проституціей, такъ что, въ общемъ, можно считать, что около трети всѣхъ женщинъ, содержавшихся подъ арестомъ, составляли явныя и тайныя проститутки. Къ лицамъ, неимѣющимъ опредѣленныхъ занятій, отнесены всѣ содержавшіеся подъ арестомъ за самовольное прибытіе въ столицу.

По образованію арестованные могутъ быть раздѣлены только на грамотныхъ и неграмотныхъ; но, такъ какъ свѣдѣнія о грамотности стали собираться съ 1887 г., то цифровыя данныя по этому вопросу имѣются лишь за 29 послѣднихъ лѣтъ: изъ содержавшихся за этотъ періодъ времени 419.579 чел. (мужч. 378.341, женщ. 41.238) было:

грамотныхъ	мужч. 288.747,	женщ. 13.561,	всего 302.308,	или 72,0%
неграмотныхъ	„ 89.594,	„ 27.677,	„ 117.271,	„ 28,0%

Однако, это общее % отношеніе рѣзко измѣнится, если разсматривать грамотность мужчинъ отдѣльно отъ грамотности женщинъ; тогда окажется, что среди мужчинъ грамотныхъ было 76,3%, неграмотныхъ 23,7%, а среди женщинъ грамотныхъ было только 34,5% и неграмотныхъ 65,5, т.-е. въ то время, какъ три четверти мужчинъ грамотны, женщинъ грамотныхъ едва одна треть. Это объясняется тѣмъ, что среди крестьянъ и мѣщанъ на обученіе грамотѣ дѣвочекъ обращается меньше вниманія, да къ тому же въ арестный домъ поступаетъ относительно больше женщинъ въ старомъ возрастѣ, а въ этомъ возрастѣ и мужчины, чаще всего, оказываются неграмотными. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что % грамотныхъ, хотя очень медленно, но съ каждымъ годомъ повышается: такъ въ 1887 г. грамотныхъ мужчинъ было только 66,8%, а грамотныхъ женщинъ 22,4%, въ 1914 же году грамотныхъ мужчинъ было уже 86,3%, женщинъ 38,2%, а въ 1915 г. грамотныхъ мужчинъ было 77,7%, женщинъ грамотныхъ 40,3%.

О степени имущественной состоятельности содержавшихся можно судить изъ того, что по 1 января 1915 г. изъ 451.128 чел., вслѣдствіе несостоятельности къ уплатѣ денежныхъ взысканій, отбывали наказаніе арестомъ 270.886 чел., или 60,0% всего числа арестованныхъ. Сумма денежныхъ взысканій, взамѣнъ которыхъ арестованные отбывали наказаніе арестомъ, достигла къ 1 января 1915 г. 2.130.395 р. 16 к., или на каждаго, неуплатившаго штрафа, въ среднемъ, приходится 7 руб. 87 коп.

Въ 1915 году изъ 6.514 чел., взамѣнъ уплаты денежныхъ взысканій, отбывали наказаніе арестомъ 3.649 чел. (муч. 2.687, женщ. 962), или 56,0%. Сумма наложенныхъ на нихъ денежныхъ взысканій простирается до 104.421 руб. 90 коп., или, въ среднемъ, на каждаго, не уплатившаго штрафа, приходится 28 руб. 60 коп.

Однако, эта картина рѣзко измѣнится, если взять отдѣльно каждую группу арестованныхъ.

По судебнымъ приговорамъ не уплатили штрафа 2.998 чел. изъ 5.653 чел. на сумму 31.496 руб. 90 коп., изъ административно-арестованныхъ не внесли штрафа изъ общаго числа 861 чел.—651 ч. на сумму 72.925 руб.

По первой группѣ не уплатившихъ штрафа было 53,0%, по второй группѣ 75,6%; по первой группѣ на

каждое лицо, не внесшее штрафа, въ среднемъ, приходится 10 руб. 50 коп., а по второй группѣ 112 руб. Столь большая разница объясняется тѣмъ, что по приказамъ градоначальника денежное взысканіе налагается почти всегда въ 100 руб. и болѣе.

Такимъ образомъ вся сумма невнесенныхъ денежныхъ взысканій за 35 лѣтъ равняется 2.234.817 руб. 06 коп. Впрочемъ, часть этихъ штрафовъ взыскана была въ самомъ арестномъ домѣ, а именно съ 862 чел. получено 8.621 руб. 69 коп., въ томъ числѣ 678 чел. уплатили штрафъ добровольно, а у остальныхъ 184 чел. удержано 1.427 руб. 20 коп. изъ денегъ, сданнымъ ими на храненіе. Дѣло въ томъ, что при существующемъ порядкѣ исполненія приговоровъ арестуемый заявляетъ, что онъ можетъ внести штрафъ, но что ему не дали времени сходить домой за деньгами, и, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время деньги ему изъ дома приносятъ, онъ вноситъ штрафъ и освобождается. Но бываютъ случаи, что завѣдомо состоятельное лицо не желаетъ платить штрафъ и идетъ добровольно подъ арестъ, сдавая при пріемѣ на храненіе болѣе или менѣе значительную сумму денегъ, превышающую иногда во много разъ наложенное на него судомъ денежное взысканіе. Въ такихъ случаяхъ, по распоряженію попечителя, штрафъ удерживается изъ сданныхъ на храненіе денегъ, и арестованный освобождается. Взысканныя деньги во всѣхъ случаяхъ, конечно, сдавались по принадлежности, но удержаніе денегъ въ уплату штрафа иногда вызывало жалобы со стороны лицъ, не желавшихъ платить таковой. Одна изъ такихъ жалобъ дошла и до правительствующаго сената, который въ опредѣленіи по соединенному присутствію отъ 4 февраля 1899 г. (по сборнику стр. 105), призналъ правильнымъ удержаніе штрафа изъ сданныхъ на храненіе денегъ, предоставивъ лишь судьѣ, постановившему приговоръ, рѣшать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о состоятельности даннаго лица къ уплатѣ наложеннаго на него денежнаго взысканія.

По проступкамъ, за которые содержались 457.642 арестованныхъ, они могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Мужч.	Женщ.	Всего.	%
1. За оскорбленіе полицейскихъ стражей, а также служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ (ст. 31 уст. нак.)	27.093	1.730	28.823	6,3
2. За прочіе проступки противъ порядка управленія (ст. 29—34)	19.071	2.029	21.100	4,6
3. За проступки противъ благочинія, порядка и спокойствія (ст. 35—52)	255.170	26.103	281.273	61,5
4. За проступки противъ общественнаго благоустройства, народнаго здравія и личной безопасности (ст. 52 — 58 и 65—130)	34.865	1.003	35.868	7,8
5. За нарушеніе устава о паспортахъ (ст. 58—65)	13.772	2.050	15.822	3,5
(Въ томъ числѣ за самовольное прибытіе въ столицу—ст. 63)	9.253	1.140	10.393	2,3
6. За оскорбленіе чести, угрозы и насилій (ст. 130—143)	29.604	6.904	36.508	8,0
7. За проступки противъ правъ семейственныхъ (ст. 143—145)	106	218	324	0,1
8. За самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго (ст. 145—156)	2.392	219	2.611	0,5
9. За растрату по легкомыслію, присвоеніе найденнаго и покупку завѣдомо краденаго (ст. 177, п. 2—180)	16.542	1.706	18.248	4,0
10. За проступки, предусмотрѣнные уложеніемъ о наказ. и уставомъ объ акцизныхъ сборахъ	8.900	2.111	11.011	2,4
11. За нарушеніе обязательныхъ постановленій (администр. взысканія)	5.514	540	6.054	1,3

Изъ этихъ данныхъ видно, что три пятыхъ (61,5%) всѣхъ арестованныхъ содержались за проступки противъ благочинія, порядка и спокойствія, причемъ самое видное мѣсто занимаютъ лица, присужденныя къ наказанію за нарушеніе общественной тишины (ст. 38 уст. нак.); затѣмъ слѣдуютъ арестованные, приговоренные за оскорбленіе чести, угрозы и насилія (8,0%) и за проступки противъ общественнаго благоустройства, народнаго здравія и личной безопасности (7,8%); за ними слѣдуютъ оскорбители полицейскихъ стражей (6,3%); менѣе же всего содержалось за самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ (0,5%) и за проступки противъ правъ се-

мейственныхъ (0,1%). Въ п. 11 нарушителями обязательныхъ постановленій значатся всѣ лица, содержавшіяся въ арестномъ домѣ съ 1907 по 1910 годъ и въ 1915 г. по распоряженію петроградскаго градоначальника и подвергнутыя наказанію въ административномъ порядкѣ.

Но если разсматривать проступки женщинъ отдѣльно отъ проступковъ мужчинъ, то окажется, что нѣкоторые проступки преимущественно свойственны женщинамъ, а другіе—мужчинамъ; такъ, оскорбители чиновъ полиціи между мужчинами составляютъ 6,5%, а между женщинами только 3,8%, нарушителей общественнаго благоустройства между мужчинами 8,4%, а между женщинами едва 3%; за то среди оскорбителей чести преобладаютъ женщины, которыхъ 15,4%, въ то время, когда мужчинъ всего лишь 7,1%. Впрочемъ, въ то время, когда мужчины чаще отбываютъ наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ, женщины являются, по преимуществу, оскорбительницами на словахъ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что существуетъ рядъ такихъ проступковъ, которые тѣсно связаны съ профессіей: такъ, извозчики, главнымъ образомъ, отбываютъ наказаніе за неосторожную ѣзду и растрату хозяйскаго имущества, торговцы—за нарушеніе правилъ о торговлѣ въ разносъ, несоблюденіе санитарныхъ требованій и покупку завѣдомо краденаго. Портные чаще всего содержатся за растрату даннаго имъ для шитья матеріала; проститутки—за неприличное поведеніе въ публичныхъ мѣстахъ, а старыя женщины—за содержаніе тайныхъ притоновъ для разврата и нарушенія устава объ акцизныхъ сборахъ; однако, и тѣ и другія часто отбываютъ наказаніе и за появленіе въ нетрезвомъ видѣ на улицахъ. Если женщины вообще составляютъ лишь 10,8% общаго числа арестованныхъ, то среди злоупотребляющихъ спиртными напитками % ихъ значительно выше: въ годы, когда усиленно привлекались къ отвѣтственности лица, виновныя въ появленіи въ публичныхъ мѣстахъ въ нетрезвомъ видѣ (1895, 1900 и

1901 гг.), % содержавшихся женщинъ доходилъ до 11,4%, потому что среди пьяницъ женщины составляютъ 15,3%. Впрочемъ, не будетъ большой ошибкой, если сказать, что три четверти населенія арестнаго дома попадаетъ туда вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками, такъ какъ и нарушеніе общественной тишины, и оскорбленіе чиновъ полиціи, и оскорбленіе частныхъ лицъ, и даже растрата чужого имущества часто являются результатомъ пьянства.

По срокамъ, на которые арестованные приговорены были къ наказанію, они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

На 1 день	84.628	чел. или	18,5%
„ 2 дня	91.901	„ „	20,0 „
„ 3 „	80.508	„ „	17,6 „
„ 4 „	54.382	„ „	11,8 „
„ 5 дней	39.996	„ „	8,7 „
„ 6 „	11.955	„ „	2,6 „
„ 7 „	46.193	„ „	10,9 „
„ 8 „	947	„ „	0,2 „
„ 9 „	402	„ „	—
„ 10 „	10.242	„ „	2,2 „
„ 11 „	65	„ „	—
„ 12 „	469	„ „	0,1 „
„ 13 „	47	„ „	—
„ 14 „	14.211	„ „	3,1 „
„ 15 „	1.233	„ „	0,2 „
„ 16 „	33	„ „	—
„ 17 „	51	„ „	—
„ 18 „	56	„ „	—
„ 19 „	10	„ „	—
„ 20 „	1.600	„ „	0,3 „
„ 21 день	4.280	„ „	0,9 „
До 1 мѣсяца	10.115	„ „	2,2 „
„ 1 „ 15 дней	1.097	„ „	0,2 „
„ 2 мѣсяцевъ	2.158	„ „	0,4 „
„ 2 „ 15 дней	83	„ „	—
„ 3 „	889	„ „	0,1 „
Свыше 3 мѣсяцевъ [1]	15	„ „	—

[1]) На основаніи 142 ст. устава о наказаніяхъ и по уголовному уложенію.

Такимъ образомъ, больше всего содержалось приговоренныхъ на 2 дня (20,0%), которые вмѣстѣ съ однодневными (18,5%) и трехдневными (17,6%) составляли болѣе половины всего числа арестованныхъ; если же не принимать въ расчетъ этихъ арестованныхъ, какъ приговариваемыхъ обыкновенно къ штрафу и только при несостоятельности къ уплатѣ такового отбывающихъ наказаніе арестомъ, то между присужденными къ аресту первое мѣсто займутъ 4-хъ-дневные (11,8%) и второе—7-ми-дневные (10,9%) арестованные. Изъ этого видно, что въ арестномъ домѣ содержатся, по преимуществу, арестованные краткосрочные: приговоренные на сроки отъ 1 до 7 дней включительно составляютъ 90,1%, а на сроки отъ 1 до 3 мѣсяцевъ всего лишь 2,9% общаго числа арестованныхъ.

Свѣдѣнія *о рецидивѣ* арестованныхъ стали собираться только съ 1883 года, а потому таковыя имѣются за послѣдніе 33 года. Изъ содержавшихся за это время 447.206 чел. поступило:

	Мужч.	Женщ.	Всего.	%.
Въ 1-й разъ	272.906	29.080	301.986	67,3
„ 2-й „	84.020	6.775	90.795	20,4
„ 3-й „	26.134	2.955	29.089	6,6
„ 4-й „	8.687	1.494	10.181	2,3
„ 5-й „	3.498	830	4.328	0,9
„ 6-й „	2.174	594	2.768	0,7
„ 7-й „	1.455	441	1.896	0,4
„ 8-й „	1.073	316	1.389	0,3
„ 9-й „	754	234	988	0,2
„ 10-й „	598	180	778	0,3
„ 11-й „	466	146	612	
„ 12-й „	346	122	468	0,1
„ 13-й „	276	99	375	0,2
„ 14-й „	219	78	297	
„ 15-й „	176	59	235	
„ 16-й „	141	50	191	0,1
„ 17-й „	112	38	150	
„ 18-й „	88	31	119	
„ 19-й „	69	26	95	
„ 20-й „	53	24	79	
„ 21-й „	48	21	69	
„ 22-й „	37	19	56	

	Мужч.	Женщ.	Всего.	%.
Въ 23-й разъ	32	16	48	
„ 24-й „	28	13	41	
„ 25-й „	19	10	29	
„ 26-й „	16	5	21	
„ 27-й „	14	4	18	
„ 28-й „	9	3	12	
„ 29-й „	8	3	11	
„ 30-й „	6	3	9	
„ 31-й „	6	3	9	
„ 32-й „	6	2	8	
„ 33-й „	6	2	8	
„ 34-й „	4	1	5	
„ 35-й „	4	1	5	
„ 36-й „	4	1	5	
„ 37-й „	3	1	4	
„ 38-й „	3	1	4	
„ 39-й „	3	1	4	0,1
„ 40-й „	2	—	2	
„ 41-й „	2	—	2	
„ 42-й „	2	—	2	
„ 43-й „	2	—	2	
„ 44-й „	2	—	2	
„ 45-й „	1	—	1	
„ 46-й „	1	—	1	
„ 47-й „	1	—	1	
„ 48-й „	1	—	1	
„ 49-й „	1	—	1	
„ 50-й „	1	—	1	
„ 51-й „	1	—	1	
„ 52-й „	1	—	1	
„ 53-й „	1	—	1	
„ 54-й „	1	—	1	
„ 55-й „	1	—	1	

Итакъ, всѣхъ рецидивистовъ, т.-е. лицъ, содержавшихся во 2-й и болѣе разъ, было 145.220 чел., или 32,7%; изъ нихъ поступившіе во 2-й разъ составляли 20,4%, въ 3-й разъ 6,6%, въ 4-й разъ 2,3%. Затѣмъ % отношеніе все сильнѣе и сильнѣе сокращается. Такимъ образомъ, за 33 года арестный домъ имѣлъ дѣло, собственно говоря, не съ 447.206 лицами, а только съ 301.986 чел., потому, что остальные 145.220 чел., поступая вновь въ арестный домъ, увеличивали собой лишь цифру поступленія, а не число новыхъ лицъ. Приведенныя данныя показываютъ, что изъ 10 чел., впервые попавшихъ въ

арестный домъ, 6 чел. тѣмъ и ограничились, 2 попадали еще 2-й разъ, а 2 дѣлались уже настоящими рецидивистами. Среди причинъ, обусловливающихъ рецидивъ, главнѣйшими являются алкоголизмъ, т.-е. болѣзненное состояніе субъекта, или условія жизни, толкающія его на повтореніе проступка; такими условіями чаще всего бываютъ: ненормально поставленный въ столицѣ разносный торгъ и лишеніе права жительства въ столицѣ субъектовъ, немогущихъ или нежелающихъ найти себѣ занятіе внѣ ея. Самыми выдающимися рецидивистами поэтому были: охтенскій мѣщанинъ Я., отбывавшій наказаніе 44 раза за нарушеніе 42, 38 и 31 ст. уст. наказ., и сынъ губ. секр. А., отбывавшій даже 55 разъ, потому что, будучи алкоголикомъ, онъ занимался торговлей книгами въ разносъ, а, будучи высланъ изъ столицы, возвращался обратно; поэтому въ формулярѣ его мелькаютъ 29, 42, 38, 31 и 63 ст. уст. нак. и 1018 ст. улож. наказ. Интересно, что рецидивъ среди женщинъ (34,8%) болѣе, нежели среди мужчинъ (32,9%). Выдающимися рецидивистками были: дворянка И., содержавшаяся 33 раза, и мѣщанка Л., отбывавшая наказаніе 39 разъ; обѣ онѣ неисправимыя алкоголички, привлекавшіяся къ отвѣтственности, почти исключительно, по 42 ст. уст. нак.

Не мало было и такихъ лицъ, которыя поступали при двухъ и болѣе приговорахъ: съ 1887 года, когда стали собираться о томъ свѣдѣнія, по 1916 г. ихъ было 5.324 чел. Характеризуя рецидивистовъ арестнаго дома, можно сказать, что, за исключеніемъ приговоренныхъ по 63 ст. уст. нак., это большею частью молодые люди, нерѣдко привилегированныхъ сословій, присужденные къ наказанію преимущественно за буйство и оскорбленіе чиновъ полиціи, совершенныя часто въ нетрезвомъ видѣ; эта категорія рецидивистовъ самая многочисленная; затѣмъ идутъ торговцы, покупающіе завѣдомо краденое, извозчики, растрачивающіе выручку, родители, допускающіе малолѣтнихъ дѣтей своихъ къ прошенію

милостыни, содержатели тайныхъ притоновъ для разврата, нарушители правилъ о торговлѣ и т. п. Такимъ образомъ, рецидивъ обусловливается причинами двоякаго рода: или несдержанностью характера, часто вслѣдствіе алкоголизма, или погонею за легкой наживой.

Что касается приговариваемыхъ къ аресту за самовольное прибытіе въ столицу, то содержаніе ихъ въ арестномъ домѣ, совмѣстно съ прочими заключенными, представляло постоянно много неудобствъ. Одну часть этихъ арестованныхъ составляютъ лица, лишенныя по суду гражданскихъ правъ, судившіяся и отбывавшія наказанія въ тюрьмахъ или арестантскихъ ротахъ за болѣе или менѣе тяжкія преступленія противъ собственности; другую часть лицъ этой категоріи составляютъ высланные изъ столицы по распоряженію администраціи, неимѣющіе опредѣленныхъ занятій, занимающіеся прошеніемъ милостыни, или какими-либо темными дѣлами. Понятно, что сосѣдство подобныхъ лицъ крайне вредно могло вліять въ арестномъ домѣ на прочихъ арестованныхъ, по преимуществу, молодыхъ людей, и безъ того склонныхъ къ нарушенію порядка, но совершившихъ маловажные проступки. Между тѣмъ, число арестованныхъ за самовольное прибытіе въ столицу росло изъ года въ годъ, и въ 1885 году достигло 1.332 чел. (мужч. 1.173, женщ. 159) или 17,3% всего числа арестованныхъ. При такомъ громадномъ поступленіи лицъ этой категоріи достигнуть полнаго ихъ разобщенія отъ прочихъ арестованныхъ было дѣломъ невозможнымъ, и, продолжайся этотъ наплывъ долго, результаты его оказались бы крайне печальными; но съ 1886 года поступленіе этихъ лицъ сократилось, а содержаніе небольшого числа ихъ въ связи съ мѣрами, принятыми для полнаго разобщенія ихъ отъ прочихъ арестованныхъ, въ видѣ устройства особаго отдѣленія на 18 чел., съ ватерклозетами въ самыхъ камерахъ, подъемными кроватями, желѣзными столами и табуретами, прикрѣпленными не-

подвижно къ полу и стѣнамъ, не представляетъ уже затрудненій для администраціи арестнаго дома.

Работы въ арестномъ домѣ, при краткосрочности содержанія въ немъ, не имѣютъ, да и не могутъ имѣть того значенія, какое онѣ получаютъ при продолжительномъ тюремномъ заключеніи. По закону (ст. 140 и 141 уст. о сод. подъ страж., т. XIV свод. зак. изд. 1890 г.) только содержащіеся подъ арестомъ крестьяне и мѣщане занимаются работами и то лишь по собственному желанію, причемъ арестованнымъ, употребляемымъ на работу въ предѣлахъ мѣста заключенія, полагается задѣльная плата, а назначаемымъ, съ разрѣшенія попечителя, на мѣстныя общественныя работы допускается сокращеніе срока ареста: каждый день работы зачитается за два дня ареста [1]). Вслѣдствіе постановленія мирового съѣзда 4 ноября 1904 года, основаннаго на рѣшеніи правительствующаго сената отъ 16 декабря 1903 г. по дѣлу дворянина Маціевскаго, дворяне, почетные граждане и иностранные подданные при всемъ своемъ желаніи работать за сокращеніе срока ареста—къ работамъ не допускались. Такой порядокъ существовалъ съ 1904 г. по 1906 г., когда столичнымъ мировымъ съѣздомъ § 41 правилъ о содержащихся въ арестномъ домѣ былъ возстановленъ въ первоначальной редакціи и къ работамъ арестанты стали допускаться безъ различія сословій. Такимъ образомъ отпала привилегія, которая являлась очень тягостнымъ ограниченіемъ правъ.

Такъ какъ небольшая задѣльная плата не привлекала арестованныхъ, а, напротивъ, съ самаго открытія арестнаго дома они, безъ различія сословій и пола, стали обращаться къ попечителю съ просьбами о допущеніи къ работѣ за сокращеніе срока ареста, общественныхъ

[1]) О неудобствахъ дѣйствующаго закона о работѣ лицъ, содержащихся въ арестномъ домѣ, петроградскій столичный мировой съѣздъ высказался въ 1885 г. въ представленіи министру юстиціи по поводу переданнаго на заключеніе съѣзда ходатайства одного изъ уѣздныхъ земскихъ собраній о дополненіи 18 и 19 ст. прилож. къ ст. 7 (прим. 2) уст. о сод. подъ страж., т. XIV по прод. 1876 г., см. объ этомъ на стр. 470 и слѣд. настоящей книги.

же работъ въ тѣсномъ смыслѣ, которыя могли бы быть предложены арестованнымъ, въ Петроградѣ нѣтъ, то, въ видахъ доставленія содержащимся подъ арестомъ, въ особенности на болѣе продолжительные сроки, возможности работать, а не проводить время въ праздности, имъ предоставлены были работы въ стѣнахъ арестнаго дома и для нуждъ его, за сокращеніе срока ареста. Такимъ образомъ, съ марта мѣсяца 1881 г. арестованнымъ, безъ различія сословій, предложены были работы въ самомъ арестномъ домѣ, мужчинамъ: пиленіе и уборка дровъ, а женщинамъ—стирка бѣлья и мытье половъ. Затѣмъ, въ 1882 г. устроены мастерскія: столярная, слесарная, переплетная, сапожная и портняжная, а для руководства работами наняты были два мастера: переплетчикъ и сапожникъ; руководство же работами въ слесарной мастерской поручено было машинисту арестнаго дома. Дальнѣйшій опытъ показалъ, что мастерскія, при краткосрочности ареста, недостаточной подготовкѣ заключенныхъ къ спеціальнымъ работамъ и отсутствіи частныхъ заказовъ, не могутъ окупать содержаніе мастеровъ, а потому переплетчикъ былъ отпущенъ въ 1886 г., а сапожникъ въ 1890 г. Тѣмъ не менѣе, работы арестованныхъ не прекращались, причемъ весь трудъ ихъ направленъ исключительно на удовлетвореніе нуждъ и потребностей арестнаго дома (§ 41 правилъ о содерж. въ арестномъ домѣ): все количество дровъ—въ годъ около 280 саж. 9-ти четвертовыхъ, которыя по распиловкѣ на четыре полѣна даютъ 1.120 саж., —распиливается, колется и убирается арестованными; ими же моются полы, окна, двери, лѣстницы; спеціальныя знанія арестованныхъ ремесленниковъ, по возможности, утилизируются для тѣхъ же цѣлей; весь почти мелкій ремонтъ по зданію и починка инвентаря производится ими: работа находится и маляру, и печнику, и каменщику, и столяру, и слесарю и друг., а заготовка и починка бѣлья и обуви для арестованныхъ даютъ работу портнымъ и сапожникамъ, содержащимся подъ арестомъ. Такой характеръ работы

одновременно достигаетъ трехъ цѣлей: 1) даетъ возможность арестованнымъ проводить время въ работѣ, а не въ праздности, и сократить себѣ срокъ ареста; 2) досрочнымъ освобожденіемъ лицъ работавшихъ, уменьшается число арестованныхъ, одновременно содержащихся въ арестномъ домѣ, и тѣмъ сокращается расходъ на содержаніе ихъ, облегчается надзоръ за ними и предупреждается переполненіе арестнаго дома и 3) почти всѣ необходимыя работы производятся безплатно, вслѣдствіе чего легко поддерживать какъ чистоту зданія, такъ и исправность инвентаря, безъ большихъ издержекъ.

Въ теченіе 35 лѣтъ работало всего 49.698 человѣкъ (мужчинъ 46.870, женщинъ 2.828), или 10,8% общаго числа содержавшихся. Между ними было:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего человѣкъ.		%
дворянъ	1.047	84	1.131	или	2,3
почетныхъ гражданъ и купцовъ.	598	35	633	„	1,3
мѣщанъ	6.585	629	7.214	„	14,5
крестьянъ	38.398	2.054	40.452	„	81,4
иностранныхъ подданныхъ.	242	26	268	„	0,5

Эти процентныя отношенія весьма близки къ тѣмъ, которыя были получены при распредѣленіи всего числа арестованныхъ по сословіямъ, а это служитъ доказательствомъ, что арестованные, безъ различія сословій, просили работы, и что работа, какъ льгота, на одинаковыхъ условіяхъ, распредѣлялась между лицами, просившими труда, независимо отъ принадлежности арестованнаго къ тому или другому сословію.

Всего арестованными заработано въ теченіе 35 лѣтъ 159.850 дней или на каждаго работавшаго, въ среднемъ, пришлось 3—4 дня; изъ этого числа мужчины работали 148.694, а женщины 11.156 дней.

Работы мужчинъ были:	Человѣкъ.	Дней.
столярныя и плотничныя	1.842	5.889
слесарныя и кузнечныя.	3.757	11.372
портняжныя	1.389	4.934
сапожныя	950	3.404
переплетныя	497	2.046
печныя, штукатурныя и малярныя	800	2.252
земляныя и каменныя	671	1.483
пиленіе и уборка дровъ	15.637	39.883
мытье половъ, оконъ и дверей.	10.665	25.599
разныя хозяйственныя (мытье посуды, приготовленіе швабръ и т. п.)	10.431	50.888
стирка бѣлья на машинахъ	221	884
Работы женщинъ:		
шитье и починка бѣлья	493	2.111
стирка и уборка бѣлья	1.412	5.378
мытье половъ, дверей, оконъ	923	3.667

Изъ этого перечисленія видно, что главной работой арестованныхъ было заготовленіе топлива, чѣмъ занимались 33,0% всѣхъ работавшихъ мужчинъ, и на что пошло 26,8% всего числа рабочихъ дней; вообще же грубый физическій трудъ производился болѣе чѣмъ тремя четвертями всѣхъ работавшихъ, а ремесленный трудъ менѣе чѣмъ одной четвертью.

По годамъ, самое большое число работавшихъ арестованныхъ было въ 1899 г. (2.073), а число дней работы самое большое въ 1910 г. (7.198).

Разрѣшеніе работы за сокращеніе срока ареста въ арестномъ домѣ вообще разсматривается, какъ льгота, предоставляемая попечителемъ, въ виду чего работа разрѣшается прежде всего при условіи хорошаго поведенія. Но такъ какъ при большомъ числѣ содержащихся не всѣмъ желающимъ можно найти работу въ предѣлахъ мѣста заключенія, то приходится сообразоваться съ потребностями его въ рабочихъ рукахъ арестованныхъ. Такимъ образомъ, долголѣтней практикой выработаны слѣдующія основныя положенія: 1) всѣ лица, приговоренныя къ денежнымъ взысканіямъ и отбывающія наказанія арестомъ, къ работамъ не допускаются вовсе, такъ какъ

всегда сами могутъ сократить себѣ срокъ ареста, внеся соотвѣтственную часть денежнаго взысканія; 2) всѣ лица, приговоренныя на сроки до 7 дней, обыкновенно тоже не допускаются къ работамъ, такъ какъ предпочтительнѣе предоставлять работу долгосрочнымъ арестованнымъ; 3) рецидивисты, начиная съ отбывающихъ наказаніе въ 3-й разъ за два послѣдніе года или въ 4-й разъ вообще, а равно и всѣ поступающіе въ арестный домъ при двухъ и болѣе приговорахъ, вовсе не допускаются къ работамъ. Для прочихъ арестованныхъ существуютъ двѣ нормы: обыкновенная при большемъ числѣ арестованныхъ и усиленная при уменьшенномъ ихъ числѣ, когда не хватаетъ рабочихъ рукъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ арестнаго дома, причемъ работа предоставлялась въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Срокъ ареста:	Число дней работы: обыкнов.	усилен.
5 и 6 дней	—	1
отъ 7 до 9 дней	1	2
„ 10 „ 13 „	2	3
„ 14 и 15 „	3	4
„ 16 до 20 „	4	5
„ 21 „ 25 „	5	6
„ 26 „ 29 „	6	7
1 мѣсяцъ	8	
1 „ и 15 дней	12	
2 „	16	
2 „ и 15 дней	20	
3 „	24	

Предоставленіе работы преимущественно долгосрочнымъ арестованнымъ, помимо вышеприведенныхъ основаній, имѣетъ еще существенное значеніе, какъ лучшій стимулъ для удержанія арестованныхъ отъ нарушенія порядка и дисциплины въ арестномъ домѣ: разсчитывая получить работу, разрѣшаемую лишь подъ конецъ ареста, они волей-неволей подчиняются существующему режиму, а допущенные къ работѣ боятся потерять право на продолженіе ея или на зачетъ ея въ срокъ ареста, такъ какъ

отказъ въ работѣ является однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ наказаній для арестованныхъ.

Если цѣнить каждый день работы арестованнаго только въ 25 к., то за 35 л. арестованные произвели въ арестномъ домѣ работъ на 39.962 р. 50 к., а такъ какъ каждый день работы сокращаетъ ихъ содержаніе на одинъ день, средняя же стоимость продовольствія одного арестованнаго въ день за 35 лѣтъ равняется 12¼ коп.—то одновременно достигнута экономія на продовольствіи въ 19.581 р. 62 к., а всего работы арестованныхъ за 35 лѣтъ доставили по умѣренному расчету сбереженіе городской кассѣ въ 59.544 р. 12 к.

Какъ было уже замѣчено, сокращеніе срока ареста за работу до нѣкоторой степени регулируетъ число лицъ, одновременно содержащихся подъ арестомъ, и тѣмъ предупреждаетъ переполненіе арестнаго дома. Поступленіе арестованныхъ обыкновенно увеличивается въ зимніе мѣсяцы, когда требуется усиленная заготовка дровъ, а скопленіе арестованныхъ вынуждаетъ чаще мыть полы, двери и т. п., слѣдовательно, число арестованныхъ, назначаемыхъ на работы и затѣмъ освобождаемыхъ по сокращеннымъ срокамъ, тоже увеличивается. Тѣмъ не менѣе, переполненіе мужского отдѣленія, хотя и рѣдко, но случалось. Въ 1884 и 1885 гг., когда былъ большой наплывъ арестованныхъ, приговоренныхъ къ наказанію за самовольное прибытіе въ столицу, приходилось отказывать въ пріемѣ преимущественно лицамъ этой категоріи. Затѣмъ, въ 1895 г., когда приговариваемые за появленіе въ нетрезвомъ видѣ въ публичныхъ мѣстахъ увеличили вдвое населеніе арестнаго дома, переполненіе его стало заурядным явленіемъ и расширеніе его сдѣлалось необходимымъ.

Въ послѣдующіе затѣмъ 1896 и 1897 гг., во время надстройки арестнаго дома, приходилось ограничивать пріемъ арестованныхъ, и тогда принимались они въ арестный домъ по предварительной записи: свободныя мѣста предоставлялись лишь тѣмъ полицейскимъ участ-

камъ, которые заблаговременно задержали ихъ по телефону для своихъ арестованныхъ. Послѣ расширенія арестнаго дома, въ 1897 г., когда число мѣстъ съ 160 доведено было до 300, а, въ случаѣ надобности, оно увеличивалось и до 400, отказы въ пріемѣ стали совсѣмъ рѣдки, несмотря на возобновившееся въ 1900 и 1901 гг. преслѣдованіе пьяницъ. Въ эти годы поступленіе было максимальнымъ и доходило до 26.596 человѣкъ (1901 г.). Наконецъ, въ 1909 г., во время содержанія въ арестномъ домѣ административныхъ арестованныхъ, подвергавшихся обыкновенно аресту на продолжительные сроки отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, по заполненіи всѣхъ мѣстъ третьяго этажа, предоставленнаго подъ арестованныхъ этой категоріи, приходилось отказывать временно въ дальнѣйшемъ пріемѣ этого рода арестованныхъ.

Выше было указано, что между арестованными мужчинами грамотные составляли 76,3%, тогда какъ между женщинами ихъ только 34,5%. Высокій процентъ грамотныхъ мужчинъ и желаніе дать имъ полезное развлеченіе заставили въ 1885 г. завести библіотеку, съ выдачей арестованнымъ книгъ и журналовъ для чтенія въ камерахъ. Къ сожалѣнію, кратковременный опытъ убѣдилъ въ нецѣлесообразности такой мѣры: книги и журналы возвращались съ вырванными листами и неприличными надписями. Тогда въ 1887 г. при мужскомъ отдѣленіи открыта была въ одной изъ большихъ камеръ читальня, а въ 1897 г., при надстройкѣ 4-го этажа, подъ читальню отведено было спеціально устроенное помѣщеніе. Съ устройствомъ читальни, гдѣ арестованные занимаются чтеніемъ книгъ, газетъ и журналовъ ежедневно съ 12½ до 3½ часовъ дня, подъ наблюденіемъ служителя, цѣль была достигнута: арестованные очень охотно посѣщали ее, а выдаваемыя имъ книги сохранялись и служили подолгу. Такимъ образомъ, за 29 лѣтъ общее число требованій книгъ, газетъ и журналовъ достигло 316.790 или среднимъ числомъ въ годъ ихъ было 10.924. Что касается женщинъ, то, хотя онѣ и могутъ пользоваться книгами, газетами и журналами изъ читальни въ свободные отъ чтенія мужчинами часы, но правомъ этимъ пользуются мало. Приходящія въ нѣкоторую ветхость книги исключаются изъ читальни и инвентаря и тогда выдаются для чтенія въ отдѣленіе для содержащихся за самовольное прибытіе въ столицу и въ лазаретъ, такъ какъ лица, помѣщающіяся тамъ, въ читальню не допускаются.

Съ 1887 г. заведена была и регистрація посѣтителей, являющихся въ установленные дни и часы на свиданіе съ арестованными; такихъ лицъ за 29 лѣтъ было 137.772 или, въ среднемъ, въ годъ—4.792 человѣка.

Затѣмъ, въ 1899 г. удалось исходатайствовать у почтоваго вѣдомства установку спеціальнаго почтоваго ящика у входа въ арестный домъ, и тогда на мужскомъ отдѣленіи вывѣшена была почтовая кружка для опусканія арестованными писемъ; изъ этой кружки письма переносятся три раза въ день въ почтовый ящикъ.

Что касается *поведенія* арестованныхъ, то, въ общемъ, нужно признать, что громадное большинство арестованныхъ ведетъ себя въ арестномъ домѣ сдержанно, подчиняясь установленнымъ правиламъ и соблюдая дисциплину.

Правда, и администрація арестнаго дома обращается съ ними вполнѣ гуманно, стараясь оказывать на нихъ нравственное воздѣйствіе и прибѣгая къ болѣе или менѣе строгимъ взысканіямъ лишь въ случаяхъ крайней надобности. Даже въ разгаръ революціи 1905 года, когда среди арестованныхъ появлялись агитаторы, задававшіеся цѣлью возбудить общіе безпорядки, требовавшіе отмѣны многихъ стѣснительныхъ для арестованныхъ правилъ и мечтавшіе даже объ автономномъ управленіи арестнымъ домомъ общимъ собраніемъ арестованныхъ, безоружной администраціи арестнаго дома удавалось сдерживать возбужденіе арестованныхъ собственными средствами, не прибѣгая къ содѣйствію вооруженной силы.

Самымъ безпокойнымъ элементомъ всегда были лица, приговоренныя къ аресту за самовольное прибытіе въ столицу, о которыхъ уже говорилось. Самъ по себѣ арестъ для нихъ не составляетъ вовсе наказанія, а скорѣе отдыхъ въ ихъ постоянныхъ скитаніяхъ; но необходимость изолировать ихъ отъ прочихъ арестованныхъ и подвергать ихъ болѣе строгому режиму вызываетъ съ ихъ стороны раздраженіе и желаніе всякими способами досадить администраціи арестнаго дома. Затѣмъ, въ 1908—1910 гг., когда стали поступать въ арестный домъ административные арестованные (а первоначально посылались они безъ всякаго разбора), среди этой категоріи оказывалось много очень безпокойныхъ элементовъ, для содержанія которыхъ арестный домъ былъ вовсе не приспособленъ. Приходилось ихъ тоже отдѣлять и усиливать надзоръ за ними, но это мало помогало, потому, что лица эти находили режимъ арестнаго дома для себя слишкомъ строгимъ, тѣмъ болѣе, что правомъ на установленныя закономъ льготы они не пользовались, такъ какъ, по распоряженію градоначальника, подвергнутые имъ аресту не могли сократить себѣ срокъ ареста работой, а отбывающихъ арестъ, взамѣнъ денежнаго взысканія, нельзя было освобождать за внесеніемъ части денежнаго штрафа. Когда оказалось, что путемъ обжалованія распоряженія градоначальника въ установленномъ порядкѣ невозможно было немедленно избавиться отъ этой категоріи арестованныхъ, то пришлось идти на компромиссъ и просить о доставленіи въ арестный домъ лишь такихъ категорій административныхъ арестованныхъ, которыя болѣе другихъ подходятъ къ контингенту приговариваемыхъ къ аресту мировымъ судомъ. Послѣ того, справляться съ такого рода административными стало легче. Кромѣ этихъ лицъ, болѣе другихъ арестованныхъ причиняли хлопотъ администраціи дома рецидивисты и между ними, въ особенности, лица привилегированныхъ сословій, сдерживать которыхъ приходилось иногда такими мѣрами наказанія, какъ содержаніе въ темной комнатѣ (карцерѣ); впрочемъ, такіе случаи вообще не часты (въ среднемъ 8 случаевъ въ годъ), такъ какъ администрація дома прибѣгаетъ къ нимъ только тогда, когда болѣе кроткія мѣры оказываются безуспѣшными. Чаще другихъ наказаній практиковалось содержаніе арестованныхъ подъ усиленнымъ надзоромъ, т.-е. въ одиночныхъ камерахъ, запертыхъ на замокъ, съ правомъ выхода лишь для ѣды и естественной надобности. Самымъ обычнымъ нарушеніемъ установленныхъ правилъ были попытки пронести курительный табакъ при пріемѣ, и для этого арестованные, особенно рецидивисты, прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ: табакъ прятали въ сапоги, зашивали въ платье, заклеивали въ переплеты книгъ, насыпали въ жестянки и ящики съ двойными днами и т. п. Ухищренія эти весьма понятны, потому что труднѣе всего для арестованныхъ курильщиковъ соблюдать правило о некуреніи табаку. Неоднократно арестованные жаловались на это стѣсненіе и просили о разрѣшеніи курить; но, въ виду прямого запрещенія закона (ст. 143 уст. о сод. подъ стр., т. XIV св. зак. изд. 1890 г.), никакихъ отступленій не допускалось, и виновные въ нарушеніи закона подвергались за то наказаніямъ.

Между прочимъ, въ 1896 году на это обстоятельство обратила вниманіе городская ревизіонная комиссія и въ докладѣ своемъ предложила городской думѣ возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о разрѣшеніи содержащимся въ арестныхъ домахъ куренія табаку; когда же, по порученію думы, городской управой представленъ былъ по этому вопросу докладъ, то дума, разсмотрѣвъ его въ засѣданіи 26—28 марта 1897 г., постановила ходатайства не возбуждать, признавъ, что разрѣшеніе куренія ухудшило бы гигіеническія условія содержанія арестованныхъ.

Въ 1908 году вопросъ объ измѣненіи 143 ст. уст. о сод. подъ стражей былъ предметомъ особаго обсужденія петроградскаго столичнаго мирового съѣзда. Адми-

нистрація арестнаго дома, пытавшаяся въ точности исполнять запретъ закона курить табакъ въ арестномъ домѣ, должна была неоднократно сознаваться, что всѣ принимавшіяся ею мѣры не привели къ желательнымъ результатамъ. Изъ года въ годъ попечитель арестнаго дома указывалъ, что болѣе 75% взысканій на арестованныхъ было наложено имъ за нарушеніе запрещенія курить табакъ, за попытки пронести его и за продажу табака; стремленіе арестованныхъ достать табакъ развращающе дѣйствовало и на низшій персоналъ администраціи арестнаго дома, такъ какъ бывали случаи, когда служители дома уличались въ способствованіи арестованнымъ достать табакъ. То же происходитъ и въ другихъ арестныхъ домахъ; такъ, смотритель московскаго арестнаго дома на запросъ съѣзда удостовѣрилъ, что запрещеніе курить крайне осложняетъ надзоръ за арестованными, такъ какъ послѣдніе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы имѣть возможность обойти это запрещеніе. Совершенно тождественныя явленія имѣли мѣсто при безусловномъ запрещеніи курить табакъ въ тюрьмахъ и исправительныхъ отдѣленіяхъ, какъ это видно изъ сообщенія главнаго тюремнаго управленія отъ 24 августа 1905 года за № 13, въ виду чего главное тюремное управленіе, руководствуясь отсутствіемъ въ законѣ безусловнаго запрещенія курить табакъ въ тюрьмахъ, нашло возможнымъ предоставить губернскимъ начальствамъ, въ качествѣ временной мѣры, разрѣшать куреніе табаку въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ заключенія.

Признавая, что запрещеніе курить табакъ въ арестномъ домѣ, согласно указаніямъ многолѣтняго опыта, вызываетъ большія затрудненія, обостряетъ отношенія между администраціей и арестованными, что это требованіе дѣлаетъ арестъ болѣе тяжкимъ для привычныхъ курильщиковъ, чѣмъ для некурящихъ, мировой съѣздъ нашелъ, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія могла бы быть отмѣна запрещенія курить табакъ, но не безусловная, а при извѣстныхъ ограниченіяхъ;

ограниченія должны состоять въ томъ, чтобы куреніе разрѣшалось только въ особыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно возбудило бы неудовольствіе некурящихъ и было бы опасно въ пожарномъ отношеніи, и, во-вторыхъ, разрѣшеніе курить и полученіе табака должно быть предоставлено усмотрѣнію высшей администраціи арестнаго дома, какъ мѣра воздѣйствія на поведеніе арестованныхъ. Имѣя затѣмъ въ виду, что статьею 143 уст. о сод. подъ стражей куреніе табаку въ арестныхъ домахъ категорически воспрещено, съѣздъ находилъ, что и отмѣна этого запрещенія можетъ послѣдовать не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ, а потому, признавая отмѣну запрещенія курить табакъ въ арестномъ домѣ желательной, но съ тѣмъ, чтобы курить табакъ разрѣшалось каждому арестованному администраціей арестнаго дома и въ особомъ помѣщеніи, съѣздъ опредѣлилъ: представить министру юстиціи о соотвѣтствующемъ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ 143 ст. уст. о содержащихся подъ стражей. Отвѣта на представленіе съѣзда со стороны министерства юстиціи не послѣдовало [1]).

Случаи *побѣга* изъ арестнаго дома вообще бывали очень рѣдко. Вначалѣ, въ 1882 и 1883 гг., такихъ случаевъ было 8, и во всѣхъ этихъ случаяхъ бѣжали изъ сада лица, содержавшіяся подъ арестомъ за самовольное прибытіе въ столицу. Послѣ принятія надлежащихъ мѣръ случаи эти прекратились, и за всѣ остальные годы былъ только одинъ случай побѣга въ 1909 г. На этотъ разъ бѣжалъ мѣщанинъ Ж., приговоренный по 38 и 46 ст. къ аресту на мѣсяцъ; но, какъ потомъ оказалось, бѣжалъ онъ потому, что за нимъ числились другіе проступки, за которые онъ подлежалъ болѣе строгой отвѣтственности. Удалось ему бѣжать, обманувъ дежурныхъ надзирателей заявленіемъ, что онъ вновь выбранный староста арестованныхъ; его пропустили изъ зданія во

[1]) Отчетъ съѣзда 1908 г.

дворъ для слѣдованія въ кухню, но со двора онъ направился къ навѣсу, гдѣ пилятъ дрова, перелѣзъ черезъ стѣну и скрылся. Кромѣ того, было еще три случая побѣга отъ конвойныхъ: въ 1889 г. бѣжалъ отъ конвойнаго дворянинъ Н., препровождавшійся къ судебному слѣдователю для допроса, въ 1900 г. бѣжалъ отъ конвойнаго крестьянинъ С., препровождавшійся на излеченіе въ городскую алафузовскую больницу, и въ 1901 г. бѣжала отъ конвойнаго лишенная особыхъ правъ Р., препровождавшаяся, по окончаніи срока ареста, въ управленіе сыскной полиціи. Значительно чаще бывали случаи обнаруженія *подмѣна* лицъ, подлежавшихъ аресту, другими: такихъ случаевъ за 34 года было обнаружено 114. Хотя при пріемѣ арестованныхъ обязательно требуется удостовѣреніе полиціи, что исполнительный листъ относится къ доставленному лицу, но подмѣны повторяются изъ года въ годъ и обнаруживаются или благодаря особой внимательности администраціи арестнаго дома къ показаніямъ опрашиваемыхъ при пріемѣ арестованныхъ, или случайно, когда самъ арестованный проговорится или его признаетъ кто-либо за другое лицо. Кромѣ этихъ случаевъ, бываетъ еще обмѣнъ именами между лицами, содержащимися уже въ арестномъ домѣ: такихъ случаевъ за 30 лѣтъ обнаружено было 6; въ этихъ случаяхъ лицо, приговоренное на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, желая освободиться изъ-подъ ареста ранѣе, называется именемъ другого лица, подлежащаго освобожденію за окончаніемъ срока ареста, а второе лицо остается досиживать срокъ перваго.

Во всѣхъ случаяхъ обнаруженія подмѣна лица и обмѣна именами составлялись протоколы, виновные привлекались къ судебной отвѣтственности и несли наказаніе.

Составленныя въ первый годъ послѣ открытія арестнаго дома правила о порядкѣ содержанія арестованныхъ, конечно, многаго не могли предусмотрѣть, а потому, съ теченіемъ времени, обнаружили не мало пробѣловъ и

неточностей, затруднявшихъ примѣненіе ихъ на практикѣ. Для устраненія этихъ неудобствъ, на основаніи уже семилѣтняго опыта, въ 1887 году попечителемъ арестнаго дома были составлены, 18 февраля 1888 г. утверждены мировымъ съѣздомъ и съ 1 марта того же года введены въ дѣйствіе новыя *„правила объ управленіи арестнымъ домомъ и о содержащихся въ оном"*.

Въ 1912 году петроградскій градоначальникъ, усмотрѣвъ, что означенныя правила утверждены лишь столичнымъ мировымъ съѣздомъ, обратился къ петроградскому городскому головѣ съ предложеніемъ представить ихъ на разсмотрѣніе городской думы. Предложеніе это передано было городской управой на заключеніе мирового съѣзда; но такъ какъ правила были составлены и утверждены четверть вѣка тому назадъ и за это время успѣли устарѣть и отстать отъ современныхъ условій дѣятельности арестнаго дома, то оказалось необходимымъ пересмотрѣть ихъ.

2-го мая 1913 г. мировой съѣздъ пересмотрѣлъ правила и съ нѣкоторыми измѣненіями, согласно ст. 151 уст. о сод. подъ стр., представилъ ихъ на утвержденіе городской думы.

Между прочимъ былъ оставленъ въ прежней редакціи § 51 правилъ 1888 г., гласящій слѣдующее: „за неповиновеніе и неисполненіе установленныхъ въ арестномъ домѣ правилъ, смотря по важности проступка, виновные подвергаются, по распоряженію попечителя, слѣдующимъ наказаніямъ: а) выговору, б) лишенію прогулокъ по корридору и саду, в) лишенію права посѣщать читальню, г) лишенію свиданій съ посѣтителями, д) лишенію права на зачетъ произведенной работы, е) содержанію въ одиночной камерѣ подъ замкомъ, съ правомъ выхода лишь для ѣды и естественной надобности, ж) денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей и з) заключенію въ комнатѣ безъ свѣта (карцеръ) на время не свыше сутокъ.

Дѣло въ томъ, что законъ, предоставляющій попе-

чителю исключительное право наложенія взысканій троякаго рода: выговоръ, денежный штрафъ и заключеніе въ комнатѣ безъ свѣта (карцеръ), оказался не отвѣчающимъ требованіямъ практики. Выговоръ почти не примѣняется совсѣмъ, потому что сколько-нибудь дѣйствительнаго значенія, въ глазахъ громаднаго большинства арестованныхъ, онъ не имѣетъ; денежное взысканіе не можетъ быть наложено потому, что, за рѣдкими исключеніями, у нарушившаго порядокъ арестованнаго и денегъ при себѣ нѣтъ; сажать же въ карцеръ за всякое нарушеніе порядка—мѣра и очень строгая, и несправедливая, потому что нельзя одно и то же взысканіе налагать и за попытку пронести табакъ, и за упорное неповиновеніе, и за оскорбленіе служителя.

Взысканіе должно соотвѣтствовать важности проступка. Поэтому-то въ арестномъ домѣ и выработана система наказаній, практиковавшаяся 33 года и составившая содержаніе приведеннаго выше § 51 правилъ. Однако юридическая комиссія, состоящая при городской думѣ, на заключеніе которой былъ переданъ проектъ новыхъ правилъ, не согласилась съ редакціей § 51, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

Правила объ управленіи петроградскимъ арестнымъ домомъ издаются въ развитіе соотвѣтствующихъ статей устава о содерж. подъ стражей (т. XIV св. зак.), въ частности § 51 правилъ о допустимыхъ способахъ наказанія виновныхъ долженъ соотвѣтствовать спеціальной по означенному вопросу статьѣ 144 уст. о сод. подъ стр., въ которой за неповиновеніе и неисполненіе установленныхъ правилъ виновные могутъ подвергаться, по приговору попечителя, точно опредѣленнымъ тремъ родамъ наказаній: выговору, денежному взысканію не свыше 15 руб. и заключенію въ комнатѣ безъ свѣта на время не свыше сутокъ.

Промежуточныя наказанія § 51 правилъ объ управленіи арестнымъ домомъ, именно: лишеніе прогулокъ по корридору и саду, права посѣщать читальню, свиданій съ посѣтителями и т. д., имѣются въ уставѣ о содержащихся подъ стражей въ ст. 395, но статья эта и слѣдующія имѣютъ въ виду установленіе дисциплинарной отвѣтственности для содержащихся подъ стражей въ тюрьмахъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, причемъ возможности распространенія статьи этой на арестные дома въ уставѣ о содержащихся подъ стражей не указывается, а, напротивъ, въ немъ содержится спеціальная по означенному вопросу статья 144, согласно которой въ арестномъ домѣ допускаются лишь 3 рода наказаній: выговоръ, денежное взысканіе до 15 руб. и содержаніе въ комнатѣ безъ свѣта (карцеръ) не свыше сутокъ. Такимъ образомъ, распространительное толкованіе этой (144) статьи уст. о сод. подъ стр. и включеніе въ нее правила статьи 395 того же устава въ порядкѣ инструкціонномъ юридически не допустимо, хотя бы цѣлесообразность такихъ мѣръ и подтверждалась многолѣтнею, установившеюся въ арестномъ домѣ, практикою.

Другихъ возраженій юридическая комиссія не усмотрѣла.

Городская дума, согласившись съ юридической комиссіей, въ засѣданіи 19 ноября 1914 г., утвердила правила въ новой редакціи.

Арестованные *продовольствуются*, т.-е. получаютъ пищу, хлѣбъ и квасъ, приготовляемые въ кухнѣ и пекарнѣ при арестномъ домѣ на счетъ отпускаемыхъ изъ городской управы суммъ. Въ случаѣ желанія довольствоваться на собственный счетъ, они могутъ заказывать себѣ кушанія, приготовляемыя для нихъ въ той же кухнѣ по таксѣ, утвержденной городской управой; но этимъ правомъ они пользуются очень рѣдко, такъ какъ отпускаемая имъ пища вполнѣ удовлетворяетъ потребности громаднаго большинства арестованныхъ. Раньше, когда обязательно соблюдались всѣ посты, въ постное время замѣчалось увеличеніе заказовъ на скоромныя блюда, но съ отмѣной соблюденія постовъ, послѣдовавшей въ 1906 году, число заказовъ сократилось. Теперь

постная пища дается лишь на первой, четвертой и страстной недѣляхъ великаго поста, по средамъ и пятницамъ во всякое время и въ нѣсколько отдѣльныхъ дней въ году, когда церковью предписывается строгій постъ (5 января, 29 августа, 14 сентября и 24 декабря). Содержащіеся подъ арестомъ евреи и магометане въ случаѣ, если ихъ религіозныя убѣжденія не позволяютъ имъ употребленіе пищи, приготовляемой христіанами, пользуются правомъ получать пищу изъ дому, и въ такомъ случаѣ получаютъ порціонныя деньги по 15 коп. въ день. Лица привилегированныхъ сословій пользуются улучшеннымъ столомъ, но кашу и хлѣбъ по 2,5 фун. въ день получаютъ одинаково со всѣми прочими арестованными. Больнымъ дѣтямъ, находящимся при арестованныхъ матеряхъ, по требованію врача арестнаго дома, отпускаются: молоко, яйца, овсянка, манная каша и булки. Чтобы выяснить, какъ отзывается арестъ на вѣсѣ тѣла арестованныхъ, въ 1892—1894 гг. производились опыты взвѣшиванія всѣхъ арестованныхъ, приговоренныхъ на сроки отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, при поступленіи ихъ въ арестный домъ и при освобожденіи. Въ результатѣ оказалось, что изъ 486 человѣкъ не измѣнилось въ вѣсѣ 36 человѣкъ, убавилось 88 человѣкъ, въ среднемъ, на 3,5 фунта каждый, и увеличилось 362 человѣка, въ среднемъ, на 6,5 фун. каждый. Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ получается увеличеніе въ вѣсѣ, которое обусловливается, помимо другихъ причинъ, несомнѣнно и правильнымъ питаніемъ арестованныхъ. Уменьшеніе вѣса въ отдѣльныхъ случаяхъ объясняется преклонностью возраста, болѣзненностью организма или отсутствіемъ привычныхъ условій. А что арестованные получаютъ все, что̀ имъ полагается, и что пища приготовляется изъ вполнѣ доброкачественныхъ продуктовъ, въ этомъ никто изъ нихъ не можетъ сомнѣваться, такъ какъ имъ предоставлено право выбирать изъ своей среды старосту, который присутствуетъ при пріемѣ продовольственныхъ припасовъ, при приготовленіи пищи и при распредѣленіи ея между арестованными, причемъ

онъ удостовѣряетъ своей подписью правильный отпускъ припасовъ на ежедневной продовольственной вѣдомости.

Всего за 35 л. на продовольствіе арестованныхъ израсходовано было 273.404 р. 03 к.; а такъ какъ арестованные находились на довольствіи, въ общей сложности, въ теченіе 2.138.395 дней, то расходъ на содержаніе одного человѣка въ день, въ среднемъ, составлялъ 12,5 коп. Однако, въ послѣдніе годы, вслѣдствіе улучшенія пищи и вздорожанія продовольственныхъ припасовъ, расходъ этотъ колебался между 14 и 16 коп. и достигалъ даже 16,6 коп. (въ 1908 г.), причемъ довольствіе одного лица привилегированныхъ сословій обходилось въ 24,2 коп., а прочихъ 16,4 коп. въ день; но въ 1915 г., при чрезмѣрной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, довольствіе вообще одного арестованнаго въ день, въ среднемъ, равняется 23,4 коп.; въ частности— для лицъ привилегированныхъ сословій расходъ выразился въ суммѣ 34,4 коп. на одного человѣка въ день, а прочихъ—23,2 коп.

Общая стоимость содержанія арестнаго дома за 35 лѣтъ выражается суммой 1.657.486 руб. 01 коп., или на одного человѣка въ день 77,5 коп., въ томъ числѣ израсходовано:

			На 1 чел. въ день.
На личный составъ	679.359 р.	27 к.	31,8
„ канцелярскіе расходы	12.991 „	31 „	0,6
„ обмундированіе служителей	20.147 „	05 „	0,9
„ ремонтъ мебели и посуды	6.469 „	26 „	0,3
„ ремонтъ одежды и бѣлья арестованныхъ	12.759 „	70 „	0,6
„ библіотеку	4.324 „	47 „	0,2
„ продовольствіе арестованныхъ	273.404 „	03 „	12,8
„ „ служителей (до іюля 1914 г.)	71.831 „	53 „	3,4
„ хозяйственные расходы	51.168 „	99 „	2,4
„ ремонтъ отопленія, вентиляціи и водопровода	5.355 „	44 „	0,3
„ содержаніе садиковъ	2.917 „	66 „	0,1
„ горячіе завтраки для писцовъ (съ 1902 года)	8.094 „	10 „	0,4
„ наемъ хора пѣвчихъ (съ 1903 года)	7.615 „	— „	0,4
„ пособія служащимъ	9.409 „	22 „	0,4
„ пособія на содержаніе и обученіе дѣтей (съ 1914 г.)	4.711 „	32 „	0,2
„ награды служащимъ	40.774 „	10 „	1,8
„ освѣщеніе	72.017 „	37 „	3,3

			На 1 чел. въ день.
На отопленіе	186.613 р.	41 к.	8,7
„ ремонтъ зданія	131.467 „	16 „	6,2
„ страхованіе	9.540 „	47 „	0,5
„ очистку и вывозъ нечистотъ	33.171 „	38 „	1,6
„ водоснабженіе (съ 1903 г.)	13.343 „	77 „	0,6

Если же принять во вниманіе, что стоимость зданія арестнаго дома съ землей и первоначальнымъ обзаведеніемъ составляетъ, какъ выше было указано, 540.716 руб. 35 коп., то весь расходъ города на устройство и содержаніе арестнаго дома въ теченіе пятидесяти лѣтъ выразится суммой въ 2.198.202 руб. 36 коп.

Главнымъ источникомъ для покрытія столь крупнаго расхода служилъ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, въ каковой капиталъ съ 1866 по 1914 годъ поступило штрафныхъ суммъ 2.808.207 р. 95½ к., не считая нароставшихъ на него процентовъ. Но съ 1866 по 1873 г. поступавшіе изъ мирового суда штрафы по городскимъ смѣтамъ, ежегодно разсматривавшимся государственнымъ совѣтомъ и утверждавшимся высочайшею властью, въ особый капиталъ на устройство арестныхъ помѣщеній не зачислялись, а поступали въ общія городскія средства. Пользуясь этими, въ законномъ порядкѣ данными разрѣшеніями, столичное общественное управленіе изъ общихъ городскихъ средствъ устраивало временныя помѣщенія для подвергавшихся аресту въ аракчеевскихъ казармахъ и тюрьмахъ, на что̀ въ 1866—1872 гг. израсходовало 56.624 р. 65 к.

Со времени введенія въ Петроградѣ въ дѣйствіе городового положенія 1870 г. (въ 1873 г.), когда городскія смѣты стали утверждаться самою городскою думою, обращаемые въ городскую кассу по приговорамъ мирового суда штрафы начали поступать на образованіе особаго спеціальнаго капитала. Изъ этого капитала на постройку городского арестнаго дома съ его обстановкою въ 1877—1880 гг. израсходовано 364.262 р. 65 к.

Послѣ постройки арестнаго дома до 1889 г. всѣ расходы по содержанію арестнаго дома, въ томъ числѣ и содержаніе самого зданія, покрывались изъ общихъ городскихъ средствъ, и только съ 1889 г. изъ капитала арестныхъ помѣщеній стали пополняться расходы, какъ по содержанію въ исправности зданія арестнаго дома, какъ-то: ремонтъ, освѣщеніе, отопленіе, очистка дымовыхъ трубъ, вывозъ нечистотъ, такъ и на выдачу пособія обществу земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ. Всего этихъ расходовъ изъ капитала арестныхъ помѣщеній въ 1889—1895 гг. произведено на сумму 81.066 р. 04 к.

Изъ капитала же арестныхъ помѣщеній, согласно особому, въ установленномъ порядкѣ послѣдовавшему разрѣшенію, въ 1891 и 1892 гг. выдано на постройку пересыльной тюрьмы 175.000 р. и на расширеніе арестантскихъ помѣщеній при полицейскихъ частяхъ 107.000 р.

Въ 1896 и 1897 гг. на надстройку арестнаго дома израсходовано было изъ того же капитала 109.034 р. 70 к., а съ 1899 г., согласно постановленію городской думы отъ 10 февраля того же года, весь расходъ по содержанію арестнаго дома сталъ относиться на штрафной капиталъ. Тѣмъ временемъ въ 1900 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о передачѣ всей свободной наличности капитала въ главное тюремное управленіе для постройки новыхъ тюремъ, вслѣдствіе чего въ 1900 и 1901 годахъ выдано было въ ссуду означенному управленію 235.093 р. 81 к., и временно капиталъ изсякъ. Но штрафы продолжали поступать и капиталъ сталъ снова расти. Въ 1906 и 1907 гг. изъ него былъ произведенъ расходъ на постройку новаго административнаго флигеля при арестномъ домѣ, въ размѣрѣ 27.419 р., и по-прежнему на этотъ капиталъ относился весь расходъ по содержанію арестнаго дома. Утвержденіе смѣты на 1908 г. встрѣтило, однако, препятствіе со стороны петроградскаго градоначальника, пріостановившаго постановленіе о томъ городской думы отъ 11 января 1908 г.,

какъ не отвѣчающее, по его мнѣнію, требованію закона. Переданное на разсмотрѣніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, это постановленіе думы было отмѣнено, такъ какъ присутствіе нашло, что расходованіе суммъ штрафного капитала можетъ производиться, согласно разъясненію правительствующаго сената, только на содержаніе мѣста заключенія, но не самихъ арестованныхъ. Вслѣдствіе сего, изъ ассигнованныхъ по смѣтѣ арестнаго дома 67.404 р. 53 к. только 26.535 р. 14 к. отнесено присутствіемъ на суммы штрафного капитала, а остальные 40.869 р. 39 к. на городскія средства. Подчинившись такому опредѣленію городского присутствія, городская управа, руководствуясь заключеніемъ городской постоянной юридической комиссіи, предложила городской думѣ возбудить въ законодательномъ порядкѣ ходатайство о томъ, чтобы городу было предоставлено право, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по устройству и содержанію арестныхъ помѣщеній, расходовать оставшіяся послѣ того свободныя штрафныя суммы на содержаніе арестуемыхъ.

Тѣмъ временемъ изъ того же штрафного капитала производились ежегодныя пособія и обществу земледѣльческихъ колоній, и обществу попеченія о несовершеннолѣтнихъ, подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, и исправительно-воспитательному пріюту для дѣвочекъ, и тюремному комитету на пріютъ для арестантскихъ дѣтей. Кромѣ того, въ 1910 г. единовременно выдано тому же комитету въ пособіе на устройство исправительно-воспитательнаго пріюта 75.000 р. Тѣмъ не менѣе къ 1 января 1916 г. штрафной капиталъ равнялся 428.622 р. 50 к.

Часть расходовъ на содержаніе арестнаго дома возмѣщена была городу, потому что до постройки пгр. уѣзднымъ земствомъ собственнаго арестнаго дома, приговоренные къ аресту мировымъ судомъ и судебно-административными установленіями петроградскаго уѣзда, по соглашенію уѣзднаго земскаго собранія съ городской

думой, содержались въ городскомъ арестномъ домѣ. Такимъ образомъ, за содержавшихся въ 1882—1904 гг. 19.997 арестованныхъ въ городскую кассу поступило 89.712 р. 72,5 к. Затѣмъ за содержаніе въ арестномъ домѣ въ 1907—1910 гг. 5.193 лицъ, подвергнутыхъ аресту по распоряженію административной власти въ теченіе 71.782 дней, отъ петроградскаго градоначальника поступило въ городскую кассу 12.202 р. 94 к., отпущенныхъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ только на продовольствіе этихъ лицъ въ арестномъ домѣ, считая по 17 к. въ день на каждаго. Между тѣмъ за содержаніе этихъ лицъ городская управа, при окончательномъ расчетѣ, требовала по 75 к. въ день, слѣдовательно, 53.836 р. 50 к., потому что, кромѣ продовольствованія, содержаніе ихъ вызывало усиленный расходъ города и на ремонтъ, и на отопленіе, и на освѣщеніе, и на водоснабженіе зданія арестнаго дома, и на ремонтъ его инвентаря. Возмѣщеніе всѣхъ понесенныхъ городомъ расходовъ на содержаніе въ арестномъ домѣ административныхъ арестованныхъ тѣмъ болѣе основательно, что арестный домъ использованъ былъ для этой цѣли безъ согласія города. Дѣло въ томъ, что попытки со стороны градоначальства пользоваться городскимъ арестнымъ домомъ для своихъ надобностей бывали и раньше, но всѣ просьбы о томъ градоначальства городской управой категорически отклонялись. Однако въ 1907 г., послѣ новаго отказа городской управы удовлетворить ходатайство градоначальника, послѣдній 18 декабря распорядился перевести въ арестный домъ первую партію административныхъ арестованныхъ уже безъ согласія города, ссылаясь на дѣйствовавшее тогда положеніе о чрезвычайной охранѣ города Петрограда. Такимъ образомъ, петроградскому городскому управленію пришлось подчиниться и допустить принятіе въ арестный домъ лицъ, для которыхъ онъ вовсе закономъ не предназначенъ, обжаловавъ лишь въ установленномъ порядкѣ дѣйствія градоначальника. Жалоба эта была, однако, оставлена сенатомъ

безъ послѣдствій [1]). Первоначально доставлялись въ арестный домъ всякіе арестанты безъ разбора: между ними были и подвергнутые тюремному заключенію, и обвиняемые въ политическихъ преступленіяхъ, и лица неизвѣстнаго званія, имѣвшія основаніе скрывать таковое, и ножевщики, и хулиганы, и литераторы, и дворники. Кромѣ подвергнутыхъ аресту и тюремному заключенію петроградскимъ градоначальникомъ, полиція доставляла въ арестный домъ и подвергнутыхъ предварительному аресту охраннымъ отдѣленіемъ, и съ постановленіями разныхъ губернаторовъ, земскихъ и даже воинскихъ начальниковъ. Прокурорскій надзоръ не давалъ никакихъ указаній администраціи арестнаго дома, кого изъ административныхъ арестованныхъ можно принимать и кого нельзя, вслѣдствіе чего приходилось принимать всѣхъ доставляемыхъ. Но вскорѣ на практикѣ оказалось невозможнымъ содержать въ арестномъ домѣ всѣ эти категоріи лицъ безъ существеннаго нарушенія дисциплины, порядка и даже безопасности; нѣкоторыя лица изъ административныхъ арестованныхъ занялись агитаціей среди содержащихся и пытались вызвать общіе безпорядки, требуя отмѣны стѣснительныхъ для нихъ правилъ, измѣненія общаго режима и угрожая насильственными дѣйствіями противъ лицъ администраціи арестнаго дома. Видя невозможность сохраненія порядка въ арестномъ домѣ при такихъ условіяхъ, начальство его вынуждено было вступить на путь соглашенія съ градоначальствомъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ самыхъ безпокойныхъ и опасныхъ для арестнаго дома лицъ переводили для дальнѣйшаго содержанія въ полицейскіе дома и тюрьмы. Такихъ лицъ было 25, преимущественно изъ числа содержавшихся по постановленіямъ охраннаго отдѣленія; а затѣмъ 25 іюня удалось заручиться и согласіемъ градоначальника на принятіе въ арестный домъ лишь лицъ, подвергнутыхъ имъ аресту, исключительно по постановленіямъ столичныхъ полицейскихъ приставовъ. Только послѣ того контингентъ административныхъ арестованныхъ болѣе или менѣе приблизился по своему составу къ содержащимся по приговорамъ мировыхъ судей, и администрація арестнаго дома могла возстановить прежнюю дисциплину и порядокъ среди содержавшихся. Тѣмъ не менѣе въ 1910 г., какъ только чрезвычайная охрана города Петрограда была замѣнена усиленной, возбуждено было ходатайство о прекращеніи доставленія въ арестный домъ административныхъ арестованныхъ. Приказомъ градоначальника отъ 7 іюля столичной полиціи предложено было пріостановить отсылку этого рода арестованныхъ въ арестный домъ, послѣ чего дѣятельность его пошла нормальнымъ порядкомъ. Затѣмъ и главное тюремное управленіе разъяснило, что при приведеніи въ исполненіе распоряженій административной власти объ арестѣ нарушителей обязательныхъ постановленій, изда-

[1]) Въ виду важности вопроса приводимъ полностью указъ сената отъ 22 ноября 1911 г. за № 13.179. „Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ представленныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по содержанію жалобы с.-петербургскаго городского головы объясненій, послѣдовавшее въ декабрѣ 1907 г. распоряженіе с.-пб. градоначальника о помѣщеніи въ с.-петербургскій арестный домъ 150 человѣкъ изъ числа лицъ, отбывавшихъ наказаніе за нарушеніе обязательныхъ постановленій, было сдѣлано съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и вызывалось крайнимъ переполненіемъ арестованными существующихъ при полицейскихъ участкахъ помѣщеній, имѣвшимъ послѣдствіемъ появленіе среди арестованныхъ возвратнаго тифа, и заключеніе особой комиссіи (при участіи врачей) о немедленномъ переводѣ части арестованныхъ въ другое помѣщеніе. Принимая во вниманіе: 1) что, по удостовѣренію министра внутреннихъ дѣлъ, пользованіе въ данномъ случаѣ городскимъ арестнымъ домомъ носило характеръ временной, но неустранимой необходимости; 2) что принятіе въ случаяхъ подобнаго рода тѣхъ или иныхъ исключительныхъ мѣръ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ уставомъ о пред. и пресѣч. преступленій, обязывающимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ (п. 1, прил. I, къ ст. 1, прим. 2 уст. о пред. и пресѣч. преступленій), всѣ вѣдомства къ немедленному исполненію послѣдовавшихъ въ семъ отношеніи распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ, и 3) что при такихъ условіяхъ заявленіе с.-петербургскаго городского головы о томъ, что с.-петербургскій арестный домъ не предназначается для лицъ вышеупомянутой категоріи, не имѣетъ для настоящаго дѣла существеннаго значенія,—правительствующій сенатъ, не усматривая основаній къ признанію настоящей жалобы с.-петербургскаго городского головы заслуживающею уваженія, опредѣляетъ: оставить таковую безъ послѣдствій, о чемъ для объявленія просителю и въ разрѣшеніе рапорта отъ 5 декабря 1908 года, за № 157282, министру внутреннихъ дѣлъ послать указъ. Ноября 22 дня 1911 г.“ (Извѣстія Гор. Думы 1912 г., № 14).

ваемыхъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, лица привилегированныхъ сословій должны быть подвергаемы аресту въ тюрьмахъ, всѣ же остальныя лица, независимо отъ продолжительности срока ареста, должны отбывать наказаніе, наложенное въ административномъ порядкѣ, при полиціи.

Въ 1915 г. въ арестный домъ вновь стали поступать административные, чему предшествовала слѣдующая переписка.

18 іюля 1915 года петроградскій градоначальникъ, сообщая петроградскому городскому головѣ, что, въ виду сдѣланнаго имъ распоряженія объ изъятіи нѣкоторыхъ дѣлъ изъ общей подсудности, въ полицейскихъ домахъ столицы содержится значительное количество арестантовъ, которые должны были бы отбывать наказаніе въ городскомъ арестномъ домѣ, такъ какъ совершенные ими проступки подсудны мировымъ судьямъ, просилъ городского голову о переводѣ изъ полицейскихъ домовъ въ арестный домъ арестантовъ упомянутой категоріи.

Петроградская городская управа затребовала заключенія петроградскаго столичнаго мирового съѣзда, каковой вопросъ обсуждался въ распорядительномъ засѣданіи мирового съѣзда 1 августа.

Мировой съѣздъ, оставаясь при прежнемъ мнѣніи, что арестный домъ не предназначенъ для административныхъ, но принявъ во вниманіе, что полицейскіе дома переполнены административно-арестованными, изъ которыхъ многіе дѣйствительно содержались бы въ арестномъ домѣ, если бы судились у мировыхъ судей, и что данный вопросъ разрѣшенъ правительствующимъ сенатомъ въ благопріятномъ для градоначальника смыслѣ, опредѣлилъ: признать, что, въ виду исключительности переживаемаго времени, представляется возможнымъ, въ видѣ временной мѣры, направленіе административно-арестованныхъ, въ силу изъятія совершенныхъ ими проступковъ изъ подсудности мировыхъ судей, въ арестный домъ съ тѣмъ, 1) чтобы общее число такихъ арестованныхъ въ административномъ порядкѣ не превышало 200 чел.; 2) чтобы не направлялись въ арестный домъ тѣ арестанты, которые, по отбытіи ареста, подлежатъ высылкѣ изъ столицы, и тѣ изъ арестованныхъ, о коихъ въ производствѣ имѣются иныя дѣла, и 3) чтобы помѣщаемые въ арестный домъ административно-арестованные подвергались дѣйствію существующихъ въ арестномъ домѣ правилъ.

14 августа городская управа приняла заключеніе мирового съѣзда, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что расходы по содержанію административно-арестованныхъ должны быть возмѣщены городу. Постановленіе городской управы было сообщено петроградскому градоначальнику, а съ 25 августа уже начали поступать въ арестный домъ административно-арестованные.

Громадное большинство ихъ арестовано за появленіе на улицѣ въ пьяномъ видѣ; многіе—за продажу опьяняющихъ напитковъ, за что̀ наказаніе обычно назначается въ размѣрѣ 3 мѣсяцевъ ареста.

На поведеніе этой категоріи содержащихся администрація арестнаго дома не можетъ пожаловаться. Правда, было нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ нарушенія тишины и порядка, за что̀ виновные были подвергаемы суточному содержанію въ карцерѣ, а затѣмъ, по требованію начальника арестнаго дома, они были взяты обратно въ полицейскіе дома.

Послѣдняя мѣра (возвращеніе въ полицейскій домъ), какъ показалъ опытъ, является лучшимъ средствомъ для удержанія другихъ арестованныхъ отъ попытокъ не подчиняться правиламъ арестнаго дома.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое имѣетъ арестный домъ въ жизни столицы. При бѣгломъ осмотрѣ этого учрежденія, нѣкоторыя лица выносятъ впечатлѣніе, что благоустройство помѣщенія, гигіеническая обстановка и гуманное обращеніе съ содержащимися подъ арестомъ сокращаютъ

до минимума тягость наказанія и тѣмъ способствуютъ усиленію рецидива. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это, конечно, можно допустить, въ особенности, когда лицо, приговариваемое къ аресту, не имѣетъ ни постояннаго жительства, ни семейныхъ или служебныхъ обязанностей, ни средствъ къ жизни; въ такомъ именно положеніи находятся лица, приговариваемыя къ аресту за самовольное прибытіе въ столицу: для нихъ содержаніе въ арестномъ домѣ—это своего рода покойный отдыхъ въ ихъ бездомной жизни. Затѣмъ присужденіе, хотя бы и за маловажные проступки, къ аресту на 1—2 дня мало достигаетъ цѣли, что̀ видно уже изъ того, что лица, приговариваемыя къ этому наказанію, обыкновенно не платятъ денежныхъ взысканій, а предпочитаютъ отбывать наказаніе арестомъ. Дѣйствительно, даже люди, занятые безпрерывной службой, какъ швейцары, дворники или извозчики, всегда имѣютъ возможность отпроситься у хозяина на 1—2 дня, чтобы и отдохнуть въ арестномъ домѣ отъ работы и сберечь нѣсколько рублей отъ внесенія въ штрафной капиталъ. Громадное же большинство арестованныхъ, несмотря даже на то, что, содержась въ арестномъ домѣ, пользуются бо̀льшимъ комфортомъ, чѣмъ у себя дома, тяготится арестомъ: во-1-хъ, потому, что лишеніе свободы часто связано съ потерей мѣста, прекращеніемъ заработка, убытками въ промыслѣ и торговлѣ, а во-2-хъ, потому, что режимъ арестнаго дома, не говоря уже о воспрещеніи курить табакъ, весьма тягостенъ для взрослаго человѣка, имѣющаго свои привычки и потребности. Здѣсь ему приходится жить по звонку, какъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи, и за каждое нарушеніе порядка и дисциплины подвергаться взысканіямъ. Лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности болѣе или менѣе продолжительнаго ареста служитъ то, что арестованные домогаются полученія работы за сокращеніе срока ареста, хотя работа имъ дается не легкая и не всегда пріятная (пилить дрова, мыть полы и даже ватерклозеты), а отказъ въ работѣ или въ зачетѣ ея въ срокъ ареста является однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ наказаній за совершеніе проступковъ въ арестномъ домѣ. Но, исполняя свое прямое назначеніе, какъ карательное учрежденіе, арестный домъ попутно приноситъ столичному населенію нѣкоторую пользу въ воспитательномъ отношеніи. Какъ видно изъ отчета о лицахъ, содержавшихся подъ арестомъ, всю массу ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: первую, большую, составляютъ лица пришлыя, незнакомыя съ культурными условіями и требованіями столичной жизни. Они являются въ столицу и по простотѣ своей, по грубости нравовъ, по незнанію законовъ и обязательныхъ постановленій нарушаютъ здѣсь общественную тишину, порядокъ и благочиніе, за что̀ и попадаютъ въ арестный домъ. Находясь подъ арестомъ, лица эти впервые знакомятся съ вѣжливымъ обращеніемъ, пріучаются къ соблюденію чистоты и порядка, уваженію къ закону и власти. Тутъ простой человѣкъ узнаетъ о санитарныхъ требованіяхъ, можетъ, если онъ грамотный, почитать полезныя для него книжки, послушать проповѣдь священника въ церкви. Такимъ образомъ, просидѣвъ недѣлю — другую, онъ выходитъ изъ арестнаго дома съ нѣкоторымъ запасомъ новыхъ знаній, съ новыми понятіями объ общественныхъ отношеніяхъ. Другую, меньшую группу, составляютъ лица, уже знакомыя съ требованіями столичной жизни, но вслѣдствіе испорченнаго воспитанія, несдержанности натуры, нравственной распущенности, не желающія сообразовать свое поведеніе съ этими требованіями. И эти лица, содержась въ арестномъ домѣ, волей-неволей должны сдерживать себя, подчиняясь установленному режиму и соблюдая основанныя на законѣ правила. А такъ какъ поддержаніе дисциплины и порядка среди самыхъ разнородныхъ и безпокойныхъ элементовъ столицы достигается въ арестномъ домѣ кроткими, гуманными мѣрами, преимущественно путемъ нравственнаго воздѣйствія, а не принужденія или силы, то болѣе или менѣе продолжительное содержаніе въ арестномъ домѣ до извѣстной

степени культивируетъ простой народъ и пріучаетъ къ сдерживанію себя въ предѣлахъ приличія и законности неуравновѣшенныя натуры болѣе культурныхъ классовъ столицы.

Санитарное состояніе арестнаго дома за 1882—1915 гг.

Бывшій александровскій военный плацъ, на которомъ выстроенъ арестный домъ, представляетъ открытую, возвышенную и относительно сухую мѣстность столицы.

Строеніе почвы, опредѣленное посредствомъ буровыхъ скважинъ, показываетъ, что слой синей глины лежитъ здѣсь ближе къ поверхности земли и находится выше ординара Невы, тогда какъ въ другихъ, даже болѣе возвышенныхъ мѣстахъ Петрограда, онъ лежитъ ниже ординара Невы; наоборотъ, средній уровень почвенныхъ водъ въ этой мѣстности находится болѣе глубоко, чѣмъ въ другихъ, болѣе возвышенныхъ частяхъ города.

Солидно выстроенный арестный домъ и внутри устроенъ съ соблюденіемъ основныхъ гигіеническихъ требованій: благодаря крестообразной системѣ корридоровъ, всѣ камеры получаютъ вполнѣ достаточное количество дневного свѣта, а къ отопленію и вентиляціи арестнаго дома примѣнены лучшія системы, дозволяющія всегда поддерживать надлежащую чистоту воздуха.

Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ этимъ зданіемъ, назначеннымъ для лицъ, подвергаемыхъ краткосрочному аресту, нельзя не убѣдиться, что для возможно лучшаго устройства его въ санитарномъ отношеніи средствъ не жалѣли.

Всѣ лица, поступающія въ арестный домъ, предварительно подвергаются медицинскому осмотру, и если между ними оказываются одержимые какой-либо заразною или острою лихорадочною болѣзнью, то тотчасъ же помѣщаются въ городскую барачную въ память С. П. Боткина больницу, расположенную рядомъ съ арестнымъ

домомъ; если же, по роду своей болѣзни, они не могутъ быть приняты въ эту больницу, а между тѣмъ требуютъ госпитальнаго леченія, то направляются въ соотвѣтственныя городскія больницы (сифилисъ, хирургическіе случаи, требующіе оперативнаго пособія, бѣлая горячка). Послѣ медицинскаго осмотра арестованные мужчины помѣщаются на сутки въ отведенныя для нихъ камеры второго этажа главнаго зданія, а для лицъ, одержимыхъ разстройствомъ желудочно-кишечнаго канала, имѣются спеціальныя камеры, устроенныя на случай поступленія подозрительныхъ по холерѣ во время эпидеміи. Только на слѣдующій день, по вторичномъ осмотрѣ, они допускаются къ общенію съ прочими арестованными. Благодаря этому, является возможность, съ одной стороны, нѣсколько защитить другія помѣщенія отъ грязи и заноса паразитовъ, а съ другой, выяснить точнѣе болѣзненное состояніе, симуляцію, требуетъ ли данный субъектъ врачебной помощи амбулаторно или подлежитъ помѣщенію въ лазаретъ.

Больные, не подлежащіе отправленію въ больницы, пользуются врачемъ или въ камерахъ, или въ лазаретѣ арестнаго дома. Однако, буйные делирики, доставляющіе большое безпокойство администраціи арестнаго дома и прочимъ содержащимся, а также тѣ изъ хроническихъ больныхъ, которымъ госпитальное леченіе безусловно необходимо и послѣ окончанія срока ареста (нѣкоторые изъ почечныхъ больныхъ или одержимые эксудативнымъ плевритомъ), отправляются въ больницы, а не оставляются въ арестномъ домѣ. Практика показала, что не всегда и сифилитики могутъ быть отправляемы въ больницу, такъ какъ строгое исполненіе такого порядка оказывается безцѣльнымъ, когда больной сифилитикъ арестованъ, напримѣръ, всего на одинъ день, а оставаться дольше этого срока въ больницѣ для леченія онъ не желаетъ.

Мужской лазаретъ состоитъ изъ шести камеръ, одного корридора, комнаты для 2-хъ ваннъ и комнаты

для 2-хъ клозетовъ съ умывальниками (изъ нихъ одинъ клозетъ съ умывальникомъ для венериковъ). Полы въ камерахъ лазарета деревянные изъ узкихъ шпунтовыхъ досокъ, некрашенные, а въ корридорѣ, ванной комнатѣ и клозетахъ — изъ цементныхъ плитокъ. Женскій лазаретъ состоитъ изъ одной пріемной комнаты, 3-хъ камеръ, комнаты для ванны и ватерклозета, съ поломъ изъ цементныхъ плитокъ, и корридора, прилегающаго къ стѣнѣ, отдѣляющей женскій лазаретъ отъ мужского. Въ обоихъ лазаретахъ одна изъ одиночныхъ камеръ приспособлена для содержанія буйныхъ делириковъ. Для вытяженія испорченнаго воздуха въ стѣнахъ камеръ существуютъ рѣшетчатыя отверстія, сообщающіяся съ системой вытяжныхъ трубъ всего дома. Для притока свѣжаго воздуха устроены вентиляціонные ходы, открывающіеся на площадкахъ корридоровъ; въ дополненіе къ этому, въ окнахъ форточки. Отопленіе водяное, освѣщеніе электрическое.

Слѣдующая таблица показываетъ кубическое содержаніе воздуха въ камерахъ, число оконъ и кроватей въ нихъ.

Мужской лазаретъ:

№ камеры.	Кубич. содержаніе воздуха.	Число оконъ.	Число кроватей. Постоянное.	Усиленное.
I	3,3 куб. саж.	1	1	2
II	3,4 „ „	1	1	2
III	3,3 „ „	1	1	2
IV	3,3 „ „	1	1	2
V	10,1 „ „	3	4	6
VI	8,5 „ „	2	3	4
Корридоръ	58,2 „ „	1 венеціанск.	—	—

Женскій лазаретъ:

№ камеры.	Кубич. содержаніе воздуха.	Число оконъ.	Число кроватей. Постоянное.	Усиленное.
Пріемная комн. . .	2,1 куб. саж.	1	—	1
VII	5,2 „ „	2	2	3
VIII	2,6 „ „	1	1	1
IX	2,5 „ „	1	1	1
Корридорчикъ. . .	5,3 „ „	—	—	—

Корридоръ мужского лазарета составляетъ достаточный резервуаръ для воздуха. При нормальномъ числѣ кроватей въ камерахъ, на каждаго больного арестованнаго приходится 2,7 куб. саж. воздуха, при увеличенномъ—1,7 куб. саж.; въ женскомъ—2,6 куб. саж.

Корридоръ мужского лазарета соединяется съ просторной комнатой, освѣщаемой большимъ венеціанскимъ окномъ, предназначенной для пріема амбулаторныхъ больныхъ и еженедѣльнаго общаго медицинскаго осмотра всѣхъ содержащихся мужчинъ. Изъ этой пріемной ведетъ дверь въ смежную комнату съ 2-мя окнами, гдѣ помѣщается аптека; здѣсь устроена плита для приготовленія лекарственныхъ настоевъ и небольшая кладовая для лекарствъ.

Врачебный персоналъ состоитъ изъ врача, 2-хъ фельдшеровъ и фельдшерицы, одного служителя для мужского лазарета и одной служительницы для женскаго. На обязанности врача лежитъ забота о предохраненіи арестнаго дома отъ заразныхъ болѣзней и о принятіи мѣръ къ прекращенію и уничтоженію занесенной въ домъ заразы. Съ этой цѣлью, помимо медицинскаго осмотра арестованныхъ послѣ пріема ихъ подъ арестъ, и кромѣ ежедневнаго пріема амбулаторныхъ больныхъ, всѣ содержащіеся подвергаются еще еженедѣльному врачебному осмотру наканунѣ баннаго дня.

Въ случаѣ обнаруженія у кого-либо изъ арестованныхъ во время поступленія или во время содержанія подъ арестомъ какой-нибудь заразительной болѣзни они отправляются, какъ выше сказано, въ соотвѣтствующія городскія больницы, платье же и постельныя вещи отсылаются въ дезинфекціонную камеру при барачной въ память С. П. Боткина больницѣ, а помѣщеніе, гдѣ находился больной, обмывается 5% растворомъ карболовой кислоты и 0,1% растворомъ сулемы.

На обязанности же врача лежитъ санитарный надзоръ за зданіемъ, за служащими и ихъ семействами и принятіе врачебно-санитарныхъ мѣръ во время эпидеміи

(холера, гастроэнтеритъ и проч.). Раціональныя врачебно-санитарныя мѣры, проводимыя въ городскомъ арестномъ домѣ, дали блестящіе результаты. Лучшей иллюстраціей санитарнаго благополучія служитъ то, что за 34 года во время эпидемій: оспы, возвратнаго тифа и холеры, ни одинъ арестованный не заболѣлъ въ стѣнахъ дома.

Что касается *продовольствія*, то больные имѣютъ столъ общій съ другими арестованными; но имъ отпускается и отдѣльная пища (овсянка, молоко, яйца, манная каша, булка), если это требуется по роду ихъ болѣзни.

Такъ какъ свѣдѣній о больныхъ арестованныхъ за первый годъ существованія арестнаго дома не имѣется, то мы приводимъ данныя за 34 года съ 1882 по 1915 гг. Въ этотъ періодъ времени въ арестномъ домѣ содержалось всего 453.741 арестованныхъ, изъ коихъ больныхъ оказалось 61.380 чел., что составляетъ 13,5%. Число больныхъ съ 1896 г. постепенно возрастало, достигнувъ 2.388 чел. въ 1914 году. Исключеніе изъ постепенности составляютъ годы съ 1897 по 1901, когда цифры сразу удвоились, благодаря значительному приливу арестованныхъ и, кромѣ того, введенію во врачебный отчетъ означенныхъ годовъ лицъ, одержимыхъ паразитами (площицы). Процентное отношеніе больныхъ къ арестованнымъ, не превышавшее 3% въ 1882—1884 гг., постепенно возрастало и достигло наивысшей цифры 25,3% въ 1899 году. Постоянное возрастаніе числа обращеній къ врачебной помощи, главнымъ образомъ, зависитъ отъ возможности полечиться даромъ и на досугѣ, чѣмъ съ каждымъ годомъ все шире пользуются арестованные, особенно женщины.

По виду оказаннаго пособія эти 61.380 больныхъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: отправлено въ больницы—1.714 чел., или 2,7%, пользовалось въ лазаретѣ—20.923 чел., или 34,1% и пользовалось въ камерахъ—38.743 чел., или 63,2%. Изъ распредѣленія больныхъ по годамъ видно: во-1-хъ, что число больныхъ,

постепенно увеличиваясь, достигло своего максимума въ 1900—1901 г., что̀ объясняется вышеизложенными причинами, во-2-хъ, что число больныхъ, отправляемыхъ въ больницы, въ среднемъ за 34 года, равно 50 въ годъ, причемъ наименьшее было 10 чел. въ 1887 г. и наибольшее 162 чел. въ 1901 г., въ 3-хъ, что въ 1882 г. больные пользовались исключительно въ лазаретѣ, и въ 4-хъ, что до 1889 г. число лазаретныхъ больныхъ превышало число камерныхъ, съ этого же года, наоборотъ, до 1903 г. пользовавшихся амбулаторно больныхъ было больше, а съ 1903 до 1912 г. число лазаретныхъ больныхъ вновь стало превышать число амбулаторныхъ.

Общее число дней, проведенныхъ больными за 34 года, составляетъ 261.992 (около 4,2 дня на больного), при чемъ въ лазаретѣ проведено 108.148 (41,3%), а въ камерахъ 153.844 (58,7%). По годамъ отношенія чиселъ проведенныхъ дней, конечно, мѣняются, какъ и числа самихъ больныхъ. По времени заболѣванія наибольшее число приходится на мартъ и октябрь, наименьшее на апрѣль и іюнь. Наивысшая цифра за 34 года (537) приходится на мартъ 1899 года во время эпидеміи гриппа. По полу 61.380 больныхъ дѣлятся на 49.780 мужчинъ и 11.600 женщинъ, что̀ составляетъ отношеніе 4: 1.

Если принять во вниманіе, что арестованныхъ женщинъ въ 9½ разъ менѣе мужчинъ, то окажется, что онѣ вдвое чаще обращаются къ врачебной помощи.

По возрасту всѣ больные распредѣлялись такъ:

До 17 лѣтъ.	537 чел.	0,9%
Съ 17 до 30 лѣтъ.	35.060 „	57,1%
„ 30 „ 40 „	15.341 „	25,0%
„ 40 „ 50 „	6.877 „	11,2%
„ 50 „ 80 „	3.565 „	5,8%

По роду болѣзни больные распредѣлялись, какъ указано въ нижеприведенной таблицѣ:

Общія заразныя болѣзни:

Проказа.	1
Дифтеритъ	18

Общія заразныя болѣзни:

Оспа	16
Корь	9
Свинка	4
Рожа	37
Перемежающаяся лихорадка	2
Цынга	51
Тифъ брюшной	93
„ возвратный	25
„ сыпной	23
Гриппъ	1.654
Гастроэнтеритъ	685
Дизентерія	7
Малярія	296
Бугорчатка легкихъ	274
Крупозная пневмонія	35
Острый сочленовный ревматизмъ	129
Сифилисъ гуммозный	109
„ первичный	1.129
„ кондиломатозный	38
Мягкій шанкръ и его осложненія	3.744
Перелой и его осложненія	6.243
Прочія общія заразныя болѣзни	55

Общія незаразныя болѣзни:

Англійская болѣзнь	6
Анэмія и блѣдная немочь	144
Прочія общія незаразныя болѣзни	27

Новообразованія:

Доброкачественныя опухоли	292

Травматическія, химическія и термическія поврежденія:

Ушибы	1.445
Раны	4.065
Вывихи	109
Переломы	181
Ожоги	505
Отмороженія	21
Прочія поврежденія	571

Отравленія:

Спиртомъ	1.596

Пороки врожденные и пріобрѣтенные недостатки развитія:

Грыжи	1.498
Слѣпота	87
Глухонѣмота	119
Прочіе пороки и недостатки	67

Нервныя болѣзни:

Болѣзни периферич. нервной системы	1.125
Эпилепсія	460
Истерія и неврастенія	178
Прочія нервныя болѣзни	198

Душевныя болѣзни:

Маразмъ	45
Психозъ	2

Болѣзни мозга и его оболочекъ:

Болѣзни головного мозга	126
„ спинного „	58
Прочія болѣзни этой группы	106

Болѣзни кровеносной и лимфатической системъ:

Болѣзни сердца и его оболочекъ	441
„ сосудовъ	111
Прочія болѣзни этой группы	110

Болѣзни органовъ дыханія:

Воспаленіе дыхательныхъ путей	3.409
Катарральное воспаленіе легкихъ	360
Воспаленіе подреберной плевы	219
Прочія болѣзни этой группы	306

Болѣзни органовъ пищеваренія:

Зубныя болѣзни	539
Болѣзни рта и зѣва	656
Желудочно-кишечный катарръ	3.103
Болѣзни печени и желчныхъ путей	161
Прочія болѣзни этой группы	279

Болѣзни мочеполовыхъ органовъ:

Воспаленіе почекъ	203
Камни почекъ и мочевого пузыря	15
Прочія болѣзни этой группы	13

Болѣзни половыхъ органовъ:

Мужскихъ	235
Женскихъ	483

Болѣзни костно-мышечной системы:

Мышечный ревматизмъ	1.098
Прочія болѣзни этой группы	1.204

Болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки:

Флегмона	2.411
Язвы	2.437
Прочія болѣзни этой группы	3.073

Болѣзни органовъ зрѣнія:

Мясцо	3
Конъюнктивитъ	402
Прочія болѣзни этой группы	484

Болѣзни органовъ слуха:

Болѣзни наружнаго слухового прохода	367
„ средняго уха	11
Прочія болѣзни этой группы	68

Болѣзни беременныхъ и послѣродовыя	576

Паразитическія болѣзни:

Парша	5
Глисты	24
Чесотка	466
Площицы	10.322
Прочія паразитическія болѣзни	105
Болѣзни, невошедшія въ номенклатуру	23

Въ этой таблицѣ общія заразныя болѣзни даютъ самую крупную цифру 14.677 чел., что составляетъ 23,9% всѣхъ больныхъ; изъ этой цифры больные перелоемъ, мягкимъ шанкромъ 10.020 или 67,6% заразныхъ и 16% общаго числа больныхъ за 34 года. Острое отравленіе спиртомъ—алкоголизмъ, бѣлая горячка—дало 1.596 чел., или 2,6% общаго числа больныхъ. Крупная цифра паразитическихъ больныхъ зависитъ отъ занесенія въ отчеты 1896 — 1900 гг. одержимыхъ площицей, ихъ было 10.322, или 20%.

Травматическія поврѣжденія дали 6.897 чел., или почти 11,2% общаго числа больныхъ, а болѣзни кожи, флегмоны, язвы дали 7.921 чел., или почти 13%, остальныя же группы дали менѣе 10% каждая общаго числа больныхъ. Изъ повальныхъ болѣзней только одна инфлуэнца представляется въ болѣе значительныхъ цифрахъ. Съ первой эпидеміи въ 1889 г., когда въ арестномъ домѣ наблюдалось 63 случая, эта болѣзнь не переводилась, причемъ съ небольшими колебаніями держалась около этой цифры, но достигала и 137—въ 1908 г.

Въ 1892 и 1893 гг. вмѣстѣ съ эпидеміей инфлуэнцы развивается новая эпидемія, сначала въ видѣ остраго гастроэнтерита, а затѣмъ и настоящей холеры. Уже въ январѣ мѣсяцѣ 1892 г. относительно частые случаи (7 за одинъ мѣсяцъ) острыхъ заболѣваній разстройствомъ желудочно-кишечнаго канала заставили обратить вниманіе на эту вновь явившуюся форму. Распространеніе этой болѣзни, съ наступленіемъ лѣтняго времени, между городскими жителями повело къ тому, что вскорѣ оффиціально было признано развитіе гастроэнтерита среди населенія Петрограда, вслѣдствіе чего городскимъ управленіемъ и администраціею тотчасъ же были приняты различныя антихолерныя мѣры. Съ своей стороны, ближайшее начальство арестнаго дома употребило всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства борьбы и защиты противъ заноса этой грозной эпидеміи. Обыкновенно употребляемые въ арестномъ домѣ дезинфекціонные способы противъ заразительныхъ болѣзней были расширены и усилены, а также опредѣлены и установлены новыя мѣры противъ наступающей эпидеміи. Мѣры эти слѣдующія: 1) дезинфекція ретирадныхъ мѣстъ растворомъ карболовой кислоты и лизоформомъ; 2) дезинфекція помѣщеній послѣ подозрительныхъ больныхъ растворомъ сулемы съ поваренною солью; 3) дезинфекція всѣхъ вещей послѣ подозрительныхъ въ дезинфекціонной камерѣ при городской барачной въ память С. П. Боткина больницѣ; 4) повторныя обмыванія лазарета зеленымъ мыломъ съ карболовой кислотой или лизоформомъ; 5) для питья арестованнымъ предлагалась только прокипяченая вода; 6) кромѣ положеннаго два

раза въ день кипятка для чая, вечеромъ, за ужиномъ, раздавался еще третій разъ кипятокъ для чая; 7) строгій надзоръ за непропускомъ въ зданіе приносимыхъ съ собою арестованными съѣстныхъ продуктовъ; 8) немедленное отправленіе въ больницу всѣхъ заболѣвшихъ подозрительными симптомами и 9) раздача арестованнымъ для чтенія изданной городскою санитарною комиссіею брошюры „Предохранительныя мѣры отъ холеры“ и разъясненіе всѣмъ вновь поступающимъ необходимости соблюдать мѣры предосторожности.

Насколько принятыя мѣры оказались дѣйствительными, можно судить изъ того, что въ самомъ арестномъ домѣ не было ни одного случая холернаго заболѣванія; отправлено же было въ больницу:

въ	1892 г.	изъ	32	больныхъ	гастроэнтеритомъ	. .	8 чел.
„	1893 „	„	24	„	„	. .	5 „
„	1894 „	„	11	„	„	. .	4 „
„	1895 „	„	91	„	„	. .	5 „

Затѣмъ гастроэнтеритъ не регистрируется вплоть до новой эпидеміи, когда въ арестномъ домѣ наблюдалось въ 1908 году 107 чел. (отправлено въ больницы 10 чел.), въ 1909 г. 224 чел. (отправлено—8 чел.) и въ 1910 году 129 чел. (отправлено — 5 чел.). Случаи холеры въ стѣнахъ арестнаго дома не наблюдались.

Въ отчетномъ періодѣ было 4 случая скоропостижной смерти содержавшихся подъ арестомъ: въ 1895 и 1901 гг. двое умерли отъ апоплексіи головного мозга, въ 1908 году одинъ въ припадкѣ бѣлой горячки и въ 1900 г. одинъ отъ болѣзни сердца. Кромѣ того, умерло трое дѣтей, находившихся при матеряхъ: въ 1892 г. 1 въ припадкѣ падучей болѣзни, въ 1895 г. 1 отъ катарральнаго воспаленія легкихъ и въ 1898 г. 1 отъ туберкулеза кишекъ. За тотъ же періодъ времени было три случая преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени арестованныхъ женщинъ: въ 1890 и 1901 гг. живыми младенцами и въ 1892 г. мертворожденнымъ.

Изъ этого видно, что кромѣ арестованныхъ, медицинскому надзору подлежали еще и дѣти, находившіяся при заключенныхъ въ арестномъ домѣ матеряхъ.

Въ 1885 г. было больныхъ двѣ дѣвочки, а въ 1886 г. уже двѣнадцать больныхъ дѣтей. Такое увеличеніе больныхъ дѣтей поставило въ необходимость записывать не только больныхъ, но и здоровыхъ дѣтей; регистрація дѣтей началась съ 1887 года; съ этого года по 1915 г. включительно находилось 2.419 дѣтей, изъ которыхъ больныхъ было 614, что̀ составляетъ 25,3%. Дѣти обыкновенно попадали въ арестный домъ грудныя, хотя подъ видомъ ихъ бывали и дѣти старшаго возраста.

Почти всѣ дѣти были плохого питанія, весьма часто болѣзненнаго сложенія. Наичаще встрѣчавшіяся между ними болѣзни: молочница, разстройство кишечника, золотуха, мокрый лишай, катарральный бронхитъ, затѣмъ воспаленіе слухового прохода и коклюшъ. Не только больныя, но часто и не больныя, а лишь хилыя дѣти и ихъ болѣзненныя матери пользовались въ арестномъ домѣ молокомъ, булкою, яйцами и манною кашею.

При этомъ нельзя не замѣтить, что краткосрочное пребываніе въ арестномъ домѣ не остается безъ нѣкоторыхъ, въ гигіеническомъ отношеніи, полезныхъ послѣдствій для самихъ арестованныхъ и ихъ дѣтей. Какъ мужчины, такъ и женщины пріучаются здѣсь болѣе обращать вниманіе на чистоплотность, опрятность и вообще на свое здоровье, а женщины, кромѣ того, привыкаютъ къ болѣе правильному уходу за дѣтьми.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ больными арестнаго дома, нельзя не обратить вниманія на тѣ вредныя вліянія, которыя такъ или иначе ведутъ къ ихъ заболѣваніямъ, а часто являются прямыми причинами ихъ. На первомъ планѣ стоитъ пьянство. Значительный приростъ больныхъ съ 1897 по 1901 гг. является слѣдствіемъ доставленія въ арестный домъ для отбытія наказанія лицъ, задержанныхъ въ безобразно пьяномъ видѣ. Ясно, что увеличеніе контингента пьяницъ вызвало увеличеніе

числа больныхъ, въ этіологіи болѣзней коихъ алкоголь играетъ не послѣднюю роль.

Если мы обратимся къ цифрамъ, то въ глаза бросится слѣдующее: гастроэнтеритъ и желудочно-кишечный катарръ даютъ 3.788 заболѣваній, а извѣстно, какую роль въ этихъ заболѣваніяхъ играетъ алкоголь. Если мы возьмемъ: первичный сифилисъ 1.129, мягкій шанкръ 3.744, перелой 6.243, площицы 10.322, т.-е. болѣзни, коими по статистикѣ всѣхъ странъ заражаются почти всегда въ пьяномъ видѣ, если мы возьмемъ травматическія поврежденія, ушибы и раны, которыя тоже въ громадномъ большинствѣ случаевъ (у больныхъ арестнаго дома 5.510) наносятся или получаются пьяными, если, наконецъ, мы возьмемъ острое отравленіе спиртомъ 1.596 чел., то получимъ сумму 32.332 чел., т.-е. болѣе половины всѣхъ больныхъ, пользованныхъ въ арестномъ домѣ. Не останавливаясь на вліяніи алкоголя въ смыслѣ ухудшенія хроническихъ формъ болѣзней, нельзя не признать состояніе опьяненія весьма благопріятнымъ для заболѣванія острыми, заразными и такъ называемыми простудными формами.

Добрая половина остальныхъ формъ болѣзни вызвана плохой или недостаточной пищей (улучшеніе питанія и приростъ вѣса за время пребыванія въ арестномъ домѣ), дурными условіями жилищъ, платья и главное отсутствіемъ какихъ-либо понятій о гигіенѣ въ средѣ арестованныхъ.

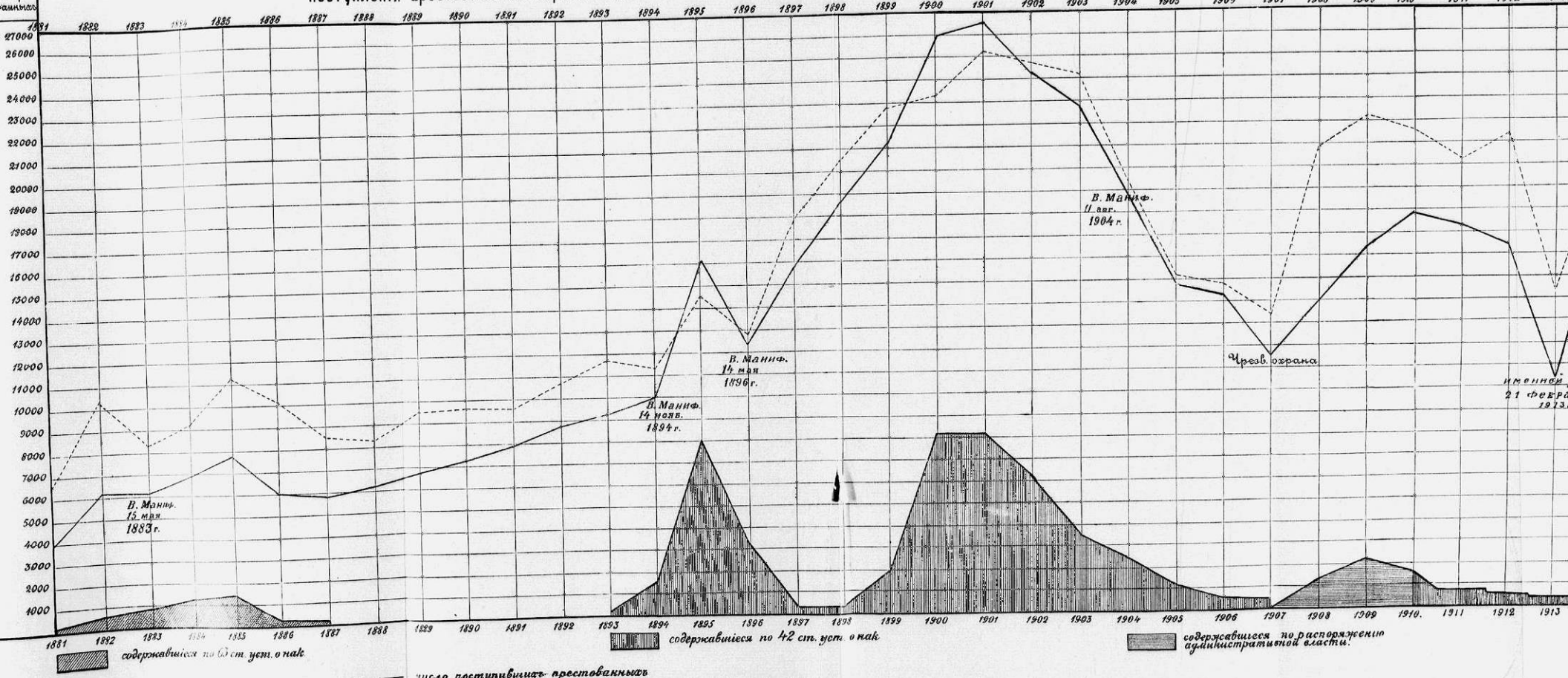
Дѣти арестованныхъ, даже и не больныя, представляютъ грустную картину малокровія, худосочія, дурного, грязнаго содержанія. Кратковременное, въ большинствѣ случаевъ, пребываніе ихъ при обязательной чистотѣ и нужномъ питаніи даетъ иногда поразительные результаты, могущіе служить показателемъ того, насколько эти дѣти лишены даже скромныхъ благъ, которыя имъ можетъ доставить арестный домъ.

Таблица поступленія арестованныхъ въ арестный домъ въ 1881—1915 гг. и числа дней, проведенныхъ ими подъ арестомъ.

Г О Д А.	По приговорамъ петроградскаго столичнаго мирового суда.	По приговорамъ мирового суда и другихъ установ. петрогр. уѣзда.	По приговорамъ прочихъ мировыхъ судовъ имперіи.	По приговорамъ прочихъ установленій имперіи.	По распоряженію административныхъ властей.	Итого.	Число дней, проведенныхъ подъ арестомъ.
1881. . . .	3.795	156	62	—	—	4.013	26.994
1882. . . .	5.844	484	95	—	—	6.423	48.414
1883. . . .	5.631	416	64	—	—	6.111	33.235
1884. . . .	6.312	436	91	—	—	6.839	36.589
1885. . . .	7.008	529	154	—	—	7.691	44.903
1886. . . .	5.470	378	133	5	—	5.986	40.663
1887. . . .	5.137	497	145	4	—	5.783	34.081
1888. . . .	5.398	504	165	8	—	6.075	32.938
1889. . . .	5.802	638	170	2	—	6.612	37.703
1890. . . .	6.301	818	180	20	—	7.319	38.902
1891 . . .	6.878	633	151	71	—	7.733	38.439
1892. . . .	7.906	709	53	127	—	8.795	43.469
1893. . . .	8.410	627	51	166	—	9.254	47.097
1894 . . .	9.085	697	60	143	—	9.985	45.472
1895. . . .	15.295	801	31	102	—	16.229	57.991
1896. . . .	11.377	656	31	107	—	12.171	50.208
1897. . . .	14.194	1.215	52	164	—	15.625	71.648
1898. . . .	16.853	1.574	71	207	—	18.705	82.216
1899. . . .	18.876	2.026	107	272	—	21.281	91.284
1900. . . .	24.024	1.571	110	263	—	25.968	93.001
1901. . . .	24.778	1.400	86	332	—	26.596	100.571
1902. . . .	22.558	1.314	81	336	—	24.289	98.321
1903. . . .	21.215	1.189	69	354	—	22.827	96.575
1904. . . .	17.458	729	45	252	—	18.484	77.320
1905. . . .	14.759	—	31	167	—	14.957	60.661
1906. . . .	13.883	—	39	235	—	14.157	59.676
1907. . . .	11.410	—	28	268	81	11.787	53.082
1908. . . .	12.166	—	29	334	1.384	13.913	83.275
1909. . . .	13.764	—	28	429	2.056	16.277	88.532
1910. . . .	15.617	—	68	548	1.672	17.905	86.545
1911. . . .	16.694	—	69	555	—	17.318	76.965
1912. . . .	15.941	—	66	681	—	16.688	81.784
1913. . . .	9.874	—	63	325	—	10.242	53.080
1914. . . .	16.519	—	112	459	—	17.090	76.130
1915. . . .	5.367	—	37	249	861	6.514	50.631
За 35 лѣтъ.	421.599	19.997	3.807	7.185	6.054	457.642	2.138.395
%/%. . . .	92,2	4,2	0,8	1,5	1,3	—	—

Діаграмма

поступленія арестованныхъ въ арестный домъ въ 1881–1915 г.г. и числа дней, проведенныхъ ими подъ арестомъ



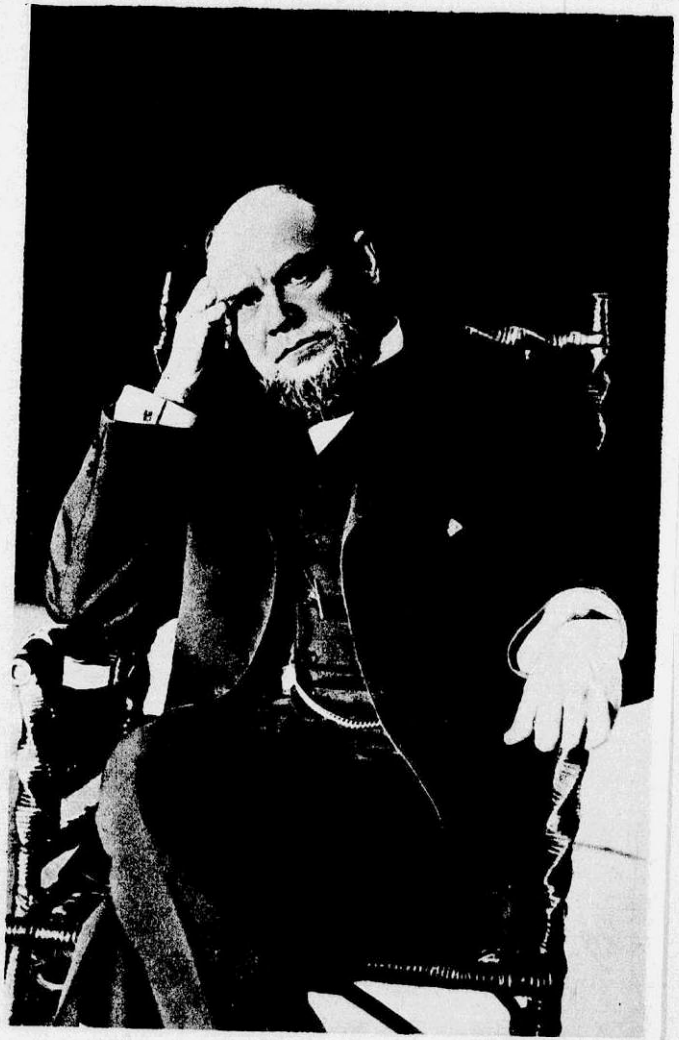
содержавшіеся по 42 ст. уст. о нак

содержавшіеся по распоряженію административной власти.

число поступившихъ арестованныхъ

число дней, проведенныхъ ими подъ арестомъ.

Петроградскій мировой судъ въ воспоминаніяхъ его дѣятелей.



А. Ѳ. Кони.

Мировой судъ въ Петербургѣ [1]).

Отрывки изъ воспоминаній.

Когда была введена судебная реформа—сначала въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно въ петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ судебныхъ округахъ — въ наибольшее, непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ пришелъ мировой судъ. Онъ сразу пріобрѣлъ популярность въ народѣ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы сокращенное названіе „мировой“ стало звучать, какъ нѣчто давно знакомое, привычное, вошедшее въ плоть и кровь бытовой жизни и въ то же время внушающее къ себѣ невольное почтеніе. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителями, приходившими знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцеляріи квартала и отъ управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи былъ слишкомъ осязателенъ. *Тамъ*—въ кварталѣ—широко господствовало весьма рѣшительное,—а до отмѣны тѣлесныхъ наказаній и весьма осязательное—усмотрѣніе дореформеннаго полицейскаго чиновника, о которомъ не безъ основанія говорилось

[1]) Анатолій Ѳедоровичъ Кони состоялъ почетнымъ мировымъ судьею петроградскаго съѣзда съ 1877 по 1885 г.

въ раскольничьей рукописи, яко бы открытой И. Ѳ. Горбуновымъ: „не Богъ его сотвори, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую", — *тамъ* — въ управѣ, въ царствѣ волокиты и „просительской тоски" — чувствовалось, что этотъ ближайшій судъ для многихъ изъ своихъ представителей и для ютившихся около него паразитовъ былъ „доходнымъ мѣстомъ". — *Здѣсь* — у „мирового" въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личныя свойства первыхъ судей служили ручательствомъ, что онъ не только скорый, но и правый въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый.

Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали преюдиціальные вопросы гражданскаго права, далеко не всѣ судьи получили юридическое образованіе. Но ихъ промахи тонули въ общемъ дружномъ и радостномъ подъемѣ духа, съ которымъ первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, принялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну. Бывали и случаи, когда вино новой власти бросалось нѣкоторымъ — немногимъ, впрочемъ, — въ голову. Эти случаи имѣли свою комическую сторону, но существенно отличались отъ тѣхъ превышеній власти, соединенныхъ съ грубымъ насиліемъ и надменной вѣрой въ свою безнаказанность, которыми ознаменовали свою дѣятельность, особенно при примѣненіи пресловутой 61-й статьи Положенія, нѣкоторые земскіе начальники, въ родѣ извѣстнаго „кандидата безправія", харьковскаго земскаго начальника Протопопова. У мировыхъ судей „es war nicht bös gemeint" и вытекало скорѣе изъ чрезмѣрнаго усердія въ отправленіи своихъ обязанностей, границы которыхъ были неясно понимаемы. Такъ въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у его товарищей строгой простотѣ обста-

новки, надъ своимъ судейскимъ мѣстомъ нѣчто въ родѣ балдахина изъ краснаго сукна, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ огнегасительнымъ тактикомъ и стратегомъ и, надѣвъ цѣпь, сталъ распоряжаться на пожарѣ въ своемъ участкѣ и отдавать приказанія пожарнымъ. А другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь изъ Новой Деревни въ томъ настроеніи, когда „счастливые часовъ не наблюдаютъ", и найдя Троицкій мостъ разведеннымъ ранѣе, чѣмъ по его мнѣнію слѣдовало, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная палата, однако, тотчасъ же охладила пылъ этихъ носителей мировой цѣпи некстати.

Но на-ряду съ этими единичными явленіями общее направленіе мировыхъ судей сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Мѣстный обыватель увидѣлъ очень скоро, что стародавняя поговорка: „бойся не суда, а судьи", теряетъ свое значеніе правила житейской мудрости. Онъ научился замѣнять страхъ передъ судьей, не чуждый иногда затаеннаго презрѣнія, совсѣмъ другимъ чувствомъ. Иногда это отсутствіе страха выражалось въ довольно своеобразныхъ формахъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ легендарномъ, но, въ общемъ, весьма правдоподобномъ разсказѣ о мѣщанинѣ, который своимъ буйствомъ приводилъ въ смятеніе и ужасъ своихъ домашнихъ и сосѣдей, но умѣлъ устраивать свои дѣла съ мѣстнымъ полицейскимъ судомъ такъ, что всегда выходилъ сухъ изъ воды. Когда, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ однажды получилъ повѣстку о явкѣ уже къ *мировому судьѣ*, онъ задумался, загрустилъ, сталъ сумраченъ, трезвъ и тревожно-ласковъ съ окружающими; наканунѣ засѣданія сходилъ въ баню, а въ самый день сбѣгалъ поставить свѣчку въ часовню, надѣлъ чистое бѣлье и слезно простился съ домашними, которые въ свою очередь плакали, — все ему простивъ и забывъ, — и съ трепетомъ ждали его возвращенія отъ невѣдомаго

„мирового“. Онъ не приходилъ цѣлый день и лишь къ ночи явился домой „пьянѣе вина“ и съ шумной радостью объявилъ: „мировой! мировой! я думалъ и невѣсть что̀, сколько страху натерпѣлся, думалъ — съѣстъ онъ меня, а онъ, мировой-то вашъ, на цѣпи сидитъ, да и говоритъ все такъ по-хорошему! Вотъ онъ какой, мировой-то!..“ Особенной виртуозностью и дѣловымъ блескомъ отличались засѣданія у мирового судьи Оскара Ильича Квиста, который былъ затѣмъ выдающимся предсѣдателемъ петербургскаго мирового съѣзда. Но несомнѣнно лучшимъ украшеніемъ петербургскаго мирового института былъ Николай Адріановичъ Неклюдовъ. Заваленный массою дѣлъ—въ его участокъ входила между прочимъ Сѣнная площадь — онъ умѣлъ въ ихъ разбирательство вносить глубокое знаніе жизненныхъ условій и вдумчивое пониманіе и толкованіе законовъ. Подражать ему было трудно—до того онъ былъ своеобразенъ и поразительно работоспособенъ, — но учиться у него было въ высшей степени полезно. Пестрота разнообразныхъ явленій жизни, ожидавшихъ его судейскаго слова, не затемняла предъ его взоромъ общихъ основныхъ началъ и строгой системы новаго процесса. Это выразилось съ особенной силой и успѣхомъ въ его превосходномъ „Руководствѣ для мировыхъ судей“, гдѣ научные комментаріи и разъясненія, не утратившія своей цѣны и до сихъ поръ, чередуются съ бытовыми картинками, живо отражающими на себѣ правовые взгляды и этическія понятія разнородныхъ обывателей столицы. А между тѣмъ Неклюдовъ не былъ юристомъ по образованію: онъ былъ математикъ по факультету, какъ и нѣкоторые изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, напримѣръ С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и другіе. Но онъ блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ, а магистерская диссертація его „Уголовно-статистическіе этюды“ была первымъ вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ изъ этой области въ русской научной литературѣ. Издатель и редакторъ переводовъ сочиненій философскаго характера (между

прочимъ „Огюстъ Контъ и Положительная философія“ Льюиса и Милля — съ пропитаннымъ тонкой ироніей надъ духовной цензурой предисловіемъ, яко бы *опровергающимъ* взгляды Конта и позитивистовъ на вопросы вѣры)—и переводчикъ учебника уголовнаго права Бернера, снабдившій эту книгу столь обширными дополненіями и примѣчаніями, что нѣкоторые острили, называя ее учебникомъ Неклюдова, дополненнымъ Бернеромъ,— Неклюдовъ сразу занялъ видное мѣсто среди русскихъ ученыхъ криминалистовъ, такъ что переходъ его изъ мировыхъ судей въ старшіе юрисконсульты министерства юстиціи былъ вполнѣ естественнымъ. Работая въ послѣдней должности, онъ написалъ четыре тома особенной части уголовнаго права, носящіе печать его оригинальнаго, идущаго своимъ путемъ ума, и изобилующіе язвительными замѣчаніями по поводу противорѣчивыхъ и не всегда продуманныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. По благодушной ироніи судьбы онъ сдѣлался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оберъ-прокуроромъ того самаго сената, который плодилъ эти рѣшенія, не всегда заботясь объ ихъ согласованіи. Неклюдовъ поднялъ это званіе на большую высоту и былъ первымъ (послѣ М. Е. Ковалевскаго — 1866—1869) оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, къ заключеніямъ котораго стали прислушиваться, не всегда съ ними соглашаясь, общая печать и широкіе общественные круги.

За столомъ оберъ-прокурора, на каѳедрѣ военно-юридической академіи, въ многочисленныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, въ засѣданіяхъ юридическаго общества, онъ всегда останавливалъ на себѣ общее вниманіе. Очень худощавый и до крайности нервный, съ острыми чертами одухотвореннаго лица и горящими темными глазами, имѣвшими въ себѣ что-то орлиное, онъ страстно отдавался всякому дѣлу, — оригинальный въ языкѣ, рѣзкій въ выраженіяхъ и иногда совершенно неожиданный въ своихъ выводахъ. Во всей его повадкѣ сказывалась огромная умственная сила и темпераментъ горячаго бойца,

который въ пылу словесной битвы сыпалъ удары направо и налѣво, задѣвая при этомъ иногда своихъ союзниковъ и единомышленниковъ. Въ немъ видѣлся будущій трибунъ и вождь политической партіи, одаренный для этого всѣмъ необходимымъ и, между прочимъ, умѣньемъ легко и свободно внушать окружающимъ безусловное къ себѣ довѣріе. Но онъ не дожилъ до того времени, когда можно было приложить свои силы и способности на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Вторая половина его жизни прошла въ тяжелое и удушливое время, и онъ оказался въ положеніи орла, вынужденнаго летать въ полусвѣтѣ низкаго и узкаго корридора, не имѣя возможности развернуть свои крылья во всю ихъ мощь и въ послѣдніе годы довольно часто не расправляя ихъ, а подгибая въ надеждѣ вырваться на жадно-желаемый просторъ. Отсюда вытекали служебные и правовые компромиссы, которые должны были дорого обходиться его гордому сердцу. Утомленное неустаннымъ трудомъ и внутренней неудовлетворенностью, оно, наконецъ, не выдержало, и онъ умеръ въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ отъ разрыва сердца на казенной квартирѣ, въ домѣ бывшаго III-го отдѣленія, „въ зданіи у Цѣпного моста“, быть можетъ на самой границѣ той обѣтованной земли, вступивъ въ которую, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ могъ бы, наконецъ, — искушенный знаніемъ жизни,—начать широкій и смѣлый полетъ, проводя взгляды, которые съ лихвою искупили бы его временную и вынужденную въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступчивость... Во время поминокъ по немъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ В. Д. Спасовичъ въ своей рѣчи не безъ жестокой ироніи сравнилъ его съ тѣми гигантами, которые, напрягши сильные мускулы, поддерживаютъ... маленькій балконъ передъ входомъ въ Эрмитажъ. Но можно ли это ставить въ вину *ему* и не слѣдуетъ ли скорбѣть о томъ, что одному изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей приходилось тратить свои силы на работу, имъ несвойственную и ихъ недостойную? Балконъ, конечно, былъ маленькій, тѣсный и часто даже совершенно ненужный, но гигантъ оставался гигантомъ, и не его вина, что онъ не могъ приложить свою духовную и трудовую силу къ чему-нибудь бо̀льшему, ибо этого бо̀льшаго въ обиходѣ не оказывалось. Но въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ Неклюдова, кто помнитъ его трудъ на пользу науки и мировой юстиціи, кто любовался его умомъ и зналъ про порывы его добраго, великодушнаго сердца,—его энергическій и вмѣстѣ грустный образъ неизмѣнно всплываетъ въ памяти объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который и родился, и умеръ слишкомъ рано.

Въ первые мѣсяцы послѣ введенія мирового суда въ Петербургѣ я иногда заходилъ въ ближайшую къ моему обиталищу камеру мирового судьи Тизделя въ Стремянной улицѣ и даже раза два исполнялъ совершенно случайно у него роль переводчика. Одинъ разъ это было въ засѣданіи по дѣлу по обвиненію француженки-хозяйки кондитерской Crampon въ нарушеніи санитарныхъ правилъ. Тиздель, воспитанникъ бывшаго Дворянскаго полка, высокій и молодцоватый старикъ, хотѣлъ ограничиться объявленіемъ ей предостереженія, но она по-русски не понимала, и Тиздель добродушно обратился къ публикѣ съ вопросомъ, не найдется ли кого-нибудь, кто можетъ перевести это слово, такъ какъ онъ его тоже не знаетъ. Всѣ переглянулись и молчали, но, вѣроятно, по моему лицу онъ замѣтилъ, что я ищу это слово, и воскликнулъ: „молодой человѣкъ, пожалуйте сюда къ столу!“ а затѣмъ вполголоса спросилъ меня: „какъ?“—„Кажется—avertissement“, отвѣчалъ я ему тихо. Онъ записалъ слово на бумажкѣ, поблагодарилъ меня и затѣмъ написалъ и торжественно произнесъ резолюцію, переведя ее съ грѣхомъ пополамъ на смѣсь французскаго съ нижегородскимъ и многозначительно повторивъ два раза слово „avertissement“. Съ тѣхъ поръ онъ привѣтствовалъ меня, какъ знакомаго, и однажды разсказалъ мнѣ оригинальный случай, показывавшій, какой живой интересъ возбуждало

къ себѣ разбирательство у мировыхъ судей. Два молодыхъ человѣка, желая на себѣ испытать впечатлѣніе разбирательства у мирового судьи, согласились принести одинъ противъ другого фиктивное обвиненіе въ словесной обидѣ, состоявшей будто бы въ оскорбленіи бранными словами на улицѣ, съ тѣмъ, что обиженный передъ постановленіемъ приговора заявитъ, что онъ прощаетъ обидчика, и дѣло прекратится. Все произошло какъ по писанному, но — не помню хорошенько — или молодые люди обнаружили свой замыселъ слишкомъ большой веселостью, или же Тиздель узналъ о немъ изъ какого-нибудь источника, но только, выслушавъ торжественное, помпёзное заявленіе потерпѣвшаго о томъ, что онъ прощаетъ оскорбителя своей чести, Тиздель, вѣроятно тоже съ трудомъ скрывая улыбку, объявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло объ оскорбленіи, но изъ заявленія обвинителя и признанія подсудимаго усматриваетъ ссору на улицѣ и нарушеніе общественной тишины (ст. 38 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) и привлекаетъ ихъ обоихъ къ отвѣтственности, откладывая разбирательство дѣла до слѣдующаго засѣданія. „Вы можете себѣ представить,—сказалъ мнѣ Тиздель,—какъ вытянулись лица у этихъ господъ, вздумавшихъ разыграть судебную комедію. Они совсѣмъ растерялись, смотрѣли другъ на друга вопросительно и не знали, что̀ начать. По окончаніи засѣданія я, снявъ цѣпь, отозвалъ ихъ въ сторону и сказалъ имъ: „судомъ шутить не слѣдуетъ: это забава опасная. А теперь идите съ миромъ: я не стану васъ судить, но помните, чѣмъ вы рисковали“.

Перейдя въ 1871 году въ Петербургъ изъ Казани на должность прокурора окружнаго суда, я засталъ составъ мировыхъ судей второго трехлѣтія, но, занятый своими сложными обязанностями, мало имѣлъ случая входить съ ними въ личныя отношенія. Въ общемъ составъ продолжалъ быть очень хорошимъ, но мои личныя знакомства ограничивались лишь нѣсколькими почетными мировыми судьями этого времени (Лихачевымъ, Квистомъ

и др.) и двумя участковыми — моимъ товарищемъ по университету и впослѣдствіи предсѣдателемъ мирового съѣзда, и Александромъ Ивановичемъ Барановскимъ. Лихорадочно-подвижный идеалистъ, съ чистой и нѣжной душой, довѣрчивый и подчасъ наивный, какъ дитя, Барановскій былъ подчасъ немалымъ путаникомъ въ дѣлахъ, но очень часто, разрѣшая ихъ болѣе по естеству, чѣмъ по закону, являлся безсознательно тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи во Франціи прославленный за то же самое французскій президентъ суда въ Château Thierry Magnand. Замѣчательно, что при этомъ онъ считалъ себя глубокимъ житейскимъ практикомъ и знатокомъ судебныхъ уставовъ, понимаемыхъ имъ нерѣдко весьма своеобразно. Но эти недостатки искупались высокой прямотой характера, всегда безусловно благородными побужденіями и горячею любовью къ общественной дѣятельности. Онъ очень дорожилъ правомъ мирового судьи самому усматривать проступки и возбуждать преслѣдованія, правомъ, которымъ у насъ начинаютъ все менѣе и менѣе пользоваться, предпочитая „спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ“ и ожидать, что полиція усмотритъ, что̀ слѣдуетъ, и составитъ надлежащій протоколъ. Между тѣмъ такое право въ отношеніи нарушеній общественной нравственности и всякаго рода безстыдства даетъ судьѣ въ руки драгоцѣнное оружіе моральнаго воздѣйствія. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ мы были еще далеки отъ нынѣшнихъ: необузданной вакханаліи безвозбраннаго исполненія грязныхъ жестовъ и куплетовъ на сценѣ, — всевозможнаго оголенія подъ лицемѣрнымъ флагомъ поклоненія красотѣ,—двусмысленныхъ объявленій въ газетахъ, — теоріи и методики разврата въ quasi-медицинскихъ книгахъ и безчестной порнографіи, дерзающей себя именовать литературой. Но кое-что въ этомъ родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, существовало и тогда и пробовало свить себѣ гнѣздо въ увеселительныхъ театрахъ Берга и „Буффъ“. Въ первомъ изъ нихъ подвизалась, грубо возбуждая чувственные

инстинкты, французская безголосая куплетистка Луиза Philippo. Не довольствуясь мало завидными лаврами, она стала выводить на сцену свою одиннадцатилѣтнюю племянницу, Викторію Филиппо, и бѣдный ребенокъ началъ пѣть тѣ же куплеты, какъ и тетка, и выдѣлывать своимъ худенькимъ, несложившимся тѣльцемъ тѣ же движенія, какъ она. Часть публики возмущалась, а часть находила особый смакъ въ противоположности эротической мимики съ невинными дѣтскими глазами и тонкимъ голоскомъ, дѣлавшимъ заученныя интонаціи и паузы, быть можетъ, въ непониманіи ихъ истиннаго смысла. Когда товарищъ прокурора Безродный вполнѣ подтвердилъ дошедшіе до меня въ этомъ отношеніи слухи и указалъ свидѣтелей, я вызвалъ къ себѣ мѣстнаго участковаго пристава и въ краткихъ, но вразумительныхъ словахъ объяснилъ ему, что при первомъ повтореніи подобнаго представленія со стороны Викторіи Филиппо я возбужу противъ нея и Берга обвиненіе по 993 ст. улож. о наказ., говорящей о развращеніи малолѣтнихъ, а о его попустительствѣ сообщу градоначальнику Трепову. Это возымѣло надлежащее дѣйствіе, и дѣвочка перестала канканировать на сценѣ, но зато „тетушка“ Луиза Филиппо и другая шансонетная пѣвица Бланшъ-Гандонъ на сценѣ театра „Буффъ“ „поддали пару“. Зайдя въ этотъ театръ, А. И. Барановскій былъ справедливо возмущенъ поведеніемъ и костюмомъ этихъ госпожъ и возбудилъ противъ нихъ преслѣдованіе по 43 ст. уст. о нак. за безстыдныя, соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія. „Если—говорилось въ приговорѣ судьи, присуждавшемъ „артистокъ“ къ штрафамъ въ 100 и въ 50 руб.,—публичныя народныя зрѣлища, дѣйствующія только на грубые инстинкты человѣческой природы, какъ, напримѣръ, кровавыя зрѣлища борьбы людей и животныхъ, не должны допускаться въ благоустроенномъ обществѣ, то тѣмъ менѣе могутъ быть терпимы такія зрѣлища, въ которыхъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ только грубый инстинктъ половыхъ

стремленій“. Противъ Барановскаго въ разныхъ клубахъ и мелкой прессѣ былъ поднятъ цѣлый походъ. Его осыпали насмѣшками и рисовали на него каррикатуры. Но мировой съѣздъ и кассаціонный сенатъ поддержали судью, имѣвшаго смѣлость проявить властное негодованіе противъ вреднаго безстыдства. Домашнія обстоятельства заставили его въ концѣ семидесятыхъ годовъ переселиться въ Москву, и тревожные годы, проведенные имъ въ обстановкѣ, далекой отъ скромной, но богатой внутреннимъ содержаніемъ дѣятельности мирового судьи, конечно, не дали ему того нравственнаго удовлетворенія, которое давала покинутая судейская служба, вспоминаемая имъ до конца дней съ любовью и сожалѣніемъ.

Въ иномъ родѣ былъ мой университетскій товарищъ И. А. Котоминъ. Въ высшей степени трудолюбивый и богатый опытомъ судья, онъ, не мудрствуя лукаво, добросовѣстно тянулъ свою лямку, искренно преданный дѣлу мировой юстиціи и не желавшій ее промѣнять ни на что. Это былъ настоящій *городской* мировой судья, сжившійся съ населеніемъ своего околотка, изучившій его нравы, радости и бѣды и въ общеніи съ нимъ нашедшій задачу своей жизни. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ жаловался на усталость или стремился отдохнуть. Напротивъ, мнѣ лично пришлось испытать, до какой степени даже лѣтній Петербургъ съ его лѣтомъ, похожимъ, выражаясь словами Гейне, на „выкрашенную въ зеленую краску зиму“, былъ милъ и дорогъ сердцу этого коренного своего обывателя. Лѣтомъ 1873 года, встрѣтивъ меня и узнавъ, что я собираюсь съ морскихъ купаній проѣхать въ Италію, онъ просилъ меня съѣхаться съ нимъ въ Люцернѣ и предпринять дальнѣйшее—первое въ его жизни—путешествіе вмѣстѣ. Такъ мы и сдѣлали. Но уже въ Люцернѣ онъ поразилъ меня тѣмъ, что привезъ съ собою подушки и постельное бѣлье, что придало его багажу чрезвычайные и неудобные для путешествія размѣры. Мы совершили чудный переѣздъ въ

почтовомъ экипажѣ черезъ С.-Готардъ, гдѣ съ волшебной быстротой смѣнялись картины природы, начинаясь цвѣтущими садами Флюэлена на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, постепенно переходя въ голую и каменистую пустыню Hospice de St.-Gothard и быстро смѣняясь затѣмъ нарастающею прелестью Италіи. Изъ Милана мы взяли билеты на круговое путешествіе по озерамъ Комо и Лугано и по Лаго-Маджіоре, причемъ ѣхать приходилось на пароходѣ и въ почтовомъ экипажѣ, такъ какъ тогда желѣзная дорога существовала только между Комо и Миланомъ и между Миланомъ и Ароной. Уже въ Миланѣ мой спутникъ сталъ обнаруживать признаки тоскливаго нетерпѣнія и того скептически-насмѣшливаго отношенія къ западно-европейскимъ порядкамъ, которымъ отличаются многіе изъ русскихъ людей заграницею, вдругъ начинающіе чувствовать, что *у насъ* все лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что и вкусы наши совершенно различны: меня интересовали музеи, храмы и историческія воспоминанія, его—толпа, уличная торговля и народныя увеселенія, а природа не производила на него никакого впечатлѣнія. Когда въ Menaggio, при закатѣ солнца, круговые путешественники ждали на берегу голубого озера парохода для переѣзда въ Bellaggio, итальянскій вечеръ повѣялъ такимъ обаяніемъ на собравшихся, что всѣ замолчали въ нѣмомъ созерцаніи очаровательной картины и—„тихій ангелъ пролетѣлъ". И вдругъ на одномъ изъ концовъ пристани раздался съ сѣверо-германскимъ произношеніемъ рѣзкій голосъ, тревожно прокричавшій черезъ головы собравшихся кому-то на другомъ концѣ пристани: „Sie, nehmen Sie sich in Acht ob da nicht ein Taschendieb existiere!" Поэтическое настроеніе было разрушено, но прозаическая забота нѣмца очень смутила моего товарища: онъ сталъ подозрительно осматриваться по сторонамъ и на все путешествіе увѣровалъ, что итальянцы—чуть не сплошные ташендибы. Объѣздъ озеръ продолжался три дня, и я могъ не разъ убѣдиться, что мысли моего спутника не-

престанно обращались къ Петербургу, къ его дѣламъ и къ камерѣ мирового судьи и что—не будь меня—онъ, быть можетъ, немедленно вернулся бы назадъ. Когда мы были на Лаго-Маджіоре и я восхищался Борромейскими островами, онъ сказалъ мнѣ: „право, не знаю, зачѣмъ ѣздятъ на все это смотрѣть тѣ, кому не приходится здѣсь жить; по моему мнѣнію, Крестовскій островъ въ Петербургѣ гораздо лучше". Во Флоренціи онъ сталъ явно тяготиться моими предложеніями осматривать ея художественныя сокровища въ музеяхъ и дѣлалъ это со скучающимъ выраженіемъ лица и до крайности торопливо. За годъ передъ тѣмъ я былъ во Франкфуртѣ и въ праздничный день, вмѣстѣ съ группой подгородныхъ жителей, осматривалъ Бетманскій музей съ знаменитой „Аріадной" Даннекера. Ее не показывали однако сразу, а заставляли сначала осмотрѣть цѣлый рядъ гипсовыхъ слѣпковъ съ антиковъ, посмертныхъ масокъ съ коронованныхъ особъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Ходившая рядомъ со мною немолодая, но краснощекая женщина въ старомодномъ платьѣ, очевидно, въ первый разъ бывшая въ музеѣ, съ прилежнымъ и напряженнымъ вниманіемъ разсматривала все то, на что монотонно указывалъ смотритель музея. Но ей, видимо, было скучно, и когда, наконецъ, онъ торжественно провозгласилъ: „und hier, meine Herren, können Sie sehen die berühmte Ariadne" и отдернулъ занавѣсь, за которою скрывалась, освѣщенная сверху, миѳологическая красавица, *спокойно* полулежащая на спинѣ *идущей* пантеры,—моя нѣмка, облегченно вздохнувъ, громко спросила: „Nun? und damit ist man endlich los?"—и съ радостнымъ лицомъ быстрыми шагами удалилась. Мой спутникъ очень сильно мнѣ напоминалъ эту женщину. Путешествіе наше становилось тягостнымъ для обоихъ, и мы условились совершить его на разстояніи четырехъ дней другъ отъ друга съ тѣмъ, чтобы съѣзжаться вмѣстѣ на одинъ день и получать отъ уѣхавшаго впередъ полезныя свѣдѣнія. Впередъ уѣхалъ онъ. Мы встрѣтились въ Римѣ, затѣмъ

въ Неаполѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись жертвою нѣсколькихъ мелкихъ плутней, окончательно и безповоротно укрѣпился въ своемъ взглядѣ на то, что итальянцы—„ташендибы". Я уговорилъ его остаться здѣсь нѣсколько долѣе и не покидать Неаполя, не съѣздивъ въ Помпею, на Капри и на Везувій. Но его страшно тянуло домой, въ свою камеру, и въ день довольно утомительнаго восхожденія на Везувій онъ все-таки двинулся вечеромъ, нигдѣ не останавливаясь, въ Петербургъ.

Несмотря на нѣкоторыя свои странности, И. А. Котоминъ былъ человѣкъ весьма знающій и научно образованный. По выходѣ изъ университета онъ даже долго лелѣялъ мысль объ ученой карьерѣ и серьезно занимался уголовнымъ правомъ, и какъ предсѣдатель мирового съѣзда онъ оставилъ по себѣ прекрасную память, хотя, чуждый всякаго честолюбія и до крайности скромный, онъ не хлопоталъ ни объ избраніи, ни о переизбраніи на это мѣсто.

Въ 1877-мъ году, расходясь съ министромъ юстиціи графомъ Паленомъ, при всемъ уваженіи къ его личнымъ свойствамъ, въ нѣкоторыхъ существенныхъ взглядахъ,—а также до крайности тяготясь службой въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и тоскуя по работѣ въ дѣйствующей судебной арміи, я вознамѣрился баллотироваться въ столичные участковые мировые судьи и для этого пріобрѣлъ себѣ—случайно по весьма дешевой цѣнѣ—необходимый цензъ въ отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, однако, измѣненіе внутренней организаціи кассаціоннаго сената (раздѣленіе на отдѣленія), связанное съ особымъ увеличеніемъ числа сенаторовъ, вызвало сильное движеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, и мнѣ было предложено мѣсто прокурора харьковской судебной палаты. Отчасти по соображеніямъ, которыя заставляли меня думать объ уходѣ въ мировые судьи, а также и въ виду моихъ педагогическихъ занятій (лекціи уголовнаго судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія) и весьма цѣ-

нимой мною близости къ тогдашнему кружку „Вѣстника Европы", гдѣ я постоянно встрѣчался съ Гончаровымъ, Кавелинымъ, Пыпинымъ и Спасовичемъ и иногда съ Тургеневымъ—я отказался отъ предложеннаго мнѣ поста въ прокуратурѣ, указавъ, что моимъ наклонностямъ болѣе соотвѣтствовало бы званіе судьи. Тогда мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда, которая должна была сдѣлаться вакантной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Возможность стать предсѣдателемъ суда, при которомъ я такъ долго состоялъ прокуроромъ, и не покидать притомъ Петербурга, улыбалась мнѣ до крайности, и мысль объ участковомъ мировомъ судьѣ была оставлена. Но у меня оставался цензъ—1.200 десятинъ гдѣ-то „въ мѣстѣ пустѣ, мѣстѣ безплоднѣ, мѣстѣ безводнѣ", и по настоянію Неклюдова я рѣшился баллотироваться въ почетные мировые судьи города Петербурга.

Для осуществленія этого намѣренія было необходимо побывать у городского головы, заявить ему о своемъ желаніи и представить ему документы, относящіеся къ имущественному цензу. Мы поѣхали вмѣстѣ съ Неклюдовымъ къ Н. И. Погребову, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ по совмѣстной дѣятельности въ петербургскомъ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ. Умѣлый администраторъ, рачительный хозяинъ и прекрасный самъ по себѣ человѣкъ, Николай Ивановичъ встрѣтилъ меня очень любезно и, не сомнѣваясь въ моемъ избраніи, радостно привѣтствовать мое будущее вступленіе въ составъ мировыхъ судей въ столицѣ. Мнѣ тоже думалось, что избраніе должно пройти успѣшно: я лишь полтора года назадъ оставилъ должность прокурора окружнаго суда въ Петербургѣ, которую занималъ около пяти лѣтъ, выступая почти по всѣмъ выдающимся дѣламъ, отчеты о которыхъ печатались въ газетахъ;—принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ въ качествѣ члена городского присутствія;—возбудилъ нѣсколько громкихъ дѣлъ, привлекшихъ обще-

ственное вниманіе, какъ, напримѣръ, дѣло о поджогѣ мельницы Овсянникова, дѣло игуменьи Митрофаніи и др., и, наконецъ, въ моей камерѣ въ окружномъ судѣ перебывало множество петербургскихъ обывателей, приходившихъ за совѣтомъ или защитой. Все это вмѣстѣ съ многочисленными печатными и общественными проявленіями сожалѣнія о моемъ уходѣ изъ прокуратуры давало, казалось бы, мнѣ основаніе считать себя человѣкомъ, настолько извѣстнымъ въ Петербургѣ, что никакихъ особыхъ недоумѣній или колебаній при выборахъ относительно меня произойти не можетъ. Мы съ Неклюдовымъ уже собирались уходить, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ явились два купца, гласныхъ думы, состоявшихъ членами совѣта какой-то богадѣльни, пришедшихъ благодарить Погребова за участіе его въ какомъ-то торжествѣ, бывшемъ въ этой богадѣльнѣ наканунѣ, и за щедрое въ пользу ея пожертвованіе. Одинъ изъ нихъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, другой въ длинномъ сюртукѣ стариннаго покроя. Когда оба они усѣлись въ довольно почтительныхъ позахъ, Погребовъ, указывая на меня и называя меня, сказалъ имъ: „Вотъ—имя рекъ—хочетъ сдѣлать намъ честь баллотироваться въ мировые судьи. Вы вѣдь избиратели, такъ позвольте его вамъ представить". Почтительныя позы немедленно исчезли, и, небрежно отклонясь на спинку кресла, фракъ сказалъ мнѣ: „А вы чѣмъ изволите заниматься?—Я служу въ судебномъ вѣдомствѣ.—А-а!—а по какой части?—Я вице-директоръ департамента министерства юстиціи и пять лѣтъ былъ прокуроромъ окружнаго суда.—Такъ-съ. Это гдѣ же вы были?—Въ Петербургѣ.—Въ Петербургѣ? прокуроромъ?—и онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника.—Какъ ваша фамилія будетъ?"—спросилъ сюртукъ, безцеремонно разглядывая меня, и на мой отвѣтъ сказалъ, обращаясь къ фраку: „Не слыхивали что-то".—„Какъ же вы не знаете, кто былъ у насъ такъ долго прокуроромъ!"—раздражительно вмѣшался въ разговоръ Погребовъ. „Да помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, принимая опять почтительную позу, фракъ:—вѣдь мало ли ихъ, господъ служащихъ, гдѣ же объ нихъ обо всѣхъ знать, кто при чемъ состоитъ!" — „Ну, что-жъ,—покровительственно заключилъ бесѣду сюртукъ,—вотъ соберемъ о васъ справки да посудимъ. Отчего же и не выбрать, вотъ особенно, коли его превосходительство порекомендуютъ. Выбрать всегда возможно"... Погребовъ вышелъ насъ провожать въ переднюю и, горячо пожимая мнѣ руку, видимо сконфуженный, сказалъ: „Извините, пожалуйста, за этихъ..., у насъ вѣдь большинство не такіе. Мнѣ такъ совѣстно. Пожалуйста, не вздумайте отказываться отъ вашего намѣренія.—И не думаю, Николай Ивановичъ, и даже благодаренъ случаю, давшему мнѣ маленькій урокъ, чтобы, какъ говоритъ Некрасовъ, „человѣкъ не баловался"...

Вслѣдъ за избраніемъ меня въ столичные почетные судьи я былъ избранъ почетнымъ судьею по петербургскому уѣзду и по петергофскому уѣзду съ городомъ Кронштадтомъ, такъ что, съ точки зрѣнія упомянутаго выше буйнаго обывателя, сидѣлъ сразу на трехъ цѣпяхъ. Первое же засѣданіе петербургскаго съѣзда—распорядительное—о направленіи дѣлъ по жалобамъ на мировыхъ судей въ дисциплинарномъ порядкѣ связано для меня съ довольно тяжелымъ воспоминаніемъ. Между участковыми судьями былъ мировой судья Трофимовъ, пользовавшійся большою популярностью. Крупный старикъ воинственнаго вида, съ сѣдой курчавой головой и большими усами, въ товарищескомъ кругу онъ былъ неоцѣненнымъ разсказчикомъ и оживленнымъ собесѣдникомъ на обѣдахъ, во время которыхъ декламировалъ довольно нескладные стихи собственнаго сочиненія, приличные случаю. Ходили слухи, что онъ держитъ себя чрезвычайно развязно въ судебномъ засѣданіи, шутитъ надъ свидѣтелями и подсудимыми, даетъ имъ наставленія изъ области житейской философіи и читаетъ нотаціи—и этимъ очень увеселяетъ собирающуюся въ боль-

шомъ количествѣ въ его камеру публику. Слухи эти проникали нерѣдко и въ печать, при чемъ мелкая пресса, не стѣсняясь, называла разбирательство у Трофимова „балаганомъ“. Но жалобъ на такой образъ его дѣйствій не поступало, предсѣдатели же мирового съѣзда, повидимому, сами не желали возбуждать вопроса о странномъ поведеніи Трофимова, и за его камерой все болѣе и болѣе укрѣплялась репутація увеселительнаго мѣста. Наконецъ, однако, поступила и жалоба со стороны одного болгарина, при разбирательствѣ дѣла о которомъ Трофимовъ неумѣстно и довольно рѣзко прошелся на счетъ „братьевъ-славянъ“, за которыхъ, по его мнѣнію, не стоило вести войну съ Турціей. Въ засѣданіи съѣзда старикъ откровенно сознался въ томъ, что у него сорвалось съ языка лишнее, и, понуривъ сѣдую голову, вышелъ изъ залы совѣщанія, гдѣ долженъ былъ разрѣшаться вопросъ о возбужденіи противъ него дисциплинарнаго производства. Старые судьи, товарищи Трофимова по нѣсколькимъ трехлѣтіямъ, стали его выгораживать, доказывая, что „предостереженіе“ оскорбитъ старика, столь преданнаго своему дѣлу, и пожалуй заставитъ уйти со службы, что̀ было бы большой потерей для мировой юстиціи Петербурга. Они не отрицали неумѣстности того, что̀ говорилъ болгарину Трофимовъ, но стояли на томъ, что отъ неумѣстности далеко до грубости или неприличія, и что для стараго и опытнаго судьи уже одна необходимость приносить передъ товарищами повинную есть достаточное наказаніе. Я не могъ раздѣлить такого взгляда, находя, что чрезмѣрная снисходительность къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ со стороны судей можетъ легко и незамѣтно обратиться въ попустительство, которое грубо нарушитъ довѣріе, питаемое составителями судебныхъ уставовъ именно къ суду товарищей, призванныхъ общими силами охранять достоинство представляемаго ими учрежденія. Указывая на то, что жалоба болгарина лишь подтверждаетъ ходячіе слухи и сложившееся представленіе о томъ, что̀

происходитъ въ камерѣ Трофимова, я находилъ, что оставленіе съѣздомъ жалобы безъ послѣдствій можетъ дать словоохотливому судьѣ основаніе для дальнѣйшихъ выходокъ въ томъ же родѣ. Поэтому я горячо поддерживалъ меньшинство съѣзда, признававшее необходимость возбужденія дисциплинарнаго производства. Мой maiden speech убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ большинства и въ томъ числѣ предсѣдателя. Старикъ, приглашенный для участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ и узнавшій, конечно, чѣмъ рѣшено его дѣло, занялъ свое мѣсто сконфуженный и удрученный. Установленнымъ порядкомъ онъ получилъ предостереженіе.

Черезъ годъ на мою долю выпало обревизованіе его дѣлопроизводства, къ которому я приступилъ съ непріятнымъ ожиданіемъ найти разные безпорядки и упущенія. Еще до разсмотрѣнія книгъ и производствъ я рѣшилъ нѣсколько разъ посѣтить камеру Трофимова въ качествѣ частнаго человѣка, садясь въ публикѣ, которой въ его обширной камерѣ всегда было очень много и среди которой онъ меня едва-ли замѣчалъ. И что̀ же? Вмѣсто прославленнаго балагана я увидѣлъ настоящее мировое, жизненное, чуждое бездушной формальности и равнодушной торопливости разбирательство. За судейскимъ столомъ сидѣлъ умный и трогательно-добрый человѣкъ, по-отечески журившій участвующихъ въ дѣлѣ и по-отечески входившій въ ихъ нужды и ихъ понимавшій. Не неумѣстной фамильярностью вѣяло отъ него, а той искренностью отношеній и выраженій, которыя были гораздо понятнѣе простымъ людямъ, выходившимъ предъ судейскій столъ, чѣмъ холодныя, сакраментальныя слова процессуальнаго закона. И отношеніе всѣхъ находившихся въ камерѣ къ Трофимову было особенное: между нимъ и ими чувствовалась живая связь и взаимное пониманіе. Даже словечки, которыя онъ „отпускалъ“, пріобрѣтали въ его устахъ и въ этой обстановкѣ совсѣмъ особенный характеръ: они служили чуткимъ выраженіемъ чувствъ и настроенія присутствующихъ; въ нихъ,

иногда въ своеобразной формѣ, выражался удовлетворяющій внутреннее чувство нравственный приговоръ надъ тѣмъ, что̀ не умѣщалось въ узкія рамки юридическаго опредѣленія. И въ тонѣ и способѣ произнесенія Трофимовымъ его поученій и репримандовъ не было ничего оскорбительнаго. Напротивъ, среди наполнявшаго мѣста для публики сѣраго люда порою проносилось полушопотомъ: „правильно!.. справедливо!.. это такъ!..“ и т. п. А тотъ, кто вызвалъ „выходку“ судьи, по большей части съ повиннымъ видомъ соглашался съ мировымъ судьей или добродушно раздѣлялъ сдержанный смѣхъ аудиторіи. По существу же всѣ дѣла, при разборѣ которыхъ я присутствовалъ, были рѣшены, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно, и подъ каждымъ изъ этихъ рѣшеній я подписался бы обѣими руками. Не въ первый разъ увидѣлъ я при этомъ, какъ необходимо для того, чтобы судить о томъ, что̀ происходитъ въ судебномъ засѣданіи, быть въ немъ самому и воочію познакомиться съ тѣми оттѣнками въ словахъ и дѣйствіяхъ участвующихъ лицъ, передать которые ни печать, ни обыкновенный разсказъ не въ состояніи. Мнѣ съ душевной болью вспомнилось, что я былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ возбужденія дисциплинарнаго производства о Трофимовѣ, во время котораго этотъ истинный народный судья пережилъ, конечно, не мало тяжелыхъ минутъ. Послѣ третьяго или четвертаго посѣщенія его камеры съ пребываніемъ въ публикѣ, я въ перерывъ засѣданія пошелъ къ нему въ кабинетъ и, объявивъ о возложенной на меня задачѣ, сказалъ ему: „Александръ Ивановичъ, я уже четвертый разъ сижу въ вашей камерѣ и смотрю, какъ вы рѣшаете дѣла“... Старикъ вопросительно приподнялъ брови, пошевелилъ усами, и на лицѣ его появилось выраженіе ожиданія какихъ-нибудь критическихъ съ моей стороны замѣчаній... „Я пришелъ вамъ сказать, что мнѣ больно и стыдно вспомнить, что я настоялъ на дисциплинарномъ судѣ надъ вами: я не зналъ васъ и понималъ васъ слишкомъ формально. Теперь я вижу, какъ я ошибался“... Трофимовъ вдругъ покраснѣлъ, и глаза его наполнились слезами. „Голубчикъ!—воскликнулъ онъ—да что вы! да Богъ съ вами! да вѣдь я дѣйствительно иногда этакъ—знаете—за постромки заступаю! да что вы!“ И онъ взволнованно подошелъ ко мнѣ вплотную и, прижавъ мою голову къ своей широкой груди, поцѣловалъ меня.

Года черезъ два онъ умеръ. Огромная толпа простыхъ людей проводила его до могилы на кладбище Александро-Невской лавры. Чрезъ нѣсколько недѣль, бывши въ лаврѣ и посѣтивъ эту могилу, я нашелъ на ней нѣсколько дешевыхъ вѣнковъ изъ ельника и бумажныхъ цвѣтовъ — эту настоящую „лепту вдовицы“,— а бѣлый крестъ надъ насыпью оказался весь исписаннымъ вдоль и поперекъ различными надписями. „Добрый человѣкъ, тебя нельзя забыть“, значилось на одной; „честный судья, другъ и учитель бѣдныхъ, спи спокойно!“—говорилось въ другой...

Несмотря на обиліе дѣлъ, поступавшихъ въ петербургскій столичный съѣздъ, и на небольшое число столичныхъ мировыхъ судей, сравнительно съ тѣмъ, которое существуетъ нынѣ, засѣданія всѣхъ отдѣленій съѣзда велись всегда въ образцовомъ порядкѣ и съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ и вниманіемъ, которое довлѣетъ дѣлу правосудія. Этихъ свойствъ я, къ удивленію моему, не нашелъ въ засѣданіяхъ Tribunal de police correctionnelle въ Парижѣ. Особенно памятно мнѣ засѣданіе этого суда, при которомъ я присутствовалъ въ 1879 году. Въ полчаса было разсмотрѣно и рѣшено девять дѣлъ. Принималъ участіе въ ихъ разборѣ одинъ президентъ, съ крикливымъ словомъ и нетерпѣливыми движеніями. Подсудимые по разнымъ дѣламъ сидѣли рядомъ на длинной скамьѣ, сзади которой были двѣ двери. Въ одну ихъ вводилъ дежурный жандармъ, въ другую выводилъ. Судился крайній или крайняя, ближайшіе къ судейскому столу. По провозглашеніи резолюціи отворялись обѣ двери—осужденный уходилъ—всѣ

остальные подсудимые, не поднимаясь на ноги, а лишь довольно комично ритмически привставая, передвигались—и скамья принимала новаго обвиняемаго.—За судейскимъ столомъ сидѣло два „совѣтника"; одинъ относился ко всему безучастно и повидимому дремалъ, другой, нисколько не стѣсняясь, читалъ газету, по временамъ широко ее развертывая или перегибая. Прокуроръ, на молчаливое обращеніе къ нему президента, повторялъ одно неизмѣнное: „я ходатайствую" (je requiers).—„Дѣло Матьё! — провозглашалъ президентъ: — Матьё? — Здѣсь, господинъ президентъ! — отвѣчаетъ крайній на скамьѣ подсудимыхъ. — Вы обвиняетесь въ нанесеніи удара полицейскому. Признаете ли себя виновнымъ (plaidez-vous coupable ou non?)?—Да помилуйте! это онъ меня ударилъ. — Молчать! это всегда у васъ — *васъ* бьетъ полиція... (Taisez-vous! Ah, c'est toujours la police qui vous frappe). Есть свидѣтели?—Судебный приставъ отвѣчаетъ, что есть муниципальный сержантъ Андріё.—„Андріё,—подойдите! поднимите руку! вы клянетесь говорить правду, одну лишь правду... Опустите руку! *Онъ* васъ ударилъ?—Да, господинъ президентъ. — Можете идти. — Ну (обращаясь къ подсудимому), что вы можете сказать въ свою защиту?—Да помилуйте! вѣдь не я его, а онъ меня...—Хорошо! (смотритъ въ сторону прокурора, который повторяетъ свою неизмѣнную фразу) — судъ, выслушавъ... приговариваетъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ судебнымъ издержкамъ. Уведите! (Faites sortir!)" — Подсудимый кланяется, исчезаетъ—и начинается новое дѣло, ведущееся тѣмъ же способомъ. Когда предсѣдатель, съ которымъ я познакомился во время перерыва засѣданія, спросилъ о моемъ впечатлѣніи, я не могъ скрыть отъ него, что такое отправленіе правосудія представляется мнѣ черезчуръ поспѣшнымъ (trop expéditif), то онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ: „о! я знаю *ихъ* (je connais mon monde) и они *меня* знаютъ".

Я носилъ званіе почетнаго мирового судьи въ теченіе восьми лѣтъ и не разъ предсѣдательствовалъ въ

одномъ изъ отдѣленій столичнаго мирового съѣзда. Но главная обязанность, связанная съ этимъ званіемъ, и которая за все это время всецѣло лежала на мнѣ, была еженедѣльное, кромѣ лѣта, участіе въ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія. Объ этомъ я подробно говорилъ въ „Русской Старинѣ" за февраль 1907 года. Въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда приходилось бывать рѣдко — обыкновенно въ лѣтнее время. Уѣзднымъ петербургскимъ съѣздомъ я былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи по составленію особаго наказа и тутъ имѣлъ случай ближе узнать прекраснаго судью и человѣка, Евгенія Александровича Шакѣева, отчасти напоминавшаго своей судьбою Неклюдова и тоже не дожившаго до времени, когда его даръ слова и пониманіе общественныхъ интересовъ могли бы себѣ найти гораздо болѣе широкое примѣненіе. Оба съѣзда—и петергофскій, и уѣздный петербургскій—были составлены очень удачно, особенно послѣдній. Будучи въ 1885 году назначенъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, я долженъ былъ сложить съ себя по несовмѣстимости званіе почетнаго мирового судьи. Съ грустью разстался я съ мировыми учрежденіями, сохранивъ о нихъ самыя лучшія воспоминанія и искренно тронутый добрыми чувствами, высказанными мнѣ моими товарищами на прощаніе. По новой должности моей и затѣмъ по званію сенатора черезъ мои руки прошло великое множество дѣлъ съ рѣшеніями и приговорами мировыхъ съѣздовъ со всѣхъ концовъ Россіи, и они свидѣтельствовали, что im Grossen und Ganzen мировая юстиція находилась въ Россіи въ добросовѣстныхъ рукахъ и исполняла свое предназначеніе. Конечно, встрѣчались промахи и ошибки, но они были немногочисленны, кассировать приговоры приходилось сравнительно рѣдко, и если встрѣчалось завѣдомо узкое толкованіе или тенденціозное примѣненіе закона, то эти рѣдкіе случаи имѣли мѣсто главнымъ образомъ среди мировыхъ судей *по назначенію*, въ

Польшѣ и Западномъ краѣ, по отношенію къ дѣламъ о штундистахъ и уніатахъ—или въ Прибалтійскомъ краѣ по примѣненію къ нѣмцамъ ст. 29 уст. о нак. нал. мир. суд., гласящей о неисполненіи законныхъ распоряженій и требованій полиціи. Въ дѣлахъ перваго рода мировые судьи и съѣзды подчинялись властнымъ требованіямъ мѣстной администраціи и представителей православнаго вѣдомства, забывшихъ про мечъ духовный и настойчиво взывавшихъ къ укрѣпленію господствующей церкви мечомъ свѣтскимъ въ рукахъ чиновъ полиціи и мировыхъ судей, но и тутъ встрѣчались герои судейскаго долга. Таковъ былъ мировой судья одного изъ уѣздовъ Кіевской губерніи, отказавшійся въ эпоху усиленнаго гоненія на штундистовъ осудить нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся помолиться надъ умершимъ штундистомъ, своимъ родственникомъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ полиція усматривала нарушеніе циркуляра генералъ-губернатора, воспретившаго штундистамъ—въ явное нарушеніе великодушнаго закона 3-го мая 1883-го года—всякія молитвенныя собранія. Этотъ судья, о которомъ я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ, имѣлъ гражданское мужество признать распоряженіе графа Игнатьева лишеннымъ законнаго основанія—и сенатъ, въ общемъ собраніи кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, раздѣлилъ его взглядъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ такіе приговоры были результатомъ ложнаго взгляда на задачи мѣстныхъ мировыхъ судей, въ которыя будто бы входило не одно отправленіе нелицемѣрнаго правосудія, а и посильная руссификація, достигавшая, впрочемъ, совершенно обратныхъ результатовъ. Таково, напримѣръ, было дѣло о нѣсколькихъ врачахъ города Риги, обвинявшихся въ неисполненіи распоряженія губернатора о томъ, чтобы всѣ „торгово-промышленныя заведенія имѣли вывѣски на русскомъ языкѣ“, причемъ подъ понятіе этихъ вывѣсокъ не въ мѣру усердная полиція подводила дверныя дощечки врачей на нѣмецкомъ языкѣ и, сорвавъ ихъ или разбивъ, привлекала врачей къ отвѣтственности по 29 ст. Но, повторяю, эти дѣла были рѣдкими исключеніями, и, конечно, не они были причиной разразившейся внезапно въ 1889 году бури, которая смела съ лица русской земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, мировыя судебныя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю работу по воспитанію народа въ чувствѣ законности. На опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи. Въ широковѣщательной комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, занимавшейся искаженіемъ ихъ основныхъ началъ съ 1894 по 1900 годъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, нѣкоторые члены пытались предложить вернуться къ упраздненнымъ мировымъ судьямъ, и даже министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, устами своего товарища Неклюдова, выразилъ согласіе на отмѣну *судебной власти* земскихъ начальниковъ. Но предположенія эти встрѣтили категорическій и рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя комиссіи, статсъ-секретаря Муравьева. Наивнымъ людямъ, мечтавшимъ въ „новизнѣ“ предпринятой работы услышать свою „старину“, было вразумительно объяснено, что возстановленіе мировыхъ судей „не входитъ въ виды правительства“ и что вопросъ объ этомъ не будетъ даже допущенъ къ обсужденію.

Такимъ образомъ былъ закрѣпленъ *судебный* институтъ земскихъ начальниковъ, повидимому — къ счастію, только повидимому — на много лѣтъ, такъ какъ предполагалось, что работа комиссіи должна облагодѣтельствовать Россію не на одно десятилѣтіе: нельзя же пересматривать судебные уставы для каждаго новаго министра юстиціи. Судебная власть, близкая къ народу и связанная притомъ, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ, съ правомъ безконтрольнаго усмотрѣнія, осталась сосредоточенною надъ большею частью русскаго населенія въ рукахъ людей, иногда очень молодыхъ, возрастный

и образовательный цензъ которыхъ былъ пониженъ до послѣднихъ предѣловъ,—людей часто совершенно чуждыхъ данной мѣстности, назначаемыхъ не по выбору, а по представленію администраціи, ей подчиненныхъ и увольняемыхъ ея же простымъ распоряженіемъ. Правда, комиссія подъ руководствомъ статсъ-секретаря Муравьева проектировала для тѣхъ мѣстностей — въ Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д., — гдѣ не существовало еще земскихъ начальниковъ и на-ряду съ ними жалкихъ обломковъ мирового института, называемыхъ городскими судьями,—должность участковаго судьи, съ огромной подсудностью и обязанностями по производству слѣдствій и по исполненію нотаріальныхъ дѣйствій; но судья этотъ во многихъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ худшее положеніе, чѣмъ старый мировой судья. Достаточно сказать, что ему не было присвоено несмѣняемости, еще гораздо болѣе необходимой единоличному судьѣ, чѣмъ члену коллегіи. Былъ также проектированъ особый почетный судья, назначаемый министромъ юстиціи (а не утверждаемый сенатомъ, какъ старый выборный почетный мировой судья) изъ всякаго званія людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и прослужившихъ три года на практическихъ судебныхъ должностяхъ. Земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ было однако предоставлено право представлять о назначеніи почетными судьями лицъ, обладающихъ извѣстнымъ цензомъ и кончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, если только они мѣстные потомственные дворяне. Но тамъ, гдѣ введены земскіе начальники, такіе судьи никакого отношенія къ мѣстному, близкому къ народу суду не имѣли.

Нынѣ мировые судьи возстановлены совокупной работой нашихъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, при обсужденіи вопроса о мѣстномъ судѣ. Это возрожденіе изъ пепла не застаетъ, конечно, въ живыхъ почти никого изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣятелей мировой юстиціи, которые были преемственно связаны съ

мировыми посредниками и многіе изъ которыхъ еще помнили то время, когда на русскомъ общественномъ горизонтѣ засіяли судебные уставы, разгоняя тьму бездѣлія и лихоимства. Мнѣ, съ болью въ сердцѣ созерцавшему постепенное изувѣченіе этихъ уставовъ, пришлось дожить до этого возстановленія, и я съ чувствомъ сердечнаго уваженія обращаюсь къ памяти ушедшихъ, съ которыми мнѣ пришлось работать въ мировыхъ учрежденіяхъ.

А. Ѳ. Кони.

Воспоминанія П. М. Майкова.

(Участковый мировой судья въ 1866—1873 гг. и почетный въ 1874—1878 гг.).

I.

...Наступало время осуществленія на дѣлѣ одной изъ величайшихъ реформъ императора Александра II, именно введеніе такъ называемыхъ судебныхъ уставовъ 1864 года, по которымъ, между прочимъ, въ видѣ судовъ первой степени вводились мировые судьи, назначаемые по выбору мѣстныхъ жителей. Заранѣе петербургское общественное управленіе по количеству дѣлъ, производившихся до этого въ судахъ первой степени, опредѣлило необходимое число мировыхъ участковъ для столицы и ихъ взаимныя границы, а также и число мировыхъ судей какъ участковыхъ, такъ и добавочныхъ (для замѣны почему-либо первыхъ); затѣмъ 14 апрѣля 1866 г. произвело и самые выборы означенныхъ судей. Избраны были по преимуществу обыватели столицы, весьма различныхъ возрастовъ, самыхъ различныхъ взглядовъ (отъ ревностныхъ крѣпостниковъ до самыхъ красныхъ включительно, какъ дѣлились въ то время по наименованію лица по ихъ различнымъ общественнымъ убѣжденіямъ), получившіе самое разнородное образованіе, начиная съ домашняго до высшаго университетскаго включительно. Нельзя не замѣтить, что избраны были, за исключе-

ніемъ одного лица [1]), по преимуществу лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи. Такъ въ числѣ первыхъ мировыхъ судей столицы и, слѣдовательно, всей имперіи, находилось *девять* окончившихъ курсъ въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ [2]) и *девять*, окончившихъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія [3]), *трое* въ императорскомъ академическомъ лицеѣ [4]) и *такое же число* изъ школы гвардейскихъ прапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ [5]); *двое* изъ артиллерійскаго училища [6]) и затѣмъ по *одному*—изъ павловскаго кадетскаго корпуса [7]), дворянскаго полка (нынѣ константиновское училище) [8]) и корпуса инженеровъ путей сообщенія [9]).

Имущественное положеніе избранныхъ было также довольно разнообразно; равнымъ образомъ крайне разнообразно было и прежнее служебное положеніе избранныхъ: нѣкоторые изъ нихъ только-что выступали на тернистый путь государственной службы, другіе прошли уже не малую часть онаго и достигли, такъ сказать, степеней извѣстныхъ, какъ-то—должности оберъ-секретаря правительствующаго сената. Но всѣ эти различія нисколько не препятствовали единодушному исполненію избранными великой принимаемой ими на себя обязанности, именно осуществить на дѣлѣ священные завѣты императора, доставить соотечественникамъ судъ скорый,

---

[1]) А. А. Муравьева.

[2]) Именно С.-Петербургскомъ: И. А. Галовъ, А. И. Кранихфельдъ, А. Н. Матвѣевъ, два брата Неклюдовыхъ. Въ числѣ таковыхъ посчастливилось быть избраннымъ и мнѣ. Приписываю этотъ выборъ, какъ и многіе другіе, случайности исключительно. Затѣмъ Московскаго унив. Э. А. Редеръ; Харьковскаго—П. П. Куликовъ и Дерптскаго—А. Н. Зиновьевъ.

[3]) Именно А. В. Безродный, В. А. Болотовъ, О. И. Квистъ, М. П. Козляниновъ, Н. Н. Медвѣдевъ, баронъ А. К. Фиттингофъ, Л. Л. Серебряковъ, два брата Яковлевыхъ А. В. и В. В.

[4]) А. П. Баумгартенъ, Д. Н. Гурьевъ и А. А. Ольхинъ.

[5]) Н. Н. Непорожневъ, А. И. Протасьевъ и А. Н. Унковскій.

[6]) В. І. Карташевскій и А. Фрейманъ.

[7]) С. В. Алфимовъ.

[8]) А. Ѳ. Тиздель.

[9]) Гр. П. Орловъ.

правый, милостивый и притомъ совершенно нелицепріятный. Всѣ они, откинувъ въ сторону различныя постороннія побужденія, приступили къ дѣлу съ великимъ участіемъ и прежде всего къ разрѣшенію главнѣйшаго вопроса, какъ же на самомъ дѣлѣ, на практикѣ, осуществить высокія цѣли, преслѣдуемыя судебными уставами 1864 года, не указывавшими тѣхъ мелочныхъ подробностей всего судебнаго устройства и его дѣлопроизводства [1]), безъ которыхъ, однако, не могли быть достигнуты на дѣлѣ возвышенныя задачи, возлагаемыя на новыхъ судебныхъ дѣятелей. Все это въ отношеніи мирового суда было осуществлено въ тѣхъ предварительныхъ засѣданіяхъ или частныхъ бесѣдахъ, чуждыхъ всякихъ формальностей (присущихъ оффиціальнымъ засѣданіямъ), и происходившихъ между мировыми судьями въ промежутокъ времени между состоявшимся днемъ ихъ избранія, 14-го апрѣля, и днемъ, назначеннымъ заранѣе для открытія ихъ дѣятельности, т.-е. 16 мая 1866 г. Объ этихъ бесѣдахъ, происходившихъ въ одномъ изъ залъ помѣщенія городской думы [2]), на Невскомъ проспектѣ, упомяну въ немногихъ словахъ.

Вскорѣ послѣ избранія мировыхъ судей столицы они были приведены къ присягѣ и затѣмъ приступили къ распредѣленію между собою тѣхъ 26 мировыхъ участковъ, на которые первоначально была раздѣлена столица [3]). Распредѣленіе это совершилось, можно сказать, исключительно по взаимному соглашенію самихъ судей. Если и встрѣчалось, что на одинъ какой-либо участокъ оказывалось два лица или болѣе, желавшихъ быть мировымъ судьею онаго, то такое соревнованіе скоро улаживалось взаимными объясненіями и переговорами, не

[1]) Это излагается обыкновенно въ особыхъ наказахъ присутственныхъ мѣстъ.

[2]) Въ этомъ же помѣщеніи происходили первоначальныя засѣданія с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда.

[3]) Это распредѣленіе на 26 участковъ очень скоро оказалось несоотвѣтствующимъ и число участковъ было увеличено, что и вызвало уже чрезъ полтора года дополнительный выборъ мировыхъ судей.

доходившими до нежелательныхъ пререканій, и не прибѣгая къ метанію жребія. То же самое можно сказать и относительно выборовъ перваго предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда, каковымъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ Квистъ (Оскаръ Ильичъ). Очень небольшого роста, но съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ такимъ же, если не бо̀льшимъ, честолюбіемъ, О. И. Квистъ, имѣя болѣе сорока лѣтъ уже, отличался прекраснымъ обращеніемъ съ людьми вообще, владѣлъ хорошо перомъ, былъ очень пріятный и поучительный собесѣдникъ, очень остроуменъ и по временамъ, особенно въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ, и довольно злоязыченъ. Онъ много вращался въ свѣтѣ, имѣя большое знакомство, былъ неистощимъ, особенно при веселомъ настроеніи, въ разсказахъ самыхъ разнообразныхъ, причемъ обладалъ даромъ излагать все просто и весьма занимательно, переходя незамѣтно отъ дѣльнаго и серьезнаго къ самому смѣшному и обратно. При этомъ онъ отличался умѣньемъ держать себя особенно съ высшими, обладалъ большимъ тактомъ и всегда сохранялъ сознаніе важнаго значенія возложенной на него новой обязанности, объ осуществленіи которой онъ постоянно заботился самъ и старался очень, чтобы эту важность не упускали изъ вида его сотоварищи. Не имѣя никакой надъ ними начальственной власти или служебнаго вліянія и будучи только первымъ между равными, О. И. Квистъ сумѣлъ личнымъ примѣромъ и очень осторожными объясненіями достигнуть того, что всѣ его новые сотоварищи относились почти такимъ же образомъ къ возложенной на нихъ дѣятельности и слѣдовали въ общемъ его примѣру въ отношеніи внѣшняго его проявленія дѣятельности мирового судьи. Всѣ, по его примѣру, держали себя не только прекрасно, но и не допускали даже тѣни малѣйшаго подозрѣнія въ чемъ-либо несоотвѣтствующемъ значенію занимаемой должности. Того же самаго, но уже *требовалъ* Квистъ отъ судебныхъ приставовъ, опредѣленіе и

увольненіе которыхъ всецѣло зависѣло отъ власти предсѣдателя мирового съѣзда. Онъ обращалъ самое строгое вниманіе на ихъ дѣятельность, не допуская ни малѣйшаго уклоненія отъ установленныхъ на то правилъ, и посвящалъ ежедневно не мало времени для внимательнаго разбора различнаго рода жалобъ и нареканій, вызываемыхъ нерѣдко совершенно неправильно тою, бо̀льшею частью непріятною, дѣятельностью, которая лежитъ на судебныхъ приставахъ. Онъ увольнялъ ихъ за самое ничтожнѣйшее несоблюденіе предписанныхъ правилъ и достигъ того, что наличный составъ приставовъ былъ очень хорошъ во все время его предсѣдательствованія, продолжавшееся, къ сожалѣнію, недолго.

Будучи очень хорошимъ юристомъ-практикомъ, прошедшій строгую служебную школу въ правительствующемъ сенатѣ минувшаго времени, Квистъ зналъ не только очень хорошо наше гражданское право и судопроизводство, но и всѣ мелочи канцелярскаго дѣлопроизводства, о которыхъ если не большинство, то весьма многіе изъ избранныхъ судей не имѣли яснаго представленія (выражаясь умѣренно), и очень много содѣйствовалъ установленію того внутренняго канцелярскаго порядка въ камерахъ мировыхъ судей и мировомъ съѣздѣ петербургскаго округа, который былъ постепенно усвоенъ и мировыми учрежденіями въ прочихъ мѣстахъ имперіи, по мѣрѣ ихъ введенія. Осуществилось это на дѣлѣ слѣдующимъ образомъ.

Избранный предсѣдателемъ съѣзда столичныхъ мировыхъ судей, О. И. Квистъ, поблагодаривъ по обыкновенію за избраніе, немедленно предложилъ своимъ сослуживцамъ для необходимаго единства и однообразія въ предстоящей дѣятельности нѣсколько условиться въ главныхъ ея чертахъ, начавъ прежде всего, конечно, съ наружной ея стороны, т.-е. въ отношеніи помѣщенія для камеры судьи, обстановки, формы одежды и т. д., а также всей формальной стороны всего дѣлопроизводства и, такъ сказать, сговориться обо всемъ этомъ сообща,

посвятивъ на это два-три свободныхъ вечера. Это предложеніе, конечно, было принято, и, такимъ образомъ, возникли собранія по вечерамъ, на которыя изъ мировыхъ судей являлся кто хотѣлъ, садился гдѣ находилъ себѣ мѣсто, принималъ, по желанію, большее или меньшее участіе въ обсужденіи того или другого вопроса, возникшаго въ собраніи, и покидалъ оное по своему усмотрѣнію. На этихъ собраніяхъ было принято, чтобы въ самой камерѣ имѣлся портретъ Его Величества—незабвеннаго творца великихъ реформъ, чтобы въ камерѣ находился, по возможности, мировой судья *одинъ* (т.-е. секретарь или дѣлопроизводитель и прочіе, занимающіеся у мирового судьи, помѣщались бы въ другой камерѣ), и притомъ на небольшомъ возвышеніи; чтобы въ помѣщеніи мирового судьи имѣлась особая отдѣльная камера для вызываемыхъ по дѣлу свидѣтелей и также лицъ, приводимыхъ по разнымъ дѣламъ подъ стражею и т. д. Кромѣ того, было принято, чтобы самъ мировой судья во время засѣданія имѣлъ на себѣ установленный знакъ на цѣпи, былъ одѣтъ въ *обыкновенное* партикулярное платье (т.-е. не носилъ бы форменной одежды), о чемъ въ судебныхъ уставахъ упомянуто не было [1]).

Всѣ эти вопросы, конечно, не возбуждали и не могли возбуждать особыхъ пререканій и большею частью рѣшались послѣ самаго непродолжительнаго обмѣна мыслей самымъ мирнымъ образомъ, вкратцѣ записывались болѣе для памяти и никакихъ журналовъ этимъ собраніямъ не составлялось; я по крайней мѣрѣ не помню, чтобы подписалъ какой-либо журналъ или меморію этого собранія. Послѣ этого было приступлено къ различнымъ вопросамъ, относящимся до самаго дѣлопроизводства, причемъ скоро обнаружились самые разнообразные взгляды будущихъ судебныхъ дѣятелей. Одни,

[1]) На съѣздъ мировыхъ судей столицы принято было являться во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, что̀ упорно удерживалось, несмотря на покушенія весьма раннія—облечь мировыхъ судей въ мундиръ вѣдомства министерства юстиціи

впрочемъ, очень немногіе, находили, что мировой судья долженъ руководствоваться только тѣмъ, что̀ говорится о мировыхъ судьяхъ въ судебныхъ уставахъ и уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Рѣшая всѣ дѣла по совѣсти и внутреннему убѣжденію, судьѣ до остального, по части законовъ, дѣла нѣтъ [1]). Другіе же расширяли нѣсколько этотъ взглядъ, признавая для судьи обязательными всѣ уставы 1864 года и также законы гражданскіе, изложенные въ т. X ч. I свода законовъ съ подлежащими дополненіями. Число лицъ этихъ двухъ категорій было, впрочемъ, невелико, и они не оказали вліянія на рѣшенія вопросовъ дѣлопроизводства и канцелярскаго порядка, преимущественно, если не исключительно, состоявшіяся по мыслямъ лицъ, прошедшихъ уже ранѣе тяжелую канцелярскую школу судебныхъ присутственныхъ мѣстъ минувшаго стараго времени, именно гражданской палаты и правительствующаго сената.

Кромѣ О. И. Квиста, прекрасно знавшаго гражданское дѣлопроизводство, въ этихъ обсужденіяхъ много потрудился Николай Николаевичъ Медвѣдевъ, служившій, какъ и Квистъ, въ сенатѣ и участвовавшій во многихъ сенаторскихъ ревизіяхъ. Необычайно скромный, высокихъ нравственныхъ правилъ, чрезвычайно добродушный и доброжелательный человѣкъ, онъ снискалъ всеобщее уваженіе особенно за ту откровенность, съ которою высказывалъ свои взгляды и мнѣнія. При томъ неутомимый работникъ, спокойнѣйшимъ образомъ выслушивавшій всякаго всегда до конца, несмотря на очевидно пустую болтовню, что̀ затягивало до крайности разборъ дѣлъ, — онъ всегда старался склонить стороны къ миру и скоро былъ про-

[1]) Не могу не замѣтить, что въ числѣ лицъ, избранныхъ мировыми судьями, были лица, не подозрѣвавшія о существованіи свода законовъ гражданскихъ или имѣвшія о немъ понятіе только по наслышкѣ; конечно, современемъ они съ нимъ познакомились нѣсколько. Впрочемъ, это нисколько не препятствовало имъ быть хорошими мировыми судьями, чему вѣскимъ доказательствомъ служитъ то уже, что по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ они *неоднократно* избирались мировыми судьями столицы и многіе изъ нихъ окончили свою жизнь въ этомъ званіи.

званъ товарищами святымъ человѣкомъ. Хорошій знатокъ русскаго гражданскаго права и также гражданскаго судопроизводства, онъ очень много содѣйствовалъ установленію всего порядка дѣлопроизводства у мировыхъ судей столицы [1]). Простой вопросъ, что̀ дѣлать далѣе съ поступившимъ прошеніемъ или словеснымъ заявленіемъ просителя, занесеннымъ мировымъ судьею на бумагу въ видѣ протокола [2])? Одни говорили, что такую бумагу, послѣ состоявшагося окончательнаго рѣшенія, должно уничтожить, какъ утратившую значеніе; хранить ее никакой нѣтъ надобности, потому что она замѣнена вполнѣ выданнымъ исполнительнымъ листомъ. Точно также не имѣетъ значенія представленное долговое обязательство, какъ скоро по состоявшемуся рѣшенію выданъ подобный же листъ. Другіе высказывали, что нельзя уничтожать самаго начала искового дѣла, по которому состоялось рѣшеніе, изложенное въ исполнительномъ листѣ; такія бумаги и протоколы должно хранить по меньшей мѣрѣ въ продолженіе гражданской давности (десять лѣтъ); словесныя же заявленія заносить въ особую книгу въ хронологическомъ порядкѣ, не заводя особыхъ дѣлъ по каждому отдѣльному заявленію. Эти два предположенія не были, однако, приняты по очевидному ихъ практическому неудобству, и собраніе столичныхъ судей признало удобнѣе держаться на дѣлѣ испытанной долговременной практики прежнихъ судебныхъ мѣстъ (а равно и другихъ правительственныхъ учрежденій), т. е. по каждому новому исковому прошенію или жалобѣ, а также по каждому словесному заявленію — заводить *особое отдѣльное дѣло*, озаглавивъ его соотвѣтственно содержанію, причемъ для скорѣйшаго внѣшняго отличія

[1]) Не могу не упомянуть, что этотъ порядокъ былъ усвоенъ и мировыми судьями другихъ мѣстъ имперіи. По мѣрѣ ихъ введенія они обращались или къ предсѣдателю столичнаго съѣзда или къ кому-либо изъ мировыхъ судей, имъ знакомыхъ, о доставленіи имъ всѣхъ принятыхъ образцовъ бланокъ, повѣстокъ, книгъ, журналовъ и т. д., употребляемыхъ столичными судьями.

[2]) Для ускоренія дѣла, удобства и единообразія, этому протоколу былъ составленъ печатный бланкъ.

дѣлъ гражданскихъ отъ уголовныхъ—присвоить однимъ бѣлую обложку, а другимъ синюю и затѣмъ каждому такому дѣлу присвоить соотвѣтствующій номеръ въ порядкѣ числительной послѣдовательности и записать въ подлежащую книгу или опись дѣлъ гражданскихъ или дѣлъ уголовныхъ, на основаніи которыхъ составлялся алфавитный списокъ дѣламъ за каждый годъ.

По прошенію или жалобѣ просителя назначался срокъ на явку для разбора, при чемъ судья или самъ назначалъ ему этотъ срокъ, въ чемъ бралъ подписку, или же ему посылалъ повѣстку, равно какъ и отвѣтчику, на которой были указаны всѣ послѣдствія неявки къ разбору для того и другого. Особыя повѣстки были составлены для свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ, которыхъ тяжущіеся желали вызвать къ разбору дѣла.

При неявкѣ отвѣтчика постановлялись по закону по просьбѣ истца заочныя рѣшенія, посылаемыя первому при повѣсткѣ, въ которой также указаны были послѣдствія этого рѣшенія. Словомъ сказать, для достиженія единообразія въ дѣлопроизводствѣ и возможнаго облегченія мировыхъ судей въ механической части дѣлопроизводства, въ упомянутомъ собраніи былъ установленъ цѣлый рядъ бланокъ, просьбъ и рѣшеній, повѣстокъ, исполнительныхъ листовъ, книгъ денежныхъ и квитанцій и т. д., которые всѣ до собранія были ранѣе проектированы О. И. Квистомъ и весьма немногими другими лицами, знакомыми съ судебными порядками стараго времени. Изготовленіе всѣхъ этихъ бланокъ и книгъ любезно принялъ на себя предсѣдатель съѣзда, заботясь, чтобы всѣ они были изготовлены и разосланы по камерамъ мировыхъ судей ко дню открытія дѣйствія судебныхъ установленій петербургскаго и московскаго округовъ. Упомянутыя собранія продолжались почти что до половины мая мѣсяца, не имѣя оффиціальнаго характера и будучи просто бесѣдами, обмѣномъ мыслей по тому или другому вопросу, причемъ присутствовавшіе, далеко не ограничиваясь вопросами дѣлопроизводства,

очень много уклонялись въ самыя отдаленныя стороны, придавая большую занимательность бесѣдамъ по долгой жизненной опытности однихъ, неистощимому и нерѣдко злому остроумію другихъ и вообще по радостному настроенію всѣхъ присутствующихъ, достигшихъ, наконецъ, минуты осуществленія столь долго ожидаемой реформы.

Наконецъ, 17 мая 1866 г. состоялось открытіе всѣхъ судебныхъ мировыхъ участковъ столицы, а также с.-петербургскаго окружнаго суда и судебной палаты. На мою долю достался 26 мировой участокъ, обнимавшій половину всей петербургской стороны, отъ Большой Невки до Каменноостровскаго проспекта, вдоль онаго до Большого проспекта до Зелениной рощи (въ то время) и включая Каменный островъ и Елагинъ, часть Новой Деревни. Въ то время, полстолѣтія тому назадъ, — это была пустыня относительно. Во всемъ этомъ участкѣ было, за исключеніемъ дворцовъ на Каменномъ и Елагиномъ островахъ, 3 каменныхъ дома, именно зданіе императорскаго Лицея, водочноочистительный заводъ Мартини, на углу Вульфовой улицы, и еще домъ г. Нарановича на набережной Большой Невы, существующій и понынѣ; всѣ прочія были жалкіе деревянные дома или пустыри и огороды, обнесенные заборами. Весь Каменноостровскій проспектъ, поражающій теперь всѣхъ красотою и возвышенностью своихъ каменныхъ зданій, представлялъ собою, за исключеніемъ императорскаго Лицея, безконечный рядъ огородовъ и цвѣточныхъ заведеній, обнесенныхъ заборами [1]), за которыми скрывались самыя убогія хижины. Освѣщенія улицъ на дѣлѣ не существовало въ этой части города почти, такъ какъ масляные фонари, разставленные на весьма большомъ другъ отъ друга разстояніи, свѣта никакого не проливали; мостовыя были не на всѣхъ улицахъ, а мостки деревянные по краямъ изъ ломанныхъ досокъ замѣняли собою тротуаръ

[1]) О нихъ позднѣе возникло громкое дѣло, доходившее до разсмотрѣнія сената и вызвавшее въ свое время не мало толковъ и не мало нареканій.

и т. д. Населеніе 26 участка было очень незначительное по цифрѣ, но доставляло не мало заботъ правосудію, главнѣйшимъ образомъ, по своей бѣдности и сильной склонности къ тому напитку, торговля которымъ прекращена въ началѣ переживаемой нами войны; эта склонность порождала непрестанныя драки, споры, буйства, доходившія до крайнихъ размѣровъ. Все это, конечно, обнаруживалось позднѣе, но въ самый день открытія мирового суда въ столицѣ въ мою камеру заглянуло нѣсколько праздныхъ любопытныхъ, въ томъ числѣ и пара стриженныхъ особъ, скоро ушедшихъ, потому что не было что смотрѣть и слушать. Явился солидный купецъ-домовладѣлецъ съ просьбой о выселеніи какой-то вдовы и взысканіи съ нея жалкихъ денегъ за квартиру. Онъ почти обомлѣлъ отъ изумленія, узнавъ, что разборъ по его прошенію послѣдуетъ на другой же день и что по всему этому дѣлу ему не предстоитъ никакихъ расходовъ, ничего и никому платить не надо. Этому послѣднему онъ словно не вѣрилъ и повторялъ не разъ: „да какъ же это такъ—ничего не платить?“ Явилась еще кухарка получухонка съ жалобою на русскую прачку за бранныя слова, и еще отставной храбрый военный со словеснымъ заявленіемъ объ убыткахъ, въ которые былъ вовлеченъ обращеніемъ не лишенной интереса особы женскаго пола; этимъ и ограничилась судебная моя дѣятельность 17 мая. Около 5 часовъ всѣ мировые судьи собрались, какъ было обусловлено, къ обѣду въ ресторанѣ Донона (у Пѣвческаго моста) и дѣлились другъ съ другомъ сообщеніями о происходившемъ въ ихъ камерахъ въ первый день открытія мирового суда. Всѣ эти сообщенія были, вообще говоря, довольно однообразны и незанимательны. Настоящіе курьезы и поражающіе примѣры, до чего могла дойти фантазія человѣка при предъявленіи гражданскаго иска, стали появляться нѣсколько позже, когда публика убѣдилась въ безплатности и безнаказанности предъявленія исковъ и жалобъ, ознакомилась нѣсколько на дѣлѣ съ практикою мировыхъ

судей и стала пользоваться содѣйствіемъ всякихъ ходатаевъ, писавшихъ неимовѣрныя исковыя прошенія, по крайне дешевой цѣнѣ, но съ замѣчательною изобрѣтательностью въ толкованіи свода законовъ и судебныхъ уставовъ.

II.

Съ 17 мая потянулись въ камеры мировыхъ судей нескончаемой вереницей всевозможныя прошенія о различныхъ взысканіяхъ и выселеніяхъ изъ квартиръ, о личныхъ оскорбленіяхъ, обидахъ и побояхъ, а также заявленія о разнообразнѣйшихъ кражахъ и нарушеніяхъ правилъ множества уставовъ, о существованіи которыхъ обвиняемые нерѣдко совершенно и не подозрѣвали, хотя таковые весьма давно существовали уже въ различныхъ томахъ нашего свода законовъ. Вспоминать о всѣхъ этихъ разнообразныхъ дѣлахъ по прошествіи полустолѣтія едва-ли представляетъ какой-либо интересъ; скажу только, что каждое изъ этихъ дѣлъ въ отдѣльности, за незначительнѣйшими исключеніями, являлось дѣломъ самымъ обыденнымъ, заурядным, не представлявшимъ собою ничего интереснаго, но взятыя вмѣстѣ они могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для изученія нашего общественнаго положенія того времени, какъ въ экономическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Но этого важнаго и любопытнаго вопроса я не намѣреваюсь касаться въ моихъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ ограничиваюсь только лишь краткими замѣтками [1]), не имѣющими ни малѣйшаго притязанія на критику, а тѣмъ менѣе на порицаніе установившагося довольно скоро

[1]) Считаю необходимымъ замѣтить, что въ продолженіе всей моей жизни я никогда не велъ никакихъ дневниковъ, журналовъ, записокъ и т. д., и если въ настоящее время сообщаю отрывочныя воспоминанія о дѣятельности моей въ качествѣ столичнаго мирового судьи, то дѣлаю это единственно въ исполненіе выраженнаго мнѣ предсѣдателемъ съѣзда В. В. Меншуткинымъ желанія имѣть таковыя воспоминанія, причемъ пишу исключительно по памяти, которая легко могла мнѣ измѣнить во многомъ. Заранѣе каюсь въ ошибкахъ и заблужденіяхъ.

порядка отправленія правосудія столичными мировыми судьями.

Несмотря на всѣ стремленія упомянутыхъ выше предварительныхъ совѣщаній установить по возможности полное единообразіе въ судебной дѣятельности мировыхъ судей, — эта цѣль далеко не была достигнута на дѣлѣ, насколько я могъ убѣдиться лично, посѣщая камеры моихъ сотоварищей по разнымъ случаямъ. Долженъ при этомъ замѣтить, что, нерѣдко замѣняя моихъ сотоварищей въ ихъ участкахъ по личнымъ ихъ просьбамъ, — дѣлая это изъ товарищескаго одолженія, безъ вѣдома, конечно, съѣзда и предпочитая личные переговоры бумажнымъ сношеніямъ, я нерѣдко приходилъ въ камеру мировыхъ судей и часто для объясненія съ ними почему-либо, къ концу разбора дѣлъ, чтобы застать гг. судей, и при этомъ могъ лично удостовѣриться, что въ различныхъ мировыхъ участкахъ существуютъ различные порядки и что различіе это, повидимому, проистекаетъ отчасти или отъ характера судьи или отчасти, если можно такъ выразиться, отъ характера самого участка, т.-е. лицъ, проживающихъ въ участкѣ и подсудныхъ мировому судьѣ. Начну съ внѣшней стороны. Если въ каждой камерѣ безусловно находилось изображеніе Царя Освободителя, утвердившаго судебные уставы 1864 года, имѣлись на стѣнѣ часы, а также правила о соблюденіи тишины и порядка присутствующими, причемъ для послѣднихъ имѣлось большее или меньшее количество скамеекъ, то затѣмъ уже одни судьи особою рѣшеткою (деревянною баллюстрадою) отдѣляли помѣщеніе публики отъ мѣста, на которомъ стоялъ столъ для судьи (чего въ камерѣ другихъ судей не было). Затѣмъ самый столъ для мирового судьи въ однѣхъ камерахъ стоялъ на особомъ возвышеніи (о которое между прочимъ постоянно спотыкались участвующіе въ разборѣ дѣлъ), а въ другихъ камерахъ этого возвышенія не устраивалось. Кромѣ того, у однихъ судей имѣлось тутъ же помѣщеніе для письмоводителя (или секретаря) судьи, присутствіе котораго въ самой

камерѣ при разборѣ дѣлъ считалось одними судьями безусловно необходимымъ, а другими совершенно излишнимъ, поэтому у послѣднихъ письмоводитель помѣщался въ отдѣльной комнатѣ—канцеляріи, гдѣ хранились также дѣла участка. Въ однѣхъ камерахъ было обязательно оставлять въ прихожихъ верхнее платье и галоши, о чемъ наблюдали, конечно, разсыльные, отчасти изъ корыстныхъ видовъ, а въ другихъ камерахъ это вовсе не соблюдалось, конечно, чтобы не стѣснять посѣтителей, изъ коихъ нѣкоторые, снявъ такъ называемое верхнее платье и галоши или нѣчто въ этомъ родѣ, остались бы въ довольно легкомъ одѣяніи. Кромѣ того, этимъ отстранялась въ корнѣ самая возможность претензіи объ обмѣнѣ или пропажѣ верхняго платья или галошъ. Затѣмъ въ камерѣ однихъ судей царило какое-то гробовое молчаніе, точно присутствуютъ какія-то восковыя куклы; у другихъ же слышался по временамъ самый тихій шопотъ истца съ отвѣтчикомъ, знакомыхъ между собою давно по предмету назначеннаго къ разбору дѣла, или другіе тихіе разговоры. Такой шопотъ отправленію правосудія не только не препятствовалъ, но нерѣдко содѣйствовалъ болѣе быстрому заключенію мировой сдѣлки. Помимо этого, одни судьи установили извѣстный часъ для пріема прошеній и словесныхъ заявленій, кто въ началѣ засѣданія, а кто въ концѣ онаго, обрекая, конечно, этимъ просителей на немалую трату времени и заполняя искусственно камеру лицами, стремившимися скорѣй уйти. Другіе же судьи принимали прошенія и заявленія во все время пребыванія своего въ камерѣ, т.-е. при самомъ началѣ присутствія, а затѣмъ послѣ окончанія разбора каждаго дѣла отдѣльно, чѣмъ публика была очень довольна. Кромѣ того, одни судьи, принявъ прошеніе, нерѣдко весьма длинное [1]), прочитывали его тутъ же,

[1]) Должно замѣтить, что подаваемыя письменныя прошенія особенно въ началѣ дѣятельности мировыхъ судей отличались неимовѣрною длинностью и запутанностью изложенія. Вмѣсто трехъ, четырехъ строкъ, въ которыя легко вмѣщалось содержаніе искового прошенія или обвиненія, исписывались цѣлые листы бумаги и наполнялись изложеніемъ обстоятельствъ, не относящихся

входили въ объясненія съ подавшими, вовсе неинтересныя для остальныхъ присутствовавшихъ, нетерпѣливо ждавшихъ разбора назначенныхъ на этотъ день дѣлъ, и затѣмъ, назначивъ просителю день для явки къ разбору его дѣла, брали отъ него подписку о явкѣ къ назначенному сроку, или же возвращали прошеніе по неподсудности или другимъ основаніямъ. Все это отнимало не мало времени и заставляло вызванныхъ почему-либо въ судъ пребывать напрасно въ камерѣ въ ожиданіи разбора ихъ дѣлъ. Другіе же судьи только принимали прошенія и, не читая, назначали день явки къ разбору. Это было много короче и проще, избавляло судью отъ чтенія нерѣдко совершенно излишнихъ и нисколько не относящихся къ дѣлу строкъ. Одни судьи брали подписку отъ просителя, что онъ обязанъ явиться къ разбору къ такому-то сроку, другіе же — таковой подписки не брали, ограничиваясь лишь однимъ словеснымъ назначеніемъ дня для явки къ разбору дѣла, и т. д.

Замѣтимъ при этомъ, что въ началѣ дѣятельности мировыхъ судей разборъ поданныхъ прошеній происходилъ дня черезъ два, три, а потомъ обыкновенно черезъ недѣлю, не позже, причемъ въ особенныхъ случаяхъ онъ происходилъ и гораздо ранѣе. При этомъ одни судьи, вызывая къ разбору въ извѣстный день, опредѣляли въ точности только *день* явки, другіе же назначали и самый *часъ*, такъ, напримѣръ, однимъ судья назначалъ явиться въ 11 час., другимъ въ 12, третьимъ въ часъ и т. д., смотря по тому, насколько, по примѣрнымъ соображеніямъ судьи, могъ продолжаться разборъ предшествовавшаго дѣла. Конечно, опредѣлить это въ точности было почти невозможно: одно дѣло кончалось очень быстро (напримѣръ, истецъ или отвѣтчикъ не являлись, или, явившись, заявляли или о прекращеніи дѣла почему-либо, или о заключеніи мировой сдѣлки, или просили отложить на времена болѣе или менѣе

къ дѣлу, и нерѣдко такими подробностями, которыя, въ жалобахъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ, дѣлали чтеніе прошенія вслухъ не всегда возможнымъ.

отдаленныя и т. д.), или же, напротивъ того, самое простое дѣло затягивалось почти до безконечности (требовалось вызвать свидѣтелей, произвести осмотръ, вызвать экспертовъ и т. д.). Словомъ сказать, вся очередь въ разборѣ дѣлъ нарушалась, и судья часами сидѣлъ, не производя разбора, ибо не являлись вызванные въ срокъ, а приступить къ разбору другихъ дѣлъ нельзя, ибо часъ, для ихъ разбора опредѣленный въ повѣсткахъ, не насталъ и не явились еще вызванные въ камеру. Поэтому бо̀льшая часть судей скоро стала ограничиваться при вызовѣ въ судъ означеніемъ въ повѣсткахъ только *дня* явки въ судъ и въ выставляемомъ на стѣнѣ камеры спискѣ дѣлъ, назначенныхъ къ разбору на такой-то день, перечисляя эти дѣла, не означали въ точности порядка ихъ послѣдовательнаго разбора, что̀ давало судьѣ полный просторъ разбирать то или другое дѣло, по его усмотрѣнію, во всякое время, если представлялось къ тому какое-либо основаніе. Напримѣръ, къ разбору на 15 число назначено 40 дѣлъ, означенныхъ въ спискѣ въ простомъ порядкѣ, безъ нумеровъ. Въ числѣ послѣднихъ дѣлъ, напр., Васильева и Иванова, которое должно по соображенію разбираться въ концѣ засѣданія, часовъ около 2-хъ—3-хъ. Обѣ стороны явились къ вызову въ 10 час. и заявляютъ, что прикончили дѣло миромъ. Зачѣмъ же ихъ томить въ судѣ ради какой-то очереди часовъ пять, когда ихъ можно отпустить черезъ полчаса всего?

Нѣкоторые мировые судьи придавали своей дѣятельности какую-то особую важность или, такъ сказать, напускную торжественность, выражавшуюся не въ рѣшеніи дѣла, конечно, но во всей обстановкѣ при этомъ рѣшеніи, причемъ нѣкоторые изъ судей доходили до того, что, обращаясь къ какому-нибудь рабочему или судомойкѣ, говорили ему, *особенно подчеркивая* „вы“ или „милостивый государь“, или „милостивая государыня“, къ великому изумленію лицъ, къ которымъ эти слова относились. Одни судьи допускали взаимное объясненіе сторонъ между собою; другіе же настаивали, чтобы стороны

обращались къ судьѣ одному, и нерѣдко совсѣмъ тщетно, потому что стороны упорно вели разговоры и объясненія по дѣлу между собою по привычкѣ.

Самый разборъ гражданскаго или уголовнаго дѣла мировые судьи производили, конечно, по правиламъ судебныхъ уставовъ, но различно. Одинъ судья, напримѣръ, вызвавъ къ столу истца и отвѣтчика, обращался къ *истцу* съ вопросомъ: „Вы взыскиваете съ отвѣтчика столько-то. Какія имѣете доказательства?“ Истецъ представлялъ имѣющіеся у него документы судьѣ, который передавалъ ихъ отвѣтчику для обзора и представленія возраженій по предъявленному иску. Потомъ судья постановлялъ рѣшеніе. Но весьма часто случалось, что истецъ не имѣлъ письменныхъ доказательствъ своего иска или представляемыя имъ бумаги не могли имѣть значенія доказательствъ иска, какъ, напримѣръ, наемная книжка на квартиру, неподписанная нанимателемъ, или книжка для забора товаровъ или припасовъ, исписанная рукою истца, а не того, кто забиралъ товаръ, и т. д. Въ такомъ случаѣ одни судьи, не предъявляя этихъ бумагъ отвѣтчику, ограничивались только обращеннымъ къ нему вопросомъ: „что имѣете возразить“, или „признаете искъ правильнымъ или нѣтъ?“ На что отвѣтчикъ обыкновенно немедля отвѣчалъ, что не долженъ или не признаетъ, и судья по первой половинѣ 81 ст. у. г. с. отказывалъ истцу въ искѣ. Другіе же судьи, исходя изъ того, кто же станетъ напрасно возбуждать неосновательный искъ, что по всей вѣроятности искъ правиленъ и т. д., начинали всячески допрашивать отвѣтчика, чѣмъ онъ можетъ подтвердить свои возраженія, т.-е. чѣмъ онъ докажетъ свое отрицаніе правильности или справедливости иска, предъявленнаго къ нему весьма нерѣдко совершенно неправильно и совершенно голословно. Такой судья держался только второй половины той же статьи. Возникали длинныя объясненія и препирательства сторонъ, на основаніи которыхъ судья и рѣшалъ гражданское дѣло единственно по ст. 129 у. г. с. Равнымъ образомъ такой судья

при неявкѣ отвѣтчика не затруднялся постановить заочное рѣшеніе, хотя бы истецъ ничѣмъ не доказалъ своего иска, тогда какъ судья, державшійся строго первой половины ст. 81, всегда отказывалъ истцу въ заочномъ рѣшеніи въ его пользу въ подобномъ случаѣ.

Усматривая, что по формамъ для изложенія въ окончательной формѣ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ и рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ (формы №№ 19, 21 и 22 въ книгѣ г. Желѣзникова), а также по формамъ соотвѣтствующихъ рѣшеніямъ исполнительныхъ листовъ (формы №№ 24 и 25), таковыя рѣшенія, приговоры и исполнительные листы начинаются словами: „по указу Его Императорскаго Величества“, многіе мировые судьи, разобравъ дѣло въ камерѣ, объявляли постановленные ими приговоры или рѣшенія, также начиная словами: „по указу Его Императорскаго Величества, я — мировой судья такого-то участка и т. д.“, причемъ присутствующіе въ камерѣ должны были вставать. Значительной части публики, являвшейся въ нѣкоторыхъ камерахъ, значеніе этихъ словъ въ то время было совершенно непонятно, и случалось, что одни изъ нихъ не только вставали, но и оставались стоять долго послѣ объявленія рѣшенія; другіе же не вставали просто потому, что не разслышали начала, ведя разговоръ съ сосѣдями, или не зная, что надо вставать, или по-просту потому, что худо слышатъ и т. д. Неужели таковыхъ штрафовать? Кто же въ камерѣ мирового судьи будетъ наблюдать за этимъ? Въ судебныхъ учрежденіяхъ имѣются особые пристава, а у мирового судьи—одинъ только разсыльный, занятый охраненіемъ верхняго платья въ передней, на показанія котораго едва-ли можно безусловно положиться въ данномъ случаѣ. Все это побудило нѣкоторыхъ судей, но, конечно, безъ всякаго предварительнаго между ними согласія, отступить отъ этого порядка и держаться онаго въ предѣлахъ ст. 139 у. г. с., по которой судья, записавъ вкратцѣ рѣшеніе, объявляетъ его тяжущимся. Сколько я припоминаю во всей моей 9-лѣтней практикѣ, ни одной

жалобы на такой порядокъ объявленія рѣшенія не послѣдовало. Другое отступленіе, также допущенное немногими мировыми судьями, состояло въ слѣдующемъ. Послѣ объявленія рѣшенія по судебнымъ уставамъ надлежитъ объявить сторонамъ порядокъ обжалованія рѣшенія, для чего слѣдовало прочесть по роду дѣлъ нѣкоторыя статьи устава гражданскаго судопроизводства или уголовнаго по принадлежности (означенныя, впрочемъ, и на повѣсткахъ). Особеннаго труда выполнить это, конечно, не представляется; но времени для исполненія пойдетъ не мало, а главное ничего этимъ чтеніемъ не достигалось. Стороны, выслушавъ только-что прочитанное, обращались съ вопросомъ: а когда же намъ опять придти въ судъ? или что же дальше будетъ? или въ родѣ этого. Другіе же при самомъ началѣ чтенія заявляли— „мы это знаемъ“ — и собирались уходить. Кромѣ того, есть лица, какъ, напримѣръ, присяжные повѣренные и другія, которымъ какъ-то неловко читать въ судѣ статьи уставовъ, съ которыми они давно знакомы. Поэтому вмѣсто чтенія статей уставовъ, которое никто не слушалъ, многіе судьи послѣ объявленія рѣшенія добавляли отъ себя: „если кто недоволенъ рѣшеніемъ, можетъ доставить въ камеру жалобу на имя столичнаго съѣзда въ *теченіе мѣсяца*“ (по гражданскимъ дѣламъ), а если разбиралось уголовное дѣло—въ *теченіе двухъ недѣль*. Это всѣ понимали прекрасно и поступали по своему усмотрѣнію. Рѣшенія постановлялись мировыми судьями безспорно по *внутреннему ихъ убѣжденію* (ст. 119 у. у. с.) и *по убѣжденію совѣсти* (ст. 129 у. г. с.) [1]), но и

[1]) Изложеніе этихъ двухъ статей, изъ которыхъ въ одной указывается въ руководство мировому судьѣ, что при рѣшеніи *гражданскаго* дѣла онъ долженъ опредѣлять значеніе и силу доказательствъ *по убѣжденію совѣсти* (ст. 129 у. г. с.), въ другой (ст. 119 у. у. с.) при рѣшеніи *уголовнаго* дѣла онъ рѣшаетъ вопросъ о винѣ или *невиновности* подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ*, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ, возбуждало, конечно, сомнѣніе, — въ чемъ же состоитъ разница *въ убѣжденіи по совѣсти* отъ *внутренняго убѣжденія* судьи, но не удерживало судей того времени руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ *безъ исключенія* внутреннимъ убѣжденіемъ совѣсти.

при этомъ, конечно, преобладали исключительно и характеръ и общее міровоззрѣніе судьи, съ которыми весьма часто не совпадали воззрѣнія мировыхъ судей, участвовавшихъ уже при пересмотрѣ постановленнаго судьею рѣшенія въ мировомъ съѣздѣ, по жалобѣ одной изъ сторонъ. Рѣшеніе судьи отмѣнялось, но эта отмѣна не могла еще служить доказательствомъ неправильности рѣшенія уже потому, что при другомъ составѣ мирового съѣзда точно *такое же рѣшеніе утверждалось* безъ всякаго сомнѣнія. Къ числу дѣлъ подобной категоріи относились, напримѣръ, дѣла о взысканіяхъ долговъ, возникшихъ изъ игры въ карты или иной игры, о присужденіи незаконныхъ дѣтей къ платежу пособій ихъ матери, о платежѣ наемной платы прислугѣ или рабочимъ, не имѣвшимъ никакихъ письменныхъ условій о наймѣ или о работѣ, но доказавшимъ только фактъ служенія или фактъ производства работъ. Такія дѣла давали большой просторъ примѣненію упомянутыхъ выше статей и ставили судью часто въ крайне безвыходное положеніе: рѣшать дѣло такъ или иначе безусловно необходимо, а между тѣмъ данныхъ, подкрѣпляющихъ какое-либо рѣшеніе, нѣтъ; стороны рѣшительно не въ состояніи представить какія-либо данныя въ подкрѣпленіе иска или въ его опроверженіе и тѣмъ самымъ побуждали судью прибѣгать къ ст. 129 или, точнѣе, къ чувству жалости, къ чисто личному побужденію, которое не всегда могло быть непогрѣшимымъ и не всегда раздѣлялось другими судьями. Такого рода дѣла, особенно въ нѣкоторыхъ участкахъ, населенныхъ подрядчиками, хозяевами и всякаго рода рабочими, являлись преобладающими и вызывали два рѣзко опредѣлившіяся направленія: одинъ судья держался широко ст. 129 и удовлетворялъ по преимуществу иски подобнаго рода, особенно если взыскиваемая сумма была небольшого размѣра. Другой же отказывалъ безусловно въ подобныхъ искахъ, если въ подтвержденіе ихъ не представлялось соотвѣтствующихъ письменныхъ документовъ; онъ не допускалъ даже свидѣтельскихъ пока-

заній, на основаніи которыхъ позднѣе мировой съѣздъ, обыкновенно по жалобѣ истца, отмѣнялъ его рѣшенія. Было даже различіе и въ самомъ заведеніи дѣлъ. Если всѣ мировые судьи, получивъ какое-либо прошеніе или сообщеніе, клали его въ соотвѣтствующую обложку (бѣлаго цвѣта для гражданскихъ дѣлъ и синяго для уголовныхъ), дѣлали на ней соотвѣтствующую содержанію бумаги подробную надпись (которая вписывалась въ общую опись дѣлъ мирового судьи), то одни судьи по каждой бумагѣ и каждому прошенію заводили такое дѣло, а другіе, преимущественно по гражданскимъ дѣламъ, соединяли тождественныя прошенія въ одно дѣло. Напримѣръ, прошеніе (и дѣло) Александрова съ Петровымъ о взысканіи 40 рублей. Истецъ не явился къ разбору. Судья прекратилъ дѣло по ст. 145, а черезъ день или позже Александровъ снова подаетъ такой же искъ на того же Петрова. Одинъ судья заводитъ совсѣмъ новое дѣло; а другой—пришиваетъ къ первому дѣлу и разбираетъ его опять, и тому подобное.

Позднѣе, послѣ дополнительныхъ выборовъ въ 1868 году, нѣкоторые мировые судьи какъ бы рекламировали о своей дѣятельности, не только допуская въ камеру къ разбору дѣлъ репортеровъ различныхъ газетъ, но даже отводя имъ особыя мѣста или столы. Другіе же считали это совершенно излишнимъ. Конечно, въ виду публичности дѣлопроизводства у мировыхъ судей по уставамъ 1864 года, нельзя воспретить входъ репортеру въ камеру судьи во время разбора дѣла, но въ уставахъ нигдѣ не упоминается, чтобы ему надлежало отводить особое мѣсто, ставить столъ и тому подобное. Онъ имѣетъ полное право слѣдить наравнѣ съ другими и записывать какъ знаетъ все, что онъ пожелаетъ и найдетъ для себя нужнымъ.

Равнымъ образомъ нельзя было одобрить проявившееся у нѣкоторыхъ судей стремленіе обращать камеру для разбора дѣлъ въ какое-то зрѣлище для развлеченія, при чемъ юмористическія замѣчанія и остроты возбуждали немало смѣха со стороны присутствующихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, стяжалъ громкую извѣстность одинъ судья второго выбора, прекрасный, впрочемъ, человѣкъ, но любившій дѣлать юмористическія замѣчанія и острить, но отправлявшій правосудіе хорошо, хотя нерѣдко по примѣру древнихъ судей, о которыхъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Всѣ упомянутые выше различія или оттѣнки въ камерахъ мировыхъ судей и въ дѣлопроизводствѣ не были чѣмъ-либо постояннымъ, они измѣнялись понемногу, со временемъ стушевались, такъ сказать, по многимъ причинамъ и нисколько не препятствовали тому, что столичные мировые судьи очень скоро пріобрѣли громадное расположеніе и главное—довѣріе обывателей столицы, о чемъ мнѣ, какъ одному изъ нихъ, говорить не совсѣмъ удобно. Судебные уставы 1864 года должны были доставить русскому обществу судъ „скорый, правый и милостивый“. Въ сравненіи съ дѣятельностью дореформеннаго суда въ Россіи, они, безспорно, эту задачу выполнили. Но помимо этого учреждаемые по судебнымъ уставамъ 1864 года суды первой степени, т.-е. мировые судьи, доставили еще обществу судъ *„даровой“*, т.-е., веденіе дѣла у мирового судьи было освобождено отъ какихъ-либо расходовъ для тяжущихся; предстояло имъ только обратиться въ судъ, и затѣмъ все совершалось безплатно, по закону. Русское общество это скоро постигло и, повидимому, оцѣнило. Припоминая черезъ 50 лѣтъ рядъ дѣлъ, прошедшихъ передъ столомъ правосудія у мирового судьи, можно, не преувеличивая, сказать, что только лѣнивый не обращался въ мировой судъ, особенно въ первые годы его учрежденія. Предъявляли иски явно бездоказательные или съ документами, утратившими всякое значеніе (какъ, напримѣръ за давностью, надѣясь, что отвѣтчикъ вопроса о давности самъ не возбудитъ), или вовсе не относящіеся до лица, къ которому искъ предъявляется (такъ какъ съ дѣйствительнаго отвѣтчика нѣтъ никакой воз-

можности получить что-либо), единственно въ надеждѣ, что, быть можетъ, мнимый отвѣтчикъ заплатитъ, имѣя къ тому средства, и т. д. Конечно, современемъ публика убѣдилась на дѣлѣ, что бездоказательные иски не удовлетворяются судомъ, и, ознакомившись на опытѣ съ правилами судопроизводства о доказательствахъ [1]), стала рѣже обращаться въ судъ по подобнаго рода дѣламъ, но при введеніи судебныхъ уставовъ безплатность дѣлопроизводства у мировыхъ судей содѣйствовала не мало увеличенію дѣлъ въ производствѣ у послѣднихъ, чему способствовало еще также и слѣдующее.

Судебные уставы 1864 г. ввели также *равноправіе* на судѣ всѣхъ обращающихся къ суду; они, такъ сказать, уничтожали всякую сословную и другую рознь между обывателями и тѣмъ придали смѣлость лицамъ, почему-либо стоявшимъ на низкой ступени общественной іерархіи, привлекать къ суду лицъ самыхъ высокихъ. Прежде, до судебныхъ уставовъ 1864 года, какой-нибудь крестьянинъ, рабочій, лакей и т. д., едва-ли бы отважился подать жалобу на сіятельнаго генерала, а если бы и отважился, то весьма долго не получалъ желаемаго удовлетворенія, а теперь, услыхавъ отъ такого важнаго лица замѣчаніе: „эхъ, братецъ, какой же ты дуракъ“, оскорбленный новый гражданинъ бѣжалъ къ мировому судьѣ (котораго онъ же прозывалъ въ разговорѣ просто „мировой“ и даже „мирошка“) и приносилъ жалобу объ оскорбленіи его чести и бо̀льшею частью мирился до суда на трехъ-пяти рубляхъ, а то доставлялъ себѣ удовольствіе на судѣ стоять рядомъ съ высокимъ сановникомъ (если послѣдній пожелалъ бы лично явиться въ судъ) и объясняться съ нимъ, какъ равнымъ себѣ гражданиномъ. Эта *равноправность* прибавила не мало дѣлъ у мировыхъ судей и вызвала однажды, сколько я помню, не мало шума, но только шума безъ послѣдствій по поводу возникшаго въ камерѣ мирового судьи 1 участка

[1]) Ст. 81—128 у. г. с.

(бывшаго въ то время и предсѣдателемъ мирового съѣзда), небольшого происшествія.

По какому-то неважному гражданскому дѣлу, предъявленному какимъ-то мастеровымъ, вызывался въ качествѣ отвѣтчика генералъ-лейтенантъ, бывшій комендантъ какой-то крѣпости, кавалеръ различныхъ орденовъ императорскихъ и царскихъ. Онъ явился въ судъ и, на основаніи статута какого-то ордена, ему пожалованнаго, потребовалъ себѣ кресло или стулъ. Чрезвычайно находчивый предсѣдатель немедленно, не справляясь, конечно, со статутами орденовъ, исполнилъ требованіе отвѣтчика и въ то же самое время, для соблюденія *равноправія сторонъ на судѣ*, приказалъ подать одинъ изъ находившихся въ камерѣ стульевъ (или кресло) также и истцу, который долго и упорно уклонялся отъ исполненія предложенія сѣсть въ присутствіи его превосходительства и, повидимому, до того былъ изумленъ и сконфуженъ подобнымъ приглашеніемъ, что поспѣшилъ изъявить свое согласіе на сдѣланное ему предложеніе окончить дѣло „миромъ“. Не лишено занимательности и то, что послѣ этого многіе судьи, во избѣжаніе подобнаго рода непредусмотрѣннаго уставами случая, поспѣшили замѣнить находившіеся въ ихъ камерѣ въ небольшомъ количествѣ стулья и кресла близъ стола мирового судьи довольно неподвижными чугунными садовыми скамейками.

Но это равноправіе, очевидно, не установляло равноправія, такъ сказать, экономическаго, которое не подчиняется никакимъ юридическимъ нормамъ и не можетъ быть достигнуто по настоящее время, несмотря на разныя прекрасныя разсужденія о всеобщемъ братствѣ, общемъ трудѣ и т. д. Экономическія отношенія вообще образуютъ и теперь пропасть между рабочими и предпринимателями не менѣе глубокую, чѣмъ раздѣлявшая въ прежнія времена рабочаго отъ его владѣльца-хозяина. Тѣмъ не менѣе обоюдная и постоянная нужда другъ въ другѣ установила между ними съ давнихъ поръ нѣкоторый весьма первобытный порядокъ найма,

совершенно патріархальный, который, вовсе не соотвѣтствуя нашему, ухищренному юридическими тонкостями вѣку, только ставитъ въ большее затрудненіе судъ, коль скоро договорившіеся вздумаютъ къ нему обратиться.

Наемъ рабочихъ въ тѣ времена происходилъ большею частью слѣдующимъ порядкомъ. Работонаниматели (обыкновенно подрядчики разнаго рода или хозяева, *какъ ихъ тогда называли*) еще зимою, когда работъ никакихъ не имѣется, ссужали рабочихъ деньгами впередъ для ихъ нуждъ, по ихъ о томъ просьбамъ. Затѣмъ самый наемъ рабочихъ на предстоящее лѣтнее и осеннее рабочее время происходилъ рано весною, обыкновенно на срокъ съ конца марта по 1 или 15 октября, при чемъ сосчитывался зимній заборъ денегъ и выдавались еще впередъ деньги. Въ обезпеченіе того, что взятыя впередъ деньги будутъ отработаны, а также въ доказательство того, что рабочіе уже подрядились на предстоящее рабочее время къ извѣстному хозяину и не отойдутъ отъ него, не отработавъ полученныхъ денегъ, рабочіе отдавали подрядчику свои паспорта, т.-е. виды на жительство, получаемые изъ мѣстнаго полицейскаго управленія (а позднѣе изъ волостного правленія). Большею частью весь договоръ найма подтверждался нахожденіемъ паспорта рабочаго у хозяина или подрядчика; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ представлялось еще удостовѣреніе волостного или полицейскаго управленія въ томъ, что подрядчикъ такой-то нанялъ рабочихъ такихъ-то, выдалъ имъ впередъ на каждаго человѣка по столькуто и получилъ ихъ паспорта. Затѣмъ различныя подробности договора найма (какъ-то: о родѣ и количествѣ работъ, о размѣрѣ вознагражденія за работы, о срокахъ платежа и т. д.) опредѣлялись мѣстными обычаями и взаимнымъ соглашеніемъ договаривающихся сторонъ, ни въ чемъ невыраженными наглядно, причемъ почти никогда не заключалось письменнаго условія и даже не употреблялись учрежденныя [1]) особыя книжки для найма

[1]) Немного позднѣе, будучи мировымъ судьею 29 участка, мнѣ приходилось разбирать дѣла нѣкоторыхъ торговцевъ дровами, производившихъ заготовку дровъ на многія сотни тысячъ рублей, *безъ всякихъ письменныхъ условій* съ кѣмъ-либо и едва умѣвшихъ нарисовать свою фамилію; о какихъ-либо письменныхъ условіяхъ съ многочисленными ихъ служащими и рабочими не было и помину. Все дѣлалось на совѣсть, которая въ настоящее время утратила не мало своего значенія въ дѣлахъ гражданскихъ.

рабочихъ, въ которыхъ оставалось только подписать свое имя, фамилію и заполнить въ извѣстныхъ мѣстахъ сроки найма, размѣръ платы и т. д. Конечно, полное отсутствіе всякой грамотности, почти поголовное ранѣе 1861 г. среди рабочихъ, нерѣдко встрѣчавшееся и среди подрядчиковъ, являлось главною причиною этому [1]). При такомъ положеніи условій найма одна изъ сторонъ обращается почему-либо въ судъ, безъ какихъ-либо доказательствъ. Не могу не замѣтить, что обыкновенно обращались въ судъ *рабочіе;* я не припоминаю случая, чтобы обращался ко мнѣ подрядчикъ съ какимъ-либо искомъ на рабочихъ. Причины этого понятны. Прекрасно зная бытъ рабочаго, подрядчикъ хорошо сознавалъ, что съ рабочаго взять нечего, сколько бы исполнительныхъ листовъ онъ ни получилъ на взысканіе съ послѣдняго денегъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, на мѣстѣ работъ, у рабочаго ничего нѣтъ, кромѣ жалкаго тулупа и кое-когда лишней смѣны носимаго бѣлья. На родинѣ же тоже достояніе его необширно, и трудно доискаться, что̀ въ крестьянской семьѣ принадлежитъ каждому изъ ея членовъ въ отдѣльности. Подрядчикъ никогда и не предъявлялъ иска къ рабочему, предпочитая потерять на немъ впередъ выданныя деньги, нежели безплодно *ходить по судамъ,* какъ они выражались, и въ результатѣ тоже не получать денегъ. Рабочій же, не имѣя ничего терять, можетъ только выиграть, пріобрѣсти что-либо, предъявляя искъ къ хозяину или подрядчику. Рабочіе и предъявляли различные иски къ подрядчику не весною или осенью, но преимущественно лѣтомъ, въ самый разгаръ

[1]) Такого рода книжки для найма рабочихъ вообще были утверждены закономъ 31 марта 1861 года, а для найма сельскихъ рабочихъ и служителей закономъ 1 апрѣля 1863 года, но примѣнялись на дѣлѣ, какъ и многіе другіе полезные законы, довольно рѣдко.

работъ, когда и рабочая плата относительно высока и значительно выше той, которая имъ причитается на основаніи условій найма, заключеннаго рано весною, и когда рабочій могъ съ увѣренностью разсчитывать на полученіе себѣ работы въ другомъ мѣстѣ или у другого хозяина, что̀ весною и особенно осенью добыть гораздо труднѣе. Иски сводились преимущественно къ полученію отъ подрядчика *паспорта и разсчета*, но доказательствъ иска не представлялось никакихъ. Хорошо, если отвѣтчикъ являлся на судъ и давалъ объясненія, изъ коихъ можно было заключить что-либо въ пользу истца. Но скоро отвѣтчики по дѣламъ подобнаго рода постигли опытомъ выгоды не являться на судъ, пользуясь статьями 145 — 155 у. г. с. о заочныхъ рѣшеніяхъ, чѣмъ до крайности затрудняли судью въ рѣшеніи подобныхъ дѣлъ. Постановить заочное рѣшеніе въ пользу истца невозможно, потому что требованія его не доказаны;— отказъ же въ искѣ могъ поставить рабочаго въ крайне стѣснительное положеніе.

Не могу не упомянуть при этомъ объ одномъ дѣлѣ этого рода, рѣшенномъ, сколько я понимаю, вопреки основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ.

Весьма естественно, что въ лѣтнее время многіе мировые судьи стремились—кто воспользоваться хорошею погодою и отдохнуть на дачѣ, кто уѣхать въ свои владѣнія въ деревню, кто за границу и т. д. На это надо было обыкновенно испрашивать разрѣшеніе столичнаго мирового съѣзда, указавъ при этомъ судью, готоваго замѣнить уѣзжающаго, затѣмъ сдать ему участокъ съ дѣлами и деньгами и т. д. Все это было довольно хлопотливо, и потому многіе судьи, отбывавшіе ненадолго и не въ дальнее отъ столицы разстояніе, устраивались гораздо проще, такъ сказать, по-домашнему, слѣдующимъ образомъ. Двое мировыхъ судей, обыкновенно смежныхъ участковъ, сговаривались между собою, кто изъ нихъ и въ какіе дни будетъ замѣщать другого въ участкѣ, и затѣмъ, не сдавая ни дѣлъ, ни денегъ, одинъ изъ нихъ

отбывалъ изъ столицы, а судья, изъявившій готовность разбирать за него, являлся въ условленные дни въ его участокъ, разбиралъ дѣла, писалъ опредѣленія и рѣшенія дѣлъ, принималъ деньги, вносимыя по разнымъ случаямъ, выдавалъ ихъ кому слѣдуетъ [1]), словомъ, являлся полнымъ замѣстителемъ судьи, причемъ посѣщалъ даже и засѣданія мирового съѣзда въ назначенные дни. Такимъ образомъ, я нѣсколько лѣтъ чередовался лѣтомъ съ моимъ сосѣдомъ по участку, мировымъ судьей 19-го участка [2]), Владиміромъ Алексѣевичемъ Болотовымъ, очень хорошимъ судьею и прекраснымъ человѣкомъ, съ которымъ я былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, много содѣйствовавшихъ отправленію нашихъ судебныхъ обязанностей; мы оба никогда не возбуждали никакихъ пререканій между собой по дѣламъ, относящимся до нашихъ участковъ.

Такъ въ одну іюльскую субботу, довольно жаркую, разобравъ не мало дѣлъ въ своемъ участкѣ, я отправился разбирать дѣла въ сосѣднемъ 19 участкѣ и уже оканчивалъ разборъ около 3-хъ часовъ, какъ вдругъ въ камеру явился самъ предсѣдатель съѣзда Н. А. Неклюдовъ и сообщилъ мнѣ слѣдующее. Толпа, немалая, рабочихъ каменщиковъ сговорилась не работать у своего подрядчика и требуетъ отъ него разсчета и возвращенія паспортовъ. Подрядчикъ не соглашается ни на то, ни на другое; мѣрами полиціи вся эта толпа собрана во дворѣ зданія, извѣстнаго подъ именемъ Соляного Городка, у Фонтанки, близъ Цѣпного моста, куда мнѣ, какъ мировому судьѣ 29 участка, въ предѣлахъ котораго находится это зданіе, и надлежитъ отправиться немедленно

[1]) Пріемамъ и выдачамъ этихъ денегъ, кромѣ обязательной записи по денежнымъ книгамъ, велись особые реестры для облегченія взаимныхъ разсчетовъ.

[2]) Должно замѣтить, что съ 1866 года я завѣдывалъ 26-мъ участкомъ, бывшимъ на Петербургской сторонѣ, а затѣмъ послѣ дополнительныхъ выборовъ 1868 года я получилъ 29 участокъ — въ Литейной части (отъ самой р. Невы), который съ одной стороны прилегалъ къ 19 участку, бывшему на Пескахъ. Извѣстный Таврическій садъ раздѣлялъ оба участка, камеры которыхъ были противъ сада почти.

и разобрать все дѣло, соблюдая по возможности правосудіе, но не поощряя рабочихъ вообще къ подобнымъ массовымъ жалобамъ, вреднымъ въ экономическомъ отношеніи. Я прежде всего замѣтилъ предсѣдателю, отчего бы ему самому не разобрать столь простое дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ уже и былъ въ этомъ зданіи, а затѣмъ я выразилъ сомнѣніе,—какъ мнѣ приступать къ разбору гражданскаго дѣла, не имѣя искового прошенія или заявленія объ искѣ и не имѣя понятія о суммѣ иска, которою опредѣляется подсудность иска; равнымъ образомъ, я не имѣю въ виду ни обвинительнаго акта со стороны полиціи, ни жалобы о какомъ-либо преступномъ дѣйствіи, чтобы разбирать дѣло рабочихъ съ подрядчикомъ въ уголовномъ порядкѣ. На это я получилъ въ отвѣтъ нѣсколько лестныхъ фразъ о моей способности разбирать запутанныя дѣла и вмѣстѣ указаніе, что рѣшеніемъ или, точнѣе, исходомъ дѣла очень интересуются въ высшихъ сферахъ управленія столицы. Предсѣдатель ушелъ, а я, окончивъ всѣ дѣла по 19 участку, отправился въ Соляной Городокъ. Пріѣзжаю. У воротъ стоитъ полиція съ офицеромъ, который очень любезно проводилъ меня въ обширный дворъ упомянутаго зданія, гдѣ въ одномъ концѣ стоялъ столъ и стулъ, а въ значительномъ отдаленіи, почти въ противоположномъ концѣ двора, стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 80—90 или около этого. Нѣсколько городовыхъ стояли при рабочихъ и близъ стола съ цѣлью охранить меня отъ чего-либо со стороны рабочихъ. Я попросилъ полицейскаго офицера, вручившаго мнѣ длинный списокъ фамилій рабочихъ, при словахъ „бунтуютъ, не хотятъ работать“, удалить нарядъ полиціи, за исключеніемъ одного или двухъ городовыхъ, имѣющихъ замѣнить разсыльнаго въ камерѣ. Это было исполнено, и я, сѣвъ за столъ, полюбопытствовалъ прежде всего узнать, имѣется ли со стороны полиціи какое-либо обвиненіе рабочихъ или подрядчика въ буйствѣ, самоуправствѣ или въ чемъ-либо вообще. Получивъ на мой вопросъ отрицательный отвѣтъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ простой перечень именъ и фамилій всѣхъ рабочихъ и также подрядчика, и видя, что никакого разбора уголовнаго дѣла не предвидится и что ни подрядчикъ, ни рабочіе въ моемъ участкѣ не проживаютъ, я, съ цѣлью получить скорѣе представленіе о гражданскомъ дѣлѣ, обратился къ одной изъ сторонъ—къ подрядчику, съ предложеніемъ познакомить меня, въ чемъ собственно дѣло. Оказалось дѣло самое обыкновенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое безнадежное для обѣихъ сторонъ, по неимѣнію точныхъ доказательствъ. По принятому обычаю, подрядчикъ еще зимою выдавалъ рабочимъ деньги въ видѣ задатка въ счетъ платы за работу, которую крестьяне-рабочіе обязались ему производить въ теченіе всего рабочаго сезона съ Благовѣщенья (25 марта) по Покровъ (1 октября), получая при этомъ каждый различную плату, опредѣленную каждому за все время оптомъ [1]). Въ обезпеченіе этого найма и выданныхъ денегъ впередъ, рабочіе сами вручили ему свои паспорта въ волостномъ правленіи еще весною при наймѣ. Теперь рабочіе желаютъ отъ него отойти ранѣе срока найма, получивъ разсчетъ и паспорта. Онъ же, подрядчикъ, не соглашается ихъ отпустить, ибо работы, для которыхъ онъ нанималъ ихъ весною, теперь, лѣтомъ, въ полномъ разгарѣ. Онъ желаетъ,—и вполнѣ естественно—чтобы они у него жили по договору. Послѣ этого я обратился къ рабочимъ съ предложеніемъ высказаться. Поднялся такой общій шумъ и говоръ, что рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Я предлагалъ не разъ рабочимъ успокоиться, не нарушать тишины и порядка засѣданія, предваривъ, что буду обязанъ удалить нарушителей порядка и т. д. Понемногу они стихли, и тогда я предложилъ имъ избрать изъ себя 2-хъ, 3-хъ или болѣе лицъ, которымъ они бы довѣрили давать объясненія на судѣ, такъ какъ невозможно вести объясненія съ 80—90 лицами одновременно, или же пусть

[1]) Т.-е. такъ: за все время съ 25 марта по 1 октября столько-то рублей.

каждый изъ нихъ заявляетъ о своемъ требованіи отдѣльно. Отъ послѣдняго рабочіе разомъ отказались, сказавъ: вмѣстѣ рядились, вмѣстѣ и судиться будемъ. При такомъ настроеніи рабочихъ оставалось только предложить имъ выбрать довѣренныхъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ между собою, рабочіе поручили давать объясненія за нихъ двумъ болѣе пожилымъ, которые сами отъ себя не могли точно и ясно выражаться, видимо опасаясь сказать что-либо лишнее или для нихъ невыгодное. Пришлось поэтому предлагать имъ различные вопросы, на которые получались отвѣты ясные и справедливые. Избранные рабочими ни въ чемъ не оспаривали заявленія подрядчика, т.-е. они признали полученіе денегъ раннею весною отъ подрядчика, фактъ найма, врученіе ему при наймѣ ихъ паспортовъ, полученіе отъ него денегъ разновременно въ теченіе всего рабочаго времени и т. д., но тѣмъ не менѣе упорно стояли на полученіи обратно паспортовъ и учиненіи окончательнаго разсчета. Причина этому крылась въ желаніи рабочихъ получить болѣе высокую плату за работу свою, такъ какъ поденная плата вообще въ лѣтнее время выше, нежели весною, при заключеніи найма. Увеличить плату рабочимъ подрядчикъ, очевидно, не пожелалъ, и не было никакого основанія принудить его измѣнять заключенный договоръ найма и увеличить плату нанятымъ имъ рабочимъ. Но рѣшеніе, постановленное въ смыслѣ отказа рабочимъ въ ихъ домогательствѣ, нисколько не разрѣшало бы сущности дѣла; рабочіе, если бы только рѣшились, не стали бы выходить на работу и нѣтъ средствъ принудить ихъ къ этому. Я сталъ поэтому съ одной стороны убѣждать подрядчика, что если рабочіе его покинутъ и не станутъ у него работать, ему все равно придется нанять другихъ, конечно, по болѣе высокой цѣнѣ, такъ что ему проще прибавить сколько-нибудь тѣмъ уже, которые имъ наняты. Рабочимъ же я представлялъ, что если они отойдутъ отъ подрядчика, то едва-ли они получатъ отъ него или отъ кого-

либо другого деньги зимою или весною впередъ при наймѣ; всякій подрядчикъ будетъ опасаться вступать съ ними въ договоръ, имѣя въ виду примѣръ, что они не исполняютъ добровольно заключаемыхъ ими условій, что они люди ненадежные, а между тѣмъ они сами нуждаются въ работѣ, привыкли къ ней и безъ нея обойтись не могутъ, равно какъ и не могутъ, по сложившимся издавна условіямъ, прожить зиму и весну, не получая въ эти мѣсяцы денегъ разновременно впередъ за будущую работу. Подобными разговорами, въ которыхъ приняли участіе и остальные рабочіе, постепенно все ближе и ближе подходившіе къ столу, удалось мнѣ склонить стороны къ миролюбивому соглашенію, заключавшемуся въ томъ, что рабочіе обязуются жить и работать у подрядчика исправно до срока найма, а подрядчикъ, сверхъ договорной платы, уплачиваетъ имъ по пяти рублей лишнихъ. Казалось бы дѣлу конецъ; такъ поняли многіе изъ рабочихъ, начавшіе что-то рисовать чернилами на бумагѣ (иначе и нельзя назвать ихъ подписи подъ мировою сдѣлкою), но вдругъ кто-то возбудилъ вопросъ: а какъ насчетъ тѣхъ двухъ дней, что они не работали, „будетъ ли ихъ подрядчикъ высчитывать или нѣтъ?“ Во избѣжаніе новыхъ препирательствъ и опасаясь, что все дѣло разстроится, я рѣшился отъ себя выразить предположеніе, что подрядчикъ вѣрно послѣдуетъ правилу: „грѣхъ пополамъ“ и согласится не высчитывать у рабочихъ за одинъ прогульный день, если они, рабочіе, въ остальное рабочее время будутъ исправно работать. Подрядчикъ сперва не соглашался, вступилъ самъ въ переговоры съ рабочими тутъ же,—что я ему вполнѣ предоставилъ, и послѣ непродолжительныхъ объясненій стороны пришли къ соглашенію—не считать означенные два дня прогульными и стоимость оныхъ не высчитывать изъ слѣдующей рабочимъ платы, если будутъ исправно работать впередъ. Подрядчикъ, довольно тучный крестьянинъ, повидимому, изнемогъ, простоявъ не малое время на открытомъ воздухѣ подъ яркими лучами іюль-

скаго солнца, хотя и клонившагося уже къ закату. Я записалъ мировое соглашеніе также съ не малымъ удовольствіемъ и сообщилъ объ этомъ частнымъ письмомъ Н. А. Неклюдову, упомянувъ шутливо, что, побудивъ меня разобрать мнѣ совершенно неподсудное дѣло, онъ нѣкоторымъ образомъ заставилъ меня совершить преступленіе по должности, которое и было выполнено довольно удачно. Онъ много смѣялся этому тогда и припомнилъ мнѣ это лѣтъ 20 спустя, встрѣтившись со мною уже у государственнаго секретаря (Н. В. Муравьева) въ качествѣ его товарища... Оба они отошли уже въ вѣчность.—И въ самомъ дѣлѣ, подрядчикъ и всѣ рабочіе не проживали въ моемъ участкѣ, и я не могъ по уставу разбирать ихъ претензіи въ гражданскомъ порядкѣ. Никто не обвинялъ рабочихъ въ уголовномъ проступкѣ, который былъ бы совершенъ ими въ ввѣренномъ мнѣ участкѣ. Отказъ отъ работы и уходъ съ работы не является еще уголовнымъ проступкомъ и не карается закономъ. Никакого уговора о томъ, чтобы уйти съ работы и не становиться на работу, рабочіе между собою не составляли, а просто не пошелъ почему-то одинъ Иванъ и его примѣру послѣдовали всѣ другіе. Но стоило ли препираться съ предсѣдателемъ мирового съѣзда или съ кѣмъ-либо другимъ, что это дѣло мнѣ не подсудно?!.

Не разъ, припоминая это дѣло, я радовался, что оно счастливо закончилось мировою сдѣлкою сторонъ и я не былъ принужденъ постановить судебное рѣшеніе. Тогда непремѣнно послѣдовали бы всякаго рода жалобы; дѣло перешло бы въ мировой съѣздъ и, быть можетъ, не въ одинъ, и получило бы окончательное разрѣшеніе уже тогда, когда неумолимая жизнь давнымъ давно принудила бы стороны самимъ такъ или иначе покончить это дѣло, подобныя которому возникали едва-ли не тысячами въ годъ...

Много дѣлъ, и весьма непріятныхъ, доставляла также существовавшая въ то время откупная система продажи питей, производившаяся въ особыхъ помѣщеніяхъ (ка-

бакахъ или питейныхъ заведеніяхъ), не столько въ разносъ, сколько распивочно, при чемъ сидѣлецъ (торгующій водкой) на свой рискъ и страхъ отпускалъ водку не только на наличныя деньги, но и въ долгъ, обыкновенно подъ залогъ какой-либо движимости, которая большею частью и оставалась въ обладаніи сидѣльца, всѣми мѣрами старавшагося, чтобы посѣтитель пилъ какъ можно больше не только на наличныя деньги, но также и въ долгъ подъ залогъ движимости, болѣе или менѣе цѣнной. Затѣмъ сильно опьянѣвшаго, отдавшаго въ залогъ уже всѣ цѣнности и чуть ли не все бывшее на немъ платье, выталкивали изъ заведенія въ полубезчувственномъ состояніи, нерѣдко на морозъ довольно сильный, причемъ отбирали даже чуть ли не послѣдніе признаки сапогъ. Отрезвившись у себя дома или въ полицейской части, потерпѣвшій иногда пытался приносить жалобу въ судъ, конечно весьма смутно припоминая всѣ обстоятельства печальнаго для него дѣла и нерѣдко не имѣя возможности точно указать свидѣтелей. Обыскъ въ питейныхъ заведеніяхъ всегда приводилъ только къ заключенію, что въ заведеніи никакихъ вещей, принадлежащихъ потерпѣвшему или кому-либо другому, не имѣется; все, что было, немедленно продавалось особымъ скупщикамъ или пряталось въ помѣщеніяхъ, ничего общаго съ питейнымъ заведеніемъ не имѣющихъ, и нерѣдко весьма отъ него отдаленныхъ. Жалоба потерпѣвшаго о понесенныхъ побояхъ также являлась голословною, по запамятованію имъ, кто изъ бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ наносилъ ему побои. Дѣла подобнаго рода принадлежали къ числу самыхъ непріятныхъ не потому, что отнимали много времени, но потому, что указывали на безсиліе правосудія. Пострадавшій, несомнѣнно, налицо, а помочь ему, доставить ему удовлетвореніе въ явно нарушенныхъ его правахъ—нѣтъ возможности. Всему этому положила конецъ скоро введенная казенная продажа крѣпкихъ напитковъ, всѣ благотворныя послѣдствія которой могутъ быть оцѣнены,

припоминая не только все то, что̀ влекла за собою откупная система, но и тѣ многочисленныя судебныя дѣла, являвшіяся ея послѣдствіемъ. Помимо дѣлъ, возникавшихъ въ самихъ заведеніяхъ, происходилъ безконечный рядъ не только побоевъ, но насилій и даже истязаній, которымъ на частныхъ квартирахъ приверженцы водки подвергали съ ихъ стороны совсѣмъ неповинныхъ лицъ въ ихъ пагубной страсти, т.-е. своихъ женъ и близкихъ имъ лицъ за то, что послѣдніе отстаивали упорно свое убогое имущество и не соглашались отдать его въ закладъ подъ водку. Дѣла этого послѣдняго рода впрочемъ рѣдко доходили до судебнаго разбирательства, а если и доходили, то обыкновенно кончались миромъ, очевидно непрочнымъ и заключаемымъ изъ надежды, довольно впрочемъ призрачной, не подвергаться дальнѣйшимъ побоямъ у себя на квартирѣ.

Коснувшись вопроса объ увеличеніи дѣлъ у мировыхъ судей, нельзя не упомянуть еще и слѣдующее.

Судебные уставы 1864 г. и уставъ о мировыхъ судьяхъ появились довольно скоро послѣ великихъ узаконеній, освободившихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а также предоставившихъ многочисленному сельскому населенію права свободныхъ сельскихъ обывателей. Безправное до 1861 г. населеніе все болѣе и болѣе стало сознавать въ себѣ чувство собственнаго достоинства и домогалось все болѣе и болѣе, чтобы это чувство признавали за нимъ другіе и не нарушали бы его ни словомъ, ни дѣйствіемъ. Достичь этого въ скоромъ времени, въ какихъ-нибудь 5—10 лѣтъ, очевидно, нельзя было; для этого необходимо было отвыкнуть отъ прежнихъ привычекъ и пріемовъ обращенія съ лицами, не пользовавшимися правами гражданъ, надо было нѣкоторымъ образомъ перевоспитать себя, на что̀, очевидно, требовалось время, въ продолженіе котораго воспитательнымъ орудіемъ или средствомъ явились и мировые судьи, на обязанности которыхъ косвенно, путемъ правилъ извѣстнаго устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изданнаго одновременно съ судебными уставами (гл. XI статьи 130 — 142), являлось карать виновныхъ въ нарушеніи различныхъ правилъ благоустройства, благочинія, личной и имущественной безопасности, правъ семейственныхъ, объ оскорбленіяхъ чести, насиліи, угрозахъ и т. д. Всѣ эти правила не являлись чѣмъ-либо новымъ; они издавна существовали въ различныхъ томахъ нашего свода, но мало осуществлялись на дѣлѣ, по той отчасти причинѣ, что никто за исполненіемъ ихъ не слѣдилъ и нарушенія этихъ правилъ почти не влекли за собой законной кары. Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ 1864 г. слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ хотя и осталось по-прежнему на полиціи, но опредѣлять наказаніе за ихъ нарушеніе возложено было на мировыхъ судей въ предѣлахъ извѣстныхъ правилъ о подсудимости этихъ дѣлъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ или мировымъ судьямъ. Помимо этого рядъ проступковъ подлежалъ наказанію не иначе, *какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ* или вообще тѣхъ, которые должны имѣть попеченіе о нихъ. Къ числу таковыхъ проступковъ (по ст. 18 уст. о нак. нал. мир. суд.) отнесены были проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ, какъ-то дѣла объ оскорбленіи чести, объ обидахъ на словахъ или дѣйствіемъ, объ угрозахъ, самоуправствѣ и т. д. Мировые судьи скоро были чрезвычайно обременены разборомъ подобныхъ дѣлъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ, причемъ нерѣдко обвиняемый вовсе не имѣлъ намѣренія обидѣть или оскорбить принесшаго жалобу, но по привычкѣ, въ объясненіи съ нимъ, употребилъ выраженія и слова, считаемыя оскорбительными, подобно тому, какъ и теперь, т.-е. спустя полвѣка, нерѣдко въ разговорахъ простыхъ людей между собою часто слышатся слова крайне неприличныя, но произносимыя ими просто по худой привычкѣ, безъ всякой цѣли оскорбить кого-либо или совершить что-либо неприличное. До крайности поразительно было видѣть или слушать, какъ какая-нибудь кухарка или

прачка, которую полупьяный мужъ или исправляющій его должность избивалъ чуть ли не всякую недѣлю за то, что она не давала ему своего платья снести къ кабатчику въ закладъ за полуштофъ водки, приносила длинную жалобу на хозяйку, у которой она проживаетъ нѣсколько лѣтъ, за то, что та обозвала ее дурою или глупою, причемъ, высказывая горькую свою обиду, вмѣстѣ съ тѣмъ просила взыскать за это въ ея пользу какіе-нибудь двадцать руб., а затѣмъ мирилась на трехъ руб. и продолжала жить у той же хозяйки, ибо занимаемое ею мѣсто было „очень для нея подходящимъ"... Просто досада и отчаяніе брали разбирать подобныя дѣла, а еще больше—разбирать такія же дѣла, но между равными или имъ подобными по положенію (горничной съ кухаркой, прачки съ судомойкой или горничной и т. д.). Свидѣтели при этомъ случаются чрезвычайно рѣдко; выяснить, кто подалъ поводъ непріятности и почему она возникла, нѣтъ никакой возможности, хотя стороны говорятъ до чрезвычайности много, но безъ прямого отношенія къ дѣлу, мириться не соглашаются, особенно при первомъ разборѣ дѣла. Дѣйствительнымъ средствомъ къ примиренію являлась обыкновенно отсрочка разбора на нѣкоторое время, причемъ часто оказывалось, что стороны не только помирились и продолжаютъ жить на прежнемъ мѣстѣ, но даже позабыли о поданной жалобѣ. Въ этомъ я вполнѣ убѣдился, разбирая одно время дѣла въ камерѣ одного мирового судьи, который, по причинѣ лежавшихъ на немъ не менѣе важныхъ обязанностей по мировому съѣзду, совсѣмъ невольно запустилъ немного дѣла своего участка.

Просто совѣстно было отрывать людей отъ дѣла, чтобы явиться свидѣтелемъ того, точно ли назвала кухарка горничную или обратно дурою или нѣтъ; еще страннѣе было утѣшать свидѣтеля подсудимой, что онъ можетъ потребовать вознагражденіе... Требовать, пожалуй, можетъ, но полученіе требуемаго большею частью болѣе чѣмъ сомнительно.

При самомъ введеніи мировыхъ судей въ столицѣ почему-то считали неизбѣжнымъ возникновеніе столкновеній и непріязненныхъ отношеній между мировыми судьями и чинами петербургской полиціи. Предположеніе это основывалось, между прочимъ, на томъ, что съ введеніемъ судебныхъ уставовъ 1864 года полиція вообще потеряла, такъ сказать, не мало своей власти и значенія. Ранѣе этого по множеству проступковъ, подлежавшихъ преслѣдованію безъ жалобы частныхъ лицъ, полиція не только *возбуждала преслѣдованіе* (т.-е. составляла протоколы и начинала дѣло), но своею властью налагала за нихъ взысканія и затѣмъ взыскивала ихъ, тогда какъ съ 1866 года по ст. 49 у. у. с. полицейскія и другія власти [1]) только *сообщаютъ* мировому судьѣ объ обнаруженныхъ ими проступкахъ этого рода, и уже отъ усмотрѣнія мировыхъ судей зависитъ подвергнуть обвиняемаго наказанію по уставу. Кромѣ того, по ст. 53 того же устава мировому судьѣ предоставлено было дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженіе въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мирового судьи [2]). На самомъ же дѣлѣ эти предположенія не оправдались на дѣлѣ. Полиція, несмотря на массу лежащихъ на ней обязанностей [3]), — она и разсылала *даже* повѣстки отъ мирового судьи (по ст. 56 того же устава),—не уклонялась отъ производства предварительныхъ разысканій и по предложенію мирового судьи (ст. 52 того же устава).

---

[1]) Это распространялось также на волостныхъ и на сельскихъ начальниковъ, а равно и на другихъ должностныхъ лицъ, исполнявшихъ въ кругу ихъ вѣдомства полицейскія обязанности.

[2]) Скоро было разъяснено, что мировые судьи могутъ дѣлать предостереженія только полицейскимъ чинамъ, а не коллегіальнымъ полицейскимъ присутствіямъ (рѣш. К. С. 1868 г. мая 31, № 347).

[3]) Въ общемъ губернскомъ учрежденіи статьи, излагающія главнѣйшія обязанности полиціи, занимаютъ нѣсколько страницъ, на которыхъ перечисленъ длинный рядъ различныхъ обязанностей мѣстной полиціи, далеко впрочемъ не исчерпывающихъ всего того, что возлагается на полицію разными циркулярами, приказами и распоряженіями свыше (см. общ. губ. учрежд. т. II, св. зак. изд. 1866 года статьи 772 по 797 на страницахъ 144 по 165).

Но, вообще говоря, полицію не столько интересовалъ процессъ составленія протокола, — что̀ всецѣло и осталось на обязанности полиціи, или наложенія на виновнаго штрафа,—сколько правило ст. 26 устава о наказаніяхъ, по которой виновные въ неисполненіи закона или предписаній дѣйствующихъ въ силу закона властей, независимо отъ взысканія, приговариваются къ исполненію по мѣрѣ возможности того, что̀ ими упущено. Полиція, можно сказать, всегда этого только и добивалась. Судебными же уставами 1864 года именно это и было предоставлено суду, который, однако, по тѣмъ же уставамъ, *безъ протокола, составленнаго* предварительно полиціею, приступить къ дѣлу не могъ, такъ что въ концѣ концовъ, если полиція не составляла протокола и не препровождала его мировому судьѣ для разбора, то послѣднему и разбирать не приходилось множества проступковъ, совершаемыхъ, можно сказать, чуть не ежедневно множествомъ изъ обывателей, къ счастью которыхъ, полиція вообще въ нашей имперіи слишкомъ недостаточна [1]) для неукоснительнаго надзора за точнымъ исполненіемъ различныхъ правилъ нашего законодательства, караемыхъ хотя однимъ, такъ называемымъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Хотя этотъ уставъ впервые появился въ 1864 году, но самая большая часть упоминаемыхъ въ немъ проступковъ давнымъ давно была указана въ различныхъ уставахъ [2]), входящихъ въ составъ нашего свода законовъ, съ цѣлью, конечно, водворенія въ нашемъ отчествѣ того благоустройства, благочинія, порядка и т. д., которымъ невольно изумляешься въ Западной Европѣ.

[1]) Припомните, что въ нашихъ уѣздахъ, по пространству нерѣдко болѣе обширныхъ, нежели нѣкоторыя нѣмецкія государства, представителемъ полиціи является одинъ исправникъ или уѣздный начальникъ, имѣющій всего 3—4 помощниковъ въ лицѣ начальниковъ становъ или участковъ, на которые дѣлится уѣздъ.

[2]) Какъ-то изъ уставовъ: врачебнаго, городского и сельскаго хозяйства, лѣсного, паспортнаго, пожарнаго, почтоваго и телеграфнаго, путей сообщенія и строительнаго, предупрежденія и пресѣченія преступленій и т. д.

Не останавливаясь на томъ, что путемъ однихъ судебныхъ приговоровъ такія возвышенныя цѣли достигаются очень рѣдко и чрезвычайно медленно, замѣтимъ, что указанные проступки этого рода почти никогда не преслѣдовались по той причинѣ, что не было къ тому надлежащихъ органовъ, а общее вниманіе полиціи было обращено на другія, возложенныя на нее, обязанности. Съ учрежденіемъ мировыхъ судебныхъ установленій штаты полиціи въ имперіи не измѣнились, какъ извѣстно, а потому протоколы о нарушеніяхъ различныхъ правилъ не составлялись ею въ болѣе усиленномъ размѣрѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, только столицы и нѣкоторыхъ особенно значительныхъ городовъ, гдѣ высшее начальство мѣстной полиціи считало возможнымъ обращать бо̀льшее вниманіе на дѣятельность полиціи по различнымъ частямъ, хотя бы внѣшняго благоустройства. Какъ всѣ получающіе опредѣленное, но скромное вознагражденіе за свой трудъ стараются по возможности менѣе совершать труда, такъ и низшіе органы полиціи руководствовались тѣмъ же общечеловѣческимъ стремленіемъ и конечно не преслѣдовали сами по себѣ никакихъ высокихъ цѣлей городского благочинія и благоустройства, но, ограничиваясь скромнымъ желаніемъ спокойно служить, получая жалованье 20 числа, старались не подвергаться выговорамъ своего начальства. Въ огражденіе себя они составляли по временамъ протоколы о нарушеніяхъ обывателями различныхъ правилъ уставовъ, которые препровождали на дальнѣйшее усмотрѣніе мирового судьи, чтобы имѣть достаточную отговорку передъ своимъ начальствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательства своей посильной дѣятельности. Что̀ дѣлалъ судья съ протоколами [1])—немного интересовало

[1]) Такъ называемыя арестантскія дѣла еще менѣе интересовали полицію; она старалась какъ можно скорѣе препроводить задержаннаго изъ участка въ камеру мирового судьи, а затѣмъ, по постановленію послѣдняго, довести его или въ домъ предварительнаго заключенія, или въ устроенное особое помѣщеніе для содержащихся подъ стражею по приговорамъ мировыхъ судей.

мѣстную полицію; она весьма рѣдко являлась къ разбору дѣла по протоколамъ, только въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ, поручая обыкновенно поддерживать обвиненіе околоточному надзирателю, и затѣмъ спокойнѣйшимъ образомъ о состоявшемся рѣшеніи мирового судьи сообщала своему высшему начальству.

Разборы подобныхъ протоколовъ не представляли, конечно, ни малѣйшихъ затрудненій и никакой занимательности, тѣмъ не менѣе однажды возникъ въ моемъ участкѣ слѣдующій случай, доказывающій лишній разъ необычайную изворотливость или, если хотите, находчивость сыновъ израильскаго племени. Зима была очень снѣжная въ 1867—68 гг., если я не ошибаюсь; годъ не имѣетъ значенія. Протоколовъ о свозкѣ снѣга вообще составлялось множество. При ихъ разборѣ являлись, въ качествѣ представителей обвиняемыхъ-домохозяевъ, обыкновенно управляющіе домами или старшіе дворники. Но какъ-то однажды при подобномъ разборѣ многихъ протоколовъ выступаетъ повѣренный въ бѣломъ галстукѣ и, предъявивъ довѣренность отъ нѣсколькихъ обвиняемыхъ, проситъ разобрать дѣла его довѣрителей непремѣнно въ особо составленномъ имъ порядкѣ, т.-е. такъ, напримѣръ, сперва дѣло Петрова, потомъ Иванова, затѣмъ Смирнова и т. д. и непремѣнно въ этомъ, а не иномъ какомъ-либо порядкѣ. Я уважилъ, конечно, его просьбу и что̀ же, вы думаете, вышло. Онъ подобралъ такую послѣдовательность: протоколы за неочистку снѣга съ крышъ, затѣмъ таковые за неочистку снѣга съ улицъ, за невывозку снѣга, собраннаго въ кучи, и началъ свою защитительную рѣчь съ Всемилостивѣйшаго Творца вселенной, перешелъ къ ничтожеству и немощности передъ Нимъ человѣка вообще и домохозяевъ въ особенности, не имѣющихъ силъ бороться съ стихіями, которыми повелѣваетъ Создатель, и со снѣгомъ, падающимъ съ небесъ по Его волѣ, причемъ домохозяинъ не въ силахъ этому противиться, а потому не можетъ подвергаться отвѣтственности за появленіе снѣга на крышахъ и улицахъ и, слѣдовательно, долженъ быть освобожденъ и отъ наказанія, и отъ обязанности исполнять предъявленное ему требованіе полиціи убрать снѣгъ. Я, конечно, выслушалъ до конца эту своеобразную защиту, мало повліявшую, однако, на приговоры, которыми обвиняемые были присуждены къ штрафу съ обязанностью исполнить требованіе полиціи въ извѣстный *срокъ*. Приговоромъ стороны остались *довольны* и жалобы не приносили.

Нельзя при этомъ не упомянуть, что извѣстный оберъ-полицеймейстеръ генералъ Ѳ. Ѳ. Треповъ обратилъ большое вниманіе не только на исполненіе столичною полиціею возложенныхъ на нее обязанностей, но также и на соблюденіе обывателями города различныхъ правилъ, изложенныхъ въ уставахъ, относящихся до благоустройства и благочинія въ столицѣ. Генераломъ Треповымъ было обращено большое вниманіе на наружное благоустройство города, какъ-то: на освѣщеніе улицъ, исправное содержаніе мостовыхъ, тротуаровъ, уборку снѣга съ крышъ домовъ и съ улицы, сколку льда весною, очистку выгребныхъ ямъ и т. д., и притомъ не только въ центрѣ столицы, но и въ отдаленныхъ отъ центра ея мѣстностяхъ, куда онъ очень часто проникалъ лично. Эти вполнѣ правильныя требованія, вызываемыя не только наружнымъ благоустройствомъ города, но и требованіями гигіены, и въ настоящее время признаваемыя всѣми безспорно подлежащими удовлетворенію, являлись въ концѣ 60-хъ годовъ совершеннымъ новшествомъ, особенно въ отношеніи тѣхъ частей столицы (какъ напр. Выборгская и Петербургская сторона 50 лѣтъ тому назадъ), которыя скорѣе походили на большую деревню со всѣми непорядками, существующими въ ней благополучно и донынѣ. Такъ, на Петербургской сторонѣ далеко не всѣ улицы были замощены въ 1866 году, тротуаровъ каменныхъ не было даже на главныхъ улицахъ, какъ наприм. на Каменноостровскомъ проспектѣ, нынѣ одномъ изъ красивѣйшихъ проспектовъ

столицы, а были почти вездѣ деревянные мостки, устроенные надъ канавами, прорытыми для стока воды и нечистотъ съ проспекта, и отъ времени пришедшіе въ столь жалкое состояніе, что подвергали опасностямъ проходившихъ по нимъ. Другой канализаціи вовсе не было. Улицы выметали только наканунѣ большихъ праздниковъ; о томъ, чтобы сгребать снѣгъ съ улицы, съ подобія панели (т.-е. тротуара вышеописаннаго), никто изъ домовладѣльцевъ даже не имѣлъ представленія, такъ что при снѣжной зимѣ ѣздили по улицѣ, поднявшейся отъ снѣга до высоты перваго этажа жалкихъ домовъ и выше, причемъ большіе откосы, опасные при быстрой ѣздѣ, угрожали жизни проѣзжавшихъ по нимъ.

Вода была проведена только въ бани или изъ Невы, или изъ каналовъ Фонтанки, Мойки, Лиговки и т. д., смотря по близости ихъ отъ бань. Ни въ одномъ домѣ не было водопровода. Воду развозили въ особыхъ бочкахъ особые водовозы, причемъ за воду, доставляемую съ р. Невы, взимали бо̀льшую плату, нежели за воду изъ каналовъ. Недостаточные обыватели прибрежныхъ мѣстъ черпали воду сами и носили въ ведрахъ на коромыслахъ, причемъ зимою во льду дѣлали для этого проруби. Возникали ссоры и дѣла за черпаніе воды изъ чужой проруби, доходившія также до разбирательства въ камерѣ мирового судьи. Полоскали вообще бѣлье на рѣкѣ Невѣ или различныхъ каналахъ, на особо устроенныхъ и совершенно открытыхъ плотахъ, продолжавшихъ отправлять свое назначеніе и зимою и при морозахъ, когда и рѣка и каналы покрывались толстымъ льдомъ. Позднѣе эти плоты были замѣнены особыми закрытыми со всѣхъ сторонъ помѣщеніями, ко̀торыя отапливались, насколько возможно, чугунною печкою, что̀ уже считалось большимъ и полезнымъ новшествомъ, отошедшимъ въ свою очередь въ настоящее время въ вѣчность, послѣ того какъ съ проведеніемъ въ дома воды были устроены въ послѣднихъ особыя прачешныя. Добавьте къ этой картинѣ столицы полвѣка тому назадъ еще отсутствіе

канализаціи и другихъ способовъ удаленія нечистотъ, которое принуждало домовладѣльцевъ хранить всякія по дому нечистоты въ особыхъ выгребныхъ ямахъ и *ожидать* удобнаго случая, чтобы ихъ вывезти не въ то время, когда это являлось уже явною необходимостью или того желалъ хозяинъ дома, но *только когда* представлялась къ этому возможность. Лицъ или обществъ, исключительно занимавшихся очисткою нечистотъ, не существовало въ то время, и оставалось только прибѣгать съ этою цѣлью къ содѣйствію огородниковъ и подгородныхъ крестьянъ, преимущественно колонистовъ. Но первые обирали конскій и коровій навозъ только весною рано для набивки парниковъ и удобренія грядъ, а лѣтомъ и осенью даже и не показывались съ этою цѣлью въ городъ. Колонисты же, напротивъ того, обитавшіе вокругъ столицы верстъ на 20 кругомъ, обирали нечистоты только осенью, зимою и очень короткое время лѣтомъ передъ посѣвомъ около 20 іюля по 6 августа для удобренія полей, и пріѣзжали обыкновенно къ вечеру со своими бочками. Надо обладать талантливымъ перомъ автора „Петербургскихъ трущобъ“, В. В. Крестовскаго, чтобы описать всю эту операцію очистки нечистотъ и распространявшееся при этомъ на значительное разстояніе зловоніе, отъ котораго пробуждались лица, спавшія богатырскимъ сномъ при открытомъ окнѣ въ теплыя лѣтнія ночи... При подобныхъ хозяйственныхъ условіяхъ требованіе полиціи объ очисткѣ нечистотъ даже при самомъ искреннемъ желаніи домохозяина его исполнить оставалось неисполненнымъ по отсутствію способовъ его выполнить, и хотя мѣстная полиція прекрасно это знала, но тѣмъ не менѣе она наводняла камеру судьи протоколами о привлеченіи домохозяевъ къ отвѣтственности, преимущественно съ цѣлью сложить съ себя отвѣтственность.

Вдругъ при такихъ условіяхъ жизни, считавшихся нормальными, являются не только строгія требованія полиціи объ уборкѣ снѣга, вывозѣ нечистотъ, мощеніи

улицы, окраскѣ домовъ и т. д., но даже *объ освѣщеніи* въ домахъ лѣстницъ, и не только парадныхъ, но и черныхъ!!

Подобное распоряженіе градоначальника объ обязательномъ освѣщеніи *черныхъ* лѣстницъ вызвало большой шумъ, чтобы не сказать волненіе въ столицѣ. Не должно полагать по этому приказу, что такъ называемыя *парадныя* лѣстницы освѣщались въ то время очень хорошо; нѣтъ, это освѣщеніе также оставляло желать много въ то время. Но черныя лѣстницы до упомянутаго приказа были вовсе лишены освѣщенія; если же, въ видѣ исключенія, и было на нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ называемое освѣщеніе, то оно состояло лишь въ одномъ масляномъ фонарѣ, стоявшемъ у входа на лѣстницу и кое-что освѣщавшемъ не далѣе перваго этажа, такъ что въ слѣдующихъ этажахъ была тьма кромѣшная, въ силу которой не было никакой возможности не только видѣть №№ квартиръ или прочесть квартирную доску, но нельзя было разглядѣть ступеней лѣстницы или фигуры человѣка, притаившагося у стѣны лѣстницы. Безспорно, черныя лѣстницы надлежало освѣщать, и въ настоящее время эту необходимость никто не рѣшится оспаривать. Но лѣтъ 50 тому назадъ даже просвѣщенные домовладѣльцы, выдающіеся дѣятели правительственные яростно нападали за это распоряженіе градоначальника, считая таковое прихотью, своевольною фантазіею и утверждая, что на такомъ же основаніи онъ вздумаетъ предписать украшать черныя лѣстницы цвѣтами и тропическими растеніями. Конечно, защита собственныхъ матеріальныхъ интересовъ (освѣщеніе лѣстницы влекло за собою излишній расходъ по дому и уменьшало доходъ ихъ и т. д.) побуждала этихъ почтенныхъ лицъ, давно уже отошедшихъ въ другой міръ, порицать полезную мѣру градоначальника, безъ которой они сами легко подвергали себя опасности сломать ногу или голову, подымаясь въ 4-й этажъ. Но тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ довольно громкія возраженія, эта мѣра все болѣе и

болѣе осуществлялась на дѣлѣ, чему не мало способствовало и то, что большинство домовладѣльцевъ *на дѣлѣ* убѣдились въ бо̀льшемъ удобствѣ и бо̀льшей безопасности пользованія лѣстницами въ темное время, если онѣ освѣщаются.

Во все время моей судебной дѣятельности я не имѣлъ ни малѣйшаго столкновенія съ петербургскою полиціею и только одинъ разъ всего имѣлъ личное объясненіе съ мѣстнымъ приставомъ, и то по слѣдующему случаю.

Во ввѣренномъ мнѣ 26-мъ участкѣ находился въ то время довольно модный и дорогой ресторанъ *Лаванши*, у Черной рѣчки, близъ Строганова моста, въ которомъ въ лѣтній сезонъ по вечерамъ собирались слушать плохую музыку или цыганъ, но преимущественно ужинали въ особыхъ кабинетахъ въ близкой, знакомой компаніи, конечно, съ участіемъ лицъ женскаго пола изъ полу-свѣта, различныхъ француженокъ, по преимуществу изъ важныхъ дамскихъ модныхъ магазиновъ. Все это пріѣзжало или на своихъ экипажахъ, или на лихачахъ, кидало деньги пѣвицамъ, платило баснословныя цѣны за ужины и т. д. Однажды въ такомъ веселомъ обществѣ, въ которомъ находился и одинъ изъ главныхъ начальниковъ столицы, произошелъ, послѣ различныхъ куплетовъ, шутокъ, взаимныхъ колкостей и т. д., немалый скандалъ. Одна изъ француженокъ, какъ говорили, довольно близкая упомянутому лицу, неизвѣстно какъ и почему попала тарелкою ему въ лицо, послѣ чего эта особа чрезвычайно осторожно уѣхала немедленно. Скандалъ, однако, продолжался и послѣ этого отъѣзда, причемъ, какъ обыкновенно случается, было побито не мало посуды, сломано какое-то стекло, зефирный столъ и т. д.

Въ подобныхъ происшествіяхъ большею частью нѣтъ возможности, да и, собственно говоря, нѣтъ надобности доискиваться, изъ-за чего весь сыръ боръ загорѣлся и кто въ этомъ случаѣ виновникъ всего происшествія. Дежурный полицейскій, явившійся по приглашенію хозяина

заведенія, счелъ своею обязанностью составить протоколъ и притомъ въ исторической формѣ, начавъ съ происшествія съ особою, во-время уѣхавшею, свидѣтелемъ котораго онъ вовсе не былъ и описывалъ только со словъ участниковъ дальнѣйшаго скандала. Затѣмъ обыкновенно, какъ во всѣхъ протоколахъ, излагалось довольно подробно, кто что говорилъ, безъ всякой связи, и умалчивалось о томъ, что собственно видѣлъ и слышалъ самъ полицейскій офицеръ. Мѣстный приставъ, вѣроятно, по важности дѣла, доставилъ мнѣ лично въ тотъ же день, около 3-хъ часовъ дня, этотъ протоколъ при простой препроводительной бумагѣ, въ которой не упоминалъ, для чего собственно онъ мнѣ его доставляетъ. Это обстоятельство дало мнѣ основаніе объяснить приставу, что едва-ли необходимо было составлять протоколъ въ такой формѣ, что достаточно ограничиться удостовѣреніемъ матеріальныхъ убытковъ, нанесенныхъ компаніею хозяину, г. Лаванши, если послѣдній просилъ объ этомъ, и что едва-ли въ этомъ дѣлѣ можетъ быть предъявлено кому-либо обвиненіе въ нарушеніи порядка и тишины въ общественномъ (публичномъ) мѣстѣ, такъ какъ все происходило именно не въ общественномъ мѣстѣ, а въ совершенно *отдѣльной* комнатѣ, и что затѣмъ отъ усмотрѣнія каждаго находившагося въ комнатѣ зависитъ возбуждать по его желанію преслѣдованіе за нанесеніе ему оскорбленія и обиды, хозяинъ же г. Лаванши одинъ можетъ предъявлять искъ о вознагражденіи за причиненные ему убытки дѣйствіями его посѣтителей, а что полиція, по его о томъ просьбѣ, можетъ только удостовѣрить родъ и размѣръ понесенныхъ имъ убытковъ. Равнымъ образомъ, дѣло объ оскорбленіи лично важнаго лица можетъ быть возбуждено только единственно по его желанію. Г. приставъ безъ разсужденія согласился съ моимъ взглядомъ на это довольно непріятное и для него дѣло, взялъ протоколъ обратно, а черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ самъ г. Лаванши съ заявленіемъ, что онъ вполнѣ вознагражденъ

за понесенные убытки и никакихъ претензій къ лицамъ, причинившимъ ему таковые (слѣдовали фамиліи ихъ безъ наименованія важнаго лица), не имѣетъ. Во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ объясненій съ лицомъ, худо владѣвшимъ русскимъ языкомъ, я принялъ это заявленіе къ свѣдѣнію, оставилъ оное у себя и сказалъ нѣсколько словъ г. Лаванши по-французски, похваливъ его, что онъ обошелся безъ содѣйствія суда. Никакихъ другихъ жалобъ и заявленій по сему дѣлу ко мнѣ не поступало. Я былъ очень радъ такому мирному исходу дѣла, которое могло бы повлечь при иномъ направленіи весьма нежелательныя послѣдствія для всего мирового института, и особенно въ то время, когда не только этотъ институтъ, но и вся судебная реформа стала уже обрѣтаться не въ авантажѣ, какъ говорится, въ нѣкоторыхъ уже сферахъ.

Коснувшись отношеній къ полиціи, не могу не припомнить еще и другого, нѣсколько болѣе серьезнаго дѣла съ высшею полиціею столицы, явившагося предметомъ довольно оживленнаго обсужденія въ распорядительномъ засѣданіи столичнаго мирового съѣзда.

Времена наступали тяжкія. Зарождалось и развивалось такъ называемое революціонное движеніе, талантливо описанное г. Б. Б. Глинскимъ въ его книгѣ и завершившееся, какъ извѣстно, позорнымъ для нашего отечества преступленіемъ 1-го марта 1881 г., жертвою котораго совершенно безвинно палъ великій монархъ Освободитель. Въ обществѣ обращалось тогда не мало брошюръ, книгъ и воззваній и т. д., извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *нелегальной* литературы. Полиція ревностно занималась преслѣдованіемъ и задержаніемъ этой литературы у всѣхъ и каждаго. По собраннымъ ею свѣдѣніямъ и указаніямъ она сочла должнымъ произвести обыскъ не только въ квартирѣ, но и въ самой *камерѣ* одного изъ мировыхъ судей столицы, дополнительнаго избранія или второго выбора, который, будучи очень хорошимъ судьею, имѣлъ свою типографію и, зани-

маясь издательствомъ книгъ, былъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами, болѣе или менѣе участвовавшими въ упомянутомъ выше движеніи. Къ сожалѣнію, предположенія полиціи оправдались, и въ столѣ мирового судьи, находившемся въ камерѣ, были найдены изданія, принадлежавшія къ нелегальной литературѣ вообще. Это, конечно, немедленно дошло до свѣдѣнія предсѣдателя мирового съѣзда, Н. А. Неклюдова, извѣстнаго талантливаго юриста и въ то время еще очень, какъ выражались, краснаго; позднѣе, сдѣлавшись оберъ-прокуроромъ кассаціоннаго департамента сената и потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ значительно полинялъ, принявъ, какъ говорили, болѣе синеватый оттѣнокъ. Онъ немедленно собралъ внѣочередное распорядительное засѣданіе, на которое собрались далеко не всѣ мировые судьи, и, сообщивъ все вышеизложенное, повторилъ всѣ избитыя фразы о самоуправныхъ и беззаконныхъ дѣйствіяхъ полиціи и ихъ послѣдствіяхъ, указалъ на оскорбленіе, нанесенное мировому институту, и предлагалъ всѣми силами *протестовать* противъ подобнаго дѣйствія полиціи, нанесшаго оскорбленіе всему мировому институту. Возражать противъ всего высказаннаго предсѣдателемъ было неудобно, но согласиться съ его предложеніемъ—протестовать противъ дѣйствія полиціи—было также крайне опасно, такъ какъ, къ сожалѣнію, въ камерѣ мирового судьи, какъ выше сказано, нашелся экземпляръ нелегальной литературы и другія бумаги, оправдывавшія во многомъ дѣйствія полиціи. Поэтому протестъ со стороны мировыхъ судей могъ повлечь весьма нежелательныя послѣдствія для всего мирового института, и можно было опасаться пріостановки дѣйствія столичныхъ мировыхъ судей и замѣны ихъ чиновниками по назначенію отъ правительства по примѣру, уже бывшему незадолго передъ этимъ съ с.-петербургскимъ губернскимъ земствомъ въ 1867 году [1]).

[1]) Въ началѣ января 1867 г. с.-петербургское земство было закрыто и предсѣдатель губернской земской управы былъ уволенъ; исполненіе обязанностей предсѣдателя и членовъ управы, а также прочихъ должностныхъ лицъ земства было возложено на лицъ, по назначенію отъ правительства.

Все это побудило нѣкоторыхъ судей предложить обсудить весь вопросъ въ другомъ ближайшемъ засѣданіи и при участіи, если не всѣхъ буквально столичныхъ судей, какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ, то по крайней мѣрѣ возможно бо̀льшаго числа ихъ, для достиженія чего въ разсылаемыхъ повѣсткахъ на засѣданіе надлежало означить точнѣе главную его задачу. Это предложеніе было принято, и въ слѣдующемъ засѣданіи, весьма многочисленномъ и когда уже первое впечатлѣніе всего происшедшаго нѣсколько охладилось, послѣ очень основательныхъ объясненій даровитаго и очень умнаго почетнаго судьи В. И. Лихачева (бывшаго позднѣе головою столицы) было рѣшено выразить только глубокое сожалѣніе по поводу постигшаго мирового судью и его камеру, не возбуждая никакого протеста о дѣйствіяхъ полиціи въ этомъ дѣлѣ.

Выше было упомянуто, что мировой судья по усмотрѣннымъ *лично* преступнымъ дѣйствіямъ *можетъ, если признаетъ нужнымъ*, поручить полиціи предварительное разысканіе [1]). Изъ этихъ словъ должно заключить, что мировой судья *безъ предварительнаго разысканія*, по его порученію, полиціею не можетъ привлечь кого-либо къ отвѣтственности по усмотрѣннымъ имъ *лично* преступнымъ дѣйствіямъ. Но такое порученіе полиціи производить разысканіе на практикѣ во многихъ случаяхъ не могло быть осуществлено за пропускомъ времени (напр., при случаяхъ нарушенія порядка и спокойствія) [2]). Мировой судья, замѣтивъ подобнаго рода нарушенія, долженъ сперва пойти или послать кого-либо за полиціею (не вездѣ же и не во всякое время на улицѣ пребывающею), сообщить ей о необходимости составить протоколъ, послѣ чего она направится на мѣсто происшествія, а тѣмъ временемъ, весьма часто, все прекращалось и всѣ расходи-

[1]) Уст. угол. суд. 1864 г., ст. 52.

[2]) Уст. нак. нал. мир. суд. 1864 г., ст. 37—39, 43.

лись по домамъ. Да кромѣ того и времени собственно на примѣненіе этой статьи 52 не было. Поэтому столичные мировые судьи въ мое время до крайности рѣдко пользовались этою ст. 52-й, не желая, главнымъ образомъ, обращаться въ тѣхъ благонамѣренныхъ сатраповъ, которые сами и преслѣдуютъ, обвиняютъ, судятъ и едва-ли не сами приводятъ приговоръ въ исполненіе, все весьма съ похвальнымъ стремленіемъ — водворить нравственность, порядокъ и тишину среди подчиненныхъ имъ обывателей, которымъ, однако, отъ этого порядка приходится весьма и весьма тяжело.

Припоминаю одинъ случай примѣненія этой 52-й ст. въ столицѣ судьею. Однажды мировой судья отправился въ находившійся въ его участкѣ театръ [1]), на сценѣ котораго ставились пьесы далеко не совсѣмъ приличныя, какъ выражаются, распѣвались куплеты весьма двусмысленнаго содержанія, и происходили танцы съ весьма рискованными движеніями. Мировой судья, чрезвычайно пораженный всѣмъ этимъ, привлекъ къ отвѣтственности одну изъ дѣйствующихъ актрисъ по ст. 43-й, найдя, что она поднимала ногу во время танцевъ выше, чѣмъ требуетъ приличіе, и т. д. Не помню, поручалъ ли онъ мѣстной полиціи составлять предварительное разысканіе, но если и поручалъ, то таковое могло заключаться лишь въ томъ, чтобы удостовѣриться въ имени, фамиліи и мѣстѣ жительства отважной послѣдовательницы Терпсихоры, но никакъ не въ опредѣленіи въ точности высоты, до которой она дѣйствительно поднимала ногу, или степени приличія ея тѣлодвиженій, обратившихъ вниманіе г. судьи, но которыя, какъ мимолетныя движенія, не были уловлены полиціею до заявленія о томъ судьею, а повторенія ихъ, конечно, не были тождественны съ обратившими на себя его вниманіе. Конечно, это дѣло попало своевременно въ газеты, возбудило не мало

[1]) Въ настоящее время не только зданіе того театра не существуетъ, но и самая прилегавшая къ нему мѣстность до того измѣнилась, что нельзя и представить себѣ, чтобы тутъ находилось отдѣльное зданіе театра.

толковъ въ печати, но практическимъ послѣдствіемъ всего этого съ одной стороны было то, что мировой судья болѣе не возбуждалъ дѣлъ по ст. 52-й, а такъ какъ вообще одна ласточка весны не дѣлаетъ, то единственная попытка судьи водворить на сценѣ приличіе и нравственность силою судебныхъ приговоровъ послѣдствій не имѣла, въ чемъ онъ несомнѣнно убѣдился бы лично и теперь, посмотрѣвъ, что̀ появляется на сценахъ нѣкоторыхъ театровъ въ настоящіе дни!..

Въ ежедневныхъ разборахъ дѣлъ и различныхъ объясненіяхъ со сторонами и другими лицами незамѣтно протекли три года, и наступило время новыхъ очередныхъ выборовъ въ мировые судьи [1]), и всѣ бывшіе мировые судьи, желавшіе далѣе продолжать это служеніе, должны были подвергнуть себя новому избранію. Это переизбраніе мировыхъ судей каждые три года я благополучно для себя выдержалъ три раза, благодаря, конечно, случайности, но многіе изъ моихъ сотоварищей, очень хорошіе судьи, были менѣе счастливы и должны были уступить свои участки вновь избраннымъ лицамъ и обратиться къ должности другого рода. Это еще нисколько не доказывало, что избранные вновь были какъ судьи лучше тѣхъ, которыхъ они замѣнили, или, другими словами, что забаллотированные были хуже вновь избранныхъ. Тутъ не мало проявляла свое вліяніе чистая случайность. Избиратели, выбирая кого-либо на должность, могутъ только *предполагать*, что избираемый ими соотвѣтствуетъ ей болѣе или менѣе. Только *опытъ*, т.-е. отправленіе избраннымъ его должности, можетъ подтвердить, насколько предположеніе избирателей было пра-

[1]) Не упоминаю о дополнительныхъ выборахъ, бывшихъ въ 1867 году, какъ вовсе не касавшихся мировыхъ судей, избранныхъ въ 1866 году. Эти дополнительные выборы были вызваны тѣмъ, что *шесть* участковыхъ судей гг. Баумгартенъ, Козляниновъ, Куликовъ, Матвѣевъ, Орловъ и Серебряковъ избрали себѣ дѣятельность другого рода, а г. Унковскій скончался въ 1867 году; оказался недостатокъ въ числѣ судей, который и надлежало заполнить.

вильно и соотвѣтствовало дѣйствительности. Весьма часто избираемое лицо оказывается неизбраннымъ, вопреки ожиданіямъ избирателей, по совершенной случайности, и лицо, отправлявшее хорошо три года обязанности мирового судьи, при новомъ избраніи можетъ не попасть въ комплектъ мировыхъ судей единственно потому только, что какое-нибудь новое лицо, вполнѣ достойное быть можетъ, но мало соотвѣтствующее обязанностямъ мирового судьи, получитъ бо̀льшее число голосовъ при выборѣ, нежели бывшій хорошимъ судьею нѣсколько времени на самомъ дѣлѣ. Объясню это примѣромъ. 400-амъ гласнымъ предстоитъ избрать 20 судей; слѣдовательно, всякій, получившій болѣе 200 голосовъ, долженъ считаться избраннымъ; таковыхъ всего оказалось 30 лицъ, но въ число 20 будутъ включены только лица, получившія *наи*большее число голосовъ, такъ что избранные *вообще* не попадутъ на дѣлѣ въ число избираемыхъ судей. Можетъ случиться, что нѣсколько лицъ получатъ одинаковое число голосовъ, и тогда чистая случайность рѣшаетъ вопросъ,—кто изъ избранныхъ вообще дѣлается мировымъ судьею. Можетъ и то случиться, что избираемый на новое трехлѣтіе, получившій въ свою пользу даже бо̀льшее число голосовъ, нежели при предшествовавшемъ выборѣ, не попадетъ въ комплектъ судей потому только, что другія лица получили бо̀льшее число голосовъ. А затѣмъ бывали и такіе случаи. Мировой судья, избранный въ 1866 г., былъ забаллотированъ почему-то на выборахъ въ 1869 г., а затѣмъ, пропустивъ это трехлѣтіе, былъ постоянно *выбираемъ* на должность столичнаго мирового судьи до самой своей кончины [1]). Казалось, гораздо соотвѣтственнѣе установить правиломъ, что лицо, избранное въ мировые судьи, а затѣмъ по прошествіи трехъ лѣтъ избранное вторично,

[1]) Примѣромъ можетъ служить столичный мировой судья А. И. Протасьевъ, который, будучи забаллотированъ на выборахъ 1869 г., затѣмъ былъ избранъ вновь судьею въ 1872 г., послѣ чего неоднократно выбирался въ мировые судьи по самую свою кончину въ 1888 году! Ну, скажите, разумно ли это?!

считается уже избраннымъ пожизненно и дальнѣйшему переизбранію не подлежитъ. Устраненіе такого судьи почему-либо отъ исполненія его обязанностей можетъ послѣдовать только по опредѣленію судебной палаты, вслѣдствіе возбужденнаго о томъ представленія, или мирового съѣзда, или общественнаго городского управленія, или же прокурорскаго надзора и т. д.

Не останавливаясь однако на этомъ порядкѣ выборовъ мировыхъ судей далѣе, спрошу только, что̀ отъ этого выигрываетъ общество? Ничего другого, какъ получитъ худого судью вмѣсто забаллотированнаго, но оказавшагося уже на самомъ дѣлѣ хорошимъ. Сей же послѣдній, благодаря этому, принужденъ обратиться къ новой дѣятельности. Подобный переходъ, однако, всегда довольно затруднительный вообще, съ годами, по мѣрѣ болѣе продолжительнаго отправленія судьею его обязанности, дѣлается для него и очень затруднительнымъ и даже почти невозможнымъ. Между тѣмъ уповать и полагаться всегда и постоянно на благопріятную случайность при выборахъ всякіе три года едва-ли благоразумно; поэтому я скоро сталъ помышлять о болѣе прочномъ служебномъ положеніи, не столь подверженномъ мимолетной, но непоправимой случайности. Желаніе мое продолжать службу по судебному вѣдомству не получило, однако, осуществленія, несмотря на неоднократныя представленія с.-петербургскаго окружнаго суда о назначеніи меня въ число его членовъ. Министерство юстиціи, во главѣ котораго стоялъ тогда достопамятный остзеецъ, гр. Константинъ Ивановичъ Паленъ, изумительно владѣвшій русскимъ языкомъ, нерѣдко назначало на открывавшіяся не часто вакансіи въ судебныхъ учрежденіяхъ своихъ, конечно, болѣе достойныхъ кандидатовъ, и я, тщетно прождавъ назначенія болѣе трехъ лѣтъ, имѣлъ счастливый случай перейти на службу въ I отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ началѣ 1873 года, гдѣ и закончилъ свое служебное поприще. При этомъ, отлагая въ сторону

вильно и соотвѣтствовало дѣйствительности. Весьма часто избираемое лицо оказывается неизбраннымъ, вопреки ожиданіямъ избирателей, по совершенной случайности, и лицо, отправлявшее хорошо три года обязанности мирового судьи, при новомъ избраніи можетъ не попасть въ комплектъ мировыхъ судей единственно потому только, что какое-нибудь новое лицо, вполнѣ достойное быть можетъ, но мало соотвѣтствующее обязанностямъ мирового судьи, получитъ бо̀льшее число голосовъ при выборѣ, нежели бывшій хорошимъ судьею нѣсколько времени на самомъ дѣлѣ. Объясню это примѣромъ. 400-амъ гласнымъ предстоитъ избрать 20 судей; слѣдовательно, всякій, получившій болѣе 200 голосовъ, долженъ считаться избраннымъ; таковыхъ всего оказалось 30 лицъ, но въ число 20 будутъ включены только лица, получившія *наи*большее число голосовъ, такъ что избранные *вообще* не попадутъ на дѣлѣ въ число избираемыхъ судей. Можетъ случиться, что нѣсколько лицъ получатъ одинаковое число голосовъ, и тогда чистая случайность рѣшаетъ вопросъ,—кто изъ избранныхъ вообще дѣлается мировымъ судьею. Можетъ и то случиться, что избираемый на новое трехлѣтіе, получившій въ свою пользу даже бо̀льшее число голосовъ, нежели при предшествовавшемъ выборѣ, не попадетъ въ комплектъ судей потому только, что другія лица получили бо̀льшее число голосовъ. А затѣмъ бывали и такіе случаи. Мировой судья, избранный въ 1866 г., былъ забаллотированъ почему-то на выборахъ въ 1869 г., а затѣмъ, пропустивъ это трехлѣтіе, былъ постоянно *выбираемъ* на должность столичнаго мирового судьи до самой своей кончины [1]). Казалось, гораздо соотвѣтственнѣе установить правиломъ, что лицо, избранное въ мировые судьи, а затѣмъ по прошествіи трехъ лѣтъ избранное вторично,

[1]) Примѣромъ можетъ служить столичный мировой судья А. И. Протасьевъ, который, будучи забаллотированъ на выборахъ 1869 г., затѣмъ былъ избранъ вновь судьею въ 1872 г., послѣ чего неоднократно выбирался въ мировые судьи по самую свою кончину въ 1888 году! Ну, скажите, разумно ли это?!

считается уже избраннымъ пожизненно и дальнѣйшему переизбранію не подлежитъ. Устраненіе такого судьи почему-либо отъ исполненія его обязанностей можетъ послѣдовать только по опредѣленію судебной палаты, вслѣдствіе возбужденнаго о томъ представленія, или мирового съѣзда, или общественнаго городского управленія, или же прокурорскаго надзора и т. д.

Не останавливаясь однако на этомъ порядкѣ выборовъ мировыхъ судей далѣе, спрошу только, что̀ отъ этого выигрываетъ общество? Ничего другого, какъ получитъ худого судью вмѣсто забаллотированнаго, но оказавшагося уже на самомъ дѣлѣ хорошимъ. Сей же послѣдній, благодаря этому, принужденъ обратиться къ новой дѣятельности. Подобный переходъ, однако, всегда довольно затруднительный вообще, съ годами, по мѣрѣ болѣе продолжительнаго отправленія судьею его обязанности, дѣлается для него и очень затруднительнымъ и даже почти невозможнымъ. Между тѣмъ уповать и полагаться всегда и постоянно на благопріятную случайность при выборахъ всякіе три года едва-ли благоразумно; поэтому я скоро сталъ помышлять о болѣе прочномъ служебномъ положеніи, не столь подверженномъ мимолетной, но непоправимой случайности. Желаніе мое продолжать службу по судебному вѣдомству не получило, однако, осуществленія, несмотря на неоднократныя представленія с.-петербургскаго окружнаго суда о назначеніи меня въ число его членовъ. Министерство юстиціи, во главѣ котораго стоялъ тогда достопамятный остзеецъ, гр. Константинъ Ивановичъ Паленъ, изумительно владѣвшій русскимъ языкомъ, нерѣдко назначало на открывавшіяся не часто вакансіи въ судебныхъ учрежденіяхъ своихъ, конечно, болѣе достойныхъ кандидатовъ, и я, тщетно прождавъ назначенія болѣе трехъ лѣтъ, имѣлъ счастливый случай перейти на службу въ I отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ началѣ 1873 года, гдѣ и закончилъ свое служебное поприще. При этомъ, отлагая въ сторону

правило—возможно менѣе говорить о себѣ, не могу не упомянуть еще о слѣдующемъ.

Въ одно изъ послѣднихъ судебныхъ моихъ разбирательствъ, 17 февраля 1873 года, я замѣтилъ въ концѣ засѣданія присутствіе въ моей камерѣ многихъ лицъ, которыя, насколько я могъ сообразить и припомнить, едва-ли могли имѣть какое-либо до меня дѣло, какъ судьи. Не придавая этому какое-либо значеніе, я намѣревался, окончивъ миромъ послѣднее дѣло гражданское, покинуть камеру, какъ вдругъ два лица изъ числа упомянутыхъ присутствовавшихъ подошли къ моему столу и, выразивъ сожалѣніе, что я покидаю дѣятельность мирового судьи, сказали о ней много для меня лестнаго, передавъ въ заключеніе картонную папку, въ которой въ особыхъ заявленіяхъ выражалось въ болѣе обширной формѣ все высказанное ими ранѣе на словахъ.

Я былъ до того и пораженъ, и смущенъ всѣмъ этимъ, что едва могъ выразить присутствующимъ мою глубокую признательность за столь лестную и преувеличенную, конечно, оцѣнку моей судейской дѣятельности, удостоиться которой я никогда и не мечталъ.

П. М. Майковъ.

1915. Октября 25.
Симеизъ.

Мировой судъ въ С.-Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ [1]).

I.

Выборы с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей на второе трехлѣтіе происходили въ маѣ 1869 года. Я записался въ число кандидатовъ, хотя, признаться, надежды быть выбраннымъ у меня было мало: гласныхъ думы я почти не зналъ, необходимый цензъ пріобрѣлъ лишь недавно, участія въ собраніяхъ кредитнаго и страхового обществъ не принималъ никакого, а въ этихъ засѣданіяхъ участвовали тѣ же думскіе гласные. Мысль о томъ, чтобы сдѣлаться однимъ изъ общественныхъ дѣятелей, запала мнѣ въ голову года полтора тому назадъ. Изъ числа избирателей я былъ знакомъ съ немногими: съ Ц. А. Кавосомъ, А. К. Бруни, Ф. В. Гроздовымъ, Г. В. Лермонтовымъ, А. В. Яковлевымъ. Незадолго до выборовъ я отправился къ бывшему тогда петербургскому городскому головѣ, Н. И. Погребову, просить его содѣйствія. Онъ вышелъ ко мнѣ полусонный, съ взъерошенными волосами, зѣвая и какъ-то странно жуя губами, заявилъ, что кандидатовъ въ мировые судьи очень.., очень много, что, конечно, всѣ прежніе мировые судьи останутся на своихъ мѣстахъ и что игра не стоитъ свѣчъ.

[1]) Ф. Н. Устряловъ состоялъ мировымъ судьею съ 1869 по 1872 г. Воспоминанія были напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1885 г. т. XIX.

Обезкураженный такимъ пріемомъ, я подумалъ, что дѣло мое потеряно. И мнѣ сдѣлалось очень жаль.

Уже цѣлые полтора года я подготовлялъ себя къ должности мирового судьи, и занятіе этой должности составляло конечную цѣль моихъ желаній. Столько я видѣлъ въ ней хорошаго, полезнаго, честнаго!.. Такое обширное поприще открылось бы передо мною, такое сближеніе съ простымъ людомъ, такое высокое служеніе правдѣ и законности!.. Лѣтомъ 1868 года, живя на дачѣ въ Петергофѣ, я усиленно занимался изученіемъ судебныхъ уставовъ, читалъ сочиненія Миттермайера и др., но хорошо сознавалъ, что у меня недоставало самаго существеннаго — практическаго знанія. За неимѣніемъ подъ рукой другого подспорья, я прилежно посѣщалъ въ Петергофѣ открывшуюся въ іюлѣ сессію засѣданій петербургскаго окружнаго суда и вынесъ немало пользы для себя, преимущественно въ отношеніи чисто формальной, такъ сказать, обрядовой стороны. Предсѣдательствовалъ тогда г. Сабуровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія). Онъ поразилъ меня своимъ мастерскимъ, прекраснымъ изложеніемъ дѣлъ и полнымъ безпристрастіемъ. Судъ происходилъ подъ его предсѣдательствомъ въ замѣчательномъ порядкѣ и могъ служить наглядным образомъ того, какъ должны быть ведены судебныя пренія.

Переѣхавъ въ городъ, я почти ежедневно посѣщалъ камеры мировыхъ судей съ цѣлью ознакомиться съ ихъ практикой и хотя отчасти усвоить ихъ взгляды. Такимъ образомъ, я бывалъ поочередно на засѣданіяхъ гг. Яковлева, Галова, Бочарова, Закревскаго, Кранихфельда и др. Меня въ особенности удивило то обстоятельство, что слышанные мною приговоры и рѣшенія по однимъ и тѣмъ же дѣламъ отличались необъяснимымъ разнообразіемъ, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ: за одинъ и тотъ же проступокъ обвиненный приговаривался однимъ мировымъ судьею къ полицейскому аресту на четверо сутокъ, а другимъ на двѣ недѣли. Въ гражданскихъ дѣлахъ,

напримѣръ, въ отношеніяхъ домовладѣльцевъ къ жильцамъ, въ разборахъ между хозяевами и рабочими, въ охраненіи имущества послѣ умершихъ, способахъ взысканія по исполнительнымъ листамъ, ежедневныхъ сношеніяхъ съ полиціею, царствовалъ непроходимый хаосъ. Очень трудно мнѣ было объяснить себѣ причину такого хаоса. Конечно, въ немъ были неповинны новые судебные уставы; оплошности, недомолвки, недоразумѣнія были совершенно невольныя, и каждый изъ принадлежавшихъ къ мировому институту трудился такъ добросовѣстно, такъ безкорыстно, что уже къ концу перваго трехлѣтія рѣшенія петербургскаго мирового института, несмотря на неизбѣжные промахи, положительно служили образцомъ для постановленій другихъ мировыхъ съѣздовъ, и даже кассаціонныя рѣшенія сената, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, измѣняли его приговоры. Этимъ положеніемъ нашъ столичный мировой институтъ былъ обязанъ неусыпной и безустанной дѣятельности О. И. Квиста, Н. А. Неклюдова и Н. Н. Герарда.

Выборы оказались для меня благопріятными: я былъ избранъ, пятымъ по числу голосовъ, въ с.-петербургскіе столичные мировые судьи.

II.

8-го мая приводили насъ къ присягѣ, въ зданіи городской думы, гдѣ помѣщался с.-петербургскій столичный мировой съѣздъ. Весьма отрадное впечатлѣніе произвелъ на меня Н. А. Неклюдовъ: умное, симпатичное лицо, хотя съ очень тонкими очертаніями, и черные блестящіе глаза. Вся его внѣшность отличалась нѣкоторою порывистостью, которая очень къ нему шла. Говорилъ онъ замѣчательно бойко, съ большимъ знаніемъ дѣла, остроумно и, по временамъ, иронически. О. И. Квистъ оставался незамѣтнымъ; въ рѣдкія появленія въ съѣздѣ онъ обращалъ на себя вниманіе чисто джентельменскими манерами. Н. Н. Герардъ представлялъ совер-

шенную противоположность Н. А. Неклюдову: онъ говорилъ довольно медленно и, очевидно, пріискивалъ округленныя фразы: внезапнаго пыла горячности, бойкаго схватыванія мысли въ упоръ въ немъ совсѣмъ не замѣчалось. Зато онъ обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, методичностью, аккуратнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ дѣла, подробнымъ разъясненіемъ сложныхъ вопросовъ. Будучи выбраннымъ, но еще не утвержденнымъ сенатомъ въ званіи мирового судьи, я не разъ посѣщалъ засѣданія мирового съѣзда, происходившія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Герарда, и меня донельзя поражали его хладнокровіе, сдержанность, глубокое изученіе малѣйшаго факта, что̀ иногда бываетъ гораздо важнѣе всевозможныхъ порывовъ краснорѣчія и внезапныхъ вспышекъ искусственнаго бенгальскаго огня.

Въ тотъ же день происходило и распорядительное засѣданіе мирового съѣзда, въ первый разъ съ участіемъ новыхъ мировыхъ судей. Предметами его были: избраніе предсѣдателя и непремѣннаго члена на предстоящее трехлѣтіе и распредѣленіе между судьями мировыхъ участковъ. Желающихъ баллотироваться въ предсѣдатели явилось двое: Н. А. Неклюдовъ и Н. Н. Герардъ. Изъ нихъ, большинствомъ одного голоса, былъ избранъ первый, а въ непремѣнные члены Н. Г. Карташевскій, котораго впослѣдствіи замѣнилъ отставной генералъ-маіоръ Тиздель, передавшій подъ конецъ свою должность князю С. Д. Эристову. Это второе мѣсто мировые судьи занимали съ большой неохотой: хотя непремѣнный членъ и избавлялся отъ ежедневныхъ занятій въ камерѣ, но зато обязанъ былъ каждый день присутствовать въ мировомъ съѣздѣ, принимать прошенія, выдавать исполнительные листы, слѣдить за канцеляріей и архивомъ. Вообще работы было никакъ не менѣе, чѣмъ въ любомъ участкѣ. Жалованье непремѣнному члену назначалось всего 2.500 руб. въ годъ, въ виду того, что у него не было ни своей канцеляріи, ни своего участка.

Въ томъ же засѣданіи главнѣйшимъ вопросомъ, —

признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что онъ приметъ такіе значительные размѣры, въ которыхъ оказались замѣшанными очень существенные интересы насъ всѣхъ, — былъ вопросъ о распредѣленіи мировыхъ участковъ. Нѣкоторые участки, или, лучше сказать, мѣста были, что называется, уже насижены. Такъ какъ прежнимъ мировымъ судьямъ предоставлялось право выбирать эти участки прежде новичковъ (въ случаѣ спора, вопросъ рѣшался по жребію), то, конечно, они избирали тѣ участки, въ которыхъ дѣйствовали донынѣ, будучи хорошо знакомы съ подвѣдомственнымъ ихъ юрисдикціи населеніемъ. Такимъ образомъ, намъ, новичкамъ, при условіяхъ такого же рѣшенія вопроса, въ случаѣ спора, предоставлены были только тѣ мировые участки, которые оставались вакантными, вслѣдствіе забаллотировки прежнихъ управлявшихъ ими мировыхъ судей. Нѣкоторые изъ новыхъ участковъ были разобраны очень скоро, безъ всякихъ пререканій, такъ какъ находились вблизи мѣстожительства каждаго мирового судьи, который желалъ имѣть его у себя подъ рукою. Оставались только такъ называемые зарѣчные участки—23-й, 24-й, 25-й и 26-й. Я жилъ въ то время на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ академіи наукъ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, на казенной квартирѣ; слѣдовательно, для меня было какъ нельзя болѣе кстати занять свободный изъ названныхъ четырехъ участковъ. Но три изъ нихъ уже были заняты прежними мировыми судьями: 23-й—Галовымъ, 24-й—Бочаровымъ и 26-й — Тимирязевымъ. Оставался одинъ 25-й участокъ на Петербургской сторонѣ. Я изъявилъ желаніе, volens-nolens, получить его, хотя многіе изъ прежнихъ мировыхъ судей прямо совѣтовали мнѣ идти лучше на жребій, говоря, что этотъ участокъ причинитъ мнѣ множество хлопотъ, что онъ громадныхъ размѣровъ, что населеніе его состоитъ преимущественно изъ кляузниковъ и что, самое главное, дѣла этого участка находятся въ страшномъ безпорядкѣ, множество прошеній оставлено безъ разбора, письмоводитель дѣлаетъ, что̀

хочетъ, и орудуетъ всѣмъ; наконецъ, накопилась громада апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія и приговоры бывшаго мирового судьи 25-го участка, а между тѣмъ ревизіи не происходило уже съ давнихъ поръ. Вслѣдствіе ли затронутаго самолюбія, или отъ черезчуръ самонадѣянной увѣренности въ своихъ силахъ, или же потому, что 25-й участокъ находился ближе остальныхъ свободныхъ къ моему мѣстожительству, я пренебрегъ преподанными мнѣ совѣтами и окончательно заявилъ, что оставляю его за собой.

III.

Мой предмѣстникъ, князь Левъ Николаевичъ Шаховской, былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ; въ камерѣ 25-го участка я не былъ ни разу и не видалъ его въ съѣздѣ. Дѣло оказывалось весьма спѣшнымъ: необходимо было принять какъ можно скорѣе всѣ нерѣшенныя дѣла, разсмотрѣть документы по охраненію имущества и въ особенности привести въ порядокъ и ясность денежные документы, а также разобрать вещественныя доказательства, провѣривъ ихъ по описямъ. Поэтому на другой же день я отправился въ камеру князя Шаховского, съ цѣлью переговорить съ нимъ и условиться о принятіи дѣлъ. Онъ былъ блондинъ, высокаго роста, довольно полный, съ пріятными чертами лица, хотя и косоглазый. Онъ встрѣтилъ меня очень любезно и, прежде всего, предложилъ осмотрѣть помѣщеніе. Дѣйствительно, какъ мнѣ говорили, все оказалось въ страшномъ безпорядкѣ: массы дѣлъ, въ синихъ обложкахъ, валялись повсюду, не только въ камерѣ очень маленькихъ размѣровъ, очень неудобной и неприглядной, но и въ собственной квартирѣ князя, на полу, подъ диваномъ, на окнахъ и даже въ столовой. Не было ни сундука для денегъ (тогда еще не существовало единство кассы), ни шкафа для вещей, ни журналовъ, ни описей. На мои вопросы князь отдѣлывался то шуточками, то

неопредѣленными отвѣтами. Относительно сдачи дѣлъ онъ сказалъ, что составитъ общую опись, которую мы и подпишемъ оба; сдавать же и принимать каждое дѣло порознь, помѣщая его въ опись, рѣшительно невозможно, такъ какъ на этотъ трудъ потребовалось бы болѣе полугода времени; кромѣ того, въ шкафахъ „валяется“ множество старыхъ дѣлъ, перешедшихъ къ нему отъ его предмѣстника, причемъ они приняты безъ всякой описи и безъ всякой расписки...

— Самое лучшее,—прибавилъ онъ,—послѣдовать и намъ такому же примѣру: разобраться въ этомъ хаосѣ невозможно. Тутъ самъ чортъ ногу сломитъ. А денежные документы я лично приведу въ порядокъ и передамъ ихъ вамъ дня черезъ три.

Князь весьма неблагосклонно отозвался о населеніи Петербургской стороны въ томъ смыслѣ, что такихъ мелочныхъ кляузниковъ, сплетниковъ, спорщиковъ отъ бездѣлья онъ никогда въ жизни не видалъ. Тутъ же онъ представилъ мнѣ своего письмоводителя, молодого юркаго брюнета, съ восточнымъ типомъ лица, и просилъ обратить на него вниманіе, такъ какъ онъ во многомъ могъ бы „впослѣдствіи принести мнѣ пользу“. Мое посѣщеніе окончилось тѣмъ, что князь пригласилъ меня завтра, въ 1 часъ дня, заѣхать въ его камеру, ибо онъ будетъ въ послѣдній разъ разбирать дѣла, а я буду имѣть случай заранѣе ознакомиться какъ съ манерой разбирательства, къ которой онъ пріучилъ жителей петербургскаго участка, такъ и съ самими обывателями.

Въ день, назначенный для разбора текущихъ дѣлъ, утромъ, часовъ въ одиннадцать, князь неожиданно пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ, былъ необычайно любезенъ и просилъ меня послѣ судебныхъ занятій отобѣдать у него ровно въ 3 часа. Я поневолѣ долженъ былъ согласиться, хотя мнѣ было совсѣмъ не до визитовъ и не до обѣдовъ: одна мысль преслѣдовала меня постоянно, въ какомъ видѣ и когда же, наконецъ, приму я дѣла и денежные документы. Кромѣ того, меня удивило еще и

то обстоятельство, что разборъ дѣлъ былъ назначенъ въ 1 ч., а обѣдъ въ 3; слѣдовательно, разборъ, предположительно, долженъ былъ продолжаться не болѣе 2 часовъ, что̀, при огромномъ скопленіи дѣлъ, казалось мнѣ весьма страннымъ. Однако, загадка объяснилась очень просто: князь, наудачу, выбралъ дѣлъ 16—17, по которымъ наканунѣ и послалъ повѣстки тяжущимся. Маленькая камера, въ которой двѣ скамейки стояли вдоль стѣнъ, была биткомъ набита народомъ: однимъ хотѣлось въ послѣдній разъ посмотрѣть на прежняго мирового судью, подвергшагося, такъ сказать, опалѣ,— другимъ ознакомиться съ личностью новаго, которому предстояло право и обязанность быть ихъ миротворцемъ. Князь разрѣшалъ дѣла необычайно быстро: на однихъ тяжущихся онъ прикрикнулъ, другихъ помирилъ, да и протоколы его отличались непостижимою краткостью: на основ. ст. 81, взыскать; по ст. 119, на три дня подъ арестъ; окончено миромъ и т. п. Казалось, всѣ—и тяжущіеся, и обвиняемые, и публика, да и самъ рѣшавшій „мировой", всѣ очень хорошо понимали, что это было не что иное, какъ послѣднее представленіе, дававшееся въ честь новоприбывшаго гостя. Въ часъ съ небольшимъ князь „порѣшилъ" всѣ дѣла, принялъ нѣсколько прошеній, не назначивъ срока и говоря, что это уже дѣло новаго мирового судьи; нѣкоторымъ, желавшимъ съ нимъ объясниться, предложилъ отправиться въ мировой съѣздъ, а другихъ, черезчуръ назойливыхъ, просто выгналъ вонъ. Къ половинѣ третьяго камера опустѣла, и мы отправились на квартиру князя обѣдать. Въ столовой я увидѣлъ какую-то молодую особу, съ бойкими манерами, уже разливавшую супъ. Но князь почему-то не счелъ нужнымъ меня ей представить. Обѣдъ, какъ и все прочее, отличался безалаберностью: сперва былъ какой-то соусъ, потомъ супъ, явилась бутылка шампанскаго, затѣмъ нѣчто въ родѣ желе, а въ заключеніе простая очищенная. Все это было приправлено большимъ добродушіемъ, веселостью и разговорами о предметахъ, нисколько не относившихся къ тому, что̀, по всей вѣроятности, занимало насъ обоихъ въ высшей степени. Всѣ эти дни я чувствовалъ себя точно въ чаду, и въ умѣ моемъ очень быстро смѣнялись такія впечатлѣнія, въ которыхъ я какъ-то инстинктивно боялся дать себѣ отчетъ.

IV.

Между тѣмъ, отъ съѣзда я получалъ чуть ли не каждый день предписанія о скорѣйшемъ принятіи дѣлъ 25-го мирового участка. Вѣроятно, такія же предписанія посылались и князю Шаховскому о сдачѣ, но онъ, повидимому, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Мое положеніе съ самаго начала сдѣлалось довольно критическимъ: съ меня требовалось именно то, чего, несмотря на всю добрую волю, я никакъ не могъ исполнить, вслѣдствіе очевиднаго намѣренія другой стороны оттянуть время на возможно большій срокъ. Въ самомъ съѣздѣ также существовало, въ нѣкоторомъ родѣ, междуцарствіе: ни предсѣдатель, ни мировые судьи до сихъ поръ еще не были утверждены въ своихъ должностяхъ сенатомъ; такая задержка, какъ говорили, произошла отъ заявленія одного изъ мировыхъ судей,—и, что̀ всего удивительнѣе, изъ новыхъ, — о неправильности послѣднихъ выборовъ и просьбы признать ихъ незаконными. Чѣмъ руководствовался этотъ оригинальный мировой судья при изложеніи своихъ доводовъ—неизвѣстно. Но несомнѣнно, что разсмотрѣніе его заявленія потребовало времени, бо̀льшаго сверхъ обыкновеннаго для утвержденія насъ всѣхъ. Однако, дѣло окончилось благополучно, и мы вскорѣ получили сенатское утвержденіе.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ жестоко надоѣдали всевозможныя проволочки по дѣламъ 25-го участка. Князь Шаховской выбрался куда-то изъ своей квартиры, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, хотя и оставилъ въ ней мебель, которую я купилъ черезъ нѣсколько дней. Онъ наѣзжалъ въ камеру только урывками, послѣ оконченнаго уже

мною разбирательства, и, какъ мнѣ говорили, по цѣлымъ часамъ совѣщался о чемъ-то съ своимъ бывшимъ письмоводителемъ, котораго я на время оставилъ у себя, въ надеждѣ, что онъ хотя отчасти поможетъ мнѣ выбраться изъ лабиринта. Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ болѣе я убѣждался, что дѣло приметъ для всѣхъ дурной оборотъ. Въ одномъ изъ распорядительныхъ засѣданій съѣзда, происходившихъ обыкновенно по четвергамъ, дней черезъ десять по занятіи мною должности мирового судьи, я заявилъ, что, несмотря на всѣ предписанія съѣзда князю о сдачѣ мнѣ дѣлъ и денежныхъ документовъ, я ровно ничего не получилъ до сихъ поръ, что мои настоятельныя убѣжденія не приводятъ ни къ какому результату и что я положительно предупреждаю объ этомъ съѣздъ заранѣе, не желая подвергаться отвѣтственности за вину чужихъ лицъ. Было постановлено: предписать бывшему мировому судьѣ 25-го участка сдать мнѣ всѣ дѣла, деньги и документы въ теченіе трехъ сутокъ, въ противномъ же случаѣ съѣздъ распорядится назначеніемъ особой комиссіи для выясненія всѣхъ обстоятельствъ и принятія надлежащихъ мѣръ при помощи прокурорской власти. Это предписаніе было послано въ мою канцелярію съ тѣмъ, чтобы передать его князю по адресу, извѣстному его бывшему письмоводителю.

Не прошло и дня, какъ въ мою камеру прибылъ Шаховской въ то время, когда я разбиралъ дѣла, крайне извинялся, что не могъ до сихъ поръ исполнить требованій съѣзда, сваливалъ все на болѣзнь и нервное разстройство и окончилъ вновь обѣщаніемъ приготовить всю денежную отчетность къ послѣзавтрашнему дню, убѣдительно прося выждать послѣдній срокъ, назначенный съѣздомъ. Отказывать было не въ моей власти; поэтому я поневолѣ долженъ былъ согласиться.

Наступило и послѣзавтра, а отъ князя не приходило никакихъ извѣстій. Часа въ четыре, когда, по окончаніи судопроизводства, я собирался домой, ко мнѣ въ кабинетъ, весь въ слезахъ, вошелъ письмоводитель и подалъ

мнѣ конвертъ, запечатанный чернымъ сюргучемъ. Содержаніе этого посланія заключалось, приблизительно, въ слѣдующемъ:

„Въ то время, когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я растратилъ казенныя деньги и никакихъ отчетовъ дать не могу. Благодарю васъ за доброе участіе; извиняюсь, что заставилъ васъ такъ долго ждать. Прощайте“.

Все письмо было написано знакомымъ мнѣ размашистымъ почеркомъ князя и имъ подписано.

Собственно говоря, я уже смутно предчувствовалъ и прежде, что произойдетъ какая-нибудь катастрофа; но, признаюсь, подобной не ожидалъ. Развязка превзошла мои ожиданія... Я взглянулъ машинально на плачущаго письмоводителя, и странная мысль мелькнула у меня въ головѣ: отчего онъ плачетъ? вѣдь онъ еще не знаетъ содержанія письма, или же узналъ о возвѣщенномъ самоубійствѣ какимъ-нибудь постороннимъ путемъ?.. Я спросилъ его. Онъ отвѣтилъ, что уже давно ожидалъ чего-то недобраго, а теперь, увидѣвъ черную печать на присланномъ конвертѣ съ адресомъ, написаннымъ рукою князя, сейчасъ же понялъ, что его нѣтъ въ живыхъ. По справкамъ оказалось, что письмо было прислано неизвѣстно съ кѣмъ въ камеру, часовъ въ десять утра. Почему же вы не сейчасъ отдали его мнѣ? спросилъ я письмоводителя.—Вы были заняты судомъ... Мнѣ оставалось только пожать плечами.

Съ этимъ письмомъ я немедленно отправился къ предсѣдателю съѣзда, Н. А. Неклюдову, жившему близъ Обуховскаго моста, по Фонтанкѣ, но засталъ его дома лишь въ девять часовъ вечера. Онъ распорядился послать тотчасъ же повѣстки мировымъ судьямъ о прибытіи въ экстренное распорядительное засѣданіе съѣзда на завтрашній день, въ 10 часовъ утра. Собраніе было чрезвычайное, и на него явились безъ исключенія всѣ члены. Извѣстіе, сообщенное предсѣдателемъ, произвело поражающее впечатлѣніе: никогда ничего подобнаго не

бывало со времени введенія новыхъ уставовъ. Начались разспросы, догадки, предположенія о судьбѣ князя... Многіе о немъ сожалѣли, говорили, что онъ зарвался, что бѣда была совсѣмъ не такъ велика; иные выражали полную увѣренность, что онъ не окончилъ жизнь самоубійствомъ, а куда-нибудь скрылся. Между тѣмъ, предсѣдатель заявилъ о происшествіи прокурорскому надзору и лично допросилъ письмоводителя; но узналъ отъ него весьма немногое... Очевидно, письмоводитель былъ парень ловкій и осторожный; я скоро прогналъ его изъ канцеляріи.

Между тѣмъ, только-что прочитавъ письмо, развязывавшее мнѣ въ нѣкоторомъ отношеніи руки, я въ теченіе часа съ небольшимъ перерылъ многія изъ дѣлъ и бумагъ, валявшихся на окнахъ, подъ столами и на полу, и совершенно неожиданно нашелъ нѣсколько денежныхъ документовъ, т.-е именные билеты тысячъ на десять, остававшіеся безъ всякаго присмотра, точно негодная рухлядь, и очевидно переданные мировому судьѣ на храненіе судебнымъ приставомъ послѣ описи имущества умершаго лица. Я до сихъ поръ не могу постигнуть, какимъ образомъ уцѣлѣли эти билеты!.. Я въ тотъ же день передалъ ихъ въ съѣздъ, вмѣстѣ съ другими наскоро забранными мною документами, предварительно запечатавъ моею печатью всѣ входы и выходы въ квартирѣ внезапно скрывшагося князя.

Послѣ продолжительныхъ и довольно бурныхъ преній съѣздъ постановилъ: 1) на самыя необходимыя потребности выдать три тысячи рублей, собранныя изъ личныхъ средствъ всѣхъ мировыхъ судей въ настоящемъ засѣданіи, и распредѣлить ихъ между наиболѣе бѣдными лицами, капиталы которыхъ находились на храненіи въ 25-мъ мировомъ участкѣ, и 2) назначить особую комиссію для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ этого участка, съ тѣмъ, чтобы она немедленно начала свои дѣйствія и о послѣдующемъ сообщила мировому съѣзду. Эта комиссія состояла изъ почетнаго мирового судьи

Л. Я. Яковлева, участковыхъ мировыхъ судей: И. А. Галова, В. П. Бочарова, И. В. Веригина, Н. Н. Шамшева, В. А. Тимирязева и меня.

Что же касается князя Шаховского, то, по слухамъ, имѣвшимъ большую достовѣрность, онъ не прибѣгнулъ къ самоубійству, а бѣжалъ въ Америку. Съ той поры я болѣе о немъ ничего и не слыхалъ.

V.

На долю комиссіи выпала трудная задача: ни одинъ изъ ея членовъ, въ то время, когда настаютъ вакаціи и мировые судьи на мѣсяцъ или недѣли на двѣ поочередно освобождаются отъ служебныхъ занятій, не имѣлъ свободной минуты: въ теченіе дня приходилось разбирать дѣла въ своемъ участкѣ; послѣ обѣда, часовъ съ восьми, необходимо было приводить въ порядокъ все, что̀ напутано Шаховскимъ. Комиссія работала неустанно четыре-пять мѣсяцевъ: наняты были писцы для составленія описей по каждому дѣлу, купленъ сундукъ для храненія денегъ и документовъ, организована на новыхъ началахъ канцелярія, передѣлана камера изъ двухъ смежныхъ комнатъ въ одну, — хорошую, просторную, свѣтлую, — отведена отдѣльная комната для свидѣтелей; словомъ, все обновилось, пришло въ лучшій, болѣе приличный видъ. Каждый изъ членовъ комиссіи взялъ на себя извѣстное количество дѣлъ для просмотра и свѣрялъ по нимъ денежные документы. Всѣ безъ исключенія трудились добросовѣстно и неутомимо, не жалѣя себя, и, по сведеніи концовъ съ концами, оказалось, что трехъ тысячъ, выданныхъ съѣздомъ, совершенно достаточно для покрытія убытковъ, понесенныхъ частными лицами. Что же касается остальной растраченной суммы, въ количествѣ, приблизительно, шести или семи тысячъ, то она составилась изъ штрафныхъ денегъ, пошлинъ и т. п. и была принята на себя казною, т.-е просто списана со счетовъ.

Такимъ образомъ, все дѣло ограничилось довольно узкими рамками; тѣмъ не менѣе, на заинтересованныхъ лицъ оно, какъ и слѣдовало ожидать, произвело сильное впечатлѣніе: моя камера буквально осаждалась днемъ и вечеромъ не только просителями, но и любопытными, приходившими послушать „разбирательство", какъ даровое представленіе отъ нечего дѣлать.

Судебный надзоръ, въ лицѣ бывшаго тогда товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда г. Булаха, только затягивалъ дѣло: въ процессуальномъ отношеніи необходимыя свѣдѣнія должны были получаться прямо отъ съѣзда, да и тѣ относились лишь къ денежной провѣркѣ, тщательно производившейся членами комиссіи. Затѣмъ, процесса въ буквальномъ смыслѣ слова не могло и быть, за неизвѣстностью мѣстонахожденія обвиняемаго или за его хотя бы фиктивною смертью. Дѣйствительно, случай являлся до такой степени страннымъ и неожиданнымъ, что разобраться было довольно трудно, не имѣя положительныхъ данныхъ. Прокурорскій надзоръ такъ и остался ни при чемъ. Но, что̀ всего страннѣе, въ самомъ мировомъ съѣздѣ нѣкоторыми ярыми блюстителями буквы закона, преимущественно изъ почетныхъ мировыхъ судей, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли я право, какъ мировой судья, опечатать квартиру Шаховского въ тотъ моментъ, когда получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что рѣшился покончить съ собою. Формалисты смотрѣли на принятую мною мѣру, какъ на превышеніе власти, ссылаясь на то, что мировой судья имѣетъ право охранять, при посредствѣ судебнаго пристава, только имущество лицъ, умершихъ или находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи, и начинать дѣло по охраненію не иначе, какъ по полученіи полицейскаго протокола. Когда возникъ этотъ вопросъ, я заявилъ, что̀ въ настоящемъ случаѣ, не предвидѣнномъ закономъ, лучше всего руководствоваться здравымъ смысломъ, и что если бы я не прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ, т.-е. къ опечатанію квартиры

Шаховского, то съѣзду пришлось бы, можетъ быть, уплатить не три тысячи, а десять или пятнадцать. Аргументъ показался неотразимымъ, и вопросъ палъ самъ собою; ревностные блюстители буквы закона даже не предложили этотъ вопросъ на баллотировку.

Мало-по-малу все пришло въ нормальное положеніе. Комиссія окончила свои занятія позднею осенью и получила выраженіе признательности съѣзда.

VI.

Помимо разсказаннаго здѣсь вкратцѣ эпизода, многое изъ моей судебной практики, особенно въ началѣ, заставляло меня переживать тяжелыя минуты. Съ наступленіемъ второго трехлѣтія со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ мировомъ съѣздѣ начала образовываться нѣкоторая рознь, появились отдѣльныя партіи, опиравшіяся на личныя симпатіи или на личную непріязнь къ тому, кто осмѣливался выражать протестъ. Такое явленіе выказывалось замѣтнѣе всего въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда. Въ нихъ нерѣдко шли толки о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, причемъ выпивалось громадное количество чая и выкуривались сотни папиросъ. Непостижимо, какъ до сихъ поръ къ намъ никакъ не можетъ привиться хотя бы частичка парламентаризма, который въ западныхъ государствахъ обставленъ въ извѣстныя рамки и имѣетъ, такъ сказать, свой нравственный кодексъ, свои общепринятыя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признанныя, формы. Наша халатность и распущенность внушаютъ поистинѣ весьма гадливое чувство. Въ началѣ мы принимаемъ всякую хорошую, полезную иниціативу съ какимъ-то судорожнымъ, лихорадочнымъ трепетомъ, кидаемся на нее, точно волкъ на добычу, носимся съ нею день и ночь, а пройдетъ нѣсколько недѣль, бросаемъ то, что̀ насъ интересовало, какъ негодную тряпку. То же самое замѣчалъ я и въ съѣздѣ. Тамъ были извѣстные запра-

вилы, которые не столько радѣли о дѣлахъ общества, сколько считались между собою. Такихъ было немного, и очень жаль, что не было ихъ меньше. Четверги, т.-е. дни, въ которые обыкновенно происходили распорядительныя засѣданія, становились подъ конецъ невыносимыми: такъ мало было въ нихъ дѣла и такъ много пустыхъ словъ. Та же халатность проявлялась и въ судебныхъ засѣданіяхъ, но она выразилась въ полной силѣ своей лишь въ концѣ второго трехлѣтія, и по этому поводу я долженъ сдѣлать небольшую оговорку.

Каждый изъ мировыхъ судей выбиралъ, съ общаго согласія, одинъ день въ недѣлѣ, въ который обязанъ былъ присутствовать на судебномъ разбирательствѣ въ съѣздѣ, въ качествѣ его члена. Я избралъ гражданское отдѣленіе по субботамъ. Въ первое время предсѣдателемъ этого отдѣленія былъ Н. Г. Карташевскій, сдавшій свою должность непремѣннаго члена добавочному мировому судьѣ Тизделю. Г. Карташевскій заявлялъ во всеуслышаніе, что гордится званіемъ ученика О. И. Квиста и во всѣхъ тонкостяхъ гражданскаго судопроизводства вполнѣ слѣдуетъ по стопамъ своего достойнаго учителя, пріемы и манеры котораго усвоилъ до мельчайшихъ подробностей. Положимъ, Н. Г. Карташевскій и могъ считать себя ученикомъ О. И. Квиста, но тѣмъ не менѣе этотъ почетный титулъ нисколько не налагалъ на него обязанности мучить тяжущихся и членовъ съѣзда съ 11 часовъ утра до 8 и 9 часовъ вечера. Какъ видно, г. Карташевскій не вполнѣ освоился съ тѣмъ принципомъ, что практическое судебное разбирательство не есть лекція гражданскаго судопроизводства, а поставлено въ такія же условія, какъ и въ мировомъ участкѣ. По каждому дѣлу онъ высказывалъ пространное резюме: приводились и кассаціонныя рѣшенія сената, и примѣры постановленій различныхъ съѣздовъ по однороднымъ дѣламъ, и заявленія прокурорскаго надзора въ дѣлахъ, касавшихся охраненія правъ наслѣдниковъ или малолѣтнихъ. Всѣ комбинаціи, всѣ тонкости, всѣ придирки,

какія зачастую выставлялись въ апелляціонныхъ, кассаціонныхъ и частныхъ жалобахъ, очевидно имѣвшихъ цѣлью отсрочить рѣшеніе, г. Карташевскій разбиралъ самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, обсуждалъ pro и contra, и тогда уже разрѣшался своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Случалось, что дѣло не стоило выѣденнаго яйца, что доказательства были безспорны, что можно было, безъ дальнихъ словъ и напрасной траты времени, въ три-пять минутъ постановить рѣшеніе; тѣмъ болѣе это относилось къ дѣламъ гражданскимъ, гдѣ не требовалось ни показаній свидѣтелей, ни сознанія отвѣтчика, а все дѣло ограничивалось фактическою стороною, т.-е. предъявленіемъ документовъ. То, на что въ участкѣ потребовалось бы не болѣе двухъ минутъ для окончательнаго результата, давало г. Карташевскому поводъ къ длиннѣйшей диссертаціи, и если таковы были всѣ ученики О. И. Квиста, то я не сожалѣю, что не находился въ числѣ ихъ.

Очень странные существовали порядки въ съѣздѣ, особенно въ первое время: очередей не соблюдалось никакихъ; если кто-либо изъ назначенныхъ мировыхъ судей не пріѣзжалъ въ засѣданіе, то брался первый попавшійся участковый или почетный, нечаянно забредшій въ канцелярію съѣзда. Tres faciunt collegium — это правило соблюдалось очень строго, и дѣйствительно едва-ли когда-нибудь покушался прибыть въ засѣданіе четвертый.

Другіе члены съѣзда, занимавшіе должность предсѣдательствующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ, представляли весьма замѣтную противоположность г. Карташевскому: насколько тотъ былъ формалистъ и, до хрипоты и боли въ желудкѣ, радѣлъ непрестанно о буквѣ закона, настолько другіе обходились съ этою буквой закона совсѣмъ безцеремонно и даже игнорировали ее. Предсѣдательствовавшихъ у насъ было много—и Неклюдовъ, и Веригинъ, и Меншуткинъ, и Котоминъ, и Кузьминъ, и др.

И. А. Веригинъ былъ прекрасный человѣкъ, слу-

жилъ когда-то въ военной службѣ, занималъ гдѣ-то должность мирового судьи въ провинціи и пріѣхалъ въ Петербургъ на томъ только основаніи, что ему надоѣло жить вдали отъ столицы. Черезъ четыре года послѣ его прибытія въ столицу, во время исправленія имъ должности предсѣдателя мирового съѣзда, онъ внезапно умеръ. Онъ былъ не столько хорошій мировой судья, сколько хорошій человѣкъ: дѣлалъ много добра, помогалъ бѣднымъ, но мнилъ о себѣ высоко въ смыслѣ спеціалиста по гражданскимъ дѣламъ. Чисто военной выправки, съ длинными, остроконечными усами, нахмуренными бровями и здоровымъ, бойкимъ голосомъ, онъ производилъ внушительное впечатлѣніе, даже казался отчасти шовинистомъ. Военный человѣкъ, промѣнявшій, такъ сказать, шпагу на перо, или, еще того хуже, на судебную цѣпь, манкируетъ своею карьерою. Этого Веригинъ не понялъ: онъ почти не обладалъ юридическимъ образованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе, что вышелъ изъ пажескаго корпуса, гдѣ уже никакимъ образомъ не подготовляютъ воспитанниковъ къ занятію судебныхъ должностей.

Предсѣдательствовавшій въ съѣздѣ участковый мировой судья Меншуткинъ, въ прямую противоположность г. Карташевскому, не особенно горячо относился къ дѣламъ. Въ нѣсколько минутъ все бывало рѣшено и подписано, и „съ плечъ долой!"... Наиболѣе выдающимся фактомъ его судебно-мировой дѣятельности за то время оказался слѣдующій: какъ-то разъ, въ одномъ изъ распорядительныхъ засѣданій съѣзда, возникъ вопросъ, по всей вѣроятности, отъ нечего дѣлать,—о томъ, что повѣстки тяжущимся сторонамъ посылаются за весьма неразборчивыми подписями участковыхъ мировыхъ судей. Дѣйствительно, такихъ повѣстокъ мировому судьѣ приходилось подписывать ежедневно до 200—300; при этомъ не могло быть и рѣчи объ особенной отчетливости въ почеркѣ. Но результатъ всего этого вышелъ до такой степени смѣшонъ, что я до сихъ поръ, при

воспоминаніи о немъ, не могу удержаться отъ улыбки: я получилъ такой циркуляръ, гласившій, что каждый мировой судья обязанъ тщательно изображать свою фамилію на посылаемыхъ имъ документахъ, преимущественно на протоколахъ, составляемыхъ во время разбирательства дѣла. Тогдашніе мировые судьи не оказывали особенной симпатіи къ каллиграфическимъ упражненіямъ. Когда приходилось въ съѣздѣ читать протоколы, напримѣръ, гг. Тимирязева, Меншуткина, Зиновьева и др., то это упражненіе составляло для предсѣдательствующаго, въ нѣкоторомъ родѣ, пытку. Полученный циркуляръ нисколько не могъ относиться непосредственно ко мнѣ, такъ какъ я обладалъ хорошимъ почеркомъ, который, конечно, испортился отъ ежедневнаго, безустаннаго упражненія. Но этотъ циркуляръ, толковавшій о необходимости удобопонятной подписи, былъ подписанъ „за предсѣдателя" такими каракулями и завитушками, какія ни одинъ изъ наилучшихъ калиграфовъ не могъ бы разобрать. Оказалось, что это была подпись того же предсѣдательствующаго, г. Меншуткина, который самъ первый нарушилъ измышленное имъ же постановленіе.

Г. Котоминъ отличался тѣмъ, что, по какимъ-то неисповѣдимымъ законамъ судьбы, избирался въ мировые судьи значительнымъ большинствомъ голосовъ, за какія заслуги, это, конечно, извѣстно избирателямъ. Онъ даже исполнялъ и должность предсѣдателя съѣзда, причемъ провозглашалъ рѣшенія такъ невнятно, что большая часть публики едва-ли могла ихъ разслышать.

Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о недавно скончавшемся мировомъ судьѣ 13-го участка, А. И. Трофимовѣ. Это былъ чисто русскій человѣкъ, пользовавшійся громадною популярностью даже и въ мое время. Добродушіемъ онъ отличался необычайнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ остроуміемъ, находчивостью и убѣдительностью. Едва-ли кто-нибудь изъ насъ могъ такъ задушевно и такъ просто, при помощи сердечной теплоты и мягкости,

приводить стороны къ миру... А вѣдь въ этомъ и заключается главная обязанность мирового судьи. Онъ говорилъ языкомъ, понятнымъ простому народу, и пуще всего ненавидѣлъ формализмъ. Эта ненависть къ казенщинѣ, иногда служащей во вредъ существу дѣла, нерѣдко заставляла его не соблюдать извѣстныя, закономъ предписанныя, формы; но на такія нарушенія съѣздъ не обращалъ, въ случаѣ жалобъ, особеннаго вниманія, вполнѣ сознавая его почетную, добросовѣстную и безкорыстную дѣятельность.

Въ съѣздѣ находились и отчаянные либералы,—„красные",—и оппортюнисты, и затхлые, проѣденные до мозга костей, консерваторы, или, скорѣе, рутинёры. Всѣ эти партіи, какъ уже выше сказано, не имѣли никакой осмысленной подкладки: пререканія, взаимныя подзадориванія, вспышки самолюбія, доходившія даже до вызововъ на дуэль,—являлись не чѣмъ инымъ, какъ игрою въ бирюльки или въ кегли. У кого рука сильнѣе, тотъ и выигрывалъ; у кого голосъ звончѣе, тотъ и перекрикивалъ другихъ, слѣдовательно, оставался въ выигрышѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что судебные уставы должны быть извѣстны каждому мировому судьѣ, и для насъ это было нѣчто въ родѣ „noblesse oblige". Между тѣмъ, въ дѣйствительности, почти исключительно руководствовались ст. 81 и 129 у. гр. с. и ст. 119 у. у. с., предоставляющими мировому судьѣ возможность рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію. Это были надежные столбы, неоспоримыя основы въ тѣхъ случаяхъ, когда мировой судья просто не зналъ, какую статью закона подвести къ извѣстному факту,—якорь спасенія, за который хватались многіе и который неизмѣнно помогалъ имъ выходить сухими изъ воды.

VII.

Съ большою охотою, съ посильнымъ желаніемъ принести пользу ближнему, я старался внушать къ себѣ

довѣріе лицъ, прибѣгавшихъ къ суду. По неопытности, я надѣялся найти поддержку въ той средѣ, въ которой работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ; полагалъ, что отсутствіе матеріальныхъ и денежныхъ интересовъ, личныхъ, самолюбивыхъ вѣяній и разсчетовъ дастъ мнѣ просторъ вполнѣ проявить ту дѣятельность, къ какой я стремился. Къ сожалѣнію, я ошибся горько и прискорбно...

Изученіе законовъ, даже вызубриваніе наизусть статей, изученіе разныхъ сенатскихъ кассаціонныхъ рѣшеній приноситъ не Богъ вѣсть какую пользу, когда приходится столкнуться съ дѣйствительностью и фактами, съ поражающей бѣдностью, съ убожествомъ не только матеріальнымъ, но и нравственнымъ, какія приходилось мнѣ видѣть въ теченіе трехъ лѣтъ моего судейства. Уже съ самаго начала я убѣдился, что такъ-называемые взгляды и теоретическая подготовка пригодны развѣ тогда, когда въ уютномъ кабинетѣ или за изящно сервированнымъ столомъ можно проводить извѣстнаго рода убѣжденія, которыя, правду сказать, никого не интересуютъ. Когда сама жизнь, страшныя, захватывающія душу явленія, міръ проходимцевъ, нищихъ, бездомныхъ дѣтей, поминутно выносящихъ и голодъ, и зуботычины, когда вся эта меньшая братія чуть ли не кидается въ ноги съ воплемъ о дневномъ пропитаніи или съ мольбою о пощадѣ ради невѣдѣнія,—тогда ссылка на законъ остается мертвою буквою какъ для нихъ, такъ и для мирового судьи. Тутъ нужна помощь безотлагательная... Хозяинъ бьетъ мастерового-ребенка, рабочій отдаетъ хозяину свой паспортъ (съ 14-го мая по 14-е ноября—общепринятый срокъ), домовладѣлецъ прогналъ дворника, не сдѣлавъ съ нимъ разсчета, мальчишка укралъ фунтъ хлѣба, женщина, съ грудными дѣтьми, выгнана изъ квартиры на улицу,—весь этотъ обездоленный людъ проситъ немедленной помощи и защиты... По слуху, знаетъ онъ, что есть недалеко мировой, и идетъ къ нему, и проситъ уважить его просьбу... И вдругъ оказывается, что, напримѣръ, самъ рабочій, взыскивающій

съ хозяина, при производствѣ разсчета, долженъ тому же хозяину по заборной книжкѣ. Очень трудно бывало объяснить такому рабочему, что не хозяинъ долженъ ему, а онъ долженъ хозяину. А хозяинъ слылъ за всѣмъ извѣстнаго плута... Буква закона говорила одно, а сердце говорило другое.

Впрочемъ, эти явленія до того обыкновенны, что не представляютъ ничего выходящаго изъ уровня обыденной жизни. Бѣдность, угнетеніе сильнымъ слабаго, недобросовѣстныя обвиненія въ несуществующихъ проступкахъ,—все это такія вещи, къ которымъ мы уже давно привыкли и которыя искоренить не въ нашей власти. Гораздо хуже, когда приходится имѣть дѣло съ тупоуміемъ, невѣжествомъ и умышленнымъ, упорнымъ отталкиваніемъ отъ себя всего того, что вноситъ въ жизнь свѣтъ и разумъ...

Петербургская сторона была, въ мое время, замѣчательно наклонна къ сутяжничеству: населеніе ея состояло преимущественно изъ отставныхъ чиновниковъ, стародавнихъ вдовъ, дѣвицъ, ищущихъ жениховъ, мужей безъ женъ и т. п., и надъ всѣмъ этимъ наслоеніемъ властвовалъ какой-нибудь кулакъ-лавочникъ, мясникъ или зеленщикъ. Но главными подстрекателями къ всевозможнымъ кляузамъ, ссорамъ, сплетнямъ и дракамъ являлись портерщики и кабатчики, помѣщенія которыхъ служили мѣстомъ сходокъ для такъ-называемыхъ дровокатовъ и ихъ кліентовъ. Эти непатентованныя личности представляли собою отвратительную язву для всего населенія Петербургской стороны, и въ особенности для мирового судьи, камера котораго бывала ими ежедневно переполнена. Тутъ же, на улицѣ, чуть ли не на тумбѣ, писались прошенія, сочинялись дѣла о нарочно придуманныхъ оскорбленіяхъ, стравливались подвыпившія личности, и застольные адвокаты немедленно предлагали имъ свои услуги. Между послѣдними существовали и ходатаи по дѣламъ низшаго разбора, и такіе магнаты, которые нанимали хорошую квартиру и ѣздили на парѣ

лошадей. Прямо противъ входа въ мою камеру, помѣстился нѣкто Курганниковъ, хорошо знакомый съ прежнимъ мировымъ судьею и потому знавшій чуть ли не наизусть все, что творилось у князя Шаховского. Я не счелъ нужнымъ завести, по примѣру моего предшественника, знакомство съ г. Курганниковымъ, и онъ являлся въ мою камеру лишь въ качествѣ повѣреннаго, причемъ брался за дѣла запутанныя, представлявшія извѣстный денежный интересъ. Онъ былъ еще лучшимъ изъ тѣхъ адвокатовъ, которые ставили себѣ главнѣйшею задачею поживиться на счетъ ближняго.

Адвокатская сволочь до такой степени вселила, ради своихъ корыстныхъ цѣлей, рознь и вражду въ жителяхъ Петербургской стороны, что мнѣ приходилось ежедневно разбирать отъ 40 до 50 дѣлъ. Подрались изъ-за курицы двѣ бабы, — адвокатъ уже готовъ и тутъ же строчитъ жалобу мировому; обругалъ лавочникъ чиновницу, все-таки состоящую въ благородномъ чинѣ,—она беретъ повѣреннаго и бѣжитъ къ мировому... Эта страсть къ сутяжничеству была доведена нѣкоторыми выгнанными изъ службы чиновниками, разными канцелярскими служителями, провинціальными секретарями, отставными инженерами, механиками, строителями и архитекторами безъ мѣстъ до замѣчательной степени виртуозности. Сперва я было церемонился съ непрошенными ходатаями, состоявшими, большею частью, подъ судомъ, но тѣмъ не менѣе подававшими мнѣ по 3—4 прошенія въ день по дѣламъ, ими же самими возбужденнымъ. Но съ теченіемъ времени я убѣдился, что эти молодцы служатъ источникомъ зла, деморализирующаго все населеніе участка. На моихъ глазахъ бывали такіе случаи, что повѣренный одной стороны безцеремонно переходилъ на другую сторону за бо̀льшую плату, скрывалъ документы, получивъ исполнительный листъ, взыскивалъ по немъ деньги съ отвѣтчика въ свою пользу и въ безчувственно-пьяномъ видѣ препровождался въ участокъ, откуда, по вытрезвленіи, доставлялся въ мою камеру, вмѣстѣ съ

протоколомъ объ учиненномъ имъ безобразіи на улицѣ. Когда эти защитники общественныхъ интересовъ вздумали являться ко мнѣ въ безусловно пьяномъ видѣ и предавались морфею во время разбирательства дѣлъ ихъ довѣрителей, — я обращался къ помощи моего весьма расторопнаго и бойкаго разсыльнаго, а также и городовыхъ, заходившихъ по дѣламъ службы въ канцелярію, и торжественно выпроваживалъ вонъ нарушителей порядка... Однако, и это средство оказывалось не вполнѣ дѣйствительнымъ: выпровоженный изъ камеры такими энергическими способами, черезъ нѣсколько минутъ снова вторгался обратно, въ еще болѣе пьяномъ видѣ, и производилъ умышленный скандалъ. Тогда я счелъ за лучшее измѣнить палліативный способъ наказанія, прибѣгнувъ къ болѣе острому, а именно тутъ же штрафовалъ провинившагося тремя рублями, въ случаѣ же несостоятельности (а такіе случаи бывали сплошь да рядомъ) препровождалъ его въ полицію, подъ арестъ на однѣ сутки. Конечно, подобная мѣра возымѣла свое дѣйствіе, но не искоренила зла.

Въ особенности одолѣвали меня три личности, имена которыхъ не стоитъ здѣсь приводить, находившіяся подъ судомъ, но, несмотря на это, извлекавшія для себя наивозможную пользу изъ бѣдныхъ людей, имѣвшихъ глупость имъ довѣриться и обираемыхъ навѣрняка. Къ довершенію всѣхъ золъ, въ подвальномъ этажѣ того дома, въ которомъ находилась моя камера, было неожиданно устроено помѣщеніе для освидѣтельствованія участковымъ врачемъ женщинъ изъ домовъ терпимости. Это полицейское распоряженіе привело къ такимъ благимъ результатамъ, что не только на лѣстницѣ, въ корридорѣ, но и на улицѣ собиралась цѣлая толпа любителей прекраснаго пола, которые галдѣли и шумѣли подъ моими окнами все время, пока происходило разбирательство. Такое странное отношеніе полицейской администраціи къ мѣсту, занимаемому судебнымъ учрежденіемъ, по самому существу своему, требующему уваженія отъ всѣхъ,

а тѣмъ болѣе отъ „предержащихъ“ властей, произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Мнѣ не оставалось прибѣгнуть ни къ какому другому средству, какъ только оффиціально обратиться къ тогдашнему градоначальнику Ѳ. Ѳ. Трепову, съ просьбою о закрытіи этого временнаго врачебно-полицейскаго помѣщенія, а также съ ходатайствомъ сообщить мнѣ для представленія прокурорскому надзору тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ полиціи о вышесказанныхъ трехъ личностяхъ.

Генералъ-адъютантъ Треповъ распорядился со свойственною ему быстротою и энергіею: на другой же день квартира была отдана подъ помѣщеніе частнымъ лицамъ; что же касается моего второго заявленія, то онъ увѣдомилъ меня, что означенныя личности уже давно ему извѣстны своею дурною репутаціей, и онъ ожидаетъ только окончанія судебнаго слѣдствія, чтобы выслать ихъ административнымъ порядкомъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя.

Личность мирового судьи, — по крайней мѣрѣ въ томъ участкѣ, въ которомъ я находился, — служила постоянною цѣлью для различныхъ надувательствъ, обмановъ и т. п. Необходимость такого рода дѣйствій въ первое время я рѣшительно не могъ себѣ уяснить. Можетъ быть, князь Шаховской пріучилъ своихъ посѣтителей къ такой фамильярности и состоялъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ интимныхъ отношеніяхъ. Я, съ своей стороны, не находилъ нужнымъ посвящать кого-либо въ мою частную жизнь и заводить знакомства. Я считалъ, что занятія мирового судьи настолько должны быть избавлены отъ всякаго лицепріятія, отъ частныхъ воззрѣній, симпатій и непріязни, что только тогда они и могутъ приносить извѣстную пользу обществу. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи я ошибался, но никогда изъ своей камеры не дѣлалъ мѣста для дарового представленія, въ которомъ на потѣху почтеннѣйшей публики разыгрывались бы разныя комическія сцены, приправленныя дешевымъ остроуміемъ и балаганнымъ паясничествомъ.

Очень трудно было набрать мнѣ людей для состава канцеляріи. Охотниковъ было много; но людей было такъ мало, что мнѣ поневолѣ приходилось иногда самому переписывать рѣшенія въ окончательной формѣ и представленія въ мировой съѣздъ. Встрѣчались или пьяница, или мошенникъ, готовый за двугривенный украсть денежный документъ или расписку изъ дѣла. Мнѣ не было цѣли скупиться на содержаніе канцеляріи. Въ то время мировой судья получалъ обезпеченное содержаніе въ 4.500 р. въ годъ и могъ безъ особеннаго стѣсненія для себя платить хорошее жалованье письмоводителю и его помощникамъ. Но дѣло въ томъ, что никто не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, и какъ только начиналъ пріучаться къ работѣ, тотчасъ же выкидывалъ какую-нибудь штуку, за которую поневолѣ приходилось платиться мѣстомъ. Относительно добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, аккуратности, порядка приходилось желать очень многаго. Конечно, нѣкоторые мировые судьи, какъ, напримѣръ, П. Н. Шамшевъ, имѣли нѣсколькихъ письмоводителей: одного по гражданскимъ дѣламъ, другого по уголовнымъ, третьяго по охранительнымъ и т. д., но не всѣ мировые судьи пользовались возможностью, помимо получаемаго ими жалованья, платить изъ собственнаго кармана чуть ли не цѣлому министерству, составленному изъ различныхъ департаментовъ и отдѣленій.

Не менѣе затрудненій представляли отношенія мирового судьи къ полицейской власти. Хотя ея представители, начиная съ участковыхъ приставовъ и кончая околоточными надзирателями, отличались самою изысканною вѣжливостью и утонченными манерами, но было видно, что они смотрѣли на мирового судью какъ на враждебный элементъ, нѣсколько подрывавшій ихъ престижъ. Положимъ, встрѣчались и такіе мировые судьи (изъ новыхъ), которые, не стѣсняясь, заявляли, что полицейская власть для нихъ все, что передъ нею, т.-е. ея представителями, они нѣмѣютъ, что, какъ бы ни былъ

скверно и безобразно составленъ полицейскій протоколъ, все изложенное въ немъ будетъ принято на вѣру, а всѣ оправданія обвиняемыхъ послужатъ лишь къ усугубленію ихъ вины. И дѣйствительно, нашелся такой мировой судья, который высказывалъ подобнаго рода убѣжденія и въ съѣздѣ, но какъ-то совершенно неожиданно, вѣроятно, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и канулъ въ Лету, вмѣстѣ съ своею полицейскою преданностью.

Впрочемъ, такихъ неудержимо стремительныхъ обожаній полицейской власти совсѣмъ и не требовалось: въ особенно важныхъ случаяхъ, когда полицейская власть выступала въ качествѣ обвинителя, представителемъ ея являлся Л. Я. Рудановскій, личность симпатичная, безпристрастная и знающая свое дѣло. Очень часто случалось, что г. Рудановскій даже отказывался отъ обвиненія въ виду безосновательно составленнаго полицейскаго протокола. Одинъ случай, когда мнѣ пришлось положительно пожалѣть о томъ, что я вмѣшался въ качествѣ мирового судьи въ дѣло, нисколько меня не касавшееся, до сихъ поръ живо хранится въ моей памяти. Какъ-то разъ, послѣ разбирательства дѣла, я возвращался домой, на Васильевскій островъ въ 3-ю линію, въ сопровожденіи одного изъ писцовъ, несшаго кипу дѣлъ. Я снялъ съ себя судейскую цѣпь и положилъ ее въ карманъ пальто, что всегда дѣлалъ по окончаніи засѣданія. Приближаясь къ своему дому, я встрѣтилъ старуху; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она упала на тротуаръ и осталась неподвижной. Я хотѣлъ подать ей помощь, и въ это время увидѣлъ быстро приближавшагося ко мнѣ городового, который прошелъ мимо старухи, не обративъ на нее вниманія. Тогда я позвалъ его и спросилъ, развѣ онъ не знаетъ своей обязанности и въ какихъ случаяхъ долженъ подавать помощь.

— А вамъ какое дѣло? — спросилъ онъ грубымъ тономъ.

— Такое дѣло, какъ и у всякаго другого,—отвѣтилъ

я:—я вижу, что лежитъ женщина безъ чувствъ, она можетъ умереть, если ей сейчасъ же не подадутъ помощь.

— Ну, и подавай ей самъ, какую знаешь,—возразилъ городовой: — мнѣ съ тобой растабаривать нечего; я иду по дѣламъ въ участокъ.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ ты, когда я говорилъ тебѣ вы? — замѣтилъ я:—вѣдь за такой отвѣтъ я могу отправить тебя самого въ участокъ.

— Попробуй, попробуй!—закричалъ онъ, нахально смѣясь.

— И попробую,—отвѣтилъ я, вынимая изъ кармана мировой знакъ.—Я мировой судья 25-го участка.

— Знаемъ мы этихъ мировыхъ судей! Ты, можетъ быть, какой-нибудь самозванецъ, гдѣ-нибудь прикарманилъ цѣпь и фордыбачишься...

Онъ уже хотѣлъ-было ухватить меня за руку; я замѣтилъ, что онъ пьянъ, а старуха все еще лежала на тротуарѣ... Я сказалъ:

— Хорошо, я пойду въ участокъ, но вмѣстѣ съ тобою. А прежде пойдемъ въ мой домъ, № 26, по 3 линіи; я позову дворника, пусть онъ засвидѣтельствуетъ, что я мировой судья, а не самозванецъ и карманникъ.

До моего дома оставалось не болѣе тридцати шаговъ; я, осыпаемый самыми площадными ругательствами городового, дошелъ до дома, вызвалъ дворника и велѣлъ ему идти въ участокъ, вмѣстѣ съ нахаломъ городовымъ, и помощникомъ моего письмоводителя, свидѣтелемъ всей этой отвратительной сцены; причемъ поручилъ послѣднему передать въ собственныя руки участковаго пристава, г-на Бахмутова, письмо, въ которомъ вкратцѣ объяснилъ происшедшій случай и просилъ его немедленно пріѣхать ко мнѣ.

Я былъ разстроенъ, никакъ не ожидая, что мировой судья можетъ быть отведенъ городовымъ въ участокъ, единственно ради желанія спасти человѣка отъ видимой гибели, и къ тому же подвергнуться потоку грязныхъ ругательствъ. Я былъ возмущенъ, раздосадованъ

и не могъ постигнуть, какимъ образомъ при новыхъ порядкахъ, съ преобразованіемъ полицейскихъ участковъ во время градоначальствованія Ѳ. Ѳ. Трепова, могъ явиться подобный зулусъ-городовой, точно недавно прибывшій изъ Африки или съ острововъ Новой Зеландіи.

Однако, въ концѣ концовъ оказалось, что этотъ зулусъ пользовался большимъ вліяніемъ въ околоткѣ и плевалъ съ достоинствомъ на все, что осмѣливалось мѣшать его распоряженіямъ, получавшимъ, неизвѣстно почему, санкцію его непосредственнаго начальника. Дѣло приняло очень странный оборотъ: я заявилъ участковому приставу Бахмутову, что предоставляю въ его полное распоряженіе производство дѣла, заявляю только о самомъ фактѣ и затѣмъ не желаю ни протестовать, ни вмѣшиваться во что-либо, такъ какъ низшіе полицейскіе чины изъяты отъ преслѣдованія прокурорскаго надзора и подлежатъ усмотрѣнію высшихъ полицейскихъ властей. Между тѣмъ, на другой же день я получилъ повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ канцелярію градоначальника для показаній въ качествѣ свидѣтеля, такъ какъ означенный городовой увѣряетъ, что я ударилъ его въ зубы судейскою цѣпью. Конечно, въ канцелярію я не поѣхалъ, не признавая за собой роли свидѣтеля, а скорѣе долженъ былъ бы выступить въ качествѣ обвинителя.

Переписка, требованія чиновника, производившаго дознаніе (?), ежедневный призывъ служащихъ въ моей канцеляріи для объясненій надоѣли мнѣ до такой степени, что я письмомъ къ Ѳ. Ѳ. Трепову убѣдительно просилъ его не безпокоить ни меня, ни моихъ служащихъ ни къ чему не ведущими призывами, что и было имъ исполнено съ обычною его любезностью.

Единственное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого дѣла, было необъятное чувство досады; мнѣ было досадно на все: прежде всего на самого себя, потомъ на ту сферу, въ которую я такъ неудачно ввязался, и, на-

конецъ, на самый исходъ, который при болѣе энергическомъ, т.-е. не халатномъ направленіи могъ бы привести къ совсѣмъ противоположному результату. Впослѣдствіи до меня дошли слухи, что нахалъ-городовой не только остался на своемъ мѣстѣ, но даже получилъ повышеніе; что же касается несчастной старухи, то она, по всей вѣроятности, такъ и умерла на улицѣ.

VIII.

Только-что разсказанный фактъ принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, которые могутъ производить въ извѣстномъ отношеніи парализующее дѣйствіе на дѣятельность мирового судьи, если онъ настолько слабъ, что поддастся его вліянію. Разскажу теперь нѣсколько случаевъ другого характера, происходившихъ во время разбирательства мною тысячи дѣлъ. Конечно, я выбираю изъ нихъ только тѣ, которые имѣютъ болѣе или менѣе характерное, типическое значеніе. Было много дѣлъ, и интересныхъ, и пустыхъ, и грустныхъ, и смѣшныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ до поразительности отражали въ себѣ уровень культуры нашей общественной жизни.

Въ „pendant“ къ вышеописанному случаю приведу другой, окончившійся далеко не такъ безуспѣшно.

Возвращался я какъ-то разъ изъ камеры пѣшкомъ, по Большой Гребецкой улицѣ. Вдали за мной шелъ мой разсыльный съ повѣстками. Грязь на улицѣ была непроходимая, а тротуаръ устроенъ такой узенькій, что двоимъ встрѣтившимся едва можно разойтись. Вижу я издалека, что навстрѣчу мнѣ по тротуару мужикъ гонитъ корову. Еще издали закричалъ я ему:

— Эй, любезный человѣкъ, сгони корову съ тротуара: вѣдь ей не полагается здѣсь ходить.

— Ничего, пройдетъ, баринъ: не сумлѣвайся.

— А я-то куда же пойду ради твоей коровы: въ грязь что-ли?

— Да куда хошь... Сапожки боишься замочить?

— Да вѣдь здѣсь только людямъ полагается ходить, а не скотинѣ.

— А скотина тоже тварь Божія... Проходи, проходи, баринъ; не задерживай...

Я сошелъ въ грязь, уступивъ мѣсто коровѣ, но подозвалъ знакомъ разсыльнаго, въ удивленіи смотрѣвшаго на эту сцену, и сказалъ ему, чтобы онъ тотчасъ же узналъ, гдѣ живетъ этотъ мужиченко, и чтобы повѣстки о вызовѣ его по дѣлу, вчиненному самимъ мировымъ судьею, были принесены мнѣ сегодня къ подписи о вызовѣ его въ камеру на завтрашній день.

Все это было исполнено въ точности. Только-что сѣлъ я за судейскій столъ, какъ вышелъ мой мужиченко и сталъ передо мной на колѣни.

— Встаньте, сказалъ я; вы помните, что вчера было?..

Тутъ я прочелъ составленный мною протоколъ и тѣ причины, по которымъ составилъ обвиненіе такого-то въ допущеніи ходить скоту въ неуказанныхъ мѣстахъ.

— Что скажете вы въ оправданіе? Встаньте, встаньте...

Мужичекъ всталъ, очевидно, ничего не понимая.

— Что-жъ вы скажете?

— Это кто же будетъ?

— Да вы, Андрей Трифоновъ.

Трифоновъ оглядѣлся и ухмыльнулся...

— Что-жъ, батюшка мировой, вѣдь, окромя меня, другого здѣсь никого нѣтъ. А ты все вы, да вы... Одинъ всего какъ перстъ.

— Хорошо. Корову гналъ по тротуару?

— Гналъ, это вѣрно.

— Отчего же не свернулъ въ сторону?

— Да чего-жъ ей: божія тварь.

— Ну, а шла бы дама или ребенокъ? тоже по грязи заставилъ бы ихъ идти?

— Да имъ что же, батюшка? Бабамъ не привыкать стать, а ребятишкамъ такъ всласть.

— А если я тебя оштрафую рублемъ?

Трифоновъ опять повалился въ ноги. Я опять сказалъ, чтобы онъ всталъ.

— Батюшка, смилуйся! Впередъ никогда не буду. И безъ коровушки на проклятый трохтуаръ не пойду, не токмо съ буреной. Смилуйся, голубчикъ!.. Зарокъ такой даю.

Я ограничился выговоромъ.

Входитъ въ камеру изящно одѣтая, молодая, красивая женщина. Подаетъ прошеніе безъ подписи.

— Прошеніе не подписано, замѣтилъ я. Подпишите.

— Не могу-съ.

— Отчего?

— Не грамотна.

Я взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы кто же, собственно говоря?

— Крестьянская дѣвица.

— Ваше имя?

— Фанни.

— А фамилія?

— Фамиліи нѣтъ-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Ничѣмъ-съ.

— Какъ ничѣмъ?.. Чѣмъ же существуете?

— Доходами-съ... Отъ хозяйки.

Изъ билета, выданнаго ей врачебно-полицейскимъ комитетомъ, оказалось, что она не Фанни, а просто Ѳедосья Терентьева.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Никакого-съ.

— Какъ же, никакого? какое-нибудь да есть?

— Русскаго-съ.

— Такого вѣроисповѣданія нѣтъ. Есть православное.

— Не знаю-съ. Можетъ быть...

— Къ исповѣди ходите? у причастія бываете?

— Помилуйте! иначе нельзя-съ!..

Соединеніе возможныхъ крайностей: простодушнаго цинизма, вѣрованія и привычки къ обману и тунеядству.

IX.

Бывали дѣла гораздо посерьезнѣе, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго, возбудившаго многіе толки.

Въ Большой Гребецкой улицѣ находился пріютъ для родильницъ, учрежденный, если не ошибаюсь, въ память великой княгини Елены Павловны, подъ главнымъ наблюденіемъ извѣстнаго акушера М. Х. Горвица. Въ околоткѣ носились слухи, что онъ обращался съ ученицами, посѣщавшими пріютъ, въ высшей степени дерзко, грубо и самовластно. Его обращеніе съ ними вызывало всеобщее негодованіе; нѣсколько разъ уже бывали стычки и подавались жалобы по начальству со стороны „униженныхъ и оскорбленныхъ“, причемъ послѣднія изгонялись изъ заведенія. Какъ-то однажды пришла въ канцелярію молодая дѣвушка, очень скромной и приличной наружности, въ сопровожденіи молодого человѣка, заявившаго, что онъ ея повѣренный и подаетъ жалобу отъ имени своей довѣрительницы на доктора Горвица въ оскорбленіи ея словами. Этотъ процессъ надѣлалъ большого шума не только въ Петербургѣ, но и подальше.

Вопросъ касался весьма существенныхъ принциповъ, уяснявшихъ точныя отношенія между начальниками и подчиненными.

За нѣсколько времени до подачи мнѣ этого прошенія мѣщанкою Ивановой, ученицей сказаннаго родильнаго пріюта, появилась передовая статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу подобнаго же дѣла, возникшаго, сколько помнится, въ какомъ-то училищѣ удѣльнаго вѣдомства, между начальникомъ и преподавателемъ училища. Уѣздный мировой судья рѣшилъ дѣло, признавъ начальника виновнымъ въ оскорбленіи словомъ преподавателя, и приговорилъ его къ штрафу.

Такое рѣшеніе произвело жестокій гвалтъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напустившихся, точно стая бѣшеныхъ собакъ, на все учрежденіе мирового института, укоряя его въ попущеніи подрыва основъ, въ потворствѣ сопротивленія низшихъ высшимъ властямъ и въ одобреніи тѣхъ противозаконныхъ поступковъ, которые не могутъ быть терпимы ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Главнымъ образомъ, органъ г. Каткова упиралъ на то, что дѣла между начальниками и подчиненными должны разбираться подлежащимъ служебнымъ вѣдомствомъ, а не входить въ область мировой юрисдикціи. Здѣсь, конечно, прежде всего являлся вопросъ о тѣхъ границахъ, гдѣ оканчивается власть начальника и гдѣ онъ становится къ подчиненному въ частныя отношенія. „Московскія Вѣдомости“ не хотѣли понять того простого факта, что начальникъ, если захочетъ, то можетъ требовать „знаковъ уваженія“ только тогда, когда онъ находится на службѣ.

Этотъ существенный вопросъ мнѣ приходилось разрѣшить въ данномъ случаѣ, а онъ касался интересовъ сотни лицъ, косвенно принимавшихъ въ немъ участіе и стремившихся сбросить съ себя давившій ихъ гнетъ въ лицѣ г. Горвица.

Обвиненіе заключалось въ слѣдующемъ: докторъ Горвицъ, послѣ произведенной имъ операціи, обратился къ ученицѣ Ивановой съ приказаніемъ подать ему кувшинъ съ водой и полотенце, чтобы вымыть руки. Иванова, безъ сомнѣнія, разозленная его прежнимъ грубымъ обращеніемъ, отвѣтила, что это не ея дѣло, а дѣло сидѣлки, которая обязана подавать умывать руки доктору; тогда Горвицъ заоралъ на нее во все горло, затопалъ ногами и выгналъ вонъ. Отсюда процессъ объ оскорбленіи и общій переполохъ ничего не дѣлающей Петербургской стороны.

Присяжный повѣренный Языковъ, нанятый Горвицемъ нарочно для этого дѣла и, какъ говорятъ, получившій за него болѣе тысячи рублей, употреблялъ всѣ

усилія, чтобы доказать, что оно неподсудно мировому судьѣ, т.-е. предъявилъ отводъ на томъ основаніи, что будто бы разговоръ между Горвицемъ и Ивановой происходилъ во время исполненія послѣднею служебныхъ обязанностей. Не знаю, какимъ образомъ, но день, назначенный мною для разбора этого дѣла, сдѣлался извѣстнымъ весьма многимъ, нисколько не причастнымъ къ процессу. Камера была биткомъ набита: стояли на подоконникахъ, на заднихъ скамейкахъ, въ пріемной, даже въ кухнѣ. Большею частью была учащаяся молодежь обоего пола, жадно, съ лихорадочнымъ трепетомъ, ожидавшая развязки.

Отвода Языкова я не счелъ уважительнымъ и приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу.

Уже за нѣсколько дней до разбора я получалъ анонимныя письма, въ которыхъ прямо высказывалось, что если я не признаю отвода, или не оправдаю Горвица, то навлеку на себя много непріятностей и даже рискую лишиться мѣста. Въ съѣздѣ весьма многіе судьи интересовались исходомъ этого дѣла. Въ числѣ ихъ были и либералы, радовавшіеся, что выдался, наконецъ, такой вопросъ, были и консерваторы, покачивавшіе головами и съ пытливымъ видомъ смотрѣвшіе на меня. И тѣ, и другіе приставали съ вопросами, желая узнать мой взглядъ на это дѣло, но я чистосердечно говорилъ, что заранѣе не могу составить никакого взгляда, пока дѣло не разъяснится на судѣ. Слышалъ я и дурныя предвѣщанія, и тонкіе намеки, и горькія сожалѣнія... Съ весьма любезнымъ видомъ, какъ бы совершенно невзначай, завернулъ ко мнѣ одинъ изъ товарищей прокурора окружнаго суда, мимоходомъ коснулся дѣла Горвица и заявилъ непреложное убѣжденіе, что оно не подсудно мировымъ учрежденіямъ, что оно пойдетъ по начальству и, конечно, я не стану помѣхой противъ принциповъ, которыми издавна руководствуется петербургскій окружный судъ. Съ такой же любезностью я спросилъ его, въ принципахъ ли окружнаго суда „предвосхищать“, такъ

сказать, заранѣе рѣшенія мирового судьи. Онъ отвѣтилъ, что принимаетъ очень большое участіе въ родильномъ пріютѣ, что уже давно знакомъ съ докторомъ Горвицемъ, знаетъ его за отличнаго акушера и прекраснаго человѣка, и что великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ было бы весьма прискорбно, если бы произошелъ скандалъ, который вынудилъ бы Горвица оставить управляемое имъ заведеніе, что онъ, т.-е. товарищъ прокурора, вполнѣ убѣжденъ въ моихъ симпатіяхъ такому полезному учрежденію и что я не захочу возбудить рознь между лицами, находящимися въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ уѣхалъ отъ меня, не узнавъ ничего положительнаго и, какъ кажется, не совсѣмъ довольный.

Во время разбирательства я, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на показаніе свидѣтельницъ, т.-е. ученицъ пріюта, которыя, между прочимъ, единогласно заявили, что г. Горвицъ—весьма знающій свое дѣло акушеръ, но отличается невыносимо грубымъ обращеніемъ, что подобныя сцены происходили не разъ, и только одна лишь боязнь быть исключенными изъ заведенія препятствовала имъ заявлять свой протестъ. Свидѣтельницамъ были предложены два главные вопроса, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло все дѣло: первый—входило ли въ число служебныхъ обязанностей ученицъ подавать доктору рукомойникъ съ тазомъ для умыванія рукъ послѣ производимыхъ операцій? И второй—въ то время, когда произошла сцена, подавшая поводъ къ жалобѣ, находилась ли ученица при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, другими словами, должна ли была она въ данный моментъ безпрекословно исполнять требованія врача, находясь къ нему въ отношеніяхъ подчиненности? На первый вопросъ былъ полученъ отвѣтъ, что въ обязанность ученицъ нисколько не входитъ условіе подавать врачу воды для умыванія, и что на это есть сидѣлки; что же касается другого вопроса, то онъ падалъ самъ собою, такъ какъ г. Горвицъ уже окончилъ свою демонстративную лекцію. Эти два пункта и слу-

жили главными основаніями для пререканій между обвиненіемъ и защитой. Обвиненіе высказывалось очень слабо, робко, нерѣшительно и, не умѣя хорошенько разобрать почвы, приводило такіе доводы, которые легко было разбить. Защита же высказывалась бойко, энергично, съ большимъ знаніемъ дѣла и съ ловкимъ умѣньемъ пользоваться малѣйшими промахами противной стороны. На предложеніе примириться стороны не согласились. Въ теченіе трехъ часовъ, пока длилось все дѣло, заявленія г. Горвица, лично присутствовавшаго въ судѣ, и вопросы его защитника, г. Языкова, возбуждали чуть не постоянное негодованіе публики, и я нѣсколько разъ принужденъ былъ предупреждать, что въ случаѣ повторенія шума или какихъ-либо громкихъ выраженій неудовольствія долженъ буду распорядиться очистить камеру. Однако, дѣло до этого не дошло.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства pro и contra, я пришелъ къ тому убѣжденію, что виновность г. Горвица доказана, и приговорилъ его къ штрафу въ двадцать пять рублей, а въ случаѣ несостоятельности къ аресту при тюрьмѣ на одну недѣлю. Едва лишь произнесъ я послѣднія слова, какъ вся зала внезапно огласилась громомъ рукоплесканій и единодушными криками, выражавшими симпатію къ приговору. Хотя я тотчасъ же объявилъ засѣданіе закрытымъ, снялъ съ себя цѣпь и насилу могъ пробраться въ другую комнату, чтобы не быть предметомъ такихъ шумныхъ изъявленій восторга, но крики продолжались еще долгое время... Когда же г. Горвицъ съ защитникомъ, въ свою очередь, пробирались сквозь толпу къ выходу, то заявленія публики измѣнили свой характеръ и превратились въ ругательства, прямо относившіяся къ личности того и другого, такъ что послѣднимъ пришлось выслушать немалое количество весьма нелестныхъ эпитетовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Горвицъ подалъ апелляцію въ съѣздъ. Я зналъ заранѣе, что вслѣдствіе различныхъ вѣяній, нисколько не имѣвшихъ юридической

подкладки, мой приговоръ будетъ отмѣненъ съѣздомъ, и эта увѣренность еще болѣе усилилась во мнѣ, когда изъ разговоровъ съ нѣкоторыми мировыми судьями я убѣдился, что они далеко не раздѣляютъ моихъ мнѣній и даже считаютъ ихъ „красными“. Въ засѣданіи съѣзда г. Языковъ просилъ судъ, не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, признать уважительнымъ его отводъ, а затѣмъ подвергнуть мирового судью 25-го участка, т.-е. меня, дисциплинарному взысканію, ибо онъ-де явно потворствовалъ нигилизму, допустивъ въ свою камеру личности, произносившія весьма неприличныя ругательства, и не оградивъ ни его, ни его довѣрителя отъ вынесенныхъ ими оскорбленій. Съѣздъ постановилъ: согласно просьбѣ защитника, признать отводъ его уважительнымъ, рѣшеніе мирового судьи отмѣнить со всѣми послѣдствіями и предоставить обвинительницѣ право, буде она пожелаетъ, войти съ жалобой въ подлежащее административное учрежденіе. Цѣлый взрывъ негодованія по поводу моего приговора взлетѣлъ и распространился въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Снова градомъ посыпались на меня упреки въ потрясеніи основъ, неуваженіи къ авторитетамъ и т. п. Впрочемъ, какъ одобреніе, такъ и хула органа г. Каткова были для меня одинаково безразличны.

X.

Я уже говорилъ, что въ мировомъ съѣздѣ существовало нѣсколько партій, руководствовавшихся чисто личными симпатіями и антипатіями. Главными вожаками являлись тѣ лица, которыя, по какимъ бы то ни было причинамъ, съумѣли сдѣлаться центромъ маленькаго отдѣльнаго мірка, имѣвшаго свои интересы и ратовавшаго за нихъ изо всѣхъ силъ. Впрочемъ, ни эти партіи, ни ихъ вожаки, ни вообще оставшіеся на новое трехлѣтіе мировые судьи меня не интересовали: меня болѣе тянуло къ новичкамъ, вновь избраннымъ, въ особенности къ И. В. Рукавишникову, Н. Н. Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ. Почетные мировые судьи пользовались въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда, сравнительно, большимъ значеніемъ и дѣйствовали какъ „власть предержащіе“ люди. Къ тому же, нѣкоторые изъ нихъ обладали замѣчательною звучностью голоса, что̀ никогда не мѣшаетъ. М. М. Ильинъ, М. Н. Митковъ, Г. В. Лермонтовъ не пропускали почти ни одного изъ засѣданій и упражнялись, иногда не безуспѣшно, въ ораторскомъ краснорѣчіи.

Главный недостатокъ тогдашняго состава мирового съѣзда заключался, по моему мнѣнію, въ разнородности его постановленій по совершенно однороднымъ дѣламъ. Это происходило отъ того, что въ каждомъ изъ судебныхъ засѣданій участвовалъ отдѣльный предсѣдательствующій членъ, который и докладывалъ дѣла, конечно, внося въ рѣшеніе ихъ немалую долю своихъ личныхъ воззрѣній.

Н. А. Неклюдовъ предсѣдательствовалъ мастерски и точно такъ же мастерски докладывалъ дѣла, причемъ высказывалъ замѣчательное знаніе и необыкновенную память.

Впрочемъ, и ему, какъ и всякому другому, случалось дѣлать нѣкоторые промахи, которые, можетъ быть, происходили отъ чрезмѣрнаго увлеченія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ промахахъ были точно такъ же, если не болѣе, виноваты тѣ члены съѣзда, которые вмѣстѣ съ нимъ обсуждали извѣстное дѣло. Приведу здѣсь одно изъ нихъ, хотя и не имѣвшее серьезнаго значенія, но возбудившее въ свое время много толковъ и говора и замѣчательное тѣмъ, что съ самаго начала до конца велось совершенно неправильно. Съ тѣмъ большею смѣлостью я высказываю это убѣжденіе, что самъ находился въ числѣ судей, участвовавшихъ въ постановленіи приговора.

Во время одной изъ репетицій на Михайловскомъ театрѣ оперетки „Le petit Faust“ жена извѣстнаго артиста

г. Поля Дево танцовала вальсъ съ m-lle Леокади, второстепенною или даже третьестепенною актрисою того же театра. Во время танцевъ дамы о чемъ-то заспорили между собою, и m-me Дево, вся въ слезахъ, бросилась къ своему мужу, присутствовавшему тутъ же на сценѣ, съ жалобой на m-lle Леокади, обвиняя ее въ томъ, что та сказала ей дерзость. Въ порывѣ гнѣва, г. Дево, въ свою очередь, бросился къ m-lle Леокади и, безъ дальнихъ объясненій, нанесъ ей оскорбленіе дѣйствіемъ, т.-е. просто далъ ей пощечину. Обиженная актриса, избравъ себѣ защитникомъ извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго В. П. Гаевскаго, принесла жалобу мировому судьѣ, приговорившему черезчуръ расходившагося мужа къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ. На этотъ приговоръ г. Дево подалъ жалобу въ мировой съѣздъ.

Въ день разбирательства, въ той залѣ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія, за нѣсколько часовъ до начала дѣла такъ много собралось публики, что необходимо было приспособить другую громадную залу, въ которой обыкновенно происходили собранія членовъ городской думы. Кромѣ того, съѣхалось столько мировыхъ судей, участковыхъ и почетныхъ, что необходимо было и въ этой большой залѣ поставить на эстрадѣ двойной комплектъ креселъ, иначе для многихъ не хватило бы мѣста. Въ съѣздѣ разбирались зачастую дѣла гораздо важнѣе и интереснѣе, а между тѣмъ никогда еще не бывало такого громаднаго стеченія публики и судей: приманкою въ настоящемъ дѣлѣ, очевидно, служила не самая его сущность, а скорѣе та пикантность, которою оно было обставлено. Дѣйствительно, здѣсь можно было увидѣть большую часть петербургскаго бомонда, французскихъ артистовъ и, въ особенности, артистокъ, весьма извѣстныхъ, по многимъ причинамъ, нашимъ столичнымъ жуирамъ. Это было своего рода представленіе, на которое всякому хотѣлось посмотрѣть, не думая о томъ, что, собственно говоря, оно не заключало въ себѣ ни судебнаго, ни практическаго интереса.

Еще до начала засѣданія Н. А. Неклюдовъ, находясь въ совѣщательной комнатѣ и видя, что съ каждой минутой все болѣе и болѣе прибываютъ мировые судьи, которые хотя и не получили повѣстокъ, но, тѣмъ не менѣе, жаждали насладиться всѣми прелестями предстоящаго разбирательства, сдѣлалъ предложеніе, чтобы совѣщательными членами по дѣлу г. Дево считать только тѣхъ судей, на которыхъ падетъ жребій. Сколько помнится, насъ было до сорока человѣкъ; жребій выпалъ на нечетные участки; такимъ образомъ и мнѣ пришлось занять мѣсто дѣйствительнаго члена съ правомъ голоса; прочіе же судьи должны были пребывать въ засѣданіи, только какъ чины судебнаго вѣдомства.

Длинною вереницей, извиваясь между рядами стульевъ и толпою слушателей, предшествуемые впереди предсѣдателемъ, а по сторонамъ множествомъ судебныхъ приставовъ, потянулись мы гуськомъ изъ совѣщательной комнаты въ нашу временную залу суда и, при торжественномъ молчаніи публики, заняли свои мѣста, согласно постигшему насъ жребію и утвержденному экспромптомъ церемоніалу. Въ почтительной, но исполненной неизобразимаго достоинства позѣ стоялъ передъ нами г. Поль Дево, и, глядя на него, я невольно думалъ, какъ мастерски умѣютъ французы облекать и всякое вздорное чувство, и всякое ничего не значащее выраженіе въ самую изысканную, изящную форму. Передо мной стоялъ не обвиняемый, но д'Артаньянъ, герцогъ Ришелье, маркизъ де-Монпансье, которые что-то напроказили и теперь явились передъ трибуналомъ,—devant le tribunal et la cour, constitués de juges compétents et éclairés, — какъ выразился г. Дево. Съ другой стороны стояла невинная, но оскорбленная жертва чрезмѣрно увлекшагося мужа своей соперницы въ танцовальныхъ упражненіяхъ, напутствуемая своимъ защитникомъ. Посрединѣ было отведено мѣсто для патентованнаго переводчика съ французскаго языка, въ виду весьма естественной, хотя и тяжелой для мировыхъ судей обязанности, налагаемой

на нихъ закономъ, притворяться не знающими никакого другого языка, кромѣ русскаго. Тутъ же присутствовали русскій священникъ и католическій патеръ для приведенія свидѣтелей къ присягѣ. Первый исполнилъ свое дѣло очень быстро, не сказавъ ни одного лишняго слова и, очевидно, желая какъ можно поскорѣе убраться съ глазъ такого внушительно-грознаго судилища... Напротивъ, второй предпослалъ священному обряду нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ, въ которыхъ сразу упоминалось и о раѣ, и объ адѣ, и о чистилищѣ, и все это закончилось убѣжденіемъ, что необходимо дать показаніе по истинѣ: „La vérité, la pure vérité, rien que la vérité“... Даже судьи были растроганы и почувствовали себя не совсѣмъ ловко; многія изъ дамъ плакали...

Послѣ предварительныхъ пріемовъ, было приступлено къ разбирательству дѣла по существу. Mademoiselle Léocadie старалась скрыться подъ густою вуалью отъ любопытныхъ взоровъ, которые устремились на нее даже съ судейской трибуны. Дѣло было очень просто—сознаніе обвиняемаго и месть оскорбленной. Переводчикъ вралъ немилосердно, едва-ли не переводилъ такъ: „cette affaire aura la suite“ — „это послѣдствіе будетъ имѣть дѣло“. Черезъ нѣсколько времени, его выраженіе вошло у насъ въ поговорку, и мы нерѣдко говорили: „это послѣдствіе будетъ имѣть дѣло“. Словомъ, переводчикъ оказался неудовлетворительнымъ, и его обязанность, презрѣвъ букву закона, взялъ нашъ предсѣдатель, который устранилъ переводчика съ согласія сторонъ, и затѣмъ весь процессъ продолжался уже на элегантномъ французскомъ языкѣ: по-французски стали говорить и предсѣдатель, и стороны, и защитникъ, и нѣкоторые мировые судьи, съ довольно чистымъ французскимъ акцентомъ, напримѣръ, въ родѣ: eh, bien! oh, là, là!.. Даже, кажется, говорили бы судебные пристава и другія исполнительныя власти, если бы обладали знаніемъ французскаго языка.

M-lle Леокади, голосомъ, въ которомъ слышались

рыданія, заявила, что она не желаетъ согласиться на примиреніе, а проситъ подвергнуть оскорбителя наказанію по всей строгости законовъ. Въ послѣднемъ предоставленномъ ему словѣ г. Дево возвысился до байроновскаго или, скорѣе, шиллеровскаго лиризма: уваженіе къ личности женщины и ея правамъ стояло на первомъ планѣ. Личность женщины неприкосновенна. Кто посягаетъ на нее, тотъ нарушаетъ священныя права человѣчества... Затѣмъ рѣчь оканчивалась въ томъ смыслѣ, что наступаетъ вдругъ минута порыва, увлеченія... И—трахъ!.. Все пошло къ чорту! Священныя чувства, собственно говоря, не попраны, и уваженіе тоже не забыто, но это проклятое „трахъ“ можетъ испортить все дѣло.

„Eh bien, messieurs et mesdames, — приблизительно въ такихъ выраженіяхъ окончилъ свое послѣднее слово г. Поль Дево,—je vous fais juges de ma position atroce: d'un côté, l'honneur du mari offensé dans la personne de sa femme, et de l'autre le respect dû à la faiblesse du sexe le plus charmant, le plus adorable et le plus faible“...

Когда мы вошли въ совѣщательную комнату, многіе изъ насъ увидѣли, что, какъ тутъ ни разсуждай, а все-таки ни къ чему не придешь! Однако, рѣшили объявить постановленіе, которымъ г. Дево приговаривался къ аресту при тюрьмѣ на двѣ недѣли, и когда оно было объявлено ему, то онъ снова почтительно и съ достоинствомъ поклонился и проговорилъ: „Je remercie la cour et messieurs les juges des bontés qu'on a eues envers moi pendant la durée de ce procès“.

Дѣло кончилось, публика разошлась, а мы все еще сидѣли въ нашемъ салонѣ „des Pas Perdus“ и разсуждали, что сенатъ, навѣрное, кассируетъ наше рѣшеніе, такъ какъ поводовъ къ кассаціи представлялось много. Главнѣйшими изъ нихъ были: веденіе самимъ предсѣдателемъ преній на иностранномъ языкѣ, отсутствіе въ приговорѣ мотивовъ къ смягченію наказанія, въ виду того, что мужъ вступился за свою жену,—и выборъ су-

дей по жребію. Н. А. Неклюдовъ, очевидно, и самъ сознавалъ, что этихъ трехъ поводовъ вполнѣ достаточно для отмѣны приговора и перенесенія дѣла въ другой мировой съѣздъ...

Дѣйствительно, правительствующій сенатъ кассировалъ наше рѣшеніе со всѣми его послѣдствіями и повелѣлъ вновь разсмотрѣть дѣло царскосельскому уѣздному мировому съѣзду.

Царскосельскій мировой съѣздъ, исполнивъ требуемыя закономъ формальности, какъ слѣдовало ожидать, призналъ г. Дево виновнымъ, но это признаніе не имѣло непріятныхъ для него послѣдствій, такъ какъ дѣло между сторонами окончилось примиреніемъ, и m-lle Леокади заявила, что считаетъ свою честь удовлетворенною, вслѣдствіе признанія вины оскорбителя.

XI.

Занятіе мировыми дѣлами требуетъ отъ судьи не только знанія, добросовѣстности, нелицепріятія (что должно подразумѣваться само по себѣ существующимъ), но, главнымъ образомъ, хладнокровія въ высшей степени. Этого хладнокровія должно всегда имѣть въ такомъ достаточномъ запасѣ, чтобы его хватило во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ быть нарушено общее равновѣсіе характера. А это нарушеніе происходитъ чуть ли не ежечасно. Необходимо имѣть такое самообладаніе, чтобы не теряться въ случаяхъ, гдѣ дѣйствительно можно растеряться. Помню, какъ одинъ разъ привели ко мнѣ въ камеру изъ тюремнаго замка одного важнаго арестанта, судившагося или даже осужденнаго за тяжкія преступленія. Онъ находился подъ конвоемъ изъ трехъ кавалергардовъ, съ обнаженными палашами. Меня предупреждали заранѣе, чтобы я съ нимъ былъ какъ можно осторожнѣе, что ему ничего не значитъ броситься на человѣка, изуродовать его или даже убить, единственно съ цѣлью начать новое дѣло и такимъ

образомъ отсрочить на нѣкоторое время приведеніе въ исполненіе ожидающаго его наказанія; что подобные люди нарочно сочиняютъ и подаютъ мировому судьѣ самыя безсмысленныя, ни на чемъ не основанныя прошенія, лишь бы только дозволено было, на основаніи доставленной черезъ прокурора повѣстки мирового судьи, проѣхаться по городу въ тюремной повозкѣ и при входѣ въ камеру или при выходѣ изъ нея учинить скандалъ, а въ иныхъ случаяхъ кому-нибудь передать тайнымъ образомъ важную записку или получить отъ сообщника, находящагося на свободѣ, интересныя свѣдѣнія. Высокаго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ блѣднымъ, исхудалымъ, но красивымъ лицомъ, съ черными волосами и бородой, съ дико блуждающими, воспаленными глазами, онъ такъ неистово рванулся къ столу, за которымъ я сидѣлъ, что вся публика разомъ привстала съ своихъ мѣстъ. Когда же я объяснилъ ему, что отвѣтчика въ указанномъ мѣстожительствѣ не нашлось, что повѣстка будетъ передана послѣднему черезъ полицію, если только онъ живетъ въ моемъ участкѣ, причемъ говорилъ совершенно спокойно и употребилъ нѣсколько разъ слово „вы“,—внезапный румянецъ покрылъ блѣдныя щеки арестанта, и взглядъ его принялъ выраженіе признательности.

— Благодарю васъ, г. мировой,—сказалъ онъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ:—сегодня не удалось,—удастся, можетъ быть, въ слѣдующій разъ.

Впрочемъ, подобные „опасные“ случаи встрѣчались очень рѣдко; приходилось испытывать хладнокровіе при болѣе пустыхъ и мелочныхъ обстоятельствахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, могли сильно раздражить нервы: такъ, напримѣръ, приходилось имѣть дѣло съ пьяницами, производившими буйство, съ личностями, желавшими нарочно насолить мировому судьѣ, съ такими пришельцами, которые не имѣли ни крова, ни пищи, были завернуты въ какіе-то лохмотья, вмѣсто всякой одежды, и неотступно требовали теперь же отправить ихъ въ

тюрьму, хотя бы безъ основательнаго повода. Немало испытывали мое терпѣніе разные писаря, отставные чиновники и тому подобный праздношатающійся людъ, которые своею спеціальностью избрали производство скандаловъ въ камерѣ мирового судьи. Это уже были любители искусства ради искусства. Наитруднѣе всего бывало имѣть дѣло съ благородными чиновниками и отставными военными; какъ ни стараешься объяснить имъ суть дѣла, какъ ни говоришь, напримѣръ, что прошелъ срокъ апелляціи, или отзыва на заочное рѣшеніе, что дѣло по жалобѣ противной стороны уже назначено къ разсмотрѣнію въ мировомъ съѣздѣ — ничто не помогало: они стояли на своемъ, твердо убѣжденные въ правотѣ своихъ аргументовъ и въ томъ, что мировой судья обманываетъ ихъ нарочно. Не могу сказать, чтобы полицейскія власти съ особенною энергіею помогали мнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе оказывалось необходимымъ. Конечно, у нихъ были и свои интересы, и свои отношенія къ обывателямъ; нарушать эти отношенія было бы довольно невыгодно.

Вообще, мировой судья постоянно находился, такъ сказать, между двумя огнями: при удовлетвореніи одной стороны немедленно заявлялось неудовольствіе другой. Должность мирового судьи служитъ прекрасною школою для человѣка, желающаго извѣдать какъ свои собственныя силы, такъ и людей вообще. Нигдѣ при другой обстановкѣ не приходится сталкиваться съ такимъ громаднымъ разнообразіемъ всякаго сорта людей, оригинальностью характеровъ; нигдѣ, точно на пробномъ оселкѣ, не изощряется наблюдательность; нигдѣ такъ не закаляются нервы. Но какъ бы крѣпко и удачно ни были закалены эти нервы, и они подчасъ измѣняютъ человѣку. Жизнь мирового судьи, хотя бы и въ теченіе трехъ лѣтъ, не проходитъ даромъ, подобно тому, какъ всякій опытъ даромъ не дается: чѣмъ больше знакомишься съ жизнью, тѣмъ болѣе она даетъ себя знать, и обыкновенно, въ концѣ концовъ, выходишь изъ нея не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ.

XII.

У насъ до сихъ поръ мало развито сознаніе святости присяги; существуетъ цѣлая масса личностей, которыя живутъ исключительно тѣмъ, что готовы присягнуть за или противъ кого угодно. Оттого многія дѣла объ оскорбленіи очень трудно поддавались составленію непогрѣшимаго протокола. Ни ясныхъ доказательствъ, ни очевидныхъ уликъ не существовало; все основывалось исключительно на свидѣтельскихъ показаніяхъ, и здѣсь-то необходимо было весьма тщательно разбирать ложь отъ истины, нерѣдко уличать самозванныхъ свидѣтелей въ неправдѣ и убѣждаться въ томъ, что дѣло имѣетъ характеръ совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ придать ему и стороны, и свидѣтели.

Въ моемъ участкѣ проживалъ какой-то флотскій офицеръ, человѣкъ женатый, имѣвшій троихъ маленькихъ дѣтей и при нихъ няньку, молодую, хорошую дѣвушку, недавно прибывшую изъ деревни. Означенный офицеръ, по всей вѣроятности, пожелалъ произвести ее въ болѣе почетное званіе, на что она, какъ видно, не согласилась. Съ цѣлью ей отомстить, онъ обвинилъ ее въ кражѣ зонтика; кража такого малоцѣннаго предмета тѣмъ не менѣе влечетъ за собою весьма тяжкое наказаніе и, конечно, въ случаѣ признанія виновности отзывается на всей дальнѣйшей будущности человѣка. Эта дѣвушка была настолько глупа, что никакимъ образомъ не могла понять, въ чемъ собственно заключается обвиненіе и какая же можетъ быть здѣсь кража, когда она взяла зонтикъ только для того, чтобы пойти погулять, принесла его домой, поставила въ уголъ, а на другой день его въ домѣ не оказалось. Вопросъ былъ очень простъ: дѣйствительно ли она принесла этотъ зонтикъ домой, возвратясь съ прогулки. Прислуга офицера, ко-

нечно, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ барина, сперва утверждала, что зонтикъ принесенъ не былъ; но когда я призвалъ священника и привелъ прислугу, т.-е. кухарку и горничную, къ присягѣ, то истина вполнѣ обнаружилась, и обвиненіе офицера было признано недобросовѣстнымъ.

Кабатчикъ пришелъ ко мнѣ съ жалобой на то, что извозчикъ, выпившій косушку въ кабакѣ, укралъ у него портмоне съ девятью рублями, и выставилъ четырехъ свидѣтелей, подтверждавшихъ, что они видѣли, какъ этотъ извозчикъ спряталъ его портмоне себѣ въ карманъ. Обвинямый со слезами увѣрялъ, что никакого портмоне не видалъ и не бралъ. Эти свидѣтели были мнѣ уже достаточно знакомы по прежнимъ дѣламъ; за косушку водки они были готовы съ большимъ удовольствіемъ продать самого себя, свою честь и совѣсть. Разведя каждаго въ отдѣльную комнату, я поочередно задавалъ свидѣтелю вопросъ, стоялъ или сидѣлъ обвиняемый въ то время, когда пилъ водку. Этотъ простой вопросъ произвелъ между свидѣтелями такой переполохъ, что одни отказались на него отвѣчать, другіе же отозвались запамятованіемъ. И очень жаль, что иногда отъ разрѣшенія такого простого вопроса зависитъ судьба человѣка.

Въ концѣ 1870 года, вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ мною будетъ подробно разсказано въ другой части моихъ записокъ, я счелъ своевременнымъ приступить къ изданію самостоятельнаго печатнаго органа, который соотвѣтствовалъ бы воззрѣніямъ извѣстной части публики.

Здѣсь не мѣсто распространяться въ этомъ отношеніи ни о моихъ убѣжденіяхъ, ни о дальнѣйшей судьбѣ, постигшей мое предпріятіе. Скажу лишь нѣсколько словъ по поводу тѣхъ перипетій, которыя касались меня, въ качествѣ мирового судьи, и тѣхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, какимъ я подвергся за мое дерзновенное желаніе.

Къ концу 1870 года я уже настолько ознакомился и управился со своими дѣлами въ камерѣ, что могъ пользоваться нѣкоторою, хотя и весьма незначительною долею свободнаго времени. Нисколько не считаю нужнымъ это скрывать, тѣмъ болѣе, что иные изъ мировыхъ судей занимались дѣлами, еще менѣе подходившими къ ихъ оффиціальному положенію.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ мировыхъ судей мѣтилъ прямо въ директоры петербургскаго банка, другой игралъ независимую роль въ кредитномъ и страховомъ обществахъ, третій занялъ видное положеніе въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Почему и мнѣ было бы не кстати заниматься публицистикой?

Въ полной наивности, не искушенный опытомъ, я, въ своей душевной простотѣ, полагалъ, что званіе мирового судьи никакимъ образомъ не можетъ вліять на званіе редактора или издателя газеты. Мало того, что вліять, но ничего общаго не находится между тѣмъ и другимъ. Однако, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то.

Задумавъ издавать ежедневную большую газету подъ названіемъ „Знамя“ и обладая для того, по крайней мѣрѣ, на первое время достаточными средствами, я обратился за разрѣшеніемъ въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Начальникомъ его былъ генералъ-лейтенантъ М. Р. Шидловскій, человѣкъ въ своемъ родѣ феноменальный: онъ требовалъ, чтобы все передъ нимъ дрожало и падало ницъ,—осколокъ прежняго тяжелаго времени, осколокъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій въ числѣ оставшихся развалинъ. Впрочемъ, онъ былъ еще человѣкъ не старый, здоровый, коренастый, средняго роста, съ легкой сѣдиной и съ круто нафабренными усами [1]).

Первая моя встрѣча съ нимъ оказалась для меня далеко неблагопріятной: онъ прямо заявилъ, что не по-

[1]) М. Р. Шидловскій умеръ, если не ошибаюсь, въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1878 году, во время всемірной выставки въ Парижѣ, докторъ Шарко пользовалъ его отъ умственнаго разстройства.

терпитъ такой газеты, которая будетъ выходить подъ заглавіемъ „Знамя“.

— Какое „Знамя“, что значитъ „Знамя“? Чему оно служитъ эмблемой?.. — кричалъ во все горло генералъ, отчасти топая ногами.

— У насъ есть „Голосъ“,—отвѣтилъ я:—какой это „Голосъ“ и чему онъ служитъ эмблемой, объ этомъ надобно спросить г. Краевскаго. Но „Голосъ“ выходитъ, а мое „Знамя“ вы запрещаете.

— У насъ есть только одно знамя: знамя государственное, съ государственнымъ орломъ...

— У насъ есть и другія знамена, кромѣ государственнаго, возразилъ я: — напримѣръ, торговаго флота, краснаго креста и т. п. Но дѣло не въ названіи; я уже представилъ вамъ мою программу...

— Нѣтъ-съ, названіе великое дѣло, и я не потерплю ни малѣйшаго нарушенія формы. Въ жизни и, главное, на службѣ форма все. Вотъ посмотрите, продолжалъ онъ, вставая съ кресла и приглашая меня пройтись съ нимъ по длинной анфиладѣ комнатъ, наполненныхъ чиновниками:—у меня здѣсь все въ струнку; посмотрите, какая у меня дисциплина, кричалъ онъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ...

Дѣйствительно, дисциплина была образцовая: при появленіи генерала служащіе вставали и отвѣшивали поклоны, а онъ отдавалъ имъ честь легкимъ наклоненіемъ головы.

Изданіе новой газеты было мнѣ запрещено безапелляціонно. Для того, чтобы исполнить мое завѣтное желаніе, я долженъ былъ пріобрѣсти такое изданіе, которое уже было разрѣшено прежде къ выходу въ свѣтъ. Мой выборъ остановился на газетѣ г. Киркора, „Новое Время“, которую я и пріобрѣлъ отъ конкурса, учрежденнаго по его дѣламъ. Газету я пріобрѣлъ, но существенный вопросъ состоялъ въ томъ, кому быть ея редакторомъ. На мое прошеніе о назначеніи редакторомъ меня главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило, что

оно не находитъ возможнымъ утвердить меня въ этомъ званіи, основываясь на томъ, что, какъ видно изъ прилагаемаго въ копіи отзыва министерства юстиціи, послѣднее считаетъ неудобнымъ, чтобы мировой судья былъ въ то же время редакторомъ газеты.

Я никакъ не могъ понять такого страннаго умозаключенія и для разъясненія дѣла отправился въ канцелярію министерства юстиціи. Тогдашній министръ графъ Паленъ находился въ отсутствіи, товарищъ его Эссенъ также воспользовался своимъ отпускомъ. Я обратился къ Н. Н. Герарду съ просьбою о совѣтѣ и помощи; онъ, сколько помнится, поступилъ изъ мирового института во второе отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Н. Н. Герардъ направилъ меня къ Г. К. Рѣпинскому, занимавшему временно постъ товарища министра. Г. Рѣпинскій, котораго я уже и прежде видалъ въ литературномъ фондѣ, отнесся ко мнѣ не особенно благосклонно и на мои вопросы сухо отвѣтилъ, что министерство юстиціи не можетъ допустить въ лицѣ мирового судьи соединеніе такихъ разнородныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, министерство юстиціи не имѣетъ права вмѣшиваться въ частныя дѣла кого бы то ни было, что оно не можетъ запретить мнѣ, напримѣръ, купить какое-нибудь имѣніе и завѣдывать имъ, точно также я могу управлять домомъ, фабрикой, имѣть свою контору или магазинъ и въ то же время добросовѣстно исполнять обязанности мирового судьи. Министерство могло бы находить мои дѣйствія предосудительными только въ такомъ случаѣ, если бы отъ нихъ страдали мои служебныя обязанности, да и тогда такого рода проступокъ не могъ бы подлежать непосредственно вѣдѣнію министерства, а долженъ бы быть преслѣдуемъ по усмотрѣнію мирового съѣзда, распоряженію котораго я и обязанъ подчиняться въ качествѣ мирового судьи.

Должно быть, г. Рѣпинскій не вполнѣ уяснилъ себѣ степень подчиненности, которую мировые судьи

несутъ по отношенію къ министерству. Безъ дальнихъ словъ, онъ отказалъ въ моей просьбѣ, не представивъ никакихъ уважительныхъ доводовъ. Въ концѣ концовъ, я объявилъ, что свое намѣреніе я ни въ какомъ случаѣ не оставлю, что скорѣе выйду изъ мировыхъ судей, но буду издавать газету.

Дальнѣйшія подробности дѣла по изданію газеты уже не относятся къ моей дѣятельности, какъ мирового судьи, а составляютъ существенную и главнѣйшую часть моихъ литературныхъ воспоминаній.

Ѳ. Устряловъ.

Мировой судья А. И. Трофимовъ [1]).

Камера петербургскаго мирового судьи 13-го участка, въ періодъ съ 1868 по 1884 годъ, въ дни засѣданій всегда была переполнена публикой, большинство которой являлось не по сутяжническимъ дѣламъ, а для того только, чтобы послушать судью—Александра Ивановича Трофимова, неистощимаго остряка и каламбуриста.

Къ Трофимову шли, какъ на веселое театральное представленіе, и было немало такихъ усердныхъ поклонниковъ его остроумія, которые не пропускали буквально ни одного засѣданія. Къ числу почитателей его принадлежалъ и покойный поэтъ-юмористъ Д. Д. Минаевъ, тоже прославленный острякъ, питавшій къ судьѣ Трофимову большое пріятельское расположеніе, однако не мѣшавшее ему писать на Александра Ивановича язвительныя эпиграммы, порицая его именно за то судейское балагурство, которое онъ въ немъ любилъ. Минаевъ въ обществѣ охотно разсказывалъ про Трофимова анекдоты и съ удовольствіемъ припоминалъ его всегда остроумныя рѣшенія.

При частыхъ встрѣчахъ своихъ оба остряка острили взапуски, причемъ Минаевъ по обыкновенію стихами, а Трофимовъ каламбурами.

[1]) А. И. Трофимовъ состоялъ мировымъ судьею съ 1868 по 1884 г. Воспоминанія о немъ были напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1909 г., сентябрь.

Трофимова Минаевъ характеризовалъ такъ:

О, ты, чей юморъ такъ и брыжжетъ съ языка,
Который даже хмурыхъ нелюдимовъ
Отъ смѣха заставлялъ хвататься за бока, —
Судья почтенный нашъ, Трофимовъ!..
Призваніе свое уже давно пора
Тебѣ понять и быть намъ всѣмъ примѣромъ:
Черезъ посредство кисти и пера
Ты-бъ въ „Стрекозѣ“ могъ сдѣлаться Вольтеромъ,
Явиться Свифтомъ „Маляра“ [1]).

Популярность Трофимова въ Петербургѣ была громадна. Бѣдные и обездоленные находили въ немъ искренняго защитника, а вообще всѣ—честнаго и справедливаго судью, который при разбирательствѣ тяжбъ руководствовался прежде всего „внутреннимъ убѣжденіемъ“, и уже потомъ статьями уложеній, т.-е. придерживался той главной идеи, на которой было обосновано учрежденіе мирового института. Его называли „сердцевѣдцемъ“ за то, что онъ умѣлъ безошибочно отличать врожденнаго преступника, дѣйствующаго подъ вліяніемъ злой воли, отъ преступника случайнаго, являющагося жертвой гнетущихъ обстоятельствъ или легкомыслія.

Къ простому темному народу его снисходительность была безгранична. Онъ терпѣливо выслушивалъ всякаго, охотно давалъ совѣты, и я не запомню случая, чтобы Трофимовъ кого-нибудь раздраженно оборвалъ или перебилъ. Обиженные шли къ нему съ вѣрою и упованіемъ, очень часто съ простымъ, нехитрымъ пересказомъ своихъ претензій и безъ всякихъ другихъ доказательствъ. Охотно принимая словесныя жалобы, Александръ Ивановичъ былъ доволенъ, что истцы эти не обращались къ подпольнымъ адвокатамъ, которыхъ онъ терпѣть не могъ и всячески устранялъ отъ веденія ими дѣлъ въ своей камерѣ. На пріемъ словесныхъ жалобъ у него уходило много времени, и однажды какой-то присяжный повѣренный ему замѣтилъ въ камерѣ:

[1]) „Стрекоза“ и „Маляръ“—юмористическіе журналы 1870-хъ гг.

— Г. мировой судья, я вызванъ вашею повѣсткою къ часу, а теперь уже три...

Трофимовъ поднялъ на него глаза и спокойно отвѣтилъ:

— Г. адвокатъ, а я здѣсь съ десяти часовъ и точно такъ же дорожу временемъ, какъ и вы, но вотъ его время, — и онъ ткнулъ пальцемъ въ сторону стоявшаго передъ нимъ рабочаго,—много дороже нашего.

Въ другой разъ точно такъ же выразилъ нетерпѣніе какой-то полковникъ.

— Г. судья, вы обязаны были разобрать мое дѣло въ 12 часовъ, а теперь уже скоро два...

Трофимовъ быстро его осадилъ:

— Не мѣшаетъ вамъ знать, полковникъ, что въ 12 часовъ только крѣпостная пушка обязана выпалить.

Сердобольно относясь къ неимущимъ, очень нерѣдко самъ судья вносилъ за бѣдняковъ судебныя пошлины и даже субсидировалъ ихъ небольшими суммами денегъ. Но особенно отзывчиво и гуманно относился Трофимовъ къ рабочему люду. Ужъ если, бывало, рабочіе взыскиваютъ съ подрядчика или хозяина заработанныя деньги, такъ разборъ дѣла назначался въ слѣдующее же засѣданіе, и никакой искусный адвокатъ не смогъ бы помочь своему довѣрителю уклониться отъ немедленнаго разсчета.

Обладая несомнѣнною проницательностью, Трофимовъ при рѣшеніи дѣлъ иногда явно игнорировалъ свидѣтельскія показанія и ловко скомпонованныя улики. Разбирая по существу, онъ психологически нащупывалъ причину причинъ и часто поражалъ тяжущихся своими резолюціями, исходившими изъ „внутренняго убѣжденія“.

Напримѣръ, хозяйка-портниха обвиняетъ свою молоденькую мастерицу въ кражѣ. Она представила цѣлый рядъ свидѣтелей, которые, конечно, показывали не въ пользу обвиняемой. Но, выслушавъ ихъ всѣхъ внимательно, Трофимовъ глядитъ въ открытое лицо дѣвушки и говоритъ:

— Нѣтъ! Вы не способны украсть!

И оправдываетъ.

Въ его практикѣ было много такихъ „психологическихъ“ рѣшеній. И замѣчательно, что его приговоры почти никогда не отмѣнялись съѣздомъ, куда обыкновенно переносились недовольной стороной.

Несомнѣнно, что эта судейская чуткость была главной его заслугой передъ правосудіемъ, между тѣмъ свою популярность онъ стяжалъ исключительно однимъ острословіемъ. Его камера постоянно оглашалась такимъ единодушнымъ взрывомъ хохота, что сами судившіеся, при всей своей сдержанности, вызываемой серьезностью положенія при судоговореніи, также разражались смѣхомъ. И только самъ виновникъ этого неумѣстнаго веселья, какъ и подобаетъ прирожденному остряку, сохранялъ свое лицо неподвижнымъ. Онъ умышленно выдерживалъ паузы, давалъ публикѣ отсмѣяться и вновь продолжалъ разборъ дѣла до новаго крылатаго словечка. Многія изъ его остротъ сдѣлались ходячими анекдотами и облетѣли всю Россію. Напримѣръ, анекдотъ о хвостѣ.

Судится какая-то кухарка, якобы укравшая у своей хозяйки скунсовое боа. Поддерживающій обвиненіе частный ходатай, повѣренный потерпѣвшей, все время боа называетъ упрощенно „хвостомъ“. Свидѣтели другъ другу противорѣчатъ и сбиваются. И когда допросъ ихъ окончился, Трофимовъ обращается къ ходатаю съ вопросомъ:

— Ну-съ, что вы теперь, господинъ, *про хвостъ* скажете?

Ясно, что кухарка была оправдана.

Другой случай тоже имѣлъ очень большой успѣхъ у публики. Разбираетъ Трофимовъ дѣло по обвиненію кучера Ежова въ неосторожной ѣздѣ.

— Ну, что, Ежовъ, виноваты?—спрашиваетъ судья.

Ежовъ, чтобы придать своей особѣ нѣкоторый вѣсъ, громогласно заявляетъ:

— Г. судья, я кучеръ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера.

Александръ Ивановичъ привстаетъ съ мѣста и откланивается.

— Очень польщенъ! А я — мировой судья 13-го участка.

Взрывъ хохота огласилъ камеру, и внушительная вначалѣ фигура кучера какъ-то сразу утратила свою представительность.

Приговоры и рѣшенія Трофимова отличались безподобною оригинальностью.

Судитъ онъ содержателя съѣстной лавки за недозволенную продажу крѣпкихъ напитковъ. Оправдываясь, обвиняемый увѣряетъ судью, что водкой онъ никогда не торговалъ, а изрѣдка, въ праздникъ, угощаетъ ею постоянныхъ посѣтителей, какъ хорошихъ своихъ знакомыхъ. Свидѣтели, конечно, даютъ показанія въ пользу торговца, снабжавшаго ихъ водкой въ то время, когда питейныя заведенія по случаю праздниковъ бываютъ закрыты.

— Какъ же онъ угощалъ васъ?—допытывается судья у перваго свидѣтеля: — цѣлую бутылку отдалъ во владѣніе или угощалъ рюмками?

Смѣтливый свидѣтель отвѣчалъ:

— Однимъ словомъ, задарма. Пришли къ нему обѣдать, да и говоримъ: „потому, какъ ты отъ насъ наживаешь, то поэтому ставь угощеніе“. Онъ и поставилъ.

— А велика была бутылка?

— Обыкновенно—штофъ.

— И что же? Поди обрадовались, да весь штофъ и выпили?

— Зачѣмъ весь? Кто сколько могъ: кто шкаликъ, кто—два... Поди съ половину осталось...

— А твердо помнишь, что осталось?

— Какъ же не помнить? Конечно...

Спрашиваетъ Трофимовъ другого свидѣтеля:

— Когда лавочникъ угощалъ вашу артель водкой, въ штофѣ что-нибудь оставалось?

— Оставалось.

Подтвердили это и остальные свидѣтели.

Черезъ нѣсколько минутъ Трофимовъ уже читаетъ приговоръ:

„... изъ свидѣтельскихъ показаній ясно устанавливается фактъ, что содержатель съѣстной лавки N., несомнѣнно, занимался недозволенной продажей крѣпкихъ напитковъ. Что онъ водку продавалъ, а не угощалъ ею, видно изъ того, что бутылка не была опорожнена до дна. Принимая во вниманіе, что русскій человѣкъ, когда его угощаютъ водкой, выпиваетъ ее до послѣдней капли, — приговариваю мѣщанина N. къ штрафу, въ размѣрѣ...“ и т. д.

А то какой-то Прохоровъ обвиняетъ мѣщанку Боброву въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ.

— Какъ было дѣло? — спрашиваетъ потерпѣвшаго судья.

Прохоровъ началъ повѣствовать:

— Иду это я мимо ея дома и думаю: а не зайти ли по старому знакомству? Взялъ, да и зашелъ. Гляжу: голова у ней повязана платкомъ.

— Мигрень у меня была, — вставляетъ замѣчаніе обвиняемая.

— Освѣдомляюсь насчетъ здоровья, — продолжаетъ Прохоровъ, — и даю ей добрый совѣтъ: вы бы, говорю, уксусомъ намочили бы полотенце и забинтовали бы голову. А она вдругъ какъ размахнется,—да и бацъ меня по уху!

— За что же?—удивляется Трофимовъ.

— Должно быть, за совѣтъ.

— Впередъ, значить, будьте умнѣе! Она вѣдь не просила вашего совѣта?

— Не просила, но я по добротѣ душевной далъ ей вѣрное средство.

— Г. судья, — говоритъ въ свое оправданіе Боброва: — когда у меня разыгрывается мигрень, такъ я очень нервной становлюсь.

Трофимовъ спрашиваетъ ее:

— Вы хорошо знаете Прохорова?

— Раза два съ нимъ встрѣчалась...

— А въ гости къ себѣ его приглашали?

— И не думала!

Судья замѣчаетъ обвинителю:

— Являясь безъ приглашенія въ чужую квартиру, вы не могли разсчитывать на радушное гостепріимство...

— Но вѣдь нельзя же ни съ того, ни съ сего и драться, какъ это дѣлаетъ Боброва?

— Прежде всего не слѣдуетъ итти туда, куда не приглашаютъ.

Вызывается свидѣтельница—жилица Бобровой.

— Что знаете по этому дѣлу?

— Приходитъ къ намъ Прохоровъ. У Бобровой голова болитъ, и ей не до него. А онъ сперва велѣлъ ей уксусомъ темя мочить, а опосля назвалъ ее притворщицей. Боброва разсвирѣпѣла и крикнула: „Пошелъ вонъ, дуракъ, а не то я тебя ударю!“ Прохоровъ уткнулъ руки въ боки и отвѣчаетъ: „Попробуй-ка!“ Она опять: „Уходи честью, а не то приколочу!“ А онъ опять: „Тронь-тронь, попробуй!“

— Ага! — перебиваетъ судья свидѣтельницу. — Значитъ, онъ самъ напрашивался на то, чтобъ его ударили?

— Самъ, самъ!

Трофимовъ рѣшаетъ дѣло:

„... Боброву считать по суду оправданной, потому что Прохоровъ побитъ ею по его настоянію. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что онъ заявилъ категорическое желаніе „попробовать“ кулаковъ Бобровой...“

Купеческая вдова Иванова привлекла къ отвѣтственности настройщика Шульца за скандалъ, учиненный имъ въ ея квартирѣ. Шульцъ былъ приглашенъ Ивановой настроить рояль. Во время настройки онъ началъ увѣрять владѣлицу инструмента, что нѣкоторыя клавиши

необходимо замѣнить новыми. Иванова не соглашалась. Тогда Шульцъ разсвирѣпѣлъ и началъ на нее кричать, упрекая ее въ скупости и въ непониманіи музыки.

— Это не ваше дѣло!—замѣтила ему купчиха.

— Нѣтъ, мое! Я артистъ въ душѣ и когда вижу свинское отношеніе къ музыкальному инструменту—это меня возмущаетъ!.. Вы въ музыкѣ понимаете столько же, сколько свинья въ апельсинахъ...

Неистоваго настройщика пришлось удалить изъ квартиры съ помощью дворниковъ.

При разбирательствѣ дѣла Трофимовъ внушительно замѣчаетъ Шульцу:

— Вотъ, видите, какъ нехорошо скандалить въ чужой квартирѣ,—вамъ теперь придется отбывать наказаніе подъ арестомъ.

— Но я артистъ въ душѣ!

— А теперь вы будете артистомъ въ кутузкѣ!

— Но, помилуйте, г. судья,—за что?

— За то, что вы занимаетесь не своимъ дѣломъ.

— Т.-е. какъ это?

— Васъ приглашаютъ *настроить* рояль, а вы приходите и *разстраиваете* нервы хозяевамъ.

Аналогичное дѣло разбиралось Трофимовымъ по жалобѣ какого-то мозольнаго оператора, предъявившаго искъ къ сапожнику въ 15 рублей за убытки.

Мозольный операторъ заказалъ сапожнику сапоги, которые оказались до того узкими, что операторъ натеръ себѣ ногу и вслѣдствіе этого два дня не могъ выходить изъ дому, почему и просилъ взыскать съ сапожника причиненный имъ убытокъ въ размѣрѣ 15 рублей. Сапожникъ же, въ свою очередь, подалъ встрѣчный искъ, требуя съ мозольнаго оператора десять рублей за сапоги.

При разборѣ дѣла оказалось, что когда сапожникъ пришелъ къ заказчику за деньгами, мозольный операторъ, сердясь и бранясь, выбросилъ ему сапоги за дверь и выгналъ его вонъ. Сапоги были изрѣзаны и такимъ образомъ приведены въ негодный видъ.

Выслушавъ тяжущихся, Трофимовъ сказалъ:

— Я вижу, господа, что вы оба взялись не за свое дѣло: вы сапожникъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать сапоги, дѣлаете вашимъ заказчикамъ мозоли; а вы мозольный операторъ, и вмѣсто того, чтобы рѣзать мозоли, рѣжете сапоги, за которые къ тому же еще не уплатили денегъ.

И затѣмъ постановилъ: взыскать съ мозольнаго оператора десять рублей въ пользу сапожника.

Въ Туляковскихъ баняхъ на Ямской улицѣ, въ мужскомъ 20-копеечномъ отдѣленіи случился скандалъ, потребовавшій вмѣшательства полиціи и составленія протокола. Поссорились два посѣтителя изъ-за ванны. Одинъ, мывшійся самъ, взялъ металлическую пробку ванны себѣ, чтобы обезпечить первую очередь пользованія ванной,—другой, котораго мылъ банщикъ, воспротивился этому захвату и предъявилъ свои права на первую очередь, во-первыхъ, какъ болѣе доходный для бань посѣтитель, и, во-вторыхъ, какъ уже окончившій свое омовеніе. Первый не уступалъ, началась перебранка, и финалъ ея закончился камерой мирового судьи. Первый оказался мастеровымъ-басонщикомъ, второй—статскимъ совѣтникомъ, представшимъ передъ судьей съ орденскими значками въ петлицѣ.

Послѣдній очень претендовалъ на басонщика за то, что тотъ велъ себя въ банѣ вызывающе и все время съ нимъ переругивался.

— Но вѣдь бранились и вы?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Да, но между нами большая разница: я—чиновникъ, кавалеръ орденовъ...

— А откуда онъ могъ это знать? Вѣдь мылись-то вы, поди, безъ орденовъ... Баня у насъ въ отечествѣ—единственное мѣсто, гдѣ равноправность пользуется всѣми правами гражданства, и только поэтому я не налагаю на васъ большаго штрафа, какъ на интеллигента, за нарушеніе тишины и спокойствія въ общественномъ

мѣстѣ, а штрафую того и другого, именно принимая во вниманіе банную равноправность, на одинаковую сумму, по пяти рублей каждаго.

Мѣщанка Никитина привлекла къ отвѣтственности зятя своего, цехового обойщика Иванова, за нанесеніе ей побоевъ.

— Ивановъ, признаете ли себя виновнымъ?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Такъ точно, г. судья, тещу свою я отколошматилъ, но на то были серьезныя причины.

— Какія же?

— Да видите ли... Я уже въ третій разъ женатъ, и такое у меня несчастье, что обѣ первыя жены умерли, а матери ихъ остались на моемъ попеченіи... Никитина у меня третья теща, и такой у нея характеръ, что она меня цѣлый день поѣдомъ ѣстъ за то, что я тѣмъ тещамъ помогаю... А на прошлой недѣлѣ я былъ именинникъ, и всѣ тещи собрались у меня съ поздравленіемъ. Никитина, не въ осужденіе будь сказано, маленько подвыпила и стала тѣхъ тещъ стращать, что она имъ ноги повыдергаетъ, ежели онѣ будутъ ко мнѣ приходить. Я ее просилъ не безпокоить моихъ сродственницъ. Она на это мое заступничество обидѣлась, да какъ хватитъ со стола полную миску съ горячимъ борщомъ и ну поливать имъ меня да тещъ. Я по своей вспыльчивости схватилъ ее за косу и, конечное дѣло, угомонилъ.

Трофимовъ—къ Никитиной:

— Такъ было дѣло?

— Такъ-то оно такъ, — отвѣчаетъ Никитина: — но только виданное ли это дѣло, чтобъ за хлѣбъ-соль бить смертнымъ боемъ...

— Какъ за хлѣбъ-соль? Развѣ вы содержите Иванова, а нѣ онъ васъ?

— Я не про то-съ... Я говорю, что ежели я и позволила себѣ, такъ не чѣмъ инымъ, какъ хлѣбомъ да солью, т.-е. значитъ борщомъ, а вѣдь онъ меня голыми кулаками...

— Изъ-за нея, г. судья,—вставляетъ Ивановъ,—именины прошли безъ обѣда... Покорнѣйше прошу меня оправдать, чтобы не ея верхъ былъ, а то мнѣ потомъ жизни не будетъ. Ужъ и безъ того меня тещи намучили...

— Я васъ понимаю, — сказалъ Александръ Ивановичъ и прочелъ приговоръ: „...принимая во вниманіе, что человѣкъ, имѣющій трехъ тещъ, едва-ли можетъ обладать сдержанностью, въ особенности, когда одна изъ нихъ поливаетъ его горячимъ борщомъ, изготовленнымъ для иной цѣли,—жалобу Никитиной оставить безъ послѣдствій, а Иванова считать по суду оправданнымъ“.

Богатый домовладѣлецъ съ Николаевской улицы взыскивалъ съ своего бѣднаго жильца 32 рубля. Управляющій домовладѣльца явился на судъ его повѣреннымъ.

Пересмотрѣвъ дѣло, Трофимовъ спрашиваетъ управляющаго:

— Какъ же вы взыскиваете 32 рубля, когда по квартирной книжкѣ вамъ слѣдуетъ всего только 24 рубля?

— Помилуйте, а дровъ-то сколько они сожгли?

— Что̀ вы говорите?—переспросилъ судья.

— Я говорю: а дровъ-то сколько они сожгли,—повторилъ истецъ.

— Какихъ *одровъ* они сожгли? — пожалъ плечами Александръ Ивановичъ. — Привыкли вы со своимъ хозяиномъ съ жильцовъ шкуры сдирать, какъ съ одровъ, и мерещатся вамъ вездѣ одры.

И постановилъ взыскать съ жильца только 24 рубля.

Какой-то „ходатай“, явившійся защитникомъ буйнаго купца, привлеченнаго къ отвѣтственности за драку въ публичномъ мѣстѣ, все время отзывается о своемъ кліентѣ почтительно въ третьемъ лицѣ „они-съ“.

Трофимовъ перебиваетъ его замѣчаніемъ:

— Да что вы мнѣ все про *анисъ* да *анисъ* толкуете! Тутъ, батенька, не анисомъ пахнетъ, а кутузкой!

Судится интеллигентъ за драку.

Трофимовъ его спрашиваетъ:

— За что̀ вы ударили г. N?

— За то, что онъ обижалъ моего друга, за котораго я считалъ необходимымъ *постоять*.

— Это похвально! — одобрилъ Александръ Ивановичъ: — но за этого же друга теперь вамъ придется и *посидѣть*.

Осанистый графскій кучеръ привлеченъ за неосторожную ѣзду.

— Кучеръ Смирновъ, — говоритъ судья: — вы обвиняетесь въ томъ, что въ Стремянной улицѣ раздавили женщину.

— Не я, г. судья, — развязно заявляетъ кучеръ: — а барскія лошади.

Обвинитель на это замѣчаетъ:

— Но почему же вы не кричали?

Трофимовъ, улыбаясь, иронизируетъ:

— Чего же ему было кричать-то? Вѣдь лошади раздавили не его.

Судя какого-то часовыхъ дѣлъ мастера, Трофимовъ замѣчаетъ:

— Вмѣсто того, чтобы просить о снисхожденіи, вы бы лучше не ввязывались въ уличный дебошъ. Ваше дѣло *заводить* часы, а вы *заводите* скандалы, и за это вамъ придется сидѣть. Между тѣмъ для васъ, какъ ни для кого, *время—деньги*.

На характеристику какого-то свидѣтеля, говорившаго въ пользу обвинявшагося въ воровствѣ и между прочимъ сказавшаго:

— Это человѣкъ дѣльный, *проворный*...

Александръ Ивановичъ возразилъ:

— То-то онъ и *проворовался*.

Поваръ богатаго княжескаго дома обвинялъ зеленщика въ продажѣ недоброкачественнаго товара.

— Подсунулъ онъ мнѣ тухлую курицу и, какъ на грѣхъ, заглянулъ въ кухню баринъ, увидалъ ее и началъ меня ругать: „Э, такъ вотъ ты, говоритъ, чѣмъ меня кормишь...“ и пригрозилъ меня выгнать.

Трофимовъ съ укоризной говоритъ зеленщику:

— Какъ вамъ не стыдно держать такой товаръ? Вѣдь вы этой самой *курицей* могли подложить большую *свинью*... Изъ-за васъ чуть мѣста человѣкъ не лишился.

Отставной унтеръ-офицеръ жаловался на вдову капитана, что она, обѣщавъ за него выйти замужъ, въ теченіе цѣлаго года принимала отъ него подарки, а потомъ отказала ему, и поэтому онъ требуетъ возвратить ему всѣ сдѣланныя имъ подношенія.

— Почему же вы ему отказали? — спрашиваетъ Трофимовъ у отвѣтчицы.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ та, жеманясь: — имѣть покойнаго мужа капитаномъ и вдругъ выходить за какого-то унтеръ-офицера...

— А что-жъ такое? — перебиваетъ ее судья. — По-моему, *живой* унтеръ-офицеръ гораздо лучше *мертваго* капитана.

Допрашивая какого-то свидѣтеля, Трофимовъ говоритъ:

— Когда вы пришли къ обвиняемому Петрову, то что̀ онъ дѣлалъ?

— Онъ ничего не могъ дѣлать, г. судья, потому что у него была рожа.

— Да я васъ не о *красотѣ* спрашиваю, а меня интересуетъ, продолжалъ ли онъ при васъ фабриковать поддѣльные этикеты.

Передъ мировымъ двѣ невзрачныя личности. Одинъ другого обвиняетъ въ оскорбленіи словами.

— А свидѣтели есть? — спрашиваетъ Трофимовъ у истца.

— Никакъ нѣтъ... ругалъ онъ меня наединѣ...

— Признаете себя виновнымъ? — обращается судья къ отвѣтчику.

— Нѣтъ...

— Г. судья, не вѣрьте ему! Даю вамъ честное слово, что онъ разругалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ.

Александръ Ивановичъ сейчасъ же дѣлаетъ постановленіе:

— Такъ какъ извѣстно, что свѣтъ ни на чемъ не стоитъ, то, слѣдовательно, не было никакой и брани. По недостатку уликъ дѣло считать прекращеннымъ.

Нѣкто, обвиняемый въ уголовномъ проступкѣ, съ раскаяніемъ въ голосѣ говоритъ Трофимову:

— Клянусь честью, г. судья, что въ это подлое дѣло я попалъ противъ воли.

— Охотно вѣрю, — отвѣчаетъ въ тонъ Александръ Ивановичъ, — и при этомъ я убѣжденъ, что вы и въ тюрьму попадете противъ воли.

Какой-то субъектъ обвиняетъ еврея, по фамиліи Каплуна, въ оскорбленіи. Отвѣтчикъ на судъ не явился.

— И сильно онъ васъ обидѣлъ?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Страсть какъ! А самое главное совсѣмъ понапрасну... Ужъ вы его, г. судья, по закону...

— Не безпокойтесь! Этотъ *каплунъ* запоетъ у меня *пѣтухомъ*.

И заочнымъ приговоромъ присудилъ Каплуна къ аресту.

Два купца-сосѣда изъ Мясного рынка, Жуковъ и Чистовъ, сидѣли въ лавкѣ и, пріятельски разговаривая, пили чай. Начавъ о чемъ-то спорить, они повздорили, и въ пылу гнѣва Жуковъ плюнулъ Чистову въ физіономію, а Чистовъ плеснулъ ему въ лицо цѣлый стаканъ горячаго чая. Оба обидѣлись и подали мировому судьѣ каждый отдѣльную жалобу, обвиняя другъ друга въ оскорбленіи.

Разобравъ это дѣло, Трофимовъ сдѣлалъ такое постановленіе:

„Принимая во вниманіе, что плевокъ, брошенный человѣку въ физіономію, выражаетъ презрѣніе къ нему и, обезчещивая личность, приноситъ этому человѣку болѣе обиды, чѣмъ если бы опрокинуть на его физіономію цѣлый кипящій самоваръ, и, руководствуясь 119

статьей устава уголовнаго судопроизводства, опредѣляю: Чистова и Жукова, по взаимности ихъ оскорбленія, считать по суду оправданными“.

Разбиралось такое дѣло:

Въ дождливую погоду какой-то господинъ въ фуражкѣ съ кокардой, завидѣвъ на Невскомъ проспектѣ ходившій въ тѣ времена „щапинскій дилижансъ“, неистово закричалъ кучеру, правившему этимъ дилижансомъ:

— Стой! Стой!

Стоявшій около тротуара извозчикъ тоже крикнулъ, съ очевидной насмѣшкой:

— Остановись, курятникъ! Прими къ себѣ мокрую курицу.

Чиновникъ обозлился, сталъ бить извозчика палкой и его же привлекъ къ суду за оскорбленіе.

Трофимовъ, разбирая это дѣло, спрашиваетъ чиновника:

— Собственно вы за что обидѣлись на извозчика?

— За его фразу: „мокрая курица“.

— Но видите ли,—сказалъ судья:—первая половина этой фразы совершенно правильна: тогда былъ проливной дождь, а у васъ въ рукахъ была палка, а не зонтикъ. Слѣдовательно, вы были мокры. За слово „курица“ я бы, пожалуй, его наказалъ, но такъ какъ вы дрались на улицѣ совсѣмъ не какъ мокрая курица, а какъ разъяренный пѣтухъ, то я его за это наказанію не подвергаю, а васъ штрафую на три рубля за драку въ публичномъ мѣстѣ.

Знаменитому писателю Ѳ. М. Достоевскому однажды пришлось, въ качествѣ потерпѣвшаго отъ уличнаго буяна, посѣтить камеру Трофимова.

Дѣло было возмутительное. Ѳедоръ Михайловичъ шелъ по Николаевской улицѣ, пробираясь къ себѣ домой, въ Кузнечный переулокъ. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему какой-то субъектъ и ударяетъ его сзади по головѣ. Ударъ былъ настолько силенъ, что Достоевскій упалъ и

ушибся. Къ мѣсту происшествія подоспѣлъ городовой, забралъ въ участокъ драчуна и попросилъ прослѣдовать туда же писателя. Въ участкѣ составили протоколъ, по которому Трофимовъ и разсматривалъ дѣло.

На засѣданіи присутствовалъ и Д. Д. Минаевъ.

Разумѣется, Достоевскій отказался отъ обвиненія и даже просилъ судью совершенно освободить отъ какого бы то ни было наказанія своего обидчика, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что привлеченный къ отвѣтственности, вѣроятно, посягнулъ на его личность безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, потому что онъ его, Достоевскаго, совершенно не зналъ и противъ него ничего имѣть не могъ, а дѣйствовалъ лишь подъ вліяніемъ опьянѣнія.

Трофимовъ въ точности выполнилъ желаніе писателя и, прочитавъ свое постановленіе, покинулъ свое судейское мѣсто для того, чтобы проводить знаменитаго романиста до выходныхъ дверей. Прощаясь съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, онъ сказалъ:

— Я очень счастливъ, что хотя по должности мирового судьи имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ самымъ выдающимся корифеемъ русской литературы.

Выходившій вмѣстѣ съ ними Минаевъ сейчасъ же продекламировалъ экспромптъ:

О, изъ судей столицы Невской
Счастливѣй всѣхъ ты, безъ сомнѣнія,
Коль отъ тебя самъ Достоевскій
Ждалъ справедливаго рѣшенія!

Въ заключеніе нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

А. И. Трофимовъ родился въ 1818 году. Воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1839 году. Нѣкоторое время служилъ въ канцеляріи военнаго министерства, затѣмъ состоялъ при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ. Съ 1848 по 1868 г. проживалъ въ Тамбовѣ, вблизи своего имѣнія, и служилъ

по выборамъ—совѣстнымъ судьею и мировымъ посредникомъ. Въ 1868 году переѣхалъ снова въ Петербургъ и взялъ на себя обязанности мирового судьи.

Александръ Ивановичъ былъ не чуждъ литературѣ. Нѣсколько разсказовъ его напечатано въ журналахъ того времени, и затѣмъ они выпущены были въ двухъ небольшихъ книжкахъ. Написана была имъ же остроумная четырехактная пьеса „Блескъ и трескъ, пыль и гниль“, но на сценѣ она представлена не была, и судьба ея неизвѣстна.

Умеръ онъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1884 года. Въ день его смерти въ Дворянскомъ собраніи былъ балъ-маскарадъ, на который какой-то шутникъ явился до того удачно загримированный Трофимовымъ, что многіе изъ публики съ нимъ раскланивались, какъ съ оригиналомъ, и даже вступали въ бесѣду. Шутникъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ, и на другой день почти рядомъ съ объявленіемъ о смерти почтеннаго и популярнѣйшаго судьи во всѣхъ газетахъ отмѣчалась забавная мистификація маскараднаго героя...

Хоронили Трофимова въ Александро-Невской лаврѣ, и за гробомъ его шла грандіозная толпа народа, а свѣжая могила его была завалена множествомъ вѣнковъ съ трогательными, задушевными надписями.

Мих. Шевляковъ.

Воспоминанія судебнаго пристава Н. П. Арапова.

(Состоитъ судебнымъ приставомъ съ 15 іюня 1877 года).

Почти за 30 лѣтъ практики мнѣ привелось наблюдать чрезвычайно много интересныхъ случаевъ. Большинство изъ нихъ представляетъ несомнѣнный интересъ въ бытовомъ отношеніи и, кромѣ того, ярко обрисовываетъ то тяжелое положеніе, въ которомъ часто находится судебный приставъ, строго и неукоснительно исполняющій законъ. Много оскорбительнаго, унижающаго человѣческое достоинство, приходилось переживать, особенно въ началѣ проведенія судебной реформы, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было имѣть дѣло съ высокопоставленными лицами, „сильными міра сего“, мнившими себя внѣ закона. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай, когда мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Гончаровымъ, членомъ государственнаго совѣта, лицомъ, которое, казалось бы, лучше, чѣмъ кто-либо другой, долженъ былъ бы знать, какъ обращаться съ должностнымъ лицомъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей.

Пришлось мнѣ охранять имущество Нарышкина. Когда я въ день новаго года явился на квартиру покойнаго для исполненія судебныхъ обязанностей, я засталъ тамъ члена государственнаго совѣта Гончарова, который и распорядился пригласить полицію, чтобы опечатать письменный столъ и бюро покойнаго.

Опись, по желанію г. Гончарова, была назначена на 2-е января, въ часъ дня; къ этому же времени долженъ былъ явиться полицейскій чинъ, чтобы снять наложенныя полиціей печати. Я пришелъ въ 12¾ час. на квартиру покойнаго, гдѣ засталъ уже г. Гончарова, сенатора барона Корфа и князя Вяземскаго. Гончаровъ все время смотрѣлъ на часы и, видимо, волновался изъ-за опозданія полиціи. Замѣтивъ это, я предложилъ пригласить стоявшаго у подъѣзда околоточнаго надзирателя, чтобы снять печати. Гончаровъ вспылилъ и съ возмущеніемъ сказалъ: „вы предлагаете мнѣ пригласить околоточнаго надзирателя сюда, гдѣ только-что была государыня. Не посовѣтуете ли вы позвать сюда роту городовыхъ?“ Я рискнулъ объяснить г. Гончарову, что околоточный надзиратель тотъ же полицейскій чинъ, что онъ часто командируется въ подобныхъ случаяхъ и что это не противорѣчитъ судебнымъ уставамъ. Это еще болѣе разсердило г. Гончарова, и онъ уже закричалъ на меня: „не учите меня судебнымъ уставамъ, я самъ составлялъ ихъ; подъ моимъ началомъ была цѣлая армія приставовъ“. Подошелъ присутствовавшій при этомъ князь Вяземскій и съ презрительной улыбкой, указывая на меня, сказалъ: „вы вѣдь знаете, что эти люди забываются, какъ только начинаешь чуть получше съ ними обращаться“. Эта сцена доставила много удовольствія присутствовавшей при этомъ толпѣ лакеевъ и прихлебателей, злорадно хихикавшихъ все время. Не могу и по сію пору вспомнить безъ чувства глубокой обиды этого случая. Только сознаніе необезпеченности и страхъ потерять службу удержали меня отъ того, чтобы указать представителю законодательной власти, члену государственнаго совѣта, какъ надо обращаться съ должностнымъ лицомъ, исполняющимъ опредѣленіе суда, постановленное по указу его императорскаго величества.

Прежде чѣмъ приступить къ охранѣ имущества умершаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого, я обратился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ,

Плеве. Когда Плеве узналъ, зачѣмъ я къ нему явился, онъ выразилъ полнѣйшее свое удивленіе и сказалъ: „по высочайшему повелѣнію имущество покойнаго графа опечатано мною, и я не вижу никакой надобности въ томъ, чтобы къ этимъ печатямъ прибавить еще и печати судебнаго пристава". Считая неудобнымъ объяснять господину товарищу министра внутреннихъ дѣлъ значеніе опредѣленія суда, я молча подалъ ему исполнительный листъ, въ которомъ ясно и точно указаны права и обязанности судебнаго пристава. Прочитавъ листъ, г. Плеве вернулъ мнѣ его и, пожимая плечами, предложилъ мнѣ приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Такимъ образомъ была произведена охрана.

Въ другой разъ перешло ко мнѣ дѣло по охранѣ имущества умершей графини Игнатьевой, отъ судебнаго пристава Липки-Парафіевскаго, у котораго вышло недоразумѣніе съ наслѣдникомъ покойной, графомъ Игнатьевымъ. Явившемуся приставу графъ выразилъ свое удивленіе по поводу различія порядковъ въ провинціи и столицѣ; въ провинціи въ такихъ случаяхъ, по его словамъ, ничего подобнаго не бываетъ. Судебный приставъ позволилъ себѣ замѣтить на это, что въ провинціи можетъ и не быть надобности въ охранѣ имущества умершихъ, такъ какъ тамъ всѣ другъ друга знаютъ, какъ Добчинскій и Бобчинскій. Эта фраза почему-то сильно не понравилась графу. Онъ вскочилъ съ кресла и гнѣвно закричалъ: „никакихъ Добчинскихъ и Бобчинскихъ въ числѣ моихъ знакомыхъ нѣтъ, и я съ вами разговаривать не желаю". Приставъ донесъ мировому судьѣ, и, по распоряженію г. предсѣдателя съѣзда, дѣло было передано мнѣ.

Судебному приставу Соболевскому была поручена охрана имущества умершаго адмирала Лисянскаго (перваго русскаго моряка, совершившаго кругосвѣтное плаваніе). Затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе допустить генералъ-адъютанта Нилова и адъютанта великаго князя Алексѣя Александровича, капитана Виноградскаго, къ осмотру бумагъ покойнаго адмирала. На основаніи этого повелѣнія, Соболевскому былъ выданъ исполнительный листъ, въ которомъ точно была изложена сущность повелѣнія. Въ назначенный часъ и день Соболевскій явился на квартиру Лисянскаго, куда вскорѣ прибыли и лица, назначенныя высочайшимъ повелѣніемъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ матросовъ съ холщевыми мѣшками для бумагъ покойнаго. На требованіе выдать бумаги Соболевскій отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на исполнительный листъ, въ которомъ говорилось о допущеніи къ осмотру бумагъ, а не о выдачѣ ихъ. Возмущенные Ниловъ и Виноградскій ушли. Объ этомъ случаѣ немедленно было доложено великому князю Алексѣю Александровичу и министру юстиціи, который въ тотъ же день командировалъ чиновника особыхъ порученій къ предсѣдателю съѣзда съ предложеніемъ уволить Соболевскаго отъ должности. Вызванный къ предсѣдателю, какъ старшина совѣта, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, я просилъ разрѣшенія узнать отъ Соболевскаго обстоятельства дѣла. Зная Соболевскаго, какъ опытнаго и исполнительнаго пристава, я былъ увѣренъ, что онъ не могъ поступить незаконно. Увѣренность моя вполнѣ оправдалась. На основаніи выданнаго ему судьей г. Пахолковымъ исполнительнаго листа, опредѣленіе коего было составлено въ точныхъ выраженіяхъ высочайшаго повелѣнія, Соболевскій не могъ поступить иначе. Все это было обстоятельно изложено въ составленномъ протоколѣ. Предсѣдатель съѣзда съ представленными ему мною матеріалами былъ на докладѣ у министра юстиціи (Муравьева), и приказъ объ увольненіи неповиннаго пристава былъ отмѣненъ. Окончить это дѣло было поручено мнѣ. Я отправился въ главную императорскую квартиру и просилъ начальника ея дополнить высочайшее повелѣніе въ томъ смыслѣ, чтобы явилась возможность выдать бумаги, что онъ и обѣщалъ, но въ тотъ же день вечеромъ любезно увѣдомилъ, что министръ императорскаго двора не видитъ неясности въ изложе-

ніи высочайшаго повелѣнія. Я вновь обратился къ начальнику главной императорской квартиры, который посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ генералъ-адъютанту Нилову и просить его, чтобы онъ мнѣ сказалъ, что ему высочайше повелѣно бумаги принять, такъ какъ по закону генералъ-адъютанты имѣютъ право словесно передавать высочайшее повелѣніе. Такимъ образомъ былъ найденъ столь простой выходъ изъ создавшагося положенія. Я выдалъ генералу Нилову бумаги послѣ данной мнѣ въ томъ на протоколѣ подписки, и, такимъ образомъ, дѣло закончилось благополучно. Пріемный сынъ покойнаго адмирала Лисянскаго сообщилъ мнѣ, что покойный велъ большую переписку съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но переписку эту незадолго до смерти уничтожилъ.

При охранѣ имущества барона Штиглица произошелъ такой случай. Ко времени прибытія судебнаго пристава (Пранга) на квартиру барона явился въ полной парадной формѣ чиновникъ, командированный казенной палатой. Распоряжавшійся всѣмъ дѣломъ А. А. Половцевъ спросилъ чиновника о цѣли его прихода, и когда тотъ отвѣтилъ, что командированъ управляющимъ казенной палатой для огражденія интересовъ казны, Половцевъ надменно сказалъ ему: „идите къ своему начальству: и ему, и вамъ будутъ разъяснены ваши обязанности". Чиновникъ удалился и больше не приходилъ. К. А. Половцевъ и братъ его В. А. Половцевъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, много хлопотали объ отмѣнѣ этой охраны. Но мировой судья В. К. Абаза ходатайства обоихъ братьевъ отклонилъ, въ виду того, что наслѣдница, дочь барона Штиглица (жена А. А. Половцева), отсутствовала. Охрана эта по вознагражденію судебныхъ приставовъ была выдающейся. Но исключительно выдающейся какъ по вознагражденію судебныхъ приставовъ, такъ и по необычайной цѣнности художественной, исторической и археологической охраняемаго имущества,

была охрана имущества министра иностранныхъ дѣлъ, князя Лобанова-Ростовскаго въ 1897 г. Охранены были книги, купленныя для библіотеки Е. И. В., картины, купленныя музеемъ императора Александра III, коллекціи монетъ и рѣдкихъ часовъ, пріобрѣтенныхъ императорскимъ эрмитажемъ, автографы и записки царствованія императора Павла, переданные въ императорское историческое общество. Оцѣнка картинъ, гравюръ, монетъ, часовъ и прочихъ предметовъ художественной цѣнности производилась по высочайшему повелѣнію особо назначенными лицами. Оцѣнку одного ковра производилъ профессоръ Праховъ и еще одно лицо, спеціально для этого приглашенное изъ Персіи. Золото, серебро и брилліанты были сданы на храненіе въ государственный банкъ, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, были предъявлены для осмотра великому князю Георгію Михайловичу. Охрана продолжалась семь мѣсяцевъ, считая до передачи имущества наслѣдникамъ. Чтобы перевезти имущество изъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, понадобилось 26 возовъ и 200 ящиковъ для упаковки. За эту охрану я былъ внѣ правилъ причисленъ къ министерству юстиціи, награжденъ чиномъ и орденомъ Св. Станислава 2-й степени и подаркомъ отъ кабинета Его Величества.

Бывали случаи охраны, когда приходилось сталкиваться со странными проявленіями человѣческой психики. Люди при жизни терпѣли страшную нужду, лишенія; жили по-нищенски, и только послѣ ихъ смерти обнаруживалось, что они были въ состояніи не только не отказывать себѣ въ необходимомъ, но и пользоваться всѣми благами жизни.

Такъ, напримѣръ, Данишевская никогда не принимала ни родныхъ, ни знакомыхъ и жила въ такой грязи, что страдала экземой. Послѣ же ея смерти было найдено въ тряпкахъ до 300.000 рублей; въ задней стѣнкѣ шифоньерки было припрятано на 30.000 руб. билетовъ комиссіи погашенія долговъ съ неотрѣзанными купонами

за нѣсколько лѣтъ; въ потайномъ ящикѣ платяного шкафа найдено облигацій спб. городского кредитнаго общества на 43.000 руб. и въ бѣльѣ купоновъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Умеръ жившій на чердакѣ въ домѣ на углу Перекупного пер. и Невскаго просп. купецъ. За двѣ недѣли до смерти былъ отправленъ въ больницу и выпросилъ у домовладѣльца на извозчика. Въ желѣзномъ сундукѣ былъ найденъ только старый, объѣденный молью мѣхъ, а въ простыхъ столахъ и комодѣ, подъ бѣльемъ, обнаружено было облигацій городского кредитнаго общества 100-руб. достоинства тысячъ на триста. Каждый предметъ бѣлья былъ завернутъ отдѣльно и снабженъ запиской съ обозначеніемъ, когда сшито, когда и гдѣ положена заплата, когда стиралось. По разсказамъ знавшихъ его, онъ ходилъ на аукціоны и всегда говорилъ о своей бѣдности. Было у него найдено нѣсколько салфетокъ съ клеймомъ гостиницы Ротина, куда онъ послѣ аукціоновъ заходилъ пить чай.

Пришлось какъ-то охранять имущество нищей, жившей на Пескахъ, въ углу, у дворника. Небольшой сундукъ ея вмѣсто замка былъ перевязанъ тряпочками и былъ вынесенъ на чердакъ. Каково же было удивленіе, когда тамъ найдено было до 6.000 руб. деньгами, много кошельковъ, набитыхъ заржавленной серебряной монетой. Кромѣ того найденъ кусокъ матеріи, украденный у жилицы, за который была обвинена и отбыла наказаніе другая женщина, вмѣсто умершей нищей, находившейся подъ покровительствомъ рождественскаго братства.

За мою долголѣтнюю практику не мало было дѣлъ о выселеніи изъ квартиръ и угловъ. И здѣсь много тяжелаго выпадаетъ на долю пристава, когда по долгу службы исполняется строгій законъ въ условіяхъ неумолимой нужды, неподдѣльнаго человѣческаго горя. Приходится заглушать чувство жалости исполнителю закона, ибо законъ жалости не знаетъ. Все же, хоть и рѣдко,

но бываютъ случаи, когда, руководствуясь простымъ человѣческимъ чувствомъ, нѣсколько отступаешь отъ исполненія мертвой буквы закона; такъ пришлось мнѣ изъ подвала въ домѣ князя Львова, на Морской, выселять портного съ 6-ю малолѣтними дѣтьми. Была суровая зима, а у дѣтей не было теплой одежды. Приглашенные чины полиціи не могли дать дѣтямъ ни одежды, ни теплаго угла. Отецъ семейства отсутствовалъ. Я не нашелъ въ себѣ силы выгнать на улицу голодныхъ ребятъ; отложилъ исполненіе, о чемъ и доложилъ мировому судьѣ Абазѣ, который, вызвавъ управляющаго домомъ, уговорилъ его отсрочить выселеніе несчастной семьи.

При дѣлахъ о выселеніи бываетъ много и юмористическихъ эпизодовъ. Встрѣчаются люди, сдѣлавшіе себѣ своего рода профессію изъ найма квартиръ безъ уплаты квартирныхъ денегъ; всю жизнь они выселяются изъ квартиръ, прибѣгая при этомъ къ различнымъ уловкамъ и ухищреніямъ, чтобы обойти законъ,—одни изъ нихъ чинятъ всевозможныя препятствія къ исполненію судебныхъ рѣшеній, другіе же довольно добродушно имъ подчиняются. Всѣмъ судьямъ и приставамъ были извѣстны двѣ женщины—вдова капитана, бывшая воспитанница Смольнаго института, г-жа Деме, и жена камеръ-юнкера, Мессарошъ. Мнѣ приходилось выселять и ту и другую. Деме всѣми средствами старалась оттянуть выселеніе. Когда все оказывалось безрезультатно, она причиняла судебному приставу, по возможности, больше непріятностей, всячески пытаясь затруднить ему исполненіе обязанностей; она разбрасывала вещи по всей квартирѣ, учиняя невѣроятный безпорядокъ.

Мессарошъ обыкновенно отказывалась освободить квартиру, ссылаясь на болѣзнь. Когда ей какъ-то объявили, что она будетъ освидѣтельствована врачемъ, она сказала, что во врачѣ нѣтъ необходимости, такъ какъ въ ея болѣзни можетъ убѣдиться всякій, и сдѣлала при этомъ непристойный жестъ. Снимая меблированную ком-

нату, она выдавала долговыя обязательства на мебель кому-нибудь изъ знакомыхъ. По этому долговому обязательству выдавалось обезпеченіе, описывалось имущество и на основаніи 629 ст. у. г. с. сдавалось на храненіе отвѣтчицѣ, и это имущество вывозилось ею, какъ хранительницей.

Много разъ приходилось мнѣ выселять изъ меблированныхъ комнатъ одного обѣднѣвшаго дворянина, селившагося всегда на Морской улицѣ, въ Кирпичномъ переулкѣ и другихъ улицахъ центральной части города. Въ назначенный день и часъ для выселенія я являлся въ комнату, занимаемую этимъ господиномъ, и неизмѣнно заставалъ его у стола, на которомъ лежали цилиндръ, трость и моя повѣстка о выселеніи. При моемъ появленіи онъ вставалъ, бралъ цилиндръ, трость и говорилъ: „подчиняясь рѣшенію суда, покидаю сію комнату. Мое нижайшее почтеніе". При этомъ онъ раскланивался и уходилъ. И каждый разъ онъ разыгрывалъ эту сцену.

Н. П. Араповъ.

Воспоминанія судебнаго пристава И. М. Михайлова.

(Состоитъ судебнымъ приставомъ съ 10 января 1879 года).

---

17 мая 1866 г. состоялось открытіе судебныхъ мировыхъ учрежденій, а 30 мая я уже поступилъ на службу къ мировому судьѣ 1 участка Оскару Ильичу Квисту, который былъ одновременно и предсѣдателемъ мирового съѣзда. Его камеру, которая помѣщалась въ домѣ оберъ-полиціймейстера, на Мойкѣ, у Синяго моста, можно, дѣйствительно, назвать школой суда. О. И. Квистъ не только вводилъ букву новаго закона, но и претворялъ въ жизнь духъ судебныхъ уставовъ. Это былъ настоящій судья по призванію: приходилось изумляться энергіи и трудоспособности этого человѣка; онъ посвящалъ всѣ свои дни и вечера любимому дѣлу: днемъ О. И. работалъ въ мировомъ съѣздѣ, который помѣщался въ городской думѣ, а вечерами разбиралъ въ своей камерѣ, куда стекались судьи и публика.

Судьи приходили учиться тому исключительному умѣнью, съ которымъ онъ велъ засѣданія, примѣнялъ новыя судопроизводственныя нормы. Для публики же, привыкшей къ старымъ дореформеннымъ судамъ, которые мало чѣмъ отличались отъ полицейскихъ участковъ, новые суды съ ихъ безпристрастнымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ интересамъ всѣхъ безъ различія сословій, представляли интересъ невиданнаго дотолѣ зрѣлища.

Лучшую характеристику О. И. Квиста далъ А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ говоритъ: „общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Веденіе дѣлъ у нѣкоторыхъ судей достигало виртуозности. Особенно выдѣлялся въ Петербургѣ покойный О. И. Квистъ. Его камера была мѣстомъ, куда ходили учиться и смотрѣть, какъ надо разбирать. Этотъ маленькій, живой, глубоко просвѣщенный человѣкъ, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ и лукавою усмѣшкою, заложилъ, въ качествѣ предсѣдателя, нравственный и дѣловой фундаментъ мирового съѣзда, устройство котораго не разъ потомъ признавалось образцовымъ".

Часто засѣданія въ камерѣ затягивались до поздней ночи, О. И. велъ ихъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, и всѣ съ интересомъ слушали его живую, красивую рѣчь. Первое время, когда еще не былъ выработанъ наказъ для мировыхъ судебныхъ установленій, когда не было установленныхъ формъ производства, особенно цѣнно было работать подъ руководствомъ такого опытнаго, знающаго человѣка, какимъ былъ О. И.

Онъ былъ чрезвычайно требователенъ къ своимъ подчиненнымъ. Малѣйшее упущеніе выводило О. И. изъ себя и, какъ человѣкъ вспыльчивый, въ раздраженіи онъ могъ сказать много обиднаго, тяжелаго и даже уволить со службы. Впослѣдствіи, однако, чувствуя за собою вину, онъ старался исправить ее и часто пристраивалъ уволенныхъ имъ лицъ на другую и даже лучшую службу.

Желая поднять значеніе судебной власти, онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы приговоры и рѣшенія, произносимые по указу его императорскаго величества, выслушивались стоя, если же кто-либо нарушалъ это правило, онъ примѣнялъ строгія мѣры вплоть до удаленія изъ камеры.

Такъ, я помню одинъ очень характерный случай: въ одномъ изъ вечернихъ судебныхъ засѣданій свидѣтелемъ по уголовному дѣлу вызванъ былъ почтенный старый генералъ. Не привыкши съ должнымъ уваженіемъ относиться къ судебной власти, онъ счелъ себя въ правѣ не исполнить требованія судьи: при произнесеніи приговора, когда вся публика, довольно многочисленная, встала, онъ продолжалъ сидѣть; О. И., несмотря на положеніе свидѣтеля, сдѣлалъ ему тутъ же въ камерѣ при всѣхъ строгое внушеніе. Этотъ случай, который рѣзко провелъ черту между старымъ и новымъ судомъ, возбудилъ тогда всеобщее вниманіе и вызвалъ даже возмущеніе въ нѣкоторыхъ кругахъ общества.

Желая воспитать уваженіе къ судебному мѣсту, О. И. слѣдилъ за тѣмъ, чтобы публика не входила въ залъ засѣданія въ пальто и галошахъ, и обыкновенно отсылалъ въ переднюю.

Пробывши нѣсколько больше года писцомъ, а потомъ письмоводителемъ въ камерѣ О. И., я перешелъ письмоводителемъ къ мировому судьѣ И. П. Бочарову. Это былъ ничѣмъ не выдѣлявшійся человѣкъ, отставной чиновникъ, безъ юридическаго образованія, добросовѣстно относившійся къ своимъ обязанностямъ. Судилъ онъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію, не придерживаясь строго буквы закона. При сенаторской ревизіи дѣла въ нашемъ участкѣ, какъ и въ другихъ, были найдены въ полномъ порядкѣ.

Послѣ 12-лѣтней службы у мирового судьи Бочарова я былъ назначенъ О. И. Квистомъ, который былъ вторично избранъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, судебнымъ приставомъ. 10 января 1879 г. вступилъ въ должность судебнаго пристава, которую занимаю и въ настоящее время. Когда я поступилъ, было всего 25 судебныхъ приставовъ, но въ виду все увеличивающагося количества дѣлъ возрастало число мировыхъ судей, а равно и судебныхъ приставовъ, которое въ настоящее время достигло 52.

Первое время судебные пристава назначались предсѣдателемъ мирового съѣзда безъ всякаго экзамена; потомъ съѣздомъ было постановлено опредѣлять въ пристава преимущественно письмоводителей мировыхъ судей, а съ 1885 г. были установлены экзамены, производившіеся вначалѣ совѣтомъ судебныхъ приставовъ, а впослѣдствіи особой экзаменаціонной комиссіей при мировомъ съѣздѣ, состоящей изъ трехъ судей и двухъ приставовъ.

Передъ опредѣленіемъ на службу О. И. обыкновенно посылалъ для практики поучиться у болѣе опытныхъ судебныхъ приставовъ.

Жалобы О. И. Квистъ разбиралъ по воскресеньямъ въ мировомъ съѣздѣ въ присутствіи лица, принесшаго жалобу на судебнаго пристава.

Выработанъ былъ проектъ совѣта и товарищества съ круговой порукой на артельныхъ началахъ и представленъ былъ на разсмотрѣніе предсѣдателя съѣзда Николая Адріановича Неклюдова, и потомъ судебные пристава неоднократно обращались къ послѣдующимъ предсѣдателямъ съ просьбой объ утвержденіи этого совѣта, въ частности въ 1872 г. къ предсѣдателю съѣзда Лихачеву, который разсмотрѣлъ представленный уставъ и даже сдѣлалъ свои замѣчанія, однако проектъ этого товарищества такъ и не осуществился.

За 37 лѣтъ моей работы я припоминаю отдѣльные интересные случаи изъ моей практики.

Такъ, былъ одинъ случай, когда мнѣ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, чего я, по возможности, избѣгалъ, стараясь воздѣйствовать на упорныхъ и злостныхъ должниковъ словомъ убѣжденія, въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось звать слесаря и взламывать двери.

Какая-то искательница приключеній рѣшительно отказалась впустить меня въ квартиру для описи ея имущества и даже заперла дверь на крючокъ. Проникнуть въ квартиру не составило особаго труда, нужно было

только снять дверь съ петель, что̀ я и сдѣлалъ при помощи околотнаго надзирателя, а когда я вошелъ въ квартиру, она въ передней, съ хохотомъ, внесла мнѣ деньги. Это было съ ея стороны просто веселой продѣлкой, злого умысла въ этомъ не было.

Иногда же отвѣтчики прибѣгаютъ къ обманамъ, ко всякимъ злостнымъ ухищреніямъ для того, чтобы скрыть имущество, избѣжать выселенія. Такъ, часто они притворяются больными, ложатся въ постель и заявляютъ, что они не могутъ выѣхать по болѣзни. Такія заявленія даютъ имъ возможность пожить еще два-три дня безплатно, пока докторъ не освидѣтельствуетъ ихъ и не дастъ заключенія о ихъ здоровьѣ. Недавно былъ у меня такой случай: нужно было выселить одну женщину. Когда я вошелъ, она была на ногахъ, ходила по комнатамъ, но чуть я сказалъ ей, что въ качествѣ судебнаго пристава пришелъ ее выселить, какъ она немедленно легла въ постель и заявила, что больна. Конечно, я не обратилъ вниманія на такое явно неправдоподобное заявленіе, и отвѣтчица была вынесена во дворъ на кровати. Едва поставили кровать, она немедленно „выздоровѣла“, встала и пошла.

При охранѣ имущества послѣ умершихъ наталкивался я на удивительные случаи; такъ, напримѣръ, умираетъ одинокій человѣкъ, жившій въ комнатѣ или углу, повидимому, бѣдный, а между тѣмъ въ его скарбѣ часто находишь большія суммы—нѣсколько тысячъ. Помню, у одного умершаго, занимавшаго комнату, найдено было больше девяноста тысячъ. Однажды умеръ книжный торговецъ, въ квартирѣ его никакихъ цѣнностей не было найдено, а въ лавкѣ его, въ Апраксиномъ рынкѣ, на полкѣ съ книгами, оказалось около 150 тысячъ рублей въ процентныхъ бумагахъ. Пришлось мнѣ какъ-то охранять имущество послѣ одного умершаго, который жилъ на чердакѣ въ квартирѣ, состоявшей изъ одной комнаты, ходилъ въ отрепьяхъ, а между тѣмъ слылъ за состоятельнаго человѣка. Это говорили и родные его,

бывшіе при охранѣ имущества. Были осмотрѣны всѣ углы и всѣ вещи, какіе были въ квартирѣ, но нигдѣ ничего не оказалось; приподняли даже половицы пола, но и тамъ ничего не нашлось, обшарили весь чердакъ, но столь же безрезультатно. Я уже рѣшилъ, что цѣннаго имущества никакого не осталось и что заявленія родственниковъ ни на чемъ не основаны, но по ихъ просьбѣ рѣшилъ разобрать единственный шкафъ, бывшій въ квартирѣ, и тамъ въ задней стѣнкѣ найдены были брилліантовыя вещи и довольно большая сумма денегъ.

Случаи сокрытія должниками своего имущества очень часты, особенно въ послѣднее время. Почти по половинѣ дѣлъ по взысканіямъ должники заявляютъ о непринадлежности имъ описаннаго у нихъ имущества, но эти заявленія въ большинствѣ случаевъ фиктивны, какъ фиктивны и документы, предъявленные въ подтвержденіе этихъ заявленій. Но на-ряду съ должниками, прибѣгающими къ разнымъ уловкамъ и обманамъ, есть и добросовѣстные, которые рады бы заплатить, да не могутъ.

Приходится судебному приставу встрѣчаться иногда съ такой бѣднотой и вопіющей нуждой, особенно на окраинахъ города, что сердце сжимается, а, между тѣмъ, приставъ обязанъ по требованію лавочника или домовладѣльца описать и продать за безцѣнокъ послѣдній скарбъ бѣдняка. Но еще тяжелѣе выселять этихъ бѣдняковъ—выбрасывать на улицу въ холодъ и непогоду людей съ дѣтьми, и хотя являешься только оффиціальнымъ лицомъ, исполнителемъ закона, но въ такихъ случаяхъ трудно удержаться, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности не попытаться исправить зло, невольнымъ виновникомъ котораго являешься. Этимъ часто и трудна должность судебнаго пристава, что приходится подавлять въ себѣ человѣческія чувства и быть только орудіемъ закона, суровымъ исполнителемъ велѣній его.

И. М. Михайловъ.

Воспоминанія судебнаго пристава М. А. Преображенскаго.

(Состоитъ судебнымъ приставомъ съ 1 января 1887 года).

За мою долгую службу судебнымъ приставомъ у меня въ практикѣ было много случаевъ, которые запечатлѣлись въ памяти. Нѣкоторыми изъ нихъ я хочу подѣлиться съ читателемъ.

Много лѣтъ назадъ однажды я пришелъ, въ сопровожденіи дворника, въ одинъ домъ для охраненія имущества послѣ умершей домовладѣлицы, жившей въ одиночествѣ.

На мой звонокъ открыла мнѣ прислуга; покойница лежала въ гробу. Обстановка квартиры была небогатая, и, обойдя квартиру, я не нашелъ не только несгораемаго шкафа, но и письменнаго стола. На мой вопросъ, куда покойница клала свои цѣнности, прислуга, молча, указала на комодъ, который мною и былъ опечатанъ, а опись назначена была черезъ два дня. Явившись въ назначенное время, я нашелъ наслѣдниковъ и управляющаго домомъ—одного изъ уважаемыхъ присяжныхъ повѣренныхъ К., нынѣ умершаго. Открывъ комодъ, я пришелъ въ удивленіе, ибо онъ полонъ былъ кредитными билетами, серебромъ и золотомъ. Покойная была настолько стара и слаба здоровьемъ, что не успѣвала считать денегъ; управляющій приносилъ ей деньги, и она иногда, не считая, пачками кидала въ комодъ. Охранивъ

все это, я сдалъ на другой день въ банкъ, гдѣ отведенъ былъ особый столъ со счетчиками. Интересно еще то, что такой большой капиталъ, болѣе 500 тысячъ рублей, такъ слабо охранялся дома, а когда я повезъ его въ банкъ, то меня сопровождала цѣлая вереница наслѣдниковъ, съ управляющимъ во главѣ, изъ опасенія грабежа или иного несчастія дорогою.

Часто случается, что у умершаго, жившаго чуть ли не по-нищенски, находишь при охранѣ крупный капиталъ и, наоборотъ, ничего не находишь послѣ людей, жившихъ широко, проживавшихъ тысячи.

Судебному приставу при исполненіи рѣшеній часто приходится примирять стороны. Въ судебной камерѣ, наполненной народомъ, стороны иногда стѣсняются говорить, да и судья не позволяетъ говорить лишнее, въ особенности, когда разговоръ не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу. Въ пріемной же комнатѣ судебнаго пристава, а въ особенности въ квартирѣ должника, гдѣ назначено исполненіе, стороны чувствуютъ себя, какъ дома, и говорятъ, какъ они сами выражаются, по душамъ. Судебному приставу нужно имѣть немного терпѣнія и дать высказаться, а когда дѣло разъяснится, то ему уже легко становится привести стороны къ мировому соглашенію, не доводя до описи или другихъ понудительныхъ способовъ исполненія. Такъ, обратился ко мнѣ старый частный повѣренный, давно мнѣ знакомый, съ исполнительнымъ листомъ. Листъ этотъ находился въ оборотѣ лѣтъ пятнадцать и испещренъ надписями судебныхъ приставовъ: „повѣстка отвѣтчику вручена, имущества не оказалось“. Обративъ вниманіе на такія надписи, я самъ предложилъ взыскателю попытать счастье описью имущества одновременно съ предъявленіемъ повѣстки должнику. Въ назначенное время я явился со взыскателемъ и засталъ должника, который поднялъ шумъ на всю квартиру, жалуясь на то, что взыскатель безпокоитъ его несправедливо много лѣтъ, ибо документъ, по которому онъ ищетъ, безденежный и достался

взыскателю по передаточной надписи, потому, что первоначальному собственнику листа совѣстно несправедливо взыскивать. Не надѣясь что-либо сдѣлать въ данный моментъ и опасаясь обостренія непріязненныхъ отношеній между сторонами, я предложилъ взыскателю отсрочить опись до другого дня и собрать дополнительныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ собственникѣ квартиры, на что онъ согласился. Въ назначенный день явились ко мнѣ въ камеру обѣ стороны, и я обратился къ нимъ со словами: „гг., вы ведете это дѣло 15 лѣтъ и испытали много безпокойствъ и волненій, не лучше ли положить конецъ всему этому взаимными уступками“. Должникъ отвѣтилъ, что не только ссорились, но одинъ разъ подрались, и готовъ заплатить 10 рублей не потому, что онъ долженъ, а для того, чтобы избѣжать безпокойствъ. Послѣ многихъ уступокъ съ той и другой стороны они кончили искъ въ 400 руб. на шестидесяти рубляхъ, которые тутъ же и были уплачены, и дѣло, тянувшееся 15 лѣтъ, окончено было навсегда.

Голь на выдумки хитра. Пришлось мнѣ выселять изъ квартиры одно бѣдное семейство. Въ виду уклоненія отвѣтчика отъ добровольнаго выѣзда имущество было выставлено на дворъ. Дѣло было лѣтомъ, въ хорошую погоду. Отвѣтчикъ поставилъ два шкафа съ раздѣленіемъ на сажень другъ отъ друга, покрылъ сверху рогожей и тряпками и, образовавъ себѣ такимъ образомъ жилище, жилъ потомъ въ немъ нѣсколько дней. Явился ко мнѣ домовладѣлецъ и просилъ выселить отвѣтчика со двора, въ чемъ я ему долженъ былъ отказать, объявивъ, что въ исполнительномъ листѣ сказано о выселеніи изъ квартиры дома, а не изъ двора дома, и потому придется вновь подавать искъ о выселеніи или подать жалобу на мои неправильныя дѣйствія, если онъ считаетъ ихъ таковыми. Къ счастью нашему, наступила холодная погода, и отвѣтчикъ самъ убрался изъ того дома.

Въ первый годъ моей службы одинъ взыскатель

обратилъ свое взысканіе на обстановку въ трактирномъ заведеніи. По врученіи повѣстки должнику, въ назначенный день описанъ былъ въ трактирѣ органъ-оркестріонъ и оцѣненъ взыскателемъ въ 500 руб. соотвѣтственно суммѣ взысканія, хотя этотъ органъ стоилъ не менѣе 5.000 руб. Должникъ отсутствовалъ, почему возраженіе противъ оцѣнки не было сдѣлано, вслѣдствіе чего назначенъ былъ торгъ. Въ день торга, предъ самымъ открытіемъ его, явился одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ и предъявилъ мнѣ закладную на органъ, заложенный его довѣрителю за 5.000 руб., но срокъ уплаты еще не наступилъ. Вспоминая смутно, что относительно продажи заложеннаго имущества есть какой-то особенный законъ, и не зная, что̀ дѣлать, такъ какъ подобнаго случая въ практикѣ у меня не случалось, я предложилъ взыскателю, не найдетъ ли онъ возможнымъ отсрочить торгъ во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій торга, на что̀ онъ согласился, а я, посовѣтовавшись съ однимъ изъ товарищей, послалъ новую повѣстку должнику и склонилъ его къ платежу денегъ въ разсрочку. Но каково было бы мое положеніе, если бы взыскатель настоялъ на продажѣ и мнѣ пришлось бы продать органъ за 500 рублей съ небольшимъ, какъ обыкновенно пріобрѣтаютъ имущество съ торговъ покупатели-профессіоналы, между тѣмъ, какъ въ то время принято было за правило не только судебными приставами мирового съѣзда, но и приставами окружнаго суда продавать имущество въ подобныхъ сему случаяхъ съ оцѣнки по закладной. И, такимъ образомъ, грозила дисциплинарная и имущественная отвѣтственность.

Одинъ взыскатель Я., имѣя дѣло съ недобросовѣстнымъ должникомъ Л., принимавшимъ всѣ законныя и незаконныя мѣры къ уклоненію отъ платежа денегъ,—просилъ меня поѣхать съ нимъ вмѣстѣ, дабы застать должника дома и описать у него имущество одновременно со врученіемъ повѣстки, ибо инымъ способомъ трудно получить съ него деньги. Явившись по указанному адресу, мы, дѣйствительно, застали должника дома, и я, вручивъ повѣстку объ исполненіи, приступилъ къ описи квартирной обстановки. Не ожидавшій такого быстраго исполненія должникъ заволновался и началъ дѣлать разные упреки и отводы, что имущество въ квартирѣ въ дѣйствительности ему не принадлежитъ и т. п., грозя мнѣ жаловаться на мои дѣйствія и шевеля въ карманѣ револьверомъ, на что̀ обратилъ вниманіе и взыскатель. Опасаясь, чтобы дѣло не зашло слишкомъ далеко, я предложилъ взыскателю, не укажетъ ли онъ другое имущество для описи, такъ какъ, можетъ быть, это имущество дѣйствительно принадлежитъ третьему лицу, а не должнику. Тогда онъ указалъ на слесарную мастерскую въ томъ же домѣ съ вывѣской на имя должника, которую я описалъ безъ возраженій и назначилъ въ продажу. Что же касается поведенія Л. во время описи, то такъ какъ лично ко мнѣ съ угрозами онъ не обращался, то я протокола не составлялъ, надѣясь, что сама судьба покараетъ виновнаго. И дѣйствительно, Л. былъ жестоко наказанъ благодаря сложившимся для него неблагопріятно обстоятельствамъ. Въ назначенный день торга никто изъ сторонъ не явился, а по закону неявка ихъ не пріостанавливаетъ торга, явившіеся же покупатели—„маклаки“ требовали приступить къ производству торга; къ этому присоединился и членъ полиціи, прося отпустить его для исполненія другихъ служебныхъ обязанностей. Зная по опыту, что, если замедлить открытіемъ торга даже на полчаса, то покупатели разойдутся и торгъ можетъ не состояться, я открылъ торгъ и продалъ имущество не сложное, не цѣнное, стоющее не менѣе 1.000 руб. за 200 рублей. По окончаніи торга пріѣхалъ впопыхахъ и должникъ Л., заявивъ, что онъ опоздалъ къ торгу потому, что по ошибкѣ обратился съ просьбой о пріостановленіи торга не къ тому мировому судьѣ, къ которому слѣдовало бы, и мировой судья не принялъ даже прошенія, и потому опоздалъ; просилъ пріостановить торгъ. Въ отвѣтъ я объявилъ ему,

что торгъ уже состоялся, все имущество продано и деньги заплачены, и я рѣшительно не въ состояніи помочь ему поправить дѣло. Какъ потомъ я узналъ, Л. заплатилъ маклакамъ „отступное“—650 рублей, дабы получить свое имущество обратно и не останавливать своего слесарнаго дѣла.

Въ заключеніе долженъ сказать, что служба моя проходила большею частью на окраинныхъ участкахъ Петрограда, почему приходилось имѣть столкновеніе болѣе съ простымъ народомъ, инциденты съ которымъ, хотя и были, но такъ мало интересны, что описаніе ихъ только утомитъ читателя.

Отъ нѣкоторыхъ судебныхъ приставовъ я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ выселялъ генерала, который упорно не уходилъ изъ квартиры. Послѣ долгихъ и напрасныхъ упрашиваній генералъ былъ вынесенъ торжественно въ креслѣ изъ квартиры.

Другой приставъ выселялъ извѣстную всѣмъ Д., которая ходатайствовала по дѣламъ; желая осложнить выселеніе, она забралась въ ванную комнату и стала принимать ванну. Приставъ долженъ былъ ждать, пока она выйдетъ изъ ванны и одѣнется.

Одинъ провинціальный отставной судебный приставъ откровенно разсказалъ про себя, какъ онъ, много лѣтъ назадъ, взыскивалъ деньги съ упорнаго должника. На требованіе пристава внести деньги, должникъ показалъ свой бумажникъ и сказалъ: „вотъ деньги, но я ихъ не отдамъ“. Возмущенный приставъ не выдержалъ такого издѣвательства, вмѣстѣ съ взыскателемъ повалилъ должника на полъ, отобралъ бумажникъ и, выдавъ присужденную сумму взыскателю, возвратилъ бумажникъ съ остальными деньгами должнику, за что и былъ впослѣдствіи уволенъ въ отставку, а черезъ нѣсколько лѣтъ опубликовано было сенатское рѣшеніе, воспрещающее подвергать должника обыску для арестованія предполагаемаго у него имущества.

М. А. Преображенскій.